БЫЛОЕ

АПРѢЛЬ
1906

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 4 АПРѢЛЬ 1906

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская, 20.
1906.

75240

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Сергѣй Петровичъ Дегаевъ. Изъ воспоминаній **Анны Прибылевой-Корбы** 1
2. Дегаевщина *(Матеріалы и документы)* 18
3. Къ біографіи Адама Мицкевича 1829. *(По неизданнымъ матеріаламъ)* 39
4. Поручикъ Ѳедоръ Кречетовъ. Шлиссельбургскій узникъ XVIII столѣтія. **М. Королькова** 43
5. Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ. **М. В. Новорусскаго** 65
6. Стрѣльниковскій процессъ 1883 года въ Одессѣ. *(Отрывки изъ воспоминаній государственнаго преступника)*. **П. Надина**. 84
7. Страница изъ давно написанныхъ воспоминаній (Н. А. Желваковъ) **Л**. 103
8. Семенъ Олейничукъ. **П. Е. Щеголева** 107
9. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго. *(По неизданнымъ источникамъ)*. Продолженіе. **М. К. Лемке** 125
10. Изъ бумагъ декабриста И. Д. Якушкина. (*Сообщилъ В. Е. Якушкинъ*). 188
11. Польская с.-р. партія «Пролетаріатъ» 1882—1886. *(Общій обзоръ дѣятельности)*. **Л. Василевскаго (Плохоцкаго)**. 194
12. Изъ воспоминаній объ А. И. Желябовѣ. **П. П. Семенюты**. 216
13. Изъ воспоминаній о 1881 годѣ. **Сергѣя Иванова** . . . 228
14. Къ характеристикѣ П. Я. Чаадаева. **М. О. Гершензона**. 243
15. Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. Продолженіе. **Н. П. Сильванскаго** 254

стр.

16. Каракозовскій процессъ *(Нѣкоторыя свѣдѣнія и воспоминанія).* **Д. В. Стасова** 276
17. 4-е апрѣля 1866 года *(Изъ моихъ воспоминаній).* **П. И. Вейнберга** 299
18. Изъ полицейскихъ разслѣдованій 1882 года касательно «противоправительственныхъ сообществъ не столь вредныхъ» 304
19. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** Литографированная записка М. В. Буташевича-Петрашевскаго — 61. Голуби, стих. Н. А. Саблина — 64. Письмо М. Ф. Пантелѣева къ мин. вн. дѣлъ Сипягину—214. Къ исторіи отправленія декабристовъ въ Сибирь . 226
20. Книги и матеріалы, поступившіе въ редакцію 317
21. Современная лѣтопись 319
22. Объявленія 343

Въ этой книгѣ помѣщены: портреты А. П. Прибылевой-Корба, Людвига Варынскаго, Н. А. Желвакова, Д. В. Каракозова; виды Шлиссельбургской крѣпости и факсимиле объявленія о розыскѣ С. П. Дегаева.

Анна Павловна
ПРИБЫЛЕВА (КОРБА).

Сергѣй Петровичъ Дегаевъ.

(Изъ воспоминаній).

Лично я знала Сергѣя Дегаева въ теченіе 2½ лѣтъ: съ 80 до половины 82 года. Знакомство это было чисто дѣловое, къ которому не примѣшивалась ни дружба, ни просто симпатія. Проблескъ болѣе живого интереса къ его личности я почувствовала только въ тотъ моментъ, когда узнала о выходѣ его изъ дома предварительнаго заключенія въ мартѣ 81 года. Но освобожденіе человѣка изъ тюрьмы всегда является желаннымъ событіемъ, и не надо быть очень привлекательной личностью, чтобы вызвать радость въ своихъ знакомыхъ однимъ фактомъ появленія среди нихъ послѣ заключенія, какова бы ни была его продолжительность.

Дегаевъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые не отличаются привлекательностью. Я не знаю ни одного изъ нашихъ революціонеровъ, кто бы относился когда-либо къ нему съ любовью или питалъ къ нему чувство дружеской привязанности. Но объ отношеніяхъ революціонеровъ къ Дегаеву я скажу позднѣе; теперь же замѣчу, что все сообщенное мною о немъ изъ періода времени, послѣдовавшаго за моимъ арестомъ, я слышала отъ лицъ, истинность словъ которыхъ стоитъ внѣ сомнѣнія.

Дегаевъ по образованію былъ артиллерійскій офицеръ и служилъ въ кронштадтской крѣпостной артиллеріи. Одно время онъ былъ слушателемъ артиллерійской академіи, но удаленъ оттуда за неблагонадежность. Потомъ онъ вышелъ въ отставку. Большія способности къ математикѣ, какъ и вообще хорошія способности, соединенныя съ большою трудоспособностью, возбудили въ немъ желаніе поступить въ институтъ путей сообщенія. Онъ это и исполнилъ, и въ годы, къ которымъ относятся мои воспоминанія, онъ состоялъ уже студентомъ института.

Сношенія Дегаева съ революціоннымъ міромъ Петербурга начались въ концѣ 70-хъ годовъ. И такъ какъ онъ всегда могъ представить наилучшія рекомендаціи послѣдующимъ дѣятелямъ на революціонномъ поприщѣ, то его связи продолжались также съ народовольцами, программу которыхъ онъ раздѣлялъ. Его считали полезнымъ членомъ партіи: онъ велъ, насколько это было выполнимо, пропаганду между студентами-путейцами и предоставилъ народовольцамъ знакомство съ нѣкоторыми радикалами-офицерами

изъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ. Между прочимъ, Дегаевъ въ 80 г. служилъ связующимъ звеномъ между партіей Народной Воли и центральнымъ петербургскимъ студенческимъ кружкомъ, всѣ члены котораго ему поэтому были извѣстны. Вообще онъ никогда не отказывался исполнять порученія, которыя ему давались членами Исполнительнаго Комитета. Состава послѣдняго Дегаевъ не зналъ, но несомнѣнно, что, приходя часто въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми его членами, онъ догадывался о ихъ принадлежности къ Комитету.

Въ 80 г. Дегаевъ перевезъ въ Петербургъ свою семью съ юга Россіи. Семья эта состояла изъ матери, двухъ сестеръ, изъ которыхъ старшая была замужемъ за техникомъ М., окончившимъ курсъ въ Московскомъ техническомъ училищѣ, и младшаго брата Владимира.

Кажется, не будетъ ошибкою, если я скажу, что семья Дегаева была очень романтична. Ей нравилось все необыкновенное и чрезвычайное. И эта любовь къ исключительному вліяла на поступки всѣхъ членовъ семьи. Старшая сестра Дегаева была убѣждена, что въ ней кроется большой сценическій талантъ, и готовилась стать знаменитостью. Пріѣхавъ въ Петербургъ, она пожелала дебютировать передъ большой публикой. Нѣкоторые радикалы, знакомые ея брата, доставили ей знакомство съ Артистическимъ Кружкомъ, и на его сценѣ долженъ былъ состояться дебютъ жаждавшей проявить свой талантъ артистки. Драматическій вечеръ состоялся, сестра Дегаева выступила съ большой смѣлостью, но успѣха не имѣла. Она не обладала красотой, которая могла бы подкупить зрителей, таланта въ ней не открыли, а дикцію ея нашли манерной и нехудожественной. Неудача сразу охладила рвеніе къ театру молодой особы, и вскорѣ послѣ своего провала (иначе нельзя назвать холодность, съ которой встрѣтила ее публика) она уѣхала обратно изъ Петербурга въ Харьковъ.

Лѣтомъ 81 г. мнѣ случилось быть въ Харьковѣ, и по просьбѣ матери Дегаева, тогда жившей у замужней дочери, я посѣтила ее. Въ этотъ мой пріѣздъ хозяйка дома, которая, къ слову сказать, очень мало меня знала, увѣряла меня, что въ бытность ея въ Парижѣ, за годъ или за 2 до того, Петръ Лавровичъ Лавровъ объяснялся ей пламенно въ любви, но она устояла противъ всѣхъ искушеній. Теперь, какъ и тогда, я считаю этотъ разсказъ старшей сестры Дегаева плодомъ ея фантазіи и любви къ романтизму. Мои усилія убѣдить ее, что она ошибочно приняла какую-нибудь дружескую бесѣду за объясненіе въ любви, не привели ни къ чему. Она твердо стояла на томъ, что П. Л. былъ безъ ума въ нее влюбленъ, и, видимо, это убѣжденіе доставляло ей большое удовольствіе.

Младшую сестру звали Лизой, и она просила радикаловъ, бывавшихъ въ Петербургѣ въ квартирѣ ея брата, называть ее этимъ уменьшительнымъ именемъ. Въ 80 г. это была молодая дѣвушка лѣтъ 21—22, красивой наружности, одѣтая всегда съ претензіей

на изящество и даже кокетство. Она училась въ петербургской консерваторіи и, по мнѣнію ея родныхъ, очень хорошо играла на фортепіано.

Тотчасъ послѣ переселенья своей семьи въ Петербургъ, Сергѣй Петровичъ сталъ настаивать на томъ, чтобы представители Народной Воли, которыхъ онъ зналъ, сирѣчь члены Исполнительнаго Комитета, посѣтили его съ цѣлью познакомиться съ его матерью и сестрами. Не желая оскорбить Дегаева отказомъ, нѣкоторые члены Комитета рѣшили пожертвовать нѣсколькими часами драгоцѣннаго времени для скучнаго и не представлявшаго ни малѣйшаго интереса посѣщенія. Послѣ много разъ повтореннаго приглашенія, Желябовъ и, кажется, еще кое-кто отправились къ Дегаевымъ. Въ этотъ вечеръ Лиза играла на роялѣ, но игра ея впечатлѣнія на гостей не произвела, и все дѣло ограничилось лишь нѣсколькими вынужденными съ ихъ стороны по адресу Лизы комплиментами.

Такъ какъ Дегаевъ былъ очень чувствителенъ къ знакамъ уваженія и довѣрія, оказываемымъ его семьѣ, то народовольцы и послѣ этого вечера посѣщали его. Они пользовались его квартирой для маловажныхъ свиданій или для другихъ подобныхъ цѣлей. Старуха мать смотрѣла очень благосклонно на эти посѣщенія и принимала гостей съ неизмѣннымъ радушіемъ и привѣтливостью. Что руководило ею при этомъ? Сама она производила впечатлѣніе мало развитой и мало образованной женщины, наружностью напоминавшей чиновницу средней руки или что-нибудь въ этомъ родѣ. Она знала, что гости ея сына принадлежатъ къ виднымъ революціоннымъ дѣятелямъ, и любила изъ ихъ устъ слышать самыя свѣжія новости изъ революціоннаго міра, дѣяніями котораго былъ полонъ тогда весь Петербургъ. Ея внезапное увлеченіе революціоннымъ движеніемъ было правдиво, иначе она сдѣлалась бы доносчицей, но оно не могло быть глубокимъ, такъ какъ началось со вчерашняго дня.

Тщеславіе было свойственно семьѣ Дегаевыхъ, и возможно, что съ своей стороны мать лелѣяла заманчивые планы будущаго. Можетъ быть, ей мерещилось, что когда-нибудь эти смѣлые люди съ выразительными и обаятельными лицами составятъ счастье горячо любимыхъ дѣтей ея! Впрочемъ, къ чести госпожи Дегаевой надо сказать, что ей не были чужды и вполнѣ человѣчныя чувства, источникомъ которыхъ являлись непосредственные импульсы сердца. Когда послѣ 1 марта 1881 года она узнала изъ приговора осужденныхъ, что у Гесси Гельфманъ долженъ родиться ребенокъ, она вызвала меня къ себѣ черезъ кого-то и со слезами на глазахъ просила помочь ей получить этого ребенка на воспитаніе. Я обѣщалась сдѣлать все, что будетъ возможно, но уже тогда выразила сомнѣніе въ осуществимости такого проекта. Когда же я посѣтила почтенную даму въ Харьковѣ, я должна

*

была ей сказать, что доброе намѣреніе ея оказалось невыполнимымъ [1]).

На Елизаветѣ Петровнѣ Дегаевой вполнѣ оправдалось мое мнѣніе о томъ, что семья эта была обуреваема романтизмомъ. Въ день исполненія приговора надъ первомартовцами она захотѣла непремѣнно присутствовать при казняхъ. Остальные члены семьи отказались ей сопутствовать, и она отправилась одна на лобное мѣсто Петербурга. Ужасное зрѣлище вызвало въ ней обморочное состояніе. Она пошатнулась и упала въ предупредительно разставленныя подлѣ нея объятія «гороховаго пальто» [2]), у котораго оказался припасенный пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ. Нашатырный спиртъ и любезность кавалера привели барышню въ чувство. Молодой человѣкъ предложилъ ей отвезти ее домой, на что она охотно согласилась. Подъѣзжая на извозчикѣ къ своей квартирѣ, барышня попросила своего спутника зайти къ ней, чтобы представиться ея мамашѣ, которая будетъ очень рада познакомиться съ спасителемъ ея дочери. Носитель гороховаго пальто не заставилъ себя упрашивать и былъ ласково принятъ матерью,—Сергѣемъ Петровичемъ же хмуро и недовѣрчиво. Его пригласили къ семейному обѣду, за которымъ онъ одинъ говорилъ. Онъ выдалъ себя за служащаго въ какой-то строительной конторѣ и увѣрялъ, что это учрежденіе даетъ хорошіе заработки переписчикамъ его бумагъ. Елизавета Петровна съ одушевленіемъ стала его просить доставить ей переписку, такъ какъ она давно уже ищетъ работы, желая скопить нѣсколько денегъ для поступленія на высшіе женскіе курсы. Нечего и говорить, что ея желаніе было болѣе чѣмъ быстро исполнено. На другой же день кавалеръ явился съ пачкою бумагъ подъ мышкой и поручилъ барышнѣ ихъ переписку на весьма выгодныхъ условіяхъ. Его посѣщенія участились и стали обыкновеннымъ явленіемъ въ квартирѣ Дегаевыхъ. Безпокойство Сергѣя Петровича росло, такъ какъ его наблюденія надъ новымъ знакомымъ ничего хорошаго ему не говорили. Онъ повидался съ Савеліемъ Златопольскимъ [3]), пребывавшимъ тогда въ Петербургѣ. Златопольскій справился въ

---

[1]) Впослѣдствіи въ 1882 г., находясь въ домѣ предварительнаго заключенія, я узнала, что ребенокъ Г. Гельфманъ тотчасъ послѣ его рожденія былъ увезенъ въ каретѣ, въ которой помѣстились тогдашній начальникъ тюрьмы и начальница женскаго отдѣленія ея. Куда эти лица увезли ребенка—неизвѣстно, но вѣроятно въ воспитательный домъ. (Намъ безусловно извѣстно, что именно въ воспитательный домъ. *Ред.*). Сама Гесся умерла вскорѣ послѣ родовъ отъ недостатка медицинской помощи. Свидѣтельницы ея послѣднихъ дней говорили мнѣ, что невозможно было видѣть безъ содроганія муки бѣдной страдалицы, заключенной въ одиночной камерѣ, лишенной всякаго ухода. Никто не старался облегчить ея страданія. Насильственный увозъ ребенка несомнѣнно ускорилъ смерть Гесси.

[2]) Быть можетъ инымъ изъ нашихъ молодыхъ читателей неизвѣстно, что „гороховыми пальто", съ легкой руки пустившаго это выраженіе въ обращеніе Щедрина, долгое время назывались въ нашемъ обществѣ и литературѣ „тайные агенты полиціи", т. е., по просту говоря, шпіоны. *Ред.*

[3]) Приговоренъ къ смерти въ 1883 г. по процессу 17-ти (судился вмѣстѣ съ авторомъ настоящихъ воспоминаній), былъ затѣмъ „помилованъ" замѣною смерти вѣчной каторгой и умеръ въ Шлиссельбургѣ. *Ред.*

спискѣ шпіоновъ, которымъ обладалъ Исполнительный Комитетъ со времени Клѣточникова [1]). Въ немъ значится новый знакомый Дегаевыхъ съ именемъ, отчествомъ, фамиліей и съ примѣтами его привлекательной наружности.

Сергѣй Петровичъ просилъ пришельца прекратить посѣщеніе его дома подъ предлогомъ, что не желаетъ, чтобы его сестра вела знакомство съ молодымъ человѣкомъ, никѣмъ ей не рекомендованнымъ.

Въ 80 г. Владимиру Дегаеву было 19 лѣтъ. Онъ былъ небольшого роста, съ свѣтло-пепельными волосами, съ очень блѣднымъ лицомъ, сохранившимъ, какъ и симпатичные глаза, почти дѣтское выраженіе; вслѣдствіе этого юноша казался много моложе своихъ лѣтъ. Онъ учился въ морскомъ корпусѣ, но былъ удаленъ оттуда за неблагонадежность, послѣ чего поступилъ на службу въ правленіе какой-то желѣзной дороги, кажется Рязанской. Въ этомъ же учрежденіи занимался, будучи въ то же время студентомъ, и его братъ Сергѣй. Познакомившись черезъ своего брата съ революціоннымъ движеніемъ, онъ искренно и горячо имъ увлекся. Изъ всѣхъ Дегаевыхъ, въ томъ числѣ и Сергѣя, Володя былъ наиболѣе способенъ къ воспріятію идей. Въ отличіе отъ другихъ членовъ семьи онъ могъ руководиться ими въ своихъ поступкахъ, не повинуясь скрытымъ побужденіямъ тщеславія, любви къ чрезвычайному и т. п. Мысль, что началась борьба за освобожденіе Россіи отъ самодержавнаго произвола, что и онъ можетъ принять участіе въ этой борьбѣ, наполнила его дѣтски чистую душу восторгомъ, подъ вліяніемъ котораго онъ былъ готовъ на самыя большія жертвы. Къ революціонерамъ, посѣщавшимъ его брата, онъ относился съ благоговѣніемъ. Эти суровые люди, всегда поглощенные дѣлами и сосредоточенные на задачахъ дня, на минуту забывались въ разговорѣ съ нимъ; его искреннее увлеченіе вызывало на ихъ лицахъ дружескую улыбку, и симпатіи къ юношѣ зарождались въ ихъ сердцахъ. Мнѣ приходилось слышать отъ многихъ нашихъ народовольцевъ, что у Володи болѣе цѣльный характеръ, чѣмъ у его брата, что онъ самый симпатичный изъ всѣхъ Дегаевыхъ.

Погромы начала 81 года положили конецъ частымъ сношеніямъ революціонеровъ съ С. Дегаевымъ. Около того же времени Володя попался съ прокламаціями и былъ посаженъ въ домъ предварительнаго заключенія. Его арестъ уже продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, когда однажды знаменитый Судейкинъ вызвалъ его къ себѣ на допросъ. «Я знаю, что вы мнѣ ничего не скажете,—обратился онъ къ нему,—и не для того я позвалъ васъ, чтобы задавать вамъ безполезные вопросы. У меня другая цѣль относительно васъ. Я хочу предложить вамъ очень выгодныя условія. Ваше дѣло будетъ прекращено, ваша виновность будетъ забыта, если вы мнѣ окажете существенную услугу».—«Какъ!—

---

[1]) См. процессъ 20-ти народовольцевъ въ янв. кн. „Былого“. *Ред.*

воскликнулъ съ негодованіемъ юноша, вы хотите изъ меня сдѣлать шпіона! Кто далъ вамъ право говорить мнѣ подобныя вещи?»— кричалъ онъ, выходя изъ себя. Но Судейкинъ остановилъ его. Начиналась игра кошки съ мышью, столь любимая Судейкинымъ. «Вы даже не выслушали меня, а уже разсердились,—замѣтилъ онъ, самоувѣренно улыбаясь.—Не думайте, что я предназначаю васъ на роль шпіона или предателя. Я не рѣшился бы на это изъ уваженія къ вашей семьѣ; и по васъ вижу, что вы слишкомъ благородны для такихъ ролей. То, что я вамъ предлагаю, заключается въ слѣдующемъ: правительство желаетъ мира со всѣми, даже съ революціонерами. Оно готовитъ широкія реформы. Нужно, чтобы революціонеры не препятствовали дѣятельности правительства. Нужно ихъ сдѣлать безвредными. И помните, ни одного предательства, ни одной выдачи я отъ васъ не потребую».—По мѣрѣ того, какъ произносилась эта рѣчь, Володя больше и больше задумывался. Клѣточниковъ уже былъ арестованъ. Вѣсть о его значеніи для революціонной партіи распространилась по Петербургу. О ней знала вся радикальная молодежь. Многіе юноши мечтали сдѣлаться Клѣточниковыми. Этого желалъ и Володя. Слова Судейкина прозвучали для него откровеніемъ. Оказывать неоцѣнимыя услуги партіи, спасать революціонеровъ отъ опасности! Какая побѣда! Какой ударъ для звѣря, котораго онъ видѣлъ передъ собой! Можетъ быть, судьба именно его, юношу, почти еще мальчика, предназначила для великихъ дѣлъ! И если онъ приметъ предложеніе Судейкина, то только потому, что онъ всѣмъ сердцемъ желаетъ свободы для своей родины, потому что онъ страстно ожидаетъ наступленія царства справедливости и счастья на землѣ.

Судейкинъ уже кончилъ говорить, а Володя молчалъ, погруженный въ свои наивныя мечтанія. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Судейкинъ могъ наслаждаться произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ.

«Я ничего не могу вамъ отвѣтить, опомнился наконецъ Володя, не подумавши надъ вашими словами, но и сейчасъ же скажу вамъ, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ вы не услышите отъ меня ни одного имени, не дождетесь ни одного предательства!» «Я вполнѣ въ этомъ увѣренъ, Владиміръ Петровичъ», воскликнулъ Судейкинъ, внезапно превращаясь въ джентльмена.

Въ тотъ же день Володя былъ освобожденъ. Онъ возвращался домой взволнованный и возбужденный: онъ торопился узнать мнѣніе старшаго брата о предложеніи Судейкина. Совѣщанія съ Сергѣемъ Петровичемъ повели къ тому, что послѣдній отыскалъ представителя Комитета, изъ котораго только одинъ Савелій Златопольскій въ то время проживалъ въ Петербургѣ. Другіе члены комитета находились лѣтомъ 81 года или въ Москвѣ, или въ провинціи.—Златопольскій не отклонилъ Володю отъ мысли поступить на службу къ Судейкину. Онъ выяснилъ юношѣ всю

трудность пути, на который зоветъ его Судейкинъ, указывалъ на возможность того, что его самоотреченіе останется безъ всякихъ результатовъ для партіи и пройдетъ безслѣдно, но онъ не воспротивился рѣшительнымъ образомъ осуществленію проекта Судейкина, тогда какъ одного его слова было бы достаточно, чтобы удержать юношу отъ ложнаго шага. Савелій Златопольскій былъ поглощенъ идеей залѣчить рану, нанесенную партіи арестомъ Клѣточникова. Но соглашаясь на услуги Володи, онъ упускалъ изъ виду, что искусственно и скороспѣло не создаются Клѣточниковы и, въ особенности, не создаются изъ дѣтей! И что еще важнѣе,—онъ забывалъ громадное различіе, которое существуетъ между скрытымъ контръ-шпіономъ и такимъ, который завербованъ правительствомъ изъ рядовъ радикаловъ. Въ первомъ случаѣ, какъ это и было съ Клѣточниковымъ, такое лицо можетъ все болѣе и болѣе пріобрѣтать довѣріе своего начальства, не совершая подлостей. Во второмъ случаѣ, человѣкъ будетъ очень скоро выставленъ за дверь, какъ случилось съ Володей, или же онъ станетъ предателемъ въ самомъ мрачномъ значеніи этого слова и поможетъ правительству тащить революціонеровъ на висѣлицу, какъ сдѣлалъ Сергѣй Дегаевъ.

Для Володи началась его мнимая служба у Судейкина, а въ сущности невѣроятно нелѣпое и тягостное для бѣдняги положеніе. Такъ какъ онъ не давалъ Судейкину никакихъ свѣдѣній, то въ его глазахъ и не имѣлъ никакой цѣны. Самъ онъ, мечтавшій при своемъ дебютѣ узнавать очень многое отъ лицъ, окружавшихъ Судейкина, вскорѣ убѣдился, что онъ и видитъ-то только безмолвнаго швейцара у подъѣзда, да жандарма, который подавалъ чай въ кабинетъ, гдѣ происходили свиданія Володи съ Судейкинымъ. Было очевидно, что послѣдній черезъ своего молодого агента желаетъ прослѣдить народовольцевъ, а если возможно, то и членовъ Исполнительнаго Комитета; поэтому Златопольскій никогда не видался съ Володей, а посредникомъ между ними былъ Сергѣй Дегаевъ. Кромѣ скрытыхъ цѣлей, которыя имѣлъ въ виду Судейкинъ, завязывая сношенія съ Володей, онъ открыто ставилъ требованіе, чтобы тотъ сообщалъ ему о настроеніяхъ и новыхъ теченіяхъ, съ которыми онъ будетъ встрѣчаться, а главное, чтобы онъ сообщалъ ему, если услышитъ о готовящихся террористическихъ фактахъ. Между Судейкинымъ и Володей произошелъ однажды такой разговоръ:

Судейкинъ: Вы обращаете мое предпріятіе въ шутку, такъ какъ ничего не дѣлаете, чтобы оправдать довѣріе, которое я вамъ оказалъ.

Володя: Я совершенно серьезно смотрю на принятыя мною передъ вами обязательства, но я ничего не знаю, потому что боюсь показаться куда бы то ни было. Ваши агенты выслѣдятъ тѣхъ невинныхъ людей, къ которымъ я пойду, донесутъ вамъ на нихъ, и вы ихъ арестуете.

Судейкинъ: Я далъ приказъ, чтобы за вами не слѣдили.

О настроеніи въ революціонной средѣ Володя постоянно сообщалъ, что, насколько ему извѣстно, оно не измѣнялось, а о террористическихъ фактахъ докладывалъ, что о нихъ ничего не слышно. Такъ тянулось дѣло до начала 82 г.

Въ январѣ или въ февралѣ Володя попросилъ у Судейкина командировку за границу. Предлогомъ для своей поѣздки онъ выставилъ намѣреніе сблизиться съ эмигрантами и заручиться ихъ рекомендаціями, съ которыми онъ де и пріѣдетъ въ Петербургъ для того, чтобы завязать болѣе тѣсныя сношенія съ радикальною молодежью. Непремѣннымъ условіемъ онъ ставилъ, чтобы заграничные шпіоны ничего не знали о его пріѣздѣ, иначе онъ грозилъ немедленно порвать всякія сношенія съ Судейкинымъ. Послѣдній согласился на это условіе и сдержалъ обѣщаніе, но Володя мало отъ этого выигралъ. Пріѣзду его въ Парижъ предшествовало письмо Златопольскаго, въ которомъ тотъ характеризовалъ положеніе молодого Дегаева безъ утайки, такимъ, какъ оно было въ дѣйствительности. Но когда парижскіе эмигранты увидали Володю, посланнаго къ нимъ одновременно и Исполнительнымъ Комитетомъ и Судейкинымъ, увидали юношу, недавно вышедшаго изъ отрочества, то тотчасъ же отказались имѣть съ нимъ какія бы то ни было дѣла, отказывались даже отъ дальнѣйшихъ встрѣчъ съ нимъ. Володя вернулся въ Петербургъ не солоно хлебавши. Впрочемъ, онъ выѣхалъ изъ-за границы не тотчасъ послѣ своей неудачи. Во-первыхъ, ее надо было скрыть отъ Судейкина и потому продолжить пребываніе заграницей. Во-вторыхъ, одна изъ причинъ его поѣздки состояла въ томъ, что ему надо было передохнуть отъ той удушливой атмосферы, въ которую онъ попалъ, и хоть на время избавиться отъ душившаго его кошмара. Онъ прожилъ нѣсколько недѣль за границею, употребляя свой досугъ на чтеніе и самообразованіе.

Судейкинъ встрѣтилъ его довольно сурово. Онъ заявилъ ему, что до сихъ поръ не видалъ результатовъ отъ своихъ стараній извлечь какую-нибудь пользу изъ дѣятельности своего молодого агента и отъ расходовъ, потраченныхъ на него, что онъ ему даетъ еще нѣкоторое время для исправленія дурного мнѣнія, которое онъ составилъ о его пригодности къ «дѣлу», но, если образъ дѣйствія его не измѣнится, то имъ придется разстаться. Володя обѣщался оправдать оказанное ему довѣріе и совершенные для него расходы. Надо правду сказать: расходы эти были очень незначительны, и ихъ едва хватало на покрытіе незатѣйливыхъ Володиныхъ потребностей.

Вскорѣ послѣ этой начальнической головомойки состоялось знакомство Сергѣя Дегаева съ Судейкинымъ по иниціативѣ перваго изъ нихъ. Но о свиданіяхъ героевъ позднѣйшей драмы я разскажу въ своемъ мѣстѣ, когда перейду къ фактамъ, относящимся къ дѣятельности Дегаева, теперь же тороплюсь къ развязкѣ похожденій его младшаго брата.

Поведеніе Володи не могло измѣниться, и потому въ глазахъ

Судейкина онъ оставался по-старому плохимъ служащимъ, котораго предстояло уволить не сегодня—завтра. Въ маѣ Судейкинъ призвалъ его къ себѣ, чтобы дать ему окончательную отставку. Онъ излилъ передъ нимъ всю горечь своего разочарованія и въ заключеніе сообщилъ ему обязательства, которыя въ дальнѣйшемъ на него налагались. Для Володи наступилъ призывной возрастъ, и онъ долженъ былъ отбывать воинскую повинность. Судейкинъ потребовалъ, чтобы онъ отправился въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Саратовѣ. «Устройтесь такъ, сказалъ онъ ему на прощаніе, чтобы правительство никогда больше не слышало о васъ». Это звучало угрозой, и Володя съежился подъ ея ударомъ. Этимъ онъ доказалъ, что былъ, хотя и вполнѣ чистоплотной, но въ сущности слабой личностью. Онъ поторопился сдать юнкерскій экзаменъ и выѣхалъ на службу въ Саратовъ. Съ тѣхъ поръ онъ погрузился въ неизвѣстность, и имя его покрыто забвеніемъ. Самое первое время у Володи были еще нѣкоторыя сношенія съ проживавшими въ Саратовѣ нелегальными Франжоли и его женой Завадской, но съ отъѣздомъ ихъ изъ Саратова всякія связи радикальнаго міра съ Володей оборвались совершенно и, кажется, болѣе никогда не возобновлялись.

Желая возстановить, насколько возможно, прошлое Сергѣя Дегаева, я намѣренно долго останавливалась на описаніи его семьи, такъ какъ она составляетъ ту среду, къ которой онъ самъ принадлежалъ. Семья эта не была ни дурна, ни порочна, но чего ей абсолютно не доставало—это твердо установившихся принциповъ и знанія тѣхъ границъ, на которыхъ останавливается чуткая совѣсть или гордое самоуваженіе. Она являла собою зыбкую почву и не могла дать русскому революціонному движенію закаленнаго борца за свободу; она дала ему человѣка способнаго, предпріимчиваго, дѣятельнаго, но тщеславнаго, лишь посредственно смѣлаго, принимавшаго участіе въ опасныхъ предпріятіяхъ частью изъ тщеславія и, можетъ быть, также изъ любви къ чрезвычайному, столь свойственной всему семейству Дегаевыхъ. И этотъ человѣкъ, когда очутился въ тюрьмѣ и увидалъ въ перспективѣ для себя каторгу, не выдержалъ испытанія и палъ до самыхъ низовъ той пропасти, гдѣ кроются измѣна, предательство, шпіонство.

Такимъ Дегаевъ обнаружился впослѣдствіи, въ 80 и 81 же годахъ онъ неизмѣнно оказывался хорошимъ работникомъ на разныхъ революціонныхъ поприщахъ и вѣрнымъ сотрудникомъ народовольцевъ, которые относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ, считали его своимъ человѣкомъ и никогда не сомнѣвались въ его добропорядочности. Самъ Дегаевъ не былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Въ февралѣ 1881 г. онъ поручилъ Х. передать Комитету, что чувствуетъ себя обиженнымъ. Онъ жаловался на то, что въ то время, когда онъ дѣлаетъ для революціоннаго движенія все, что только можетъ, и готовъ отдать ему всѣ свои

силы, Комитетъ всетаки считаетъ его недостойнымъ стать въ его ряды.

Комитетъ отвѣтилъ черезъ лицо, передававшее жалобу Дегаева, что очень цѣнитъ его услуги, вполнѣ вѣритъ въ его искренность, безусловно довѣряетъ ему, и если не вводитъ его въ учрежденіе, стоящее во главѣ движенія, то только потому, что не находитъ его достаточно революціоннымъ. Если же онъ желаетъ проявить свое рвеніе къ дѣлу, ему предоставятъ возможность участвовать въ работахъ по террористическому факту, которыя въ данный моментъ ведутся.—Дегаевъ удовлетворился отвѣтомъ и выразилъ согласіе на предложеніе Комитета. Его допустили къ участію въ подкопѣ на Малой Садовой улицѣ, гдѣ минныя работы велись только по ночамъ и, само собой разумѣется, представляли большой рискъ и большую опасность. Этотъ искусъ Дегаевъ прошелъ благополучно, но положеніе его не измѣнилось, и, повидимому, мысль проникнуть въ Комитетъ не оставляла его и по временамъ тревожила. Предположеніе мое подтверждается тѣмъ, что гораздо позднѣе, зимой 82 г. (въ январѣ), Дегаевъ повторилъ мнѣ свои жалобы. Большіе аресты народовольцевъ уже произошли тогда, и это обстоятельство въ глазахъ Дегаева значительно увеличило его шансы попасть въ Комитетъ.

Я возвращалась однажды съ нимъ по желѣзной дорогѣ изъ Кронштадта, куда мы ѣздили по дѣламъ военнаго кружка. Вагонъ, въ который мы помѣстились, былъ пустой, никто не могъ услышать нашъ разговоръ, и Дегаевъ воспользовался случаемъ, чтобы излить передо мною свое неудовольствіе: онъ перечислялъ свои заслуги и разсказывалъ о своихъ тщетныхъ усиліяхъ достичь равноправія съ заправилами партіи. «Отношеніе Комитета ко мнѣ становится еще болѣе непонятнымъ,—говорилъ онъ—послѣ арестовъ многихъ его членовъ. Не можетъ же Комитетъ отрицать, что онъ понесъ большія потери, такъ какъ столько выдающихся людей не могли не принадлежать къ его составу».

Не желая поддерживать разговоръ на эту тему, я выразила Дегаеву соболѣзнованіе по поводу его положенія и совѣтовала ему настаивать на своемъ пріемѣ.

Разумѣется, при томъ безлюдіи, которое ощущалъ въ то время Комитетъ, единственнымъ препятствіемъ для принятія Дегаева служило, какъ и раньше, убѣжденіе, что онъ не придастъ ему силы. Его не признавали самостоятельнымъ носителемъ революціонной идеи, и это мнѣніе Комитета являлось непреодолимой преградой, которую Дегаевъ встрѣчалъ на своемъ пути.

Испытывалъ-ли когда-нибудь Дегаевъ искушеніе сдѣлаться предателемъ ранѣе, чѣмъ онъ сталъ имъ фактически? На этотъ вопросъ врядъ-ли можетъ отвѣтить кто-либо, кромѣ него самого. Теоретически мысль его останавливалась на случаяхъ предательства, и онъ углублялся въ ихъ анализъ. Я заключила объ этомъ изъ словъ, сказанныхъ имъ мнѣ незадолго до 1 марта

1881 года, въ тотъ періодъ времени, когда онъ работалъ въ подкопѣ на М.-Садовой.

Мы встрѣтились въ посторонней квартирѣ. Поговоривъ о дѣлѣ, ради котораго мы пришли, Дегаевъ остался сидѣть у стола, за которымъ мы помѣщались. У меня было нѣсколько минутъ свободныхъ, и я не торопилась уйти. Помолчавъ немного, онъ сказалъ, что его очень интересуетъ вопросъ, почему въ Россіи всегда счастливо доводятся до конца политическіе заговоры? Не было случая, чтобы у насъ заговоры не удавались вслѣдствіе доноса, тогда какъ въ другихъ странахъ судьба политическихъ заговоровъ была совершенно иная, и чаще всего они разоблачались въ самомъ началѣ своего возникновенія. Меня удивила неожиданность этой темы; все же я, вѣроятно, никогда не вспомнила бы о тогдашнемъ разговорѣ съ Дегаевымъ, еслибъ не произошелъ позднѣйшій поворотъ въ его жизни. Я отвѣтила ему, что вижу причины удачи политическихъ заговоровъ въ Россіи въ томъ, что они являются народнымъ, а не партійнымъ дѣломъ,—и тотъ, кто захотѣлъ бы стать измѣнникомъ революціоннаго предпріятія въ Россіи, долженъ бы сдѣлаться прежде всего предателемъ народнаго освобожденія, и это вѣроятно чувствуется всякимъ, кто былъ бы способенъ на доносъ.

Дегаевъ согласился съ моимъ мнѣніемъ, и мы разстались.

Вскорѣ послѣ 1 марта Дегаевъ былъ арестованъ по пустяшному подозрѣнію или, вѣрнѣе, потому, что тогда всѣхъ арестовывали. Онъ легко выпутался изъ бѣды, доставивъ неопровержимыя доказательства того, что онъ всецѣло поглощенъ легальными занятіями, и у него не остается времени для революціонныхъ увлеченій. Дѣйствительно, онъ готовился къ экзаменамъ, давалъ уроки и бралъ изъ министерства заказную чертежную работу. Ему удалось также доказать, что его довольно многочисленная семья существовала исключительно на его заработки. Конечно, всего этого было достаточно, чтобы заполнить время всякаго зауряднаго работника; слѣдствіе нашло Дегаева вполнѣ благонамѣреннымъ, и послѣ нѣсколькихъ дней онъ былъ выпущенъ. По окончаніи экзаменовъ онъ получилъ командировку въ Архангельскую губернію для инженерныхъ изысканій.

По дорогѣ въ Архангельскъ онъ видѣлся въ Москвѣ съ нѣкоторыми членами Комитета. Его братъ въ то время началъ уже свою карьеру у Судейкина, и Дегаевъ говорилъ объ этомъ въ Москвѣ. Отъ членовъ Комитета ему пришлось выслушать упреки въ томъ, что онъ не воспротивился службѣ малолѣтняго брата своего у Судейкина.

Вообще, можно сказать, что остальные члены Комитета порицали Златопольскаго за его затѣю съ Володей Дегаевымъ. Они много разъ настаивали, чтобы сношенія съ нимъ были прекращены, но Златопольскій постоянно просилъ отсрочки для окончанія дѣла, надѣясь въ концѣ концовъ извлечь изъ него пользу для партіи.

Въ Архангельскѣ Дегаевъ женился на тамошней мѣщанкѣ, не отличавшейся ни образованіемъ, ни нравственнымъ развитіемъ; эта особа, разумѣется, не могла способствовать облагораживанію духовнаго облика своего мужа.

Вернувшись осенью въ Петербургъ, Дегаевъ продолжалъ свои занятія въ институтѣ путей сообщенія и сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ С. Златопольскаго, все еще остававшагося единственнымъ представителемъ Комитета въ Петербургѣ. Это былъ періодъ расцвѣта революціонной военной организаціи, насчитывавшей въ своихъ рядахъ много энергичныхъ и выдающихся личностей. Пропаганда велась въ разныхъ городахъ Россіи и шла очень успѣшно. Молодые офицеры жаждали продолженія дѣятельности партіи Народной Воли и готовы были поддержать ее всѣми средствами, которыми располагали.

Однако же силы Народной Воли были такъ надорваны, что о новыхъ предпріятіяхъ не могло быть и рѣчи. Приходилось только пополнять кадры революціонеровъ для того момента, когда Комитетъ почувствуетъ себя опять сильнымъ попрежнему. Этого никогда не случилось.

Февральскіе аресты въ Москвѣ причинили Комитету новыя потери.

Осенью 81 г., правда, еще нельзя было предвидѣть такого исхода. Общее настроеніе въ Петербургѣ было бодрое, а успѣхи военной организаціи предвѣщали новыя побѣды въ будущемъ.

Сношенія съ кронштадтскимъ военнымъ кружкомъ въ это время вплоть до весны 82 г. въ значительной степени велись Дегаевымъ, такъ какъ Златопольскій не имѣлъ возможности часто отлучаться изъ Петербурга. Онъ ввелъ въ кружокъ Дегаева, который зналъ такимъ образомъ весь его составъ. Нѣкоторые члены кружка были ему знакомы ранѣе и онъ же рекомендовалъ ихъ Комитету.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сергѣй Дегаевъ служилъ посредникомъ между своимъ братомъ и Златопольскимъ, о чемъ я упоминала раньше. (Въ его отсутствіе изъ Петербурга эта обязанность лежала на другомъ лицѣ). Впрочемъ, позднѣе, и въ особенности послѣ того, какъ онъ убѣдился въ осторожности Володи, Златопольскій иногда лично видался съ нимъ. Въ такомъ положеніи я застала дѣла, когда возвратилась въ Петергургъ въ началѣ января 82 г. послѣ болѣе чѣмъ полугодовой отлучки.

Въ мартѣ Златопольскій уѣхалъ въ Москву и былъ тамъ арестованъ. Его замѣнили въ Петербургѣ Грачевскій и другое лицо, которые были присланы для усиленія Комитета.

На очереди стало дѣло объ убійствѣ Судейкина. Онъ успѣлъ произвести такое опустошеніе въ рядахъ Комитета и всей партіи, что неизбѣжно возникъ вопросъ объ его устраненіи, которое становилось условіемъ, при которомъ только возможно было дальнѣйшее существованіе самой партіи «Нородной Воли». Въ моментъ пріѣзда Грачевскаго въ Петербургъ планъ убійства еще

не былъ выработанъ. Одно было ясно, что Володя для этой цѣли непригоденъ, и о немъ, какъ объ исполнителѣ, никто даже не подумалъ. Съ своей стороны Сергѣй Дегаевъ рѣшился лично познакомиться съ Судейкинымъ, о чемъ онъ говорилъ Грачевскому и о чемъ съ нимъ совѣтовался. Володя долженъ былъ сказать Судейкину, что Сергѣй Петровичъ сильно стѣсненъ въ деньгахъ и ищетъ письменной работы, что онъ поручилъ спросить у него, Судейкина, не можетъ-ли онъ ему доставить чертежную работу или переписку бумагъ.

Оба,—Дегаевъ и Грачевскій,—разсчитывали на то, что Судейкинъ приметъ эту просьбу, какъ шагъ къ сближенію съ нимъ и пойдетъ ему на встрѣчу. Дегаевъ уже зналъ, что убійство Судейкина рѣшенное дѣло. Онъ высказалъ Грачевскому свое мнѣніе о томъ, что необходимо для партіи, въ видахъ самосохраненія, покончить съ Судейкинымъ. Это понимали въ то время всѣ, стоявшіе близко къ дѣламъ Народной Воли и принимавшіе участіе въ ея судьбѣ. На слова Дегаева Грачевскій отвѣтилъ, что рѣшеніе Комитета уже состоялось, и что лично онъ занятъ приведеніемъ этого рѣшенія въ исполненіе. Дегаевъ не брался за убійство Судейкина, но желалъ быть полезнымъ при выслѣживаніи Судейкина и надѣялся, что его знакомство съ нимъ обнаружитъ до нѣкоторой степени образъ его жизни, привычки, а, можетъ быть, и квартиру.

Но выслѣдить Судейкина было очень трудно. У него оказалась не одна, а множество квартиръ, разбросанныхъ по всему Петербургу, которыя онъ посѣщалъ не въ опредѣленные сроки, а когда вздумается. Къ тому же эти квартиры были очень недолговѣчны: послѣ 2-3 посѣщеній онѣ бросались, и заводились новыя. Ѣздилъ онъ по преимуществу въ наемныхъ каретахъ, и иногда усаживалъ въ такую карету того человѣка, который ему нуженъ былъ для переговоровъ.

Разсчетъ Дегаева и Грачевскаго оправдался. Какъ только Судейкинъ узналъ о просьбѣ Сергѣя Петровича, онъ выразилъ желаніе познакомиться съ братомъ своего молодого агента и обѣщался помочь ему въ его нуждѣ. Свиданіе было назначено въ маленькомъ деревянномъ домѣ гдѣ-то на Пескахъ. Домикъ имѣлъ мезонинъ, и въ немъ жила какая-то пожилая женщина. Въ этомъ мезонинѣ Дегаеву пришлось дожидаться появленія Судейкина. Свиданіе было непродолжительно и велось съ обѣихъ сторонъ въ чисто дѣловомъ тонѣ. Работа была тотчасъ прислана Сергѣю Петровичу на домъ. Она состояла въ перечерчиваніи на-бѣло плановъ зданія, которое намѣревался строить департаментъ полиціи. Если не ошибаюсь, рѣчь шла о казармахъ для городовыхъ. Въ планахъ должны были произойти измѣненія, и о нихъ-то Судейкинъ бесѣдовалъ съ Дегаевымъ. Пока тянулась работа, состоялось еще одно или два свиданія [1]). Они не дали никакихъ

---

[1]) Содержаніе своихъ разговоровъ съ Судейкинымъ Дегаевъ каждый разъ передавалъ Грачевскому, и если ему вѣрить на слово, какъ тогда вѣрили Грачевскій и другіе народо-

результатовъ для слѣженія и ни на іоту не подвинули вопроса объ убійствѣ, въ виду чего было рѣшено прекратить ихъ подъ предлогомъ, что Дегаевъ началъ готовиться къ экзаменамъ.

Вскорѣ послѣ того Судейкинъ разстался съ Володей, причемъ произошла выше мною описанная сцена.

Сергѣй Петровичъ предвидѣлъ этотъ разрывъ; онъ также зналъ, что послѣ его знакомства съ Судейкинымъ несомнѣнно за нимъ и за членами его семьи будетъ учрежденъ полицейскій надзоръ. Поэтому онъ рѣшился, не ожидая развязки событій, выпроводить свою семью изъ Петербурга. Самъ онъ также покинулъ Петербургъ еще ранѣе Володи, и такъ какъ это случилось въ маѣ, то я думаю, что онъ не успѣлъ покончить съ экзаменами.

Въ ночь на 3-ье іюня, послѣ неудачнаго или, вѣрнѣе сказать, не состоявшагося покушенія на жизнь Судейкина, были арестованы Грачевскій, множество другихъ лицъ и я.

Отъ старыхъ народовольцевъ оставалась Вѣра Николаевна Фигнеръ, проживавшая въ Харьковѣ. Зная отчаянное положеніе партіи, непоправимость дѣла въ данный моментъ и опасность, которой подвергалась сама Вѣра Николаевна, я изъ тюрьмы умоляла ее уѣхать за границу, и тамъ образовать новый Комитетъ. Она прислала мнѣ отвѣтъ, что не покинетъ Россіи.

Много лѣтъ спустя, я о дальнѣйшей судьбѣ Дегаева узнала слѣдующее:

Осенью 82 г. онъ былъ арестованъ въ Одессѣ по дѣлу народовольческой типографіи. Какъ только Судейкинъ узналъ объ арестѣ Дегаева, онъ выѣхалъ для самоличнаго допроса своего стараго знакомаго. При первомъ же свиданіи Судейкинъ предложилъ Дегаеву стать предателемъ своихъ прежнихъ товарищей и поступить къ нему на службу чистосердечно и искренно, а не такъ, какъ когда-то сдѣлалъ его братъ. Дегаевъ попросилъ свиданія съ женою, чтобы посовѣтоваться съ нею. Оно состоялось при довольно характерной обстановкѣ. Дегаева ввели въ просторную красивую комнату, гдѣ находился обильно накрытый столъ. Вскорѣ появилась жена, которая съ плачемъ бросилась ему на шею. Нѣжныхъ супруговъ оставили наединѣ, чтобы они на досугѣ въ пріятной обстановкѣ рѣшили кровавый вопросъ о предательствѣ.

вольцы, то на этихъ свиданіяхъ шла рѣчь о чертежахъ, по поводу которыхъ Судейкинъ дѣлалъ свои указанія. Но въ виду финальной дѣятельности Дегаева естественно возникаютъ вопросы: говорилъ-ли онъ Судейкину то, что передавалъ потомъ Грачевскому? Не тогда-ли началась его измѣна?

Мнѣ кажется, въ виду полной исповѣди, принесенной Дегаевымъ парижскимъ народовольцамъ, въ которой онъ не скрылъ даже, что выдалъ членовъ военной организаціи, можно допустить, что, опредѣляя мѣстомъ своего паденія одесскую тюрьму, онъ сказалъ правду, и, сдѣдовательно, свиданія его съ Судейкинымъ весною 82 г. носили именно тотъ характеръ, который имъ придавалъ Грачевскій со словъ Дегаева. Лично я видѣлась съ нимъ въ это время довольно часто, слышала его разсказы о свиданіяхъ съ Судейкинымъ и помню, что видъ у него былъ совершенно спокойный; въ настроеніи его видимыхъ перемѣнъ не произошло, и вообще рѣшительно ничто не указывало на какое-нибудь внутреннее перерожденіе, которое могло бы тогда у него произойти.

Они и рѣшили его. Послѣ этого Дегаеву былъ устроенъ фальшивый побѣгъ. Для прикрытія его понадобилась помощь мѣстныхъ радикаловъ, и Дегаевъ обратился съ просьбой помочь ему къ немолодой уже госпожѣ Х., по добротѣ сердца принимавшей всегда участіе въ революціонерахъ. Она доставила ему въ тюрьму по способу, имъ указанному, все необходимое для побѣга. Мѣстные радикалы были въ восторгѣ отъ энергіи, практичности и предпріимчивости заключеннаго. Тотчасъ же послѣ побѣга, Дегаевъ отправился въ Харьковъ, гдѣ проживала въ то время В. Н. Фигнеръ, явился къ ней, представилъ свой побѣгъ, какъ дѣло собственной ловкости и находчивости и, конечно, выразилъ горячее желаніе стать снова въ ряды революціонеровъ. Основаній не вѣрить въ разсказъ Дегаева объ его побѣгѣ или заподозрить что либо преступное въ его дѣйствіяхъ у В. Н. Фигнеръ не было никакихъ, и вотъ, передъ Дегаевымъ открылись двери квартиръ революціонеровъ, всѣхъ сочувствовавшихъ и помогавшихъ имъ, и, что, для него было всего важнѣе, передъ нимъ открылись всѣ революціонныя тайны. Его завѣтная мечта осуществилась: фактически онъ сталъ въ число лицъ, руководившихъ революціоннымъ движеніемъ.

Когда въ Харьковѣ все было узнано и выдано, и наступило время предать въ руки правительства самое Вѣру Николаевну, Дегаевъ исполнилъ и это дѣло при помощи другого извѣстнаго предателя—Меркулова [1]). «Дѣло» было устроено такъ: Дегаевъ завелъ съ Фигнеръ разговоръ о возможности ея ареста, на что Вѣра Николаевна отвѣтила, что ее не арестуютъ, если только она не встрѣтитъ какъ нибудь Меркулова. Потомъ Дегаевъ освѣдомился у своей собесѣдницы, въ которомъ часу она выходитъ изъ дому и есть ли изъ ея квартиры другой выходъ? Вѣра Николаевна отвѣтила, что ходъ изъ квартиры у нея одинъ, а выходитъ она ежедневно въ 8 ч. утра. 10 февраля 83 года, выходя, по обыкновенію, въ 8 ч. утра изъ дому, Фигнеръ встрѣтилась въ трехъ шагахъ отъ своей квартиры лицомъ къ лицу съ Меркуловымъ. Немедленно послѣ этого Вѣра Николаевна была арестована, будучи въ полномъ убѣжденіи, что это дѣло рукъ Меркулова, и лишь въ мартѣ или апрѣлѣ 84 года, при заключеніи слѣдствія (слѣдовательно, уже послѣ убійства Судейкина, вторичной измѣны Дегаева и тщетныхъ поисковъ его правительствомъ), Вѣрѣ Николаевнѣ была предъявлена, подписанная Дегаевымъ, тетрадь со всѣми его выдачами. Тутъ только *въ первый разъ* узнала Вѣра Николаевна, кто былъ истиннымъ предателемъ ея и множества другихъ лицъ. То былъ Дегаевъ. Меркуловъ же игралъ лишь подсобную роль.

Предавши Вѣру Николаевну, Дегаевъ отправился въ Петербургъ и сталъ тамъ «работать» во всю. Въ дѣлѣ провокаціи онъ сдѣлался правой рукой Судейкина. Они сблизились и по-

---

[1]) См. процессъ 20 народовольцевъ въ янв. кн. „Былого“.

дружились, какъ могутъ дружить лишь два злодѣя. Тогда-то выработали они совмѣстно обширные планы захвата власти, о которыхъ разсказывается подробно въ напечатанной въ «Вѣстникѣ Народной Воли» статьѣ «Въ мірѣ мерзости и запустѣнія» [1]). Дегаевъ жилъ широко на большія средства, отпускавшіяся ему его покровителемъ. При немъ находилась жена его, безъ любви которой онъ не могъ обходиться.

Подозрѣнія въ революціонной средѣ росли, но ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ придти было нельзя, такъ какъ кругомъ все было уничтожено и провалено. Люди, имѣвшіе непоколебимыя доказательства противъ Дегаева, были заперты въ крѣпости и отрѣзаны отъ всего міра. И онъ «дѣйствовалъ» на просторѣ.

Петербургская революціонная молодежь, наконецъ, рѣшилась отыскать предателя во что бы то ни стало. Нѣкоторыя лица уже указывали на Дегаева. Было назначено собраніе, на которомъ долженъ былъ присутствовать и Дегаевъ. Чувствуя свою жизнь въ опасности, онъ попросилъ тогда у Судейкина командировку заграницу и выѣхалъ съ женою въ Парижъ.

Здѣсь онъ принесъ свое пресловутое покаяніе. Отъ парижскихъ народовольцевъ Дегаевъ не скрылъ ничего, вплоть до честолюбивыхъ замысловъ, которые развивались имъ совмѣстно съ Судейкинымъ. Глава русскихъ шпіоновъ при помощи провокаціи и мнимыхъ террористическихъ актовъ, которые во время открываются и блестящимъ образомъ устраняются, намѣревался стать министромъ внутреннихъ дѣлъ; Дегаеву же обѣщалъ за это мѣсто товарища министра. На этомъ мечтанія сообщниковъ не останавливались. Посредствомъ систематическихъ запугиваній дѣльцы надѣялись фактически устранить отъ власти самого Императора и править Россіей по своему усмотрѣнію.

Немедленно послѣ этихъ признаній собрался совѣтъ нѣсколькихъ народовольцевъ, жившихъ въ то время въ Парижѣ. Было рѣшено даровать Дегаеву жизнь лишь подъ условіемъ, что онъ доставитъ революціонерамъ случай и возможность убить Судейкина. При выполненіи этого условія народовольцы обѣщали вывезти Дегаева цѣлымъ и невредимымъ за границу. Онъ долженъ былъ немедленно возвратиться въ Петербургъ и отнынѣ дѣйствовать по указаніямъ нѣкоторыхъ революціонеровъ, которые съ тѣхъ поръ не упускали его изъ вида.

Жена Дегаева оставалась въ Парижѣ, и по его просьбѣ, въ его отсутствіе, ей помогли перебраться въ Лондонъ, гдѣ она должна была ожидать его пріѣзда. Ея пребываніе за границей служило нѣкоторой гарантіей, что на этотъ разъ ея мужъ не измѣнитъ принятому на себя обязательству.

Онъ очутился въ тискахъ, изъ которыхъ не могъ уже выр-

---

[1]) См. ниже ст. „Дегаевщина“. *Ред.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТСТАВНОЙ ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ

СЕРГѢЙ ПЕТРОВЪ ДЕГАЕВЪ

Примѣты: Маленькаго роста, худощавый, темный блондинъ

обвиняется въ убійствѣ 16-го Декабря 1883 года Подполковника Судейкина.

5,000 РУБЛЕЙ

назначено за сообщеніе полиціи свѣдѣній, которыя, давъ возможность опредѣлить мѣстонахожденіе Дегаева, поведутъ къ его задержанію.

10,000 РУБЛЕЙ

будутъ выданы тому, кто, указавъ полиціи мѣстопребываніе Дегаева, окажетъ содѣйствіе къ задержанію преступника.

ваться. Вскорѣ послѣ его возвращенія въ Петербургъ убійство Судейкина стало совершившимся фактомъ.

Лицо, близко знавшее обстоятельства этого дѣла, утверждаетъ, что во время убійства Дегаевъ выказалъ большую трусость. Драма разыгралась въ квартирѣ самого Дегаева. Въ роковой вечеръ Дегаевъ впустилъ въ нее участниковъ убійства нѣсколько раньше, чѣмъ ожидался приходъ Судейкина. Всѣ они находились въ одной изъ заднихъ комнатъ, вооруженные ломами. Согласно условію Дегаевъ долженъ былъ встрѣтить Судейкина у входныхъ дверей и дать ему пройти въ комнаты. Но онъ поступилъ иначе. Судейкинъ пришелъ въ сопровожденіи своего родственника, служившаго въ охранномъ отдѣленіи. Этотъ родственникъ обладалъ такимъ же, какъ и Судейкинъ, атлетическимъ тѣлосложеніемъ. Дегаевъ встрѣтилъ вошедшихъ у входной двери, но затѣмъ, когда они у стѣны вѣшали свои шинели, онъ выстрѣлилъ Судейкину въ спину, что не входило въ планъ дѣйствія. Испугавшись собственнаго выстрѣла, онъ бросился вонъ черезъ входную дверь, которую оставилъ за собою открытой, сбѣжалъ по лѣстницѣ и вышелъ на улицу. Предпріятіе было спасено только тѣмъ обстоятельствомъ, что выстрѣлъ, раздавшійся за ихъ спинами, вызвалъ въ Судейкинѣ и его родственникѣ паническій ужасъ.

Вмѣсто того, чтобы въ свою очередь выбѣжать въ открытую наружную дверь и такимъ образомъ избѣгнуть опасности, они опрометью бросились во внутреннія комнаты, гдѣ ихъ встрѣтили ударами ломовъ. Одинъ изъ участниковъ убійства поторопился запереть дверь, оставленную Дегаевымъ открытой.

Первымъ свалился родственникъ Судейкина, впослѣдствіи ожившій, такъ такъ онъ былъ только оглушенъ; Судейкинъ былъ убитъ въ отхожемъ мѣстѣ, гдѣ искалъ убѣжища. Ломы были выбраны орудіемъ убійства въ видахъ того, чтобы выстрѣлами не привлечь швейцара и сосѣднихъ жильцовъ.

Исполнители этого дѣла благополучно выбрались изъ дому. Въ тотъ же вечеръ Дегаевъ былъ отвезенъ на Варшавскій вокзалъ человѣкомъ, поджидавшимъ его на улицѣ, и когда русское правительство узнало о томъ, что убитъ одинъ изъ усерднѣйшихъ его слугъ, Дегаевъ уже подъѣзжалъ къ западной границѣ. Безостановочно онъ проѣхалъ въ Лондонъ, и старанія правительства отыскать этого двойного измѣнника остались тщетными.

Анна Прибылева-Корба.

Дегаевщина.

(Матеріалы и документы).

Историкъ русскаго революціоннаго движенія не будетъ въ состояніи обойтись безъ того, чтобы не остановить своего вниманія на двухъ тѣсно сплетенныхъ между собою именахъ: Судейкина и Дегаева. Первый—офиціальный искоренитель «крамолы», жандармскій подполковникъ; второй—сначала революціонеръ, потомъ предатель революціи Судейкину, и, наконецъ, убійца этого самого Судейкина. Если судить только по такимъ, такъ сказать, внѣшнимъ чертамъ въ біографіяхъ обоихъ «дѣятелей», то фигура Дегаева получается, какъ будто, сложнѣе фигуры Судейкина, но на самомъ дѣлѣ это не такъ, и центръ тяжести, когда-то разыгравшейся въ лѣтописяхъ русскаго революціоннаго движенія глубокой драмы, лежитъ въ личности не Дегаева, а именно Судейкина или, правильнѣе, тѣхъ, созданныхъ самодержавіемъ, условій русской жизни, на почвѣ которыхъ могли произрасти такіе необыкновенные персонажи, какъ Судейкинъ. Чтобы дать читателямъ понятіе объ этой страницѣ изъ исторіи русскаго освободительнаго движенія, мы остановимся сначала на тѣхъ мѣстахъ изъ обвинительнаго акта по дѣлу Г. А. Лопатина и другихъ, въ которыхъ изложены улики противъ обвинявшихся въ убійствѣ Судейкина Н. П. Стародворскаго и В. П. Конашевича. Вотъ что гласилъ по этому поводу обвинительный актъ:

«16-го Декабря 1883 года, около 9-ти часовъ вечера въ домѣ № 93 по Невскому проспекту, въ квартирѣ № 13, были найдены мертвымъ, съ явными признаками насильственной смерти, инспекторъ С.-Петербургской секретной полиціи подполковникъ Георгій Порфирьевичъ Судейкинъ и тяжело раненный въ голову чиновникъ полиціи Николай Судовскій. По судебно-медицинскомъ вскрытіи трупа покойнаго, врачи дали заключеніе, что смерть подполковника Судейкина послѣдовала отъ безусловно смертельнаго поврежденія, костей черепа, имѣющихъ нѣсколько трещинъ, а равно и отъ огнестрѣльной раны, проникающей въ полость живота и осложненной разрывомъ ткани печени и послѣдовавшимъ за этимъ разрывомъ кровоизліяніемъ въ названную полость. Всѣ приведенныя поврежденія по свойству своему, были прижизненны, при чемъ огнестрѣльная рана, вѣроятно, предшествовавшая другимъ поврежденіямъ, сама по себѣ должна быть

признана безусловно смертельною, хотя смерть послѣ причиненія этой раны могла и не послѣдовать немедленно. Поврежденія же головы, по заключенію экспертовъ, послѣдовали вѣроятно отъ нанесенныхъ сзади ударовъ тупымъ орудіемъ, которымъ могли быть и найденные въ квартирѣ ломы.

«По осмотрѣ доставленнаго въ Рождественскій барачный лазаретъ Николая Судовскаго, у него оказались двѣ раны на макушкѣ головы съ раздробленіемъ темянныхъ костей, нанесенныя, какъ это видно изъ скорбнаго листа, тяжелымъ орудіемъ, повидимому, ломомъ.

«При осмотрѣ домовой книги дома № 91 по Невскому проспекту установлено, что въ квартирѣ № 13 проживалъ дворянинъ Сергѣй Петровичъ Яблонскій по паспорту, выданному Путивльскимъ уѣзднымъ исправникомъ 27 февраля 1883 г. за № 1933, оказавшемуся подложнымъ; а показаніемъ старшаго дворника означеннаго дома Григорія Кондратьева тогда же было установлено, что въ упомянутой квартирѣ съ дворяниномъ Яблонскимъ проживалъ въ качествѣ его лакея Павелъ Ивановъ Суворовъ.

«Спрошенный вслѣдствіе сего въ качествѣ свидѣтеля запасный унтеръ-офицеръ Павелъ Ивановъ Суворовъ, по предъявленіи ему карточекъ разныхъ лицъ, разновременно привлекавшихся къ дознаніямъ о государственныхъ преступленіяхъ, показалъ, что въ карточкѣ *Сергѣя Петрова Дегаева признаетъ дворянина Сергѣя Петрова Яблонскаго, у котораго онъ жилъ въ качествѣ прислуги по желанію покойнаго подполковника Судейкина.* Къ Яблонскому онъ поступилъ 8 ноября, а на послѣднюю квартиру переѣхалъ съ нимъ 3 декабря 1883 г. и за все это время Яблонскаго посѣщали лишь подполковникъ Судейкинъ и его родственникъ Николай Судовскій. Самъ Яблонскій уходилъ изъ дому часовъ въ 11 утра, возвращался часа въ четыре, но затѣмъ скоро снова уходилъ и часто не возвращался до поздней ночи.

«Спрошенный по выздоровленіи отъ нанесенныхъ ему ранъ, Николай Дмитріевъ Судовскій показалъ, что въ квартирѣ № 13 дома № 91 по Невскому проспекту, гдѣ былъ убитъ подполковникъ Судейкинъ и раненъ онъ самъ, проживалъ подъ фамиліей Яблонскаго отставной штабсъ-капитанъ Сергѣй Петровъ Дегаевъ. 16-го декабря 1883 г. онъ съ подполковникомъ Судейкинымъ отправился въ эту квартиру въ пятомъ часу пополудни по предварительному уговору Дегаева. Человѣка Дегаева, Суворова, не было дома, Дегаевъ самъ отперъ дверь и, впустивъ ихъ, заперъ ее. Войдя въ квартиру онъ, Судовскій, снялъ и повѣсилъ свою шубу въ передней, а подполковникъ Судейкинъ, не останавливаясь въ этой комнатѣ, прошелъ прямо въ слѣдующую— залу, гдѣ бросилъ на диванъ свое пальто, въ карманѣ котораго былъ револьверъ, и тутъ же оставилъ палку со стилетомъ. Затѣмъ подполковникъ Судейкинъ прошелъ вмѣстѣ съ Дегаевымъ въ слѣдующія комнаты, а онъ вошелъ въ залу и сѣлъ въ кресло. Черезъ нѣсколько минутъ совершенно неожиданно на него напали

сзади, повидимому, два человѣка и почти одновременно съ этимъ въ комнатахъ, гдѣ былъ Судейкинъ и Дегаевъ, послышался шумъ, глухой звукъ выстрѣла и голосъ Судейкина, кричавшаго насколько ему помнится: «Коко, бѣги сюда и бей ихъ изъ револьвера». Получивъ затѣмъ сильный ударъ въ голову, онъ, свидѣтель, потерялъ сознаніе и происходившаго впослѣдствіи совершенно не помнитъ. Все описанное свидѣтелемъ совершилось такъ быстро, что онъ не имѣлъ возможности разсмотрѣть нападавшихъ, а потому и не можетъ дать никакихъ указаній относительно товарищей Дегаева, участвовавшихъ въ убійствѣ подполковника Судейкина. Очнулся онъ, свидѣтель, лишь на другой день въ больницѣ, совершенно же пришелъ въ сознаніе только нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго событія.

«Обвиняемый въ убійствѣ подполковника Судейкина отставной штабсъ-капитанъ Сергѣй Петровъ Дегаевъ вслѣдъ за совершеніемъ этого преступленія скрылся и до сего времени не розысканъ.

«3-го января 1884 года въ Кіевѣ, въ квартирѣ студента Эйберга, былъ арестованъ скрывавшійся отъ преслѣдованія по дѣлу о преступномъ кружкѣ, обнаруженномъ въ г. Ромнахъ въ іюлѣ 1883 г. дворянинъ Василій Конашевичъ, проживавшій въ Кіевѣ по подложному паспорту на имя Бориса Ростицкаго.

«Обыскомъ, произведеннымъ въ означенной квартирѣ, было обнаружено значительное количество преступнаго содержанія брошюръ, шесть экземпляровъ прокламацій по поводу убійства подполковника Судейкина, руководство о взрывчатыхъ веществахъ и нѣсколько принадлежностей для изготовленія послѣднихъ, въ видѣ стеклянныхъ ретортъ и металлическихъ трубокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было установлено, что Конашевичъ въ концѣ 1883 г. проживалъ въ Петербургѣ, хотя обстоятельство это онъ упорно отрицалъ».

«Между тѣмъ, 22-го декабря 1883 г. изъ дома № 114 по Большой Садовой улицѣ скрылась проживавшая тамъ акушерка Татьяна Голубева и ея жилецъ Михаилъ Адамовъ Савицкій. Это обстоятельство обратило на себя особое вниманіе полиціи.

«Вслѣдствіе сего задержанный Конашевичъ по доставленіи его въ Петербургъ былъ предъявленъ дворнику дома № 114 по Большой Садовой улицѣ Петру Демидову, который призналъ Василія Конашевича за лицо, посѣтившее одинъ разъ Татьяну Голубеву и Михаила Савицкаго. Спрошенный по поводу этого обвиняемый Василій Конашевичъ объяснилъ, что онъ въ Петербургѣ никогда не жилъ, въ убійствѣ подполковника Судейкина никакого участія не принималъ и къ организаціи преступнаго сообщества, именующагося «партіей Народной Воли», не принадлежитъ, хотя принципы партіи раздѣляетъ.

«16-го марта 1884 г. въ Москвѣ былъ задержанъ скрывавшійся отъ преслѣдованія сынъ священника, Николай Петровъ Стародворскій, представившій въ удостовѣреніе своей личности паспортъ на имя почетнаго гражданина Дмитрія Пухальскаго, составленный

отъ имени Мелитопольской городской управы за № 2651 и оказавшійся подложнымъ.

«По предъявленіи Николая Стародворскаго дворнику дома № 114 по Большой Садовой улицѣ Петру Демидову и вышеназванной квартирной хозяйкѣ Вѣрѣ Ильиной, свидѣтели эти заявили, что въ Стародворскомъ признаютъ лицо, проживавшее по паспорту на имя дворянина Михаила Савицкаго.

«Привлеченный вслѣдствіе сего въ качествѣ обвиняемаго Николай Стародворскій, отрицая на первыхъ допросахъ свою виновность въ принадлежности къ преступному сообществу и участіе свое въ убійствѣ подполковника Судейкина, показалъ, что на такъ называемое нелегальное положеніе онъ перешелъ въ августѣ 1883 г. послѣ освобожденія имъ, Стародворскимъ, бѣжавшаго изъ административной ссылки Никона Волянскаго, арестованнаго въ г. Барѣ, Подольской губерніи, и что освобожденіе это было совершено имъ въ силу личныхъ отношеній къ Волянскому, а не по порученію революціоннаго сообщества, къ которому онъ никакихъ отношеній не имѣетъ. Живя затѣмъ въ провинціи у своего знакомаго, назвать котораго не желаетъ, онъ, Стародворскій, въ октябрѣ 1883 г. получилъ письменное приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ. По прибытіи сюда онъ вскорѣ познакомился съ Сергѣемъ Петровымъ Дегаевымъ и сначала поселился въ домѣ № 14 по Лиговкѣ, въ квартирѣ Ильиной, представивъ въ удостовѣреніе своей личности паспортъ на имя дворянина Михаила Савицкаго, а затѣмъ, Сергѣй Дегаевъ, часто его посѣщавшій, предложилъ ему переѣхать на конспиративную квартиру, гдѣ помѣщалась тайная типографія. Вслѣдствіе отказа его, Стародворскаго, Дегаевъ недѣли черезъ три снова предложилъ ему поселиться на другой конспиративной квартирѣ въ домѣ № 114 по Большой Садовой улицѣ у акушерки Татьяны Голубевой, объявивъ, что эта квартира предназначена лишь для свиданій. Стародворскій согласился и прожилъ въ квартирѣ Голубевой до 17-го или 18-го декабря, когда къ нимъ явилось одно изъ лицъ, приходившихъ ранѣе къ Дегаеву на свиданіе, и заявило о необходимости оставленія квартиры въ виду послѣдовавшаго убійства подполковника Судейкина, въ чемъ, по словамъ этого лица, принималъ участіе Дегаевъ. Вслѣдствіе этого предупрежденія, онъ уѣхалъ на югъ, а въ мартѣ 1884 г. возвратился въ Петербургъ, откуда снова отправился на югъ, но на пути, въ Москвѣ, былъ задержанъ, при чемъ у него были отобраны разныя шифрованныя замѣтки, революціонныя изданія, чертежи и замѣтки относительно взрывчатыхъ веществъ. Всѣ эти предметы были получены имъ въ Петербургѣ для передачи лицу, назвать которое онъ не желаетъ.

«Обвиняемый Василій Конашевичъ при вторичномъ допросѣ показалъ, что онъ дѣйствительно жилъ въ Петербургѣ, но лишь до 3-го или 5-го декабря 1883 г., а затѣмъ на вопросы, въ какой мѣстности Петербурга проживалъ, съ кѣмъ видѣлся, по какому

поводу пріѣзжалъ, по какой дорогѣ выѣхалъ обратно въ Кіевъ и останавливался-ли гдѣ на пути, отвѣчать отказался.

«При дальнѣйшемъ производствѣ дознанія обвиняемый въ государственномъ преступленіи, итальянскій подданный Степанъ Антоновъ Росси, между прочимъ, показалъ, что въ октябрѣ 1883 г., во время съѣзда въ С.-Петербургѣ лицъ, принадлежавшихъ къ соціально-революціонному сообществу, Сергѣй Дегаевъ нѣсколько разъ намекалъ ему о предстоящихъ убійствахъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Толстого, директора департамента полиціи Плеве, прокурора Добржинскаго и подполковника Судейкина; а потомъ въ декабрѣ того же года признался ему въ своихъ отношеніяхъ къ Судейкину и назвалъ лицъ, привлеченныхъ къ убійству послѣдняго. По словамъ Дегаева, революціонеры, проживавшіе за границей, требовали, чтобы онъ оставилъ всѣ остальные проекты убійствъ и поскорѣе убилъ Судейкина, на что онъ и согласился. Хотя Дегаевымъ давно были подысканы нужные для совершенія убійства люди, но передъ самымъ убійствомъ онъ избралъ двухъ другихъ: Василія Конашевича и Николая Стародворскаго (нелегальнаго Савицкаго). До 16-го декабря 1883 г., т. е. до дня убійства подполковника Судейкина, Дегаевъ дважды пытался привести въ исполненіе это преступленіе. Первая попытка (3-го декабря) не удалась вслѣдствіе того, что Судейкинъ прежде, чѣмъ пойти въ квартиру Дегаева, послалъ дворника узнать, дома ли послѣдній. Дегаевъ, наблюдавшій за появленіемъ Судейкина изъ окна ватерклозета, выходящаго на лѣстницу, замѣтилъ это, и когда къ дверямъ его подошелъ дворникъ и сталъ звонить, не отперъ послѣднему двери, и Судейкинъ долженъ былъ уѣхать. Вторая попытка была назначена приблизительно спустя недѣлю послѣ первой. На этотъ разъ Судейкинъ почему то не прибылъ къ условленному часу, и потому Дегаевъ удалилъ Стародворскаго и Конашевича изъ своей квартиры, не дождавшись Судейкина. Назначивъ 16 декабря днемъ убійства, Дегаевъ предупредилъ Стародворскаго и Конашевича, чтобы въ случаѣ, если онъ снова пожелаетъ удалить ихъ изъ своей квартиры до пріѣзда Судейкина, они не исполнили такого его требованія. Такое же требованіе не удаляться было предъявлено Стародворскому и Конашевичу и Германомъ Лопатинымъ, знавшимъ о приготовленіяхъ къ убійству Судейкина. Въ день убійства онъ, Росси, встрѣтилъ Дегаева утромъ на Невскомъ проспектѣ и по его просьбѣ отправился въ квартиру Татьяны Голубевой (она же Раиса Кранцфельдъ), чтобы передать послѣдней какой-то паспортъ и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить Стародворскому, чтобы онъ пріѣхалъ къ двумъ часамъ на квартиру къ нему, Дегаеву. Придя къ Голубевой, онъ засталъ тамъ и Конашевича, которому вмѣстѣ съ Стародворскимъ передалъ слова Дегаева, а затѣмъ ушелъ домой на Пушкинскую улицу, уложилъ въ чемоданъ свои вещи и поѣхалъ въ заранѣе приготовленную квартиру, гдѣ долженъ былъ ожидать Дегаева. Въ исходѣ 5 часа Дегаевъ пріѣхалъ взволнованный, быстро переодѣлся,

взялъ чемоданъ и отправился вмѣстѣ съ нимъ на Варшавскій вокзалъ, сказавъ дорогой, что выстрѣлилъ въ Судейкина и убѣжалъ, оставивъ Стародворскаго и Конашевича. Вскорѣ на тотъ же вокзалъ пріѣхалъ и Конашевичъ, вѣроятно, прямо изъ квартиры Дегаева и подоспѣлъ къ тому же поѣзду, на которомъ уѣхалъ Дегаевъ. На другой день вечеромъ онъ, Росси, былъ въ квартирѣ Кранцфельдъ, гдѣ взялъ типографскій шрифтъ, а утромъ къ ней же заходилъ Германъ Лопатинъ за отпечатанными объявленіями объ убійствѣ Судейкина, которыя были напечатаны Раисою Кранцфелдъ и Стародворскимъ. Послѣ убійства Стародворскій и Кранцфельдъ (Голубева) пробыли въ Петербургѣ два дня; послѣдняя уѣхала въ Саратовъ—причемъ на вокзалъ ее провожалъ Петръ Елько, который, хотя и былъ во время убійства въ Петербургѣ, но свѣдѣній о совершеніи его не имѣлъ, исполняя лишь мелкія порученія Дегаева. На квартирѣ Голубевой, гдѣ также происходили совѣщанія по дѣлу объ убійствѣ Судейкина, кромѣ хозяевъ, Дегаева, Конашевича и Лопатина до 16 декабря никто не бывалъ.

«Спрошенные затѣмъ въ виду изложенныхъ свѣдѣній обвиняемые Николай Стародворскій и Василій Конашевичъ, признавъ свою виновность въ убійствѣ подполковника Судейкина, показали: Стародворскій—что до освобожденія арестованнаго въ Подольской губерніи административно-ссыльнаго Волянскаго, онъ къ организаціи преступнаго сообщества, именующаго себя «партіей Народной Воли», не принадлежалъ, хотя революціонною дѣятельностью занимался; послѣ же освобожденія Волянскаго онъ отправился въ Кіевъ и тамъ формально вступилъ въ означенное сообщество. Въ концѣ сентября или началѣ октября 1883 г., тамъ же, въ Кіевѣ, онъ получилъ приглашеніе отъ лица, которое назвать не желаетъ, пріѣхать въ Петербургъ, куда тотчасъ же и отправился. Здѣсь, дня черезъ три по прибытіи, его познакомили съ какимъ-то Николаемъ Владиміровичемъ, впослѣдствіи оказавшимся Сергѣемъ Дегаевымъ, который, сообщивъ ему о приготовленіяхъ къ убійству подполковника Судейкина, спросилъ, можетъ ли онъ разсчитывать на содѣйствіе въ этомъ его, Стародворскаго, на что онъ и далъ свое согласіе. О двойственной роли Дегаева, т. е. о томъ, что онъ состоялъ агентомъ у Судейкина, онъ, Стародворскій, узналъ уже позже, именно въ день первой попытки на убійство Судейкина, 6 декабря 1883 г., но не отъ самого Дегаева, который хотя и признавалъ это, но избѣгалъ по этому вопросу какихъ-либо объясненій. Первоначально рѣшено было совершить убійство безъ употребленія огнестрѣльнаго оружія, чтобы избѣжать шума, и потому орудіемъ убійства должны были служить ломы и, въ случаѣ необходимости, кинжалъ. Когда орудіе убійства было окончательно избрано, онъ, Стародворскій, въ первыхъ числахъ декабря купилъ два лома въ лавкѣ на Невскомъ проспектѣ, вблизи квартиры Дегаева и тамъ же при себѣ приказалъ обрубить ихъ, такъ какъ они были слишкомъ длинны. Эти ломы онъ привезъ

изъ лавки къ себѣ на Большую Садовую, а впослѣдствіи уже перевезъ ихъ въ квартиру Дегаева. Затѣмъ было назначено время убійства, къ которому Дегаевъ пригласилъ къ себѣ подполковника Судейкина; Стародворскій же заранѣе помѣстился въ спальнѣ Дегаева, Конашевичъ въ корридорѣ, а Дегаевъ въ ватерклозетѣ, чтобы наблюдать въ окно, выходившее на лѣстницу, за прибытіемъ Судейкина. Судейкинъ къ назначенному часу не пріѣхалъ, и это такъ сильно встревожило Дегаева, вообще трусливаго по природѣ, что минутъ черезъ десять онъ вышелъ изъ ватерклозета и попросилъ ихъ удалиться изъ своей квартиры. Въ это время раздался звонокъ у входной двери, и всѣ поспѣшно заняли свои мѣста. Дегаевъ вошелъ въ ватерклозетъ и увидѣлъ, что звонитъ дворникъ, почему и не отперъ двери; а вслѣдъ за этимъ Дегаевъ услышалъ внизу лѣстницы голосъ Судейкина, который спрашивалъ дома-ли Дегаевъ. Узнавъ объ этомъ, онъ, Стародворскій и Конашевичъ послали Дегаева внизъ пригласить Судейкина, но послѣдній успѣлъ уже сѣсть въ карету и уѣхать. Вторая попытка убить подполковника Судейкина была назначена дней черезъ семь или восемь. Въ этотъ разъ, ближе ознакомившись съ расположеніемъ комнатъ квартиры Дегаева, они съ Конашевичемъ размѣстились иначе и рѣшили употребить въ дѣло револьверъ, полагая, что выстрѣла внѣ квартиры слышно не будетъ. Прежнее размѣщеніе признано было неудобнымъ, такъ какъ никого бы не было вблизи передней, вслѣдствіе чего выходъ изъ квартиры остался бы не защищеннымъ, и потому Конашевичъ помѣстился въ кухнѣ, дверь изъ которой выходила въ переднюю. Въ этотъ разъ Судейкинъ въ назначенное время не пріѣхалъ, и Дегаевъ поспѣшилъ удалить ихъ изъ своей квартиры. Въ промежутокъ времени между этой послѣдней попыткой и слѣдующей Дегаевъ предлагалъ еще другой планъ убійства Судейкина. По словамъ Дегаева Судейкинъ предполагалъ устроить фиктивное покушеніе на свою жизнь съ цѣлью: во-первыхъ, устранить возникавшія въ средѣ революціонной партіи подозрѣнія относительно Дегаева, а во-вторыхъ, получить такимъ путемъ повышеніе по службѣ.

«По этому плану Дегаевъ долженъ былъ выстрѣлить Судейкину въ лѣвую руку во время прогулки его въ Петровскомъ паркѣ и скрыться на лошади, приготовленной заранѣе самимъ же Судейкинымъ; а во время болѣзни послѣдняго отъ этой раны должно было послѣдовать, согласно замыслу Судейкина и Дегаева, убійство министра внутреннихъ дѣлъ, графа Толстого. Дегаевъ предложилъ имъ воспользоваться означеннымъ планомъ фиктивнаго покушенія на жизнь Судейкина для того, чтобы на самомъ дѣлѣ убить его, на что Стародворскій и изъявилъ согласіе. Роли осуществленія этого послѣдняго плана были распредѣлены такъ, что Конашевичъ принималъ на себя обязанность кучера Дегаева, а онъ, Стародворскій, долженъ былъ прибыть въ паркъ заранѣе и выстрѣлить въ Судейкина. Покушеніе это пред-

полагалось произвести 19 декабря; но вскорѣ Дегаевъ отказался отъ этого плана, опасаясь, съ одной стороны, промаха, а съ другой засады со стороны Судейкина.

«Тогда рѣшили обратиться къ прежнему плану, согласно которому преступленіе и было совершено 16 декабря. Въ этотъ разъ онъ, Стародворскій, помѣстился въ спальнѣ, а Конашевичъ—въ кухнѣ. До звонка у входной двери всѣ сидѣли въ спальнѣ, когда же раздался звонокъ, Конашевичъ отправился на назначенное ему мѣсто въ кухню, а Дегаевъ пошелъ отворить дверь. Еще ранѣе рѣшено было, что когда Судейкинъ войдетъ въ комнату, что передъ спальней, то Дегаевъ выстрѣлитъ въ него сзади, вслѣдствіе чего Судейкинъ, по предположенію, долженъ былъ броситься впередъ, т. е. въ спальню, гдѣ его встрѣтитъ онъ, Стародворскій. Вскорѣ послѣ звонка Стародворскій услышалъ шаги, а затѣмъ выстрѣлъ въ сосѣдней комнатѣ. Прождавъ моментъ и видя, что Судейкинъ не показывается въ спальнѣ, онъ бросился въ комнату, откуда былъ слышенъ выстрѣлъ, и увидѣлъ Судейкина на порогѣ лицомъ въ гостиную. Онъ, Стародворскій, ударилъ его ломомъ, но такъ какъ Судейкинъ занималъ неудобное для удара положеніе, то ломъ только скользнулъ по немъ, не причинивши существеннаго вреда. Послѣ удара Судейкинъ, держась лѣвой рукой за бокъ, съ крикомъ побѣжалъ въ переднюю, гдѣ въ это время возлѣ выходной двери находились Судовскій и Конашевичъ. Здѣсь онъ снова ударилъ Судейкина въ високъ и увидѣлъ, что Конашевичъ въ то же время наносилъ удары Судовскому. Отъ послѣдняго удара Судейкинъ упалъ, какъ показалось ему, Стародворскому, безъ признаковъ жизни, но черезъ нѣсколько мгновеній вскочилъ и вбѣжалъ въ ватерклозетъ, удерживая руками изнутри дверь. Желая воспрепятствовать Судейкину затворить за собою дверь ватерклозета, онъ, Стародворскій, вставилъ ногу между дверью и косякомъ, причемъ одной рукой старался оттянуть дверь, а другою билъ Судейкина ломомъ по рукамъ. Когда дверь такимъ образомъ была имъ вырвана изъ рукъ Судейкина, то послѣдній вмѣстѣ съ дверью оказался въ передней, гдѣ Стародворскій нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ ломомъ по головѣ, въ затылокъ. Отъ этихъ ударовъ Судейкинъ опрокинулся назадъ въ ватерклозетъ; здѣсь онъ еще разъ ударилъ Судейкина ломомъ, причемъ разбилъ находившійся тамъ ночной горшокъ, и прекратилъ нанесеніе ударовъ, лишь убѣдившись, что Судейкинъ мертвъ. Въ это время Судовскій лежалъ на полу въ передней на мѣховомъ пальто; Конашевичъ же ушелъ во внутреннія комнаты за своей одеждой и затѣмъ совершенно удалился, а онъ, Стародворскій, остался еще въ квартирѣ, чтобы взять, по порученію Дегаева, нѣкоторыя вещи и кинжалъ, во избѣжаніе, чтобы по этому кинжалу не отыскали его прежняго владѣльца. На это потребовалось минутъ пять времени, въ теченіе котораго онъ ходилъ со свѣчей по разнымъ комнатамъ. Уходя изъ квартиры, онъ заперъ за собою дверь на ключъ, который бросилъ на Нев-

скомъ проспектѣ. Преступленіе было совершено между четырьмя съ половиною и пятью часами по полудни, и въ тотъ же вечеръ онъ, Стародворскій, печаталъ прокламаціи объ этомъ убійствѣ, какъ объяснено выше. Кто участвовалъ въ совѣщаніяхъ объ убійствѣ Судейкина, Стародворскій объяснить отказался.

«Обвиняемый Василій Конашевичъ, признавая свою принадлежность къ «партіи Народной Воли», показалъ, что на нелегальное положеніе онъ перешелъ приблизительно въ іюлѣ мѣсяцѣ 1883 г., но еще и до этого времени принималъ нѣкоторое участіе въ революціонной дѣятельности. Такъ, онъ давалъ совѣты относительно постановки революціонной типографіи въ Кіевѣ, гдѣ была напечатана въ 1882 или 1883 г. прокламація по поводу возмущенія крестьянъ въ мѣстечкѣ Ольшаной, Кіевской губерніи, и ѣздилъ въ Ромны, гдѣ дважды подвергался обыску, что и заставило его, по возвращеніи въ Кіевъ, перейти на нелегальное положеніе; приблизительно въ августѣ 1883 г. онъ возилъ въ г. Черниговъ революціонныя изданія, а въ концѣ октября того же года—по возвращеніи его изъ Чернигова, въ Кіевъ пріѣхалъ его знакомый, назвать котораго онъ не желаетъ, и предложилъ принять участіе въ одномъ террористическомъ предпріятіи въ Петербургѣ, которое, по словамъ этого знакомаго, могло значительно содѣйствовать успѣху революціоннаго движенія вообще и народовольчества въ частности. Сущность этого предпріятія знакомый обѣщалъ объяснить по пріѣздѣ въ Петербургъ, если онъ, Конашевичъ, дастъ свое согласіе на участіе. Конашевичъ согласился и недѣлю спустя отправился въ Петербургъ, гдѣ, не имѣя ни квартиры, ни письменнаго вида, оставилъ свой чемоданъ на Варшавскомъ вокзалѣ, отдавъ его на храненіе дежурному полицейскому служителю. Дня черезъ два по пріѣздѣ онъ нашелъ Дегаева, который на третій день помѣстилъ его въ квартирѣ акушерки Татьяны Голубевой, по Большой Садовой улицѣ, въ домѣ № 114, а спустя недѣлю познакомился съ Стародворскимъ, также поселившимся у Голубевой подъ именемъ Савицкаго. Вскорѣ онъ узналъ отъ Дегаева о предположеніи убить подполковника Судейкина. Причины, которыя привели его и другихъ лицъ къ мысли о необходимости этого убійства, заключались въ томъ вредѣ, который нанесенъ былъ Судейкинымъ революціонной партіи. Еще со времени своей службы въ Кіевѣ Судейкинъ былъ извѣстенъ за способнаго розыскного чиновника, а въ Петербургѣ онъ наводилъ, по выраженію Конашевича, панику на революціонеровъ и дѣйствовалъ растлѣвающимъ образомъ на слабыхъ членовъ партіи, обращая ихъ въ своихъ агентовъ. О томъ, что самъ Дегаевъ былъ агентомъ Судейкина, онъ, Конашевичъ, узналъ уже впослѣдствіи, когда Дегаевъ вынужденъ былъ объяснить, какимъ образомъ онъ могъ пригласить Судейкина къ себѣ на квартиру. Время для убійства подполковника Судейкина назначалось нѣсколько разъ, но совершеніе преступленія откладывалось по разнымъ причинамъ. Сначала предполагалось, по указанію Дегаева,

совершить названное убійство въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ, по словамъ Дегаева, онъ условился съ Судейкинымъ произвести фиктивное покушеніе на убійство послѣдняго. Съ этою цѣлью онъ, Конашевичъ, по порученію Дегаева, набросалъ съ натуры планъ Петровскаго парка, но порученіе это исполнилъ весьма неудачно, такъ что Дегаевъ, передавъ этотъ планъ Судейкину, возвратился отъ него крайне взволнованнымъ и объявилъ, что Судейкинъ остался имъ недоволенъ за небрежное составленіе плана, и что вслѣдствіе этого онъ, Дегаевъ, боится, чтобы Судейкинъ не сталъ относиться къ нему подозрительно. Затѣмъ рѣшено было убить Судейкина ломами въ квартирѣ Дегаева. Первыя двѣ попытки привести въ исполненіе этотъ замыселъ кончились неудачей по причинамъ, указаннымъ Конашевичемъ, вполнѣ согласно съ приведеннымъ выше показаніемъ Стародворскаго. Наконецъ, 16 декабря Судейкинъ прибылъ въ квартиру Дегаева къ назначенному времени, въ сопровожденіи Судовскаго, и вмѣстѣ съ Дегаевымъ и Судовскимъ прошелъ во внутреннія комнаты, гдѣ вскорѣ раздался выстрѣлъ, вслѣдствіе чего онъ, Конашевичъ, немедленно вышелъ изъ кухни въ переднюю, куда одновременно съ нимъ выбѣжали изъ гостиной Судовскій, Судейкинъ, Дегаевъ и Стародворскій. Судовскій бросился на него, Конашевича, но онъ нанесъ ему ударъ ломомъ, послѣ котораго Судовскій бросился къ выходной двери, гдѣ онъ, Конашевичъ, нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ, отъ которыхъ Судовскій упалъ. Въ это время Судейкинъ вбѣжалъ въ ватерклозетъ, возлѣ котораго между нимъ и Стародворскимъ произошла продолжительная борьба, слѣдить за которой онъ не могъ, будучи отвлеченъ борьбою съ Судовскимъ. Дегаевъ-же, лишь только во время борьбы ихъ освободилась выходная дверь на лѣстницу, отперъ ее и быстро убѣжалъ, даже не затворивъ за собой двери. Послѣ нанесенія нѣсколькихъ ударовъ Судовскому, когда послѣдній, равно какъ и Судейкинъ, свалился съ ногъ, онъ, Конашевичъ, отправился въ спальню Дегаева, гдѣ переодѣлся и немедленно удалился изъ квартиры, оставивъ тамъ одного Стародворскаго, и въ тотъ же вечеръ уѣхалъ изъ Петербурга по Варшавской дорогѣ, одновременно съ Дегаевымъ. Отправляясь 16 декабря 1883 г. въ квартиру Дегаева въ качествѣ одного изъ участниковъ убійства Судейкина, онъ, Конашевичъ, не разсчитывалъ возвратиться живымъ, такъ какъ предварительно рѣшено было убить Судейкина, если бы даже онъ пришелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, но самимъ живыми въ руки власти не отдаваться. Кто, кромѣ него, Дегаева и Стародворскаго, участвовалъ въ обсужденіи убійства Судейкина, Конашевичъ объявить отказался».

Такова оффиціальная сторона дѣла [1]), познакомившись съ кото-

[1]) Конашевичъ и Стародворскій были приговорены къ смертной казни, замѣненной имъ пожизненной каторгой. Оба они были заключены въ Шлиссельбургъ, гдѣ Конашевичъ впалъ въ психическое разстройство и находится донынѣ въ психіатрической лѣчебницѣ въ Казани, а Стародворскій амнистированъ послѣ 17 октября 1905 года.

рою, обратимся теперь къ другимъ свидѣтельствамъ. Въ № 2 «Вѣстника Народной Воли» была помѣщена статья редактора этого журнала Л. А. Тихомирова «Въ мірѣ мерзости и запустѣнія», изъ которой мы и приведемъ нѣсколько въ высокой степени интересныхъ отрывковъ. Намъ нѣтъ, разумѣется, дѣла до того, что статья эта принадлежитъ человѣку, радикально измѣнившему потомъ свои убѣжденія, для насъ важно лишь то, что развертывающіяся въ статьѣ г. Тихомирова страницы изъ исторіи «дегаевщины» и «судейковщины» написаны авторомъ на основаніи собственноручныхъ показаній самого Дегаева, когда онъ, мучимый ли угрызеніями совѣсти или по другимъ причинамъ, явился за границу и принесъ революціонерамъ повинную въ своемъ предательствѣ. Перейдемъ же къ отрывкамъ статьи, о которой идетъ рѣчь.

«Георгій Порфирьевичъ Судейкинъ былъ типичнымъ порожденіемъ и представителемъ того политическаго и общественнаго разврата, который разъѣдаетъ Россію подъ гнойнымъ покровомъ самодержавія. Это не былъ какой нибудь убѣжденный фанатикъ реакціонной идеи, съ ожесточеніемъ преслѣдующій ея враговъ. Въ Судейкинѣ, напротивъ, вовсе не замѣчалось никакого ожесточенія противъ революціонеровъ. Онъ былъ просто глубокій эгоистъ, не стѣсняемый въ своихъ стремленіяхъ къ карьерѣ ни убѣжденіями, ни какими бы то ни было соображеніями гуманности. Убѣжденій онъ не имѣлъ, а къ человѣческому страданію, счастью или несчастью, относился съ полнымъ безразличіемъ. Онъ не былъ положительно золъ, видъ страданія не доставлялъ ему удовольствія, но онъ съ безусловно легкимъ сердцемъ могъ жертвовать чужимъ счастьемъ, чужой жизнью — для малѣйшей собственной выгоды или удобства. Его безразличіе въ этомъ отношеніи заходило такъ далеко, что иногда становилось въ противорѣчіе даже съ простымъ благоразуміемъ практическаго дѣльца, и возбуждало неудовольствіе собственныхъ друзей Судейкина. «Нѣтъ, такъ нельзя, разсуждалъ однажды Скандраковъ (ближайшій другъ и повѣренный Судейкина), такъ нельзя, это уже неблагородно: высосать все изъ человѣка, а потомъ бросить его, какъ собаку, безъ всякихъ средствъ». Рѣчь шла, собственно, объ одномъ шпіонѣ, бывшемъ радикалѣ, П. Этотъ жалкій человѣкъ, сдѣлавшись шпіономъ, повыдавалъ очень быстро всѣхъ, кого только зналъ, и возбудилъ противъ себя подозрѣнія революціонеровъ. Выдавать было больше некого, искать новыхъ жертвъ — опасно, вслѣдствіе уже возникающихъ подозрѣній... Такимъ образомъ П. сдѣлался безполезнымъ, и Судейкинъ забросилъ его, какъ выжатый лимонъ. Этимъ то и возмущался Скандраковъ. Читатели не должны, однако, особенно увлекаться «благородствомъ» самого Скандракова. Вѣдь мы находимся теперь въ мірѣ совершенно особенномъ, гдѣ всѣ обычныя понятія о нравственности имѣютъ свой оригинальный характеръ. «Благородство» Скандракова состояло собственно въ томъ, что онъ старался вновь достать П. «заработокъ». Онъ настаивалъ на томъ, чтобы выдохшагося шпіона перевести въ «нелегаль-

ность» и, возбудивъ такимъ образомъ новое довѣріе къ нему среди революціонеровъ, доставить ему возможность опять сдѣлаться «полезнымъ». Судейкинъ не имѣлъ такой сантиментальности и затѣвалъ планъ совершенно иного рода. Дѣло въ томъ, что Дегаеву нужно было чѣмъ нибудь зарекомендовать себя въ революціонномъ мірѣ, и Судейкину пришла счастливая идея—извлечь изъ П. послѣднюю выгоду. Онъ предложилъ Дегаеву прослѣдить П., доказать передъ революціонерами его измѣну и убить его. Такимъ образомъ всякія подозрѣнія революціонеровъ противъ самого Дегаева должны были исчезнуть. «Конечно, замѣчалъ Судейкинъ, жалко его. Да что станете дѣлать? Вѣдь нужно же вамъ чѣмъ-нибудь аккредитовать себя; а изъ П. все равно никакой пользы нѣтъ». Такихъ примѣровъ мы могли бы привести нѣсколько. Тому же Дегаеву Судейкинъ предлагалъ убить еще шпіона Шкрябу [1]) (въ Харьковѣ): «Вотъ, если угодно,—можете его уничтожить, коли понадобится», и т. д. Но гораздо характернѣе то, что Судейкинъ и къ самому правительству относился нисколько не лучше. Какъ ни пріучила насъ оффиціальная Россія къ зрѣлищу политическаго индифферентизма и предательства, дѣянія Судейкина все-таки невольно поражаютъ даже человѣка, хорошо знакомаго съ изнанкой самодержавнаго строя и настоящей подкладкой реакціонныхъ гражданскихъ доблестей. Мы остановимся нѣсколько на этой сторонѣ біографіи Судейкина, любопытной особенно потому, что она рисуетъ яркими красками самый строй, которому онъ служилъ, или, правильнѣе сказать, который самъ служитъ привольнымъ пастбищемъ для ненасытныхъ аппетитовъ этихъ искателей пирога и приключеній.

«Нужно замѣтить, что отношенія выскочки-сыщика къ верхнимъ правительственнымъ сферамъ, вообще, не отличались особеннымъ дружелюбіемъ. Онъ и пугалъ ихъ и внушалъ имъ отвращеніе. Судейкинъ—плебей; онъ происхожденія дворянскаго, но изъ семьи бѣдной, совершенно захудалой. Образованіе получилъ самое скудное, а воспитаніе и того хуже. Его невѣжество, не прикрытое никакимъ свѣтскимъ лоскомъ, его казарменныя манеры, самый, наконецъ, родъ службы, на которой онъ прославился, все шокировало верхнія сферы и заставляло ихъ съ отвращеніемъ отталкивать отъ себя мысль, что этотъ человѣкъ можетъ когда-нибудь сдѣлаться «особой». А, между тѣмъ, перспектива казалась неизбѣжной. Въ сравненіи съ массой нашихъ государственныхъ людей, Судейкинъ производилъ впечатлѣніе блестящаго таланта. Мужи совѣта и дѣла сами это прекрасно чувствовали и начинали все больше тревожиться за свои портфели, за свое вліяніе на царя и на дѣла. Отвращеніе и страхъ создавали такимъ образомъ постоянную оппозицію противъ Судейкина. Его старались держать въ черномъ тѣлѣ. Онъ же со своей стороны глубочайшимъ образомъ

---

[1]) Этотъ Шкряба, впрочемъ, пережилъ Судейкина, и уже послѣ него не такъ давно былъ дѣйствительно убитъ революціонерами. *Прим. ред. Вѣс. Нар. Воли.*

презиралъ всѣхъ этихъ мужей совѣта и въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ не считалъ для себя слишкомъ высокимъ какое бы то ни было общественное положеніе. Ему, котораго не хотѣли выпустить изъ роли сыщика, постоянно мерещился портфель министра внутреннихъ дѣлъ, роль всероссійскаго диктатора, держащаго въ своихъ ежевыхъ рукавицахъ бездарнаго и слабаго царя. Разладъ между радужной мечтою и сѣренькой дѣйствительностью оказывался слишкомъ рѣзокъ. Судейкинъ всѣми силами старался разрушить такой «узкій» взглядъ на себя и постоянно добивался свиданія съ царемъ. Толстой употреблялъ напротивъ всѣ усилія не допустить его до этого, и дѣйствительно — Судейкинъ во всю жизнь такъ и не успѣлъ получить у царя ни одной аудіенціи, не былъ даже ни разу ему представленъ. Толстой на этотъ счетъ — человѣкъ ловкій и на своемъ поставить умѣетъ. Судейкинъ изъ себя выходилъ, но ничего не могъ сдѣлать, постоянно наталкиваясь на невидимую руку, оттиравшую его отъ царя. «Если бы мнѣ увидать Государя хоть одинъ разъ, говорилъ онъ съ досадой, я бы съумѣлъ показать себя, я бы съумѣлъ его привязать къ себѣ», и онъ ненавидѣлъ гр. Толстого всѣми силами души.

«Ближайшій начальникъ Судейкина—Плеве—дорожилъ имъ совершенно искренне, какъ человѣкомъ, необходимымъ для собственной карьеры самого Плеве. Онъ не скупился передъ Судейкинымъ на комплименты и въ глаза сказалъ ему однажды: «Вы должны быть осторожны. Вѣдь Ваша жизнь, послѣ жизни Государя Императора—наиболѣе драгоцѣнна для Россіи». Все это было, разумѣется, очень лестно и пріятно. Судейкинъ могъ, пожалуй, утѣшаться и тѣмъ, что его начальникъ сходится съ нимъ до нѣкоторой степени даже въ нелюбви къ графу Толстому. Однако же сплетеніе взаимной ненависти, интригъ и подсиживаній, образующихъ въ общей сложности гармонію россійскаго государственнаго механизма, представляетъ для карьеры каждаго отдѣльнаго честолюбца столько же удобствъ, сколько и затрудненій. Когда Судейкинъ, въ отвѣтъ на приведенный выше комплиментъ, замѣтилъ, что Его Превосходительство забываетъ еще о жизни гр. Толстого, который точно также составляетъ особенный предметъ ненависти для террористовъ, то Плеве раздумчиво отвѣтилъ: «Да, конечно его было-бы жаль—какъ человѣка; однако, нельзя не сознаться, что для Россіи это имѣло бы и нѣкоторыя полезныя послѣдствія»... Начальникъ государственной полиціи находилъ, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ слишкомъ деспотиченъ и реакціоненъ. Но отпуская эти фразы, Плеве имѣетъ свою линію. Онъ кандидатъ на министерство ужъ, конечно, не меньше Судейкина. Онъ гладитъ по шерсткѣ нужнаго человѣка, но вовсе не намѣревается строить изъ себя лѣстницу для его честолюбія. Въ общей сложности—Судейкинъ напрасно рвался на дорогу государственнаго дѣятеля. Его постоянно держали въ уздѣ и обходили даже наградами. Онъ получалъ ордена, получилъ даже аренду, но

его упорно не допускали до чиновъ, т. е. до самаго главнаго, чего онъ добивался. Это, конечно, было самое дѣйствительное средство благовиднымъ образомъ загораживать выскочкѣ путь къ высокимъ должностямъ, и Судейкинъ за пять лѣтъ службы, полной блестящихъ успѣховъ, могъ возвыситься изъ капитановъ всего только въ подполковники. Онъ ждалъ производства въ полковники хотя бы послѣ коронаціи, во время которой за нимъ всѣ такъ ухаживали. Боязнь допустить повышеніе Судейкина оказалась, однако, болѣе сильною, чѣмъ опасеніе его раздражить. Спаситель Россіи получилъ всего на всего Владиміра 4-ой степени и, разумѣется, буквально взбѣсился. Подъ вліяніемъ такихъ-то столкновеній у Судейкина рождаются планы, достойные дѣйствительно временъ семибоярщины или бироновщины. Его упорно преслѣдовала соблазнительная мечта, которую онъ весь послѣдній годъ жизни лелѣялъ, какъ Валленштейнъ свой планъ измѣны, не рѣшаясь приступить къ осуществленію этихъ дерзкихъ замысловъ, но не рѣшаясь и разстаться съ ними. Онъ думалъ поручить Дегаеву подъ рукой сформировать отрядъ террористовъ, совершенно законспирированный отъ тайной полиціи; самъ же хотѣлъ затѣмъ къ чему-нибудь придраться и выйти въ отставку. Въ одинъ изъ моментовъ, когда онъ уже почти рѣшался начать свою фантастическую игру, Судейкинъ думалъ мотивировать отставку прямо безтолковостью начальства, при которой онъ-де не въ состояніи добросовѣстно исполнять свой долгъ; въ другой такой моментъ Судейкинъ хотѣлъ устроить фиктивное покушеніе на свою жизнь, причемъ долженъ былъ получить рану и выйти въ отставку по болѣзни. Какъ бы то ни было, немедленно по удаленіи Судейкина, Дегаевъ долженъ былъ начать рѣшительныя дѣйствія: убить гр. Толстого, великаго князя Владиміра, и совершить еще нѣсколько болѣе мелкихъ террористическихъ фактовъ. При такомъ возрожденіи террора—понятно, ужасъ долженъ былъ охватить царя; необходимость Судейкина, при удаленіи котораго революціонеры немедленно подняли голову—должна была стать очевидной, и къ нему обязательно должны были обратиться, какъ къ единственному спасителю. И тутъ уже Судейкинъ могъ запросить, чего душѣ угодно, тѣмъ болѣе, что со смертью Толстого — сходитъ со сцены единственный способный человѣкъ, а мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ остается вакантнымъ... Таковы были интимныя мечты Судейкина. Его фантазія рисовала ему далѣе, какъ, при исполненіи этого плана, Дегаевъ въ свою очередь дѣлается популярнѣйшимъ человѣкомъ въ средѣ революціонеровъ, попадаетъ въ Исполнительный Комитетъ или же организуетъ новый центръ революціонной партіи, и тогда они вдвоемъ—Судейкинъ и Дегаевъ—составятъ нѣкоторое тайное, но единственно реальное правительство, заправляющее одновременно дѣлами надпольной и подпольной Россіи: цари, министры, революціонеры — все будетъ въ ихъ распоряженіи, всѣ повезутъ ихъ на своихъ спинахъ къ какому-то туманно-ослѣпительному будущему, которое Судейкинъ,

можетъ быть, даже наединѣ съ самимъ собою не смѣлъ рисовать въ сколько-нибудь опредѣленныхъ очертаніяхъ...

«Вотъ собственно каковъ былъ по своимъ «убѣжденіямъ» и по своей «вѣрности» этотъ отчаянный авантюристъ, за гробомъ котораго впослѣдствіи несли вѣнокъ, присланный, по слухамъ, императрицей и предназначенный «честно исполнившему свой долгъ до конца», какъ гласила чувствительная надпись. Можно-ли придумать что-нибудь болѣе жестоко - ироническое! И нужно, между прочимъ, сказать, что Судейкинъ далеко не оставался въ области однихъ грѣшныхъ мечтаній. Еще незадолго до смерти онъ было совсѣмъ рѣшился переходить Рубиконъ. Онъ уже далъ Дегаеву указанія объ образѣ жизни гр. Толстого и сообщилъ необходимыя данныя для слѣженія за нимъ. Точно также онъ рѣшился устроить покушеніе и на свою собственную жизнь, для чего уже началъ ходить въ паркъ, гдѣ Дегаевъ долженъ былъ его яко-бы подстерегать, хотя при всемъ своемъ довѣріи къ Дегаеву, Судейкинъ хотѣлъ себѣ нанести рану непремѣнно самъ. Въ концѣ концовъ—Судейкинъ, послѣ совѣщанія съ докторомъ, не рѣшился, впрочемъ, нанести себѣ даже малѣйшей раны и ограничился тѣмъ, что подалъ Плеве прошеніе объ отставкѣ. Просьбы Плеве еще болѣе поколебали Судейкина, подавъ ему надежду побѣдить начальство безъ кровопролитія. Но онъ все-таки рѣшительно заявилъ, что не останется на службѣ далѣе мая 1884 г., до котораго срока и отложилъ еще разъ исполненіе своихъ замысловъ, прекративши, разумѣется, и слѣженіе за Толстымъ. Но если Судейкинъ, такимъ образомъ, робѣлъ нѣсколько разъ передъ своимъ отчаяннымъ предпріятіемъ, въ которомъ рисковалъ головой, при малѣйшей нескромности помощниковъ,—то съ другой стороны онъ энергично и неустанно преслѣдовалъ другую, уже вполнѣ безопасную часть плана: подборъ лицъ, на которыхъ могъ бы опереться, достигнувъ могущества. Онъ систематически окружалъ себя своими креатурами, выбирая людей не только способныхъ, но безусловно лично ему преданныхъ. Всѣ эти Скандраковы, Судовскіе, Сидрины и т. д.—люди всѣхъ степеней сыскной іерархіи—все друзья его, земляки или еще чаще родственники. Онъ ихъ вытаскивалъ за уши изо всѣхъ норокъ и группировалъ около себя. Онъ наполнялъ ими всѣ мѣста и стремился превратить секретную полицію въ нѣкоторую организацію, связанную съ нимъ неразрывными узами пріятельства, матеріальныхъ интересовъ, совмѣстнаго успѣха и совмѣстнаго риска. Тутъ уже Судейкинъ не забывалъ и не выдавалъ друзей и кліентовъ. Въ свою очередь онъ также могъ смѣло полагаться на нихъ.

«Система Судейкина была вполнѣ опредѣленна: онъ поставилъ себѣ за правило — обращаться съ предложеніемъ поступить въ шпіоны—рѣшительно ко всякому. Чѣмъ мотивировать такое предложеніе — это все равно. Будетъ оно принято или отвергнуто съ презрѣніемъ—это, конечно, не все равно, но трудъ и хлопоты въ обоихъ случаяхъ не пропадаютъ даромъ, потому-что безплодные

переговоры, бывшіе у полиціи съ честнымъ человѣкомъ, дѣлаютъ менѣе замѣтными тѣ переговоры, которые по отношенію къ какому-нибудь негодяю увѣнчались полнымъ успѣхомъ; вообще, все это отнимаетъ у массы зрителей возможность провести ясное различіе между обоими лицами, и, наконецъ, пріучаетъ всѣхъ къ мысли о естественности и законности собесѣдованій порядочнаго человѣка съ чинами секретной полиціи. На такихъ же основаніяхъ Судейкинъ не жалѣлъ бросать деньги, повидимому, совершенно зря—такимъ людямъ, которыхъ агентура была совершенно фиктивна, потому что они, очевидно, лукавили съ полиціей. Съ точки зрѣнія Судейкина—это не составляло еще важности. Нужно было пріучить людей брать деньги отъ полиціи: вотъ главная задача, и въ этомъ смыслѣ, пожалуй, даже лучше, если на первое время будутъ попадаться люди, которые деньги возьмутъ, а шпіонской роли исполнять не станутъ. Это опять затрудняетъ для зрителей возможность разобраться, кто шпіонъ, кто нѣтъ, и позволяетъ шпіону утверждать, что онъ обманываетъ полицію и только высасываетъ изъ нея деньги. Нельзя, къ сожалѣнію, не замѣтить, что такимъ путемъ деморализація и дѣйствительно проникала въ общество и молодежь.

«Что такое Дегаевъ? Какимъ путемъ и для чего попалъ онъ такъ близко къ полицейскому диктатору? Какимъ образомъ Судейкинъ могъ такъ довѣриться бывшему революціонеру? Мы къ сожалѣнію до сихъ поръ не получили такихъ обстоятельныхъ свѣдѣній, которыя позволили-бы намъ пуститься въ безбоязненное распутываніе этой новой темной исторіи. Съ другой стороны намъ не хотѣлось-бы говорить и наугадъ. Читатели знаютъ во всякомъ случаѣ, что Дегаевъ былъ нѣкогда революціонеромъ, а затѣмъ — оставаясь въ рядахъ партіи — сдѣлался въ то же время наиболѣе довѣреннымъ агентомъ Судейкина: въ концѣ же концовъ онъ помогаетъ Исполнительному Комитету совершить казнь Судейкина. Въ настоящей замѣткѣ мы уже видѣли достаточно невѣроятныхъ чудесъ и даже принуждены были дать себѣ слово ничему не удивляться. Не будемъ же удивляться и на этотъ разъ, а перейдемъ прямо къ окончанію этой серіи невѣроятностей, къ происшествію 16-го декабря 1883 г.

«Съ 3-го декабря 1883 г. Дегаевъ, подъ фальшивымъ паспортомъ Яблонскаго, проживаетъ въ собственной квартирѣ на одномъ изъ тѣхъ дворовъ, которые выходятъ однимъ фасомъ на Невскій, другимъ на Гончарную (№ 91—12). Самая квартира расположена во дворѣ, въ 3-мъ этажѣ, окнами на дворъ и имѣетъ единственный ходъ со двора же, изъ-подъ воротъ (по Гончарной). Квартира эта довольно большая и состоитъ изъ кухни, передней и трехъ комнатъ (столовая, кабинетъ, спальня), расположенныхъ амфиладой. Меблирована она, однако, довольно безпорядочно.

«Дегаевъ раньше жилъ съ женой, Судейкинъ—большой пріятель Дегаева—часто посѣщалъ супруговъ, по дѣламъ и безъ дѣлъ, ѣлъ и пилъ у нихъ, засиживался до поздней ночи. Онъ является

очень часто со своимъ племянникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ казначеемъ, Судовскимъ, а другой его приближенный человѣкъ и чуть-ли тоже не родственникъ, Сидринъ (простой шпіонъ), бываетъ у Дегаевыхъ чуть не каждый день. Вообще — отношенія вполнѣ интимныя, и Судейкинъ, при всей своей осторожности и подозрительности, здѣсь очевидно ничего не опасается. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ г-жа Дегаева собирается уѣхать за границу; Судейкинъ даетъ ей деньги, даетъ фальшивый заграничный паспортъ. Онъ полагаетъ, что она ѣдетъ слѣдить за эмигрантами. Дегаевъ, оставшись одинъ, для полнаго успокоенія Судейкина, проситъ его дать ему слугу изъ шпіоновъ. Просьба, разумѣется, удовлетворяется, и какой-то сыщикъ, шуринъ Сидрина, дѣлается лакеемъ Дегаева, проживая, впрочемъ, подъ фальшивымъ видомъ, яко-бы сына дьячка, Константина Александрова. Такимъ образомъ Судейкину не можетъ придти въ голову даже самая мысль объ опасности посѣщать его квартиру.

«А между тѣмъ смерть уже приближалась къ нему. Дегаевъ пробовалъ стрѣлять въ комнатѣ—и оказалось, что звукъ не слышенъ внѣ квартиры. Его пособники уже входили въ квартиру и осмотрѣли ее. Они обсудили, какое орудіе будетъ наиболѣе подходящимъ для убійства и остановились на желѣзныхъ, полупудовыхъ ломахъ, около аршина длиной. Наконецъ, былъ назначенъ день...

«Дегаевъ долженъ былъ устроить такъ, чтобы въ этотъ день къ нему пришелъ Судейкинъ, и чтобы Константина въ то же время не было дома. Такой случай очень скоро самъ явился на помощь заговорщикамъ. Константинъ отпросился отлучиться изъ дому на парадъ, и Дегаевъ тотчасъ же написалъ Судейкину, что желаетъ его видѣть. Все было готово... Такъ кончилась эта жизнь, переносящая васъ мысленно куда-то далеко, ко временамъ какого-нибудь Гришки Отрепьева; а черезъ нѣсколько дней полицейская Россія уже воздала послѣдній долгъ своему герою и проводила его на кладбище, мрачно и уныло, среди тоскливыхъ опасеній за свою собственную судьбу»...

Судьба Судейкина свершилась. Правительство развѣсило по всей Россіи буквально въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ воспроизводимое нами здѣсь объявленіе, обѣщавшее награду въ тысячи рублей за поимку Дегаева или хотя бы за доставленіе полиціи какихъ либо указаній на его мѣстопребываніе, но все было тщетно: Дегаева и слѣдъ простылъ. Съ своей стороны революціонеры выпустили двѣ прокламаціи, въ одной изъ которыхъ заявлялось, что событіе 16 декабря было дѣломъ организаціи «Народной Воли», въ другой—обѣщалось возмездіе всякому, кто соблазнится правительственнымъ обѣщаніемъ денежной награды и приметъ участіе въ задержаніи Дегаева [1]). Вторая прокламація

[1]) Обѣ прокламаціи были затѣмъ перепечатаны въ № 10 «Нар. Воли», а нынѣ воспроизведены въ 6-мъ томѣ сборниковъ Базилевскаго—«Литература партіи Народной Воли» стр. 651—652.

вызвала недоразумѣніе въ томъ смыслѣ, что будто бы партія «Нар. Воли» беретъ Дегаева подъ свое покровительство. Вслѣдствіе этого въ № 10 «Народной Воли» появилось слѣдующее заявленіе Исполнительнаго Комитета:

«Въ виду разнообразныхъ и большею частью ложныхъ слуховъ, распространяющихся о фактахъ, связанныхъ съ казнью Судейкина, Исполнительный Комитетъ партіи Народной Воли считаетъ своею обязанностью передъ товарищами и передъ публикой обнародовать по этому поводу слѣдующее.—Изъ нашихъ предъидущихъ публикацій извѣстно, что И. К. рѣшилъ до появленія коронаціоннаго манифеста Александра III не производить никакихъ наступательныхъ дѣйствій, предоставивъ русскому правительству самому доказать русскому обществу, что оно, правительство, и не обезпокоиваемое ударами революціонеровъ, не способно ни къ какимъ благодѣтельнымъ для Россіи мѣрамъ. Казнь Стрѣльникова, подготовленная заранѣе, была лишь частнымъ средствомъ самозащиты.

«Но это преднамѣренное бездѣйствіе начало истолковываться не только врагами, но даже нѣкоторыми членами организаціи Н. В., какъ результатъ ослабленія партіи вслѣдствіе крупныхъ ударовъ, нанесенныхъ ей передъ этимъ. Это могло въ особенности имѣть мѣсто для кое-кого изъ тѣхъ лицъ, которыя, занимая лишь второстепенныя положенія въ организаціи, не дозволявшія имъ обладать надлежащими свѣдѣніями о ея намѣреніяхъ и силахъ, и очутившись вслѣдъ затѣмъ въ заключеніи или ссылкѣ, отрѣзавшихъ ихъ отъ живыхъ сношеній съ товарищами, могли лишь крайне недостаточно знать то, что дѣлалъ или имѣлъ въ виду сдѣлать въ это время Комитетъ. Такое малодушно-недовѣрчивое отношеніе къ внутренней силѣ нашего дѣла и къ наличнымъ силамъ защищающей его партіи, въ связи съ несчастнымъ личнымъ характеромъ, представляющимъ уродливую смѣсь громадной самоувѣренности и самонадѣянности съ позорнымъ страхомъ за свою личную безопасность и благополучіе, повели въ одномъ случаѣ къ цѣлому ряду глубоко прискорбныхъ и прямо преступныхъ дѣйствій, нанесшихъ партіи много непоправимаго нравственнаго и матеріальнаго вреда и дѣйствительно парализовавшихъ на время ея дѣятельность. Мы говоримъ, конечно, о С. П. Дегаевѣ,—человѣкѣ, присоединившемся къ партіи въ моментъ ея могущества, исполнявшемъ многія довѣренныя ему службы и поднявшемся поэтому во время позднѣйшихъ разгромовъ довольно высоко въ организаціонной іерархіи, хотя его прошедшее, бѣдное серьезными испытаніями, и не давало всѣхъ требуемыхъ въ другое время гарантій безусловной состоятельности во всѣхъ случаяхъ. Арестованный въ Одессѣ въ декабрѣ 1882 года, чувствуя себя скомпрометированнымъ самымъ серьезнымъ образомъ, устрашенный открывавшейся передъ нимъ перспективой личной гибели, малодушно смѣшивая, подъ вліяніемъ тюремныхъ иллюзій и своего слабаго характера, свою собственную гибель и безсиліе съ гибелью и безсиліемъ самаго дѣла и партіи и суевѣрно представляя себѣ схва-

*

тившую его полицію Судейкина какою-то всемогущею, вездѣсущею силою, онъ рѣшился на такой планъ дѣйствій, который не только спасалъ его отъ каторги, но и открывалъ передъ нимъ, по его мнѣнію, заманчивую перспективу блестящей политической роли. А именно, находясь въ этомъ состояніи духовнаго помраченія и нравственнаго паденія и отрѣзанный отъ нравственной поддержки болѣе сильныхъ и благородныхъ товарищей, онъ задумалъ купить признательность и довѣріе правительства цѣной выдачи ему своихъ вчерашнихъ друзей и его злѣйшихъ враговъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, заручившись полнымъ довѣріемъ самодержавной власти, нанести ей при случаѣ рѣшительный ударъ. Съ этими химерическими, смутными и глубоко-безнравственными идеями въ головѣ, онъ предложилъ Судейкину свои услуги, которыя и были охотно приняты перепуганнымъ правительствомъ, немедленно устроившимъ ему подложный побѣгъ, приведшій снова въ ряды партіи этого безсовѣстнаго и опаснаго предателя. Если вѣрить его собственнымъ объясненіямъ, то онъ льстилъ себя нѣкоторое время надеждами на то, что ему удастся достигнуть своей цѣли цѣною сравнительно незначительныхъ жертвъ, выдавая лишь второстепенныя дѣла и личности и спасая всѣхъ важныхъ дѣятелей и всѣ важныя предпріятія и учрежденія и даже обезпечивая этимъ послѣднимъ болѣе широкое развитіе подъ ею самоличною охраною. Но дѣйствительность скоро разбила эти фантастическіе планы и показала всю химеричность этой безпринципной и преступной затѣи. Находясь подъ неустаннымъ давленіемъ ненасытной полиціи и подъ непрестаннымъ опасеніемъ потерять ея довѣріе и возбудить противъ себя ея подозрѣнія, онъ былъ вынужденъ мало-по-малу выдать ей почти все, что зналъ, не щадя ни личныхъ друзей, ни довѣрявшихъ ему знакомыхъ, ни учрежденій и предпріятій самаго серьезнаго свойства, за исключеніемъ лишь того, что оставалось ему неизвѣстнымъ въ силу его іерархическаго положенія. Мало того, подъ давленіемъ тѣхъ же мотивовъ и для приданія себѣ большей важности и болѣе прочнаго положенія, ему пришлось даже сочинять небывалыя предпріятія и приписывать многимъ отдѣльнымъ личностямъ, даже и не принадлежавшимъ совсѣмъ къ организаціи, совершенно фантастическое значеніе. Но все это, конечно, не повело ни къ чему и, разрушивъ множество серьезныхъ предпріятій и погубивъ не мало благородныхъ личностей, нисколько не вывело его самого изъ позорнаго положенія обыкновеннаго предателя и сыщика. И вотъ, подавленный сознаніемъ своего преступнаго самообольщенія, невольно поддаваясь вліянію окружавшей его опять нравственной атмосферы, мучимый угрызеніями совѣсти, отчаявшись въ возможности для себя не только блестящей, но и какой бы то ни было карьеры, удерживаемый правительствомъ въ незавидной роли полицейской ищейки, постоянно опасаясь обнаруженія своей позорной тайны и утомленный въ конецъ вѣчной борьбой съ вѣчно возникавшими противъ него подозрѣніями, онъ рѣшился напослѣдокъ открыться

Исполнительному Комитету, предоставивъ этому послѣднему или подвергнуть его заслуженной казни, или дозволить ему искупить, хотя до нѣкоторой степени, свое преступленіе какою-нибудь услугою дѣлу партіи. Очутившись передъ лицомъ этой глубоко печальной и трагической задачи, Исполнительный Комитетъ, какъ представитель политической партіи, не счелъ себя въ правѣ дѣйствовать подобно частному лицу въ обыденной жизни и руководствоваться въ своемъ рѣшеніи только нравственной брезгливостью да требованіями отвлеченной справедливости. Напротивъ того, онъ полагалъ, что его прямая обязанность состояла въ томъ, чтобы, обезпечивъ—путемъ ли физической смерти, или иными способами—полное уничтоженіе личности Дегаева для партіи, правительства и общества, достигнуть вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыхъ другихъ важныхъ цѣлей. А именно,—онъ нашелъ необходимымъ: 1) спасти прежде всего тѣхъ изъ дѣйствительныхъ дѣятелей, которые, хотя и были указаны полиціи, находились еще на свободѣ; 2) вывести изъ подъ надзора полиціи указанныя ей учрежденія и скрыть ихъ вполнѣ надежнымъ образомъ; 3) отобрать у Дегаева подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ наемныхъ агентахъ и добровольныхъ пособникахъ политической полиціи; 4) и, наконецъ, казнить самого Судейкина (но непремѣнно руками самого же Дегаева), ибо этотъ неутомимый сѣятель политическаго разврата долженъ былъ, по мнѣнію Комитета, погибнуть въ той самой ямѣ, которую онъ рылъ другимъ, оставивъ собственной гибелью вѣчно памятный урокъ того, какъ ненадежно все основанное на предательствѣ. Къ тому же только такое взаимоистребленіе двухъ достойныхъ другъ друга дѣятелей могло, по его мнѣнію, успокоить, хоть до нѣкоторой степени, возмущенное нравственное чувство зрителей этой трагедіи и дѣйствительно обезпечить на будущее время полную невозможность новаго выступленія Дегаева на той или другой сторонѣ русской политической арены. Нѣтъ надобности прибавлять, что всѣ выдачи были прекращены безусловно съ того самаго момента, какъ Дегаевъ отдался въ распоряженіе Исполнительнаго Комитета.

«Что касается того, какъ выполнены приказанія Комитета касательно казни Судейкина, то это достаточно извѣстно всѣмъ и каждому изъ разныхъ газетъ. Вынужденный горькою необходимостью преодолѣть свою нравственную брезгливость и законное негодованіе и воспользоваться услугами Дегаева, Исполнительный Комитетъ нашелъ справедливымъ замѣнить ему смертную казнь безусловнымъ изгнаніемъ его изъ партіи съ запрещеніемъ ему, подъ опасеніемъ смерти, вступать когда-либо на почву русской революціонной дѣятельности. Исполнительный Комитетъ приглашаетъ всѣхъ членовъ партіи Народной Воли слѣдить за точнымъ выполненіемъ этого приговора, а также за поведеніемъ другихъ лицъ, запятнавшихъ себя договорами съ Судейкинымъ, Плеве и вообще полиціей.

«Пусть эти лица знаютъ, что организація предупреждена объ ихъ продѣлкахъ, и помнятъ, что въ настоящее время единствен-

ный выходъ для нихъ составляетъ добровольное удаленіе къ частной жизни. Несмотря на всю важность занимающихъ его вниманіе цѣлей, Исполнительный Комитетъ найдетъ время неуклонно преслѣдовать дѣло очищенія русской политической атмосферы отъ деморализаціи, развитой въ ней Судейкинымъ» [1]).

Таковъ остовъ тѣхъ страницъ русскаго революціоннаго движенія, которыя связаны съ именами Судейкина и Дегаева. Мы привели ихъ здѣсь для болѣе яснаго пониманія читателями уже не остова «Дегаевщины» а самой плоти и крови той эпохи въ живомъ ея воспроизведеніи современниками. Выше помѣщенными высоко интересными воспоминаніями по этому поводу А. П. Прибылевой-Корбы исторія Дегаевщины далеко, конечно, еще не исчерпывается, и наши читатели встрѣтятся съ нею еще не разъ въ мемуарахъ А. А. Спандони, С. А. Иванова и другихъ крупныхъ дѣятелей той эпохи.

[1]) Это заявленіе Исполнительнаго Комитета приводится здѣсь съ небольшими сокращеніями (опущены, напр. нѣсколько строкъ, содержащихъ характеристику личности Александра III). Полностью см. 6-й томъ сборниковъ Базилевскаго «Литература партіи Народной Воли» стр. 653—657.

Къ біографіи Адама Мицкевича.

(1829).

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Въ январѣ 1829 года Адамъ Мицкевичъ, обязанный еще въ 1827 году по Высочайшему повелѣнію отбывать государственную службу во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, началъ хлопотать о разрѣшеніи выѣхать за границу для поправленія здоровья. Шефу жандармовъ ген.-ад. А. Х. Бенкендорфу Мицкевичъ подалъ тогда слѣдующую записку о своемъ дѣлѣ:

„Въ концѣ 1823 года я былъ арестованъ виленской полиціей и въ теченіе семи мѣсяцевъ находился въ заключеніи, въ тюрьмѣ, въ которой на меня смотрѣли какъ на преступника, и обращались какъ съ преступникомъ. На пятый мѣсяцъ моего заключенія я подвергся первому и послѣднему допросу передъ комиссіей, которой поручено было произвести розысканіе о существованіи тайныхъ обществъ между студентами Виленскаго университета. Нѣкоторое время спустя вышеназванная комиссія признала, что я, будучи еще студентомъ университета, принадлежалъ къ литературному обществу, состоявшему изъ 5—7-ми членовъ, продолжительность существованія котораго не простиралась свыше 2-хъ лѣтъ, 1817 и 1818, и которому слѣдственная комиссія никогда не приписывала политической цѣли. Но въ то же самое время было признано, что я не принадлежалъ къ другому студенческому обществу, заключавшему болѣе сотни членовъ, возникновеніе котораго относилось къ 1820-му году и которому сама комиссія могла приписать единственную вину—любовь къ родинѣ, ни разу не объяснивъ, какимъ образомъ и почему она не дозволена. По заключенію этой комиссіи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1824-го года я былъ освобожденъ и, какъ мнѣ казалось, могъ предать забвенію всѣ мои прошлыя несчастья, какъ вдругъ, по предписанію полиціи въ октябрѣ я вынужденъ былъ въ 24 часа покинуть Вильну и отправиться въ Петербургъ. Я узналъ тогда, что я былъ помѣщенъ въ число 14-ти студентовъ, осужденныхъ нести государственную службу въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, по распоряженію свыше, предоставлявшему мнѣ выборъ мѣста служенія, я былъ направленъ къ графу Витту, попечителю Одесскаго лицея. Но немного спустя, послѣ новаго распоряженія, вынуждавшаго измѣнить мѣсто моего пребыванія, я выбралъ службу въ Москвѣ, гдѣ я былъ причисленъ къ канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ московскимъ генералъ-губернаторомъ.

Положеніе моихъ собственныхъ дѣлъ и моей семьи заставляетъ меня желать перемѣщенія въ С.-Петербургъ, а состояніе моего здоровья требуетъ, чтобъ я предпринялъ путешествіе на воды въ Германію. Но я хорошо вижу, что всѣ мои попытки будутъ безплодны, пока мнѣ приходится защищаться не противъ явныхъ уликъ, но противъ неясныхъ и неопредѣленныхъ подозрѣній. Я не подлежу законному осужденію, ибо я не былъ осужденъ; я не заслуживаю наказанія, ибо я не былъ приговоренъ къ наказанію; мое поведеніе безупречно, ибо свидѣтельство моего начальства отвѣчаетъ за меня. Я заслуживаю довѣрія, разъ я могъ получить профессорскую кафедру, и не смотря на все это я—опасный человѣкъ, подозрѣнія рѣютъ надо мной. И послѣ того какъ все перемѣнилось вокругъ меня, послѣ того какъ я самъ достигъ возраста, когда нужно окончательно подумать о своей судьбѣ, и когда человѣкъ, и какъ подданный, и какъ отецъ семейства, долженъ выяснить и исполнить свои обязанности, на меня все же смотрятъ, какъ на студента Виленскаго университера. Новыя розысканія слѣдуютъ одно за другимъ, не прибавляется никакихъ новыхъ обвиненій ни противъ меня, ни противъ моихъ товарищей, ни съ какой стороны не вспоминаютъ о виленской слѣдственной комиссіи; милость государя смягчаетъ суровость суда, манифесты отмѣняютъ приговоры трибуналовъ, открываютъ тюрьмы, возвращаютъ ссыльныхъ. Не смотря на это, мое общественное положеніе остается все тѣмъ же. Изгнанный въ 1824 году за дѣйствія, имѣвшія мѣсто въ 1818 году, я въ теченіе пяти лѣтъ не могу достигнуть искупленія моихъ первыхъ школьныхъ лѣтъ.

Адамъ Мицкевичъ.

Письмо Мицкевича написано по-французски. Для интересующихся приводимъ и подлинникъ:

C'était vers la fin de l'année 1823 que j'ai été saisi par la police de Vilna, pour être enfermé pendant sept mois dans une prison, dans laquelle j'ai été guardé et traité comme un criminel. Dans le cinquième mois de mon emprisonnement, j'ai subi mon prémier et mon dernier interrogatoire devant la Comission, chargée alors d'enquête sur l'éxistence des societés secrétes, parmi les étudiens de l'Université de Vilna. Il a été reconnu quelque temps après par la dite Commission que j'ai appartenu, étant encore étudien de l'Université, à une société littéraire composée de 5 à 7 membres dont la durée ne s'etendait au delà de deux années 1817 et 1818, et à laquelle la Commission d'enquête n'a jamais attribué un but politique: mais il a été reconnu en même tems, que je n'avais pas appartenu à une autre société des étudiens, composée de plus de 100 membres, dont l'origine se rapportait à l'année 1820 et à laquelle la Comission elle-même n'a trouvé qú'une seule faute *l'amour de la nationalité*, sans jamais dire comment et en quoì il était illicite. Par suite de cette enquête j'ai été mis en liberté au mois d'Avril 1824 et j'ai cru pouvoir vouer à l'oubli toutes mes tribulaitions passées, lorsqu'un ordre de police au mois d'Octobre m'a fait quitter Vilna dans le delai de 24 heures, pour aller à Petersburg. J'ai appris alors que j'ai été mis au nombre de 14 étudiens condamnés à prendre le service de la Couronne dans les gouvernements éloignés de la Pologne. Arrivé à St.-Petersbourg par suite de l'ordre suprême qui m'avait laissé le choix du lieu du service

je fus adressé au Comte de Witt Curateur du Lycée d'Odessa. Mais peu de tems après un nouvel ordre m'ayant fait changer le lieu de mon séjour, j'ai choisi le service à Moscou, oú je suis attaché à la Chancellerie civile du Gènéral Gouverneur Militaire.

L'état de mes propres affaires et de celles de ma famille m'ont fait désirer d'être placé à St.-Petersbourg, l'état de ma santé éxige que je fasse un voyage aux eaux de l'Allemagne, mais je vois bien que toutes mes démarches seront infructueuses tant que j'aurais à me deféndre non par contre les preuves évidentes, mais contre des soupçons vagues et obscurs. Je ne mérite pas un jugement, car je n'ai pas été jugé, je ne mérite pas une peine, car je n'ai pas été puni ma conduite n'est pas blamable, car le témiognage de mon Chef répond pour moi, jè mérite la confiance, car j'ai qu obtenir la place du Professeur. et malgré tout cela je suis un homme dangereux, des soupçons planent sur moi. Ainsi donc après que tout est changé autour de moi, après que moi même je suis parvenu à l'âge où l'on est obligé à penser décidemment à son sort, oú l'homme et comme sujet et comme père de famille doit connaitre et remplir ses devoirs, je suis regarde toujours comme un étudien de l'Université de Vilna. Des enquêtes nouvelles succèdent l'une après l'autre, rien ne vient à augmenter la charge contre moi, ni contre mes collegues, nulle part on ne fait mention de la Commission d'enquête de Vilna; la grâce du Souverain rêlache les rigueurs de la justice, les Manifestes suspendent les poursuites des tribunaux, ouvrent les prisons, rendent les rèlégués à leur famille, malgré cela ma position sociale reste toujours la même. Exporté en 1824 pour des faits survenus en 1818, je ne puis pas pendant cinq ans réussir à éxpier mes prémières années d'école.

Adam Mickiewicz.

За Мицкевича усиленно хлопотали; его предстатели имѣли успѣхъ у Бенкендорфа, такъ какъ на запискѣ Мицкевича онъ положилъ слѣдующую резолюцію: „Просимъ В. К. Константина рѣшить вопросъ въ благопріятномъ смыслѣ“—(le demander au g: D: Const: bien touaner la question). Этой резолюціей долженъ былъ руководиться чиновникъ III отдѣленія, составлявшій рапортъ великому князю. Рапортъ былъ написанъ въ весьма благопріятномъ для Мицкевича смыслѣ. Приводимъ его цѣликомъ:

„Извѣстный польскій поэтъ Мицкевичъ, высланный, за принадлежность къ тайному обществу филаретовъ изъ Польскихъ губерній во внутренность Россіи, и находящійся, по Высочайшему соизволенію, въ здѣшней Столицѣ, проситъ дозволенія отправиться за границу для употребленія цѣлительныхъ водъ отъ болѣзни, которая, по мнѣнію здѣшнихъ врачей, незамедлитъ прекратить его жизнь.

Поелику Мицкевичъ, по свидѣтельству мѣстныхъ начальствъ, равно какъ по всѣмъ собраннымъ о немъ секретнымъ справкамъ, велъ себя, во все время пребыванія своего въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ, отлично хорошо и скромно, и снискалъ себѣ искреннее уваженіе всѣхъ тѣхъ, съ коими онъ имѣлъ случай познакомиться; то его Императорское Величество, въ уваженіе всего вышеизложеннаго, и въ особенности болѣзненнаго его состоянія, содѣлывающаго жизнь его недолговѣчною, Высочайше благоволилъ повелѣть мнѣ испросить всепокорнѣйше Ва-

шего Императорскаго Высочества разрѣшеніе, на дозволеніе Мицкевичу отправиться за границу.

Донесши всеподданнѣйше Вашему Императорскому Высочеству, буду имѣть честь ожидать предписанія Вашего, для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору".

Рапортъ былъ отправленъ 7 февраля 1829 года, а 21 февраля изъ Варшавы былъ отправленъ слѣдующій отвѣтъ на имя Бенкендорфа:

„На отношеніе ко мнѣ Вашего Превосходительства отъ 7-го февраля за № 600-мъ, коимъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію спрашиваете моего согласія на дозволеніе поэту Мицкевичу отправиться за границу для лѣченія болѣзни, угрожающей самою смертію,—имѣю честь отвѣтствовать Вашему Превосходительству, что коль скоро благоугодно оное Его Императорскому Величеству, я, съ моей стороны, совершенно согласенъ съ Высочайшею волею и никакого препятствія не нахожу".

Генералъ Инспекторъ всей Кавалеріи *Константинъ.*

12 марта ген.-ад. Бекендорфъ рапортовалъ Великому князю:

„Долгомъ считаю всепокорнѣйше донести Вашему Императорскому Высочеству, что вслѣдствіе отзыва Вашего Императорскаго Высочества отъ 21 февраля, подъ № 12212 послѣдовало Всемилостивѣйшее Государя Императора дозволеніе польскому поэту Мицкевичу отправиться за границу.

Поручикъ Ѳедоръ Кречетовъ.

Шлиссельбургскій узникъ XVIII столѣтія.

Общественное движеніе во второй половинѣ царствованія императрицы Екатерины II выдвинуло на общественную арену цѣлый рядъ замѣчательныхъ дѣятелей, съ Новиковымъ и Радищевымъ во главѣ. Но наряду съ этими извѣстными людьми на общественной нивѣ трудились многіе рядовые дѣятели, чьихъ именъ не донесла до насъ исторія. Безвѣстность была ихъ участью при жизни и по смерти. Но иногда безвѣстность постигала и выдающихся людей по причинамъ исключительнымъ. Они погибали въ каменныхъ мѣшкахъ государственныхъ тюремъ— этихъ твердынь государственнаго строя. Сколько ихъ было, кто были они, что дѣлали и какъ мыслили,—мы не знаемъ и съ полной достовѣрностью и опредѣленностью никогда не узнаемъ. Только случайныя архивныя находки вдругъ освѣщаютъ яркимъ свѣтомъ фигуры этихъ забытыхъ исторіей работниковъ и ту сцену, на которой они выступали. Къ числу такихъ дѣятелей второй половины XXIII в. принадлежитъ и поручикъ Ѳедоръ Кречетовъ, неизвѣстный и по имени даже изслѣдователямъ и спеціалистамъ. А его нужно считать однимъ изъ первыхъ русскихъ конституціоналистовъ. Не принадлежа къ крупнымъ писателямъ своего времени, Кречетовъ по духу былъ однимъ изъ непосредственныхъ сподвижникомъ Новикова и Радищева. Въ многомъ сходясь съ ними во взглядахъ, стремясь къ облегченію участи изнемогающаго въ невѣжествѣ и рабствѣ народа, видя кругомъ себя возмутительныя картины безправія и произвола, онъ болѣлъ о горѣ родины и думалъ о средствахъ избавленія родины отъ общественныхъ золъ и неурядицъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка спасеніе государства онъ видѣлъ въ уничтоженіи самодержавія и замѣнѣ его конституціоннымъ образомъ правленія. Живя въ самый разгаръ крѣпостничества, видя на каждомъ шагу торжество грубой силы и попраніе правъ человѣческихъ, онъ работаетъ надъ проектомъ конституціи. Нѣтъ нужды, что проектъ наивенъ и неисполнимъ, но достойно удивленія то, что этотъ замѣчательный человѣкъ не побоялся открыто заявить о томъ, что спустя болѣе ста лѣтъ еще не вполнѣ осуществилось въ Россіи. Тяжелая судьба выпала на долю Кречетова: онъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, сочиненія его подверглись конфискаціи; ни одно изъ нихъ не было напечатано и, такимъ

образомъ, даже имя его до сихъ поръ оставалось совершенно неизвѣстнымъ русскому обществу. Произведенныя нами архивныя розысканія даютъ возможность пополнить этотъ пробѣлъ и должнымъ образомъ освѣтить личность перваго русскаго конституціоналиста [1]).

I.

Біографическія свѣдѣнія о Кречетовѣ крайне скудны. Въ его «дѣлѣ» [2]) не находится никакихъ документовъ, выясняющихъ его происхожденіе. Извѣстно, что онъ вступилъ въ службу въ 1761 г. въ Карачевскую воеводскую канцелярію писцомъ, затѣмъ, послѣдовательно, служилъ: копіистомъ въ государственной юстицъ-коллегіи, писаремъ въ штабѣ фельдмаршала Разумовскаго и аудиторомъ (1771 г.) въ Тобольскомъ пѣх. полку. Въ 1775 г. вышелъ въ отставку подпоручикомъ и, произведенный въ 1779 г. въ поручики, былъ причисленъ къ Герольдіи Прав. Сената.

Сочиненія Кречетова, которыя, конечно, не могутъ назваться вполнѣ литературными, обнаруживаютъ въ авторѣ большую начитанность. Цитаты изъ классическихъ и современныхъ ему авторовъ въ изобиліи снабжаютъ его произведенія. Но образованіе его, повидимому, было «домашнее»; для того, чтобы имѣть право обучать дѣтей, онъ держалъ при академіи наукъ экзаменъ и получилъ аттестатъ на право обученія словесности [3]).

Военная служба не могла увлечь Кречетова; да онъ и самъ не признавалъ себя способнымъ къ этой дѣятельности: «не только что человѣка,—говорилъ онъ позднѣе на допросѣ въ слѣдственной комиссіи,—а и животное убить не могу, а шпагой и до сихъ поръ владѣть не научился». Съ такими взглядами трудно было ужиться въ грубой, казарменной обстановкѣ.

Ослѣпленный феерической стороной Екатерининскаго царствованія, повѣривъ, какъ и многіе, въ осуществимость обѣщаній и мудрыхъ указовъ императрицы, онъ мечтаетъ о широкой дѣятельности, о пользѣ, которую, при содѣйствіи общества и власти, можно будетъ принести отечеству. Увлекшись ученіемъ энциклопедистовъ, онъ проектируетъ устройство «всенароднаго, вольнаго, къ благодѣтельствованію всѣхъ общества». Цѣлью общества являлось открытіе ряда юридическихъ школъ для распространенія юридическихъ свѣдѣній. Общество должно заботиться о привлеченіи для этого въ члены общества лицъ, могущихъ своими сочиненіями и познаніями въ юриспруденціи способствовать указанной цѣли. Считаясь съ обиліемъ законовъ и различныхъ постановленій, Кречетовъ считалъ юридическую

---

[1]) Почти всѣ сочиненія Кречетова сохранились въ рукописяхъ; наиболѣе интересныя изъ нихъ предполагается издать отдѣльно.

[2]) Госуд. Арх. Разр. VII. № 2813.

[3]) Т. е. чтенію и письму. Нѣчто въ родѣ домашняго учителя.

подготовку населенія первымъ и самымъ необходимымъ шагомъ къ его процвѣтанію.

Пылкій энтузіастъ, патріотически настроенный, Кречетовъ съ жаромъ принялся за проведеніе въ жизнь своихъ идей. Наказъ Екатерины еще болѣе увеличилъ его энергію, и въ словахъ Наказа призывающихъ всѣхъ русскихъ гражданъ принести посильную пользу отечеству, онъ видитъ прямое указаніе для своей дѣятельности. Съ этого момента, онъ начинаетъ усиленно заниматься литературными трудами, подготовляя основы для будущаго благодѣтельствованія человѣчества. Онъ подаетъ цѣлый рядъ пространнѣйшихъ прошеній императрицѣ, Синоду, митрополиту, вельможамъ, указываетъ на неотложную необходимость организаціи общества по его программѣ; въ воззваніяхъ къ гражданамъ, женщинамъ и духовенству, онъ горячо доказываетъ пользу народнаго просвѣщенія.

Въ теченіе 1781—84 г.г. онъ пишетъ обширное сочиненіе въ стихахъ: «Камилловы пять сновидѣній», въ которомъ, прославляя юридическія знанія, между прочимъ, говоритъ:

. . . . . „съ самыхъ первыхъ дней,
Какъ въ обществахъ введенъ законъ имѣть судей,
На толикъ всѣхъ предметъ, чтобъ лучшихъ избирати
Изъ всѣхъ родовъ людей, судьями засѣдати,
Которые бъ могли судить разумно всѣхъ
По правдѣ, чтобы могъ всемірный быть успѣхъ
Ко общей тишинѣ, чтобъ всѣ могли жить мирно,
Не обижавъ другихъ ничѣмъ насильно.
Потомъ за трудностью народъ на судъ сбирать
За благо суждено: разумнѣйшихъ избрать
И оныхъ нарещи избранныхъ– „сенатóры“,
Могущихъ разбирать дѣлъ общихъ всяки споры.
. . . . . .
А какъ усмотрѣно, что отъ того избранства
Явилась въ обществѣ не мала часть тиранства:
Неправдъ, хищенія, раздоровъ, ссоръ и дракъ
И зла всеобщаго нельзя избыть никакъ,—
То всѣхъ умы рекли: да изберемъ Монарха
И къ оному еще на помощь Патріарха,
Которые бъ для всѣхъ имѣли правый судъ
И пусть они на то намъ дѣло присягнутъ:
Чтобъ быть Монархамъ—всѣмъ намъ милыми отцами,
А Патріархамъ—какъ добрымъ пастырямъ надъ (кроткими) овцами“.

Дальше, указывая на недостатки современнаго ему строя, авторъ пишетъ:

„А въ Россахъ, чтобъ успѣть уставить добры нравы,
Потребно учредить всеобщіе уставы:

Чтобъ добрыхъ не казнить дѣтей за злыхъ отцовъ,
А злыхъ не награждать за добрыхъ ихъ дѣдовъ,
Но всякому свое чтобъ воздавати право.
. . . . . .
Честнѣйшимъ чтя того, кто честенъ въ пользу всѣхъ,
А не того, кто въ честь свой родъ лишь мнитъ въ успѣхъ.
Какую пользу въ томъ имѣетъ Государство,
Коль кто за пятьсотъ лѣтъ считавъ свое дворянство,
Для пользы общія не сдѣлавъ ничего,
Имѣетъ право то жъ, какъ дѣдъ имѣлъ его?
. . . . . .
. . . . . .
А кто его честнѣй хотя бы былъ разъ сто,
Да дѣдъ не дворянинъ,—того труды ни въ что!"

Въ концѣ произведенія есть строки не безъинтересныя и для настоящаго времени:

„Не смѣхъ ли?... Чрезъ воровъ—воровъ искоренять!
Или чрезъ дураковъ судьбою управлять?...
Или изъ низости (отъ самыхъ подлыхъ душъ)
Столь вредныхъ, кто таковъ какъ Каинъ иль Картушъ
Во обществахъ въ чины людей устроевати
И во правленье дѣлъ общественныхъ вмѣщати?
И на толико злыхъ отечеству враговъ
Надѣяться, такъ какъ на вѣрнѣйшихъ другóвъ!..."

Закончивъ это сочиненіе, Кречетовъ переводитъ вновь и исправляетъ книгу Самуила Пуфендорфа [1]): «О должности человѣка и гражданина»; составляетъ философскій «Трипѣснецъ» и рѣчь на день рожденія Екатерины II. Въ 1775 г. онъ заканчиваетъ обширное изслѣдованіе о всеобщей юриспруденціи, въ 4-хъ частяхъ, и планъ составленія всенароднаго общества и сочиняетъ двѣ оды: одну въ честь мудраго правленія Императрицы, а другую въ похвалу супружеству. Въ 1786 г. онъ пишетъ сатиру «Испуганный стихотворецъ», бичующую невѣжество; брошюру о вновь составляемомъ обществѣ подъ заглавіемъ: «Не всіо и не ничево» [2]); излагаетъ патріотическія мысли, относящіяся къ новому обществу, и «открытое масонство». Въ слѣдующемъ 1787 г. онъ переводитъ съ французскаго два сочиненія: «Разумъ политики» и «Вѣнецъ мудрецовъ»; [3]); пишетъ два поясненія о цѣляхъ общества, къ женщинамъ и юношеству. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ его трудовъ: «Защита судей», «Планъ юридическій», въ 4 том. «Лѣсъ лѣсовъ», «Пчела и паукъ», «Царскій перстень»

---

[1]) Первое изданіе книги Пуфендорфа было при Петрѣ I.

[2]) Библіографическая рѣдкость. Текстъ этой брошюры, найденный въ библіотекѣ П. М. Дмитріева, напечатанъ въ „Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Ист. и Древ. Россійскихъ при Московскомъ Универс." за 1899 г. съ предисловіемъ Е. А. Ляцкаго.

[3]) Оба произведенія не сохранились.

и «Юриспруденція Россійская». Всѣ эти сочиненія (за исключеніемъ брошюры «Не все и не ничего») напечатаны не были и пролежали у Кречетова до его ареста. Въ 1787 г. онъ задумалъ выпустить ихъ въ свѣтъ въ видѣ періодическаго изданія «О всѣхъ и за вся или Россійскій патріотъ и патріотизмъ». Въ декабрѣ этого года онъ издалъ брошюру о подпискѣ на названное изданіе подъ названьемъ: «Открытіе новаго изданія; души и сердца пользующаго. О всѣхъ и за вся и о всёмъ къ всѣмъ или Россійскій патріотъ и патріотизмъ» [1]). Это объявленіе оказалось для него роковымъ.

II.

1-го января 1788 года, петербургскій оберъ-полицеймейстеръ Рылѣевъ извѣстилъ Управу Благочинія, что Его Высокопреосвященство митрополитъ С.-Петербургскій и Новгородскій Гавріилъ сообщилъ ему письменно о вновь изданной книгѣ подъ названіемъ «О всѣхъ и за вся». Такъ какъ слова заглавія новаго изданія произносятся во время совершенія литургіи, то Высокопреосвященный предлагалъ оберъ-полицеймейстеру навести въ Управѣ справки и выяснить, не имѣется ли тутъ какого либо кощунства или иного злоупотребленія.

По полученіи полицеймейстерскаго запроса Управой было произведено строгое разслѣдованіе, выяснившее, что издатель книги, вопреки существующимъ правиламъ, не испросилъ предварительно разрѣшенія Управы Благочинія, а владѣлецъ типографіи также самовольно ее напечаталъ. Въ виду этого послѣдовало распоряженіе конфисковать новую книгу, а содержателя типографіи и книгопродавца [2]) привлечь къ отвѣтственности.

Кречетовъ въ это время былъ больной; у него была горячка, и онъ лежалъ въ домѣ своего знакомаго, вахмистра коннаго полка Дмитрія Татищева [3]). Явившаяся полиція отобрала сто экземпляровъ книги и взяла отъ Кречетова два письменныхъ заявленія, которыя, вмѣстѣ съ показаніемъ содержателя типографіи купца Овчинникова, препроводила въ Управу Благочинія.

Въ объясненіи своемъ Кречетовъ заявилъ, что изданіе «О всѣхъ и за вся» не можетъ считаться за вновь изданную книгу, т. к. не есть какое либо сочиненіе, а только объявленіе объ открытіи подписки на рядъ сочиненій подъ названнымъ заглавіемъ. Въ названіи же выпущенной брошюры онъ не усматриваетъ ничего предосудительнаго или оскорбительнаго для религіи въ виду того, что цѣль его изданій—патріотическая, служитъ къ распростра-

---

[1]) Первоклассная библіогр. рѣдкость. Упоминается у Сопикова (№ 7990), Березина-Ширяева (1884 г. стр. 191), Неустроева (Истор. розысканіе 1875 г. стр. XXII и 532—534) и Ульянинскаго (Среди книгъ, стр. 131).

[2]) Кречетовымъ было сдѣлано объявленіе о продажѣ его книги въ лавкѣ купца Овчинникова, находящейся въ 3-й Адмиралтейской части, въ Аничковскомъ домѣ, № 3.

[3]) Графъ Дмитрій Павл. Татищевъ. Членъ Госуд. Совѣта. Посолъ въ Вѣнѣ. 1767—1845 г.

ненію въ публикѣ нравственныхъ началъ и является обращеніемъ «ко *всѣмъ* людямъ, о *всѣхъ* людяхъ и *всѣмъ* общемъ благѣ трудиться». Поэтому, болѣе подходящаго заглавія онъ придумать не могъ.

Управа Благочинія нашла все дѣло себѣ не подсуднымъ, но «весьма важнымъ» и передала его въ Нижній Надворный Судъ. Въ виду болѣзни Кречетова слѣдствіе пришлось отложить до его выздоровленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ отобранныхъ при обыскѣ печатныхъ экземпляровъ и одинъ оригиналъ были отосланы на заключеніе митрополита Гавріила. Митрополитъ, разсмотрѣвъ присланныя книги, извѣстилъ Управу Благочинія, что въ присланныхъ изданіяхъ онъ нашелъ слѣдующія злоупотребленія:

«Первое сочиненіе поименовано словами, возглашаемыми въ священнодѣйствіи; второе сочиненіе, не заслуживающее одобренія, называется «Трипѣснецомъ», именемъ, употребляемымъ въ церковныхъ книгахъ; въ письменной книгѣ, на многихъ страницахъ вводятся тексты Свящ. писанія, но сего тѣмъ паче дозволить не можно, что сочинитель даетъ многимъ толкованіе, не соотвѣтствующее смыслу ихъ и нѣкоторыя на себя обращаютъ». Наиболѣе дерзкимъ нашелъ митрополитъ тотъ отрывокъ, въ которомъ Кречетовъ выражалъ намѣреніе: «сдѣлать въ существеннѣйшую ясность всего въ свѣтѣ Священнаго писанія приведеніе», и слѣдующую фразу: «надѣется многими благовнимательными человѣками, вредящее имъ на мѣстѣ святѣ стоящее невѣжество, яко идола сдвигнуть».

Обѣщаніе же издать «открытаго масонства святую истину», а также намѣреніе писать о законахъ, что единственно предоставлено Сенату, являетъ, по мнѣнію Высокопреосвященнаго, несомнѣнный вредъ и вслѣдствіе сего всякое издательство Кречетову должно быть воспрещено.

26 августа 1790 года, опредѣленіемъ I Департамента Нижняго Надворнаго Суда Кречетову было объявлено: чтобы онъ впредь въ такихъ не заслуживающихъ одобренія сочиненіяхъ не упражнялся и оныхъ печатать самовольно не отваживался! Въ исполненіе этого предписанія онъ былъ обязанъ подпиской, и судебное слѣдствіе было прекращено.

III.

Всѣ планы Кречетова разсѣялись, какъ миражъ. Запрещеніе заниматься литературой лишило его главной жизненной цѣли и обрекало на жалкое существованіе дворянина «не у дѣлъ». Приглашенный Татищевымъ для веденія тяжебнаго дѣла, онъ поселяется у него въ домѣ. Озлобленный неудачей, разочарованный жизнью, Кречетовъ становится раздражительнымъ и недовольнымъ всѣмъ окружающимъ. Вспыльчивый, онъ не переноситъ противорѣчій и въ спорахъ доходитъ до бѣшенства. Этимъ недо-

статкомъ часто пользовались бывавшіе въ домѣ Татищева и нарочно заводили съ нимъ споры. Особенно любили съ нимъ спорить на политическія темы чиновникъ Государственнаго Архива Окуловъ, домашній парикмахеръ Татищева Малевинскій и писарь Скворцовъ. Сначала имъ доставляло просто удовольствіе бѣсить Кречетова, но увѣренность его въ правотѣ своихъ рѣчей и рѣзкое порицаніе правительства убѣдили ихъ въ его преступности.

25 апрѣля 1793 года, къ Петербургскому генералъ-губернатору Коновницыну поступилъ отъ Малевинскаго доносъ на Кречетова.

«Ваше Высокопревосходительство», писалъ Малевинскій въ своемъ письмѣ къ Коновницыну, «да будетъ мнѣ позволено открыть Ѳедора Кречетова, обнаружить его заблужденія и ту опасность, которая всѣмъ намъ угрожаетъ. Я искренно изъявляю о безпорядкахъ и преступленіяхъ его, которые по всему Государству распространяютъ сѣтованіе; онъ, негодуя на необузданность власти, возставъ на злоупотребленія, возвращаетъ права народу. Довольно уже слышно народнаго ропота на неправосудіе и не возжечь бы попустительствомъ еще большаго пламени». Къ доносу приложено было прошеніе на имя Императрицы, въ которомъ Малевинскій указывалъ, что Кречетовъ произносилъ «непристойныя и укорительныя слова» на Высочайшую честь Ея Величества, на Высочайшихъ наслѣдниковъ и на государство и «весь Сенатъ ругалъ, яко воровъ и разбойниковъ, и сама де она (Императрица) потакаетъ имъ и дѣлаетъ заодно, и чинилъ онъ великую противность святымъ церквамъ, яко идолослуженіе производятъ; а правовѣрныхъ всѣхъ называлъ идолопоклонниками, а также призывалъ къ величайшему бунту, такому, котораго еще не бывало никогда. Но недовольно было ему»—говорится далѣе въ прошеніи,—«продолжать свою зломъ дышащую продерзость, дерзнулъ онъ на честь блаженныя и вѣчно достойныя памяти Императора Петра Великаго и говорилъ про него, что онъ де не Государь былъ, а великій тиранъ, яко воръ и обманщикъ. А про Высочайшую честь Вашего Величества непристойныя слова произносилъ: она де впадшая въ роскошь и въ распутную жизнь и не знающая въ правленія престоломъ и управляютъ имъ наемники, и потому не достойная престола и удобно будетъ и лишить ее онаго, какъ убійцу, и довлѣетъ заключенію въ монастырь».

Далѣе въ прошеніи указывалось, что Кречетовъ старается опровергнуть Уложеніе и «изображаетъ пристойными красками» уложеніе французское и намѣревается различными вольностями довести человѣчество до высшей степени благополучія, просвѣтить Россію и тѣмъ избавить народъ отъ царскаго ига, въ которомъ онъ по слѣпотѣ своей пробываетъ, и путемъ общаго законодательства сдѣлать законы ненарушимыми.

Такой необычайный доносъ обратилъ особенное вниманіе генералъ-губернатора и въ тотъ же день былъ отосланъ въ тайную экспедицію къ генералъ-прокурору Самойлову для разслѣдованія. Кречетовъ немедленно былъ розысканъ и арестованъ. Всѣ ру-

кописи найденныя у него были тщательно разсмотрѣны въ тайной экспедиціи и дали цѣлый рядъ тяжкихъ уликъ противъ ихъ автора. Слѣдствіе велось быстро: допросы производились не только въ экспедиціи, но и въ домѣ генералъ-прокурора.

Неопровержимымъ доказательствомъ злонамѣренности Кречетова явилась найденная въ его бумагахъ записка такого содержанія: «Въ составленіи законовъ неподвижныхъ, дабы Монархію соблюсти невредиму, полезно будетъ сдѣлать законъ всѣмъ общежительствомъ человѣческимъ по плану моему и, всѣми подписавъ, положить его на тронѣ, подъ изображеніемъ креста и подъ короною, къ коему всѣхъ вообще привесть къ присягѣ, такъ какъ нынѣ Монархамъ присягаютъ, и хранить сей законъ такъ, какъ храненъ былъ у жидовъ кивотъ завѣта Господня. Монарховъ же переименовать стражами закона или блюстителями о исполненіи по немъ. Если же Монархъ сего наблюдать не будетъ, то да подверженъ онъ будетъ сего своего сана лишенію; сему же подобно и каждый судья и каждый помѣщикъ подверженъ быть долженъ».

19 мая 1793 г. генералъ-прокуроръ показалъ эту записку обвиняемому, которую тотъ призналъ за писанную своею рукою. На вопросъ прокурора: «для чего онъ осмѣлился писать такую записку, слова которой касаются уничтоженія въ Россіи самодержавной власти», Кречетовъ отвѣчалъ, что эти слова онъ написалъ по причинѣ «въ душѣ его расположенныхъ мыслей, что какъ бы всѣмъ обществомъ сдѣланъ былъ законъ, гдѣ бы вмѣстить, чтобъ Государю такой власти, чтобъ сверхъ закона дѣлать хотѣлъ не давать, а ограничить его на такомъ основаніи, какъ были князьями Долгоруковыми сдѣланы для Императрицы Анны Іоанновны пункты; но о своихъ мысляхъ онъ никому не сообщалъ для того, что желалъ прежде составить изъ общества собраніе для сочиненія законовъ, изъ людей знатныхъ и всякаго состоянія, приготовя прежде въ юридической школѣ умы. Однакоже не думалъ никакъ сдѣлать такой законъ ко вреду общества или Государыни».

Въ тотъ же день былъ допрошенъ писарь Скворцовъ, который показалъ, что онъ переписывалъ различныя бумаги для Кречетова, и послѣдній не разъ говорилъ при немъ, что въ случаѣ разрѣшенія открыть школу по его плану, онъ будетъ обучать въ ней также и женщинъ, лучшихъ же учащихся, по окончаніи курса, намѣревался послать въ губерніи и такимъ путемъ устроить въ Россіи вольность. Объ Императрицѣ выражался неприлично, а особенно о Петербургскомъ митрополитѣ. Послѣ Скворцова допрашивали купца Еркова, у котораго нѣкоторое время проживалъ Кречетовъ. Ерковъ упорно отрицалъ всякое знакомство съ Кречетовымъ и Малевинскимъ, не смотря на заявленіе послѣднихъ, что онъ ихъ знаетъ. 15 мая Ерковъ былъ допрошенъ страшнымъ Шешковскимъ, очевидно подъ пыткой, но остался упоренъ и не сознался. Напрасно уличалъ его Скворцовъ, на очной ставкѣ,

въ томъ, что одинъ разъ, во время спора между имъ и Кречетовымъ, Ерковъ качалъ головой, какъ бы давая тѣмъ Кречетову знакъ, что говорить это опасно. На что Кречетовъ ему отвѣтилъ: «не бойся, это свой человѣкъ, да и «тайной» больше нѣтъ, нечего бояться, говори и пиши что хочешь. Но Ерковъ не призналъ и этой неопровержимой улики. Такое запирательство, какъ мы увидимъ далѣе, ему обошлось очень дорого.

Яркую картину всѣхъ мыслей и убѣжденій Кречетова дало показаніе регистратора Окулова. Этому человѣку, повидимому, Кречетовъ очень довѣрялъ и въ разговорахъ съ нимъ не стѣснялся. «Разъ,—показывалъ Окуловъ въ тайной экспедиціи—я спросилъ Кречетова: цензурованы ли его сочиненія? а онъ мнѣ отвѣтилъ: да гдѣ цензура? и могутъ ли они имѣть понятіе о цензурѣ вообще, а не только о моихъ сочиненіяхъ?» Поясняя Окулову о предполагавшемся обществѣ, Кречетовъ говорилъ, что общество это надлежитъ устроить не одному человѣку, а нѣсколькимъ, и потому онъ обращался за помощью къ Петербургскому митрополиту, «великому президенту и плуту» Гавріилу, но тотъ, понявъ его идею по своему, предложилъ ему поступить въ монахи и обѣщалъ сдѣлать архимандритомъ, но онъ возразилъ ему, «что не тотъ только духовный, кто носитъ длинную рясу, а тотъ, кто живетъ духомъ кротости и исполняетъ законъ Христовъ». Возраженіе это очень не понравилось митрополиту, и онъ поссорился съ Кречетовымъ. «Если бы Государыня утвердила мой проектъ объ устройствѣ школъ,—не разъ говорилъ Кречетовъ,—то въ скоромъ бы времени всѣ пустосвяты оставили бы въ церквахъ свое пустобарабанное проповѣданіе, а принялись бы за истинное Христово ученіе—ученіе не словами, а дѣломъ. Тагда бы всѣ архіереи, воры и лицемѣры, всѣ духовныя святоши и государственные тунеядцы исчезли, а возродились бы безъ пышныхъ титуловъ такіе пастыри, какъ Митрофанъ Воронежскій и ему подобные». По словамъ Окулова, Кречетовъ намѣревался уничтожить всѣ княжескіе и дворянскіе титулы и приводилъ въ примѣръ слова Петра Великаго, что знатная порода не даетъ преимущества, а дворянъ считать надо по годности. «Когда же возсіяла бы истина сія,—говорилъ онъ,—тогда перестали бы архіереи въ церквахъ чесать гребенками бороды, въ которыхъ и вшей то нѣтъ, и не стали показывать народу одну зажженную свѣчу, говоря, что такъ да просвѣтится свѣтъ предъ человѣки, яко да видятъ добрыя дѣла, а истинно доказали бы правоту этого изреченія своими добрыми и апостольскими дѣлами и не стали бы пусто говорить и проповѣдывать: *что всяка власть отъ Бога*, а поясняли бы, что *одна только та власть отъ Бога*, которая истинно законъ Божій знаетъ и почитаетъ, а почитая его, любитъ какъ самого себя и человѣчество, не различая: турокъ ли, шведъ ли, русакъ ли, ибо всѣ единаго Творца люди! И тутъ то бы исполнилась истинная вѣра, исполнилось познаніе всей тварью Бога и Его святѣйшаго закона, и проповѣдуемъ Богъ былъ бы

не словами, а истинно существуемыми дѣлами, и не стали бы лютеране и кальвинисты кричать: нашъ законъ лучше! Тогда познали бы всѣ, что не одной вѣрой спастись можно, а добрыми дѣлами. И страшная присяга упразднилась бы, т. к., зная, что зло не останется безъ наказанія, а добро безъ награжденія, всякій бы былъ вѣренъ Божію закону, Отечеству и Государю».

Въ разговорѣ о Высочайшемъ Наказѣ, Кречетовъ указалъ на нѣкоторыя, по его мнѣнію, неточности въ немъ заключающіяся. На возраженіе же Окулова отвѣтилъ: «пожалуй, не вѣрь; вѣдь онъ же человѣкомъ писанъ, то можетъ ли одинъ столь премудро сдѣлать, чтобъ не погрѣшить», а потомъ добавилъ: что онъ такой планъ о своихъ школахъ выдумалъ, что никто во всю жизнь свою о такомъ не думалъ и не помышлялъ. Когда же Окуловъ напомнилъ ему, что Императрицею уже учреждены школы, то онъ отвѣтилъ: «все это она вамъ только по губамъ помазала, а Наказъ и совсѣмъ оставленъ безъ дѣйствія: или Государыня боится, чтобъ изъ него страшнаго чего не вышло, или не знаетъ, какъ по немъ настоящее дѣйствіе произвесть, а думать надобно, что если бы возможно было, то конечно, она его совсѣмъ бы истребила». На слова Окулова, что Наказъ весьма хорошъ, и изъ него можно извлечь много пользы, доказательствомъ чего можетъ служить указъ 1773 г. по дѣлу о дворянинѣ Сукинѣ, въ которомъ Екатерина II высказала, что «не дать знать, за что онъ подъ арестъ поставленъ», есть родъ насилія и въ томъ сослалась на X главу Наказа,—Кречетовъ отвѣтилъ: «это можетъ быть какъ нибудь иначе вышло и случайно, а то въ Коммиссіи Уложенія спятъ только, пьянствуютъ и гуляютъ, получая чины и жалованье даромъ. А напослѣдокъ выйдетъ такъ, какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ случилось, что пришелъ въ комнату народъ и взялъ при немъ самомъ первѣйшаго его любимца и отрубилъ ему на площади голову, а суднаго приказа судью, за его неправосудіе, придя въ присутствіе тоже убили, почему тогда и сдѣлали на 6 недѣлѣ Соборное народомъ Уложеніе». Разговаривая объ арестѣ и преданіи суду Радищева, Кречетовъ сказалъ: «хотя Радищевъ своею книгою одно дурачество и глупость показалъ, но однако Государыня неправильно и строго объ немъ рѣшила, когда сама въ Наказѣ сказала: «что хотя бываютъ иногда злоупотребительныя сочиненія, но чтобы умы не почувствовали отягощенія, поступать съ ними осторожнѣе». Окуловъ указалъ на то, что Радищевъ не только виновенъ въ злоупотребительномъ сочиненіи, но и въ томъ, что внесъ въ свою книгу многіе листы безъ цензуры и не убоялся напечатать и издать въ народъ. Это возраженіе взбѣсило Кречетова, и онъ закричалъ на Окулова: «ты тиранъ и самъ думаешь быть судьею, то страшись, чтобъ не погибнуть, если судишь по словамъ, не видя дѣйствія могущества въ дурачествѣ полиціймейстера, который на столько глупъ, что если бы принесли на его собственныя дѣянія критическую книгу,

да изъ большихъ бы людей кто попросилъ, онъ тотчасъ бы одобрилъ и печатать позволилъ».

Разсуждая о французской революціи, Окуловъ замѣтилъ, что надо молиться, чтобъ избавить отечество отъ междоусобія подобнаго тому, которое свирѣпствуетъ во Франціи. Кречетовъ отвѣтилъ, что молиться надобно, но не одной кивать головою, а отложить злость и неправду, и добавилъ, что если при Государынѣ онъ не успѣетъ исполнить свое предпріятіе, то можетъ возродиться въ Россіи величайшее зло, подобное французскому, гдѣ народъ страждетъ изъ-за неправосудія и удручающей человѣчество тираніи. «Куда ни пойду,—говорилъ онъ,—здѣсь вездѣ жалуются на неправосудіе и не стыдясь всякъ гласно говоритъ о содомскомъ грѣхѣ, говоря безъ страха о себѣ и людяхъ, не считая за порокъ, а ставя себѣ въ славу и похвалу. И потому, если предпріятіе мое не удастся, то можетъ и малая толпа, соединясь съ недовольными, разрушить всѣ власти въ мгновеніе ока». Одинъ разъ Окуловъ разсказалъ Кречетову о нѣкоемъ маіорѣ Соболевѣ, дѣло которого возмутительно велось въ судѣ, и удивлялся, отчего Государыня не обратитъ на это вниманія. Кречетовъ съ насмѣшкой сказалъ ему: «Государыня теперь не чувствуетъ ничего, кромѣ блестящей славы, занимается дѣлами управленія и какъ человѣкъ печется о собственномъ своемъ семействѣ, а дворяне другъ противъ друга силятся достигнуть графства и чиновъ и получать ордена и кресты. Сочинители же ослѣпляютъ пышными одами, что насталъ де золотой вѣкъ, а мерзское духовенство въ храмахъ лицемѣритъ и льститъ, изъ пышныхъ словъ составляя поученія, а потомъ, гладя усы и бороды, отходятъ въ свои кельи и тамъ упиваются въ роскоши и изобиліи своего богатства, взятаго отъ пота и крови ближняго».

Оправдывая правительство, Окуловъ сказалъ Кречетову съ укоромъ: «видно ты уклонился отъ общества честныхъ людей, а находишься среди подлыхъ, которые весьма любятъ столь дерзновенно разсуждать?» Кречетовъ внѣ себя схватилъ лежащее на столѣ Евангеліе и, раскрывъ его, крикнулъ Окулову: «смотри, вотъ тутъ сказано, что по сердцу своему учителей изберутъ», и сталъ бранить всѣхъ архіереевъ распинателями Христа, гонителями истины и творителями всѣхъ суевѣрствъ. «Гляди,—продолжалъ онъ,—вотъ и здѣсь про нихъ сказано: «видитъ Богъ мерзость запустѣнія, стоящу на мѣстѣ святѣ», и сильно взволнованный сказалъ, что скроется изъ Россіи въ другое государство, т. к. онъ 20 лѣтъ изыскивалъ пользу для отечества, пренебрегая выгодами и спокойствіемъ своей жизни, а между тѣмъ не нашелъ въ Россіи ни одного человѣка, который бы пожелалъ вникнуть въ существо его дѣятельности.

Окуловъ безъ всякой жалости обвинялъ своего недавняго пріятеля; онъ припомнилъ всѣ, когда либо говоренныя Кречетовымъ, рѣзкія фразы, направленыя противъ лицъ высокихъ, указалъ, что тотъ обозвалъ одинъ разъ Великаго князя дуракомъ, а

о князѣ Вяземскомъ сказалъ: что «Государыня его жалуетъ, а онъ взятки безъ стыда беретъ». Кречетовъ на всѣ его обвиненія отвѣчалъ односложной фразой: «Богъ насъ разсудитъ, я же тебѣ прощаю!» Заключая свое показаніе, обвинитель заявилъ, что Кречетовъ, испрашивая Высочайшее разрѣшеніе на основаніе своего общества и утверждая, что благодаря ему Россія освободится отъ всякихъ насилій и притѣсненій, а власть сдѣлается такой могущественной, что Императрицу станутъ боготворить—лгалъ. На стоящею же цѣлью является желаніе, свергнувъ самодержавіе, сдѣлать республику, чтобы всѣмъ быть равными. Словомъ, хотя не скоро, но думалъ онъ привести мысль свою въ исполненіе. «Когда я его спросилъ,—говорилъ Окуловъ—конечно, ты хочешь безвластіе сдѣлать? а онъ на то мнѣ сказалъ: «Боже оборони! чтобъ сдѣлать то при нынѣшней Государынѣ, а хочу я посредствомъ школъ народъ довести до такой тонкости, чтобы онъ самъ страшился всякихъ беззаконій и насилія, и тогда бы Государи, видя народъ сильнымъ и праведнымъ, убоялись бы ему дѣлать противное, потому что всегда они знали изъ онаго, что обществу вредно и полезно. Принятыя народомъ къ общей пользѣ рѣшенія исполнялись бы Государями, а въ случаѣ неисполненія, самодержавная власть тотчасъ бы слетѣла! Тѣ власти, которыя старались бы о своемъ народѣ и дѣлали все къ его пользѣ, въ скоромъ времени достигли бы народнаго обоготворенія. Но такъ какъ онѣ истиннаго добра и многаго нужнаго и необходимаго народу не дѣлаютъ, то и не могутъ достигать совершенства и существуютъ лишь выдуманной для удержанія власти тираніей».

Защищая Екатерину, Окуловъ сказалъ, что одно учрежденіе воспитательныхъ домовъ и отмѣна пытокъ, дѣлаютъ безсмертнымъ имя Царицы. На это Кречетовъ возразилъ: «все это сдѣлано Петрами: первое—Великимъ, а послѣднее Третьимъ». Объ остальныхъ учрежденіяхъ Императрицы онъ отзывался все въ томъ же скептическомъ духѣ: «все молъ это сдѣлано отъ Емельки Пугачева, чтобъ могущественнѣе тиранію укрѣпить».

IV.

По опросѣ всѣхъ свидѣтелей, Кречетову было предложено дать отвѣтъ на такъ называемые «вопросные пункты». Пунктовъ этихъ было семь, слѣдующаго содержанія:

1) Когда ты читалъ извѣстныя свои сочиненія о учрежденіи школъ и когда слушавшіе оныя тебѣ противорѣчили, говоря, что по милости Государыни вездѣ училища заведены, то ты, разсердясь, говорилъ слова такія: «этими училищами Государыня только по губамъ помазала, какія это училища? а я заведу училище такое, что наберу множество людей, да и бабъ до тысячи, а какъ совсѣмъ это учрежу, то стану приглашать къ себѣ солдатъ и уговаривать, чтобъ они командировъ всѣхъ перевязали и крестьянъ сдѣлали вольными, солдатамъ же дамъ гвардейское жалованье, а

какъ все это сдѣлаю, то и солдатъ всѣхъ распустимъ, ибо воевать ни съ кѣмъ не станемъ, а Государыня сиди какъ въ клѣткѣ, да гляди, что мы станемъ дѣлать».

2) Какъ ты здѣшнему преосвященному подносилъ книгу подъ названіемъ: «о всѣхъ и за вся» съ тѣмъ, чтобъ позволилъ тебѣ ее напечатать, но какъ преосвященный книги печатать не позволилъ, то ты, будучи въ домѣ купца Еркова, браня преосвященнаго, говорилъ: «я де съ нимъ тоже сдѣлаю, какъ съ Московскимъ архіереемъ Амвросіемъ сдѣлали, такъ онъ запрещать книгъ печатать не будетъ». И какъ Малевинскій тебя спросилъ, какъ ты можешь это говорить, вѣдь въ Москвѣ то былъ бунтъ, при чемъ изъ предосторожности взглянулъ на Еркова, то ты ему сказалъ: его не опасайся, онъ нашъ; а Ерковъ на это говорилъ: въ Москвѣ то былъ бунтъ, а чтожъ: долголь это здѣсь сдѣлать, вѣдь здѣсь былъ такой случай: пришли ко дворцу 1000 человѣкъ просить на подрядчика, а кабы еще тысяча привалила, такъ бы сдѣлала что хотѣла, да только здѣсь люди то въ загонѣ, то и прячется одинъ за другого.

3) Когда ты говорилъ, что ты съ здѣшнимъ архіереемъ сдѣлаешь то же, что съ Московскимъ, то при этомъ приговаривалъ: Московскій то архіерей былъ тебѣ другъ и во всѣхъ твоихъ проектахъ былъ съ тобою согласенъ и во всемъ тебѣ хотѣлъ помогать.

4) Въ одно время Малевинскій тебѣ говорилъ: я видѣлъ здѣсь въ Петербургѣ, какъ чрезъ палача жгли пасквиль, который былъ найденъ во дворцѣ, куда какая это дерзость? на что ты говорилъ: «что это за диковина подкинуть письмо? но то диво, что для Государыни это ничто, ее хоть пилой пили».

5) Въ прошломъ году, въ день тезоименитства Ея Величества былъ Малевинскій у обѣдни и пришедъ изъ церкви поздравилъ тебя съ тезоименитствомъ, а ты ему говорилъ: «какъ тебѣ не стыдно, съ чѣмъ ты поздравляешь? ты бы лучше меня поздравилъ съ какимъ ни на есть татариномъ, нежели съ нею». Малевинскій же тебѣ говорилъ: всѣмъ бы надобно быть въ церкви и помолиться Богу, на что ты говорилъ: «а я въ церковь то не хожу для того, что поминаютъ въ оной синодъ, да шелудяка архіереишку, да и въ церквахъ то болтаетъ попишка и самъ не знаетъ что, да Государыня украшаетъ церкви золотомъ и покланяется какъ идоламъ, да строитъ каменные монументы, а дѣлаетъ это изъ хвастовства и роскоши, а надлежитъ имѣть одну соборную и апостольскую церковь во всемъ свѣтѣ».

6) Ты въ разныя времена и много разъ когда хаживалъ со двора и возвращаясь сказывалъ, куда ходилъ и гдѣ былъ, какъ-то: въ банѣ, на рынкѣ или переѣзжалъ черезъ рѣку, то всегда разсказывалъ, что ты съ попадавшимися солдатами говорилъ и толковалъ, что присяга ничего не значитъ и выдумана государями для ихъ осторожности, а мужикамъ внушалъ, чтобъ они старались

о свободѣ и вольности, увѣряя при томъ, что и Государыня давно оное хочетъ сдѣлать, но не допускаютъ ее до сего бояра.

7) На какой конецъ выписывалъ ты пункты изъ книги «о Государственномъ правленіи», клонящееся болѣе къ вреду, нежели къ пользѣ? [1])

Кречетовъ горячо защищался противъ взводимыхъ на него ложныхъ обвиненій. Онъ доказывалъ, что всѣ его поступки и намѣренія были направлены на пользу отечества и къ увеличенію славы Государыни. Желаніе его учредить школы явилось прямымъ послѣдствіемъ выраженной въ манифестѣ объ учрежденіи губерній воли Императрицы, что «всякъ благоразумный человѣкъ и ревностный сынъ отечества усердно стремиться будетъ къ умноженію правосудія и къ исправленію нравовъ». Не отрицая возможности произнесенія имъ рѣзкихъ выраженій о Го-

---

[1]) Выписки эти были такого содержанія: „Безъ сомнѣнія общество имѣетъ волею составить правленіе по своему соизволенію, смѣщать и соединять оное разными образами. Ежели законодательная власть дана отъ народа одному человѣку или многимъ по смерть, или на нѣкоторое извѣстное время, то по истеченіи этого времени таковая верховная власть возвращается къ обществу, отъ котораго происходитъ. И какъ только оная возвратилась къ первому источнику, общество можетъ паки располагать оною по своему соизволенію: поручить оную по своему благоусмотрѣнію тѣмъ, коихъ почитаетъ добродѣтельнѣйшими и, слѣдовательно, учредить новый образъ правленія“.

„Какой бы образъ правленія предпочитаемъ не былъ, всегда есть во всякомъ правленіи главное намѣреніе, клонящееся къ общему благу народному. На семъ правилѣ самое лучшее правленіе есть то, которое бо́льшее число людей дѣлаетъ благополучныхъ. Во всякомъ образѣ правленія государственнаго, должность того, на котораго оное какимъ бы то способомъ ни было возложено, состоитъ въ попеченіи дѣлать подданныхъ благополучными, доставляя имъ съ одной стороны выгоды жизни, безопасность и спокойство, а съ другой, всѣ способы, могущіе сдѣлать ихъ добродѣтельными. Главный законъ всякаго добраго правленія есть благо общее, блаженство народное да будетъ главнѣйшимъ закономъ, и въ самомъ раздорѣ объ образахъ правленія, всѣ единодушно соглашаются о сей истинѣ.

„Благо народное, самое величайшее, есть вольность. Вольность въ обществѣ составляющемъ Государство есть то, что здравіе въ каждомъ человѣкѣ: человѣкъ безъ здравія не можетъ чувствовать увеселеній—безъ вольности нѣтъ блаженства въ Государствѣ, и такъ правитель любящій свое отечество признаётъ, что право защищать и содержать вольности есть самое священнѣйшее изъ его должностей.

„Люди вступаютъ въ общество гражданское для того, чтобы сохранить собственное свое имѣніе, а власть законодательную и силу исполнительную поручаютъ нѣкоторымъ особамъ на тотъ конецъ, чтобы имѣть надъ собою власть и законы, которые бы покровительствовали и защищали бы собственно принадлежащее всему обществу.

„Законы должны быть таковы, чтобы благородные принуждены были судить народу въ правду.

„Законы, во всякомъ случаѣ, должны обуздывать гордость владычествующихъ. Надобно, чтобы на время или навсегда была власть, устращающая благородныхъ.

„Весьма трудно, чтобы народъ хорошо былъ управляемъ, когда жребій его въ рукахъ немногихъ людей, коихъ различныя польза и власть основаны на похищеніи. Разумное правленіе часто перемѣнялось въ олигархію.

„Ежели государь добродѣтельный, если онъ раздѣляетъ награжденія и наказанія справедливо и благоразумно.—всѣ съ великимъ тщаніемъ стараются заслужить его милость, и царствованіе его есть вѣкъ златой; но ежели монархъ не таковъ, то начальное основаніе служащее къ возвышенію душъ его подданныхъ для полученія участія въ его милостяхъ, для отличенія себя отъ другихъ славными дѣлами—превращается въ подлость и рабство“.

сударынѣ, Кречетовъ объяснялъ это пылкостью своего характера, а также злонамѣренностью свидѣтелей, исказившихъ его слова. «Не бываютъ ли такіе люди,—говорилъ онъ,—которые не только чрезъ многое время, но и чрезъ весьма короткое, сказанной имъ рѣчи силу пересказать не могши, прибавляютъ и убавляютъ всю истинную рѣчь собственнымъ умомъ и совсѣмъ въ другой видъ передѣлываютъ?» На обвиненіе въ намѣреніи освободить крестьянъ при помощи войска, онъ отвѣтилъ, что «и мыслей таковыхъ имѣть не могъ, потому что имѣю довольное познаніе о бѣдствіяхъ могущихъ быть въ общежитіи изъ вольности *невѣждъ*. Зная это, не могъ желать, чтобъ вольность была дана невѣждамъ, силы ея не понимающимъ; ибо давать такимъ вольность, есть то же самое, что давать дѣтямъ ножи вмѣсто игрушекъ, такъ какъ настоящую силу свободы и грамотные не всѣ разумѣютъ, а у насъ въ народѣ великая часть грамотѣ неумѣющихъ».

«Митрополиту смертью также не грозилъ»,—опровергалъ Кречетовъ второй пунктъ обвиненія,—«а лишь огорченный несправедливостью его ко мнѣ, сказалъ; за что сей человѣкъ меня гонитъ? неужели за то, что я стараюсь о народномъ просвѣщеніи? неужели для него невѣжество полезнѣе, нежели просвѣщеніе? Неужели ему не представляетъ страха смерть Московскаго архіерея Амвросія [1]), невѣжествомъ народнымъ убіеннаго? Если доноситель эти слова счелъ за похвалу мою къ убійству преосвященнаго,—то сіе весьма криво. Ибо слова мои означаютъ опасность убійства не отъ меня самого, но отъ народнаго невѣжества. А что касается до Московскаго митрополита, то я другомъ его не былъ и даже лично его не зналъ. И этотъ извѣтъ на меня неправиленъ». На пункты 4 и 5 Кречетовъ сказалъ: «понеже горестная жизнь моя весьма мнѣ тягостна, то посему, избавляя себя отъ оной, признаюсь, что можетъ быть я въ такой, самому себѣ противной, жизни всѣ тѣ слова подлинно выговорить могъ, въ чемъ и прошу Всемилостивѣйшаго помилованія. Съ солдатами же о присягѣ ничего не говорилъ, зная, что она бережетъ цѣлость всѣхъ жителей и для того должна быть свято исполняема всѣми, ибо она безъ исполненія, подобно какъ вѣра безъ дѣлъ, т. е. ничего не значитъ. Можетъ быть это и подало причину сказать, что я ее уничтожаю. Касательно же выписокъ изъ книги «о государственномъ правленіи», то я не только изъ сей, но изъ всякаго рода книгъ выписывалъ матеріалы добрые и худые отнюдь не съ тѣмъ, чтобы ихъ употреблять къ вреду, но съ тѣмъ, чтобы все то въ наилучшую обратить роду человѣческому пользу».

Показаніе свое Кречетовъ заключилъ слѣдующими словами: «Я не сужу тѣхъ, кто столь великую тяжесть на меня навелъ, я отпускаю тому, кто противъ меня погрѣшилъ, по словамъ Христа, не только таковыхъ прощать, но и любить ихъ повелѣ-

---

[1]) Амвросій (Зертикъ-Каменскій) архіепископъ Московскій былъ убитъ чернью 16 сентября 1771 г. во время моровой язвы.

вающаго, дабы и мои предъ Богомъ согрѣшенія за то мнѣ прощены были. Боже! Заступи и спаси мою невинность!»

Слѣдственная коммиссія нашла всѣ его поступки въ высшей степени опасными для цѣлости государства и ведущими къ ниспроверженію самодержавной власти. 18 іюля 1793 года, Кречетову былъ объявленъ приговоръ въ слѣдующей формѣ: «Во исполненіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, правящій должность генералъ-прокурора генералъ-поручикъ Самойловъ о содержащемся подъ стражею отставномъ поручикѣ Ѳедорѣ Кречетовѣ приказалъ учинить слѣдующее: Кречетовъ, какъ всѣ его дѣянія обнаруживаютъ его, что онъ самаго злого нрава и гнусная душа его наполнена прямымъ зломъ противъ Государя и Государства, ибо онъ именно открывалъ злое свое намѣреніе въ томъ, чтобъ сдѣлать въ Россіи правленіе таково, которое бы разрушило все благоустроенное въ нынѣшнемъ положеніи Государство, а по сему, хотя онъ, яко совершенный бунтовщикъ и обличенный въ семъ злѣ, по законамъ государственнымъ, яко извергъ рода человѣческаго, и достоинъ казни, но по человѣколюбію и милосердію Ея Величества и что съ твердостью заключить можно, что сей его богомерзкій умыселъ по подлому души его расположенію, никакимъ образомъ не нашелся бъ въ состояніи поколебать вѣрноподданныхъ сыновъ отечества, по привязанности къ освященной Ея Величества особѣ и человѣколюбивѣйшему Ея правленію ко благу вѣрноподданныхъ, отъ оной его избавить, а чтобъ сей извергъ о описанномъ имъ злѣ принесъ Всевышнему покаяніе, а тѣмъ паче, чтобъ впредь не могъ своими злыми плевелами заразить малосмысленныхъ людей, то *запереть его въ здѣшней крѣпости до Высочайшаго указа, подъ крѣпчайшею стражею, не допуская къ нему никого, такъ и писать ему не давая,* потому паче, что иногда не откроется ль еще какого на него здѣсь извѣщенія».

По утвержденію Императрицей приговора, Кречетовъ былъ отвезенъ въ одинъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости и заключенъ, какъ важнѣйшій государственный преступникъ. Донесшій на него парикмахеръ Малевинскій былъ по Высочайшему повелѣнію, въ награду за вѣрность, освобожденъ отъ крѣпостной зависимости вмѣстѣ съ дочерью и, кромѣ того, получилъ двѣсти рублей. Окуловъ и Скворцовъ за то, что не донесли въ свое время на Кречетова, подлежали осужденію, но были помилованы и оставлены при своихъ обязанностяхъ, причемъ они были обязаны подпискою о своемъ участіи въ процессѣ во всю свою жизнь никому ничего не говорить, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія. Сильнѣе всѣхъ пострадалъ купецъ Ерковъ: за свое упорное запирательство онъ былъ сосланъ въ Сибирь, въ Пелымь, а имущество его было *конфисковано* [1]).

---

[1]) При Павлѣ I онъ получилъ прощеніе и былъ награжденъ 1000 рублями за понесенные убытки.

Кречетову не долго пришлось пробыть въ одиночномъ заключеніи. Спустя мѣсяцъ послѣ приговора (17 августа 1793 г.), онъ былъ вытребованъ въ тайную экспедицію и допрошенъ вторично. Поводомъ къ возникновенію слѣдствія послужили вновь найденныя бумаги, встревожившія генералъ-прокурора. «Въ одной твоей запискѣ,—спросили Кречетова,—написано: «объяснить великость дѣлъ Петра III? Какія ты знаешь великія дѣла Петра III?». Онъ отвѣтилъ, что великими дѣлами покойнаго Императора считаетъ указъ о вольности дворянства и указъ данный Синоду, который онъ приказывалъ прибить къ четвертой сторонѣ зерцала, чтобъ подсудимыхъ не отдавать подъ судъ тому, на кого они доносятъ или бьютъ челомъ. «Тобой же написано,—спрашивалъ прокуроръ,—«весьма разумно, Іисуса Христа признать монархомъ всего рода человѣческаго и изъ его ученія вѣчное составить уложеніе». То, что ты подъ сими твоими словами разумѣешь? Мы и кромѣ Іисуса Христа имѣемъ монарховъ, разумѣя подъ симъ титломъ самодержавныхъ коронованныхъ главъ».—«Нѣтъ,—возразилъ обвиняемый,—я бы думалъ признать монархомъ одного Іисуса Христа, а коронованныхъ главъ я почитаю лишь какъ хранителей закона и исполнителей его».

«Въ другой же запискѣ сказано у тебя, — продолжался допросъ,—чтобъ очиститься обществу отъ людей наглыхъ, надлежитъ въ воины позвать вольницу. Для чего написалъ ты это? «Для того,—отвѣтилъ Кречетовъ,—что почитаю лучше набрать вольницу въ солдаты, нежели какъ нынѣ наборы бываютъ: нынѣ въ солдаты отдаютъ воровъ да мошенниковъ, то какой отъ нихъ пользы ожидать? а вольные наилучшимъ образомъ служить могутъ». По поводу найденной записки изъ книги «Масонъ безъ маски», Кречетову было замѣчено, что такъ какъ въ этой выпискѣ восхваляется равенство, также какъ и глава масонства, который де долженъ быть англичаниномъ, для того, что никому такъ не свойственно, какъ этому народу, ставить человѣка въ равенствѣ съ человѣкомъ и отдавать людямъ должное почтеніе, то для какой цѣли сдѣлана эта выписка? Кречетовъ отвѣтилъ, что хотѣлъ помѣстить выписку въ свои сочиненія, не находя ее преступной.

Наиболѣе вредными тайная экспедиція нашла двѣ записки: въ первой изъ нихъ говорилось, что «имѣнія, которыя даны Государями по страсти, безъ явныхъ всему государству услугъ, тѣ можетъ другой потомствующій Государь и отнять, а которыя даны за явныя услуги, то они должны быть записаны въ книгѣ народной и при другомъ Государѣ народомъ подтверждены и тѣ останутся неотмѣнно крѣпки»; во второй было написано: «сдѣлать толкованіе на символъ вѣры по моему собственному понятію».—«На какой конецъ писалъ ты первую записку и какой символъ хотѣлъ сочинить и чѣмъ тебѣ не нравится старый, который всѣми Соборами утвержденъ, столько лѣтъ принятъ и кровью великаго числа мучениковъ запечатлѣнъ?» спросили Кречетова. «Что ска-

зано въ первой запискѣ,—былъ его отвѣтъ,—то я хотѣлъ помѣстить сіе при сочиненіи законовъ въ правило и отдать на судъ всѣмъ, если же бы признали, что это глупо, то я бы и отмѣнилъ, а символъ вѣры я думалъ написать пространнѣе и яснѣе, чѣмъ старый, такъ какъ прежде были умы, а теперь другіе».

Послѣ допроса Кречетова снова отвезли въ крѣпость и помѣстили подъ строгимъ надзоромъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Тайная экспедиція занялась тщательнымъ пересмотромъ его дѣла и нашла, что по новымъ даннымъ вина преступника увеличилась. «Изъ всѣхъ его мыслей и произносимыхъ имъ словъ видно,—писалъ въ новомъ докладѣ генералъ-прокуроръ,—что онъ не хочетъ, чтобъ были монархи, а заботится болѣе о равенствѣ и вольности для всѣхъ вообще, ибо онъ, между прочимъ, сказалъ, что разъ дворянамъ сдѣлали вольность, для чего жъ не распространить оную и на крестьянъ, вѣдь и они такіе же человѣки. Изъ показаній же Малевинскаго усматривается, что онъ хотѣлъ набрать вольницу и дать имъ хорошее жалованье, а гвардію распустить для того, что если бы Государь не сталъ хранить законы, то бы и Его смѣнить».

Послѣдствіемъ доклада Самойлова явилось Высочайшее повелѣніе о заточеніи Кречетова въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ ночь на 25 декабря 1794 года, комендантъ Петропавловской крѣпости [1]) получилъ предписаніе выдать секретнаго арестанта Ѳедора Кречетова фельдъегерю [2]). Въ 8 часовъ утра 25-го декабря, арестантъ былъ привезенъ въ Шлиссельбургъ и помѣщенъ въ верхнемъ этажѣ, въ камерѣ № 5. Доставившій новаго узника фельдъегерь объявилъ коменданту [3]) Высочайшее повелѣніе о содержаніи его *наикрѣпчайше*, наблюдая, чтобъ онъ никакихъ разговоровъ и сообщенія ни съ кѣмъ не имѣлъ.

Кречетовъ пробылъ въ ужасномъ заключеніи шесть лѣтъ. Въ 1801 г. по случаю вступленія на престолъ Александра I онъ былъ выпущенъ на свободу, но оказался совершенно больнымъ и неспособнымъ ни къ какому труду. Ему были выданы изъ Управы Благочинія принадлежащія ему и отобранныя еще при первомъ арестѣ вещи.

Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

М. Корольковъ.

---

[1]) Ген. Чернышевъ.
[2]) Вмѣстѣ съ Кречетовымъ былъ отосланъ и другой секретный арестантъ—Фишеръ.
[3]) Полк. Колюбакину.

Литографированная записка М. В. Буташевича-Петрашевскаго[1]).

О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній.

Цѣна населенныхъ имѣній нынѣ менѣе дѣйствительной цѣнности сихъ имѣній. Эта разница въ цѣнѣ имѣній и ихъ стоимости гибельна для общественнаго благосостоянія вообще. Всякій долженъ съ этимъ согласиться, какъ и съ тѣмъ, что ее нужно устранить; чѣмъ скорѣе это будетъ совершено, тѣмъ лучше. Причины сему: предоставленіе владѣнія населенными землями одному только классу, исключительная малость капиталовъ, обращающихся на сію промышленность, неразвитіе кредита и ощутительный недостатокъ мѣстъ и учрежденій, содѣйствующихъ къ его развитію, неопредѣленность въ будущемъ условій владѣнія сими родами собственности, разныя постановленія, вышедшія въ послѣднее 10-тилѣтіе. Уничтожить вредное вліяніе вышеозначенныхъ причинъ можно принятіемъ слѣдующихъ мѣръ.

1. Предоставленіемъ купцамъ права пріобрѣтать земли подъ условіемъ дѣлать обязанными крестьянъ, на сихъ земляхъ находящихся, вмѣстѣ съ правомъ голоса и участія въ дворянскихъ собраніяхъ въ качествѣ землевладѣльцевъ и по дѣламъ относящимся до обоихъ сословій, какъ землевладѣльцевъ. Единовременно съ этимъ можно предоставить крестьянамъ право выкупаться за извѣстную сумму. Въ слѣдствіе сего по меньшей мѣрѣ должно обратиться на пріобрѣтеніе земель до 500,000,000 руб. асс. и даже болѣе купеческихъ капиталовъ. Къ облегченію способовъ пріобрѣтенія населенныхъ земель купцами на вышеозначенномъ основаніи можетъ служить дозволеніе имъ дѣлать ссуды денегъ дворянамъ подъ населенныя имѣнія.

2. Введеніемъ гипототическихъ книгъ на томъ же основаніи, какъ сіе существуетъ въ Пруссіи.

---

[1]) Въ началѣ марта 1848 года М. В. Буташевичъ-Петрашевскій, участвовавшій, какъ помѣщикъ Новоладожскаго уѣзда, въ губернскомъ дворянскомъ собраніи Петербургской губ., раздавалъ дворянамъ свою записку, до сихъ поръ никогда въ печати не появлявшуюся (Выдержки изъ нея напечатаны во II томѣ „Крестьянскаго вопроса“ В. И. Семевскаго). Записка была затѣмъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ распространена по городу. Какъ извѣстно, она играла въ извѣстной мѣрѣ роль „поличнаго“ въ процессѣ Петрашевскаго.

Мы печатаемъ эту „записку“ съ подлинника, исправленнаго рукою самого автора и находящагося въ дѣлѣ о петрашевцахъ, находящемся въ архивѣ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

Мих. Лемке.

3. Заведеніемъ кредитныхъ земскихъ учрежденій (Kreditvereine) какъ въ Польшѣ.

4. Учрежденіемъ дворянскихъ или, лучше сказать, земледѣльческихъ банковъ.

5. Равнымъ уменьшеніемъ процентовъ на капиталы, платимые какъ кредитнымъ установленіямъ за ссуду денегъ, такъ и платимыхъ ими самими на капиталы, врученные ихъ храненію. Эта мѣра также вдвинетъ огромные капиталы въ оборотъ. Отъ сего никто не потерпитъ, ибо можетъ быть сохранено нынѣ существующее отношеніе между процентами, платимыми на капиталъ за ссуду его кредитными установленіями частнымъ лицамъ, и процентами, платимыми кредитными установленіями за ссуду или отдачу имъ на храненіе капиталовъ частнымъ лицамъ.

6. Усиленіемъ библіотекъ, находящихся при уѣздныхъ училищахъ, сочиненіями, относящимися до сельскаго хозяйства и отраслей промышленности съ ними связанныхъ, и предоставленіемъ безмезднаго пользованія сими книгами всѣмъ земледѣльцамъ и городскимъ обывателямъ.

7. Учрежденіемъ сохранныхъ кассъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и порученіемъ пріема взносовъ въ сіи кассы всѣмъ приходскимъ священникамъ; эта мѣра также должна внести въ общественный оборотъ значительные капиталы, нынѣ находящіеся безъ движенія, а крестьянамъ дать возможность быть обязанными своему труду и благоразумію, а не странному пожертвованію другихъ своимъ освобожденіемъ. Нравственная сторона этой мѣры, какъ развивающая духъ предусмотрительности въ низшемъ классѣ, весьма важна; въ то же время она достойна уваженія, какъ благонадежное постепенно дѣйствующее средство приготовленія сихъ классовъ къ пользованію дарами гражданской свободы и плодами своей свободной дѣятельности. Сверхъ сего эта мѣра, равно какъ и допущеніе купцовъ покупать земли, населенныя дворянами, для дворянъ важна тѣмъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, что значительную часть тягости и неудобства сопряженныхъ съ измѣненіемъ настоящихъ отношеній крестьянина и помѣщика переноситъ на другіе классы, и за уступку, болѣе мнимую, нежели дѣйствительную, нѣкотораго преимущества, значительно вознаграждаетъ за это дворянъ выгодами экономическими.

8. Учрежденіемъ при сохранныхъ кассахъ mont de petri на тѣхъ же основаніяхъ, какъ онѣ существуютъ во Франціи, съ присовокупленіемъ права принимать подъ залогъ нѣкоторыя земледѣльческія произведенія.

9. Улучшеніемъ формъ судопроизводства и надзора за административными или исполнительными властями. Таковыя усовершенствованія не могутъ не имѣть вліянія на цѣнность имѣній, какъ на все другое чрезъ усиленіе кредита, наличнаго довѣрія между гражданами.

Мѣры эти, единовременно принятыя въ теченіе весьма непродолжительнаго времени, не только должны значительно увеличить цѣнность поземельной собственности, но и развить многія какъ нравственныя, такъ и матеріальныя силы въ народѣ, находящіяся понынѣ въ дремотномъ состояніи; положить начало самосознанія и сознанія своего общественнаго значенія въ тѣхъ классахъ, кои до сего были совершенно чужды

этого; установить благосостояніе общественное на началахъ прочныхъ, истинныхъ, согласныхъ съ мѣстными условіями страны. Учрежденія эти, развиваясь соотвѣтственно общимъ нуждамъ и потребностямъ страны, должны необходимо сдѣлать богатство и благосостояніе доступнымъ всѣмъ классамъ посредствомъ ихъ труда и благоразумнаго употребленія производительныхъ силъ природы, находящихся въ ихъ завѣдываніи, и дать возможность всѣмъ въ мѣру ихъ силъ быть дѣйствительными участниками всеобщаго счастья и благоденствія.

Сдѣлать предъ лицомъ дворянскаго сословія С.-Петербургской губерніи въ общемъ губернскомъ собраніи изъясненіе всѣхъ сихъ мѣръ, безспорно полезныхъ не только тому одному сословію, къ которому имѣю честь я принадлежать, но и всему обществу, мѣръ, настоятельность нужды принятія которыхъ очевидна, въ подробности соотвѣтственной ихъ практическому назначенію чрезъ чтеніе подробнаго изложенія всѣхъ сихъ мѣръ, и словесно разрѣшить тогда же всѣ недоразумѣнія и вопросы разнаго рода, могущіе возникнуть по сему предмету, почту для себя пріятной обязанностью, если на то будетъ изъявлено желаніе почтеннаго С.-Петербургскаго дворянства. *Дворянинъ С.-Петербургской губерніи, землевладѣлецъ и избиратель М. Буташевичъ-Петрашевскій.*

Голуби [1]).

Голуби по двору ходятъ-воркуютъ
Сизой артелью своей.
Все подозрительно какъ-то толкуютъ,
Быстро летятъ отъ людей.
Часто гурьбою громадной слетаются
Мирно ко мнѣ подъ окно;
Цѣлой коммуною дружно питаются,
Дѣлятъ по братски зерно.
Видно вліянье идей растлѣвающихъ
Въ бѣдной семьѣ голубей—
Мыслей основы основъ подрывающихъ,
Соціализма идей.
Гдѣ у нихъ личность отъ злыхъ ограждающій
Мудрой полиціи глазъ?
Гдѣ у нихъ кормчій, ихъ жизнь направляющій,—
Этотъ порядка компасъ?
Здѣсь анархизма примѣръ замѣчается—
Страшный примѣръ для людей!
Браки свободны—никто не вѣнчается,
Нѣтъ ни поповъ, ни церквей.
Голуби сизые, пташечки бѣдныя,
Развращены вы совсѣмъ!
Кѣмъ же идеи эти зловредныя
Къ вамъ прививаются?—Кѣмъ?
Скажутъ—природой... Для благъ человѣчества
Выскажу мнѣніе свое:
Если природа враждебна отечеству—
Выслать подальше ее!

---

[1]) Стихотвореніе это принадлежитъ застрѣлившемуся въ ночь на 3 марта 1881 года, Н. А. Саблину (см. март. кн. „Былого“, стр. 13—15). Оно было напечатано въ № 5 „Земли и Воли“ и перепечатано въ сборникѣ Базилевскаго „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“. Портретъ Н. А. Саблина помѣщенъ въ мартовской книжкѣ „Былого“.

Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ.

Обыкновенно къ запискамъ подобнаго рода авторъ приступаетъ съ большой натугой, и не иначе, какъ «уступая настоянію друзей». Если встрѣтишь, бывало, такую фразу у другого автора, она кажется немножко жеманной и потому совершенно излишней. Но очутившись самъ въ аналогичномъ положеніи, видишь, что это не пустая фраза.

Когда на тебя устремляются взоры, когда ты не только становишься центромъ вниманія (къ этому люди легко привыкаютъ), нѣтъ, когда отъ тебя ждутъ съ весьма понятнымъ волненіемъ, чтобы ты огласилъ и какъ можно живѣе изобразилъ тѣ ужасы, которые нельзя иначе назвать, какъ позоромъ нашей цивилизаціи, тобой овладѣваетъ весьма естественная робость и нерѣшительность. Для такого сюжета нужно хоть немножко художественное перо, а тѣмъ болѣе нуженъ извѣстный литературный навыкъ свободно излагать свои мысли. Между тѣмъ ясно чувствуешь свою почти младенческую безпомощность.

Каждый изъ насъ, приступая къ такимъ запискамъ, невольно приводитъ себѣ на память записки декабристовъ—полныя широкаго интереса и высокаго драматизма. Добрую половину тѣхъ записокъ составляло описаніе и характеристика общественнаго движенія, продуктомъ котораго явилось 14 декабря. И самый фактъ, и слѣдовавшій за нимъ судебный процессъ, были единичнымъ событіемъ, подобнаго которому русская исторія не знала ни ранѣе, ни позже. Другое дѣло—мы. Мы были только продолжателями движенія, уже широко разлитаго. И наши цѣли, и наши идеалы давно уже перестали быть новинкой для всего образованнаго русскаго общества. Настолько перестали, что когда Ульяновъ на судѣ попробовалъ излагать принципіальныя основы дѣятельности партіи, предсѣдатель неоднократно останавливалъ его, откровенно заявляя: «все это мы давно знаемъ». Наши судебные процессы были уже столь многочисленны, что детальное изображеніе каждаго изъ нихъ для рядового читателя казалось бы излишнимъ и скучнымъ. Установились уже общіе карательные пріемы, сложились типичныя фигуры и прокуроровъ, и слѣдователей, и подсудимыхъ, за которыми индивидуумъ, какъ таковой, совершенно стушевывается. И изъ груды накопившагося въ теченіе десятилѣтій матеріала для читателя дорого выдѣлить

только нѣсколько болѣе крупныхъ личностей, какъ наиболѣе типичныхъ, уложивши всѣхъ остальныхъ въ общую схему движенія, медленно, но почти непрерывно нароставшаго. [1])

Приведу одинъ только примѣръ, чтобы показать, до чего однообразны были такъ называемые судебные пріемы въ теченіе цѣлыхъ 30 лѣтъ. Еще въ 70-хъ гг. подсудимые заявляли суду, что всякій человѣкъ, котораго они пригласятъ на судъ въ качествѣ свидѣтеля съ своей стороны, арестуется вслѣдъ затѣмъ жандармами. Буквально то же заявленіе повторилъ недавно и Гершуни въ 1903 г., и практика неизмѣнно подтверждала эти заявленія.

Это одна половина дѣла. Затѣмъ у декабристовъ даже на каторгѣ, въ самые суровые моменты, все же была нѣкоторая жизнь. По извѣстному опредѣленіи Спенсера «жизнь есть приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ». У декабристовъ были эти внѣшнія отношенія, благодаря присутствію дамъ за тюремной оградой, и тѣмъ рѣдкимъ, но никогда не прерывавшимся сношеніямъ съ покинутымъ міромъ, которыя чрезъ нихъ были доступны всѣмъ. Наконецъ, положеніе ихъ вмѣстѣ съ самымъ мѣстомъ жительства постоянно мѣнялось и, достовляя имъ рядъ разнообразныхъ впечатлѣній, давало вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно матеріала для того, чтобы потомъ составить изъ него цѣлое жизнеописаніе.

Ничѣмъ подобнымъ мы похвалиться не можемъ. Наши сношенія съ внѣшнимъ міромъ начались уже слишкомъ поздно и были всегда подъ стражайшимъ контролемъ жандармеріи. И вотъ теперь какъ ни силишься остановить свое воспоминаніе хоть на чемъ-нибудь выдающемся, какъ ни стараешься воспроизвести хоть какое нибудь «событіе», чувствуешь, что вспоминать и воспроизводить тебѣ нечего, что у тебя въ головѣ въ буквальномъ смыслѣ слова «хоть шаромъ покати». Воображеніе рисуетъ одну безрадостную, унылую зимнюю равнину, гдѣ глубокій снѣгъ сгладилъ всѣ очертанія, и гдѣ пытливый глазъ тщетно ищетъ, на чемъ бы онъ могъ остановиться и отдохнуть на минутку отъ томительнаго однообразія. Самый снѣгъ здѣсь не пустая метафора. Жизнь была какъ бы заморожена, и въ нашей зимѣ не было ни малѣйшихъ художественныхъ красокъ. Она была не просто безрадостна. Въ первые годы она была почти мучительна. Каждый прожитый день давалъ иллюзію облегченія тѣмъ, что онъ прошелъ и уже назадъ не вернется. Будетъ другой, подобный ему; но о будущемъ вообще не думалось, притомъ же, кто знаетъ? слѣдующій день можетъ быть внесетъ хоть какую нибудь перемѣну. Вспоминать же прожитые дни не только не было ни малѣйшаго интереса, напротивъ, былъ прямой интересъ—по возможности о нихъ никогда не вспоминать. Тягостное настоящее казалось бы еще болѣе тягостнымъ, если бы переживаніе его сплести съ

---

[1]) Съ этимъ взглядомъ автора мы согласиться не можемъ. *Ред.*

умственнымъ переживаніемъ прошлаго. А потому, забвеніе считалось всегда самымъ желаннымъ гостемъ и культивировалось съ особеннымъ вниманіемъ и тщательностью. Насаждаемое сознательно цѣлыми годами, оно прочно укоренялось, овладѣвало психикой и царило невозбранно. Въ этомъ отношеніи многіе достигли большой виртуозности...

Когда на смѣну первыхъ тяжкихъ лѣтъ пришли болѣе спокойные и сносные годы, когда жгучая боль пережитаго отодвинулась вдаль и могла воспроизводиться въ памяти со спокойствіемъ и безстрастіемъ историка, стало казаться, что вспоминать, собственно говоря, нечего. Пережиты были сложныя чувствованія. Пережиты факты внутренней жизни. Пережиты наединѣ, глазъ на глазъ съ собою физическія и нравственныя страданія, которыя при нормальномъ ходѣ жизни человѣкъ старается заглушить внѣшними житейскими впечатлѣніями. Никто не дѣлаетъ ихъ постояннымъ центромъ своего вниманія. А въ нашихъ условіяхъ дѣлать ихъ предметомъ усиленнаго вниманія и нельзя было безъ серьезнаго риска — утратить нормальное душевное настроеніе. Извѣстно вѣдь, что нѣтъ такого предмета, который при усиленномъ вниманіи не сталъ бы казаться и очень интереснымъ, и очень важнымъ, и весьма рельефнымъ. Самонаблюденіе—прекрасная вещь. Но когда нѣтъ никакого другого объекта для наблюденія, кромѣ самого себя, оно скоро можетъ довести до прискорбныхъ нелѣпостей.

Это почти полное отсутствіе рѣзкихъ и важныхъ перемѣнъ, независимо отъ легкости или суровости режима, налагало на наше существованіе печать полной безжизненности. Ни во внѣ, ни внутри, не было ничего, почему бы мы могли хоть какъ нибудь оріентировать теченіе времени. Оно какъ будто совсѣмъ остановилось. Даже болѣе, его совсѣмъ для насъ не существовало. Были, конечно, и осень, и лѣто. Но перемѣны погоды обыкновенно столь слабо задѣваютъ человѣка, что служатъ сюжетомъ для обмѣна мыслей только въ скучномъ обществѣ, да и то въ первыя же минуты встрѣчи окончательно исчерпываются. Наша осень и наше лѣто были точной копіей съ лѣта и осени прошлаго года и составляли столь же малую перемѣну въ жизни, какъ и смѣны дня и ночи.

Мы всѣ были точно заморожены или законсервированы другимъ какимъ нибудь способомъ. Это было существованіе съ крайне пониженной психикой, напоминающее зимнюю спячку у нѣкоторыхъ животныхъ. Былъ нервный аппаратъ, вполнѣ и даже утонченно организованный, но онъ не дѣйствовалъ за отсутствіемъ впечатлѣній. А всякая система функцій въ организмѣ, не дѣйствующая продолжительное время, ослабѣваетъ и замираетъ. Не было дѣла ни для органа слуха, ни для органа зрѣнія. Звуки все тѣ же. Членораздѣльную человѣческую рѣчь въ первые годы слышалъ настолько рѣдко, что иногда въ разговорѣ забывалъ самые обыденные русскіе термины. Для зрительныхъ упражненій

были «пески» (о нихъ позже) и сѣрыя стѣны. Сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня. Еще нужно удивляться послѣ этого стойкости нервной организаціи и тому, что мы сохраняли этотъ аппаратъ не окончательно испорченнымъ.

При такой пониженной воспріимчивости, даже на болѣе крупныя перемѣны въ нашей жизни я реагировалъ только вполовину. Мнѣ все представлялось, будто у меня дѣйствуетъ только одно полушаріе головного мозга, а другое спитъ безмятежнымъ сномъ. А разъ не было исходныхъ возбужденій, дающихъ толчекъ внутренней мозговой дѣятельности, эта послѣдняя тоже совершалась вяло и апатично. Конечно, мы не стояли на одномъ мѣстѣ, и въ области многихъ знаній сдѣлали болѣе или менѣе серьезныя пріобрѣтенія. Но вѣдь это за 20 лѣтъ!

Нужно, впрочемъ, оговориться, что при такой пониженной психикѣ (разумѣется, не у всѣхъ равномѣрно) у насъ всегда туго была натянута одна струна, которая громко звучала при малѣйшемъ прикосновеніи. Это была постоянная настороженность по отношенію къ своимъ мучителямъ, и опасеніе съ ихъ стороны какихъ-нибудь новыхъ вылазокъ съ цѣлію усугубить наши страданія. Въ силу этого, modus vivendi каждаго даннаго момента мы считали своимъ неотъемлемымъ достояніемъ, въ защиту котораго готовы были ежедневно стать въ угрожающую позицію. Попытки же отнять уже разъ данное повторялись такъ часто, точно наши враги, оперируя надъ нами, изучили предварительно психологическую истину, что всякое страданіе, оставаясь неизмѣннымъ, перестаетъ ощущаться, какъ боль.

Еслибы отъ такой жизни сохранился дневникъ, онъ немного помогъ бы теперь, потому что и самый дневникъ при такимъ обстоятельствахъ оставался бы столь же безжизненнымъ, какъ и среда, въ которой онъ писался. Пробовалъ я въ первый же годъ вести такой дневникъ, но скоро же бросилъ. Не говоря о томъ, что самыя смѣлыя надежды не давали ни малѣйшей увѣренности вывезти такое произведеніе изъ тамошнихъ стѣнъ, онъ, вѣроятно, и не стоилъ бы того, чтобъ сохранять его какъ матеріалъ. Въ другой разъ я приведу сохранившійся у меня отрывокъ, а пока скажу только, что это былъ скорѣе рядъ размышленій, расположенныхъ подъ числами, по поводу того, что читалось въ эти дни. Все это дало бы, вѣроятно исторію «одного размышляющаго духа», но исторіи нашего быта и нашихъ чувствованій тамъ навѣрное не оказалось бы.

Сдѣлавши такое длинное вступленіе, перейду теперь къ прямой темѣ этого очерка.

I.

И такъ, я начинаю съ вопроса, стоящаго въ заголовкѣ статьи: за что же собственно я посаженъ былъ въ Шлиссельбургъ и выдержанъ тамъ ровно 18½ лѣтъ? Но приступаю къ этому

вопросу съ большимъ смущеніемъ. Я былъ причисленъ къ категоріи «важнѣйшихъ» государственныхъ преступниковъ, приговоренъ къ смертной казни и помилованъ на «безъ срока». При видѣ такой квалификаціи, каждый невольно вообразитъ себѣ какую нибудь трагическую деталь *борьбы* за свободу, какую нибудь частность конспиративной *дѣятельности*, какое нибудь единичное организаціонное *предпріятіе*, словомъ, какое нибудь *дѣло*, за которымъ послѣдовало такое административно-судебное завершеніе. Увы, ничѣмъ подобнымъ я похвалиться не могу, и въ моемъ прошломъ, можно сказать, не было никакого политическаго прошлаго.

Я кончилъ петербургскую духовную академію со званіемъ кандидата и, какъ одинъ изъ «лучшихъ воспитанниковъ», былъ оставленъ при академіи въ качествѣ «профессорскаго стипендіата», т. е. претендента на кафедру при академіи. Прямой обязанностью моей было писать магистерскую диссертацію, темой для которой служилъ забытый теперь нѣмецкій философъ, психологъ и педагогъ Бенеке. Это было въ 1886 году. Почти до 85 г. я жилъ уединенно въ зданіи академіи, никому невѣдомый и самъ никого незнающій и, какъ водится, «двигалъ» науку. Такъ въ шутливой формѣ выражались мы въ товарищескомъ кругу о своихъ занятіяхъ, которымъ я предавался со страстью неофита. Предо мной только что открылись во всей своей широтѣ обширныя области, въ которыхъ я былъ чистѣйшимъ профаномъ, и я впервые созналъ, что семинарское образованіе, которое поселяетъ въ своихъ адептахъ чувство самообольщенія и горделиваго превосходства надъ «лжеименнымъ» разумомъ, само никуда не годится. И какъ человѣкъ съ неглупой головой и отъ природы любознательный, я жадно удовлетворялъ чтеніемъ только что проснувшуюся умственную пытливость.

Въ это время совершенно случайно до меня дошли слухи, что мои земляки (новгородцы), студенты разныхъ учебныхъ заведеній въ ПБ., вновь организуютъ свое «землячество», распавшееся почему-то незадолго передъ тѣмъ. Побуждаемый естественнымъ стремленіемъ къ общительности, а можетъ быть и «жаждой» дѣятельности, я выступилъ впервые на общественную арену. Завести знакомства въ студенческой, да еще земляческой средѣ было дѣломъ нѣсколькихъ недѣль. А черезъ какихъ нибудь полгода я уже состоялъ кассиромъ своего землячества, разумѣется тайнымъ и подпольнымъ. Таковы были тогда времена, что собирать промежъ себя членскіе взносы по 25 к. въ мѣсяцъ и собранными грошами снабжать въ долгъ наиболѣе нуждающихся изъ своего кружка—считалось запрещеннымъ дѣломъ, съ которымъ нужно было во что бы то ни стало скрываться. Такъ какъ это «сообщество» было тайное, то вѣроятно и «преступное», и мы, наивныя души, совсѣмъ не воображали, что ведемъ опасную игру и стоимъ у границы, гдѣ вотъ-вотъ начнется политическая дѣятельность.

А политика, дѣйствительно, уже подстерегала насъ. Въ началѣ 1880 г. организовался «союзъ землячествъ» (какъ организовывался онъ можетъ быть десятки разъ), который, среди другихъ своихъ цѣлей, какъ-то: саморазвитіе, касса, библіотека, выставлялъ между прочимъ—страшно сказать—выработку сознательныхъ революціонеровъ. Я говорю объ этомъ съ нѣкоторой ироніей, потому что на самомъ дѣлѣ никакой «выработки» не было, а были изрѣдка собраны депутатовъ отъ землячествъ, которыя проходили довольно вяло и безжизненно. Надо прибавить для тѣхъ, кто выросъ позднѣе, что это было время полнаго упадка революціоннаго движенія. Разгромъ партіи только что закончился. Кто уцѣлѣлъ, скрылся за границу. Литературы, ни старой, ни новой, почти не было. Молодежь тогда, какъ и потомъ, была такою же молодежью, т. е. съ идеальными помыслами и благородными порывами. Но самостоятельнаго творчества она одна не въ силѣ проявить, и никакой агитаторъ не вдохнетъ въ нее революціонной энергіи (вопреки мнѣнію разныхъ оффиціозовъ), если не накопилось таковой въ самомъ обществѣ. Въ обществѣ же тогда не хватало смѣлости даже на открытіе новыхъ начальныхъ школъ, и оно не рѣшалось преодолѣть въ этомъ отношеніи оппозицію правительственныхъ сферъ, относившихся явно враждебно къ народному образованію.

Единственное «дѣло», которое организовалъ нашъ союзъ, была панихида по Добролюбовѣ на Волковомъ кладбищѣ въ 25-лѣтнюю годовщину его смерти 17 ноября 1880 г. Панихиды-то собственно не было, потому что полиція была освѣдомлена и на кладбище насъ не пустила. Когда же мы сомкнутой толпой шли назадъ въ наивномъ расчетѣ дойти до Казанскаго собора и отслужить панихиду въ немъ, на Литовкѣ Грессеръ окружилъ насъ казаками и, продержавъ на слякоти часа два, распустилъ по домамъ. Задержаны были, кажется, человѣкъ 15 изъ тѣхъ, кто вступалъ въ пререканія съ полиціей, и большинство ихъ было выслано изъ Петербурга.

II.

Вскорѣ послѣ этой «демонстраціи» были выпущены прокламаціи къ русскому обществу, которыя были пересылаемы на почтѣ. Но я тогда и никого не зналъ вплоть до суда, гдѣ онѣ фигурировали въ обвинительномъ актѣ, какъ показатель дѣятельности «террористич. фракціи», грозившей якобы вызвать правительству и пересталившей только послѣ 17 ноября къ осуществленію террористич. замысла на жизнь государя Александра III.

Почему я узналъ, что эта оффиціальная версія совершенно не соотвѣтствовала дѣйствительности. Но когда и какъ возникъ самый замыселъ, мнѣ было абсолютно неизвѣстно. Въ немъ я участвовать не былъ, и никакой роли въ осуществленіи его я не могъ вплоть до 7 февраля 1887 г. Какъ одинъ изъ депутатовъ

въ союзѣ землячествъ, я познакомился между прочимъ на депутатскихъ собраніяхъ съ А. И. Ульяновымъ, студ. университета. Человѣкъ онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно симпатичный. Отъ него такъ и вѣяло какой-то особенной чистотой и благородствомъ, и съ первой же встрѣчи нельзя было не почувствовать къ нему сердечнаго влеченія. Но такъ какъ я встрѣчался съ нимъ только на собраніяхъ (два изъ нихъ были у него на квартирѣ и одно у меня), то сойтись ближе съ нимъ мнѣ не удалась. Понятно, что на этихъ собраніяхъ ни о какомъ «замыслѣ» даже и не заикались, и вплоть до 7 февраля я совсѣмъ не подозрѣвалъ, что у Ульянова, кромѣ союзныхъ и студенческихъ дѣлъ, имѣются еще и другія.

Союзныя собранія происходили рѣже, на нихъ являлись не аккуратно, и они умирали должно быть естественною смертію. Лично же я мирно занимался своей диссертаціей и даже земляковъ видалъ рѣдко, потому что при окончаніи курса передалъ свои кассирскія обязанности другому лицу.

7 Февраля Ульяновъ обратился ко мнѣ съ запросомъ (сначала черезъ лицо, оставшееся до сихъ поръ внѣ подозрѣнія), нельзя ли въ моей квартирѣ приготовить недостающіе 3 ф. динамита, который ранѣе приготовлялся въ другомъ мѣстѣ, но теперь продолжать тамъ работу стало неудобно. У меня это было тоже неудобно, и я рѣшительно отказалъ, чѣмъ доставилъ ему явное огорченіе. Въ разговорѣ между прочимъ я вспомнилъ про новую квартиру въ Парголовѣ, куда собирался переѣхать на днях на дачу—чисто изъ матеріальныхъ соображеній, а частію ради тѣхъ удобствъ, которыя представляло уединеніе для моихъ занятій. Тамъ жила М. А. Ананьина, служившая земской акушеркой, съ которой совмѣстно я содержалъ и петербургскую квартиру, такъ какъ дочь ея, Лидія Ивановна, учившаяся въ учительской семинаріи, жила вмѣстѣ со мной. Я ничего не зналъ о квартирныхъ условіяхъ Парголова и сдѣлалъ запросъ въ этомъ отношеніи Маріи Александровнѣ. Получивши ея согласіе, я условился съ Ульяновымъ, что онъ доставитъ въ мою квартиру всю свою лабораторію, а я отправлю ее въ Парголово вмѣстѣ съ мебелью и кухонной посудой, для перевозки которыхъ уже наняты были подводы изъ того же Парголова.

Лабораторія и была доставлена мнѣ, но не Ульяновымъ, а Канчеромъ, котораго я никогда раньше не видывалъ и который потомъ выдалъ меня и многихъ другихъ, судившихся съ нами. Самого Ульянова я больше уже не видалъ вплоть до скамьи подсудимыхъ. Онъ съѣздилъ въ Парголово на нѣсколько дней, приготовилъ что было нужно, и уѣхалъ, оставивши тамъ не только лабораторію, но и нѣсколько унцій нитроглицерина, оказавшагося для него излишнимъ, который онъ поручилъ тамъ вниманію М. А. Ананьиной. Вѣроятно она думала, что у насъ съ Ульяновымъ было на этотъ счетъ какое-нибудь условіе. А когда я самъ переѣхалъ туда, это оказалось для меня сюрпризомъ,

который я рѣшилъ выяснить при первой же поѣздкѣ въ Петербургъ и свиданіи съ Ульяновымъ. Но этой поѣздкѣ не суждено было состояться, потому что 3-го марта я былъ арестованъ «съ поличнымъ».

Какъ человѣкъ, стоящій внѣ организаціи, я считалъ совершенно неумѣстнымъ обращаться къ Ульянову съ какими бы то ни было разспросами о подробностяхъ готовящагося покушенія. Да Ульяновъ навѣрное и не отвѣтилъ бы мнѣ на основаніи самаго элементарнаго правила всякой конспираціи: «каждый долженъ знать только то, что онъ самъ дѣлаетъ». Я же считалъ, что, предоставляя квартиру, да еще не свою, я, собственно говоря, ничего не дѣлаю, а играю совершевно пассивную роль передаточной станціи. На такую роль, насколько мнѣ было извѣстно тогдашнее настроеніе, согласились бы многіе изъ моихъ знакомыхъ, если бы, конечно, гарантирована была имъ безопасность.

III.

Такъ какъ квартира, гдѣ дѣлались самые снаряды и приготовлялся остальной динамитъ, не была найдена, а для «округленія» дѣла нужно было показать, что оно раскрыто полностію, то нашей квартирѣ суждено было нести отвѣтственность и за то, что въ ней совершалось, и за то, чего вовсе не совершалось. Этому посодѣйствовалъ еще и я самъ своею чисто дѣтской наивностью. Дѣло въ томъ, что въ крѣпости, куда я былъ посаженъ на другой день послѣ ареста, я не просидѣлъ и недѣли. У меня тамъ случился какой-то нервный припадокъ, послѣ котораго вскорѣ меня перевели въ Предварилку. На допросѣ Котляревскій сказалъ, что это онъ постарался перевести меня въ виду моего нервнаго разстройства и въ увѣренности, что здѣсь мнѣ будетъ лучше [1]). На самомъ же дѣлѣ онъ посадилъ меня тамъ рядомъ съ предателемъ, каковымъ оказался А. П. Остроумовъ, извѣстный съ этой стороны многимъ южанамъ, моимъ современникамъ. Онъ, конечно, обучилъ меня «стуку», я проявилъ быстрыя способности, и черезъ недѣлю мы уже болтали. На мой вопросъ, за что онъ посаженъ, онъ отвѣтилъ съ краткостью, требуемой самимъ способомъ рѣчи и слабымъ навыкомъ въ ней: «за бомбы». Я въ свою очередь на его вопросъ отвѣтилъ въ унисонъ: «я тоже за бомбы». Свою любознательность къ моему дѣлу онъ проявлялъ съ такой откровенностью, что только такой необстрѣлянный птенецъ, какъ я, и могъ вести съ нимъ длинные разговоры, совершенно не подозрѣвая до самаго Шлиссельбурга его настоящей физіономіи.

---

[1]) Товарищъ прокурора, который тогда производилъ дознаніе по политич. дѣламъ въ Петербургѣ, совмѣстно съ жандармами и П. Н. Дурново, тогдашнимъ директоромъ Департамента полиціи. Мы съ нимъ встрѣчались ранѣе въ домѣ одного протоіерея, и его участіе ко мнѣ могло объясняться вниманіемъ къ старому знакомству. Недавно онъ прославился на всю Русь въ Гомелѣ въ роли предсѣдателя Виленской судебной палаты.

Вскорѣ послѣ этого «признанія», дѣйствительно, было построено обвиненіе меня въ дѣланіи бомбъ, и построено по всѣмъ правиламъ жандармскаго слѣдственнаго искусства. У меня въ квартирѣ было нѣсколько десятковъ книгъ, большею частью изъ академической библіотеки. Всѣ ихъ я отлично зналъ по внѣшнему виду. Однажды, какъ только привезли меня на допросъ, Котляревскій показываетъ мнѣ одну изъ моихъ книгъ (Льюиса, кажется Физіологію обыденной жизни) и спрашиваетъ: «Ваша эта книга?» Я отвѣчаю: «моя». Онъ отодвигается отъ меня подальше, медленно и съ явной предосторожностью вынимаетъ изъ этой книги чистый конвертъ, еще медленнѣе заглядываетъ внутрь его. Я невольно улыбаюсь.

— Да вы, говоритъ, не смѣйтесь! Это очень серьезно.

Я становлюсь серьезнымъ и жду. Изъ конверта, наконецъ, появляется кусочекъ переплетной зеленомраморной бумаги, весьма распространеннаго рисунка, величиной не больше 1 кв. сант. Это было такъ для меня неожиданно, что я снова улыбаюсь, снова получаю замѣчаніе и, наконецъ, рядъ вопросовъ. Требуется объяснить, какимъ именно образомъ попалъ этотъ кусочекъ въ мою квартиру и въ частности въ мою книгу. Я объяснить не въ состояніи. Тогда, чтобы доканать меня окончательно, Котляревскій объявляетъ, что этотъ кусочекъ отрѣзанъ отъ того самаго листа, отъ котораго отрѣзаны другіе такіе же кусочки, употребленные для заклейки винтовъ у одного изъ снарядовъ. Наконецъ-то я начинаю понимать! Очевидно, я дѣлалъ бомбы, оклеивалъ ихъ переплетной бумагой и слѣдовъ своей оклейной работы не успѣлъ уничтожить. Какой нибудь самый ничтожный кусочекъ, на который менѣе геніальный сыщикъ никогда бы и вниманія не обратилъ, теперь выдаетъ меня головой и ведетъ прямымъ путемъ къ эшафоту. Изволь тутъ оправдываться, какъ хочешь, когда улика на лицо! Забавнѣе всего въ этой трагикомедіи то, что они напали не человѣка, который въ химіи былъ тогда столь же свѣдущъ, какъ и въ абиссинской литературѣ, и который съ клейстеромъ имѣлъ такое же знакомство, какъ и съ японской инкрустаціей. Во всей квартирѣ (а я жилъ семейно) никто ничего не клеилъ, не покупалъ цвѣтной бумаги, не рѣзалъ ее и не могъ оставить обрѣзковъ. Въ книгѣ, уже ветхой и многократно читанной, онъ не могъ удержаться столько лѣтъ со временъ ея переплета. Конечно, мое отрицаніе было приписано моему запирательству, а книга съ конвертомъ была отправлена въ судъ, гдѣ и фигурировала на столѣ среди другихъ вещественныхъ доказательствъ.

Сорвалось только съ экспертомъ. Позвали обыкновеннаго переплетнаго мастера, обошли его какъ слѣдуетъ, и онъ показалъ то, чего имъ хотѣлось, т. е. что предъявленный ему кусочекъ (найденный якобы у меня) отрѣзанъ отъ того самаго листа, отъ котораго отрѣзаны и другіе кусочки, прикрывающіе винты на снарядѣ. Но на судѣ подъ присягой этотъ экспертъ отказался отъ такого

удостовѣренія и показалъ, что всѣ листы до такой степени сходны, бумага этого типа такъ распространена, что ни одинъ опытный мастеръ не можетъ утверждать ничего подобнаго и не въ силахъ отличить, отъ какого именно листа отрѣзанъ тотъ или другой кусокъ. Такъ эта улика и была похоронена, и прокуроръ уже не рискнулъ опереться на нее. Подозрѣніе же все таки было наброшено и можетъ быть вліяло на дальнѣйшую мою судьбу.

Какъ бы то ни было, уликъ противъ меня было и безъ того достаточно. Не говоря уже о томъ, что по согласному показанію нѣкоторыхъ свидѣтелей ко мнѣ ходило много народу (ага! стоялъ, значитъ, въ центрѣ организаціи!) и что я переѣхалъ на дачу въ февралѣ мѣсяцѣ, когда никто изъ благонамѣренныхъ гражданъ еще не помышляетъ о дачахъ,—нитроглицеринъ все таки у меня хранился. Хранился онъ, правда, крайне небрежно, и въ комнатѣ, гдѣ онъ стоялъ, дѣти невозбранно поднимали такую возню, что весь полъ дрожалъ. Но этому на судѣ, конечно, не вѣрили, потому что правительственный экспертъ и притомъ генералъ-маіоръ (между прочимъ уличенный Ульяновымъ въ незнаніи способа приготовленія динамита) авторитетно завѣрялъ, что нитроглицеринъ взрывается отъ малѣйшаго сотрясенія. И согласно этому приставъ (или околодочный) тщательно расписывалъ, съ какими скрупулезными предосторожностями онъ перевозилъ на лошади стклянку съ нимъ изъ Парголова въ Петербургъ (18 верстъ).

Наконецъ, динамитъ все таки дѣлался на той дачѣ, въ которую я затѣмъ переѣхалъ, и матеріалы для его производства дѣйствительно прошли черезъ мои руки. Теперь трудно даже вообразить ту степень юношескаго легкомыслія, подъ вліяніемъ котораго мы согласились съ Ульяновымъ на той версіи показаній, которую мы будемъ давать на случай (совершенно невѣроятный случай!), если я буду привлеченъ къ дѣлу. Такъ какъ я стоялъ въ сторонѣ отъ него, то ему казалось желательнымъ выгородить меня изъ него совершенно, придавши своей поѣздкѣ въ Парголово дѣловой, но совершенно невинный видъ. Онъ ѣдетъ туда въ качествѣ репетитора къ Колѣ, сыну М. А. Ананьиной, и какъ студентъ и химикъ беретъ съ собой лабораторію для личныхъ занятій. Хотя мы соглашались заранѣе, что оба будемъ давать единогласно показаніе въ такомъ же смыслѣ, но будучи арестованнымъ и, очевидно, обдумавши дѣло, онъ не захотѣлъ грѣшить противъ истины (впрочемъ, онъ бралъ на себя чужую вину) и заявилъ на вопросъ обо мнѣ, что предоставляетъ мнѣ самому выяснить все, что касается его отношеній ко мнѣ. Между тѣмъ, согласно заранѣе составленному плану, я уже сталъ на путь ложныхъ показаній и, какъ ни противно и тяжело это было, остался на немъ до конца. Такъ какъ я не зналъ,—всякому это покажется невѣроятнымъ,—что подсудимый имѣетъ право отказаться отъ дачи показаній, то передо мной стояла дилемма, или упорствовать во лжи, или, выдавая себя, выдать вмѣстѣ съ тѣмъ

и близкихъ мнѣ лицъ, а въ томъ числѣ и все землячество, и союзъ землячествъ.

Одинъ только разъ, чуть ли не на послѣднемъ допросѣ, я долго колебался, когда Котляревскій предложилъ мнѣ взять на себя все дѣло устройства конспиративной квартиры въ Парголовѣ, и тѣмъ избавить М. А. Ананьину отъ всякихъ преслѣдованій. Соблазнъ былъ очень великъ, и я можетъ быть не устоялъ бы. Но меня удержало соображеніе, что человѣку, правдивость котораго уже заподозрѣна, не повѣрятъ и тогда, когда онъ разскажетъ одну правду. Впослѣдствіи я понялъ, что дѣло для нихъ не въ правдѣ и не правдѣ, а въ томъ, чтобы раскрыть если не все, то какъ можно болѣе, въ той области «неразгаданнаго», которая въ нашемъ дѣлѣ была довольно обширной. Извѣстно вѣдь, что дѣла подобнаго рода для нихъ сущій кладъ, потому что за умѣлое раскрытіе ихъ имъ даютъ чины, высокіе посты и др. награды. Но я, увы, не могъ бы при всемъ желаніи удовлетворить любознательность Котляревскаго, и мои истинныя показанія, навѣрное, были бы сочтены за неполныя и потому неудовлетворительныя и недостовѣрныя. Не безпокоитъ ихъ ни мало и вопросъ о томъ, чтобы «избавить то или другое лицо отъ преслѣдованій». Участь каждаго изъ насъ они по произволу могутъ рѣшить и такъ, и этакъ. Такъ, вначалѣ они колебались, составить ли судебный процессъ только изъ лицъ, взятыхъ на улицѣ съ бомбами, или же придать ему какъ можно больше грандіозности и, показавши громадные размѣры «гидры», тѣмъ лучше оттѣнить все величіе побѣды надъ ней. На мой вопросъ на послѣднемъ допросѣ Котляревскій сказалъ, что можетъ быть мое дѣло окончится административно, а на судъ будутъ поставлены только главные виновники. Я уѣхалъ успокоенный и началъ предаваться мечтамъ о ссылкѣ.

IV.

Какъ вдругъ, 2-го Апрѣля мнѣ врученъ былъ обвинительный актъ со всею торжественностью, которая въ такихъ случаяхъ, должно быть, всегда соблюдается. Онъ былъ для меня столь же интересною новинкой, какою былъ бы тогда и для всякаго другого обывателя. Тамъ перечислялись 15 человѣкъ (Генераловъ, Андреюшкинъ, Осипановъ, Канчеръ, Горкунъ, Волоховъ, Ульяновъ, Шевыревъ, Лукашевичъ, Ананьина Пилсудскій, Пашковскій, Шмидова Сердюкова, и я) которые всѣ были отнесены къ «террористической фракціи партіи Народной Воли», и говорилось, что всѣ они «согласились между собой» посягнуть на священную особу Государя Императора. Изъ этихъ лицъ, «согласившихся между собой» мнѣ былъ извѣстенъ болѣе или менѣе только одинъ Ульяновъ. Раза два-три я встрѣчался также съ Шевыревымъ и Лукашевичемъ, какъ студентами. Первый, устроившій тогда студенческую столовую при универси-

тетѣ, носился съ планами организаціи разныхъ кружковъ саморазвитія и былъ поэтому хорошо извѣстенъ въ студенческой средѣ. А Лукашевича я встрѣчалъ въ Научно-Литературномъ обществѣ при университетѣ (оно было закрыто послѣ нашего дѣла) и на собраніи депутатовъ отъ землячествъ. Благодаря своему громадному росту, онъ во всякой толпѣ былъ головой выше всѣхъ, и потому всякій, встрѣтивши его однажды, невольно запоминалъ. М. А. Ананьина, которая тоже «согласилась» съ прочими, знала только меня, какъ своего нареченнаго зятя, и Ульянова, котораго она никогда ранѣе не видывала до пріѣзда къ ней на дачу съ указанною выше цѣлью.

Изъ обвинительнаго же акта я впервые узналъ, что Генераловъ, Андреюшкинъ и Осипановъ съ бомбами въ рукахъ, а Канчеръ, Горкунъ и Волоховъ въ качествѣ развѣдчиковъ выходили на Невскій три раза въ разные сроки въ разсчетѣ встрѣтить случайно проѣзжавшаго Государя и, не встрѣтивши его, были арестованы 1 Марта сыщиками, которые давно уже слѣдили за ними. Почему-то имя Генералова стояло первымъ въ обвинительномъ актѣ, почему и самое «дѣло» наше оффиціально извѣстно подъ именемъ «дѣла Генералова».

Всѣ мы предавались суду особаго присутствія правител. сената съ сословными представителями. Предсѣдатель (Первоприсутствующій) П. А. Дейеръ самолично вручалъ обвинительный актъ каждому изъ насъ. Благодаря полному невѣжеству въ области судопроизводства, я не заявилъ ему своевременно о желаніи имѣть защитника, и такимъ образомъ, къ стыду своему, долженъ былъ защищаться самъ. Предсѣдатель же передъ началомъ суда, перечисляя защитниковъ у другихъ подсудимыхъ, обо мнѣ почему-то провозгласилъ: «Новорусскій защитника имѣть не пожелалъ».

На судѣ, не смотря на трагизмъ положенія, я очень часто иронически смѣялся. До такой степени казалось мнѣ невѣроятно забавнымъ то легкомысліе, съ какимъ многіе серьезные и высокопоставленные мужи относятъ меня къ числу величайшихъ государственныхъ преступниковъ, которыхъ нужно истреблять во что бы то ни стало, подыскивая для этого въ юридическомъ лабиринтѣ самые подавляющіе доводы. На столько-то я все таки былъ свѣдущъ и понималъ, что всякое подобное преступленіе, какъ бы мы ни квалифицировали его значеніе для народнаго блага, требуетъ для своего осуществленія людей высокаго героизма, самоотверженности и мужества. А во мнѣ все нутро, воспитанное въ школѣ рабства и угнетенія трепетало отъ робости и дѣлало для меня невозможнымъ какое бы то ни было смѣлое и рѣшительное дерзновеніе. И я совершенно искренно считалъ себя безусловно неспособнымъ на подвигъ и величіе, будетъ-ли въ этомъ величіи заключаться великое преступленіе, какъ думали судьи, или великое благодѣяніе. Изъ недавняго еще тогда прошлаго мнѣ припоминались образцы лицъ, смѣло бросившихъ

вызовъ всесильному абсолютизму, мужественно до конца защищавшихъ свою правоту и стойко принявшихъ наложенное на нихъ и ожидаемое ими возмездіе. И вотъ, въ той же залѣ, черезъ которую раньше меня прошло столько отважныхъ, и гдѣ гремѣли ихъ рѣчи, полныя негодованія, любви къ меньшему брату и восторженнаго желанія пострадать за свои убѣжденія,—въ этой залѣ сижу теперь я, безобидное мирное существо, никогда въ жизни не державшее въ рукахъ никакого оружія. Какъ! *я* политическій преступникъ (да еще важнѣйшій!), *я*, политическое образованіе котораго стояло тогда на уровнѣ *0*, и который не въ силахъ былъ обозначить въ самыхъ общихъ чертахъ, какого же собственно переворота мнѣ желательно? Какъ! *я*—политическій преступникъ, я,—кандидатъ духовной академіи, которому высшая школа не внушила ни зерна гражданскаго мужества, ни сознанія своихъ обязанностей, какъ члена націи, воля которой есть единственный законный устроитель государственнаго быта! И я вышелъ изъ той же самой школы, которая дала Россіи Сперанскаго, положившаго основы русской государственной науки и начертавшаго еще 65 л. тому назадъ: «Деспотическая власть могла приличествовать только младенчеству гражданскихъ обществъ», и еще: «Основные государственные законы должны быть дѣломъ націи и выраженіемъ ея воли». Какая иронія судьбы!

Не думаю, чтобы я ошибался въ такой самооцѣнкѣ. Но прокуроры, которымъ по штату полагается умѣнье читать въ сердцахъ, очевидно, были другого мнѣнія: они сочли меня крайне зловреднымъ и опаснымъ, мое смѣшливое настроеніе сочли за насмѣшливое отношеніе къ суду, поставили это мнѣ въ сугубую вину, приписали это, въ связи съ моимъ упорнымъ запирательствомъ моей крайней испорченности, и умыли руки, подписавши смертный приговоръ столь порочному и преступному типу. Въ настоящій моментъ, когда я пишу эти строки, дѣло о томъ, чтобы отправить человѣка на тотъ свѣтъ, сильно упростилось: согласно извѣстному распоряженію министра внут. дѣлъ (того самаго лица, которое и 19 л. назадъ содѣйствовало заточенію меня въ Шлиссельбургъ), всякое лицо, у котораго найдены на храненіи взрывчатыя вещества, предается военному суду, который и приговариваетъ его, какъ взятаго съ оружіемъ въ рукахъ. Если-бы я могъ провидѣть торжество такихъ юридическихъ принциповъ, то предаваться празднымъ размышленіемъ и нервничать на судѣ—у меня не было бы ни малѣйшихъ основаній.

V.

Я не помню точно, какого числа былъ произнесенъ смертный приговоръ въ предварительной формѣ. Въ тотъ же, или на другой день, подъ вліяніемъ продолжительныхъ и настойчивыхъ убѣжденій своего сосѣда шпіона, имѣвшаго тогда въ моихъ гла-

захъ огромный вѣсъ, я подалъ прошеніе на Высочайшее имя. Въ немъ я писалъ въ выраженіяхъ, которыя никогда съ тѣхъ поръ не могу вспоминать безъ нравственной боли, жалобу на строгость приговора и просьбу сохранить мнѣ жизнь и отправить меня въ ссылку. На 3-й, должно быть, день читался приговоръ въ окончательной формѣ, и предъ этимъ было объявлено мнѣ, что мое прошеніе оставлено безъ послѣдствій. У меня сохранилось убѣжденіе, что оно не ходило по назначенію, да за краткостью времени и не могло вернуться. Насколько припоминаю теперь, оно по формѣ своей подходило подъ категорію тѣхъ жалобъ и прошеній, которыя остаются безъ разсмотрѣнія, согласно правиламъ, которыми должна руководиться Комиссія прошеній.

Въ окончательной формѣ приговоръ былъ произнесенъ должно быть 24 или 25 апрѣля, и еще съ недѣлю вслѣдъ за этимъ я оставался въ Предварительномъ Домѣ. Съ этихъ поръ отношеніе ко мнѣ тамъ нѣсколько измѣнилось: на прогулку меня сталъ сопровождать дежурный вплоть до выхода на дворъ, чего не дѣлалось раньше, а на ночь съ 9 ч. вечера оставляли форточку въ двери открытой и запрещали тушить огонь, очевидно въ тѣхъ видахъ, чтобы я «не учинилъ надъ собою какого дурна», и не вырвалъ изъ рукъ правосудія его жертвы. Затѣмъ, я опять былъ перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость, сердечно распростившись съ единственнымъ своимъ сосѣдомъ «помощникомъ правосудія», очевидно, какъ думалось тогда, для исполненія казни. Тамъ я просидѣлъ дня три и прислушивался ко всякому удару топора на дворѣ, полагая, что это создается намъ общій эшафотъ.

Но эшафота мнѣ видѣть не пришлось. Кажется 3-го мая вечеромъ неожиданно вошелъ ко мнѣ каменданть, глухой старикъ, со свитой и съ бумагой въ рукахъ, и объявилъ, что «Государь Императоръ, по неизрѣченному своему милосердію Высочайше повелѣть соизволилъ: даровать жизнь такому-то и замѣнить смертную казнь ссылкой въ каторжныя работы безъ срока». Я спросилъ его, не можетъ ли онъ мнѣ сказать, куда меня пошлютъ отбывать каторжныя работы, и получилъ краткій и рѣшительный отвѣтъ:

— Въ рудники! Въ рудники!—вторично повторилъ онъ, направляясь къ выходу.

Дверь захлопнулась, и я остался мечтать о прелестяхъ рудничныхъ работъ и сибирской жизни.—Испытывалъ ли я удовольствіе отъ такого подарка? Не берусь вѣрно воспроизвести настроеніе, пережитое тогда, но помнится, что радости никакой я не ощущалъ. Съ мыслью о смерти я уже успѣлъ свыкнуться и мирился съ нею, какъ съ неизбѣжнымъ. Быть можетъ, въ самый моментъ, при видѣ эшафота, я и поблѣднѣлъ бы, какъ это бываетъ со многими, но заранѣе и въ воображеніи я взиралъ на него довольно спокойно съ чувствомъ фаталиста, увѣреннаго въ томъ, что «чему быть, того не миновать». Разъ попалъ въ руки

людей, которые играютъ твоею жизнію по своему усмотрѣнію и спокойно говорятъ тебѣ: «можетъ быть я тебя съѣмъ, а можетъ быть помилую», тебѣ остается утѣшаться мыслью, что положеніе жертвы при такихъ обстоятельствахъ неизмѣримо почтеннѣе, чѣмъ роль палача. Являлось только чувство досады: умирать и ни за что! Уходить изъ жизни безслѣдно, ничего не совершивъ! Не могъ же я утѣшать себя мыслью, что это за то, что и у меня были благіе порывы, что и я мечталъ о счастьи и процвѣтаніи своей родины, что и я инстинктивно возмущался противъ того безсмысленнаго и свирѣпаго полицейскаго гнета, съ которымъ тогдашній студентъ сталкивался на каждомъ шагу. Такъ на казнь въ это время взиралъ я безъ страха. Получить же взамѣнъ ея каторгу безъ срока... Бррр!

Какъ бы тамъ ни было, жизнь я получилъ, и при этомъ не воображалъ, что еще много разъ потомъ мнѣ придется жалѣть объ этомъ и завидовать тѣмъ, которые вмѣсто медленнаго умиранія получили быструю смерть. Сколько разъ потомъ я призывалъ ее вновь и долго, мучительно долго лелѣялъ мысль о ней, какъ единственной избавительницѣ отъ того высочайшаго дара, который мнѣ теперь преподнесли, и который сумѣли превратить въ безконечную утонченную пытку!

VI.

На другой, кажется, день послѣ этой объявки, примѣрно въ полночь, я былъ разбуженъ дежурнымъ. Онъ приглашалъ меня одѣть свой костюмъ и слѣдовать за нимъ. Мы поднялись на верхъ, вошли въ какую-то большую комнату, сплошь наполненную солдатами, гдѣ мнѣ предложено было присѣсть. Осмотрѣвшись близорукими глазами [1]), я увидалъ у другой стѣны на скамьѣ фигуру въ черномъ пальто, въ которой потомъ я узналъ І. Д. Лукашевича. Офицеръ самъ подошелъ ко мнѣ и, указывая на него пальцемъ, сказалъ, что мы можемъ говорить другъ съ другомъ.

Въ это время рядомъ за досчатой стѣной слышался постоянный лязгъ желѣза. По звуку мы скоро заключили, что это отбираютъ кандалы изъ склада, не весьма бѣднаго ими. Вскорѣ мимо нашей двери, не плотно закрытой, провели толпой одного закованнаго, затѣмъ съ нѣкоторыми промежутками второго, третьяго, четвертаго... Мы не считали, сколько именно прошло, и ждали своей очереди. Кандаловъ, однако, намъ не дали, и я такъ до сихъ поръ и остаюсь бывшимъ ссылно-каторжнымъ (изъ тяжкихъ!), который никогда въ жизни не видывалъ кандаловъ. Изъ всѣхъ нашихъ современниковъ, препровождавшихся въ Шлиссельбургъ, не были закованы по дорогѣ въ него, насколько я

[1]) Очки были отобраны, равно какъ и золотой тѣльный крестикъ, золотое колечко и часы. Всѣ эти предметы исчезли безслѣдно для меня.

знаю, только Лукашевичъ, да я. Даже обѣ наши дамы (Фигнеръ и Волкенштейнъ) шли туда въ наручняхъ. И мнѣ совершенно неизвѣстно, кому или чему мы были обязаны этой льготой или «милостью». Особенно странно это для Лукашевича, атлетическая фигура котораго не могла не внушать опасеній.

И такъ, безъ всякихъ особыхъ церемоній, офицеръ пригласилъ сначала Лукашевича «пожаловать» и, спровадивши его со значительной свитой, скоро вернулся ко мнѣ. Мы спустились внизъ, затѣмъ къ выходу, и не успѣлъ я оглянуться въ полумракѣ весенней ночи, какъ очутился въ каретѣ, рядомъ опять съ Лукашевичемъ. Напротивъ насъ сидѣли, какъ водится, 2 жандарма. Карета тронулась въ путь, но скоро остановилась, и насъ съ тою же постепенностью просили выходить. Конечно, шли мы не просто, а ведомые, точнѣе влекомые, подъ руки двумя дюжими молодцами, которые такъ спѣшно и старательно исполняли возложенное на нихъ порученіе, что первая мысль, которая мелькнула при этомъ, была мысль о потопленіи: «не топить ли меня ведутъ ?»[1]) И неудивительно: передъ глазами открывалась широкая гладь Невы, пустынной въ этотъ часъ ночи, и отъ самой воды насъ отдѣляла только узкая полоса берега, десятка въ 2—3 шаговъ. «Влеченіе» совершалось съ такой быстротой, что прежде чѣмъ я что-нибудь увидалъ, меня втолкнули въ какой то люкъ, и я очутился не на днѣ Невы, а въ каютѣ маленькаго пароходика, довольно комфортабельно обставленной, и опять въ обществѣ Лукашевича. Въ каютѣ мы были одни, и въ теченіе всего пути офицеръ заходилъ изрѣдка, пріятно улыбался, но былъ неразговорчивъ; остальной же стражи мы вовсе не видали. Дорогой намъ предложенъ былъ чай съ булками,—очевидно, какая то фея заботилась о нашихъ нуждахъ. Почти ровно 18½ лѣтъ спустя мы возвращались съ Лукашевичемъ (въ обществѣ уже Морозова и Лопатина) на такомъ же пароходикѣ по той же самой Невѣ, но съ другими чувствами. Любопытно, что теперь (въ 1905 г.) наша стража была почему-то неразлучна съ нами въ каютѣ, и объ угощеніи насъ чаемъ никто не позаботился. Можно, значитъ, и на свободу ѣхать подъ болѣе бдительнымъ надзоромъ, чѣмъ на каторгу.

---

[1]) По поводу этихъ страховъ, которые невольно вызывало воображеніе, я скажу кстати 2 слова о пыткахъ. На волѣ мнѣ не разъ приходилось слышать упорные слухи, что подслѣдственныхъ, особенно въ такихъ дѣлахъ, какъ наше, пытаютъ. Когда меня привезли первый разъ на допросъ на Гороховую ул., то въ ожиданіи очереди посадили въ совершенно пустую камеру, съ отбѣленными стѣнами. На нихъ, на высотѣ моего лица, въ 2 мѣстахъ ясно были видны брызги, которыя я принялъ за брызги свѣжей крови. Какое впечатлѣніе произвело это на меня, понятно всякому. Прибавлю, что за дверью, какъ разъ напротивъ, слышался рѣзкій лязгъ желѣза, который можно было принять за перекладываніе орудій пытки. Была ли это „хозяйственная“ случайность, устроено ли нарочно, съ цѣлью произвести психическое воздѣйствіе, не берусь сказать. Въ этой камерѣ потомъ мнѣ пришлось быть нѣсколько разъ; ничего новаго я больше не видалъ и не слыхалъ. Лукашевичу же Котляревскій прямо сказалъ, должно быть въ тѣхъ же видахъ воздѣйствія, что у нихъ есть средства заставить давать показанія.

Шлиссельбургская крѣпость

(съ рисунковъ П. В. Карповича).

Старая тюрьма.

Новая тюрьма.

VII.

Когда мы выѣхали изъ Петербурга, мы еще терялись въ догадкахъ, куда собственно насъ везутъ. На разспросы офицеръ упорно отмалчивался и неизмѣнно повторялъ: «а вотъ скоро увидите». Скоро мы, дѣйствительно, остановились у пристани и ждали здѣсь болѣе часа. Очевидно было, что мы пріѣхали, и что дальше насъ не повезутъ. По времени, и по тому, что мы ѣхали Невой (берега чуть-чуть виднѣлись въ маленькія окна каюты), мы заключили съ несомнѣнностью, что пріѣхали въ Шлиссельбургъ. На мои разспросы объ условіяхъ жизни тамъ, офицеръ, улыбаясь, столь-же загадочно отвѣчалъ: «а вотъ сейчасъ увидите». Всякое уголовное преступленіе карается опредѣленнымъ наказаніемъ, и въ уставѣ о ссыльныхъ съ большой обстоятельностью описано, въ чемъ состоитъ и какъ протекаетъ наложенная закономъ кара. Для политическаго же преступника, который яко бы подлежитъ отвѣтственности по тому же кодексу, совершенно обратно считаются необходимыми неизвѣстность предстоящаго ему возмездія и таинственность манипуляцій, связанныхъ съ препровожденіемъ въ невѣдомое узилище. И до самыхъ послѣднихъ дней жизни тамъ, намъ строжайше запрещалось писать что бы то ни было объ условіяхъ, въ которыхъ мы живемъ. Таинственность, окружавшая это лобное мѣсто, и спасительный страхъ, который якобы нагоняло напуганное воображеніе на обывателей, считались въ высшихъ полицейскихъ сферахъ самымъ дѣйствительнымъ и надежнымъ оплотомъ противъ революціи. Что такова именно была государственная мудрость командующихъ надъ нами лицъ, объ этомъ мы не разъ получали вѣрныя извѣстія.

Между тѣмъ мы съ Лукашевичемъ терпѣливо ждали и не мучились въ безплодныхъ догадкахъ и опасеніяхъ разстаться другъ съ другомъ надолго, быть можетъ навсегда. Наконецъ, мы дождались: предложено было выходить опять въ томъ же порядкѣ, сначала ему. Примѣрно черезъ 1/4 ч. пришли затѣмъ за мной, и я совершилъ вступленіе въ знаменитую крѣпость тѣмъ же торжественнымъ и тріумфальнымъ маршемъ, какимъ, вѣроятно, входили и всѣ другіе мои товарищи по процессу: въ яркомъ сіяніи майскаго утра, со свитой человѣкъ въ 12 высшихъ и низшихъ чиновъ и также весьма заботливо поддерживаемый подъ руки. Легкомысленный юношескій умъ старался и тутъ въ трагизмѣ положенія замѣчать однѣ смѣшныя стороны. Веденіе подъ руки въ такой большой толпѣ, да еще въ глухихъ стѣнахъ крѣпости, было такимъ ненужнымъ избыткомъ усердія, который казался мнѣ придуманнымъ нарочно не то для забавы, не то для вящшаго усиленія престижа моей персоны. И память почему-то подсказала какъ разъ подходящій къ данному случаю стихъ псалма: «На рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою»

(Пс. 90, 12). Прошли мы, наконецъ, черезъ всю крѣпостную площадь, прошли кордегардію, сквозь которую вошли въ тюремный дворъ, и когда стали приближаться къ приснопамятному отнынѣ «Сараю», я немало былъ удивленъ его, можно сказать, кокетливымъ видомъ: низкое длинное зданіе, съ поломъ на одномъ уровнѣ съ почвой, недавно должно быть штукатуренное, ярко бѣлѣло на солнцѣ, а у основанія стѣны желтѣла масса одуванчиковъ, только что раскрывавшихъ свои вѣнчики въ лучахъ его. Такою же толпой, и также подъ руки, несмотря на то, что мы были уже на третьемъ дворѣ, за третьими воротами, я былъ введенъ въ свое узилище. И только послѣ того какъ я очутился въ камерѣ, я почувствовалъ, что мои руки отпущены, и понялъ, что нахожусь у самой цѣли своего путешествія. Древнее картинное выраженіе: «былъ вверженъ въ темницу» въ нашъ цивилизованный вѣкъ устарѣло и должно быть замѣнено болѣе деликатнымъ: «былъ введенъ».

Не успѣлъ я опомниться, какъ былъ раздѣтъ до нага, обысканъ съ такою тщательностью, о которой въ подробностяхъ можно писать только въ спеціально медицинскомъ журналѣ, и одѣтъ въ грубое бѣлье. На ноги дали мнѣ необыкновенныхъ размѣровъ башмаки, на плечи накинули старый арестантскій халатъ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ, и преображеніе мое оказалось вполнѣ законченнымъ. Весь туалетъ совершался въ присутствіи начальника Шл. жанд. управленія (полковника), его двухъ помощниковъ, доктора и соотвѣтственнаго количества нижнихъ чиновъ. На лицахъ у всѣхъ было суровое выраженіе, гармонировавшее съ величіемъ минуты, а на устахъ—совершеннѣйшее безмолвіе. Историки говорятъ, что въ XVIII вѣкѣ французскіе короли совершали свой туалетъ при столь же торжественной обстановкѣ.

Когда я былъ совершенно готовъ, мнѣ скорѣе жестами, чѣмъ словами, указали на необходимость идти куда-то вдоль корридора, и не прошло одной минуты, какъ я очутился у двери № 8-го, вошелъ въ нее и былъ моментально захлопнутъ наглухо.

Это былъ конецъ моего короткаго путешествія, конецъ моей молодой жизни. Мнѣ только недавно исполнилось 25 лѣтъ, и изъ нихъ 14 л. я провелъ въ глухихъ стѣнахъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, и только 6 мѣсяцевъ «на волѣ»! Конецъ надеждамъ, молодымъ стремленіямъ и исканіямъ лучшаго будущаго, конецъ гордымъ думамъ, горячимъ порывамъ и тому высокому воодушевленію, которое окрыляло юношескія мечты и заставляло подчасъ невольно повторять вмѣстѣ съ поэтомъ:

„Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви“.

Здѣсь порывы твои заглохнутъ. Здѣсь потухнетъ пламя, со-

грѣвшее тебя. Здѣсь думы твои будутъ долго и безнадежно биться, подобно птицѣ въ клѣткѣ, и послѣ многократныхъ попытокъ найти какой-нибудь выходъ, преждевременно угаснутъ. Здѣсь частой гостьей твоей будетъ апатія и равнодушіе. Здѣсь не разъ тоска сожметъ тебѣ сердце своими острыми когтями, и чувство пустоты, безсмысленности и полной никчемности твоего прозябанія будетъ преобладающимъ у тебя чувствомъ. Да, здѣсь испытаешь ты, можетъ быть, такія муки ада, съ которыми фантазія Данта не была еще знакома, и для которыхъ поэтъ не найдетъ достаточно выразительныхъ и наглядныхъ образовъ. На вратахъ нашего Ада не было Дантовской надписи. Тамъ стояло просто со времени Петра I: «Государевы ворота». Но мы часто чувствовали, что это только по недосмотру, или по привычкѣ властей вообще не считаться съ надписями. Вѣдь и на томъ зданіи, гдѣ рѣшено было истребить насъ съ лица земли, стояли тогда великія слова: «Правда и милость да царствуетъ въ судахъ». И всю иронію этихъ словъ мы скоро постигли на дѣлѣ.

М. Новорусскій.

Стрѣльниковскій процессъ 1883 года въ Одессѣ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній государственнаго преступника.)

27 марта 1883 года открылось засѣданіе одесскаго военно-окружнаго суда по политическому дѣлу такъ называемому «Стрѣльниковскому». Въ печати не появилось ни судебнаго отчета, ни даже выдержекъ изъ обвинительнаго акта. Была лишь оглашена въ газетахъ одна резолюція. А между тѣмъ этотъ процессъ для характеристики русскаго правосудія и способа веденія предварительнаго слѣдствія и дознанія по раскрытію государственныхъ преступленій представляетъ немалый интересъ.

Насколько мнѣ извѣстно, объ этомъ процессѣ почти ничего не появлялось даже въ заграничной (нелегальной) печати, а потому я рѣшилъ опубликовать выдержки изъ своихъ воспоминаній, относящіяся къ настоящему дѣлу.

Обвиняемыми по этому процессу были и осуждены слѣдующія лица:

1) Михаилъ Дрей, студентъ, сынъ извѣстнаго врача въ Одессѣ (10 л. кат.), 2) Дзвонкевичъ, 40 лѣтъ, судебный приставъ (безср. кат.), 3) Моисей Поповъ, 36 лѣтъ, рабочій, столяръ (безср. кат.), 4) Самуилъ Майеръ, лѣтъ 25, интеллигентъ (безср. кат.), 5) Галактіонъ Батаговъ, рабочій столяръ (15 л. кат.), 6) Матвѣевичъ, бывшій студентъ, сынъ священника (15 л. кат.), 7) Иванайнъ Карлъ, рабочій-слесарь, уроженецъ Финляндіи (15 л. кат.), 8) Павелъ Ровенскій, рабочій изъ интеллигентовъ, кажется, переплетчикъ (10 л. кат.), 9) Василій Голиковъ, 42 лѣтъ, желѣзнодорожный поставщикъ (10 л. кат.), 10) Петръ Валуевъ, запасный унтеръ-офицеръ, по профессіи столяръ (10 л. кат.), 11) Зайдперъ, интеллигентъ (15 л. кат.), 12) Николай Надѣинъ 23-хъ лѣтъ, рабочій, уже разъ судившійся въ 1879 году. Былъ приговоренъ 19 лѣтъ отъ роду къ смертной казни, но по конфирмаціи казнь была замѣнена ему 3-хъ-мѣсячнымъ арестомъ, (10 л. кат.), 13) Наумъ Геккеръ, бывшій студентъ (10 л. кат.), 14) Фанни Моренисъ, 23-хъ лѣтъ, интеллигентка (4 г. кат.), 15) Анастасія Степанова 27 лѣтъ, дочь дворянина (поселеніе), 16) Василій Клименко, 40 лѣтъ, рабочій-столяръ, революціонеръ временъ Заславскаго (безсрочная каторга замѣнена по конфирмаціи поселеніемъ), 17) Райхъ, учитель въ еврейскомъ училищѣ (поселеніе), 18) Карпъ Надѣинъ, рабочій-слесарь (поселеніе), 19) Немировскій, бывшій студентъ (поселеніе), 20) Павелъ Торгашовъ, бывшій студентъ,

фейерверкеръ запаса (ссылка на житье), 21) Петръ Фурсенко, помощникъ машиниста, изъ дворянъ (ссылка на житье), 22) Кандидатъ правъ Попельницкій, 35 лѣтъ (оправданъ судомъ).

Кромѣ того, привлекались по этому дѣлу Кравцовъ, Коганъ и Корнфельдъ, но они, выпущенные до суда на поруки, скрылись и осуждены заочно. Судъ постановилъ привести приговоръ въ исполненіе (безсрочная каторга), когда эти лица будутъ розысканы. Но бѣглецы скрылись за границу, и приговоръ остался безъ исполненія.

О дальнѣйшей судьбѣ осужденныхъ мнѣ извѣстно слѣдующее:

Дрей вернулся въ Россію года три тому назадъ. Живетъ гдѣ-то на югѣ. Каторга и ссылка разстроили его здоровье. Дзвонкевичъ, покушавшійся на побѣгъ въ дорогѣ, былъ избитъ, исколотъ штыками, но все таки водворенъ на Кару. Въ виду болѣзненнаго состоянія и ряда манифестовъ срокъ былъ сокращенъ, и его вернули изъ Сибири послѣ окончанія срока каторги. Живетъ гдѣ-то на югѣ. Моисей Поповъ послѣ сокращенной по манифестамъ каторги былъ поселенъ въ Сибири. Гдѣ теперь находится, не знаю. Майеръ послѣ каторги сосланъ въ г. Баргузинъ Забайкальской области, гдѣ находится и въ настоящее время, если только не подошелъ къ октябрьской амнистіи. Батаговъ послѣ каторги поселенъ въ Читѣ, гдѣ и до сихъ поръ проживаетъ совершенно больной. Матвѣевичъ послѣ каторги сосланъ въ Якутскую область, гдѣ живетъ и теперь. Онъ заболѣлъ психически, сидя въ одиночномъ заключеніи до суда. Въ такомъ состояніи его судили, сослали и держали на каторгѣ и въ Якутскѣ. Иванайнъ умеръ на Карѣ отъ чахотки. Ровенскій послѣ каторги былъ сосланъ въ Якутскую область. Теперь живетъ въ Харбинѣ, имѣетъ книжный магазинъ и, кажется, издаетъ мѣстную газету. Голиковъ послѣ каторги по болѣзненному состоянію возвращенъ изъ Сибири. Но старика правительство не разъ по возвращеніи засаживало въ тюрьмы. Валуевъ, поселенный послѣ каторги въ Забайкальѣ, живетъ тамъ и до сихъ поръ. Обремененный семействомъ и за отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ, навѣрно, никогда не выберется на родину, хотя и имѣетъ на то право. Зайднеръ вышелъ съ каторги чахоточнымъ. Но его сослали въ Баргузинъ, гдѣ онъ и умеръ. Надѣинъ Николай послѣ каторги попалъ въ Якутку. Геккеръ осужденъ больнымъ, больнымъ отбылъ каторгу, затѣмъ возвращенъ изъ Сибири. По возвращеніи разбитъ параличемъ и уже нѣсколько лѣтъ живетъ въ Одессѣ, прикованный къ креслу. Занимается литературой. Въ продолжающіяся и понынѣ времена владычества генерала Карангозова былъ признанъ неблагонадежнымъ и подлежалъ высылкѣ на сѣверъ Россіи. Но такъ какъ вмѣстѣ съ Геккеромъ приходилось ссылать и его кресло и слугу, безъ котораго несчастный больной не можетъ пошевелиться, то генералъ Карангозовъ смилостивился, оставивъ Геккера въ Одессѣ подъ домашнимъ арестомъ. Фанни Морснисъ послѣ каторги была поселена къ Читѣ.

Она жила затѣмъ добровольно въ глухомъ углу Забайкалья на Туркинскихъ минеральныхъ водахъ, гдѣ ея мужъ служилъ врачемъ. Въ послѣднее время находилась заграницей. Степанова была сослана въ Якутскую область, вышла замужъ за Надѣина Николая. Дальнѣйшей судьбы ея не знаю. Василій Клименко отъ угрызеній совѣсти сейчасъ же послѣ суда началъ хворать. Сознаніе своей глубокой вины передъ товарищами, которыхъ онъ оговорилъ на допросахъ, мучило его ужасно. Больной онъ отправился въ Сибирь и въ Томской пересыльной тюрьмѣ въ іюнѣ 1883 года умеръ отъ скоротечной чахотки, прощенный и примиренный съ своими товарищами. Могила его во дворѣ пересыльной тюрьмы, гдѣ содержались государственные преступники. Немировскій, заболѣвшій чахоткой во время тюремнаго заключенія до суда, былъ выпущенъ на поруки совершенно больной. Осужденный судомъ и отправленный въ Сибирь больнымъ, онъ не вынесъ дорожныхъ лишеній и вскорѣ по водвореніи на мѣстѣ ссылки около Красноярска умеръ. Судьба Райха, Карпа Надѣина мнѣ неизвѣстна. Вѣроятно, давно вернулись изъ Сибири. Торгашовъ также вернулся изъ Сибири, проживъ въ разныхъ мѣстахъ на востокѣ двадцать лѣтъ. Фурсенко вернулся нѣсколько лѣтъ тому назадъ на родину въ Херсонъ, разбитый условіями ссыльной жизни, и вскорѣ умеръ.

О судьбѣ Попельницкаго ничего неизвѣстно, но ходилъ слухъ, что послѣ передряги слѣдствія и суда этотъ убѣжденный монархистъ и противникъ революціоннаго движенія возмутился совершеннымъ надъ нимъ беззаконіемъ. Въ чемъ выразилось это возмущеніе, неизвѣстно, но говорятъ, что Попельницкій вскорѣ послѣ суда и оправданія былъ административно куда то сосланъ. Этотъ слухъ, во всякомъ случаѣ, требуетъ подтвержденія.

Майеръ, Иванайнъ, Дзвонкевичъ и Фанни Моренисъ рѣшительно отказались давать какія либо показанія на слѣдствіи и на судѣ. Майеръ и Иванайнъ отказались и отъ защитниковъ и на всѣ вопросы суда отвѣчали: «не желаю отвѣчать».

Пишущему эти сроки пришлось на себѣ испытать весь режимъ 1879—1883 годовъ.

Мирныя занятія въ университетѣ смѣнились одиночной камерой на Шпалерной, а затѣмъ безъ суда и слѣдствія, безъ единаго допроса ссылка въ глухой городокъ подъ надзоръ полиціи. Пожелалъ шпіонъ отличиться, и человѣка не стало. Кому какое дѣло до того, что разбита молодая жизнь, поруганы юныя мечты? Правительство считало, что лучше тысячу невиновныхъ искалѣчить, чѣмъ упустить одного преступнаго. Это было въ концѣ 1879 г., а два года спустя, генералъ Стрѣльниковъ снова засадилъ меня въ казематъ, какъ государственнаго преступника.

Въ 1881 г. этотъ генералъ [1]) былъ облеченъ громадными полномочіями для производства дознаній по государственнымъ преступленіямъ. Получивъ въ свое распоряженіе извѣстнаго предателя Василія Меркулова, Стрѣльниковъ не зналъ удержу. Кіевскія и Одесскія тюрьмы переполнились. Кто побывалъ въ рукахъ у Стрѣльникова, тотъ знаетъ, что это былъ за слѣдователь. Арестованныхъ онъ застращивалъ всяческими угрозами, подвергалъ всевозможнымъ лишеніямъ въ тюрьмѣ, вынуждалъ подписывать показанія, имъ самимъ составленныя. Даже привлеченныхъ въ качествѣ свидѣтелей онъ держалъ въ заточеніи до тѣхъ поръ, пока они ему не давали желательныхъ показаній. По нашему дѣлу сидѣли двѣ молодыхъ дѣвушки. Онѣ просидѣли почти два года до суда и отказывались давать какія либо показанія. Стрѣльниковъ мстилъ имъ, не давалъ прогулокъ, не разрѣшалъ свиданій и часа въ два ночи вызывалъ ихъ къ себѣ на допросъ. Но добился лишь того, что одна изъ дѣвушекъ не выдержала и плюнула ему въ лицо. Особенно генералъ не церемонился съ рабочими. Однихъ стращалъ, что безъ суда повѣситъ, другихъ развращалъ обѣщаніемъ всякихъ милостей, требуя предательства, вооружалъ ихъ противъ интеллигентныхъ революціонеровъ и т. п. Но несмотря на свою опытность, Стрѣльниковъ всетаки нарывался иногда на непріятности. Разскажу комичный случай, происшедшій съ однимъ рабочимъ.

Это былъ чернорабочій, почти босякъ. Даже фамиліи у него не было настоящей. Безъ роду, безъ племени, онъ назывался просто Иванъ Божій. Онъ и не принадлежалъ къ революціонной организаціи, а путался какъ-то съ боку-припеку. Стрѣльниковъ много усилій потратилъ надъ Иваномъ Божіимъ, желая сдѣлать его предателемъ. Но ничего не выходило. Иванъ Божій клялся, божился, что никого и ничего не знаетъ, но Стрѣльниковъ не вѣрилъ и послѣ каждаго допроса приказывалъ примѣнять къ нему разныя суровыя мѣры въ тюрьмѣ. Сидѣлъ какъ-то Иванъ Божій въ камерѣ, выходящей на общій корридоръ, гдѣ былъ еще съ десятокъ такихъ же камеръ. Вечеромъ въ этотъ корридоръ вводили на ночь жандарма, и корридоръ запирался. Въ дверныхъ окошечкахъ мы повыбивали стекла и, какъ только корридоръ запрутъ, мы подходили къ этимъ окошечкамъ и разговаривали между собой. Жандармъ сначала запрещалъ намъ переговариваться, а затѣмъ надоѣдало ему препираться, и мы свободно далеко за полночь бесѣдовали другъ съ другомъ. Иногда даже устраивалось хоровое пѣніе. Вотъ въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Иванъ Божій заявляетъ намъ, что ему надоѣло сидѣть въ тюрьмѣ, а потому онъ завтра намѣренъ выдать Стрѣльникову всѣхъ, кого онъ знаетъ. Стрѣльниковъ обѣщалъ его выпустить

---

[1]) Въ 1879 и 1880 г.г. Стрѣльниковъ составилъ себѣ блестящую карьеру кіевскими процессами, закончившимися рядомъ казней, начиная съ Осинскаго и кончая 19 лѣтнимъ Разовскимъ.

Авт.

на волю, разъ онъ такъ поступитъ. Можете себѣ представить. что почувствовали всѣ, услышавъ такое заявленіе. Кое-кто обругалъ Ивана Божьяго. Затѣмъ всѣ умолкли и отошли отъ окошекъ. Тяжело этотъ вечеръ прошелъ для всѣхъ. Хотя знали, что Иванъ Божій не въ курсѣ дѣла, но всетаки онъ могъ потянуть лишнія жертвы изъ рабочей среды. На другой день мы слышали, какъ Ивана Божьяго увели изъ камеры. Часа черезъ три снова привезли его. Ближайшіе сосѣди окликали его, но онъ не отзывался. Настала ночь. Въ эту ночь никто не спалъ. До самого утра по корридору звякали шпоры жандармовъ, звенѣли ключи тюремщиковъ, хлопали тяжелыя двери пустыхъ камеръ, лязгали желѣзные засовы. То привозили новыхъ жильцовъ въ нашу тюрьму. Кого взяли? Кого выдалъ Иванъ Божій? Эти мучительные вопросы истомили всѣхъ. На слѣдующій день снова по корридору движеніе и стукъ—то уводили по одиночкѣ новичковъ на допросъ къ Стрѣльникову. Но ни одинъ изъ нихъ не возвратился назадъ. Мы поняли, что ихъ увезли въ «№ 5 казармъ», гдѣ происходила обыкновенно первая стадія дознанія и расправы Стрѣльникова. Наконецъ, вызвали и Ивана Божьяго. Прошелъ часъ, и, къ нашему изумленію, Иванъ Божій снова былъ приведенъ въ свою камеру. Всѣ были въ страшно удрученномъ состояніи. Насталъ вечеръ. Заперли корридоръ. Но никто не подходилъ къ окошечкамъ.—Ну и подлецъ же этотъ Стрѣльниковъ! раздался вдругъ гулко по корридору голосъ Ивана Божьяго. Мы всѣ бросились къ окошечкамъ.—Слушайте, ребята, какъ надулъ меня Стрѣльниковъ, заговорилъ Иванъ Божій.—Ты, говорилъ онъ мнѣ не разъ, назови всѣхъ своихъ знакомыхъ, и я тебя отпущу, даже денегъ дамъ. Вотъ я и надумалъ. Назвалъ ему человѣкъ десять своихъ товарищей, съ которыми иногда путался. Вчера ночью ихъ всѣхъ забрали... Сегодня на допросъ... Послѣ допроса—въ шею!.. «Гони вонъ ихъ», кричитъ Стрѣльниковъ. Затѣмъ вызвалъ меня. «Ты», говоритъ, «такой сякой, посмѣлъ смѣяться надо мной?.. Да я тебѣ такъ упеку... да я тебя безъ суда повѣшу!..» И пошелъ, и пошелъ... Топаетъ ногами, грозитъ кулаками. «Да я, Ваше пр-ство, говорю ему, ей Богу, всѣхъ своихъ знакомыхъ пріятелевъ назвалъ. Я не виноватъ, что у меня только такіе и есть». А онъ и слушать не хочетъ. Топаетъ ногами и кричитъ: «Я тебѣ покажу!.. Я тебя проучу!.. А? Всѣхъ босяковъ-золоторотцевъ съ Молдаванки назвалъ!.. Погоди у меня!.. Вонъ съ глазъ моихъ!.. Уведите его!..» Вотъ те фунтъ, ха-ха-ха! Тутъ у насъ поднялся такой гамъ, что жандармъ всполошился и просилъ потише говорить. Ивана Божьяго мы благодарили, привѣтствовали. Весело, радостно прошелъ у насъ этотъ вечеръ. Въ тѣ времена, мы знали, этотъ поступокъ дорого могъ обойтись Ивану Божьему. Тогда не судили, а злобно мстили. Но къ счастью Стрѣльникова вскорѣ убили, а Ивана Божьяго, противъ котораго не было никакихъ уликъ, освободили совсѣмъ.

Помню также такой случай мести со стороны правительства.

Когда привезли въ тюрьму убившихъ Стрѣльникова Н. А. Желвакова и С. Н. Халтурина, то всѣхъ сидящихъ вызывали въ контору и предъявляли вновь арестованныхъ, личности которыхъ не были еще установлены. Многіе не знали ихъ, а кто зналъ—конечно, не призналъ. Такъ и повѣсили Халтурина и Желвакова, какъ неизвѣстныхъ. Спустя дня два послѣ казни, молодой рабочій, сидѣвшій въ тюрьмѣ, заявилъ, что онъ имѣетъ сдѣлать важное сообщеніе. Рабочаго вызвали. И онъ сообщилъ прокурору, что повѣшенный былъ Халтуринъ, покушавшійся въ 1880 г. взорвать зимній дворецъ.

— Почему вы не признали его, когда мы вамъ его показывали? закричалъ прокуроръ. Какъ вы смѣли тогда промолчать? Рабочій этотъ передавалъ, какъ при его сообщеніи, что повѣшенный—Халтуринъ, прокуроръ взбѣсился, весь позеленѣлъ отъ злости.

— Я думалъ, онъ бить начнетъ меня, говорилъ рабочій. Я зналъ, что мое открытіе будетъ ударомъ для нихъ. Знай они, что это Халтуринъ, они не скоро бы повѣсили его, а замучили бы. Чѣмъ могъ, тѣмъ и отомстилъ этотъ рабочій за смерть Халтурина. Этого рабочаго, уже предназначеннаго къ освобожденію, выслали за это административно въ Сибирь.

Стрѣльниковъ подготовлялъ два грандіозныхъ процесса, которыми думалъ стяжать себѣ наибольшую славу. Одинъ процессъ въ Кіевѣ, другой въ Одессѣ.

Слѣдствіе свое онъ велъ секретно, никого не посвящалъ въ дѣло, чѣмъ даже жандармовъ вооружилъ противъ себя. Несомнѣнно онъ очистилъ бы слѣдственное производство отъ многихъ сфабрикованныхъ имъ на время показаній. Онъ не довелъ бы до суда многихъ арестованныхъ, выжавъ отъ нихъ все, что можно. Устроивъ предварительную тюрьму въ казармахъ № 5, онъ тамъ же производилъ и допросы, просиживая цѣлые дни и ночи. Ожидая на себя покушенія, онъ носилъ кольчугу и былъ очень остороженъ. Но судьба рѣшила иначе. Твердая рука Желвакова поразила генерала днемъ, на приморскомъ бульварѣ послѣ сытнаго обѣда. И поразила раньше, чѣмъ онъ успѣлъ скрыть слѣды и писанные документы своей преступной дѣятельности, какъ слѣдователя. И если бы Халтуринъ былъ болѣе ловкимъ кучеромъ, то онъ и Желваковъ успѣли бы скрыться. Халтуринъ опрокинулъ пролетку, а Желваковъ неосмотрительно бросился по лѣстницѣ къ морю, гдѣ всегда кишитъ много народа. Событіе это произошло 18-го марта 1882 года. Въ Одессѣ было сплошное ликованіе, даже жандармы радовались смерти этого ненавистнаго всѣмъ человѣка. Когда же вѣсть объ этомъ дошла до тюрьмы, гдѣ около 200 человѣкъ сидѣло по приказу Стрѣльникова, то радости заключенныхъ, казалось, и конца не будетъ. Тюремная администрація не препятствовала шумнымъ переговорамъ, поздравленіямъ другъ друга черезъ форточки въ дверяхъ и окнахъ. Надзиратели пробѣгали по корридорамъ, подымали «глазокъ» и

кричали: «вашего генерала убили, на бульварѣ застрѣлили». Затѣмъ черезъ нихъ же заключенные узнали, что задержано двое, что они сидятъ въ изолированныхъ камерахъ, что назначенъ скорый судъ. Черезъ нѣсколько дней тѣ же надзиратели передали о казни, выражали изумленіе стойкости и мужеству Желвакова и Халтурина.

Послѣ смерти Стрѣльникова осталось наслѣдіе—груда бумагъ, протоколовъ дознанія и переполненныя тюрьмы г. г. Одессы и Кіева.

Разобраться въ этой грудѣ хлама поручено было молодому, начинающему судебную карьеру, правовѣду, по фамиліи Прохорову. Къ концу 1882 года разборка была закончена, хотя ни одинъ изъ обвиняемыхъ не вызывался болѣе къ допросу. Очевидно матеріалъ, собранный дознаніемъ Стрѣльникова, вполнѣ выяснялъ дѣло. 23 человѣка были признаны болѣе тяжкими преступниками и преданы военному суду. Трое изъ нихъ, освобожденные до суда на поруки, скрылись за границу, а 20 судились. Остальныхъ заключенныхъ разослали административнымъ порядкомъ по разнымъ окраинамъ Имперіи.

Мучительно тянулось время для сидящихъ въ тюрьмѣ, особенно для тѣхъ, кто просидѣлъ почти два года. У многихъ разстроилось здоровье, а Матвѣевичъ впалъ въ психическое разстройство, но власти продолжали держать его въ тюремной обстановкѣ, увѣряя, что онъ притворяется.

Болѣзнь Матвѣевича выразилась въ томъ, что ему казалось недостаточно въ камерѣ воздуху, и онъ выбивалъ оконныя стекла. Засадили его въ круглую башню отдѣльно отъ общаго корридора. Окно тамъ было громадное. Но и тутъ стекла были имъ выбиты. Такъ и сидѣлъ бѣдняга зиму и лѣто съ выбитыми стеклами. Матвѣевичъ за все время не мылся, не стригся, не мѣнялъ бѣлья, не имѣлъ свиданій и въ такомъ положеніи просидѣлъ болѣе года. Когда мы увидѣли его на судѣ, то ужаснулись. Грязный, обросшій волосами съ безумными глазами, онъ производилъ ужасное впечатлѣніе. Судъ тоже не призналъ нужнымъ освидѣтельствовать больного и судилъ его, какъ нормальнаго человѣка.

Тяжелѣе всѣхъ досталось двумъ дѣвушкамъ, Фанни Моренисъ и Анастасіи Степановой, все время просидѣвшимъ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Ихъ держали не въ тюрьмѣ, а въ приспособленныхъ «въ казармахъ № 5» камерахъ [1]). У дверного окошка постоянно стоялъ жандармъ и наблюдалъ за происходящимъ въ камерѣ. Стоило только на время завѣсить изнутри окошко, какъ жандармъ поднималъ шумъ, вызывалъ старшихъ и заставлялъ снять съ окошка завѣсу. Тамъ не давали свиданій, не выпускали на прогулку. Послѣ двухлѣтняго сидѣнія

---

[1]) Въ 3-хъ-этажномъ зданіи казармъ № 5 средній этажъ былъ превращенъ въ камеры, гдѣ Стрѣльниковъ завелъ особенный режимъ и держалъ тамъ арестованныхъ до тѣхъ поръ, пока они ему нужны были для допроса и пытокъ. Затѣмъ переводилъ въ городскую тюрьму.
Авт.

Степанова вышла больной и разбитой, а Фанни Моренисъ, маленькая энергичная дѣвушка, выдержала и это и предстала на судъ бодрой, жизнерадостной, поразившей своей веселостью даже судей.

Въ этой «№ 5 казармѣ» просидѣлъ около двухъ лѣтъ еще одинъ изъ привлеченныхъ по нашему процессу, нѣкто Попельницкій. Это было лицо совершенно постороннее революціи, жертва глупости шпіоновъ и подлости прокурорской.

Всѣ остальные участники процесса содержались въ одиночныхъ камерахъ, расположенныхъ въ двухъ отдѣльныхъ флигеляхъ одесской тюрьмы. Условія содержанія были изъ рукъ вонъ плохи, но все же было удобнѣе, чѣмъ въ «казармѣ № 5». И тутъ бывали нерѣдко случаи грубаго произвола, издѣвательства и насилія надъ заключенными; морили голодомъ и холодомъ, отказывали въ медицинской помощи и т. п. Въ отвѣтъ на тюремныя репрессіи сидящіе въ концѣ 1882 г. объявили голодовку, послѣ которой были даны нѣкоторыя, незначительныя льготы.

Въ началѣ 1883 г. бѣжалъ изъ тюрьмы Дегаевъ. Всѣ поражались такому смѣлому побѣгу на глазахъ караула и тюремщиковъ. Тогда никому не приходило въ голову, что вся комедія этого побѣга была жандармской продѣлкой, устроенной по распоряженію Судейкина, который затѣмъ, при благосклонномъ содѣйствіи того же Дегаева, и покончилъ свое земное существованіе.

Итакъ, 20 лицъ, 28 марта 1883 года, предстали предъ военнымъ судомъ, по обвиненію въ принадлежности (тогдашняя стереотипная формула) «въ сообществѣ, присвоившемъ себѣ наименованіе русской соціально-революціонной партіи, стремящейся къ ниспроверженію существующаго государственнаго и общественнаго строя, дѣятельность котораго (не строя, а сообщества) выразилась въ цѣломъ рядѣ тяжкихъ уголовныхъ преступленій и даже цареубійствѣ». Это преступленіе подводилось подъ 249—250 ст. улож. о наказ. и каралось смертной казнью. Судъ закрытый. Публика—лишь высшія власти. Все зданіе снаружи и внутри окружено войсками. Тутъ же послѣдовало распоряженіе не печатать въ газетахъ ни слова о процессѣ, кромѣ одной резолюціи суда. Въ первые дни засѣданій разрѣшили присутствовать въ числѣ публики кому-нибудь одному изъ родныхъ женскаго пола. Или мать, или жена, или сестра. Но, когда на судѣ стала изобличаться дѣятельность Стрѣльникова, то всѣхъ матерей, женъ и сестеръ удалили изъ залы засѣданія.

Десять дней длился процессъ. Десять дней продѣлывалась [1]) комедія правосудія, во время которой неожиданно открылся рядъ преступныхъ продѣлокъ Стрѣльникова. На судѣ устанавливались не улики противъ насъ, а разсказывалась вся безцеремонность,

---

[1]) Въ эти самые дни въ Петербургѣ происходило другое судилище по дѣлу Грачевскаго, Богдановича, Корба и другихъ, въ числѣ 16 человѣкъ.

чтобы не сказать больше, въ производствѣ слѣдствія. Въ теченіе нѣсколькихъ дней свидѣтели, вызванные со стороны обвиненія противъ насъ въ количествѣ свыше ста человѣкъ, обличали подлоги, пристрастіе, насиліе Стрѣльникова во время производства имъ слѣдствія. Свидѣтели, говорю, были вызваны исключительно со стороны обвиненія, но большинство и этихъ свидѣтелей [1]) отрицало на судѣ свои показанія, данныя Стрѣльникову. Они категорически заявляли судьямъ, что они вовсе не показывали того, что записано отъ ихъ имени въ протоколахъ допроса. А тѣ факты, о которыхъ они говорили Стрѣльникову, по ихъ мнѣнію, извращены и выставлены въ ложной окраскѣ.

— Хотя показанія и подписаны нами, но это происходило противъ нашей воли,—объясняли свидѣтели.—Насъ генералъ держалъ въ тюрьмѣ, грозилъ каторгой, висѣлицей и такимъ образомъ заставлялъ подписывать то, что онъ, по своему усмотрѣнію, заносилъ въ протоколъ. Получалась такая картина, будто 20 лицъ, сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ, являются потерпѣвшими, а обвиняемымъ мертвый уже Стрѣльниковъ. И свидѣтели, вызванные со стороны обвиненія противъ подсудимыхъ, выступили въ защиту ихъ. Перечислять всего происходившаго на судѣ не буду,—это было бы слишкомъ долго. Приведу лишь для примѣра нѣсколько характерныхъ эпизодовъ судебнаго разбирательства. Напримѣръ, квартирная хозяйка одного рабочаго якобы показала на допросѣ Стрѣльникову, что каждую недѣлю у ея квартиранта собирались революціонеры и обсуждали, какъ разрушить существующій государственный строй. На судѣ же эта свидѣтельница, старая, полуграмотная женщина, только глазами хлопала, слушая прочитанное ея прежнее показаніе. Она даже не могла понять тѣхъ выраженій, которыя вписалъ въ показаніе своей рукой Стрѣльниковъ.

— Ничего этого я, господа милосердные судьи, не понимаю. Генералъ писалъ, писалъ, затѣмъ велѣлъ подписать, я и подписала. Правда, у жильца каждую получку (по субботамъ) собирались его товарищи. Долго шумѣли, галдѣли, а о чемъ—не знаю,—такъ говорила на судѣ старуха.

Обвинитель не растерялся и началъ объяснять, что никакого противорѣчія между показаніемъ на предварительномъ слѣдствіи и настоящимъ объясненіемъ свидѣтельницы на судѣ не имѣется. Фактъ преступныхъ собраній и происходившихъ на нихъ преступныхъ замысловъ не отрицается свидѣтельницей. Если же нѣкоторыя выраженія въ протоколѣ ей непонятны, то это не болѣе, какъ исправленная редакція показаній полуграмотнаго свидѣтеля.

При этомъ обвинитель задаетъ такой вопросъ старухѣ:

— Вы подтверждаете, что у вашего жильца происходили сходки и что тамъ говорили возмутительныя вещи?

---

[1]) Кромѣ, разумѣется, шпіоновъ и чиновъ жандармеріи.

— Это вѣрно, господинъ судья. Каждую субботу приходили. Самые непутевые люди... До полуночи хороводились. Слышу изъ-за перегородки ихъ гомонъ, только и сотворяю крестъ Господенъ,—отвѣчаетъ старуха.—Даже не разъ отъ квартиры отказывала, да не съѣзжалъ все, озорникъ! Такъ его тутъ у меня и забрали жандармы.

Защитникъ подсудимаго, присяжный повѣренный Вейнбергъ спрашиваетъ свидѣтельницу:

— Скажите, свидѣтельница, изъ-за перегородки были слышны разговоры у жильца? Не можете ли вы припомнить хоть что-нибудь изъ слышаннаго? Хоть какую-нибудь возмутительную фразу?

— Какъ же, батюшка, могу. До сихъ поръ помню до одного словечка срамоту богохульника изъ ихней компаніи.

И старуха разсказала слѣдующее.

— Собрались у жильца это человѣкъ пять народу. Поставила я имъ самоваръ. Принесла колбасы, полдюжины пива. Вотъ жилецъ и говоритъ мнѣ: «выпей, Митревна, стаканчикъ пива съ нами!»— Что ты, прости, Господи! говорю я. Никогда смолоду не пивала я этого зелья... А одинъ изъ гостей засмѣялся, да и говоритъ: «Эхъ, Митревна, напрасно бережешь себя, все равно въ рай не попадешь. Апостолы Петръ и Павелъ давно ключи отъ рая пропили»... Да какъ загогочатъ всѣ, что твои стоялые жеребцы. Я только перекрестилась, затѣмъ плюнула на ахальниковъ и ушла къ себѣ. Вотъ, милосердные судьи, что только дѣлалось. Извѣстно, шантрапа [1]), налакаются пива и Бога не боятся. Вотъ какую напраслину пустили на святыхъ апостоловъ!.. Ужъ вы, господа судьи, хорошенько его засудите, да потребуйте съ него 2 р. 92 коп.—остался долженъ за фатеру.

Разсказъ Митревны вызвалъ неудержимый хохотъ не только среди насъ подсудимыхъ, но и во всей залѣ среди отборной публики. Судъ сдѣлалъ строгое внушеніе подсудимымъ и публикѣ— и не позволилъ дальше защитнику распрашивать эту свидѣтельницу.

Другой подсудимый обвиняется въ томъ, что въ его квартирѣ былъ складъ всевозможнаго оружія для революціонныхъ цѣлей.

На предварительномъ допросѣ квартирная хозяйка его якобы показала, что вся комната жильца была завалена оружіемъ. Разные люди приходили къ жильцу, приносили и уносили кинжалы, револьверы, сабли и т. п.

На перекрестномъ допросѣ этой свидѣтельницы какъ обвинителемъ, такъ и защитой выяснилось, что въ квартирѣ ея жильца было разное оружіе: револьверы, кинжалы, сабли, но были также и замки, швейныя машины и т. п. вещи. Все это приносилось въ квартиру разными лицами для починки. Жилецъ былъ слесарь и работалъ на дому.

Студентъ М-ъ, просидѣвшій до суда почти два года въ оди-

[1]) Шантрапа—безпутный человѣкъ, босякъ.

ночномъ заключеніи, обвинялся въ устройствѣ празднества въ годовщину парижской коммуны и въ произнесеніи тамъ возмутительныхъ противоправительственныхъ рѣчей, призывавшихъ къ возстанію. Такъ гласилъ обвинительный актъ, составленный на основаніи показаній, данныхъ двумя рабочими Стрѣльникову. На судѣ эти свидѣтели отказались отъ прежнихъ показаній. Они заявили, что долго не соглашались подписывать составленныя Стрѣльниковымъ показанія. Но ихъ держали въ одиночкѣ, стращали каторгой, висѣлицей. Измучившись въ тюрьмѣ, они исполнили наконецъ требованія генерала. Теперь же, принявъ присягу и стоя передъ судомъ, они приносятъ повинную въ дачѣ ложнаго показанія. И тутъ же на судѣ одинъ изъ нихъ разсказалъ все, что онъ зналъ про празднованіе въ городскомъ саду годовщины парижской коммуны. «Встрѣтилъ я какъ то студента М-а». «Приходите, сказалъ онъ мнѣ, завтра въ городской садъ, тамъ будетъ студенческая гулянка. На другой день я и товарищъ мой пошли. Но товарищъ у меня имѣетъ слабость. Ни за что не пропуститъ питейнаго. Намъ пришлось идти версты три. Сколько по дорогѣ питейныхъ?.. Въ каждое заходили. Я ужъ былъ и не радъ, что съ нимъ связался. Когда мы пришли въ садъ, то тамъ уже всѣ разошлись. На травѣ валялись пустыя бутылки, засаленныя бумажки. Мы опоздали. Гулянка кончилась. У воротъ сада встрѣтили М-а. «А тутъ было весело, сказалъ онъ намъ. Ну, въ другой разъ придете»... Такъ и не пришлось мнѣ изъ-за своего товарища посмотрѣть, какъ гуляли студенты!

Свидѣтель, извѣстный предатель и шпіонъ Меркуловъ, на судъ не явился *«за неврученіемъ ему повѣстки»*, хотя правительству было прекрасно извѣстно его мѣстопребываніе. Но въ то время на судъ уже не выпускали свидѣтелей изъ предателей и т. п. лицъ.

Василій Меркуловъ, одесскій рабочій, былъ буйная, экзальтированная натура. Избытокъ молодости и физической силы неудержимо рвались наружу. Распропагандированный, онъ примкнулъ къ мѣстной рабочей организаціи и быстро проявилъ себя активнымъ и смѣлымъ революціонеромъ. Онъ постоянно требовалъ себѣ дѣла, жаждалъ опасныхъ предпріятій, и его скоро допустили сначала на югѣ, а потомъ и на сѣверѣ къ самымъ конспиративнымъ замысламъ. Онъ охотно выполнялъ порученія, участвовалъ даже въ нѣкоторыхъ подготовленіяхъ къ покушенію на цареубійство. Поэтому онъ зналъ многихъ членовъ партіи «Народной Воли», если не по фамиліямъ, то въ лицо, и былъ освѣдомленъ о многомъ, происходившемъ въ 1879—81 г.г.

Арестованный въ началѣ 1881 г. попалъ въ передѣлку Судейкина и Стрѣльникова, которые сумѣли этого буйнаго человѣка, малосознательнаго революціонера, вооружить противъ террористовъ и, обѣщаніемъ спасти его отъ висѣлицы, превратить въ предателя.

Послѣ процесса «20 народовольцевъ» (въ 1881 г.), Меркулова

сразу не освободили. Его подъ конвоемъ возили по городамъ, держали въ заключеніи и широко пользовались его указаніями.

Куда онъ потомъ дѣвался—не знаю. Но вреда принесъ онъ революціонерамъ гораздо больше, чѣмъ Гольденбергъ.

Такъ вотъ по показаніямъ этого-то Меркулова и обвинялось двое изъ нашего процесса въ томъ, что вблизи Ялты они спускали по уклону горы камни и слѣдили за полетомъ этихъ камней на пролегавшую подъ горой дорогу. Эти камни, по словамъ Меркулова, спускались въ видѣ опыта. Это была репетиція къ подготовлявшемуся покушенію на цареубійство. Тутъ на камняхъ они обучались, какъ слѣдуетъ бросать бомбы въ день проѣзда Александра II-го по этой дорогѣ. И только на основаніи этого показанія обвиняемые были приговорены къ смертной казни, замѣненной потомъ безсрочной каторгой. По отношенію къ Т-у было предъявлено обвиненіе въ организаціи революціоннаго кружка въ г. Х-ѣ.

Двое рабочихъ, свидѣтели со стороны обвиненія, на судѣ измѣнили свои первоначальныя показанія. Они говорили, что въ г. Х. былъ уже кружокъ, когда Т-ъ туда пріѣхалъ. Въ первое же посѣщеніе имъ этого кружка Т-ъ уговаривалъ рабочихъ разойтись, бросить рискованное занятіе, указывалъ имъ, какому суровому наказанію они подвергнутся, разъ ихъ накроютъ жандармы. Присутствующіе на собраніи рабочіе не стали слушать Т-а, и онъ ушелъ. Но черезъ нѣсколько дней Т-ъ снова явился среди нихъ и снова убѣждалъ прекратить опасную затѣю. Тутъ воздѣйствіе Т-а имѣло уже успѣхъ, и кружокъ распался. Второе обвиненіе противъ Т-а заключалось въ покушеніи на взрывъ одной изъ центральныхъ тюремъ на югѣ. На судѣ это покушеніе обрисовалось такъ. Т-ъ съ тремя или четырьмя товарищами катались на лодкѣ по рѣкѣ. Проплывая мимо крутого берега, на которомъ высилась тюрьма, Т-ъ сказалъ: «хорошо бы взорвать эту тюрьму, пока въ ней еще нѣтъ арестантовъ». На этомъ все покушеніе и окончилось. Подсудимый М-ръ, былъ арестованъ «нелегальнымъ», т. е. проживалъ по подложному виду. Просидѣвъ около двухъ лѣтъ предварительнаго заключенія, онъ не давалъ никакихъ показаній, и на судѣ отказывался отвѣчать на предложенные ему вопросы. Никакихъ уликъ въ совершеніи имъ какого-либо преступленія не установлено. И судъ вынесъ М-ру смертный приговоръ, замѣненный безсрочной каторгой.

Въ заключеніе всего судопроизводства произошелъ настоящій скандалъ, какого, на сколько помню, ни раньше, ни послѣ не было въ русскихъ судахъ.

Когда послѣ одиночнаго заключенія вся наша группа очутилась вмѣстѣ, и мы впервые послѣ долгаго времени увидѣли другъ друга въ залѣ судебнаго засѣданія, намъ бросилась въ глаза фигура совершенно незнакомаго господина, лѣтъ 35. Изъ врученнаго намъ обвинительнаго акта мы знали, что этотъ неизвѣстный намъ господинъ привлекается по одному съ нами про-

цессу, но обвиняется въ самостоятельныхъ тяжкихъ преступленіяхъ. Это былъ кандидатъ правъ Попельницкій. Вотъ все, что мы знали о немъ. Онъ сидѣлъ полтора года въ одиночкѣ въ казармѣ № 5 и не имѣлъ никакого общенія съ нами.

На судѣ мы узнали изъ обвинительной рѣчи слѣдующее.

Кандидатъ правъ петербургскаго университета П-ій по окончаніи курса сейчасъ же уѣхалъ за границу. И уѣхалъ въ такое время, когда новые суды нуждались въ свѣжихъ силахъ, въ образованныхъ юристахъ. Очевидно, П-му не дорого было отечество, и онъ промѣнялъ его на заграницу, да и заграницу выбралъ подозрительную. А именно Цюрихъ — гнѣздо русскихъ крамольниковъ. Что могъ дѣлать онъ тамъ? Несомнѣнно, — занимался революціонными дѣлами, руководилъ оттуда революціоннымъ движеніемъ въ Россіи. Болѣе десяти лѣтъ П-ій жилъ въ Цюрихѣ и вдругъ въ самое горячее время появился въ Одессѣ. Зачѣмъ? Очевидно съ цѣлью пополнить порѣдѣвшіе кадры мѣстныхъ революціонеровъ. На границѣ онъ обратилъ на себя вниманіе шпіоновъ. Когда П-ій поселился въ городѣ О., то полиція стала слѣдить за нимъ. И выслѣдила многое. П-ій поселился въ большой квартирѣ (комнатъ 8 — 9). Мебель почти отсутствовала въ этой квартирѣ. Прислуги онъ не держалъ, а пользовался услугами дворника. Ключъ отъ квартиры всегда уносилъ съ собой. Часто П-ій уѣзжалъ изъ города на нѣсколько дней. Такія отлучки тоже возбудили подозрѣніе полиціи, которая установила, что П-ій въ двухъ губерніяхъ купилъ по клочку земли, десятины въ $1^1/_2$ и 2. Слѣдить стали еще строже. Какъ то шпіоны видѣли П-го, идущаго по улицѣ съ лицомъ, бывшимъ у жандармовъ на подозрѣніи. Словомъ, цѣлый рядъ подозрительныхъ фактовъ. Думать тутъ нечего! Очевидно, ловкій, опытный заговорщикъ. Нагрянули къ нему ночью на квартиру. Обыскъ не далъ блестящихъ результатовъ, но вѣдь дѣло имѣли не съ простакомъ. Тѣмъ не менѣе нашли у него заряженый револьверъ на столѣ, клочки нарванной бумаги, два плана земельныхъ участковъ, и книгу, отпечатанную на русскомъ языкѣ въ заграничной типографіи, подъ заглавіемъ «Исторія революціоннаго движенія въ Россіи» неизвѣстнаго автора.

Захваченный преступникъ былъ представленъ предъ грозныя очи Стрѣльникова и ввергнутъ въ темницу. П-ій сильно протестовалъ противъ ареста и отказался давать какія-либо показанія. Возмущался предъявленнымъ къ нему обвиненіемъ. Стрѣльниковъ рѣшилъ выдержать его въ одиночкѣ для испытанія. При разборѣ слѣдственнаго дѣла послѣ смерти Стрѣльникова были найдены протоколы дознанія, которыми П-ій изобличался, какъ важный государственный преступникъ, пріѣхавшій въ Россію для террористическихъ замысловъ. Такіе незначительные участки земли были, какъ гласило дознаніе, пріобрѣтены съ цѣлью устроиться на нихъ конспиративно и оттуда вести подкопы подъ полотно желѣзной дороги. Когда же по этой дорогѣ поѣдетъ царскій поѣздъ, то взорвать его.

Николай Алексѣевичъ
ЖЕЛВАКОВЪ.

Свидѣтели по дѣлу П-го на судъ не явились, а потому читались лишь показанія неизвѣстныхъ лицъ (шпіоновъ), данныя на предварительномъ слѣдствіи, на основаніи коихъ и составленъ обвинительный актъ. На предложенные П—му судомъ вопросы онъ отвѣтилъ, что ни въ чемъ не виновенъ и считаетъ свой арестъ и преданіе суду грубымъ нарушеніемъ закона, т. к. прочитанныя показанія ложны и не провѣрены предварительнымъ слѣдствіемъ.

Обвинитель въ своей рѣчи ярко обрисовалъ преступность и адскіе умыслы П-го. Онъ просилъ судъ не давать никакого снисхожденія этому подсудимому, а покарать его высшей мѣрою наказанія. Придавать значеніе нѣкоторымъ неясностямъ слѣдствія, по мнѣнію прокурора, не слѣдуетъ, такъ какъ передъ судомъ опытный, ловкій, прошедшій хорошую школу заговорщикъ. Упорное нежеланіе сознаться въ своей винѣ—лучшее доказательство, что судъ имѣетъ дѣло съ истиннымъ революціонеромъ и при томъ террористическаго толка. Словомъ, обвинитель требовалъ для П—го смертной казни.

Настала очередь выступить и защитѣ П—го. Молодой, талантливый присяжный повѣренный выяснилъ суду ужасную истину. Невинный человѣкъ просидѣлъ $1^1/_2$ г. въ одиночномъ заключеніи совершенно безъ всякихъ основаній. Вотъ что сообщила суду защита.

По окончаніи университета П-ій уѣхалъ за границу въ Цюрихъ и поступилъ воспитателемъ въ какой-то (не помню теперь) русскій великосвѣтскій пансіонъ, гдѣ дѣти и юноши знатныхъ россіянъ воспитывались въ духѣ самодержавія, православія и народности. Ни съ кѣмъ изъ русскихъ крамольниковъ П—ій не имѣлъ знакомства и общенія.

За свою преподавательскую и воспитательскую дѣятельность П—ій получилъ блестящій аттестатъ, который защитникъ и предъявилъ суду для ознакомленія.

Аттестатъ передается предсѣдателю, затѣмъ ходитъ по рукамъ судей, прокурора. Получается нѣкоторое замѣшательство среди членовъ судилища. Въ мундирной публикѣ шепотъ и движеніе.

Защитникъ продолжаетъ дальше.

Въ городѣ О. жила мать подсудимаго, богатая женщина. Въ послѣднее время мать хворала и была окружена приживалками. Когда она умерла, то приживалки ограбили почти всю квартиру и все изъ нея порастаскали. П—ій, пріѣхавъ послѣ смерти матери, нашелъ квартиру въ томъ запустѣніи, какое и вызвало подозрѣніе у шпіоновъ и полиціи. П—ій, занявшись приведеніемъ въ порядокъ полученнаго наслѣдства, вмѣстѣ съ тѣмъ обдумывалъ проектъ устройства образцовыхъ пасѣкъ. Онъ имѣлъ влеченіе къ пчеловодству и на досугѣ отъ педагогической дѣятельности еще въ Цюрихѣ изучалъ эту отрасль сельскаго хозяйства.

Съ этой цѣлью П—ій пріобрѣлъ въ двухъ губерніяхъ небольшія липовыя рощицы, гдѣ и задумалъ устроить пасѣки. Защитникъ предлагаетъ вскрыть вещественныя доказательства и раз-

смотрѣть отобранные при арестѣ у подсудимаго планы купленныхъ участковъ. Судъ распечаталъ вещественныя доказательства и сталъ разсматривать планы. Оказалось, что участки находятся въ тѣхъ губерніяхъ, по которымъ никогда не ѣздятъ русскіе цари, при чемъ одинъ участокъ отстоялъ отъ ближайшей желѣзнодорожной линіи на 80 верстъ, а другой еще дальше. Такъ что для проведенія подкопа подъ полотно желѣзной дороги было, надо думать, мало благопріятныхъ условій. Когда окончилось разсмотрѣніе злополучныхъ плановъ, защитникъ приступилъ къ дальнѣйшему разъясненію.

— Теперь прошу судъ просмотрѣть книгу, отобранную тоже при арестѣ у моего кліента, и прочесть изъ нея хотя бы одну страницу. Она издана за границей, и автора ея мнѣ разрѣшено назвать. Авторъ этой книги—самъ подсудимый.

Книгу извлекли изъ пачки вещественныхъ доказательствъ, и секретарь началъ читать предисловіе.

И судъ услышалъ слѣдующее. Книга написана спеціально для русскаго юношества съ цѣлью предостеречь это юношество отъ того пагубнаго вліянія, какое въ послѣдніе годы оказывали на него русскіе революціонеры. Авторъ задался цѣлью подробно выяснить всю ложь, все заблужденіе революціонеровъ и указать, въ какую пропасть можетъ низринуться цвѣтъ и краса русскаго народа. Фактъ встрѣчи на улицѣ съ лицомъ, находившимся въ подозрѣніи у полиціи, объясняется весьма просто. Они были товарищами еще по университету и тутъ впервые встрѣтились послѣ долгихъ годовъ разлуки. А потому защитникъ просилъ судъ вынести подсудимому оправдательный приговоръ.

П—ій былъ по списку подсудимыхъ послѣднимъ, и явившееся такъ неожидано для суда разоблаченіе было финаломъ всего шемякинскаго судопроизводства.

Судъ удалился для составленія приговора.

Пока же почтенные судьи пишутъ приговоръ, я познакомлю читателя съ нашимъ обвинителемъ.

Это былъ тотъ самый правовѣдъ Прохоровъ, которому пришлось заканчивать слѣдствіе по смерти Стрѣльникова.

Удачное проведеніе этого дѣла обѣщало прокурору блестящую карьеру, и онъ старался изо всѣхъ силъ заработать будущее свое служебное благополучіе. Когда окончилось судебное слѣдствіе, то судъ объявилъ на сутки перерывъ засѣданія, чтобы дать возможность прокурору обработать свою обвинительную рѣчь. Такимъ образомъ получился свободный отъ засѣданія день. Мы съ своей стороны заявили суду, что въ этотъ день желаемъ тоже ознакомиться съ слѣдственнымъ дѣломъ, чтобы подготовиться къ защитѣ. Судъ согласился допустить насъ въ залу засѣданія и предоставить намъ на разсмотрѣніе слѣдственное производство, но при условіи, если прокуроръ согласится при этомъ присутствовать. Прокуроръ, къ нашему удивленію, охотно изъявилъ свое согласіе. На другой день насъ собрали въ залѣ засѣданія и

предоставили на наше разсмотрѣніе судебное дѣло. Разумѣется, никто изъ насъ не сталъ разсматривать этой груды лживыхъ подложныхъ бумагъ. Начались разговоры, бесѣды, въ которыхъ принялъ участіе и прокуроръ. Мы указывали ему на всю гнусность, на всю преступность дѣйствій Стрѣльникова. Онъ внимательно слушалъ, самъ возмущался многимъ, негодовалъ, увѣрялъ, что только на судѣ у него открылись глаза, что только теперь онъ убѣдился въ натяжкѣ обвиненія и т. п. Мы почти повѣрили его словамъ и болѣе подробно ознакомили его съ продѣлками Стрѣльникова. Такъ прошло у насъ часа три въ этихъ бесѣдахъ. Затѣмъ мы вернулись въ камеры до слѣдующаго дня.

При разставаніи прокуроръ сказалъ намъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ наше негодованіе. Всѣ дни судебнаго слѣдствія онъ, по его словамъ, сгоралъ отъ стыда, когда выступали обличенія, устанавливалась ложность показаній, состряпанныхъ Стрѣльниковымъ.—Господа, я вашъ противникъ по убѣжденіямъ, но я честный человѣкъ! закончилъ онъ свою къ намъ рѣчь. Прокуроръ не только обвинитель, но и защитникъ подсудимаго, поскольку законъ на его сторонѣ. Повѣрьте, я постараюсь все исправить, загладить тѣ закононарушенія, которыя были допущены противъ васъ. Дѣятельность Стрѣльникова—позоръ для нашего правосудія, и, повѣрьте, если бы онъ былъ живъ, я потребовалъ бы преданія его суду. Хотя мы не особенно повѣрили въ искренность словъ прокурора, но всетаки не ожидали той подлости, какую онъ на слѣдующій день проявилъ при произнесеніи обвинительной рѣчи. Началъ онъ свою рѣчь сразу заявленіемъ суду, что вчера три часа слишкомъ ету пришлось выслушивать гнусныя обвиненія отъ насъ на покойнаго Стрѣльникова. Три часа мы настойчиво старались убѣдить его, что мы невинны, чернили и грязнили всѣми способами память честнаго царскаго слуги, великаго мученика, погибшаго отъ злодѣйской руки на своемъ служебномъ посту.

— Вчера, господа судьи, я окончательно убѣдился, что передъ вами настоящіе враги Россіи, несомнѣнные государственные преступники. Самъ фактъ убійства Стрѣльникова говоритъ противъ нихъ. Неужели люди стали бы рисковать своей жизнью, убивая Стрѣльникова по пустякамъ? Нѣтъ! Убійцы знали, что покойнымъ генераломъ захвачены важные преступники. И рѣшили убить его, чтобы не дать докончить слѣдствіе, чтобы лишить возможности установить виновность арестованныхъ. Въ интересахъ сидящихъ здѣсь на судѣ подсудимыхъ, по ихъ приказанію убитъ вѣрный царскій слуга. И вы, господа судьи, ради памяти безвременно погибшаго мученическою смертью генерала, воздадите достойнымъ образомъ настоящимъ виновникамъ этого гнуснаго злодѣянія!

Такъ приблизительно говорилъ этотъ знаменитый прокуроръ. Онъ требовалъ всѣмъ безъ исключенія высшую мѣру наказанія, т. е. смертную казнь. Интеллигентнымъ, образованнымъ подсуди-

мымъ необходима казнь въ виду того, что по своему образованію и общественному положенію они болѣе должны были бы понимать свою преступную дѣятельность. Рабочихъ слѣдуетъ казнить за то, что, будучи мало развитыми, необразованными, осмѣлились поднять руку противъ правительства. Двое изъ насъ были военными (въ запасѣ) и наша вина усугублялась, кромѣ того, военной присягой. Словомъ, для всѣхъ одно наказаніе требовалъ обвинитель—казнь черезъ повѣшеніе.

Въ послѣднемъ словѣ, предоставленномъ подсудимымъ, никто не захотѣлъ произносить рѣчей. Обстановка суда, избранная публика изъ администраціи—все это не располагало тратить по пустому слова. Къ тому же стало извѣстно, что сдѣлано распоряженіе не допускать въ печати судебнаго отчета.

Только душевно-больной Матвѣевичъ протодіаконскимъ голосомъ провозгласилъ вѣчную память погибшимъ борцамъ, а всѣмъ высшимъ властямъ, всему правительству, включительно до нашихъ судей—анаѳему.

Предсѣдатель нашего суда былъ глухъ. Онъ не разобралъ, что говорилъ Матвѣевичъ. Пока помощникъ предсѣдателя кричалъ на ухо предсѣдателю содержаніе рѣчи подсудимаго, Матвѣевичъ уже кончилъ.

И призывъ къ порядку подсудимаго предсѣдателемъ явился опоздавшимъ.

Судъ вынесъ намъ суровый приговоръ. Насъ не судили, а мстили намъ, мстили за смерть Стрѣльникова. Всѣ разоблаченія преступной дѣятельности Стрѣльникова не оказали никакого вліянія на судей. Судъ былъ, говорю, простой комедіей, а судьи покорными слугами правительства. Разслабленный, дряхлый предсѣдатель суда далъ такой отвѣтъ женѣ одного подсудимаго, еще до суда справлявшейся у него, какое наказаніе можетъ грозить ея мужу.—Ничего я не могу сказать. Приговоръ зависитъ не отъ суда, а отъ Петербурга. Какъ намъ оттуда прикажутъ, такъ и присудимъ.—Судъ призналъ насъ всѣхъ виновными и подлежащими смертной казни черезъ повѣшеніе, но, принимая во вниманіе смягчающія вину обстоятельства, нашелъ возможнымъ для четырехъ лицъ замѣнить смертную казнь безсрочной каторгой, для всѣхъ остальныхъ каторгою на 15 лѣтъ.

Кромѣ того, онъ постановилъ ходатайствовать передъ генералъ-губернаторомъ о смягченіи приговора для четырехъ лицъ до 10 лѣтъ, для трехъ до 4 лѣтъ каторги, для трехъ ссылкой на поселеніе. Попельницкаго признали по суду оправданнымъ.

Даже избранная публика присутствовавшая на судѣ, дрогнула, когда услышала такой приговоръ. Одна изъ великосвѣтскихъ дамъ упала въ истерикѣ, а мы на произнесенный приговоръ отвѣтили дружнымъ смѣхомъ.

Долго не утверждался приговоръ. И судъ и генералъ-губернаторъ убѣдились, что мы осуждены безъ всякихъ основаній, но они не хотѣли сознаться въ этомъ. Десять дней употребляли всѣ

усилія черезъ родныхъ, черезъ защитниковъ, чтобы уговорить насъ подать прошеніе о помилованіи. Но, кромѣ одного, никто не подалъ.

По конфирмаціи ходатайство суда было удовлетворено, при чемъ двумъ 4-хъ-лѣтняя каторга была замѣнена ссылкой на житье въ Сибирь безъ срока. Подавшему же прошеніе безсрочная каторга замѣнена ссылкой на поселеніе въ Сибирь.

По окончаніи суда насъ снова увезли въ тюрьму, но уже посадили всѣхъ вмѣстѣ. Отвели большое отдѣленіе въ общемъ тюремномъ корпусѣ. Выпускали гулять вмѣстѣ, давали общія свиданія съ родными и знакомыми.

Но на всѣ вопросы, когда насъ отправятъ въ Сибирь, отвѣчали незнаніемъ. Все таки понемногу мы стали готовиться въ далекій путь. Наши родные и знакомые закупали, заготовляли понемногу все необходимое, какъ для дороги, такъ и на мѣстѣ ссылки. Но ничего заготовленнаго пока не разрѣшили намъ передавать.

— Въ свое время объявимъ, что можно и въ какомъ количествѣ брать съ собой ссыльнымъ, говорили тюремщики.

И тутъ правительство не могло обойтись безъ обмана, совершивъ никому не нужную, ничѣмъ не оправдываемую жестокость.

Въ полночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе, когда раздавался по всему городу благовѣстъ о всеобщемъ прощеніи, о великой христіанской любви, насъ по одиночкѣ вызывали въ тюремную контору. Здѣсь обряжали насъ въ арестантское одѣяніе и заковывали въ кандалы. Тюремный кузнецъ изъ арестантовъ отказался въ такой торжественный часъ заковывать насъ. Его отправили въ карцеръ и разыскали въ городѣ «вольнаго» кузнеца. До самаго утра раздавались удары молотка и звенѣли цѣпи. То подъ звуки всеобщаго привѣтствія «Христосъ Воскресе!» русское правительство заковывало и обряжало въ позорный костюмъ русскую свободу, клеймило неповинныхъ людей, какъ тяжкихъ преступниковъ. И все это продѣлывало тайкомъ, подъ покровомъ ночного мрака. Никто изъ родныхъ не зналъ объ этой продѣлкѣ. Администрація хотѣла, чтобы никто не успѣлъ проститься, послѣдній разъ обнять, пожать руку дорогому и близкому человѣку.

На другой день рано утромъ насъ отправили подъ сильнымъ конвоемъ на вокзалъ и усадили въ особый поѣздъ.

Не успѣли мы еще размѣститься по мѣстамъ, какъ услышали какой-то шумъ на перронѣ вокзала. Подойти къ окну, выглянуть изъ него—нельзя было. У каждаго окна внутри вагона стояли конвойные. Вдругъ—о радость! Въ вагонъ вбѣжало человѣкъ десять нашихъ друзей, близкихъ и родныхъ лицъ. Оказалось, что они подозрѣвали тайную отправку насъ и устроили по очереди караулъ вблизи тюрьмы.

Караульные дали знать остальнымъ, и къ удивленію жандармеріи и тюремщиковъ на вокзалъ явились провожающіе. Послѣ долгихъ и жаркихъ препирательствъ друзьямъ разрѣшили про-

ститься съ нами. Нужно-ли описывать минуты разставанья, минуты, оказавшіяся послѣдними для многихъ, такъ какъ уже больше не пришлось никогда увидѣться, обнять близкаго, дорогого человѣка? Какъ ни кратко, какъ ни спѣшно было прощаніе, но оно имѣло огромное значеніе, много облегчило, успокоило и уѣзжающихъ, и остающихся. Клятвамъ, обѣщаніямъ, казалось, и конца не будетъ.

Но вотъ послѣдній поцѣлуй, послѣднее пожатіе руки—и все кончено.

Желѣзное чудовище заревѣло, дрогнуло своимъ мощнымъ туловищемъ, и 19 человѣкъ отправились въ невѣдомую даль съ растерзанными сердцами, съ разбитой жизнью, закованные въ цѣпи, наряженные въ позорные халаты. Отправились эти люди съ гордо поднятою головой, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, съ вѣрою въ свое дѣло, съ надеждою, что оставшіеся на родинѣ не положатъ рукъ, а будутъ продолжать непоколебимо работу, будутъ до послѣднихъ силъ и возможности бороться за освобожденіе обездоленнаго, порабощеннаго насильниками народа.

И дѣйствительно, кто возвратился двадцать слишкомъ лѣтъ спустя изъ Сибири, тотъ воочію убѣдился, что надежды его осуществились. Не одинъ изъ стариковъ нашелъ своихъ сыновей, дочерей, засаженныхъ въ казематы, разосланныхъ по сѣвернымъ трущобамъ, а въ послѣднее время избитыми, окровавленными на мостовой или въ грудѣ труповъ, сваленныхъ въ общую братскую могилу.

П. Надинъ.

Страница изъ давно написанныхъ воспоминаній.

(Н. А. Желваковъ).

...А вотъ и онъ выходитъ изъ толпы, онъ, котораго я называлъ братомъ, погибшій на висѣлицѣ, Николай Алексѣевичъ Желваковъ. Онъ всегда скрывался въ толпѣ и выходилъ впередъ только когда нужно было жертвовать собой. Тысячи воспоминаній при этомъ имени. Это было недавно, года два-три назадъ. Мой вечеръ былъ свободенъ, и я готовился провести его такъ, какъ хотѣлъ когда-то провести всю жизнь,—за любимыми книгами. Я сидѣлъ около стола въ своей комнатѣ и читалъ. Я читалъ уже болѣе часа и совсѣмъ погрузился въ свое занятіе. Вдругъ я услышалъ въ передней какой-то шумъ, звукъ шаговъ и незнакомый голосъ. Кто-то спрашивалъ меня. Я жилъ нелегально и былъ весьма изумленъ неожиданнымъ посѣщеніемъ. По моимъ расчетамъ никто изъ товарищей не могъ ко мнѣ зайти. Хозяйка отворила дверь и впустила ко мнѣ въ комнату гостя. Я всталъ и пошелъ на встрѣчу. Предо мной стоялъ человѣкъ съ молодымъ, безбородымъ, красивымъ лицомъ, выше средняго роста, прекрасно сложенный, въ лѣтнемъ черномъ пальто (была ранняя, но уже теплая весна), съ простымъ купеческимъ картузомъ въ рукахъ. Я вопросительно смотрѣлъ на незнакомца. Не торопясь, оглядѣлъ онъ меня и произнесъ имя человѣка, который сообщилъ ему мой адресъ, и къ которому я питалъ полное довѣріе. Я пригласилъ своего гостя садиться около стола, самъ сѣлъ и приготовился слушать. Но гость молчалъ. Я взглянулъ на него. Не спуская глазъ, смотрѣлъ онъ на меня и легкая, едва замѣтная улыбка скользнула по его лицу. Мнѣ становилось неловко. Я отвелъ глаза, поправилъ абажуръ на лампѣ, поправилъ книги на столѣ, чтобы занять чѣмъ нибудь время и скрыть свое смущеніе. А гость попрежнему молчалъ. Я опять взглянулъ на него, на этотъ разъ съ открытымъ и настойчивымъ вопросомъ въ глазахъ. На лицѣ гостя та же легкая улыбка и ни тѣни смущенья. Я съ недоумѣніемъ гляжу на него, — улыбка растетъ, заливаетъ все его милое лицо, и глаза уже начинаютъ весело искриться и сверкать. Что это? Противъ воли я начинаю улыбаться, подозрѣвая какой-то сюрпризъ, и вглядываюсь пристально въ пришельца, чтобы вспомнить это лицо, но не нахожу

ничего... ничего... ничего, кромѣ слабаго, какъ давній сонъ, воспоминанія, давно забытаго, умершаго и теперь неожиданно воскресшаго при пристальномъ взглядѣ на это лицо. Правда ли? «Неужели это ты?» восклицаю я, и по его веселому смѣху, по радостному блеску его глазъ я догадываюсь, что это онъ; «неужели это ты? Коля? (фамилію я въ первый моментъ никакъ не могъ вспомнить, но потомъ, подъ чрезвычайнымъ напоромъ памяти, и она воспрянула изъ тьмы давно забытаго), ты? Желваковъ?..» Это былъ онъ. Я его такъ давно не видѣлъ, что за этотъ промежутокъ могъ бы забыть черты любимаго брата, отца, матери. Когда-то, очень давно, мы съ нимъ гуляли вмѣстѣ дѣтьми по берегамъ великой рѣки, карабкались по крутымъ и дикимъ прибрежнымъ обрывамъ, искали грибовъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ русскаго сѣвера, когда-то вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, за однимъ столомъ. читали по складамъ. Потомъ мы разстались съ нимъ. Года три послѣ этой разлуки я не могъ забыть своего друга и тосковалъ по немъ. Потомъ новые друзья, живыя впечатлѣнія юношеской жизни заставили меня совсѣмъ позабыть друга дѣтства. И вдругъ, забытый, онъ приходитъ ко мнѣ послѣ двѣнадцати лѣтъ разлуки. Какъ живо, съ какой радостью я встрѣтилъ бы его десять лѣтъ назадъ, когда помнилъ и любилъ его и тосковалъ по немъ! А теперь мы сидѣли другъ противъ друга нѣсколько смущенные, робко оглядывая одинъ другого. Впрочемъ, можетъ быть, я преувеличиваю наше смущеніе. Несомнѣнно, я былъ смущенъ и чувствовалъ себя неловко. Послѣ перваго радостнаго порыва, когда я усадилъ его на диванъ и самъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, я почти не зналъ о чемъ говорить, и меня немного смущала излишняя порывистость моей радости, эти поцѣлуи, крѣпкія пожатія рукъ. Но онъ, принявшій эти порывы съ спокойной и ласковой улыбкой, не терялъ ни на минуту спокойствія и, можетъ быть, даже въ глубинѣ своей души не чувствовалъ никакого смущенія. Скоро и я сталъ наружно такимъ же спокойнымъ, но двѣ вещи не переставали безпокоить меня въ глубинѣ души. Первая—невозможность сразу заполнить ту двѣнадцатилѣтнюю пропасть, которая раздѣляла насъ, невозможность сразу же стать къ нему, котораго кровную близость я чувствовалъ, такимъ же близкимъ, какимъ былъ когда-то. Недоставало какого-то слова, какого-то движенія. Нашъ разговоръ, вертѣвшійся около фактическихъ подробностей жизни каждаго, освѣщалъ раздѣлявшую насъ пропасть, но не уничтожалъ ее и не могъ уничтожить. И я съ тревогой ожидалъ того слова, которое должно было сблизить насъ. Второе, что меня безпокоило, было опасеніе, что онъ скоро уйдетъ, что то, чего я желалъ наиболѣе страстно, не исполнится, что вся наша сегодняшняя встрѣча останется какой-то нелѣпой и досадной. И опасенія мои оправдались. Посидѣвъ часа полтора, онъ всталъ, взялъ свой картузъ и, стряхивая съ него пыль, сказалъ:

— Я иду. Прощай.

Тонъ былъ очень рѣшителенъ. «Не останется», мелькнуло у меня въ головѣ.

— Не уходи, сказалъ я ему дрогнувшимъ голосомъ. Ночуй у меня.

— Нѣтъ, я пойду, отвѣтилъ онъ и, поднявъ голову, съ улыбкой смотрѣлъ на меня.

— Не уходи, настаивалъ я, не уходи, я прошу тебя. Тебѣ не грозитъ никакой опасности въ моей квартирѣ... и я, не зная чѣмъ удержать его, началъ описывать конспиративныя удобства моей квартиры. Онъ остановилъ меня.

— Я знаю. Но я долженъ идти, и, тряхнувши съ нетерпѣніемъ картузомъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

Это меня ободрило: если гость, собираясь домой, начинаетъ ходить по комнатѣ, есть надежда задержать его. Я пошелъ вслѣдъ за нимъ и, положивши руку на его плечо, началъ говорить:

— Постой, я тебѣ докажу, что ты не долженъ уходить. Обратимся къ нашей исторіи. N. N. былъ арестованъ потому, что лишній день пробылъ у своей матери; М. М. погибъ, выручая интимныя письма своего брата; Х. У. попалъ въ руки жандармовъ, заказывая въ фотографіи карточку своего друга; S. Z. пошелъ въ Сибирь вслѣдъ за своей женой. Обратимся къ логикѣ. Будемъ дорожить этими непрактичными, но героическими поступками. Будемъ дорожить этими проявленіями искренняго человѣческаго чувства. Безъ нихъ молодая русская революція потеряла бы свою душу, стала бы жестокой, какъ возстаніе рабовъ, узкой, какъ дворцовый заговоръ. Это идеальная, возвышенная сторона кроваваго дѣла Народной Воли.... Коля, останешься?...

Въ первый разъ за весь вечеръ я его назвалъ такъ. Я говорилъ долго и горячо. Я убѣдилъ самого себя въ томъ, что онъ долженъ остаться. Но все же я чувствовалъ робость, задавая ему послѣдній вопросъ, и голосъ мой дрожалъ.

— Останусь, но не потому, что ты убѣдилъ меня, а потому, что... потому что....

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ. Съ его лица исчезла улыбка; онъ опустилъ голову и сталъ мраченъ. Мы продолжали ходить по комнатѣ. Я не снималъ съ его плеча руки. Достигнувъ цѣли, я какъ-то притихъ весь, и внутри у меня притихло, будто ожидая чего-то, или прислушиваясь къ чему-то.

— Я останусь, но что изъ этого?... спросилъ онъ, и лицо его стало еще мрачнѣе, еще ниже опустилась голова. Въ моей груди что-то будто оборвалось; рука сама собою съ одного плеча перелегла на другое плечо, другая рука обвила его шею; его лицо поднялось; я увидѣлъ грустное и радостное сіяніе его глазъ и, весь охваченный чувствомъ какой-то невыразимой жалости, сталъ безсчетно цѣловать его голову, лицо, шею....

Двѣнадцатилѣтняя пропасть закрылась. Мы снова стали братьями...

Я плачу, вспоминая объ этой минутѣ. Простите мнѣ эти слезы, мои товарищи и братья. Это не слезы отчаянія, или слабости, или жалости; это святыя слезы умиленія. Все, что есть въ мірѣ прекраснаго, возвышеннаго, идеальнаго, соединилось для меня въ этой минутѣ. Тутъ и неумирающая прелесть первой дѣтской привязанности, и неподкупные юношескіе идеалы. Тутъ и золотые горизонты счастливыхъ дѣтскихъ воспоминаній, и уходящія вдаль перспективы гордыхъ юношескихъ грезъ, и горящее надъ всѣмъ солнце соціализма, великое и лучезарное солнце нашего столѣтія. Вплоть до утра тянулась эта минута радости и восторга, счастливѣйшая въ моей недолгой жизни. Утромъ Коля ушелъ, не обѣщая заходить и какъ-то заминая объ этомъ разговоръ. Черезъ нѣсколько дней я узналъ и ужаснулся: его уже не было въ живыхъ: онъ былъ казненъ.

То, что я считалъ извѣстнымъ, оказалось неизвѣстнымъ; то, что считалъ близкимъ, оказалось далекимъ. Я думалъ, что предо мной сидитъ прежній ребенокъ, съ открытой душою. Какое ослѣпленіе! Я двѣнадцать часовъ провелъ съ глазу на глазъ съ человѣкомъ, обрекшимъ себя на страшную смерть, съ человѣкомъ, полнымъ силъ, жаждущимъ жизни и уже видящимъ себя у подножія висѣлицы, — а я не подозрѣвалъ ничего, не замѣтилъ ничего, рисовалъ себѣ будущее въ самыхъ розовыхъ, плѣнительныхъ краскахъ. Какъ я, слѣпецъ, не замѣтилъ въ его глазахъ предсмертнаго ужаса, какъ не услышалъ въ его голосѣ невольнаго дрожанія! Мнѣ казалось, что онъ весь со мной, что его душа открыта для меня. Мнѣ казалось, что онъ, какъ и я, всѣмъ существомъ своимъ отдается радостнымъ мечтамъ о жизни. А онъ въ это время думалъ о висѣлицѣ, которая уже закинула на него свою проклятую петлю. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ еще почти ребенкомъ дважды прошелъ Волгу бичевой; что, стремясь къ жизни и свѣту, онъ пѣшкомъ пришелъ изъ Вятки въ Петербургъ. Это положило конецъ моимъ сомнѣніямъ: мнѣ стало ясно, что я не зналъ, кто сидитъ передо мной.

Ихъ называютъ черствыми, жестокими, умѣющими только разрушать и ненавидѣть. И подѣломъ! Развѣ это не черствость— идти на смерть и не попрощаться съ другомъ? И они, дѣйствительно, все разрушаютъ. Разрушаютъ семейство, уходя изъ него, лишая его своей помощи и поддержки. Разрушаютъ всякое спокойствіе, всякое счастье напоминаніями о страданіяхъ народа, своими мольбами о помощи народу, своими призывами къ долгу, который равенъ самоубійству, къ справедливости, которая равна смерти. А ихъ кровавая погоня за человѣкомъ! А страшныя висѣлицы, на которыхъ они гибнутъ! Они все разрушаютъ и безпощаднѣе всего разрушаютъ свою жизнь. Все свѣтлое они отстраняютъ отъ себя, все мрачное берутъ себѣ.....

Л.

Семенъ Олейничукъ.

„Языкъ до Кіева доведетъ,
а перо до Шлиссельбурга“.
М. С. Лунинъ.

Семенъ Никитичъ Олейничукъ... Это имя ни у кого не вызоветъ рѣшительно никакихъ ни впечатлѣній, ни представленій, а оно принадлежитъ человѣку, который заслуживаетъ всяческаго нашего вниманія, и которому историкъ освободительнаго движенія не можетъ не отвести страницы въ этой исторіи.

Каждый изъ насъ помнитъ легенды и разсказы о людяхъ, которые внезапно исчезали, какъ будто въ воду канули; объ узникахъ неизвѣстнаго званія, которые сидѣли годы въ крѣпостяхъ и тюрьмахъ и умирали неизвѣстными. И память о нихъ исчезала, и слухи становились темными. Исторія Олейничука— воплощеніе легенды въ дѣйствительность; онъ именно тотъ человѣкъ, который вдругъ исчезъ, оставивъ по себѣ среди окружающихъ темную память. Но съ теченіемъ времени и память стерлась такъ, какъ будто въ дѣйствительности никакого Олейничука и не было. А онъ жилъ, думалъ и чувствовалъ, бродилъ и искалъ, какъ бы избыть горе крѣпостного права для своего милаго и дорогого ему, малорусскаго народа. И вдругъ въ 1849 году былъ схваченъ и исчезъ навсегда. Быть можетъ, окружавшіе его помнили о немъ; но сошло со сцены современное ему поколѣніе, и онъ былъ бы совершенно забытъ.

Въ 1849 году Олейничукъ исчезъ изъ предѣловъ Кіевской губерніи для того, чтобы появиться въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости. Здѣсь его содержали строжайше, и фамилія его была извѣстна лишь коменданту крѣпости. Въ 1852 году Олейничукъ «отъ долговременной болѣзни» умеръ въ крѣпости. Въ чемъ же вина этого страшнаго государственнаго преступника? Да ни въ чемъ. У него были найдены *вредныя мысли*, и только. Дѣло Олейничука представляется необыкновеннымъ даже въ административной практикѣ Николая I. Человѣкъ, не совершившій никакого преступленія, но державшійся мыслей, распространеніе коихъ могло бы оказаться (не оказалось, а могло бы оказаться) вреднымъ, *безъ всякаго суда* былъ заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и здѣсь умеръ. Прибавимъ, что по своимъ воззрѣніямъ Олейничукъ былъ убѣжденнымъ монархистомъ и пылкимъ патріотомъ, относившимся съ большой непріязнью къ поля-

камъ и евреямъ. Вся мысль его была направлена лишь на бѣдственное положеніе крестьянства, на крѣпостное право, которое угнетало душу Олейничука. Проникновенностью своего отношенія къ крѣпостному рабству, страстностью и горячностью проповѣди противъ этого явленія Олейничукъ напоминаетъ Радищева. Протеста противъ крѣпостничества было достаточно для того, чтобы привести Олейничука въ Шлиссельбургскую крѣпость и черезъ нее къ смерти. Самое поразительное, что власти, при всемъ своемъ стараніи, могли установить наличность этого протеста только... въ черновомъ рукописномъ сочиненіи Олейничука, не установивъ ни одного факта пропаганды или даже попытки къ пропагандѣ.

Жизнь Олейничука необычайно интересна и полна содержанія; по всему тому, что мы узнаемъ о немъ, онъ оказывается замѣчательнымъ человѣкомъ.

I.

Осенью въ 1849 году подозрительное вниманіе полиціи обратилъ необычнымъ образомъ жизни неизвѣстный странникъ, жившій за Днѣпромъ, въ Никольской слободкѣ Остерскаго уѣзда Черниговской губерніи. При обыскѣ были захвачены рукописи и книги. Взятый былъ отправленъ вмѣстѣ съ вещественными доказательствами къ военному Кіевскому, Подольскому и Волынскому губернатору Бибикову. Арестованный странникъ оказался вольноотпущеннымъ изъ крестьянъ Семеномъ Олейничукомъ, а захваченныя бумаги—рукописнымъ сочиненіемъ Олейничука на 158 листахъ подъ заглавіемъ «Историческій разсказъ природныхъ жителей Малороссіи Заднѣпровской, т. е. губерній Кіевской, Каменецъ-Подольской и Житомиръ-Волынской, про свое житье-бытье».

Кіевскій генералъ-губернаторъ приказалъ чиновнику особыхъ порученій тит. сов. Владимиру Сивицкому «разсмотрѣть бумаги и книги, отысканныя при вольноотпущенномъ изъ крестьянъ Семенѣ Олейничукѣ и раскрыть, какъ дѣйствительную сущность и цѣль сочиненныхъ имъ бумагъ, такъ равно вообще образъ его жизни и поступковъ, съ обнаруженіемъ, не участвовалъ ли онъ въ злонамѣренныхъ преступленіяхъ». Чиновникъ Сивицкій произвелъ разслѣдованіе, обнаружившее слѣдующіе факты.

Олейничукъ родился въ 1798 году и, слѣдовательно, во время дознанія, имѣлъ уже 51 годъ отъ роду. Онъ былъ крѣпостнымъ человѣкомъ помѣщиковъ Собѣщанскихъ въ Винницкомъ уѣздѣ Подольской губерніи. Со всѣми ужасами крѣпостного права Олейничуку пришлось познакомиться подробно и самолично. Судьба Олейничука сложилась крайне своеобразно. Въ 1818 году, безъ вѣдома помѣщика, двадцатилѣтній Семенъ былъ отданъ его отцомъ въ Винницкую гимназію. Въ гимназіи онъ воспитывался до 1824 года и здѣсь получилъ образованіе, крѣпостному совсѣмъ не подо-

бавшее. Онъ изучилъ даже языки французскій, латинскій, польскій. Образованіе открыло ему глаза на сущность крѣпостного права, съ которымъ онъ ознакомился на практикѣ. Результатомъ было поразительное по своей глубинѣ возмущеніе нравственнаго чувства, возмущеніе, оставляющее слѣды на всю жизнь и опредѣляющее самое теченіе жизни. Къ Олейничуку очень примѣнима фраза А. Н. Радищева: «взглянулъ окрестъ себя—душа его страданіями человѣчества уязвлена стала». Душа Олейничука разъ навсегда была уязвлена страданіями родного ему малорусскаго крестьянства. Передъ нимъ возникъ вопросъ, разрѣшенію котораго онъ посвятилъ всю свою жизнь, какъ самому выбиться изъ крѣпостного званія и какъ избавить отъ него своихъ единоплеменниковъ.

Въ 1824 году Олейничукъ, по всей вѣроятности, къ тому времени уже окончившій курсъ въ Винницкой гимназіи, былъ доставленъ изъ Винницы въ имѣніе своего помѣщика. Помѣщикъ предположилъ отдать его въ рекруты, но Олейничукъ бѣжалъ съ мѣста жительства, пріобрѣтя у шляхтича Сорочинскаго документы. За этими краткими фактическими сообщеніями, единственными сохранившимися для насъ, рисуется, конечно, цѣлая тяжелая драма. При крѣпостномъ правѣ нерѣдки аналогичные случаи. Крѣпостной случайно получалъ образованіе, выросталъ изъ крѣпостныхъ цѣпей; происходило столкновеніе съ неумолимой судьбой въ лицѣ помѣщика. Исходы были различные, вплоть до убійствъ. Жизнь оказывалась во всякомъ случаѣ сломленной, бѣгство вело къ дѣяніямъ уголовнымъ и т. д. Исходъ конфликта Олейничука былъ нѣсколько иной. Онъ ушелъ съ тѣмъ, чтобы найти средства для мирнаго разрѣшенія мучительнаго вопроса. Онъ сталъ искателемъ. «Будучи самъ—показывалъ на допросѣ Олейничукъ—изъ крѣпостного званія, имѣя родныхъ, близкихъ и далекихъ, въ крестьянскомъ быту и будучи, сколько для меня возможно, грамотнымъ, я не могъ переносить того положенія, въ какомъ находились вообще крестьяне при произвольномъ и нерѣдко жестокомъ обращеніи съ ними помѣщиковъ и ихъ экономическихъ служителей, и поэтому старался сперва, всѣми возможными средствами выбиться изъ крѣпостного званія и въ такой крайности перемѣнялъ православную мою вѣру и званіе русскаго крестьянина на польскаго шляхтича, но это отступленіе не только не успокаивало меня, но еще болѣе мучило различными опасеніями».

Получивъ документы шляхтича Сорочинскаго и перейдя въ католичество, Олейничукъ поступилъ сперва на должность приходскаго учителя при латинскомъ костелѣ, потомъ въ Почаевскій монастырь, а отсюда въ монастырь ордена Кармелитовъ въ Волынской губерніи. Изъ этого монастыря Олейничукъ, уже въ званіи клирика, былъ переведенъ въ кармелитскій же монастырь въ г. Чаусѣ Могилевской губерніи. Попытка скрыться отъ крѣпостного званія въ католическую вѣру и въ личину шляхтича

не разрѣшила, конечно, общаго вопроса и не принесла успокоенія Олейничуку. Въ 1833 году Олейничукъ возвратился вновь въ лоно православія и въ слѣдующемъ году поступилъ на должность приходскаго учителя въ Бѣлорусскомъ учебномъ округѣ въ Оршанскомъ уѣздѣ. Здѣсь онъ оставался учителемъ до 1839 г. Привязанность къ родинѣ заставила его возвратиться въ Винницкій уѣздъ и отдаться въ руки помѣщика. Здѣсь онъ былъ арестованъ и преданъ суду. Нужно думать, что между помѣщикомъ Собѣщанскимъ, Олейничукомъ и судомъ произошло какое-то соглашеніе. Помѣщикъ, очевидно, не настаивалъ на осужденіи своего крѣпостного, а подольскій совѣстный судъ оставилъ Олейничука, по рѣшенію 5 апрѣля 1843 года, отъ дѣла свободнымъ, признавъ подсудимаго подверженнымъ слабоумію. Впослѣдствіи, въ 1849 году, Олейничукъ заявилъ, что слабоумію или сумасшествію онъ никогда не подвергался, а показанія его по этому поводу были фальшивыми. Вскорѣ по освобожденіи отъ суда, въ 1845 году Олейничукъ получилъ наконецъ отъ своего помѣщика формальную отпускную.

Но давно желанное освобожденіе отъ крѣпостного плѣна не дало успокоенія Олейничуку. Освободился онъ, а крѣпостное-то право осталось. Нужно было протестовать, убѣждать въ безнравственности этого явленія, дѣлать, что можно въ его положеніи. «Будучи преслѣдуемъ по возвращеніи на родину,—показывалъ Олейничукъ,—за бродяжество и подвергаясь тюремнымъ заключеніямъ, я еще болѣе возненавидѣлъ крѣпостное свое званіе и хотя получилъ отъ помѣщика своего отпускную, но это меня не успокоило, и насмотрѣвшись странствуя по Россіи на разные порядки, а также зная исторію Малороссіи и Польши, зная вражду поляковъ къ русскимъ и преслѣдованія ими крестьянъ, я рѣшился заняться описаніемъ оныхъ и на первый случай сочинилъ всеподданнѣйшее прошеніе государю императору отъ имени крестьянъ острожской ординаціи о переводѣ ихъ на оброчное положеніе по примѣру крестьянъ казенныхъ. Въ этомъ прошеніи, которое поднесено государю императору, я описалъ злоупотребленія разныхъ помѣщиковъ, ляховъ. Но потомъ, боясь преслѣдованія за это прошеніе и отлучаясь въ разныя мѣста и собравъ въ разное время, до 1847 года и послѣ того, частные случаи и свѣдѣнія объ обращеніи ляховъ съ крестьянами, я предположилъ себѣ заняться подробнымъ сочиненіемъ, чтобы въ случаѣ подверженія меня отвѣтственности за сочиненіе государю императору прошенія, я могъ представить начальству болѣе подробностей о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ».

Исторія странствій Олейничука въ рапортѣ чиновника Сивицкаго изложена подробнѣе, слѣдующимъ образомъ: «Получивъ отпускную, онъ, Олейничукъ, отправился странствовать по разнымъ городамъ и монастырямъ; такимъ образомъ, въ теченіе 1846, 1847 и 1848 годовъ, кромѣ подольской, волынской и кіевской губерній, онъ былъ: въ Нѣжинѣ, Борзнѣ, Кролевцѣ, Глу-

ховѣ, Черниговѣ, Сѣвскѣ, Орлѣ, Тулѣ, Калугѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ, по словамъ его, собственно для посѣщенія церквей, монастырей, поклоненія угодникамъ и въ надеждѣ поступить въ духовное званіе, но убѣдясь наконецъ, какъ утверждаетъ нынѣ, что при условіяхъ прежней его жизни, подсудимости и происхожденіи трудно поступить въ какой нибудь монастырь, Олейничукъ представлялъ себѣ весьма тяжкимъ крѣпостное званіе и собиралъ, между тѣмъ, свѣдѣнія о положеніи крестьянъ; глядя на все поверхностно, онъ пустился въ разсужденія о началахъ укрѣпленія въ Западномъ краѣ поселянъ, отвергая законность правъ помѣщичьихъ и выставляя изъ разныхъ разсказовъ частныя злоупотребленія ихъ, замыслилъ описать все это въ особомъ сочиненіи».

Самъ Олейничукъ разсказываетъ, что онъ началъ заниматься своимъ сочиненіемъ украдкой на мѣстѣ жительства въ Винницкомъ уѣздѣ. «Но—разсказываетъ Олейничукъ—какъ начали тамъ за мною присматривать и подозрѣвать, что я по ночамъ занимаюсь чѣмъ либо непозволительнымъ, то я, боясь отвѣтственности, забравъ книги свои и разныя черновыя замѣтки и оставивъ мѣсто жительства, пустился опять странствовать. Пройдя изъ подольской въ кіевскую губернію, равно побывавъ въ Кіевѣ, и опасаясь расположиться здѣсь съ своими сочиненіями, я высмотрѣлъ за Днѣпромъ, въ Никольской слободкѣ, удобное мѣсто, укрытое отъ глазъ любопытныхъ и полиціи, и тамъ преднамѣривалъ рѣшительно заняться сочиненіемъ, окончить оное, и потомъ хотѣлъ посовѣтоваться съ болѣе грамотными чѣмъ я людьми и пустить свое сочиненіе въ ходъ,—но, какъ извѣстно изъ особыхъ показаній моихъ и обстоятельствъ, преднамѣренія мои не состоялись,—сочиненіе мое не окончено, отобрано у меня въ чернѣ, и нынѣ не представляетъ въ себѣ ничего цѣлаго и полнаго».

II.

Въ преступленіе Олейничуку было поставлено черновое, недописанное и неотдѣланное сочиненіе. Обратимся къ нему и познакомимся съ его содержаніемъ, приведя нѣсколько выдержекъ, какъ разъ тѣхъ, что были выписаны производившимъ слѣдствіе чиновникомъ, какъ наиболѣе криминальныя.

Сочиненіе Олейничука носитъ слѣдующее заглавіе: «Историческій разсказъ природныхъ или коренныхъ жителей Малороссіи Заднѣпровской, т. е. кіевской, каменецъ-подольской и житомиръ-волынской губерній, про свое житье-бытье». Оно состоитъ изъ ряда отрывковъ или набросковъ, написанныхъ въ различной литературной формѣ: то это—теоретическія разсужденія, то—чисто фактическіе разсказы, иллюстрирующіе разсужденія, то—обращенія къ старинѣ, историческія ссылки. Иногда авторъ беретъ форму разговора, иногда вставляетъ пѣсни и сказки, которыя вкладываются въ уста странникамъ и лирникамъ. Наброски не

сведены въ одно цѣлое, и даже отдѣльнымъ отрывкамъ не придана отдѣланная литературная форма. Очевидно, автору предстояло еще очень много работы надъ отдѣлкой своего произведенія. Главный предметъ, главная мысль, преслѣдующая автора и выражаемая имъ многократно въ разнообразнѣйшихъ формахъ— ненормальность и тягость крѣпостного строя жизни. Авторъ знаетъ о томъ, что малороссы были когда-то свободны, и потому крѣпостной гнетъ становится для него еще чувствительнѣе. Крѣпостное право для Олейничука—не только форма экономическаго гнета: такъ какъ угнетатели и угнетаемые принадлежатъ къ разнымъ національностямъ, то крѣпостной гнетъ принимаетъ еще и форму гнета національнаго. Отсюда—крайнее возбужденіе противъ поляковъ или «ляховъ», евреевъ или «жидовъ», и иностранцевъ. Отсюда, и правительство, которое способствуетъ угнетенію, покровительствуетъ полякамъ, жидамъ и иностранцамъ, оказывается достойнымъ всякаго порицанія. Вотъ—краткая схема разсужденій Олейничука. Изложены они въ нервномъ, напряженномъ стилѣ, обличающемъ литературное образованіе автора. Вообще, и по стилю, и по формѣ, и по предмету «Историческій разсказъ» напоминаетъ «Путешествіе» Радищева. Но «Путешествіе» захватываетъ вопросъ крѣпостного права гораздо глубже и ставитъ гораздо шире, на фонѣ политическаго строя. У Олейничука этого нѣтъ: его политическое міросозерцаніе далеко не разработано.

О содержаніи своего сочиненія Олейничукъ далъ слѣдующія разъясненія: «Въ сочиненіи своемъ я успѣлъ только выразить мысль мою въ такой силѣ, въ какой понималъ исторію здѣшняго края, читая по сей части разныя сочиненія, равно обременяясь крѣпостнымъ моимъ званіемъ; испытавъ на себѣ и собравъ въ разное время свѣдѣнія изъ разсказовъ о разныхъ зловредныхъ и произвольныхъ поступкахъ ляховъ и жидовъ, я описалъ народную ненависть къ силѣ ляховъ и жидамъ въ такомъ духѣ, въ какомъ мнѣ все сіе казалось, приноравливая мое описаніе въ сказкахъ и въ разговорахъ съ разными лицами, намѣреваясь дать форму разсказовъ сему сочиненію. Зная разныя повѣсти и исторію Малороссіи и Польши и будучи наслышаннымъ отъ стариковъ простого званія о смутныхъ временахъ здѣшняго края, за временъ поляковъ о разныхъ набѣгахъ и гайдамацкихъ войнахъ, я описывалъ, что крѣпостное званіе, какому подвергся здѣшній народъ по возвращеніи къ Россіи, не подходитъ прежнему положенію крестьянъ, ибо я наслышанъ, что прежде здѣсь крестьянъ не продавали на души, и прежній бывшій бездомный шляхтичъ теперь сдѣлался помѣщикомъ и, будучи латинистъ, преслѣдуетъ крестьянъ. Изобразилъ я также по наслышкѣ, странствуя по свѣту, что къ намъ въ Россію кромѣ ляховъ и жидовъ являются иностранцы и дѣлаются распорядителями крестьянъ, что шляхтичи иностранцы имѣютъ преимущества предъ русскими крестьянами, которые сдѣлались ихъ имуществомъ и достояніемъ. Также я описывалъ то, какъ слышалъ, что русскіе солдаты ропщутъ

на службу потому, что у нихъ старшіе по большей части ляхи или иностранцы, а въ особенности ропщутъ на жестокіе побои и распространяютъ молву о разныхъ крѣпостяхъ, и какъ мнѣ больно было это слушать, то изобразилъ все сіе какъ могъ. Все это, что я въ сочиненіи своемъ описалъ, клонило меня къ тому, чтобы выставить въ разныхъ видахъ положеніе крестьянъ, дабы облегчить ихъ участь, и я преднамѣривалъ доказать необходимость перевода крестьянъ на оброкъ, какъ сіе значится въ сочиненномъ мною въ 1847 году всеподданнѣйшемъ прошеніи государю императору, также я думалъ, что какъ кончу цѣлое сочиненіе и обдѣлаю оное, какъ мнѣ казалось лучше, то симъ сдѣлать услугу правительству, пустивши въ ходъ свое сочиненіе, которое я писалъ совершенно въ тайнѣ, никому его не читалъ, ни съ кѣмъ объ ономъ не совѣтовался и теперь не понимаю, справедливо ли я описывалъ, или несправедливо, ибо для сего, чтобы очистить мое сочиненіе, еще мнѣ много нужно было времени.

Законовъ я вовсе не знаю и никогда оныхъ не читалъ и не разумѣю, какія опредѣлены по законамъ обязанности для каждаго сословія,—меня только занимала одна мысль о крѣпостномъ званіи, на которое я насмотрѣлся въ прежніе годы, до обнародованія въ здѣшнемъ краѣ въ началѣ прошлаго года Правилъ о крестьянскихъ повинностяхъ; но и сихъ Правилъ не читалъ и не понимаю, какую они имѣютъ силу.

Наконецъ, при постоянномъ увѣщаніи меня господина слѣдователя, раскрыть истинную цѣль всего мною сочиненнаго, я по доброй волѣ чувствуя и понимая мое положеніе, сознаюсь здѣсь, какъ бы на исповѣди, что я никакого самъ по себѣ злого умысла не имѣлъ и никто меня къ тому не наговаривалъ, ни съ какими вредными людьми связей не имѣлъ, а только самъ думалъ сочиненіемъ своимъ раскрыть положеніе крестьянъ, и симъ самымъ послужить имъ къ сдѣланію какого либо облегченія».

Сочиненіе Олейничука представитъ большой интересъ для историка малорусской общественной—и экономической исторіи. Положеніе малорусскаго народа въ концѣ сороковыхъ годовъ изображено Олейничукомъ съ необыкновенной яркостью и выпуклостью. Приведемъ первыя страницы его сочиненія, въ которыхъ какъ бы сконцентрировано содержаніе фактической части работы Олейничука.

«Кто бы подумалъ и повѣрилъ тому, чтобы русскій народъ, или природные жители Малороссіи заднѣпровской, въ половинѣ XIX-го столѣтія, въ столь цвѣтущую эпоху Россійской имперіи, въ благополучное царствованіе Николая I смѣлъ бы сказать, что онъ внутренно жестоко страдаетъ, и что ему боль доходитъ уже до сердца, и выражалъ бы свое горе сими историческими словами, что сотворилося великое зло въ Русской землѣ, какого еще здѣсь не было, и то зло такого рода, какого нигдѣ не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ народовъ, что насъ, коренныхъ русскихъ, природныхъ жителей сей страны наѣздники ляхи и жиды нашими жъ

таки собственными русскими веревками такъ крѣпко связали, что насъ жестоко связанныхъ бьютъ и плакать не даютъ; правда, что мы уже спредка вѣкъ привыкли къ веревкамъ, но прежнія веревки были по крайней мѣрѣ лядскія, жидовскія и татарскія, и кажется намъ не были столь тягостны и столь крѣпкія, какъ наши собственно-русскія, которыми насъ теперь гораздо покрѣпче связали, какъ прежде своими лядскими, и не даютъ даже и рта отворить, если что нибудь хочешь говорить.

«Роду человѣческому, безъ законовъ и верховной данной отъ Бога власти жить было бы весьма тягостно и можно сказать никакъ невозможно; но кольми-паче тягостнѣе еще жить тамъ, гдѣ наѣздники верховной власти надъ собою не терпятъ и не повинуются, а всякъ желалъ бы быть надъ другими въ чужой землѣ ничѣмъ неограниченнымъ деспотомъ, гдѣ всякъ защищаетъ закономъ только себя, въ разсужденіи же другихъ дѣлается совершеннымъ беззаконникомъ, гдѣ на прародительской русской нашей землѣ законы природныхъ нашихъ русскихъ царей не защищаютъ насъ отъ варварскаго тиранства, вѣчно насъ терзающихъ гонителей и невѣрныхъ иноплеменныхъ ляховъ, которые царскіе законы попираютъ ногами и обращаютъ въ насмѣшку, а насъ тиранятъ безъ всякаго состраданія, гдѣ многочисленное и почти числомъ уже насъ превосходящее лядское и жидовское праздное и ничѣмъ нетрудящееся племя обратилось для насъ въ кровожадныхъ пьявицъ, ссущихъ безпрестанно кровь христіанскую.

«Исторія свидѣтельствуетъ, какъ жестоко и сколь долгое время святая церковь, христіанская вѣра и всѣ жители здѣшняго края страдали подъ тягостнымъ игомъ неистовыхъ своихъ завоевателей ляховъ и корыстолюбивыхъ жидовъ, когда христовы тайны и всякая христіанская святость богохульно сравнены были съ кабачными откупами и всѣ вообще народныя сословія православнаго исповѣданія обращены въ презрѣнное и постыдное рабство. Вотчины велико-кіевскихъ и прочихъ князей, потомковъ святаго Владиміра и Маномаха сдѣлались театромъ междуусобій и набѣговъ польской и литовской шляхты, — кто изъ нихъ собиралъ болѣе сволочи, устрашалъ и преодолѣвалъ разбойничьими набѣгами другихъ, тотъ болѣе похищалъ оныхъ, и такимъ родомъ сдѣлался магнатомъ, располагалъ уже ими, какъ собственностью.

«Настало наконецъ отрадное для народа время, когда единодержавный скипетръ вѣнценосныхъ потомковъ и наслѣдниковъ Мономаха защитилъ нашу святую вѣру отъ поругательнаго гоненія,—и мы, смотря по наружному виду, должны бы вкусить болѣе народной отрады.

«Но политики нерѣдко жертвуютъ правосудіемъ и монаршее великодушіе, дѣлая иногда слишкомъ счастливыми однихъ, чрезъ что увеличивается несчастіе и обиды другихъ; дарованная нашимъ наѣздникамъ ляхамъ и жидамъ совершенная свобода и безопасность и предоставивъ — за ними расхищенныя ими кня-

жескія, или казенныя имущества, угнетили до крайности народность.

«Равномѣрно многочисленныя полчища ляховъ, коихъ число вѣками чрезмѣрно возрастало въ разныя противъ Россіи войны, въ разныя противъ королей конфедерацій, такъ же по уничтоженіи Запорожской Сѣчи, откуда бѣжавшіе козаки отъ предназначенныхъ имъ русскимъ правительствомъ работъ и податей, обратились въ польскихъ шляхтичей, наиболѣе же въ разныя междоусобія, или конфедераціи, гдѣ магнаты, увеличивая всякъ свою партію, отдавали нашимъ малороссійскимъ, литовскимъ и бѣлорусскимъ мужикамъ преимущества польскаго шляхетства цѣлыми селами и околицами и вообще, кто только изъ русской вѣры переходилъ лядскую, тотъ дѣлался ляхомъ и пользовался преимуществомъ польскаго шляхетства, которое всегда составляло народную военную силу и всегда находилось въ военномъ упражненіи и дѣйствіи; теперь же, оставшись совершенно праздными, перемѣня сабли на нагайки и въ мирное время тиранскими побоями проливаютъ кровь русскую.

«Прошло, говорю, время безправія и бурныхъ смятеній, наступила тишина и новый порядокъ вещей; съ первой народной здѣсь ревизіи, послѣдовавшей въ 1795 году, народъ русскій посчитанъ на души, чего прежде здѣсь не бывало, и всякая душа русская сдѣлалась собственностію ляха, и составляетъ его имущество, наравнѣ со скотомъ, вмѣсто буйныхъ лядскихъ полчищъ наступилъ рекрутскій наборъ и подушная подать изъ русскаго только народа, и вся государственная тягость свалилась на однихъ только природныхъ жителей здѣшняго края, пришельцы же жиды и ляхи: первые заняли торговлю, сдѣлались здѣшними гражданами,—вторые же присвоили себѣ право великороссійскаго дворянина, ибо права польской шляхты совершенно были не тѣ; шляхтичъ считаетъ своею собственностію землю, а не душу человѣка и его имущество, — слѣдственно не имѣлъ права, даже и времени торговать русскими душами, будучи самъ всегда на военной ногѣ, проливая весьма часто кровь русскую въ браняхъ, проливалъ также и собственную.

«Итакъ, оставшись многочисленная лядская саранча, при такихъ правахъ и преимуществахъ собственно праздною, устремилась на нивы и кровавые труды русскихъ хлѣбопашцевъ.

«Магнаты при роскошной и буйной своей жизни, недовольные перемѣною въ политическомъ мірѣ, странствуя всегда по чужимъ землямъ, начали продавать, отдавать подъ залогъ, уступать за долги, пущать на откупа присвоенныя себѣ вотчины; отчего водворилась здѣсь колликаційная, или мелкопомѣстная анархія, а съ ней распространилась торговля и возвысилась цѣна русской души.

«Расхищенные благодатной и всѣмъ изобилующей страны имущества Великихъ Князей Кіевскихъ, сдѣлались совершенно сбоищемъ и пастьбою отъ наброду здѣшней и заграничной сво-

*

лочи, гдѣ страсть къ корыстолюбію и хищности не имѣетъ, или не хочетъ имѣть никакого обузданія. Вмѣсто дѣтей и наслѣдниковъ мономаховыхъ, которымъ сей добродѣтельный монархъ, въ своемъ завѣщаніи, внушалъ, дабы они бдительно наблюдали, чтобы тивуны и отроки ихъ не обижали поселянъ,—нахлынула теперь на насъ со всего свѣта нехристь, которая, подъ видомъ законности, торгуетъ русскими душами и, какъ кровожадны пьявицы, сосетъ безпрестанно нашу кровь. Первопрестольный градъ Кіевъ, колыбель вѣры и купель отъ рожденія Русскаго народа, въ христіанскомъ мірѣ, сдѣлался унизительнымъ для рода человѣческаго торжищемъ душъ русскихъ, гдѣ ляхъ ляху, за жидовскія деньги, законнымъ правомъ, продаетъ души русскихъ мучениковъ, гдѣ жиды, въ коихъ рукахъ торговля и все богатство здѣшняго края, подъ личиною лядскою, покупаютъ русскихъ невольниковъ и изнуряютъ ихъ безпрестанными работами, вмѣстѣ съ ляхами.

«Такъ какой нибудь нищій бродяга, еретикъ, или что чаще всего бываетъ совершенный атеистъ, супостатъ вѣры и Царя, не только недѣлающій никакой пользы отечеству, но еще закоренѣлый врагъ онаго, имѣетъ право истиннаго сына отечества и святой церкви,—продать, подарить, за собаку промѣнять, жену или дочь взять въ наложницы,—мужа ея отдать въ солдаты, или посадить безвинно въ тюрьму,—сослать въ Сибирь, даже не опасается и предать его смерти. Пойдите жъ вы теперь по селамъ, и вы тамъ не въ одномъ селѣ найдете нѣсколько надесятъ, а даже нѣсколько десять помѣщиковъ, а если село не изъ числа мѣлкопомѣстныхъ, то тамъ будетъ нѣсколько семействъ бурковыхъ (безмѣстныхъ) шляхты, пріискивающихъ должностей и разныхъ спекуляцій. Тамъ, вмѣсто Великокняжескихъ тивуновъ и отроковъ, вѣчно пьяные атеисты съ нагайками въ рукахъ, увеличивая своимъ принципаламъ [1]) интраты [2]), сами дѣлаются принципалами, или помѣщиками; вникните вы порознь въ сельскую исторію и каждаго эконома, или помѣщика дѣйствіе,—мало-ли тамъ, подъ жестокими побоями испустило духъ, мало ли беременныхъ поронило несчастный плодъ свой, мало ли тамъ, не перенося своего горя, наводятъ на себя руки и собственноручно прекращаютъ несчастную жизнь свою, мало ли тамъ насильно сквернятъ супружескія ложа, растлѣваютъ невинныхъ дѣвъ, тамъ, говорю, безбожный бродяга, въ крайней нищетѣ, съ одною же нагайкою въ рукахъ, едва приползетъ до села, вдругъ дѣлается ни чѣмъ неограниченнымъ деспотомъ, всякъ мужикъ съ своею собственностію совершенно въ его рукахъ,—все предъ нимъ трепещетъ, послѣднее яйцо, послѣдняя курица съ хаты летитъ къ нему прямо, у него всякій день полная обора сельскаго скота, то съ запрещеннаго пастбища, то съ осенной земли

[1]) Помѣщикамъ, вѣрителямъ
[2]) Доходъ.

(уруна), то съ лѣснаго запусту. Наступитъ ли рекрутскій наборъ, то они всегда берутъ прежде таковыхъ, у кого есть состояніе для выкупа, если у кого будутъ наличные, то онѣ перейдутъ за выкупъ сына, или мужа, въ экономскій сундукъ до послѣдней копѣйки,—гдѣ только что будетъ въ хозяйствѣ: индѣйка, гусь, курица, пчелы, все то, пока не перейдетъ въ экономическія руки, до тѣхъ поръ не выпуститъ сына или мужа изъ кандаловъ,—тоже самое водится, когда кто отдаетъ дочь въ замужество въ чужое село, или за солдата, чтобы получить отъ эконома дозволеніе, не обойдется безъ множества предварительныхъ просьбъ и подарковъ, берутъ даже по 15, 20, 25 рублей серебромъ купицы.

«Несчастный тотъ навѣкъ, кто выйдетъ изъ терпѣнія, или по неосторожности, скажетъ что другъ другу о своей бѣдѣ, а тѣмъ паче, что промолвитъ о Царскихъ указахъ и его подслушаютъ экономическіе клевреты, писаря, или сипаки [1]), то еще мало наказанія, когда дѣло кончится однимъ только тѣлеснымъ наказаніемъ, несчастному набиваютъ на руки и ноги кандалы, и везутъ, какъ бунтовщика, для пострашки другихъ въ рекрутское присутствіе, или тюрьму; напрасно злополучная жена съ дробными дѣтьми проливаетъ горькія слезы, просятъ прощенія,—напрасно родственники съ воплями жены и дѣтей проливаютъ свои слезы, лежатъ у ногъ жестокаго ляха: несчастный погибъ самъ и посиротилъ жену и дѣтей, за одно только слово о законѣ и правосудіи.

«Но это общая теорія, безъ образцовыхъ примѣровъ. Возьмемъ мы въ замѣчаніе хотя одно какое нибудь имѣніе, гдѣ помѣщикъ не только въ немъ не имѣетъ постояннаго жительства, но даже и рѣдко оное посѣщаетъ,—возьмемъ напримѣръ Уладовское имѣніе, принадлежащее австрійскому подданному графу Потоцкому. Здѣсь графскіе офиціалисты почти всѣ заграничные; хотя они ляхи, всеже они таки заграничные и болѣе имѣютъ, какъ они сами о себѣ говорятъ, просвѣщенія и познаній въ хозяйственномъ искусствѣ, какъ туземные; мы не станемъ спорить насчетъ ихъ познаній: правда познаютъ и они хорошо всѣ способы и средства, какъ разорять другихъ и самимъ наживаться, словомъ сказать, что сіи просвѣщенные заграничные странники, путешествуя нищиты ради своей между непросвѣщеннымъ народомъ, оставляютъ по себѣ незабвенные памятники просвѣщеннаго злодѣйства,—смѣются, вмѣстѣ съ туземными ляхами, надъ русскимъ варварствомъ, а жалуютъ къ намъ въ палачи, гнушаются и презираютъ нами за то, что насъ тутъ покупаютъ, какъ они говорятъ, на штуки, какъ заграницею ословъ, и думаютъ, что въ Россіи, у варваровъ, нѣтъ закона, равно какъ и у нихъ совѣсти и стыда, и что бѣднаго русскаго осла вольно терзать не только заграничному равному намъ мужику, но даже и заграничному

---

[1]) Служителя.

барону, потому что его никто не покупаетъ на штуки.—Боль до сердца доходитъ, смотря только со стороны на чужое горе; кто бы могъ повѣрить тому, какъ здѣсь просвѣщенные странники просвѣщаютъ погруженныхъ во тьмѣ невѣжества туземныхъ мужиковъ; здѣсь они, какъ наша русская пословица говоритъ: ни Бога не боятся, не людей не стыдятся, а только всякъ карманы себѣ набиваетъ,—стыдъ же, совѣсть и русскіе законы обращаютъ въ насмѣшку. Если бы вы посмотрѣли на пространство здѣшнихъ луговъ и лѣсовъ, сколько тутъ разнаго рода скота, какое здѣсь множество овецъ и лошадей, и вы бы подумали, что эти стада лошадей здѣшнихъ жителей, которые несутъ на себѣ всѣ государственныя тягости, податьми, рекрутами, постоемъ и проч., которыхъ сыновья и родственники проливаютъ кровь свою за Царя и отечество; нѣтъ, напрасно бы вы такъ думали,—эти стада заграничныхъ странниковъ, офиціалистовъ графа Потоцкаго, которые странствуютъ здѣсь по паспортамъ; здѣшнимъ непросвѣщеннымъ жителямъ нельзя держать и гусей, ибо ихъ убьютъ просвѣщенные странники, чтобы они ихъ заграничнымъ образованнымъ лошадямъ не толкли травы,—здѣшній необразованный мужикъ, баба, даже и ребенокъ не смѣй ходить чрезъ лѣсъ, ибо тебя заграничные странники обдерутъ и обсѣкутъ, хотя бы ты ни одного грибка плоднаго, сухого прутика не поднялъ.

«Если ляхи нелицемѣрно бунтуются, а на невинныхъ русскихъ мужиковъ клевещутъ, бросаютъ поклепъ и жестоко за сіе терзаютъ, здѣсь, говорю, уже съ давняго времени, еще до революціи 1831 года, пущаютъ нарочно молву, и держатъ въ подозрѣніи русскихъ мужиковъ у лядской черни, и секретно ее предостерегая, говорятъ, что будто русскіе хотятъ рѣзать ляховъ, — а сію мысль въ особенности препоручаютъ шинкарямъ, разумѣется ляхамъ, которые, подстрекая обѣ стороны и пробуя съ обѣихъ сторонъ народнаго духа, а между тѣмъ ловятъ неосторожныхъ въ разставленныя на нихъ сѣти,—и чуть кто-нибудь изъ русскихъ мужиковъ скажетъ что-либо предосудительное насчетъ ляховъ въ шуткахъ, сейчасъ даютъ до двора знать, и несчастныхъ сѣкутъ или куютъ въ кандалы и везутъ въ растворенное всегда для нихъ мѣсто рекрутское присутственное мѣсто или въ тюрьму... Среди помѣщиковъ вы найдете пришельцевъ, фигляра, даже и шута, съ своими форсами и фокусами, попались къ русскимъ помѣщикамъ, имъ открываются банки на покупку нашихъ душъ, они располагаютъ безъ отчета нашими землями, нашими личностями, посчитанными на ревизскіе листки, нашею даже кровію, основавъ свои силы на силѣ законнаго варварства, не подъ видомъ законнаго порядка вещей, выше мирныхъ и необразованныхъ коренныхъ жителей здѣшняго края и прародительской землѣ, въ узы жестокаго рабства и разнымъ иноплеменнымъ чужестранцамъ. Правительство, между нами будетъ сказано, угождаетъ постоянно ихъ даже страстямъ и любостяжанію. Что такое вообще здѣсь обѣихъ сторонъ Днѣпра народъ? когда чернь исключается

изъ числа людей, ихъ души покупаются на штуки, какъ у просвѣщенныхъ народовъ скотъ; кто-жъ тутъ составляетъ высшаго сословія русскій народъ? крещенные и некрещенные ляхи, жиды и пришельцы цѣлаго свѣта. Всѣ вообще училища, Гимназіи, Лицеи, Университеты—наполнены чужестранцами, или здѣшнихъ помѣщиковъ дѣтьми; всѣ женскіе пансіоны, Институты, какъ напримѣръ въ Кіевѣ и въ Полтавѣ, наполнены ляховками, жидовками, нѣмками, француженками; правда, хлопаютъ кое-гдѣ хоть изрѣдка, по между ими и наши бывшія казачки: Хвески, Ганки, Явдохи и прочія хохлушки, переработанныя теперь на модные заграничные образцы, безбожіе и незнаніе рѣшительно никакихъ постовъ; ихъ тамъ постоянно кормятъ казеннымъ иждивеніемъ изъ нашихъ податей, вовсе безъ исключенія, въ постъ и мястницы говядиной, — и повѣрите ль вы, что еще при томъ всѣмъ кричатъ на тиранское правительство, которое страшится ихъ просвѣщенія и держитъ ихъ въ совершенной темнотѣ, чуждаются публичными учебными заведеніями, когда ихъ дѣтей не принимаютъ даромъ, и говорятъ, что тамъ пастухи, а не учителя, которые грубо обращаются съ деликатными и нѣжными ихъ дѣтьми.

«У насъ въ Каменцѣ былъ Губернаторъ изъ польскихъ жидовъ, словомъ сказать во всей нашей Малороссіи заднѣпровской, мѣсто прежнихъ магнатовъ заступили жиды; пересчитайте вы всѣхъ перекрестовъ Навроцкихъ, Новицкихъ, Познанскихъ, Крижановскихъ, Добровольскихъ, Мошковичовъ, Рабиновичовъ, Абрамовичовъ, Рафайловичовъ, Нефидовичовъ, Колтмановъ, Гертмановъ, Бетмановъ, Сисирмановъ, Ребегольцовъ, Ференгольцовъ, Шварцберговъ, Юшторфовъ и проч. и проч. и проч., которые только одними привилегіями польскихъ жидовъ, перекрестовъ, повыходили въ малороссійскіе помѣщики, — посчитайте вы теперь тѣхъ, которымъ польская шляхта поприписывала и продала свои клейноты,—спросите вы польскаго шляхты, пана Грохольскаго, нѣкогда бѣдняка, а теперь, какъ извѣстно цѣлому свѣту, за фраціенды шляхетскихъ клейнотовъ, потомство его владѣетъ имѣніемъ.

«Что къ намъ жалуютъ въ бары изъ цѣлаго свѣта бродяги и торгуютъ нашими душами, и подвышаютъ цѣну ихъ душѣ, — взяли бъ вы въ замѣчаніе, нашъ Волуйскій Воронежской губерніи околодокъ, и можно сказать всю Воронежскую губернію: тутъ столько намножилось дворянъ, что уже скоро сравняются въ числѣ съ своими крестьянами душами, а не забудьте притомъ, что эти торгаши почти всѣ чужой а не русской породы, — все это какіе-то: Гриневичи, Гринявскіе, Навроцкіе, Яновскіе, Шабельскіе, Крижановскіе, Добровольскіе, Калиновскіе, Малиновскіе, Парадовскіе, прибавьте сюда превеликое множество прямо жидовскихъ, прикрытыхъ нѣметчиной, французовъ и разныхъ азіатцевъ, чужеплеменный и чужестранный набродъ, всѣ лядзкія пьяныя и буйныя полчища, разрушавшія нѣкогда наше отечество

и всѣ съ жидами чужеземцы, подъ заглавіемъ Русскихъ дворянъ, пользуясь онѣ преимуществами, торгуютъ русскими душами и владѣютъ русскими землями, какъ не знаютъ законной цѣны мужской и женской русской душѣ,—пожалуй сдѣлайся только овцой, сыщется волковъ пропасть,—спросили бы ихъ, почему плотятся ихъ множество блаженствующихъ въ Россіи чужестранцевъ: жидовская, лядзская, татарская, нѣмецкая и даже цыганская душа? скажите вы жиду, который страдаетъ, какъ они говорятъ, за грѣхи свои, безъ Царя, отечества, скитаясь по чужимъ землямъ, что его душа продается. Скажите поляку, нѣмцу, какому нибудь азіатцу, даже и цыгану, о томъ, что ихъ душу имѣетъ русскій дворянинъ продать и даже часто водится, на собаку или скотину промѣнять, они вамъ просто кто бы вы ни были въ глаза наплевали; говоритъ старинная пословица, что на отеческомъ пепелищѣ и пѣтухъ храбрится, это развѣ бывало въ старинныя времена; теперь что другое, теперь приходятъ на наше пепелище храбриться разные Евреины: Фидельскіе, Фонберки, Мошки,—словомъ сказать пройдохи цѣлаго свѣта, стекающіеся сюда, для порабощенія русскаго народа, на его пепелище, и никто не обращаетъ на сію ужасную нашу участь вниманія; правда, что въ пропорцію цѣлой массы народа разыгрываютъ еще кой-гдѣ помежду чужестранцами и наши коренные русскіе, хоть изрѣдка хлопаютъ еще ушами въ нѣмецкихъ, или французскихъ своихъ неглежахъ,—и жалкіе въ своихъ толпахъ дворянскаго преимущества, барышничаютъ русскими неграми, одно-утробными своими братьями и родной матери святой Руси родными дѣтьми...—Прежде, въ старину, всякъ Дворянинъ постоянно находился на службѣ и былъ полезнымъ Царю и отечеству, а теперь, стыдно даже и подумать о томъ, что теперь дѣлается,—теперь они точно какъ на театрѣ, по обстоятельствамъ въ мирное время, пошалитъ немножко въ полку, потѣшится прапорщичьими эполетами, такъ уже и возвращается къ своимъ французскимъ негляже представлять по деревнямъ мужикамъ грозную военную фигуру; вы не повѣрите, какъ здѣсь по деревнямъ эти военныя фигуры, въ своихъ негляжахъ, тиранятъ крестьянъ,—повѣрите ли тому, что изувѣченные, калѣки, на деревяшкахъ, Христа ради по міру хлѣба просятъ, а помѣщику, иностранцу, долженъ заплатить оброку отъ своей деревяшки 50 рублей въ годъ. Говорятъ, что въ старинныя времена рѣдко встрѣчалось видѣть чужестранца русскимъ генераломъ,—а теперь рѣдкая диковина видѣть природнаго россіянина въ генеральскихъ эполетахъ,—а тѣмъ паче между ужаснымъ числомъ этого порожденія здравомыслящаго и надежнаго для Царя и отечества человѣка».

Какъ бы для иллюстраціи послѣдняго положенія Олейничукъ приводитъ слѣдующую народную сказку, представляющую весьма любопытный образчикъ народнаго творчества:

«Когда сильно могучій богатырь, правдивый Наслѣдникъ Русскаго престола, Константинъ Николаевичъ выросъ не по лѣтамъ,

а по часамъ, вотъ и проситъ бѣлаго Русскаго Царя: батюшка мой милый, батюшка родимый, позвольте мнѣ въ чистомъ полѣ побывать, на синемъ морѣ погулять, свою армію повидать!

«Вотъ ему бѣлый Русскій Царь отвѣчалъ: сынъ мой милый, сынъ родимый, развѣ въ моихъ бѣлокаменныхъ палатахъ, за дубовыми столами, бѣлыми скатертями, мало есть сладкаго вина и меду и всякихъ дорогихъ наѣстковъ и напитковъ; куда ты понесешь свою буйную головушку и станешь подвергаться по бѣлому свѣту разнымъ опасностямъ? Но Царевичъ своими богатырскими словами и ревностными слезами выпросился у Царя и поѣхалъ чистыми полями, синими морями въ Кронштадтъ, и когда онъ по своему богатырскому любопытству влѣзъ на превысокую корабельную мачту, чтобы чрезъ подзорную трубу осмотрѣть всю свою армію, тогда поднялся на морѣ сильный вѣтеръ и свалилъ его въ море,—тогда онъ купался въ морской пучинѣ и сколько тамъ ни было генераловъ и рыцаровъ, никто не хотѣлъ выратовать Царевича, только одинъ русскій солдатъ и спасъ отъ смерти Царевича, который возвратился чистыми полями, синими морями до Петербурга; разсказавши свое приключеніе, и проситъ бѣлаго Царя, чтобы этого неустрашимаго солдата наградить генеральскимъ чиномъ; но Царь ему отвѣчаетъ: сынъ мой любезный, я не хочу жаловать русскаго солдата генеральскимъ чиномъ, когда онъ не изъ нѣмцевъ,—тогда Царевичъ закручинился, да призадумался и сталъ думу гадать, да думу думать, и проситъ опять Царя: позвольте жъ, батюшка, мнѣ еще на чистомъ полѣ погулять, на синемъ морѣ побывать и моего родного Дядюшку повидать; я здѣсь болѣе не хочу жить, ибо въ русскомъ царствѣ нѣтъ правды, а другого наслѣдника кромѣ меня,—ибо я Царскій сынъ, а Александръ только княжескій, и русская корона мнѣ принадлежитъ а не Александру, потому, что я родился тогда, когда вы были царемъ, а Александръ тогда, когда Вы были княземъ. Вотъ тутъ и поѣхалъ сильный могучій богатырь русскій царевичъ Константинъ Николаевичъ чистыми полями, синими морями, на девятое царство, въ чужое государство, отыскивать родного дядюшку, Константина Павловича».

III

Чиновникъ особыхъ порученій Сивицкій быстро исполнилъ порученіе, возложенное на него генералъ-губернаторомъ. 29 октября онъ снялъ допросъ съ Олейничука, а 5 ноября онъ уже представилъ рапортъ, въ которомъ изложилъ всѣ полученныя имъ свѣдѣнія о личности Олейничука и далъ характеристику его сочиненія, основываясь въ ней не столько на изученіи рукописи, сколько на показаніи о ней самого автора. По мнѣнію чиновника Сивицкаго, преступныя мысли были высказаны авторомъ по слѣдующимъ поводамъ: «Олейничукъ выражается, что дворяне торгуютъ крестьянами, и въ этомъ случаѣ у него прорывается

много мыслей, противныхъ настоящему порядку вещей и даже могущихъ вредно дѣйствовать на понятіе народа». Докладъ чиновника заканчивался слѣдующій сентенціей:

«При всѣхъ убѣжденіяхъ и увѣщеніяхъ моихъ сознавать истину, при распросахъ и передопросахъ Олейничука,—онъ говоритъ, что кромѣ того, что теперь объ немъ раскрыто и въ чемъ самъ онъ обличается, въ другихъ предосудительныхъ поступкахъ не участвовалъ и ни съ какими зловредными и подозрительными людьми связей не имѣлъ; отысканныя же при немъ деньги, въ количествѣ 301 р. сер., изъ которыхъ начальствомъ Черниговской губерніи употреблено на посылку эстафеты, при задержаніи его, а также на отправку его съ нарочнымъ въ Кіевъ и проч. 29 р. 56 к. сер.—собраны имъ въ разное время, какъ самъ объясняетъ, испрашивая лицемѣрно для себя милостыни».

Казалось бы, послѣ такого заключенія слѣдователя Олейничукъ подлежалъ освобожденію. Онъ, правда, имѣлъ вредныя мысли, но слѣдствіе не могло выставить ни одного факта, доказывающаго, что онъ распространялъ эти мысли. Дѣло обернулось для Олейничука совершенно неожиданнымъ образомъ.

10 ноября 1849 года кіевскій военный подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ донесъ о Семенѣ Олейничукѣ шефу жандармовъ графу А. Ф. Орлову. Изложивъ вкратцѣ собранныя его чиновникомъ свѣдѣнія объ Олейничукѣ, Бибиковъ снабдилъ слѣдующимъ заключеніемъ. «Долгомъ поставляю довести о семъ до свѣдѣнія Вашего Сіятельства и представляя на благоусмотрѣніе списокъ съ подробнаго донесенія ко мнѣ по этому предмету, а также выписку изъ означеннаго сочиненія Олейничука, съ подлиннымъ показаніемъ его,—имѣю честь присовокупить: 1) что какъ человѣкъ этотъ обнаруживаетъ много мыслей, противныхъ настоящему порядку вещей,—могущихъ, при его отношеніяхъ съ простымъ народомъ, вредно дѣйствовать на умы, особенно при устройствѣ нынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ здѣшняго края по Высочайше утвержденнымъ инвентарнымъ правиламъ порядка, то было-бъ полезно выслать его навсегда въ одну изъ отдаленныхъ губерній, и подвергнуть такому содержанію, чтобы онъ вовсе не имѣлъ никакихъ отношеній съ крестьянами; и 2) что впредь до разрѣшенія Вашего Сіятельства, онъ, по распоряженію моему, содержится подъ стражею въ кіевской крѣпости».

21 ноября 1849 года донесеніе Бибикова было получено въ Петербургѣ. Графъ Орловъ, ознакомившись съ донесеніемъ, приказалъ заготовить всеподданнѣйшій докладъ, «выписавъ для этой цѣли главныя черты». Заключеніе Бибикова его не удовлетворило: пребываніе Олейничука въ католическихъ монастыряхъ внушало ему опасеніе, что Олейничукъ можетъ быть опасенъ и какъ религіозный пропагандистъ. Поэтому, его заключеніе не сошлось съ заключеніемъ Бибикова.

Всеподданнѣйшій докладъ былъ готовъ уже 25 ноября, т. е.

черезъ четыре дня по полученіи дѣла въ Петербургѣ. Заканчивался онъ слѣдующимъ образомъ: «Всеподданнѣйше представляя сіе на Высочайшее усмотрѣніе В. И. Величества, я осмѣливаюсь присовокупить, что по моему мнѣнію необходимо заключить Олейничука въ Соловецкій монастырь потому, что онъ съ своимъ образомъ мыслей и съ понятіями, заимствованными въ латинскихъ монастыряхъ, можетъ быть вездѣ вреденъ, преимущественно для низшаго класса людей, съ которыми онъ неминуемо долженъ быть въ сношеніяхъ».

Такимъ образомъ во второй инстанціи кара Олейничука была значительно усугублена. Вина его не была квалифицирована; впрочемъ это трудно было бы и сдѣлать, такъ какъ вины вовсе и не было, *но она могла быть въ будущемъ.* Олейничука карали не за то, что онъ сдѣлалъ, а за то, что онъ могъ бы сдѣлать. Передъ Бибиковымъ и Орловымъ стоялъ вопросъ, какъ сдѣлать такъ, чтобы лишить Олейничука всякой возможности воздѣйствія словами. Оставалось еще одна инстанція—Высочайшая воля. На этотъ разъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, царь оказался гораздо предусмотрительнѣе и гораздо суровѣе, чѣмъ его помощники. Высочайшая воля послѣдовала 25 ноября 1849 года. «Высочайше повелѣлъ посадить Олейничука въ Шлиссельбургскую крѣпость»—такова надпись гр. Орлова на подлинномъ докладѣ.

26 ноября на усмотрѣніе г.-л. Дубельта была представлена слѣдующая справка: «въ Высочайше утвержденной въ іюнѣ 1849 г. инструкціи коменданту Шлиссельбургской крѣпости, между прочимъ сказано, что о каждомъ арестантѣ, отправляемомъ для заключенія въ крѣпость, онъ будетъ получать особую инструкцію изъ III Отдѣленія, съ указаніемъ, гдѣ именно, т. е. въ секретномъ ли замкѣ или въ другихъ крѣпостныхъ казематахъ арестантъ долженъ быть заключенъ, и въ какой степени можетъ быть оказываемо ему со стороны коменданта снисхожденіе». Дубельтъ положилъ слѣдующую резолюцію: «въ секретный замокъ и недопускать никакихъ и ни съ кѣмъ сношеній».

Затѣмъ по Отдѣленію пошли отписки. 28 ноября сообщили о Высочайшей волѣ Бибикову и коменданту Шлиссельбургской крѣпости Троцкому. Бибикову предложили подъ строжайшимъ присмотромъ препроводить Олейничука прямо въ крѣпость, а Троцкому—принять его и содержать согласно указаніямъ III Отдѣленія. 29 ноября дополнительно сообщили Бибикову о томъ, чтобы Олейничука отправили въ кандалахъ съ двумя жандармами, Троцкому—о томъ, чтобы онъ по прибытіи Олейничука распорядился снять съ него кандалы и по принадлежности передать ихъ жандармамъ, которые его будутъ сопровождать. 7 декабря Бибиковъ увѣдомилъ о послѣдовавшихъ съ его стороны распоряженіяхъ, а 17 декабря Троцкій рапортовалъ, что Олейничукъ въ ввѣренную ему крѣпость доставленъ и заключенъ въ секретномъ замкѣ подъ № 11.

23 декабря 1849 года Бибиковъ спрашивалъ III Отдѣленіе, какъ поступить съ оставшимися послѣ Олейничука деньгами (268 руб. 65 коп. сер.) и рукописью его сочиненія. «Рукопись къ намъ, а деньги въ крѣпость»—послѣдовала резолюція Дубельта. Тогда же она была приведена въ исполненіе.

Это были послѣднія свѣдѣнія, касавшіяся Олейничука. Съ этихъ поръ «дѣло» его точно кануло въ воду, самое имя его было окружено могильнымъ молчаніемъ. Оно было нарушено лишь въ іюлѣ 1852 года. 27 іюля этого года комендатъ Шлиссельбургской крѣпости рапортовалъ графу А. Ѳ. Орлову:

«Содержавшійся во ввѣренной мнѣ крѣпости вольноотпущенный крестьянинъ Семенъ Олейничукъ, отъ долговременной болѣзни, сего числа волею Божіею помре; о чемъ[1]) *почтительнѣйше Вашему Сіятельству* симъ честь имѣю донести».

1 августа Николаю Павловичу былъ поднесенъ докладъ о смерти Олейничука со справкой о томъ, что заключенъ онъ былъ въ крѣпость по Высочайшему Его Величества повелѣнію.

«Подлинный (докладъ) Его Величество изволилъ читать. 1 августа 1852 года».

П. Е. Щеголевъ.

---

[1]) Рапортъ написанъ рукою писаря, но имя и фамилія „Семенъ Олейничукъ“ *вписаны собственноручно комендантомъ.*

Дѣло Н. Г. Чернышевскаго.

(По неизданнымъ источникамъ)

(Продолженіе).

V.

Итакъ, 7 марта комиссія узнала, что, наконецъ то, III Отдѣленіемъ найденъ путь къ вѣрному обвиненію Чернышевскаго по любому числу преступленій. Въ этотъ же день она получила письмо Н. Г. къ коменданту Сорокину... Очевидно каждому, какъ она могла реагировать теперь на подобный документъ...

9-го Потаповъ прислалъ въ комиссію нѣсколько листовъ рукописи перевода Гервинуса. Значитъ, Чернышевскій работалъ, несмотря на все больше обострявшіяся отношенія съ своими обвинителями.

10-го, въ день въѣзда въ Петербургъ Костомарова, ничего еще не подозрѣвавшій Н. Г. писалъ Сорокину: «Я не понимаю, Ваше Превосходительство, чего добиваются господа, упорствующіе не отвѣчать мнѣ. Чего они хотятъ? Прошу ихъ бросить шалить,— извольте взглянуть на подчеркнутыя мною строки письма моей жены отъ 8 марта. Вы видите, что здоровье бѣдной женщины разстраивается съ каждымъ днемъ отъ каприза какихъ-то шалуновъ. Прошу ихъ отвѣчать мнѣ, чтобы не отвѣчать передъ правительствомъ, которое раньше или позже пойметъ, какую плохую шутку играютъ надъ нимъ эти шалуны. Что это за мальчишество въ людяхъ, которымъ правительство поручаетъ важныя обязанности. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій.* P. S. Шутя, по своей обыкновенной догадливости, шалуны опять вздумаютъ задерживать письма моей жены и мои, какъ столько разъ принимались дѣлать—не совѣтую имъ дѣлать этого».

Но теперь комиссія уже не намѣрена была спускать Чернышевскому все, что онъ прямо или косвенно писалъ по ея адресу. Теперь она хорошо понимала, что съ помощью Потапова сумѣетъ отомстить дерзкому арестанту за всѣ его издѣвательства и оскорбленія... На слѣдующій же день было положено просить комен-

данта крѣпости «сдѣлать Чернышевскому строгій выговоръ за неумѣстныя и неприличныя выраженія, употребленныя въ запискѣ, со внушеніемъ при томъ, что если онъ и на будущее время позволитъ себѣ неумѣстныя выраженія, то ему будетъ воспрещена всякая вообще переписка».

Когда комендантъ объявилъ письменно этотъ выговоръ, Чернышевскій написалъ на той же бумагѣ:

«Тѣ выраженія, на которыя комиссія выражаетъ свое неудовольствіе, употреблены были мною не по какому-нибудь желанію выражаться грубо,—этой наклонности нѣтъ въ моемъ характерѣ; но это было нужно, чтобъ доказать, что я слишкомъ твердо знаю свою правоту, и что я очень хорошо понимаю отношенія, которыя, по винѣ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, имѣютъ такое тяжелое вліяніе на мою судьбу и—я имѣю право просить вниманія къ этимъ слѣдующимъ моимъ словамъ,—вводятъ правительство въ продленіе напрасной несправедливости. Что касается до рѣшенія комиссіи сдѣлать мнѣ строгій выговоръ, то, не имѣя подъ руками свода законовъ, я не могу знать, имѣетъ ли она на это право,—если имѣетъ, то я не имѣю противъ этого ничего сказать, кромѣ того, что одними выговорами не должно ограничиваться, а слѣдуетъ вникать въ сущность дѣла и удовлетворять справедливымъ требованіямъ.—Что касается до угрозы воспретить мнѣ вообще переписку, то мнѣ кажется, что въ письмахъ моихъ женѣ и къ г. А. Пыпину (моему родственнику) очень давно не было ничего, дающаго основаніе для такой угрозы,—я въ этихъ письмахъ не выражалъ ровно никакихъ чувствъ или мнѣній оскорбительныхъ для комиссіи и, кажется, можно изъ этого видѣть, что я хорошо понимаю разницу между оффиціальными записками, въ которыхъ высказываюсь прямо и вполнѣ, и моею частною перепиской, въ которой я соблюдаю канцелярскую тайну. Но важнѣе всѣхъ этихъ моихъ замѣчаній, имѣющихъ только формальное, — неинтересующее меня—значеніе будетъ слѣдующее мое желаніе: пусть же, наконецъ, сдѣлаютъ по моему дѣлу то, что обязаны сдѣлать по закону и по совѣсти—пусть же, наконецъ, прекратятъ несправедливость, тяжелую для меня, не приносящую ничего полезнаго правительству,—пусть вспомнятъ, что я испытывалъ всѣ пути для этого: пять мѣсяцевъ терпѣлъ молча, потомъ просилъ (въ письмахъ 20—22 ноября), наконецъ вотъ уже три мѣсяца дѣйствовалъ возбужденіемъ самолюбія, обидчивости,—и все было до сихъ поръ напрасно. Неужели же въ самомъ дѣлѣ никакъ и ничѣмъ не можетъ добиться у насъ человѣкъ, чтобы ему оказана была справедливость. Отставной титул. совѣтникъ *Н. Чернышевскій*. 13 марта 1863. P. S. Можетъ, для формы нужно прибавить и потому прибавляю: это отношеніе за № 61-мъ читалъ отстав. титул. совѣт. *Н. Чернышевскій*».

13-го съ Костомарова былъ снятъ первый допросъ.

Онъ показалъ, что воспитывался въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, а потомъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ,

не кончивъ которое, поступилъ юнкеромъ въ Малороссійскій кирасирскій полкъ, а потомъ въ 1856 г. былъ произведенъ корнетомъ въ Смоленскій уланскій. Въ 1860 г. вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ. Мать, отца и двухъ сестеръ содержитъ на свой литературный заработокъ [1]). Жилъ въ Москвѣ, но часто пріѣзжалъ въ Петербургъ.

Чина и званія Соколова, которому адресовалъ письмо изъ Тулы, не знаетъ, какъ и тогдашняго его адреса. Познакомился съ нимъ въ 1851 г., по рекомендаціи одного изъ своихъ учителей, и бралъ у него уроки греческаго и санскритскаго языковъ. Одно время былъ съ нимъ очень близокъ и неразлученъ. Въ 1859 г. они встрѣтились въ Парижѣ, гдѣ Соколовъ жилъ въ качествѣ гувернера въ какомъ-то русскомъ семействѣ. Писалъ ему туда до августа 1861 г., а потомъ ничего о немъ не слышалъ до декабря 1862 г. Въ это время Соколовъ посѣтилъ его ужъ въ Сущевской части, въ Москвѣ, гдѣ Костомаровъ, въ ожиданіи приговора, и обѣщалъ, де, ему разсказать всю истинную подкладку своего дѣла.

Письмо свое онъ писалъ вовсе не для того, чтобы свалить вину на Чернышевскаго и Шелгунова. «Скрывъ отъ правительства настоящихъ виновниковъ преступленія, я совершенно сознаю всю виновность свою передъ закономъ и поэтому я прошу комиссію въ настоящемъ отказѣ моемъ «представить доказательства на все написанное мною въ письмѣ къ Н. И. Соколову», видѣть не желаніе остаться при своемъ прежнемъ образѣ дѣйствій, а только физическую невозможность доказывать такія вещи, которыя большею частью происходили съ глазу на глазъ между мною и обвиняемыми мною людьми или совершались въ присутствіи такихъ людей, фамиліи которыхъ были мнѣ или совершенно неизвѣстны, или въ настоящее время мною забыты. Если же изъ какихъ бы то ни было источниковъ комиссія найдетъ какое-нибудь стороннее подтвержденіе словамъ моимъ, то и я, съ своей стороны, изъявляю полную готовность подтвердить ихъ даже, если нужно, подъ присягой».

Сколько къ этомъ тонкости и знанія обстоятельствъ...

Знакомство его съ Михайловымъ было чисто литературное. «Что же касается до моего выраженія, что «*мы пошли съ нимъ въ разныя стороны*», то я теперь повторю то же, что писалъ въ письмѣ Соколову, т. е. что «говорить объ этомъ нечего...» особенно послѣ настоящаго приключенія съ этимъ письмомъ (sic!). Впрочемъ, пусть лучше первый камень въ меня будетъ брошенъ самимъ

---

[1]) Курьезно, что когда Костомаровъ увидѣлъ сильную перемѣну въ отношенія къ себѣ въ литературномъ мірѣ, онъ сталъ присылать свои стихотворенія и статьи, подписываемыя разнообразными и всегда новыми псевдонимами, со всевозможными пріятелями, которые и называли себя авторами. Потомъ это было обнаружено, и постепенно печатать его уже никто не сталъ, кромѣ грязныхъ задворковъ. Любопытно также, что принятый въ „Русскій Вѣстникъ“, онъ напечаталъ свой „Сонъ Евгенія Арама“, какъ разъ рядомъ съ гнусной „Замѣткой для издателя *Колокола*“ Каткова.

мною, а не другими. Вотъ въ чемъ въ настоящее время мы *не сходимся* съ Михайловымъ: Михайловъ до конца остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и своимъ друзьямъ, а я сдѣлался врагомъ тѣхъ, которые называли меня своимъ другомъ, и навсегда отказался отъ того, на что когда-то смотрѣлъ, какъ на лучшую цѣль моей жизни... не потому, чтобы я струсилъ передъ опасностями этого пути, не потому, чтобы меня соблазнили пріятности другой дороги, болѣе торной,—а только потому, что я имѣлъ несчастіе убѣдиться вполнѣ, что мы сѣяли на совершенно безплодную почву. Михайловъ *до конца* вынесетъ на себѣ, вмѣстѣ съ своимъ грѣхомъ грѣхъ другихъ; а и въ своемъ-то грѣхѣ онъ признался только изъ состраданія ко мнѣ, а я, хотя и совершенно невольно, являюсь безъ всякой надобности обвинителемъ другихъ». «Михайлову будутъ всѣ сочувствовать—сознается Костомаровъ,—а меня отвергнутъ *всѣ*». И разумѣется, былъ вполнѣ правъ...

Когда Михайловъ везъ его къ Чернышевскому, то сказалъ, что тамъ они переговорятъ съ хозяиномъ о прокламаціи къ крестьянамъ. «Что воззваніе къ барскимъ крестьянамъ сочинено Чернышевскимъ,—говорилъ мнѣ и самъ авторъ, говорилъ и Михайловъ». Кто былъ тогда у Н. Г.—онъ не помнилъ уже. «Почеркъ прокламаціи мнѣ былъ незнакомъ».

Свидѣтелей при передачѣ ему Михайловымъ разговора его съ Чернышевскимъ по поводу необходимыхъ измѣненій въ прокламаціи не было.

Когда Костомарову предъявили рукопись этой прокламаціи, онъ показалъ: «Это не та рукопись, которую читалъ Чернышевскій въ первое наше свиданіе, это уже окончательная редакція манифеста, сдѣланная Чернышевскимъ, вслѣдствіе моихъ убѣжденій, и переданная г. Чернышевскимъ Сорокѣ. Переписано оно Михайловымъ» [1]).

Съ Шелгуновымъ познакомился у Михайлова, жившаго тогда у него.

«О знакомствѣ моемъ съ Михайловымъ Сороко зналъ, а о воззваніи написанномъ Чернышевскомъ, а равно и о самомъ Чернышевскомъ, разговора у насъ не было».

Сороко самъ ему разсказалъ, какъ былъ у Чернышевскаго и получилъ отъ него воззваніе и деньги на печатаніе. «Относительно *доказательствъ* повторяю: что не имѣю ихъ да и вообще не считаю возможнымъ представлять какія-нибудь доказательства на то, что говорится въ дружескомъ, частномъ письмѣ, а не писалось для судебнаго показанія...»

«Мы втроемъ (т. е. Костомаровъ, Михайловъ и Шелгуновъ—*М. Л.*) разсуждали о манифестѣ къ крестьянамъ (на другой день моего перваго визита къ Чернышевскому) и потомъ всѣ трое принимались за составленіе воззванія къ солдатамъ. Шелгунову, какъ человѣку въ солдатскомъ дѣлѣ болѣе насъ компетентному, мы

---

[1]) Прокламацію эту я приведу дальше.

предоставили только формулированіе общей идеи. Развитіе этой идеи, примѣненіе ее къ венгерцамъ и полякамъ, наконецъ, тонъ всего посланія—неотъемлемо принадлежатъ одному Шелгунову. Рукопись его я получилъ отъ Шелгунова изъ рукъ въ руки при Михайловѣ». Писалъ Шелгуновъ измѣненнымъ почеркомъ, поправилъ потомъ Михайловъ.

Солдатъ, бывшихъ съ Шелгуновымъ въ трактирѣ, не знаетъ ни по полку, ни по фамиліямъ, но могъ бы узнать, пожалуй, въ лицо. Харчевню тоже, вѣроятно, нашелъ бы.

Привезя въ Москву прокламацію къ солдатамъ, Костомаровъ спряталъ ее въ столъ, откуда она была украдена братомъ его Николаемъ и представлена имъ въ III Отдѣленіе.

Воззваніе къ раскольникамъ писалось въ Петербургѣ, въ Знаменской гостиницѣ, весною 1861 г., разумѣется безъ свидѣтелей, по крайней мѣрѣ, замѣтныхъ. Костомаровъ и потомъ никому никогда не показывалъ этой рукописной прокламаціи.

«Котораго мѣсяца и числа пріѣзжалъ Чернышевскій въ Москву во время печатанія воззванія, не помню. Гдѣ онъ останавливался, сколько времени прожилъ, не знаю. Я къ нему не ходилъ, Чернышевскій бывалъ у меня всегда одинъ, и у меня никого не встрѣчалъ».

На вопросъ комиссіи, что это за литературная дѣятельность Чернышевскаго, о которой Костомаровъ хотѣлъ еще написать Соколову особо,—онъ отвѣчалъ: «ни мое здоровье, ни мое положеніе не позволяютъ мнѣ принять на себя такой обширный и такой щекотливый трудъ». «Я убѣдительнѣйше прошу комиссію обратить вниманіе на то, что въ письмѣ къ Соколову я высказывалъ только свой *личный* взглядъ на литературную дѣятельность Чернышевскаго (какъ публициста) и его школы (или кружка, какъ я неосторожно выразился въ письмѣ къ моему пріятелю, передъ которымъ, разумѣется, я не старался быть слишкомъ разборчивымъ и осмотрительнымъ въ выраженіяхъ); и я нисколько не намѣренъ упорно отстаивать непогрѣшимость моего мнѣнія, а, напротивъ, всегда готовъ согласиться съ тѣми, кто убѣдитъ меня въ противномъ...»

Бездна благородства и... подлости...

Что касается замѣчанія въ письмѣ къ Соколову о средствахъ «увязить Чернышевскаго», то Костомаровъ показалъ: «Въ рукахъ комиссіи, вѣроятно, уже находится записка Чернышевскаго, отнятая у меня, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ писемъ, сопровождавшимъ меня на Кавказъ капитаномъ Чулковымъ. Я полагаю (можетъ быть, я и ошибаюсь, не знаю), что этой записки, еслибъ я представилъ ее въ комиссію (1-ю), было бы совершенно достаточно, чтобы сложить съ меня всякое обвиненіе въ *составленіи* воззванія къ барскимъ крестьянамъ».

На слѣдующій день Костомарова допросили о кое-какихъ мелочахъ. Такъ, кто нанималъ номеръ въ Знаменской гостиницѣ?—«Чернышевскій». Какъ Яковлевъ могъ слышать ихъ бесѣду?—«не

понимаю». Кого считалъ онъ жертвами науськиванія Чернышевскаго?—«прежде всего самого себя, а потомъ всѣхъ тѣхъ молодыхъ людей (лично мнѣ неизвѣстныхъ), которые агитировали, *какъ мнѣ кажется*, подъ вліяніемъ Чернышевскаго». Какъ онъ получилъ карандашную записку? — Чернышевскій заѣхалъ къ нему, но не засталъ дома и написалъ на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги, оставивъ записку на столѣ.

Достаточно прочесть всѣ эти показанія, чтобы понять окончательно, съ кѣмъ имѣете дѣло. Ясно было, что Костомаровъ не постоитъ ни за чѣмъ и продастъ все на свѣтѣ, лишь бы исполнить обѣщанное Потапову...

VI.

Наканунѣ перваго допроса Костомарова Чернышевскій послалъ коменданту сразу три записки.

Первая:

«Ваше Превосходительство, будучи очень благодаренъ Вамъ за Ваши прежнія хлопоты обо мнѣ, я теперь утруждаю Васъ новыми,—извините, но чтожъ дѣлать, когда шалуны доводятъ до этого?

«Я думалъ написать раньше двѣ записки, которыя прошу Васъ представить по начальству,—(не въ комиссію, потому что этотъ безтолковый омутъ совершенно глупъ и имѣть съ нимъ дѣло значитъ только терять время,—нѣтъ, не въ комиссію, которая вѣдь и не начальство Вамъ, а прямо по начальству),—но я въ эти дни былъ нѣсколько нездоровъ; болѣзнь была ничтожная, конечно, не имѣвшая вліянія на настроеніе моихъ мыслей, но, всетаки, могли бы сказать: онъ писалъ это въ болѣзненномъ раздраженіи. Я ничего не дѣлаю иначе, какъ по зрѣлому разсчету, и въ особенности никогда ничего важнаго не дѣлаю безъ разсчета. Потому я отправляю только нынѣ записки, которыя, если бы не было у меня рѣдкаго терпѣнія, отправилъ бы еще въ прошлый вторникъ. Вчера былъ у меня докторъ и сказалъ, что моя болѣзнь совершенно прошла. Значитъ можно и не говорить о болѣзненномъ раздраженіи.

«Первая записка, гдѣ я говорю о себѣ въ первомъ лицѣ, имѣетъ только полуофиціальную форму, и это потому, что иначе она вышла бы длинна. Если Вы найдете, что 6-й пунктъ ея имѣетъ видъ излишней угрозы, я предоставляю Вамъ право вычеркнуть его: Вамъ виднѣе, нужно ли повторять то, что я рѣшительно не хочу оставаться долго и не останусь въ настоящемъ моемъ положеніи—здоровье жены погибло бы все равно, а въ такомъ случаѣ мнѣ непріятно было оставаться гдѣ бы то ни было,—такъ или иначе, я буду свободенъ очень скоро [1]); но если на-

[1]) Намекъ на смерть.

поминать объ этомъ лишнее, если въ этомъ достаточно убѣждены, то конечно не къ чему грозить лишній разъ.

«Во всякомъ случаѣ смѣю увѣрить Васъ въ двухъ вещахъ: 1) я не буду ничего особеннаго дѣлать, не предупредивши Васъ, чтобы Вы могли заранѣе сложить съ себя отвѣтственность, 2) я не намѣренъ повторять того, что дѣлалъ однажды, потому что повтореніе скучно [1]).

«Правила, которыя Вы обязаны соблюдать, такъ дики, что, кажется, нѣтъ средства избавить Васъ отъ труда лично навѣстить меня, чтобъ я могъ узнать о ходѣ дѣла,—извините, что я обременяю Васъ этимъ, но это единственное средство отклонить недоразумѣнія, конечно, непріятныя для Васъ, какія было произошли однажды. На то, чтобы Вамъ имѣть случай для доклада и полученія отвѣта, я полагаю, достаточно будетъ, если я подожду три-четыре дня. Но Вы согласитесь, что нужно же знать потомъ, что намѣрены дѣлать, и слѣдуетъ ли ждать дальше.

«Я человѣкъ очень мягкій, всегда любящій извиняться; потому прошу у Васъ извиненія въ томъ, что обременяю Васъ своими просьбами. Я очень цѣню Вашу добрую волю и очень радъ былъ бы жить смирно, какъ жилъ прежде, не дѣлая Вамъ хлопотъ. Но обстоятельства принуждаютъ меня и потому не будьте въ претензіи на мою видимую безпокойность,—спросите прислугу,—я точно также спокоенъ и отчасти веселъ, какъ всегда. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій.*

«P. S. Это мое письмо, конечно, ужъ совершенно неофиціальное, оно имѣетъ единственною цѣлью только показать, собственно Вамъ, что Вамъ я очень благодаренъ и на Васъ нисколько не претендую, а напротивъ отчасти совѣщусь передъ Вами, что надоѣдаю Вамъ вещами, которыя могутъ казаться Вамъ странными, но въ самомъ дѣлѣ нисколько не странны».

Вторая:

«Ваше Превосходительство. Я хотѣлъ писать Его Свѣтлости длинную записку, но разсудилъ, что она именно своею длинностью могла бы затянуть развязку. Потому я предпочитаю просить Васъ при докладѣ Его Свѣтлости прилагаемой моей записки къ Вамъ, сообщить изустно Его Свѣтлости изъ сообщавшихся мною Вамъ моихъ мыслей, какія понадобятся по ходу Вашего разговора; изъ нихъ я осмѣливаюсь напомнить Вамъ тѣ, которыя, можетъ быть, важнѣе другихъ, и прибавить еще двѣ-три замѣтки, которыхъ я не сообщалъ Вамъ, потому что еще не видѣлся съ Вами послѣ того, какъ онѣ сдѣланы мною 23 февраля.

«1) Съ перваго же раза я говорилъ Вамъ, что меня арестовали по какимъ нибудь пустымъ сплетнямъ; что тотчасъ по моемъ арестованіи лица, виновныя въ немъ, убѣдились, что слишкомъ сильно промахнулись своими сплетнями, и просто боятся

---

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ о голодовкѣ.

сказать правительству, что ввели его въ ошибку; что поэтому они длятъ дѣло только съ тою цѣлью, чтобы самимъ выпутаться изъ него, заглушивъ его длиннотою времени (я писалъ это однажды съ тою цѣлью, чтобъ комиссія прочла и увидѣла, что не смѣетъ потребовать у меня отказа отъ такого дурного для нея утвержденія моего, и чтобы въ моемъ дѣлѣ остался документъ объ этомъ).

«2) Вообще я дѣлалъ все возможное, чтобы возбудить комиссію вызвать меня для объясненій, для сдѣланія мнѣ замѣчаній,—съ этою цѣлью, я нѣсколько разъ писалъ рѣзкія дерзости—это вовсе не въ моемъ характерѣ, но это было нужно, чтобы доказать ей, что она боится или совѣстится взглянуть мнѣ въ лицо. И, дѣйствительно, она уличила себя въ этомъ. Вы сами были свидѣтель, что отъ одного воспоминанія о моихъ рѣзкостяхъ корчились и теряли хладнокровіе,—значитъ, чувствовали ихъ; а вызвать для требованія отвѣта или для отреченія отъ нихъ, всетаки, не посмѣли ни разу. Комиссія можетъ объяснять такую ангельскую свою терпѣливость какими ей угодно причинами—пренебреженіемъ, снисхожденіемъ, но, конечно, никто изъ людей съ здравымъ смысломъ не повѣритъ возможности другого мотива, кромѣ того, который привожу я.

«3) Вѣрность этого моего объясненія терпѣливости комиссіи къ обидамъ отъ меня совершенно подтвердилась тѣмъ, что я видѣлъ во время разговора моего 23 февраля съ членами комиссіи: я началъ говорить, по своей привычкѣ, легко и шутя, любезно,—и лица членовъ приняли и сохранили во все время разговора выраженіе, говорившее: «Ну, слава Богу, какъ легко мы отъ него отдѣлываемся»; они могутъ признаваться или не признаваться въ этомъ, какъ имъ угодно,—но вѣдь я былъ въ очкахъ и потому видѣлъ выраженіе ихъ лицъ.

«4) Я офиціально заявилъ въ коммиссіи при первомъ (и единственномъ) моемъ допросѣ, что по окончаніи моего дѣла я подамъ жалобу на дѣйствія комиссіи.

«5) Прежде, чѣмъ въ эти послѣдніе дни я сталъ писать Вамъ записки съ дерзкими выраженіями о комиссіи (Вы теперь знаете цѣль этихъ рѣзкостей—заставить комиссію уличать себя саму въ томъ, что совѣстится или труситъ видѣть меня)—я два раза писалъ мягкія, формально-мирныя просьбы о разрѣшеніи мнѣ новыхъ свиданій съ моею женою.

«6) Да вообще я всегда начинаю мягко и мирно, желая избѣжать скандала; только вынуждаемый крайностью, я прибѣгалъ къ другимъ средствамъ; но въ этихъ другихъ средствахъ я съ каждымъ новымъ разомъ шелъ дальше и дальше. Теперь, у меня въ запасѣ остается только одно изъ этихъ тяжелыхъ для меня средствъ,—не то, которое было употреблено мною въ концѣ января и началѣ февраля,—нѣтъ, повтореніе было бы скучно;—этого послѣдняго моего средства я вовсе не желаю употреблять,—думаю, что мнѣ не придется употреблять его; но Вы согласитесь,

что я не сталъ бы писать такъ, какъ пишу, если бы не зналъ, что я ни отъ кого не въ зависимости, если такъ понадобится. Пожалуй, вычеркните эти строки, чтобы не было вида угрозы. Но неужели эти глупцы до сихъ поръ не поймутъ, что со мною шутить—вещь рискованная? (NB. Обыска не стоитъ производить,—у меня нѣтъ ни ядовъ, ни кинжаловъ, никакихъ подобныхъ штукъ,—я до нихъ вообще не охотникъ). Повторяю: я вовсе не угрожаю, я только говорю, что я дѣйствую по разсчету,—если я горячусь, я горячусь по разсчету; если я терплю, я терплю до разсчитаннаго срока. Если кому кажется, что я дѣйствую по увлеченію, то я на это замѣчу, что всѣ называютъ меня человѣкомъ умнымъ, слѣдовательно, очень можетъ быть, что я поступаю не безъ нѣкотораго соображенія...

«7) Если бы стали говорить, что свиданія мои съ женою моею не допускались въ видахъ соблюденія знаменитой нашей канцелярской тайны (которая у насъ вовсе не соблюдается лицами, которыми должна охраняться,—напримѣръ, за двѣ недѣли до моего ареста мнѣ сдѣланъ былъ очень явный намекъ,—конечно, вовсе незамѣченный лицомъ, дѣлавшимъ его и думавшимъ, что дурачитъ меня, тогда какъ я издѣвался надъ нимъ,—намекъ вовсе не произвольный со стороны этого лица, но очень понятный для меня,—что меня хотятъ арестовать; я пренебрегъ этимъ, думая: нѣтъ, вы не посмѣете такъ компрометировать правительство,—кто это лицо, вы можете догадаться, я Вамъ говорилъ о немъ нѣсколько разъ, какъ о болтунѣ [1])—если бы стали говорить, что моихъ свиданій съ женою не допускали въ видахъ соблюденія канцелярской тайны, это пустяки: во 1-хъ, мнѣ не о чемъ разспрашивать, потому что противъ меня нѣтъ обвиненій, во 2-хъ, у меня нѣтъ нужды разсказывать что нибудь для того, чтобы узнали это въ городѣ,—разбалтываніе дѣлается (очень давно) лицами, которыя были бы обязаны молчать по долгу службы. Я, напримѣръ, былъ довольно пріятно изумленъ, когда прежде, чѣмъ успѣлъ вымолвить хоть одно слово женѣ, услышалъ отъ нея вопросъ: «зачѣмъ тебя держатъ? вѣдь противъ тебя нѣтъ никакихъ обвиненій». «Да ты почему жъ это знаешь?»—спросилъ я ее. «Да какже, вѣдь это давно всѣмъ извѣстно, объ этомъ такъ давно говорили, что ужъ и говорить устали». Вотъ вамъ канцелярская тайна! Это курамъ на смѣхъ.

«8) Собственно для меня рѣшительно все равно, сидѣть ли въ заключеніи или въ своемъ кабинетѣ. Но мнѣ необходимо скорое освобожденіе потому, что здоровье моей жены требуетъ этого.

«9) Въ моемъ дѣлѣ, кромѣ общей несправедливости, есть много частностей очень неблаговидныхъ. Назову двѣ изъ нихъ: во 1-хъ, пропажа золотого кольца во время второго обыска, дѣлавшагося безъ меня. Кольцо лежало въ запертой шкатулкѣ; шкатулка стояла въ комнатѣ, запечатанной при первомъ обыскѣ—какова эта

---

[1]) Должно быть рѣчь идетъ объ А. Л. Потаповѣ.

штука? А вотъ какова эта, во 2-хъ: моей женѣ долго не выдавали вида на проживаніе въ Петербургѣ, чтобъ вытѣснить ее полицейскими придирками изъ Петербурга,—а вѣдь она не только для свиданій со мной пріѣхала, ей приказали ѣхать въ Петербургъ медики, это было необходимо для лѣченія. Однажды Вы сказали мнѣ, что невыдаваніе вида ей могло быть слѣдствіемъ ошибки или недоразумѣнія—нѣтъ, у меня есть доказательство противнаго, доказательство того, что это было дѣлано съ умысломъ. Такихъ милыхъ вещей я могу подобрать не одинъ десятокъ.

«10) Вообще, каждое изъ моихъ словъ я могу подтвердить фактами. Я не такъ глупъ, чтобъ говорить въ подобной запискѣ что нибудь, кромѣ того, что могу доказать.

«Само собою разумѣется, что Ваше Превосходительство, передавая эти мои мысли и замѣчанія, нисколько не принимаете на себя ручательства за ихъ вѣрность,—я прошу Васъ только передать ихъ Его Свѣтлости, какъ мои мысли. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій*».

Третья записка:

«Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣйше просить Его Превосходительство Г. Коменданта С.-Петербургской крѣпости доложить Его Свѣтлости Г. С.-Петербургскому Генералъ-Губернатору слѣдующее:

«1. Чернышевскій приноситъ Его Свѣтлости благодарность за то, что имѣлъ свиданіе съ своею женою (23 февраля).

«2. Передъ этимъ свиданіемъ Чернышевскій имѣлъ разговоръ съ нѣкоторыми изъ гг. членовъ комиссіи. Чернышевскій говорилъ имъ: «какъ же это комиссія можетъ поступать со мною такимъ образомъ, какимъ поступала?». Ему на это отвѣчали: «съ вами поступали жестоко, но не кладите отвѣтственности за то на комиссію; это дѣйствовала не она». Чернышевскій говорилъ: «Если вы полагаете, что я когда-нибудь могъ вѣрить, что противъ меня существовали какія нибудь обвиненія, то вы ошибаетесь». Ему отвѣчали: «это такой случай, какъ противъ меня (члена комиссіи, отвѣчавшаго Чернышевскому) могли бы быть подозрѣнія въ убійствѣ» (Чернышевскій увѣренъ, что дѣйствительно противъ лица, говорившаго съ нимъ, могли бы быть только вздорныя подозрѣнія въ убійствѣ, изъ которыхъ никакъ не могло бы произойти никакого обвиненія,—вѣдь отъ подозрѣнія до обвиненія, по законамъ о слѣдственномъ производствѣ, очень далеко, и отъ обвиненія до ареста—тоже очень далеко: чтобы арестовать, нужно, по закону, хорошенько разсмотрѣть солидность обвиненія; а чтобы составилось обвиненіе, нужно бы, по закону, разсмотрѣть основательность подозрѣній). Чернышевскій говорилъ: «да когда же это кончится? когда вы освободите меня?»—Ему отвѣчали: «черезъ нѣсколько дней». Вообще весь характеръ разговора (дружелюбнаго и веселаго, по привычкѣ Чернышевскаго до послѣдней крайности выдерживать такой тонъ и заставлять

другихъ принимать его)—былъ таковъ, что Чернышевскій винилъ и укорялъ, а передъ нимъ извинялись и слагали съ себя отвѣтственность на другихъ.

«3. Если бы кто нибудь,—по здравому смыслу, этого нельзя ждать, но съ Чернышевскимъ сдѣлано довольно много такого, чего нельзя ждать по здравому смыслу,—если бы кто нибудь осмѣлился сказать, что Чернышевскій не съ совершенною точностью передаетъ или хотя одно изъ приводимыхъ имъ словъ разговора, или общій смыслъ, характеръ разговора, то Чернышевскій бросаетъ въ лицо такому человѣку названіе лжеца и требуетъ очной ставки съ тѣмъ, чтобы доказать, что справедливо клеймитъ его такимъ названіемъ.

«4. Послѣ этого Чернышевскій, кажется, имѣетъ право сказать, что то лицо (или тѣ лица), которое внушило (или которыя внушили) или Его Величеству или Его Свѣтлости сомнѣніе въ совершенной справедливости просьбы Чернышевскаго о его освобожденіи по недостатку обвиненій противъ него, выраженной въ письмахъ Чернышевскаго къ Его Величеству и къ Его Свѣтлости отъ 20—22 ноября прошлаго года, что это лицо виновно (или эти лица виновны) передъ правительствомъ, которое они ложными своими увѣреніями ввели въ напрасное продленіе напрасной несправедливости.

Н. Чернышевскій.

12 марта 1863 года".

Разумѣется, комиссія эти бумаги «пріобщила къ дѣлу» и—только...

VII.

Наконецъ, 16 марта Чернышевскій понялъ, почему съ нимъ «шутили» такъ настойчиво и нагло. Въ этотъ день съ него былъ снятъ допросъ, и Н. Г. ясно увидѣлъ, какимъ «козыремъ» обладала комиссія...

На вопросы комиссіи, почему Герценъ писалъ Серно-Соловьевичу объ изданіи «Современника» за границей, и когда Чернышевскимъ было дано на это согласіе, Н. Г. отвѣчалъ: «Подтверждаю прежнее показаніе и совершенно не знаю, на какомъ основаніи г. Герцену вздумалось, что я могъ согласиться издавать съ нимъ журналъ, ибо никакихъ сношеній съ нимъ не имѣлъ, ни прямыхъ, ни черезъ какое либо посредство».

Относительно письма Огарева и Герцена, онъ показалъ:

«Письмо это я получилъ по городской почтѣ весною (или въ началѣ лѣта) 1862 г. [1]), кѣмъ оно мнѣ было прислано, не знаю. По тону рѣчи и языку видно, что оно писано гг. Огаревымъ и

---

[1]) Значитъ, долго спустя послѣ полученія этого письма адресатомъ.

Герценомъ (почерковъ ихъ я не знаю, потому сужу только по содержанію письма); къ кому оно писано, неизвѣстно мнѣ. Кѣмъ и для чего и какія слова выскоблены въ немъ, я не знаю,—оно было прислано ко мнѣ со словами уже выскобленными (вѣроятно, посылавшій его ко мнѣ хотѣлъ, чтобы не зналъ я его фамиліи и другихъ—вѣроятно, выскобленныя слова—фамиліи). Лицо, которому я поручалъ передать Герцену, чтобы онъ не завлекалъ молодежь въ политическія дѣла—г. М. И. Михайловъ, ѣздившій за границу лѣтомъ 1861 года. Слова, что я «имѣю вліяніе на юношество», означаютъ, что я, какъ журналистъ, пользовался уваженіемъ въ публикѣ. «Знамя», о которомъ упоминается въ письмѣ—наше обычное общинное землевладѣніе, которое я постоянно защищалъ, но относительно котораго все-таки выражалъ сомнѣніе, удержится ли оно противъ расположенія къ потомственному землевладѣнію,—это объясняется въ статьѣ «Современника» (моей), которою Герценъ остался недоволенъ;—выраженіе «ѣхали вмѣстѣ» относится къ тому, что я, подобно Герцену, защищалъ обычное наше общинное землевладѣніе. Порученіе М. И. Михайлову отклонять Герцена отъ вовлеченія молодежи въ политическія дѣла основывалъ я на общеизвѣстныхъ слухахъ о томъ, что Герценъ желаетъ производить политическую агитацію,—я поручалъ Михайлову сказать Герцену, что изъ этого не можетъ выйти ничего хорошаго, ни съ какой точки зрѣнія, что это повело бы только къ несчастію самихъ агитаторовъ» [1]).

О картонныхъ полоскахъ съ алфавитомъ и цифрами Чернышевскій отозвался: «Эти лоскутки заключаютъ въ себѣ какую то азбучную шалость, составленную неизвѣстно мнѣ кѣмъ изъ моихъ родственниковъ, живавшихъ у меня».

«Съ Михайловымъ я познакомился, когда былъ студентомъ, а онъ вольнослушающимъ, потомъ видывались и почти всегда по журнальнымъ дѣламъ (г. Михайловъ читалъ корректуры «Современника», по желанію г. Некрасова). Съ г. Шелгуновымъ я былъ знакомъ уже черезъ г. Михайлова, кромѣ того, онъ помѣщалъ статьи въ «Современникѣ»; это знакомство было слишкомъ неблизкое. Г. В. Костомарова я видѣлъ нѣсколько разъ по тому случаю, что онъ помѣщалъ стихи въ «Современникѣ». У г. Михайлова и г. Шелгунова я бывалъ; къ г. Костомарову заѣзжалъ однажды отдать деньги за стихи (когда проѣзжалъ черезъ Москву въ Саратовъ). Г. Михайловъ и Шелгуновъ бывали у меня по журнальнымъ дѣламъ. Собственно журнальными дѣлами ограничивалось мое знакомство и съ г. Костомаровымъ и Шелгуновымъ. О распространеніи возмутительныхъ сочиненій г. Костомаровымъ я ничего не зналъ, о преступленіи г. Михайлова точно

[1]) 19 марта Чернышевскій къ этому добавилъ: „М. И. Михайловъ, отправляясь за границу, упомянулъ мнѣ, что если онъ поѣдетъ въ Англію, то, можетъ быть, увидится съ Герценомъ. Больше мнѣ ничего не было извѣстно. О намѣреніяхъ Михайлова издавать что нибудь тайное я не зналъ. О сообщникахъ его тоже не зналъ и самъ никакого участія ни въ какихъ замыслахъ Михайлова не принималъ“.

также ничего. Подъ журнальными дѣлами, которыя имѣлъ я съ г. Шелгуновымъ и Костомаровымъ, я разумѣю то, что г. Шелгуновъ приносилъ мнѣ свои статьи, а г. Костомаровъ свои стихи для помѣщенія въ «Современникѣ»; я никому изъ нихъ никакихъ порученій не давалъ».

«Изъ лицъ, жившихъ въ Москвѣ, я былъ знакомъ съ г. Плещеевымъ. Въ 1861 г. весною я ѣздилъ въ Москву хлопотать по цензурнымъ дѣламъ и прожилъ тамъ дня три; въ 1862 г. я проѣзжалъ черезъ Москву въ Саратовъ и пробылъ тамъ нѣсколько часовъ. Бывши въ 1861 г. въ Москвѣ, я бывалъ у г. Каткова. Жилъ въ гостиницѣ противъ дома Шитова, вѣроятно, на Лубянкѣ. Г. Плещеевъ—литераторъ, постоянно помѣщавшій повѣсти въ «Современникѣ»; другихъ отношеній къ нему у меня нѣтъ и не было».

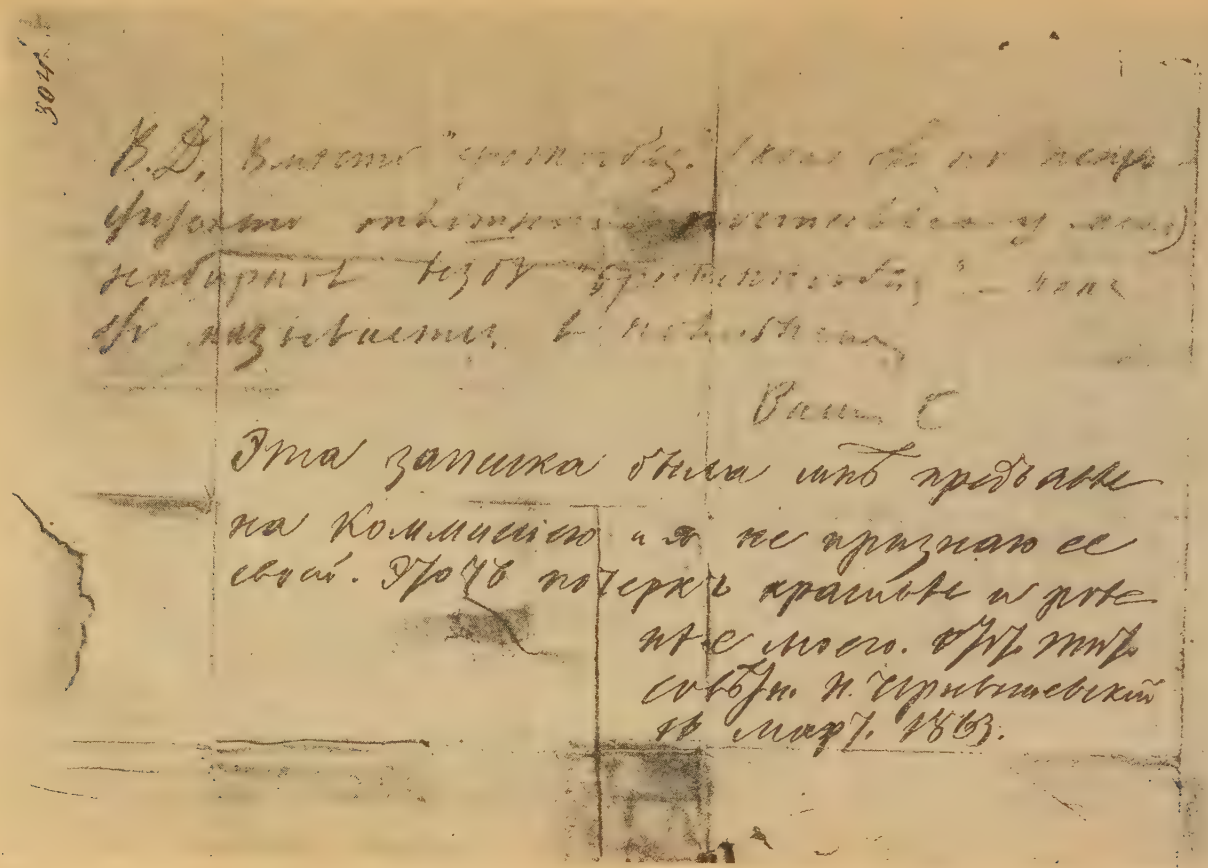
Относительно воззванія къ барскимъ крестьянамъ Чернышевскій показалъ: «Ничего подобнаго я не писалъ. Эти свѣдѣнія неосновательны. Г. Сороко я не знаю; ни съ Михайловымъ, ни съ г. Костомаровымъ, ни съ Шелгуновымъ ничего подобнаго не говорилъ и никакихъ статей для тайной печати не писалъ. Г. Костомарову никакой статьи о крестьянскомъ дѣлѣ не передавалъ. Все, что я писалъ, печаталось въ «Современникѣ». Г. Костомаровъ не имѣлъ никакого участія въ моей дѣятельности, которая всегда была открыта и законна. Никогда не имѣлъ я никакихъ сношеній съ Костомаровымъ по тайному печатанію и ничего не поручалъ печатать. Но подарилъ ему сборникъ рукописный—лирическія стихотворенія, которыя когда то хотѣлъ издать съ книгопродавцемъ Вольфомъ и который валялся у меня брошенный».

«О воззваніи къ русскимъ солдатамъ я ничего не знаю».

Что касается составленія прокламаціи къ раскольникамъ въ гостиницѣ, Н. Г. отвѣчалъ: «Ничего такого не было. Эти свѣдѣнія неосновательны».

Когда комиссія, въ опроверженіе показанія о поверхностномъ знакомствѣ съ Костомаровымъ, предъявила Чернышевскому его письма къ послѣднему, то Н. Г. отвѣтилъ: «Мои слова не имѣли того смысла, что я знакомъ въ Москвѣ *только* съ *однимъ* г. Плещеевымъ,—я вспомнилъ о немъ потому, что больше знакомъ съ нимъ, чѣмъ съ кѣмъ другимъ, хотя, все-таки, не слишкомъ близко; будучи знакомъ съ г. Костомаровымъ только по журнальнымъ дѣламъ, я, по своей привычкѣ помогать всякому нуждающемуся, принималъ человѣческое участіе въ его стѣсненномъ положеніи,—просто по чувству доброты. Г. Котляревскій—преподаватель въ какомъ то московскомъ кадетскомъ корпусѣ[1]), я былъ знакомъ съ нимъ, какъ съ литераторомъ и человѣкомъ умнымъ. Г. Свириденко—служитъ въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова; я былъ нѣсколько знакомъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ образованнымъ; онъ искалъ моего знакомства,—я не могу отказываться

[1]) Отецъ нынѣшняго профессора, Н. А. Котляровскаго.



Подложная карандашная записка (въ настоящую величину).

отъ посѣщеній, мнѣ дѣлаемыхъ,—у меня такой характеръ, слишкомъ деликатный. Ни съ г. Котляревскимъ, ни съ Свириденко я не былъ близокъ».

Наконецъ, дѣло дошло до центральнаго пункта: Чернышевскому предъявили карандашную записку къ Костомарову. Онъ отвергъ ее, написавъ: «Предъявленная мнѣ записка не моего почерка, я не признаю ее своею и потому остаюсь при прежнемъ отвѣтѣ». А на самой запискѣ написалъ: «Эта записка была мнѣ предъявлена комиссіею, и я не признаю ее своей. Этотъ почеркъ красивѣе и ровнѣе моего. Отставной тит. совѣтн. *Н. Чернышевскій.* 16 марта 1863 г.» [1]).

19-го Чернышевскому была дана очная ставка съ Костомаровымъ.

Приведу протоколъ о ней полностью. Онъ очень характеренъ и необходимъ для яснаго пониманія дальнѣйшаго:

Костомаровъ:—«Я съ своей стороны подтверждаю свои прежнія показанія:

a) «что былъ введенъ въ домъ къ г. Чернышевскому Михайловымъ; что г. Чернышевскій въ присутствіи Михайлова читалъ мнѣ возмутительное воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ», написанное имъ, Чернышевскимъ»;

Чернышевскій:—«Я съ своей стороны остаюсь при прежнихъ своихъ отвѣтахъ:

A) «Кѣмъ и когда я былъ познакомленъ съ г. Костомаровымъ, я не помню. Воззванія «Къ барскимъ крестьянамъ» въ присутствіи г. В. Д. Костомарова вмѣстѣ съ г. М. И. Михайловымъ я не читалъ и этого воззванія не писалъ».

К.: b) «что впослѣдствіи я получилъ отъ г. Сороко это воззваніе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, причемъ Сороко мнѣ сказалъ, что получилъ это воззваніе отъ Чернышевскаго вмѣстѣ съ 200 р. на издержки по тайному печатанію брошюры»;

Ч.: B) «Съ г. Сороко я не знакомъ; потому денегъ ему не давалъ ни на тайное печатаніе, ни на что другое; не давалъ ему и воззванія «Къ барскимъ крестьянамъ».

К.: c) «что печатаніе воззванія началось у меня въ домѣ и г. Чернышевскій, посѣтивъ меня, видѣлъ наборъ этого воззванія и оставилъ мнѣ денегъ на дальнѣйшее производство работы»;

Ч.: C) «Набора у г. Костомарова я не видѣлъ, денегъ на работу ему не оставлялъ».

К.: d) «что, придя ко мнѣ въ другой разъ, онъ не засталъ меня дома и оставилъ на столѣ предъявленную мнѣ записку, въ которой просилъ меня исправить въ своей брошюрѣ невѣрно написанное имъ выраженіе «срочнообязанные» и замѣнить его словомъ «временнообязанные»;

Ч.: D) «Записка эта не писана мною».

---

[1]) Мы прилагаемъ фотографію этой записки, чтобы читатели сами могли сознательно и самостоятельно рѣшить, что это наглая поддѣлка. Пользуюсь случаемъ принести благодарность М. Н. Чернышевскому, много потрудившемуся при снятіи фотографій.

К.: e) «что весной 1861 г., въ Знаменской гостиницѣ г. Чернышевскій диктовалъ мнѣ воззваніе «Къ раскольникамъ», съ тѣмъ, чтобы я напечаталъ и его; но я этого не исполнилъ»;

Ч.: E) «Въ Знаменской гостиницѣ я не былъ съ г. Костомаровымъ и воззваніе «Къ раскольникамъ» ему не диктовалъ».

К.: f) «что я писалъ къ г. Чернышевскому о томъ, что онъ поступилъ весьма неосторожно, поручивъ печатаніе своей брошюры Сороко».

Ч.: F) «Такого письма отъ г. Костомарова я не получалъ».

К.: g) «передъ поѣздкой въ Знаменскую гостиницу г. Чернышевскій заѣхалъ въ квартиру моего отца, на Поварскую; номеръ Знаменской гостиницы я запомнилъ тѣмъ, что изрѣзалъ подоконникъ перочиннымъ ножемъ, взятымъ нами въ числѣ принадлежностей для писанія».

Ч.: G) «На квартирѣ у батюшки г. Костомарова въ Поварскомъ переулкѣ я былъ, но оттуда отправился прямо домой».

Комиссія, разумѣется, торжествовала свою побѣду, видя какимъ «молодцомъ» держится ея союзникъ, Костомаровъ.

Что чувствовалъ и думалъ Чернышевскій—трудно сказать. Но онъ еще не потерялъ надежду на благопріятный исходъ дѣла, твердо вѣря, разумѣется, не въ порядочность правительства вообще, а просто въ его благоразуміе; вѣря, что оно не станетъ скандализировать себя явно беззаконнымъ приговоромъ ужъ слишкомъ замѣтному человѣку... Въ этой вѣрѣ онъ и черпалъ силы и спокойствіе духа, необходимыя для продолженія начатыхъ литературныхъ работъ.

А онѣ шли усиленнымъ темпомъ. Гервинусъ подвигался быстро и то и дѣло отсылался Пыпину. 26 марта Потаповъ прислалъ въ комиссію 4-ю главу «Что дѣлать?», 28 и 30 — еще главы, а 6 апрѣля получено было и окончаніе. Какъ и прежде, романъ читалъ кто нибудь изъ членовъ комиссіи, не находилъ въ немъ ничего, касающагося дѣла, и его отправляли къ Пыпину черезъ оберъ-полицеймейстера, каждый разъ напоминая, что печатаніе его должно происходить на общемъ основаніи съ разрѣшенія цензуры. Цензора «Современника», гдѣ печатался романъ въ мартовской, апрѣльской и майской книжкахъ, видя на рукописи печать и шнуры комиссіи, проникались соотвѣтствующимъ трепетомъ и, не читая, пропускали [1]).

---

[1]) Въ литературѣ по этому поводу масса самыхъ разнообразныхъ росказней. Кто приписываетъ разрѣшеніе романа кн. А. Ѳ. Голицыну, кто—Потапову, кто—Валуеву и т. д. и, что любопытно, почти всѣ ссылаются на „достовѣрныхъ“ свидѣтелей и „очевидцевъ“. Г. Скальковскій (см. „Новое Время“ 1904 г. № 10303) прибавляетъ еще одну выдумку. Подъ романомъ, видите ли, подписано было: „4 апрѣля 1862 года“, и указывалось, что черезъ четыре года произойдетъ важное событіе. 4 апрѣля 1866 года Каракозовъ покушался на Александра II... Все это совершенный вздоръ: подъ романомъ подписано: „4 апрѣля 1863 г.“... Головачева-Панаева разсказываетъ о потерѣ Некрасовымъ рукописи „Что дѣлать?“ съ экипажа. Оказывается, въ ея пространномъ разсказѣ, какъ и всегда, много лишняго и невѣрнаго. Романъ былъ доставленъ только на третій день послѣ утери. Вотъ текстъ объявленія, поставленнаго Некрасовымъ въ №№ 29, 30 и 31 „Вѣдомостей Спб. Городской Полиціи“ за

Но возникаетъ невольно вопросъ: почему же послѣ напечатанія начала «Что дѣлать?» власти не хватились и не поторопились исправить свою ошибку? По моему, были двѣ причины: сразу вообще не поняли значенія романа, и во-вторыхъ, цензурное вѣдомство чувствовало себя спокойно за спиной комиссіи, а послѣдняя, не зная этого и занятая массою дѣлъ, не интересовалась ни романомъ, ни произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ.

VIII.

По содержанію допросовъ и очной ставки рѣшено было вызвать въ Петербургъ Сороко и Яковлева.

Въ это время исправлявшій должность московскаго губернскаго прокурора прислалъ Потапову докладную записку Яковлева и отобранныя отъ него бумаги..

Оказывается, достойный помощникъ Костомарова такъ обрадовался случаю выпить на жандармскій счетъ, что на станціи Тверь былъ задержанъ за буйство въ пьяномъ видѣ и переданъ въ мѣстную полицію. Оттуда его направили въ Москву, а мѣщанское общество постановило заключить Яковлева, уже неоднократно попадавшагося въ буйствѣ, въ смирительный домъ на четыре мѣсяца.

«Находясь въ настоящее время въ московскомъ смирительномъ и рабочемъ домѣ, я—пишетъ Яковлевъ Потапову—упустилъ возможность лично объяснить Вашему Превосходительству обстоятельства, касающіяся до г. Чернышевскаго, равно и письмо г. Чулкова, изъ котораго Вы изволили бы усмотрѣть надобность личнаго моего присутствія въ Петербургѣ для разъясненія обстоятельствъ, сопряженныхъ съ отношеніемъ г. Чернышевскаго къ Костомарову, а потому я осмѣливаюсь убѣдительнѣйше просить Ваше Превосходительство приказать вытребовать меня въ Петербургъ, хотя бы за карауломъ, но только въ собственной одеждѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ истребовать доносъ и письмо на Ваше имя, которыя въ настоящее время находятся въ домѣ московскаго городского общества».

Яковлевъ ошибся: доносъ его былъ давно уже полученъ отъ Чулкова, а рекомендательное письмо послѣдняго къ Потапову и письмо Костомарова къ матери прокуроръ приложилъ при вышеприведенномъ документѣ.

5 апрѣля Сороко и Яковлевъ были доставлены въ III Отдѣленіе.

1863 годъ: „Потеря рукописи. Въ воскресенье 3 февраля, во второмъ часу дня, проѣздомъ по Б. Конюшенной отъ гостиницы „Демутъ“ до угольнаго дома Кангера, а отгуда чрезъ Невскій пр., Караванную и Семеновскій мость до дома Краевскаго, на углу Литейнаго и Бассейной. обронена свертокъ. въ которомъ находились двѣ прошнурованныя по угламъ рукописи съ заглавіемъ „Что дѣлать?“ Кто доставитъ этотъ свертокъ въ означенный домъ Краевскаго къ Некрасову, тотъ получитъ пятьдесятъ руб. сер.“.

Черезъ три дня ихъ допросили.

Сороко показалъ, что дѣйствительно пріѣзжалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ, но для хлопотъ по переводу своему изъ московскаго университета въ медико-хирургическую академію. У нихъ никто не бывалъ. Уѣзжая въ Москву, Костомаровъ просилъ его зайти къ Михайлову переговорить насчетъ своихъ стиховъ. Сороко исполнилъ просьбу и получилъ отъ Михайлова запечатанное письмо къ Костомарову. Что касается Чернышевскаго, то онъ его не знаетъ, никогда у него не былъ и никакихъ денегъ отъ него не получалъ.

На очной ставкѣ съ Костомаровымъ Сороко подтвердилъ всѣ эти показанія.

Яковлевъ заявилъ: «Доказательствъ, кромѣ своего справедливаго доноса, представить не могу, а уличать и доказывать справедливость слышаннаго мною разговора г. Чернышевскаго съ Костомаровымъ лично могу, потому что очень хорошо помню разговоры ихъ».

Въ 1858 и 1859 гг. Яковлевъ жилъ въ квартирѣ въ домѣ Костомаровыхъ. Отношенія ихъ были чисто дѣловыя, какъ съ переписчикомъ.

«Видалъ я г. Чернышевскаго положительно три раза. Первый разъ въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ 1861 г., а за вѣрное припомнить не могу, но только хорошо помню, что г. Чернышевскій былъ въ енотовой шубѣ; второй разъ вскорѣ послѣ этого времени и, наконецъ, третій разъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1861 г. (числа же припомнить не могу), именно въ то время, когда онъ ѣхалъ въ Саратовскую или Симбирскую губернію. Въ этотъ послѣдній пріѣздъ г. Чернышевскаго я дѣйствительно находился въ бесѣдкѣ сада г. Костомарова, изъ которой и слышалъ разговоръ г. Чернышевскаго съ Костомаровымъ, когда они ходили по саду подъ руку, и г. Чернышевскій дѣйствительно произносилъ слова: «барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ. Вы ждали отъ царя воли, вотъ вамъ и воля вышла»—и между тѣмъ усиленно упрашивалъ Костомарова поскорѣе напечатать эту статью. За какими именно надобностями бывалъ г. Чернышевскій у г. Костомарова, мнѣ неизвѣстно, а полагаю, что по короткому ихъ (какъ это видно было) знакомству. Видѣлъ же я Костомарова въ послѣдній разъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1862 года» [1]).

Очевидно, комиссіи надо было показать, всетаки, видъ, что она не склонна признавать голословныя показанія Костомарова окончательными обвиненіями Чернышевскаго, и потому 11 апрѣля она запросила его, что онъ можетъ представить къ уликѣ. Костомаровъ отвѣчалъ, что «фактическихъ доказательствъ къ уликѣ г. Чернышевскаго, кромѣ тѣхъ, которыя уже имѣются въ виду комиссіи, дать никакихъ не можетъ, но проситъ доставить ему

---

[1]) Явная ложь: они видѣлись 1 марта 1863 г. въ Москвѣ.

еще разъ очную ставку съ г. Чернышевскимъ, ибо, можетъ быть, ему удастся подѣйствовать на него силою убѣжденія»...

Разумѣется, очная ставка была дана на слѣдующій же день, но Чернышевскій не поддался силѣ костомаровскихъ убѣжденій... Мало того, когда она была закончена, Н. Г., обратясь къ комиссіи, сказалъ: «Сколько бы меня ни держали, я посѣдѣю, умру, но прежняго своего показанія не измѣню»... Этому заявленію онъ остался вѣренъ до конца.

Въ тотъ же день Чернышевскаго предъявили Яковлеву, но при такой обстановкѣ, что онъ безошибочно могъ утверждать, что именно его-то и видалъ у Костомарова... Затѣмъ имъ была дана очная ставка.

Яковлевъ прибавилъ на этотъ разъ, что—«въ первое посѣщеніе г. Чернышевскимъ Костомарова они сидѣли въ кабинетѣ послѣдняго и г. Чернышевскій разговаривалъ что-то съ жаромъ, тихо и повидимому очень осторожно; разговора же ихъ въ то время я слышать не могъ, потому что входилъ въ комнату одинъ разъ, подавая имъ чай или закуску, чего хорошенько припомнить не могу. Во второй же разъ г. Чернышевскій не засталъ г. Костомарова дома, а оставилъ ему запечатанную записку, написанную имъ въ комнатѣ Костомарова на бумагѣ, лежащей на столѣ и, кажется, одна сторона была исписана». На это Чернышевскій возразилъ, что «въ бытность его въ Москвѣ проѣздомъ (въ августѣ 1861 г., а не въ іюнѣ, какъ онъ теперь соображаетъ), онъ заходилъ къ г. Костомарову на нѣсколько времени и просидѣлъ это время у него въ бесѣдкѣ». «Я былъ въ Москвѣ въ 1861 г. до конца августа только два раза, а не три. Никакой записки г. Костомарову въ бытность мою въ Москвѣ я не оставлялъ, потому что заставалъ его дома, когда заходилъ». Остальныя показанія Яковлева Чернышевскій отвергалъ безусловно.

Въ тотъ же день комиссія рѣшила отпустить Сороко въ имѣніе, откуда онъ былъ вытребованъ, взявъ съ него подписку о неразглашеніи о своемъ вызовѣ въ Петербургъ, а Яковлева вернуть въ смирительный домъ для окончанія наложеннаго на него обществомъ взысканія... Это рѣшеніе въ высокой степени характерно: вѣдь каждому ясно, что оговоръ Костомарова одинаково компрометировалъ и Чернышевскаго и Сороко. Но перваго рѣшено было не выпускать изъ рукъ иначе, какъ въ кандалахъ, а второго—совершенно освободить... Очень все это не тонко... Каждому понятно, что Сороко вызывался исключительно въ разсчетѣ услышать и отъ него лжесвидѣтельство, а когда онъ не оправдалъ этихъ надеждъ, то комиссія, хорошо понимая, что оговоръ Костомарова вздоръ, и не желая начинать дѣла противъ Сороко, отпустила его на всѣ четыре стороны... Что касается Яковлева, то его не могли не заключить: приговоръ общества не подлежалъ чьей бы то ни было отмѣнѣ, да и добиваться ея было бы ужъ слишкомъ нетактично.

Затѣмъ комиссія рѣшила сличить почеркъ Чернышевскаго съ

почеркомъ карандашной записки, для чего вызвать секретарей сената. Любопытно, что сенаторъ Гедда рѣшился подать свое особое мнѣніе: сличеніе почерка можетъ дѣлать только судъ и притомъ на точномъ основаніи особыхъ для этого правилъ. Но министръ юстиціи отказалъ въ командированіи секретарей сената безъ его опредѣленія объ этомъ, и потому пришлось ограничиться чиновниками губернскаго правленія и палаты. 24 апрѣля ихъ собралось пять человѣкъ и они нашли, что «почеркъ записки имѣетъ *нѣкоторое* сходство съ почеркомъ Чернышевскаго».

Такимъ образомъ, все шло, какъ по маслу...

Вдругъ къ Потапову является поэтъ Некрасовъ и вручаетъ ему только что полученное письмо изъ Москвы... Скрыть его было уже нельзя... Надо отправить въ комиссію...

Вотъ оно:

«Милостивый Государь, недѣли двѣ тому назадъ съ нами произошелъ случай, о которомъ считаемъ долгомъ довести до вашего свѣдѣнія.

«Мы находимся арестованными въ смирительномъ домѣ съ конца февраля; на страстной недѣлѣ къ намъ явился какой-то арестантъ, мѣщанинъ Петръ Васильевъ Яковлевъ (какъ сказалъ намъ) и началъ рѣчь съ того, что онъ содержится тоже за политическое преступленіе (какъ было замѣтно, онъ считалъ насъ арестованными за университетскіе безпорядки 61 года), и потому рѣшился обратиться къ намъ за совѣтомъ. Въ чемъ долженъ былъ состоять этотъ совѣтъ, Вы увидите изъ нашего съ нимъ разговора, который мы постараемся передать Вамъ возможно точнѣе.

— Я, господа, ѣздилъ по очень важному дѣлу въ Петербургъ, къ начальнику III Отдѣленія, но на Тверской станціи подвыпилъ немного и забуянилъ; тверская станція представила меня обратно въ Москву, къ оберъ-полицеймейстеру, передавъ меня въ распоряженіе мѣщанскаго общества, которое и послало меня за дурное поведеніе въ рабочій домъ; оно вотъ уже второй разъ присылаетъ меня сюда, все за пьянство...

— По какому же дѣлу вы ѣздили къ г. Потапову?

— А вотъ, видите ли: былъ я знакомъ съ Всеволодомъ Дмитріевичемъ Костомаровымъ. На дняхъ получаю записку безъ подписи, въ которой меня приглашаютъ явиться въ гостиницу «Венеція» въ 18 номеръ. Явившись туда, я былъ крайне изумленъ, заставши тамъ Костомарова въ солдатской шинели и въ сопровожденіи жандармскаго офицера; оказалось, что записка была отъ Костомарова, который сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: «вотъ тебѣ письмо къ моей матери, поѣзжай съ нимъ въ Петербургъ и отдай его по адресу,—мать моя научитъ тебя, что дѣлать и, ежели ты послѣдуешь ея наставленіямъ, то будешь хорошо вознагражденъ».

— А Костомаровъ не говорилъ Вамъ, что именно Вамъ придется дѣлать?

— Говорилъ, и говорилъ, что я долженъ дать показаніе въ

III Отдѣленіи въ томъ, будто я слышалъ, какъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій лѣтомъ 61 года, въ разговорѣ съ Костомаровымъ сказалъ слѣдующую фразу: «барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ—вы ждали воли, вотъ вамъ и воля—благодарите царя». Я не знаю, что значатъ эти слова и зачѣмъ Костомарову нужно, чтобъ я далъ такое показаніе, но скажите мнѣ, господа: если я дѣйствительно дамъ такое показаніе, можетъ ли сдѣлать для меня что нибудь Потаповъ, можетъ ли онъ, напримѣръ, велѣть освободить меня изъ рабочаго дома?

— Ну это врядъ-ли, мы думаемъ, что за ложное показаніе Потаповъ васъ будетъ скорѣе преслѣдовать, потому что по закону ложный свидѣтель подвергается строгому наказанію.

— Я уже подалъ Потапову отсюда прошеніе, и меня должны скоро потребовать въ Петербургъ; самъ не знаю, что дѣлать!..

«Мы сказали, что лучше всего будетъ, когда онъ скажетъ правду, и разговоръ на этомъ покончился.—Мы не повѣрили Яковлеву, зная хорошо, что Костомаровъ не могъ быть въ это время въ Москвѣ, потому что онъ судился по одному съ нами дѣлу и, по приговору сената, конфирмованному государемъ и объявленному намъ 2 января этого года, долженъ подвергнуться шестимѣсячному заключенію въ крѣпости и потомъ уже ссылкѣ въ солдаты на Кавказъ. 4 апрѣля мы удивились, увидя на дворѣ Яковлева въ сопровожденіи двухъ жандармовъ; его повезли, какъ намъ сказали, въ Петербургъ. Тогда мы вспомнили нашъ прежній разговоръ съ нимъ и невольно пришли къ такимъ предположеніямъ: 1) что Чернышевскій дѣйствительно обвиняется въ какомъ нибудь политическомъ преступленіи, 2) что Костомаровъ и его семейство хотятъ съ помощью Яковлева подвергнуть Чернышевскаго несправедливому обвиненію суда. Все это заставляетъ насъ обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь, какъ человѣку, вѣроятно, близкому къ г. Чернышевскому (по редакціи «Современника»), уполномачивая Васъ, въ случаѣ дѣйствительности нашихъ подозрѣній, представить это письмо куда слѣдуетъ, чтобы предупредить возможность несправедливаго приговора суда.

«Все это мы готовы, въ случаѣ надобности, подтвердить передъ судомъ присягой. *Иванъ Гольцъ-Миллеръ, Петръ Петровскій-Ильенко, Александръ Новиковъ, Яковъ Сулинъ, Леонидъ Ященко.* Москва 13 апрѣля 1863 г.»

Что оставалось дѣлать комиссіи, когда въ обществѣ уже пошли разговоры о лжесвидѣтельствѣ, подкупахъ и пр.? Очевидно, надо было примѣрно наказать пьяницу-болтуна. И вотъ она входитъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о томъ, чтобы, — «не ожидая окончанія 4-мѣсячнаго срока, на который Яковлевъ присужденъ обществомъ въ рабочій домъ, отправить его теперь же на жительство и подъ надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію». 22 апрѣля государь утвердилъ докладъ, и было сдѣлано распоряженіе о приведеніи его въ исполненіе.... Такимъ образомъ, казалось, одно лжесвидѣтельство сорвалось совершенно, а авто-

ритетъ другого сильно поколебался... Ничего подобнаго. Костомаровъ остался дорогимъ союзникомъ, а всѣ показанія Яковлева были оставлены въ полной силѣ. Мало этого, въ своемъ приговорѣ сенатъ разсказалъ о всей этой исторіи и, всетаки, основался на показаніяхъ Яковлева!...

IX.

19 апрѣля былъ снятъ допросъ и съ Н. В. Шелгунова, арестованнаго, какъ извѣстно, въ Сибири и привезеннаго въ Петербургъ.

Онъ показалъ, что знаетъ и Чернышевскаго, и Костомарова, и Михайлова, и братьевъ Серно-Соловьевичей. «Николая Серно-Соловьевича, какъ домохозяина, у котораго я квартировалъ, и какъ содержателя книжнаго магазина. Александра Серно-Соловьевича, какъ издателя на русскомъ языкѣ перевода всемірной исторіи Шлоссера; Николая Чернышевскаго, какъ редактора «Современника», въ которомъ я помѣщалъ свои статьи. Михайлова зналъ очень давно, и онъ у меня жилъ на квартирѣ; наконецъ Всеволода Костомарова видѣлъ раза два у Михайлова; мои отношенія къ этимъ лицамъ были такого рода: къ Николаю Серно-Соловьевичу, какъ къ домохозяину; съ нимъ я познакомился при переѣздѣ къ нему въ домъ въ январѣ 1862 г.; Александра Серно-Соловьевича видѣлъ разъ зимой 1861—1862 г. у Михайлова и потомъ, по переѣздѣ въ домъ его брата, получилъ отъ него работу — переводъ исторіи Шлоссера. Съ Чернышевскимъ имѣлъ отношенія исключительно по поводу статей моихъ, помѣщавшихся въ «Современникѣ». Зналъ г. Чернышевскаго, какъ литератора съ замѣчательнымъ талантомъ, но знакомства съ нимъ не имѣлъ, посѣщая его исключительно по своимъ литературнымъ дѣламъ [1]). По какому случаю, какъ познакомился съ Михайловымъ, не припомню, ибо знакомство наше давнее; но онъ жилъ прежде у меня на квартирѣ лѣтъ шесть или семь. Всеволода Костомарова я видѣлъ у Михайлова въ концѣ 1860 или въ началѣ 1861 года раза два, но знакомъ съ нимъ не былъ. Знакомыхъ въ Петербургѣ и внѣ онаго, кромѣ лицъ, съ которыми я находился въ служебныхъ отношеніяхъ, не имѣлъ».

«Предъявленное мнѣ комиссіею воззваніе къ солдатамъ мнѣ неизвѣстно и рукопись его я никогда не передавалъ Всеволоду Костомарову и какое участіе въ составленіи его принималъ Чернышевскій, Костомаровъ и Михайловъ, мнѣ неизвѣстно».

---

[1]) На слѣдующій день комиссія замѣтила Шелгунову, что его знакомство съ Н. Г. было ближе. На это онъ отвѣтилъ: „Знакомства, или вѣрнѣе говоря, того, что я зналъ Н. Чернышевскаго, я не отрицалъ, но только дѣлалъ различіе между выраженіями „зналъ“ и „былъ знакомъ“, понимая подъ послѣднимъ, какъ говорятъ, „водить хлѣбъ-соль“. Такого рода знакомства я съ Чернышевскимъ не имѣлъ и до конца 1861 г., когда Михайловъ былъ преданъ суду, съ Чернышевскимъ почти не видѣлся. Съ этого времени же я видѣлъ Чернышевскаго чаще, потому что, принужденный оставить службу, я обратился къ литературнымъ занятіямъ и сталъ помѣщать статьи въ „Современникѣ“, который редактировалъ Чернышевскій“.

«Участія въ составленіи воззванія къ барскимъ крестьянамъ не принималъ и читалось ли оно въ квартирѣ Михайлова Костомаровымъ не знаю, потому что при этомъ не былъ. Что же касается до обстоятельствъ его написанія, т. е. кѣмъ, когда и по какому случаю оно написано, я этого не знаю».

Что касается разсказа Костомарова о хожденіи съ солдатами въ харчевню, то Шелгуновъ призналъ его «совершенно невѣрнымъ», ибо «ничего даже подобнаго онъ не дѣлалъ и не могъ дѣлать, по совершенному незнанію русскаго солдата». «Съ Костомаровымъ я даже и не имѣлъ случая сталкиваться, ибо служилъ постоянно по спеціальной и учебной лѣсной части».

Очная ставка Шелгунова съ Костомаровымъ кончилась замѣчаніемъ перваго, что «показывая голословно, г. Костомаровъ не указываетъ на казармы или солдатъ, съ которыми я говорилъ или куда я ходилъ, на харчевню, въ которой Н. Г. меня видѣлъ. Помня такъ хорошо разныя мелочныя подробности, онъ эти болѣе крупныя не помнитъ».

Въ неизданной части своихъ воспоминаній Шелгуновъ говоритъ, что Костомаровъ сочинилъ всѣ свои обвиненія, и что ему совершенно непонятны причины такого озлобленія противъ него. «Лично у меня съ Костомаровымъ почти не было никакихъ отношеній и не знаю, сказалъ ли я съ нимъ во все наше знакомство больше десяти словъ». При этомъ добавлю, что Чернышевскій сказалъ г. Рейнгардту: «Честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ Николай Васильевичъ, такіе люди рѣдки. Прекрасно держалъ себя въ моемъ дѣлѣ...» [1]).

24 апрѣля Потаповъ прислалъ въ комиссію двѣ записки Чернышевскаго къ коменданту крѣпости. Въ одной Н. Г. просилъ отыскать въ его бумагахъ паспортъ жившей у него прислуги и передать его Пыпину, а въ другой писалъ:

«Ваше Превосходительство, я много разъ говорилъ Вамъ въ своихъ откровенныхъ объясненіяхъ, что всѣ непріятности, отъ которыхъ я страдаю, возникаютъ изъ какихъ то недоразумѣній. Третьяго дня также произошло недоразумѣніе: я слишкомъ поздно получилъ отъ моей жены письмо, говорившее, что она на другой день уѣзжаетъ. Я сказалъ Вамъ вчера, что я изъ этого вывелъ: то, что и я и г. предсѣдатель комиссіи (давшій мнѣ обѣщаніе дозволить свиданіе мнѣ съ моей женой) – мы оба обмануты. Теперь я вижу, что нынѣ моя жена еще не уѣхала,—прошу Васъ, убѣдите, что я не добиваюсь ничего чрезмѣрнаго,—напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ я только прошу, во-первыхъ, чтобъ мое письмо къ моей женѣ отъ нынѣшняго числа,—не содержащее въ себѣ ровно ничего подозрительнаго, было отправлено къ моей женѣ поскорѣе, безъ проволочекъ, нынѣ же, чтобы успѣло застать ее еще въ Петербургѣ, а во-вторыхъ, чтобы ея отвѣтъ мнѣ на это письмо также былъ доставленъ безъ проволочки; на-

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1905 г., II, 468.

*

конецъ, чтобы сказали намъ, когда мы можемъ ожидать назначенія свиданія, въ которомъ вѣдь вовсе и не хотятъ намъ отказывать,—не завтра, не послѣ завтра, ну черезъ три, четыре дня или какъ будетъ можно, только къ чему же вводить въ недоумѣніе женщину, когда вовсе не хотѣлъ г. предсѣдатель комиссіи обѣщать напрасно,—конечно, онъ хочетъ разрѣшить свиданіе,—я только и прошу, чтобы сказали моей женѣ, когда это будетъ; тогда она и будетъ ждать спокойно. А вѣдь я только этого и добиваюсь въ настоящемъ случаѣ. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою, *Н. Чернышевскій*. 24 апрѣля».

Это второе свиданіе было разрѣшено въ присутствіи члена комиссіи, генерала Огарева.

Въ первыхъ числахъ мая государь утвердилъ докладъ комиссіи о передачѣ дѣла Чернышевскаго въ сенатъ.

Такимъ образомъ оно вступило въ новый фазисъ.

ЧАСТЬ III.

Начало сенатскаго слѣдствія и второй подложный документъ изъ III Отдѣленія.

I.

16 мая министръ юстиціи, Замятнинъ, сообщилъ сенату о волѣ государя. При этомъ онъ прибавилъ, что Шелгуновъ преданъ военному суду, а Костомаровъ ...а Костомаровъ прикомандированъ къ Петербургскому баталіону внутренней стражи, впредь до миновенія въ немъ надобности по дѣламъ Чернышевскаго и Шелгунова... Потомъ оказалось, что Костомаровъ преспокойно жилъ себѣ на частной квартирѣ, на службу не являлся и катался, какъ сыръ въ маслѣ, на счетъ III Отдѣленія.

Составъ перваго отдѣленія пятаго департамента сената, которому предстояло судить Чернышевскаго, былъ таковъ: первоприсутствующій М. М. Карніолинъ-Пинскій и сенаторы Веневитиновъ, Лукашъ, Б. И. Беръ, Венцель и гр. Д. А. Толстой, оберъ-прокуроръ Чемадуровъ, оберъ-секретарь Кузнеповъ.

29 мая Чернышевскій былъ вызванъ въ первый разъ. Онъ подтвердилъ все показанное въ комиссіи и просилъ, во-первыхъ, о разрѣшеніи подать особое объясненіе, во-вторыхъ, о свиданіяхъ съ родственниками, въ третьихъ, объ освобожденіи на поруки и, наконецъ, о допущеніи его къ прочтенію и къ рукоприкладству записки, которую сенатъ составитъ въ концѣ разсмотрѣнія всего дѣла. Сенатъ призналъ возможнымъ исполнить все, кромѣ освобожденія. Послѣднее было обусловлено ознакомленіемъ съ дѣломъ.

По удостовѣренію оберъ-полицеймейстера, Чернышевскій «велъ жизнь до такой степени уединенную, что не только сосѣди, но даже и лица, жившія въ одномъ съ нимъ домѣ, весьма рѣдко его видѣли», а потому и нельзя было, въ сущности, произвести требуемаго закономъ «повальнаго обыска».

7 іюня кн. Суворовъ прислалъ въ сенатъ очень пространное «Дополнительное показаніе Чернышевскаго, даваемое имъ Правительствующему Сенату».

Привожу его, разумѣется, полностью:

«Оставаясь при показаніяхъ, данныхъ мною слѣдственной комиссіи, я имѣю честь пополнить ихъ передъ судомъ Правительствующаго Сената слѣдующими объясненіями.

Общія поясненія.

1. Противъ каждаго изъ обвиненій я выставляю такіе факты, большая часть которыхъ общеизвѣстна въ кругу, близко знающемъ меня. Доказывать ихъ теперь же ссылками на свидѣтелей и отыскиваніемъ документовъ значило бы осложнять и затягивать дѣло. Потому беру на себя смѣлость просить, чтобы Пр. С. принималъ настоящее показаніе за окончательное по полнотѣ доказательствъ только относительно тѣхъ изъ указываемыхъ мною фактовъ, въ вѣрности которыхъ не останется сомнѣнія у Пр. С. по выслушаніи настоящаго показанія и чтобы Пр. С. предоставилъ мнѣ право привести болѣе полныя доказательства на тѣ факты, которые, по мнѣнія Сената, еще нуждаются въ дальнѣйшемъ подтвержденіи.

2. Мнѣ извѣстно, что кромѣ обвиненій, противъ которыхъ я могу теперь прямо оправдаться, потому что они прямо выражены, существовало противъ меня множество другихъ подозрѣній. Напримѣръ, были слухи, называвшіе меня возбудителемъ безпокойствъ между студентами СПБургскаго университета осенью 1861 года; возбудителемъ безпорядка, происшедшаго въ залѣ Думы восною 1862 г. на одной изъ публичныхъ лекцій [1]); были также слухи, что я направляю къ пропагандѣ запрещеннаго характера Главный совѣтъ петербургскихъ воскресныхъ школъ; что я возбудилъ профессора Павлова написать и при публичномъ чтеніи дополнить рѣзкими прибавленіями ту статью, за чтеніе которой профессоръ Павловъ былъ удаленъ изъ Петербурга (весною 1862); что я даже былъ участникомъ поджога Толкучаго рынка (въ концѣ мая 1862). Мнѣ неизвѣстно, до какой степени продолжаютъ существовать такіе слухи въ кругахъ, въ которыхъ они существовали годъ тому назадъ, и неизвѣстно, можетъ ли имѣть

---

[1]) Послѣ лекціи Н. И. Костомарова.

вліяніе на мнѣніе моихъ судей о мнѣ болѣе или менѣе опредѣленный или неопредѣленный отголосокъ такихъ слуховъ,—отголосокъ, дававшій мнѣ прежде въ мнѣніи многихъ почтенныхъ людей, не знавшихъ меня лично, репутацію агитатора. Если можетъ, то я прошу, чтобы мнѣ дано было право разобрать и эти подозрѣнія для отстраненія сомнѣній въ томъ, дѣйствительно ли я такой человѣкъ, за какого меня знаютъ всѣ, хорошо знающіе меня лично,—человѣкъ очень мирнаго характера, всегда ставившій главною заботою своею то, чтобы удаляться всякихъ столкновеній не только съ уголовнымъ судомъ, но и съ простою полиціею.

Выразивъ эти общія просьбы мои Пр. С., перехожу къ разбору обвиненій, находящихся въ дѣлѣ.

1. *Поясненія по обвиненію меня въ намѣреніи уѣхать за границу, чтобъ издавать журналъ вмѣстѣ съ Герценомъ.*

Въ концѣ мая или началѣ іюня 1862 года, было остановлено на восемь мѣсяцевъ изданіе журнала «Современникъ», въ редактированіи котораго я участвовалъ. Черезъ это я пріобрѣталъ на время свободу жить или не жить въ Петербургѣ. По моимъ домашнимъ обстоятельствамъ, мнѣ небезполезно было переѣхать въ мой родной городъ, Саратовъ. Мое семейство уѣхало туда 2 или 3 іюля (1862), за 4 или за 5 дней до моего ареста. Мы продавали лошадей, экипажи, мебель. Отчасти для окончанія этого, отчасти для окончательнаго приведенія въ порядокъ своихъ литературныхъ дѣлъ, я долженъ былъ остаться въ Петербургѣ еще на мѣсяцъ. Послѣ того я долженъ былъ уѣхать въ Саратовъ и прожить тамъ до весны 1863 года вмѣстѣ съ семействомъ, а весною или лѣтомъ 1863 г. возвратиться вмѣстѣ съ семействомъ въ Петербургъ.

Это предположеніе было извѣстно всѣмъ моимъ знакомымъ. Въ искренности его не могъ сомнѣваться никто изъ знавшихъ мои семейныя чувства. Продолжительная разлука съ семействомъ—единственное серьезное страданіе, которое я могу чувствовать.

Если бы я думалъ эмигрировать, неужели я проводилъ бы свое семейство въ Саратовъ, отъ котораго такъ далеко до Западной Европы, а не прямо за границу изъ Петербурга? Или я хотѣлъ на долгіе годы разлучиться съ семействомъ?

Въ моихъ рукахъ бывало довольно много денегъ. Моя жена, уѣзжая, взяла съ собою только 500 рублей, а мы привыкли расходовать довольно много. Еслибъ я думалъ, что моей женѣ придется долго жить безъ меня въ Саратовѣ, неужели она уѣхала бы изъ Петербурга съ 500 р.?

При отъѣздѣ моя жена не получила отъ меня довѣренности на завѣдываніе моимъ домомъ въ Саратовѣ. Изъ этого вышли

серьезныя домашнія непріятности для меня. По характеру ея прежнихъ отношеній къ моимъ саратовскимъ роднымъ, я не могъ не ждать этого, въ случаѣ, еслибъ ей пришлось долгое время оставаться въ Саратовѣ безъ меня. Еслибъ я думалъ надолго разлучиться съ нею эмигрированьемъ, неужели бы я не далъ ей довѣренность, которую при первой возможности поспѣшилъ дать, когда былъ разлученъ съ нею арестомъ?

Когда меня арестовали, у меня было только 115 рублей. А въ нѣсколько предыдущихъ дней я получилъ до 1500 р. или болѣе. Но я отдалъ изъ нихъ 300 р. типографщику, 200 р. торговцу бумагою, остальные роздалъ сотрудникамъ «Современника». Мнѣ не было настоятельной нужды дѣлать ни одной изъ этихъ выдачъ: бумажный торговецъ и типографщикъ могли ждать, сотрудники «Современника»—обратиться за деньгами въ контору журнала, вмѣсто которой я заплатилъ имъ. Такъ ли распоряжается деньгами тотъ, кто собирается эмигрировать?

Сборы моего семейства къ отъѣзду, продажа вещей—все это дѣлалось длинно, со всею обычною хлопотливостью такихъ перемѣнъ. Надѣюсь, что еслибы я думалъ эмигрировать, то у меня достало бы смысла и умѣнья, чтобъ уѣхать не подавъ ни малѣйшаго знака намѣренія двинуться куда бы то ни было изъ Петербурга,—быть далеко за Берлиномъ или Стокгольмомъ прежде, чѣмъ кто бы ни было подумалъ бы, что я думаю уѣхать дальше Павловска, гдѣ была у меня дача.

Я былъ арестованъ въ субботу (7 іюля); въ понедѣльникъ (9 іюля) долженъ былъ прійти ко мнѣ изъ типографіи Вульфа наборщикъ (бывшій помощникомъ метранпажа по «Современнику») съ образцами формата и шрифта для изданія, которое я хотѣлъ начать печатать дня черезъ 3, 4 послѣ того. Я поручилъ ему сдѣлать образцы въ то самое утро, какъ былъ арестованъ, или наканунѣ. Факторъ другой типографіи (г. Огризко) имѣлъ порученіе поскорѣе сдѣлать для меня образцы шрифта и формата для другого изданія у Вульфа; я хотѣлъ печатать маленькія книжки, въ которыхъ думалъ, съ разрѣшенія авторовъ, перепечатывать для простого народа разсказы и отрывки изъ повѣстей. У Огризко я хотѣлъ печатать переводъ политической экономіи Милля, который былъ уже оконченъ мною.

Эти два изданія должны были печататься черезъ нѣсколько дней—12 или 15 іюля. Еще недѣли двѣ, три понадобилось бы мнѣ оставаться въ Петербургѣ, чтобъ устроить правильность въ чтеніи корректуръ, цензированія и т. п. Устроивъ это, я тотчасъ отправился бы въ Саратовъ. Но я предполагалъ очень быстро начать другія изданія, изъ которыхъ назову три. Я тогда уже имѣлъ столько извѣстности, что публика стала бы покупать «собраніе» моихъ «сочиненій». Они составляютъ массу болѣе 8000 страницъ (500 печатныхъ листовъ въ-8) журнальнаго формата. Я хотѣлъ многое выбросить, какъ не важное, другое сократить, но, всетаки, оставалось бы листовъ 300 печатныхъ. Печатаніе такого

огромнаго числа листовъ заняло бы много времени. Я разсчитывалъ сдѣлать это года въ два. Но во всякомъ случаѣ нельзя напечатать такую массу въ 3, въ 4 мѣсяца. И потомъ, вѣдь не могло же изданіе, которое хотѣлъ я сдѣлать въ 4 или 5 тысячъ экземпляровъ, распродаться въ какой нибудь годъ. Слѣдовательно, ужъ это одно изданіе связывало меня съ Россіею не на одинъ годъ. А я разсчитывалъ, что оно дастъ мнѣ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей,—это не такой разсчетъ, которымъ могъ бы пренебречь человѣкъ безъ состоянія, для удовольствія издавать журналъ за границею. Но, отнимая у меня всякую мысль объ эмиграціи, это изданіе не стоило бы мнѣ почти никакой работы. Печатая его, я хотѣлъ готовить два другія. Я хотѣлъ составить два ручные энциклопедическіе словаря. Одинъ—въ два тома лексиконнаго формата, цѣною отъ 7 до 10 р., другой—вовсе маленькій, страницъ въ 600 или 700 въ 12 долю, цѣною рубля въ полтора, два. Книгопродавцы знаютъ, что такія книги такой цѣны имѣли бы большой успѣхъ, и, постоянно перепечатываясь, служили бы источникомъ очень порядочнаго дохода на долгіе годы. Я называю только эти три изданія потому, что могу указать въ моихъ бумагахъ разсчеты, сдѣланные для нихъ.

Эти разсчеты свидѣтельствуютъ, что я не думалъ о себѣ иначе, какъ о человѣкѣ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ остающемся въ Россіи.

Я перечислилъ нѣкоторые изъ фактовъ, показывающихъ, что я не *думалъ* эмигрировать. Есть другіе, свидѣтельствующіе, что я не *могъ*, положительно не могъ эмигрировать.

Я уже привыкъ получать и проживать много. Я имѣлъ тысячъ 10 въ годъ и больше [1]). Но я проживалъ всѣ деньги, которыя получалъ. Домъ въ Саратовѣ и кусокъ земли въ Аткарскомъ уѣздѣ, доставшіеся мнѣ по наслѣдству, имущество слишкомъ незначительное для человѣка, привыкшаго имѣть такія деньги отъ своей работы. Я оставлялъ и намѣренъ былъ оставлять это имущество и доходъ съ него во владѣніи моихъ саратовскихъ родственниковъ. Но если бы я для эмиграціи измѣнилъ свою мысль и продалъ его (къ чему не дѣлалъ никакихъ приготовленій), всетаки оно не дало бы мнѣ возможности жить за границею. По особенности моего образованія, я, читая книги на главныхъ европейскихъ языкахъ, рѣшительно не умѣю, до замѣчательной странности не умѣю ни говорить, ни тѣмъ болѣе писать ни на одномъ изъ нихъ. Слѣдовательно, я не могъ очень долго, по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ, сдѣлаться французскимъ, нѣмецкимъ или англійскимъ литераторомъ. А писать за границею на русскомъ языкѣ вещи, не пропускаемыя въ открытую продажу въ Россіи, значитъ не получать почти никакого дохода отъ

[1]) По словамъ М. Н. Чернышевскаго, родители его жили тогда очень широко, держа своихъ лошадей, прекрасные экипажи, нанимая повара и т. п. Впрочемъ, самъ Н. Г. относился къ комфорту вполнѣ равнодушно.

своей работы. Итакъ, эмигрировать значило бы для меня обрекать свое семейство на великія страданія отъ нужды. Надѣюсь, кто знаетъ меня, тотъ не усомнится, что мысль объ этомъ не могла быть для меня слишкомъ привлекательна [1]).

Или не хотѣлъ ли я уѣхать по опасенію ареста? Я слишкомъ давно, слишкомъ много слышалъ отъ другихъ опасенія, что меня арестуютъ. Еслибъ я считалъ возможнымъ, что сбудутся эти опасенія, то конечно не сталъ бы ждать іюля 1862 года, а уѣхалъ бы въ сентябрѣ 1861 года. Но кто знаетъ меня, тотъ знаетъ, что я смѣялся надъ опасеніями другихъ, будто меня могутъ арестовать [2]). Я подробнѣе говорю объ этомъ въ письмѣ къ Его Свѣтлости СПБургскому Генералъ-Губернатору отъ 20 или 22 ноября и ссылаюсь на это письмо въ дополненіе настоящаго моего показанія.

Я не думалъ, я не предполагалъ нужды думать, я не имѣлъ возможности думать объ эмиграціи. Но еслибъ я могъ и хотѣлъ эмигрировать, то Герценъ менѣе всѣхъ литераторовъ цѣлаго свѣта могъ представляться мнѣ товарищемъ въ изданіи журнала. На это много причинъ.

Въ письмѣ моемъ къ Его Величеству я привелъ и въ письмѣ къ Его Свѣтлости Г. СПБургскому Генералъ-Губернатору изложилъ подробнѣе двѣ изъ причинъ, отчуждавшихъ меня отъ Герцена. Я не одобрялъ нѣкоторыхъ плановъ Герцена, извѣстныхъ мнѣ по слуху (о чемъ говорится въ его письмѣ, находившемся въ моихъ бумагахъ), и мое личное неудовольствіе на него по процессу г-жи Панаевой изъ-за векселей и имѣнія покойной г-жи Огаревой. Ссылаюсь на эти письма (отъ 20 или 22 ноября прошлаго года) въ пополненіе моего настоящаго показанія. Въ нихъ я представилъ только двѣ причины, какъ почти не требовавшія повѣрки. Здѣсь приведу еще двѣ, повѣрка которыхъ незатруднительна.

Первая изъ нихъ—моя чрезвычайно сильная привязанность къ покойному Н. А. Добролюбову и дурные отзывы о немъ Герцена, начинающіеся съ весны 1859 года, когда въ № 45 или 47 [3])

---

[1]) Пробывшій съ Чернышевскимъ въ ссылкѣ около шести лѣтъ, С. Г. Стахевичъ разсказываетъ, что задолго до ареста Н. Г-на Сѣраковскій передалъ ему свой разговоръ съ Кауфманомъ, директоромъ канцеляріи военнаго министерства. Этотъ потомъ извѣстный генералъ находилъ, что за вредное вліяніе на молодежь Чернышевскій долженъ былъ быть сосланъ. Не задолго же до ареста къ Чернышевскому явился адъютантъ кн. Суворова и посовѣтовалъ Н. Г., отъ имени князя, немедленно уѣхать за границу отъ грозившаго ареста. Суворовъ обѣщалъ выхлопотать для этого всѣ документы и устранить всѣ затрудненія. На вопросъ Чернышевскаго, почему же князь такъ о немъ заботится, адъютантъ отвѣтилъ: «Если васъ арестуютъ, то ужъ, значитъ, сошлютъ; сошлютъ въ сущности безъ всякой вины, за ваши статьи, хотя онѣ и пропущены цензурою. Вотъ князю и желательно, чтобы на государя, его личнаго друга, не легло бы это пятно—сослать писателя безвинно». Но Чернышевскій отказался послѣдовать совѣту Суворова. «Не поѣду за границу. Будь, что будетъ». (См. фельетоны Стахевича въ «Закаспійскомъ Обозрѣніи» 1905 г. №№ 237, 238, 239, 243 и 250). О процессѣ г. Стахевичъ сообщаетъ немного и невѣрно.

[2]) Дѣйствительно, Никитенко, напримѣръ, записалъ 22 сентября 1861 года: «говорятъ, взятъ и великій проповѣдникъ соціализма и матеріализма, Чернышевскій».

[3]) 44.

«Колокола» была напечатана обидная для Добролюбова (и для меня, но о себѣ я не говорю) статья Герцена «Very Dangerous». Этихъ отзывовъ о Добролюбовѣ я не могъ извинить Герцену никогда, а тѣмъ болѣе послѣ смерти Добролюбова. Когда я потерялъ Добролюбова (въ ноябрѣ 1861 г.) непріязнь къ Герцену за него усилилась во мнѣ до того, что увлекла меня до поступковъ, порицаемыхъ правилами литературной полемики, недозволяющей бранить того, кого не могъ бы похвалить, еслибъ захотѣлъ. Укажу для примѣра на выраженіе мое о немъ въ одной изъ первыхъ книжекъ «Современника» за 1862 г. въ статьѣ, которою началъ я біографію Добролюбова. Это было напечатано мною около того времени, когда я, говоритъ обвиненіе, будто бы собирался вступать въ товарищество съ Герценомъ. Эта моя рѣзкость надѣлала тогда довольно шума въ нашей литературѣ, и вообще въ послѣднее время передъ моимъ арестомъ литературный міръ очень хорошо зналъ мою непріязнь къ Герцену. На это есть печатныя указанія въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ. Для примѣра укажу на «СПБургскія Вѣдомости» первой половины 1862 г. [1])

Но кромѣ политическихъ причинъ несогласія и кромѣ личной непріязни, существуетъ еще одно обстоятельство, по которому я никакъ не могъ думать о товариществѣ съ Герценомъ. Я привыкъ быть полнымъ хозяиномъ направленія журнала, въ которомъ участвую. Я могу уступить своему товарищу всю денежную часть, оставить на его волю помѣщеніе безразличныхъ по своему содержанію повѣстей, но направленіе журнала должно быть безусловно мое. Съ Герценомъ это было бы невозможно. Онъ не только сталъ бы спорить со мною о чужихъ статьяхъ, но сталъ бы требовать, чтобъ я поправлялъ по его замѣчаніямъ свои статьи. А я не только не могъ бы допустить такого вмѣшательства, а самъ потребовалъ бы отъ него безусловнаго подчиненія себѣ, то есть вещи невозможной. Кто не знаетъ, что непремѣнно я хочу быть безусловнымъ хозяиномъ направленія журнала, въ редакціи котораго участвую, тотъ не знаетъ меня. А при этомъ мысль о моемъ товариществѣ съ Герценомъ—нелѣпость. Натурально послѣ этого, что я былъ до крайности удивленъ, услышавъ на допросѣ 30 октября, что я обвиняюсь въ сношеніяхъ съ Герценомъ, и почелъ этотъ вопросъ сдѣланнымъ безъ всякихъ основаній. Но еще болѣе былъ я изумленъ, когда на первомъ изъ двухъ допросовъ, бывшихъ въ мартѣ, сообщили мнѣ, что существуетъ письмо, выражающее согласіе Герцена на то, чтобъ

---

[1]) Къ общеизвѣстнымъ разсказамъ о благоговѣйномъ отношеніи Чернышевскаго къ Добролюбову прибавлю сообщаемый г. Николаевымъ: „Я помню, онъ читалъ намъ свой „Прологъ къ прологу“. Когда онъ читалъ дневникъ Левицкаго (въ которомъ онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, изобразить Добролюбова), голосъ его задрожалъ, въ немъ послышались всхлипывающія ноты, на глазахъ показались слезы. И онъ убѣжалъ тогда на полчаса: вѣроятно, хотѣлъ остаться одинъ со своими слезами. Онъ вообще не могъ безъ слезъ вспоминать Добролюбова: такъ сильно онъ любилъ его и настолько выше себя ставилъ его“ (см. брошюру г. Николаева, стр. 24).

издавать журналъ со мною. Кѣмъ придуманъ такой невозможный для меня проектъ, я и не постигаю. Но если еще остается какое нибудь подозрѣніе въ томъ, что я имѣлъ это намѣреніе, то я прошу, чтобы Пр. С. разрѣшилъ мнѣ принять для изслѣдованія этого страннаго случая тѣ мѣры, какія могутъ быть допущены по закону.

2. Объясненіе о мнимомъ шифрѣ, найденномъ у меня.

Эти картонные лоскутки исписаны буквами и цифрами почерка моего родственника, Алексѣя Осиповича Студенскаго, который теперь, вѣроятно, находится въ Петербургѣ и адресъ котораго, вѣроятно, извѣстенъ моему двоюродному брату, Александру Николаевичу Пыпину, живущему у Владимірской, въ Свѣчномъ переулкѣ, въ домѣ Тулякова, квартира № 43 (А. Н. Пыпина).

Уѣзжая въ Саратовъ, за нѣсколько времени передъ моимъ арестомъ, г. Студенскій принесъ мнѣ на сохраненіе зеленую папку съ своими бумагами и положилъ ее на окно моей комнаты или въ нижній ящикъ стоявшаго въ ней шкапа съ книгами,—не припомню въ точности. Я, разумѣется, и не дотрогивался до этой папки. Вѣроятно, въ ней и нашлись эти картонные лоскутки. Что это за игрушка, вѣроятно, объяснитъ г. Студенскій. А я дѣлаю такое предположеніе, за удачность котораго, впрочемъ, не ручаюсь:

Незадолго передъ моимъ арестомъ, были совѣщанія людей, занимающихся русскою грамматикою (кажется, въ залѣ 2-й гимназіи), объ улучшеніи русскаго языка и орѳографіи. Г. Студенскій былъ очень заинтересованъ этимъ предметомъ и занимался лексикографическими и этимологическими разложеніями русскихъ словъ на ихъ составныя части,—я думаю, не сдѣлалъ ли онъ эти картонные лоскутки для пособія себѣ въ такомъ занятіи. А, впрочемъ, не рѣшаю, угадалъ ли я.

Я не обратилъ на нихъ большого вниманія, когда мнѣ показывали ихъ, думая, что сама комиссія почтетъ удобнымъ оставить безъ вниманія эту игрушку. Но если не обманываетъ меня память, лоскутки исписаны такъ: по краю лоскутка съ начала строки идетъ рядъ цифръ отъ 1 до 36 или 35, а послѣ цифръ написаны буквы русской азбуки. Еслибъ это былъ шифръ, этотъ шифръ принадлежалъ бы къ такой системѣ: каждой буквѣ соотвѣтствуетъ одна цифра (отъ 1 буквы до 9-й) или 2 цифры (отъ 10 буквы до конца азбуки); знакъ каждой буквы (одну цифру или двѣ) надобно ставить отдѣльно отъ предыдущаго и послѣдующаго знака, потому что иначе нельзя было бы различить, гдѣ брать двѣ цифры за букву, гдѣ одну, и самъ писавшій не могъ бы разобрать того, что написалъ, и никакой ключъ но помогъ бы путаницѣ. Поясню это примѣромъ. Пусть будетъ

а — 1
б — 2
л — 12;

тогда, если написать сплошь 1212, нельзя будетъ, имѣющему ключъ шифра знать, какъ прочесть это: *абл* или *лаб*, или *абаб*, или *лл*. Потому необходимо писать врознь, такъ:

1 2 12 —

это будетъ *абл*.

12 1 2 — *лаб*,
12 12 — *лл*.

Но всѣ шифры такой системы (для каждой буквы особый знакъ и знакъ каждой буквы ставится особо отъ предыдущаго и послѣдующаго) уже черезчуръ просты. Я никогда не занимался искусствомъ дешифровки, но берусь въ одинъ вечеръ найти ключъ къ отрывку, писанному какимъ бы то ни было шифромъ этой системы. Еслибъ я имѣлъ надобность или охоту придумывать или употреблять шифръ, то надѣюсь, что у меня достало бы смысла понять, что шифръ такой системы слишкомъ плохъ, и достало бы ума придумать шифръ получше.

Прибавлю: я не такой невѣжда, какимъ предполагаетъ меня это обвиненіе. Изъ чтенія гражданскихъ и политическихъ и неполитическихъ уголовныхъ иностранныхъ процессовъ мнѣ извѣстно, что употребленіе какого бы то ни было шифра признано вещью устарѣлою, неудобною для тайныхъ сношеній и слишкомъ опасною для сносящихся. И еслибъ я хотѣлъ имѣть съ кѣмъ нибудь тайныя письменныя сношенія, то ужъ навѣрное не выбралъ бы средствомъ для нихъ не только такой младенческой системы шифра, какую давали бъ эти лоскутки, когда бы служили для шифрованія, но и никакой системы шифра.

3. Поясненія по показаніямъ г. Костомарова всѣмъ вообще.

Я не юристъ, потому прошу Пр. С. быть снисходительнымъ, если въ этомъ отдѣлѣ моего дополнительнаго показанія беру предметъ, который, по обычаямъ нашей судебной практики, долженъ быть предметомъ моихъ отвѣтовъ не теперь, а въ какомъ либо послѣдующемъ періодѣ моего процесса. Слѣдственная комиссія не спрашивала меня, имѣю ли я причины отвода противъ г. Костомарова. Я не знаю, долженъ ли быть предложенъ мнѣ этотъ вопросъ; если нѣтъ, то вновь прошу снисходительности Пр. С. къ той погрѣшности, что утруждаю Сенатъ разборомъ вопроса, не подлежащаго моему отвѣту. Наконецъ, что касается самой сущности предъявляемыхъ мною основаній отвода, вновь прошу снисходительности Пр. С. въ томъ случаѣ, если причины эти неудовлетворительны: я никакъ не хотѣлъ бы приводить за-

коновъ, не подходящихъ къ дѣлу, но по недостатку спеціальнаго юридическаго знанія могу ошибиться.

Мнѣ кажется, не знаю, основательно ли, что г. Костомаровъ подходитъ или подъ какой либо, или подъ нѣкоторые изъ слѣдующихъ законовъ:

Св. зак. т. XV кн. 2 ст. 216 п. 1—«не допускаются въ дѣлѣ уголовномъ къ свидѣтельству подъ присягою 1) лица, прикосновенныя къ дѣлу».

Г. Костомаровъ есть лицо прикосновенное къ дѣлу, если не сдѣлалъ своихъ показаній противъ меня при самомъ началѣ слѣдствія надъ нимъ, по статьѣ (того же тома той же книги) 596:

«Всякаго состоянія люди обязаны доносить о дѣлахъ, касающихся до преступленій государственныхъ, означенныхъ въ статьяхъ 275—280 и 282—287 улож. о наказ., подъ опасеніемъ за недонесеніе наказаній, опредѣленныхъ за сіе въ статьяхъ 277, 279, 281,—286 и 288 того же уложенія»,

и статьи 17 уложенія о наказаніяхъ:

«прикосновенными къ преступленію считаются и тѣ, которые, знавъ о умышленномъ или уже содѣянномъ преступленіи и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили сей обязанности».

Если же г. Костомаровъ сдѣлалъ свои показанія противъ меня при самомъ началѣ слѣдствія надъ нимъ, то я прежде допущенія показаній г. Костомарова за обвиненія, подлежащія судебному разсмотрѣнію, въ настоящее время, долженъ просить Пр. С. объ изслѣдованіи вопроса: почему при существованіи такихъ показаній я не былъ призванъ къ суду или какому либо отвѣту въ послѣднюю половину 1861 года, когда производилось слѣдствіе надъ г. Костомаровымъ.

Или, быть можетъ, г. Костомаровъ подходитъ подъ пунктъ 2-й той же 216 статьи XV тома 2 ч.

«не допускаются въ дѣлѣ уголовномъ къ свидѣтельству подъ присягою 2) имѣвшіе съ нимъ (подсудимымъ) вражду»,

мнѣ казалось бы, что онъ подходитъ подъ этотъ пунктъ на основаніи фактовъ, которые я излагаю ниже.

Если же г. Костомаровъ подходитъ подъ какой либо изъ этихъ законовъ, то мнѣ казалось бы, что мнѣ нѣтъ нужды и входить въ разборъ его показаній, на основаніи

Св. зак. т. XV кн. 2 ст. 334: «Показанія свидѣтелей вовсе не имѣютъ силы доказательства 1) когда они учинены безъ присяги».

Перехожу къ поясненію моихъ отношеній съ г. Костомаровымъ.

Я былъ внимателенъ, могу сказать: добръ къ нему. Не скрывается ли въ этомъ нѣчто особенное? Да, скрывается или, вѣрнѣе сказать, обнаруживается особенность моего характера, доходящая до такой крайности, которая служитъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ въ кругу моихъ знакомыхъ, источникомъ

безчисленныхъ хлопотъ и непріятностей для меня: трудно найти человѣка, который не получилъ бы отъ меня всякой возможной услуги и помощи, кто ни бы былъ этотъ ищущій ее у меня,—знакомый или незнакомый, все равно. Какъ писатель, я извѣстенъ крайнею жестокостью,—въ частной жизни я страдаю противоположнымъ недостаткомъ.

Но кромѣ этой особенной, была другая, самая обыкновенная причина моей внимательности къ г. Костомарову. Я былъ журналистъ. Всякій неглупый журналистъ знаетъ, что должно быть внимательнымъ къ молодымъ начинающимъ литераторамъ, потому что изъ нихъ выходятъ свѣжія силы, а безъ внимательности къ нимъ журналъ хилѣетъ и падаетъ. Поэтому я, для собственной выгоды, всегда былъ внимателенъ къ начинающимъ литераторамъ, высматривая, не окажется-ли кто нибудь изъ нихъ хорошимъ работникомъ. Люди болѣе меня зоркіе умѣютъ скоро различать, годится или не годится молодой человѣкъ въ сотрудники журнала. Мнѣ нужно всматриваться долго. И я все еще только всматривался въ г. Костомарова, не рѣшаясь предложить ему работу въ «Современникѣ», пока получше не узнаю его способностей (Быть можетъ, нелишнее объяснить, что сотрудничество, постоянное участіе въ собственно журнальной работѣ, въ такъ называемыхъ текущихъ статьяхъ вовсе не то, что печатаніе стиховъ въ журналѣ).

Въ такихъ отношеніяхъ я былъ съ десятками начинающихъ литераторовъ. Г. Костомаровъ былъ не исключеніе, а подходилъ подъ общее правило. Для г. Костомарова я сдѣлалъ даже гораздо меньше, чѣмъ для многихъ другихъ.

Эта необходимость быть внимательнымъ и оказывать возможныя услуги еще вовсе не составляетъ интимности и не свидѣтельствуетъ о довѣріи. Это просто то, что наниматель на работу высматриваетъ хорошихъ работниковъ между людьми, ищущими работы. Съ г. Костомаровымъ я былъ менѣе коротокъ, нежели бывалъ со многими изъ начинающихъ литераторовъ. Что дѣйствительно не былъ я съ нимъ коротокъ и почему не былъ, это будетъ видно изъ слѣдующихъ поясненій.

Но я дѣйствительно былъ внимателенъ къ нему. Напримѣръ, онъ сталъ говорить, что хочетъ издать поэтическую хрестоматію; я отдалъ ему сборникъ подобнаго рода, валявшійся у меня уже нѣсколько лѣтъ и не нужный мнѣ. Онъ принялъ за большую услугу подарокъ этой вещи, непригодной мнѣ ни на что, и просилъ позволенія написать въ предисловіи, что хрестоматія, которую онъ сдѣлаетъ на основаніи этого сборника (уже устарѣвшаго и потому требовавшаго передѣлки), составлена по моимъ совѣтамъ. Когда онъ вздумалъ издать переводъ «Исторіи литературы» Шерра, я на его просьбу помочь отвѣчалъ, что беру цензурныя хлопоты и печатаніе на себя. То и другое не было для меня важностью. Цензоръ былъ всегда готовъ по моей просьбѣ прочесть рукопись поскорѣе; типографія Вульфа и бумажная

лавка (бывшая) Завѣтнова имѣли текущій счетъ и кредитъ съ конторою «Современника». Но для г. Костомарова была важна услуга, которая не стоила мнѣ ничего.

По возвращеніи моемъ (въ сентябрѣ 1861 г.) изъ Саратова въ Петербургъ, когда г. Костомаровъ былъ уже арестованъ, я пересталъ дѣлать для него что либо и, между прочимъ, отказался печатать переводъ Шерра. Кто хочетъ объяснить это только въ невыгодную для меня сторону, легко найдетъ двѣ причины перемѣны. Возвратившись изъ Саратова, я узналъ, что мой двоюродный братъ, г. А. Пыпинъ, взялъ на себя редакцію другого перевода той же книги Шерра; натурально предположить, что я не хотѣлъ мѣшать успѣху изданія, въ которомъ работалъ мой родственникъ. Этимъ, кажется, достачно объясняется отказъ мой печатать переводъ г. Костомарова. А вообще, у меня, какъ у журналиста, исчезала причина внимательности къ г. Костомарову: даровитый онъ былъ человѣкъ или нѣтъ, все равно, онъ надолго лишался способности быть полезнымъ для журнала. Я не имѣю права требовать, чтобы мою перемѣну приписывали побужденіямъ болѣе благороднымъ [1]).

Но отчего бы ни произошла перемѣна, г. Костомаровъ увидѣлъ, что ошибся въ разсчетахъ на мою помощь, и это очень раздражило его противъ меня.

Въ то время, когда производилось дѣло г. Михайлова, носились слухи, что у г. Костомарова найдено воззваніе къ барскимъ крестьянамъ или два какія то воззванія; что по судебному изслѣдованію найденъ былъ авторъ этой рукописи или этихъ рукописей. Если какой либо изъ этихъ слуховъ основателенъ, то мнѣ нѣтъ надобности доказывать, что воззваніе къ барскимъ крестьянамъ писано не мною. На очной ставкѣ со мною при второмъ изъ допросовъ, сдѣланныхъ мнѣ въ мартѣ, г. Костомаровъ упомянулъ, что это воззваніе (или эти два возванія) признано (или признаны) по суду за написанныя имъ, г. Костомаровымъ. Но хотя эти слова его и совершенно въ мою пользу, я не ссылаюсь на нихъ, какъ на что либо достовѣрное, потому что вообще въ словахъ г. Костомарова слишкомъ много неточностей; я только прошу о повѣркѣ этихъ его словъ справкою съ его дѣломъ.

Прибавлю: носились слухи, что г. Костомаровъ въ продолженіе своего процесса перемѣнялъ свои показанія и постепенно дошелъ въ нихъ до такихъ странностей, что слѣдственная комиссія, производившая его дѣло, перестала принимать его показанія къ свѣдѣнію. Этотъ слухъ также требуетъ повѣрки справкою съ дѣломъ г. Костомарова.

Вообще справка съ дѣлами г. Костомарова и г. Михайлова должна объяснить много вопросовъ, рѣшеніе которыхъ, каково

---

[1]) Разумѣется истинная причина—доносъ на Михайлова. Послѣ этого Чернышевскій принялъ, по всей вѣроятности, мѣры къ уничтоженію слѣдовъ сношеній съ Костомаровымъ.

бы оно ни было, непремѣнно устраняетъ обвиненія противъ меня, извлекаемыя изъ показаній г. Костомарова. Изъ этихъ вопросовъ въ предыдущемъ изложеніи фактовъ уже явились слѣдующіе: когда и какъ даны показанія г. Костомарова (если давно, я устраняю ихъ, какъ уже отвергнутыя судомъ; если недавно, я устраняю ихъ, какъ показанія лица, лишившагося способности быть свидѣтелемъ); перемѣнялъ ли г. Костомаровъ свои показанія или нѣтъ (если перемѣнялъ, они теряютъ силу доказательствъ по взаимному противорѣчію; если не перемѣнялъ, то, значитъ, они признаны за основательныя судомъ, не призывавшимъ меня къ отвѣту); открытъ ли судомъ авторъ рукописи (или рукописей), найденныхъ у г. Костомарова (если открытъ, мнѣ не въ чемъ оправдываться; если нѣтъ, то одно изъ двухъ: г. Костомаровъ знаетъ или не знаетъ его; если знаетъ, онъ неспособенъ быть свидѣтелемъ, какъ лицо, бывшее укрывателемъ; если не знаетъ, его показанія противъ меня неосновательны). Другіе вопросы, требующіе справки съ дѣлами г. Костомарова и г. Михайлова, будутъ представляться въ послѣдующемъ изложеніи фактовъ.

Сдѣлавъ эти поясненія, относящіяся ко всѣмъ обвиненіямъ противъ меня, извлекаемымъ изъ показаній г. Костомарова, перехожу къ разбору каждаго изъ этихъ обвиненій въ отдѣльности, повторяя, что къ предыдущимъ объясненіямъ мнѣ кажется, что я имѣю право отвергать ихъ безъ всякаго разбора, какъ незаслуживающія судебнаго разсмотрѣнія, и прося снисходительности Пр. С. къ моей ошибкѣ, если, не будучи юристомъ, ошибаюсь въ этомъ моемъ мнѣніи.

1. Поясненія по показанію г. Костомарова, будто я читалъ ему съ г. Михайловымъ воззваніе къ барскимъ крестьянамъ, какъ написанную мною вещь.

Г. Костомаровъ (зимою 1860—61 года) однажды вечеромъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ г. Михайловымъ. Когда меня спрашивали при слѣдствіи, гдѣ я видѣлъ г. Костомарова въ первый разъ, я не могъ ручаться за то, что онъ когда нибудь прежде этого не видѣлъ меня въ лицо или не былъ въ однѣхъ комнатахъ со мной. Человѣкъ, который по своимъ занятіямъ постоянно видитъ новыя лица, часто и не говорящія ему своей фамиліи изъ авторскаго самолюбія, чтобъ не осталось у журналиста связаннаго съ фамиліею воспоминанія о какой нибудь плохой отвергнутой имъ повѣсти или статьѣ, такой человѣкъ не можетъ ручаться за то, когда именно видѣлъ его кто либо въ первый разъ. Приведу фактъ изъ своей жизни. Г. Краевскій и г. Некрасовъ поступили бы очень опрометчиво, если бы сказали передъ судомъ, когда видѣлись со мной въ первый разъ. Безъ сомнѣнія, каждый изъ нихъ очень хорошо помнитъ, когда я былъ у него въ первый разъ въ 1853 году, съ котораго начались наши лите-

ратурныя отношенія. Но я видѣлъ того и другого несравненно раньше. Г. Краевскому я отдалъ (лично, въ тогдашней конторѣ «Отечественныхъ Записокъ») переводъ біографіи г-жи Ментенонъ изъ фельетона «Journal des Débats» въ іюлѣ или августѣ 1846 года; и г. Краевскій былъ такъ милъ, что говорилъ со мною довольно долго и очень ласково, но переводъ мой не годился для журнала. Онъ очень удивится, когда я напомню ему это обстоятельство. Точно также удивится г. Некрасовъ, когда я скажу, что въ концѣ 1847 гогда или въ началѣ 1848 года я видѣлъ его и сказалъ съ нимъ нѣсколько словъ въ тогдашней конторѣ «Современника», отдавая ему написанную мною тогда повѣсть (содержаніе которой были несчастія сироты-дѣвушки, воспитывавшейся въ институтѣ и потомъ попавшей въ дурныя руки),— повѣсть, которая тоже оказалась незаслуживающею печати. Конечно, я не напомнилъ ни тому ни другому объ этихъ свиданіяхъ, когда начиналъ знакомство съ ними черезъ нѣсколько лѣтъ, и былъ очень радъ, что они совершенно забыли о нихъ и встрѣтили меня, какъ человѣка, никогда еще не виданнаго ими.

Но когда мнѣ сказали, что г. Костомаровъ говоритъ, что не видѣлъ меня до своего пріѣзда съ г. Михайловымъ ко мнѣ, то я полагаю, что это правда; по крайней мѣрѣ, это согласно съ моими собственными воспоминаніями. И когда теперь мнѣ извѣстно, что подъ первымъ свиданіемъ моимъ съ г. Костомаровымъ разумѣется пріѣздъ г. Костомарова съ г. Михайловымъ ко мнѣ, то я могу объяснить, какъ это произошло.

Въ ту зиму (1860—1861 г.) г. Михайловъ бывалъ у меня довольно рѣдко, почти всегда только по утрамъ, на короткое время, по дѣламъ «Современника», корректуры котораго тогда читалъ онъ. Но онъ зналъ, что мои знакомые собираются сидѣть у меня по средамъ. И вотъ въ одну среду вечеромъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ молодымъ человѣкомъ въ уланскомъ мундирѣ и рекомендовалъ его мнѣ, какъ г. Костомарова, литератора. Когда они пріѣхали, у меня уже находилось, когда они уѣхали, у меня еще оставалось нѣсколько человѣкъ гостей. Я встрѣтилъ г. Михайлова и г. Костомарова въ залѣ, гдѣ сидѣлъ съ гостями, и новые два сѣли въ кругу прежнихъ. Черезъ нѣсколько времени г. Костомаровъ сказалъ мнѣ, что хочетъ поговорить со мною наединѣ; это очень обыкновенная вещь у литераторовъ, журналисты привыкли слышать такія желанія и исполнять ихъ; литературныя дѣла такъ близко касаются авторскаго самолюбія, что о нихъ очень часто говорятъ наединѣ. Я ждалъ обыкновеннаго для журналистовъ объясненія о литературныхъ намѣреніяхъ, просьбъ о совѣтахъ по какимъ нибудь стихотвореніямъ или повѣстямъ, и пошелъ съ г. Костомаровымъ,—однимъ имъ,—въ мой кабинетъ. Г. Михайловъ оставался въ залѣ съ другими гостями, и не входилъ въ кабинетъ. Все время нашего отсутствія онъ оставался безвыходно въ

залѣ. Черезъ нѣсколько времени я и г. Костомаровъ возвратились въ залъ. Это факты, видѣнные моими гостями въ ту среду.

Г. Михайловъ привезъ ко мнѣ г. Костомарова въ такой вечеръ, въ который у меня бывали гости. Изъ этого я вывожу, что, привозя ко мнѣ г. Костомарова, онъ не имѣлъ никакой тайной цѣли. Для тайныхъ разговоровъ не выбираются вечера, когда у хозяина собираются гости.

Мой разговоръ съ г. Костомаровымъ въ кибинетѣ весь, съ начала до конца, происходилъ наединѣ. Г. Костомаровъ очень неудачно ввелъ въ свое показаніе обстоятельство, неточность котораго я въ состояніи доказать. Такъ какъ въ этомъ обстоятельствѣ—присутствіи г. Михайлова — не было ему надобности для его цѣлей, то изъ этого я вывожу, что его воспоминанія очень сбивчивы.

Итакъ, нашъ разговоръ съ г. Костомаровымъ въ моемъ кабинетѣ происходилъ совершенно наединѣ, какъ очень часто происходятъ разговоры журналиста съ литераторомъ,—и безъ особеннаго случая я не могъ бы доказать, что содержаніе этого разговора было вовсе не таково, какъ говоритъ г. Костомаровъ. Но, къ счастью, черезъ нѣсколько дней послѣ того произошелъ слѣдующій случай. У г. Некрасова былъ обѣдъ. Я и г. Михайловъ находились въ числѣ гостей. За обѣдомъ г. Михайловъ обратился ко мнѣ съ укоризнами въ томъ, что я охлаждаю молодыхъ людей и что я возбудилъ этимъ неудовольствіе г. Костомарова, который говорилъ ему (г. Михайлову), что разговоръ его (г. Костомарова) со мною въ кабинетѣ показалъ ему (г. Костомарову) во мнѣ апатичнаго человѣка, желающаго, чтобъ и всѣ другіе были, подобно мнѣ, апатичными гражданами, не думающими объ общей пользѣ, заботящимися только о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Г. Михайловъ осыпалъ меня этими укоризнами почти съ самаго начала до самаго конца обѣда, довольно продолжительнаго. Онъ сидѣлъ довольно далеко отъ меня (я сидѣлъ на одной изъ узкихъ сторонъ стола, а г. Михайловъ близко къ другой узкой сторонѣ стола), такъ что онъ говорилъ со мною черезъ весь столъ, говорилъ громко и съ жаромъ, заглушая разговоръ между собою другихъ обѣдавшихъ, которые скоро почти всѣ перестали говорить между собою, слушая нашъ разговоръ, состоявшій изъ длинныхъ горячихъ нападеній Михайлова на меня и моихъ короткихъ холодныхъ или шутливыхъ отвѣтовъ.

Это послѣдствіе моего разговора съ г. Костомаровымъ показываетъ, что этотъ происходившій между мною и имъ разговоръ имѣлъ съ моей стороны направленіе и содержаніе прямо противоположное тому, что утверждаетъ г. Костомаровъ.

Мнѣ кажется, что я могу теперь ожидать вѣры въ слѣдующее мое показаніе о дѣйствительномъ содержаніи этого разговора. Вотъ оно. Г. Костомаровъ, начавъ рѣчь съ сборника переводныхъ стихотвореній, который онъ издавалъ тогда, перешелъ къ обыкновеннымъ жалобамъ литераторовъ на цензуру, а отъ нихъ началъ было переходить къ тому, что вообще дѣла у насъ въ Россіи

идутъ плохо, но на этомъ, совершенно еще неопредѣленномъ періодѣ его словъ я остановилъ его шутливымъ вопросомъ, велико ли у него состояніе, когда онъ служитъ репетиторомъ въ одномъ изъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ—«я привыкъ находить, сказалъ я, что между преподавателями кадетскихъ корпусовъ нѣтъ людей очень богатыхъ (о томъ, гдѣ онъ служитъ, я спрашивалъ у него прежде, когда мы сидѣли въ залѣ»).—«Никакого состоянія, кромѣ маленькаго разваливающагося домика у моей матушки».—«Ахъ, у васъ есть матушка?»—спросилъ я иронически,—«и сестры» отвѣчалъ онъ.—«Вотъ какъ, у васъ есть матушка и сестры, сказалъ я съ еще большей ироніей,—и вѣроятно живутъ доходами съ этого разваливающагося домика?»—«Нѣтъ, какой же съ него доходъ», отвѣчалъ онъ уныло,—«я содержу ихъ своею работою и жалованьемъ.»—«А когда такъ, сказалъ я серьезнымъ тономъ,—то вамъ слѣдуетъ думать не о томъ, хорошо или дурно идутъ дѣла въ Россіи, а о вашемъ семействѣ, которое вы обязаны содержать вашими трудами»;—сказавъ нѣсколько словъ на эту обыкновенную тему обыкновеннымъ тономъ людей, успѣвшихъ поостыть и читающихъ по всякому малѣйшему поводу нотаціи молодымъ людямъ о семейныхъ обязанностяхъ и разсудительности,—я всталъ, и мы возвратились въ залъ.

Я перервалъ г. Костомарова такъ рано, что онъ не только не успѣлъ дойти до какихъ бы то ни было намековъ о какихъ нибудь тайныхъ своихъ дѣлахъ, но и не успѣлъ сказать ровно ничего особеннаго,—немногія слова, которыя успѣлъ сказать онъ о плохомъ, по его тогдашнему мнѣнію, ходѣ дѣлъ въ Россіи, были такъ неопредѣленны и блѣдны, что показались мнѣ не больше, какъ попыткою того, что называется «полиберальничать»—обыкновенною замашкою очень многихъ, скучною для меня [1]).

Въ горячихъ укоризнахъ, дѣлаемыхъ мнѣ г. Михайловымъ за обѣдомъ у г. Некрасова также не было ничего такого, что могло бы возбудить во мнѣ предположеніе о какихъ нибудь тайныхъ дѣлахъ или намѣреніяхъ у г. Михайлова или г. Костомарова. Это само собою слѣдуетъ уже изъ того, что онъ говорилъ при нѣсколькихъ лицахъ, открыто, громко. Я зналъ г. Михайлова за человѣка пылкаго, но очень мало занимающагося политическими вопросами,—да и разгорячился тогда онъ вовсе не по какому нибудь политическому вопросу, а изъ-за того, что я назвалъ бездарнымъ стихоплетомъ г. А. Майкова (извѣстнаго поэта),—г. Михайловъ вспыхнулъ, началъ говорить, что у меня нѣтъ эстетическаго чувства, что я унижаю искусство, отвергаю поэзію, отвергаю все высокое и благородное, что мой взглядъ холодный, леденящій всѣ благородные порывы,—вотъ какимъ рядомъ мыслей дошелъ онъ до того, что я охладѣлъ и тѣмъ разсердилъ г. Ко-

[1]) Чернышевскій ея вообще не выносилъ.

*

стомарова—и поэтому слова г. Михайлова въ своей неопредѣленности не имѣли никакого политическаго смысла.

Но если не было ничего замѣчательнаго въ содержаніи словъ г. Михайлова, то всетаки вѣдь они говорились въ укоризну мнѣ,—это была сцена непріятная для меня: полчаса слушать брань на себя, хоть и отъ добраго знакомаго,—это такой случай, на который не стоитъ сердиться, но который невольно запоминается съ обстоятельствами, къ которымъ онъ относится. Вотъ причина, по которой врѣзались въ моей памяти черты разговора съ г. Костомаровымъ.

Но самъ по себѣ этотъ разговоръ не былъ важенъ, да и весь вечеръ, проведенный у меня г. Костомаровымъ вмѣстѣ съ г. Михайловымъ, тоже не былъ важенъ; вотъ объясненіе тому, что у г. Костомарова осталось слишкомъ слабое воспоминаніе объ этомъ вечерѣ и этомъ разговорѣ, такъ что, дѣлая показаніе, онъ не могъ сообразить, что вводитъ въ него такую черту, неточность которой я могу доказать,—то есть мнимое присутствіе г. Михайлова при нашемъ разговорѣ.

У меня никогда не было никакого разговора втроемъ съ г. Костомаровымъ и г. Михайловымъ безъ другихъ свидѣтелей. Я видѣлъ г. Михайлова и г. Костомарова вмѣстѣ только одинъ разъ, и въ этотъ разъ г. Михайловъ не выходилъ изъ моего зала, гдѣ сидѣлъ съ другими моими гостями.

Г. Костомаровъ ввелъ въ свое показаніе другое обстоятельство, котораго не вздумалъ бы утверждать при близкомъ знакомствѣ съ моими привычками. Онъ говоритъ, будто я читалъ ему и г. Михайлову вещь, написанную мною. Всякій близко знающій меня знаетъ, что это нравственная невозможность. Я никогда не читаю никому чтобы то ни было написанное мною. Этотъ обычай столь же чуждъ мнѣ, какъ танцованье балетныхъ танцевъ и собираніе милостыни подъ окнами. Авторъ только по одному изъ двухъ слѣдующихъ побужденій читаетъ кому нибудь что нибудь написанное имъ: или изъ авторской любви къ написанному, когда дорожитъ тѣмъ, что написалъ, или по авторской скромности, чтобы просить замѣчаній, совѣтовъ. Но всѣмъ моимъ хорошимъ знакомымъ извѣстно, что въ моихъ глазахъ не имѣетъ никакой важности ничто изъ того, что я пишу. Быть можетъ, когда нибудь я напишу что нибудь, чѣмъ буду дорожить, но это будетъ не политическій памфлетъ, а большое философское сочиненіе. А все, что я писалъ до сихъ поръ, я считаю ничтожнымъ для себя. Я, какъ литераторъ, чрезвычайно гордъ, но именно по чрезмѣрной гордости чуждъ авторскаго тщеславія. Мнѣ противно даже слушать, когда говорятъ о чемъ нибудь, написанномъ мною,—съ похвалою ли говорятъ, или съ порицаніемъ, или тономъ безразличнымъ, все равно,—я немедленно поворачиваю разговоръ на другой предметъ. При такой чрезвычайной гордости натурально, что я не могу читать и для того, чтобы спрашивать совѣтовъ или замѣчаній у кого бы то ни было. Это было бы уни-

зительно для меня. Я имѣю гордость думать, что, какъ писатель, не нуждаюсь ни въ чьихъ мнѣніяхъ и совѣтахъ, и самъ лучше всѣхъ знаю достоинства и недостатки того, что пишу. Я никогда ни у кого не спрашивалъ мнѣнія или совѣта ни о чемъ, что писалъ или пишу.

То, что г. Костомаровъ могъ ввести въ свое показаніе такое неимовѣрное обстоятельство, будто бы я читалъ что бы то ни было написанное мною, объясняется только тѣмъ, что онъ не былъ никогда близокъ ко мнѣ и потому не знаетъ моихъ обычаевъ.

Прибавлю: по словамъ самого г. Костомарова, я видѣлъ тогда его въ первый разъ. Правдоподобно ли, чтобъ я сталъ выдавать себя за государственнаго преступника, чтобъ отдалъ свою голову во власть человѣка, котораго видѣлъ въ первый разъ?! Я дорожу моею головою больше, чѣмъ предполагалъ г. Костомаровъ, дѣлая такое показаніе.

5. Поясненія на показаніе г. Костомарова о посѣщеніяхъ, сдѣланныхъ ему мною въ бытность мою въ Москвѣ весною 1861 года, и о запискѣ, будто бы оставленной мною ему въ это время.

Г. Костомаровъ говоритъ, что въ одинъ изъ дней, которые я провелъ въ Москвѣ весною 1861 года, когда онъ возвратился домой, ему отдали записку со словами, что она оставлена ему мною, незаставшимъ его дома. Въ дополненіе къ этому найдено, что г. Яковлевъ показываетъ, будто бы я, не заставши дома г. Костомарова, написалъ ему (г. Костомарову) записку и, какъ кажется г. Яковлеву, написалъ ее на лоскуткѣ бумаги, уже написанномъ съ другой стороны. О способности или неспособности г. Яковлева быть свидѣтелемъ, я буду говорить ниже, по поводу его показанія о моемъ посѣщеніи г. Костомарова въ августѣ 1861 года. Здѣсь же я разбираю не качества показывающихъ лицъ, а только существо самого дѣла.

Мнѣ показывали записку на лоскуткѣ бумаги, другая сторона котораго исписана чѣмъ то. Я сдѣлалъ на ней надпись, что не признаю почерка этой записки своимъ, что онъ ровнѣе и красивѣе моего.

Въ поясненіе этого обращу вниманіе на двѣ изъ тѣхъ особенностей, которыми ровные и красивые почерки отличаются отъ неровныхъ и некрасивыхъ. Строка состоитъ изъ трехъ частей: 1. росчерки, выдающіеся вверхъ, 2. росчерки, выдающіеся внизъ, 3. средняя полоса строки. Примѣръ—въ этомъ словѣ «примѣръ» буквы *р* имѣютъ росчеркъ внизъ, буква *ѣ*—росчеркъ вверхъ, буквы *и м* не должны выдаваться ни вверхъ ни внизъ изъ основной средней полосы строки. Въ ровномъ почеркѣ линіи, проведенныя по верхнимъ и нижнимъ оконечностямъ буквъ и частей буквъ, не выдающихся изъ основной средней полосы, должны

быть прямыя параллельныя линіи; въ неровномъ онѣ ломаныя линіи, то сходящіяся, то расходящіяся. Примѣръ: слово *наша*,—тутъ всѣ части всѣхъ буквъ должны оставаться въ основной средней полосѣ строки, въ ровномъ почеркѣ верхнія и нижнія части этого слова представляются въ такихъ линіяхъ ═══════ въ неровномъ въ такихъ ~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~. Прямыя части буквъ, занимающія эту среднюю основную полосу строки, въ ровномъ почеркѣ всѣ имѣютъ одинаковое наклоненіе къ горизонтальной оси строки, а согнутыя части—части эллипсовъ, имѣющихъ одинъ размѣръ, то есть одинаковую степень собственно искривленности, или цѣлые ровные эллипсисы; эти части эллипсисовъ и эллипсисы всѣ имѣютъ центръ на одной прямой и горизонтальной линіи, то есть одинаковое наклоненіе къ оси строки. Въ неровномъ почеркѣ ни одна изъ этихъ одинаковостей не соблюдается. Примѣръ: *теплота*. Здѣсь въ ровномъ почеркѣ первыя линіи буквъ *т* и *п* одинаковы, одинаково наклонены; послѣднія линіи буквъ *т, п, л, т*, а также большая округлость буквы *е* буквы *о* и первая половина буквы *а*—также. Въ неровномъ почеркѣ этого не будетъ.

Прошу сравнить мой почеркъ съ почеркомъ записки, напрасно мнѣ приписываемой, въ этихъ двухъ отношеніяхъ.

Мой почеркъ гораздо хуже почерка записки въ обоихъ этихъ отношеніяхъ. Можно нарочно написать худшимъ, но нельзя нарочно написать лучшимъ почеркомъ, чѣмъ какимъ способенъ писать. Въ ломаномъ почеркѣ не могутъ уменьшиться недостатки подлиннаго почерка.

Если же, чтобы уменьшить эти недостатки подлиннаго почерка, для замаскированія руки, въ ломанномъ почеркѣ будутъ употреблены особенныя средства: проведеніе линеекъ, очень медленное черченіе (вырисовываніе) буквъ вмѣсто обыкновеннаго и довольно быстраго и свободнаго движенія руки, то эти искусственныя средства оставляютъ очень яркіе слѣды на написанномъ. Въ комиссіи я слышалъ замѣчаніе: «вы могли вырисовывать буквы». Поэтому укажу средство распознать вырисованныя буквы отъ писанныхъ свободнымъ движеніемъ. Это средство—сильная лупа или микроскопъ, увеличивающій въ 10 или 20 разъ. Вырисованныя буквы явятся съ рѣзкими обрывами по толстотѣ линій, въ буквахъ естественнаго почерка переходъ толстаго въ тонкое и тонкаго въ толстое гораздо постепеннѣе. Примѣръ. Дана буква *а*, спрашивается, вырисована она или написана свободно и довольно быстро. Въ первомъ случаѣ она подъмикроскопомъ явится въ такомъ видѣ (Рис. 1) (части, перечерченныя поперечными линіями, представляютъ собою сплошную массу). Таковъ будетъ

(Рис. 1).

(Рис. 2).

видъ рисованной буквы; видъ буквы написанной свободно будетъ (Рис. 2). То есть при вырисовываніи буквъ край черты имѣетъ тенденцію становиться ломанною линіею, между тѣмъ, какъ въ обыкновенномъ почеркѣ онъ имѣетъ тенденцію быть кривою или прямою линіею.

Я не изучалъ спеціально правилъ распознаванія почерковъ, потому привожу лишь отрывочныя свѣдѣнія, какія мнѣ случилось пріобрѣсть изъ чтенія иностранныхъ гражданскихъ процессовъ. Въ случаѣ недостаточности этихъ сообщенныхъ мною пріемовъ распознаванія почерковъ, прошу Пр. С. разрѣшить мнѣ прибѣгнуть къ тѣмъ изъ даваемыхъ для этого наукою средствъ, какія могутъ быть допущены по закону.

Осмѣлюсь сказать слѣдующее: я бы никакъ не подумалъ дѣлать указанія на пріемы, употребляемые для распознаванія почерковъ, если бы не былъ и не оставался въ недоумѣніи о томъ, какимъ образомъ было возможно приписывать писанную не моимъ почеркомъ записку мнѣ, имѣющему почеркъ, дикая своеобразность котораго рѣжетъ глаза. Мой почеркъ такъ дикъ, что когда, бывало, въ школѣ товарищи дурачатся, по школьническому обыкновенію поддѣлываясь подъ почерки другъ друга и учителей, я бѣсился отъ рѣшительныхъ неудачъ написать что нибудь похожее на обыкновенные почерки.

Относительно общеизвѣстнаго пріема распознаванія почерковъ, состоящаго въ сличеніи фигуры отдѣльныхъ буквъ, прошу обратить вниманіе, между прочимъ, на слѣдующія буквы и группы буквъ:

е, с, г выходятъ въ моемъ почеркѣ очень часто очень похожи другъ на друга;

группа *ес* выходитъ подобно буквѣ *и* (иногда бываетъ трудно разобрать въ моемъ почеркѣ *если* отъ *или*);

форма буквы *з* въ моемъ почеркѣ;

постоянная уродливость буквы *и* (первая черта обыкновенно бываетъ слишкомъ велика передъ второю, разстояніе между ними вверху очень часто бываетъ слишкомъ мало сравнительно съ нижнею частью);

почеркъ очень часто перерывается, гораздо чаще, чѣмъ въ обыкновенныхъ почеркахъ; эти обрывы бываютъ между прочимъ на буквахъ *и, л, м,* послѣ которыхъ не обрывается обыкновенный почеркъ.

Въ настоящемъ показаніи особенности моей руки являются менѣе ярко, чѣмъ въ вещахъ, написанныхъ стальнымъ перомъ или карандашомъ,—притомъ же, я пишу это показаніе крупно и тщательно [1]). Для сличенія удобнѣе могутъ служить

---

[1]) Въ крѣпости никому стальныхъ перьевъ не давалось. Всѣмъ приносились уже приготовленныя гусиныя.

вещи, писанныя карандашомъ, подобно присваиваемой мнѣ запискѣ, такихъ вещей много между моими бумагами.

Сдѣлавъ эти поясненія, я утверждаю, что почеркъ приписываемой мнѣ записки: 1) не имѣетъ сходства съ моимъ почеркомъ и относится къ почеркамъ совершенно другого характера,

2) что онъ не есть ни ломанный почеркъ, ни вырисованный почеркъ, т. е., что неизвѣстное лицо, писавшее эту записку, писало ее свободнымъ и быстрымъ движеніемъ руки,

3) что я, какъ бы ни старался, не могъ бы написать такъ ровно.

Кончивъ эти поясненія о почеркѣ записки, перехожу къ другимъ сторонамъ вопроса о ней.

Писать и оставить записку, которая, если бы была дѣйствительно моя, служила бы прямою уликою,—это такая глупость, которая рѣшительно не согласна ни съ моею извѣстностью, какъ человѣка неглупаго, ни съ моимъ мнительнымъ характеромъ. Если бы я былъ такой преступникъ, какимъ выставленъ въ показаніяхъ г. Костомарова, и съ тѣмъ вмѣстѣ такой опрометчивый глупецъ, какимъ слѣдовало бы назвать меня, если бы я написалъ эту записку, то, конечно, противъ меня были бы сотни уликъ болѣе солидныхъ, чѣмъ эта записка и вообще тѣ обвиненія, которыя я опровергаю теперь.

Я былъ въ Москвѣ весною 1861 года и заходилъ тогда же къ г. Костомарову—то и другое обстоятельство я обращаю въ доказательство тому, что я не находился ни въ какихъ преступныхъ сношеніяхъ съ нимъ и не предполагалъ, чтобы онъ былъ замѣшанъ въ какомъ нибудь дѣлѣ тайнаго печатанія. Недѣли за двѣ передъ моею поѣздкою было отправлено въ Москву лицо, служившее по политической полиціи, отправлено съ порученіемъ розыскать тайное литографированіе и печатаніе, производившееся тогда въ Москвѣ. Я зналъ это по слуху, который былъ тогда извѣстенъ всему Петербургу, и по такому же слуху я знаю, что это лицо еще оставалось въ Москвѣ въ то время, когда я поѣхалъ туда. Мнѣ, какъ и всему литературному кругу, было извѣстно, что политическая полиція давно имѣетъ надзоръ за мною. Сверхъ того, я долженъ былъ думать, что само дѣло, по которому ѣхалъ я въ Москву, обратитъ на себя вниманіе политической полиціи (ниже я объясняю это дѣло) и что поэтому надзоръ за мной въ Москвѣ будетъ особенно бдителенъ. Если бы я дѣйствительно былъ прикосновененъ къ дѣлу тогдашняго московскаго тайнаго печатанія, то у меня, по всей вѣроятности, достало бы осторожности, чтобы не ѣздить въ Москву въ такое опасное (въ случаѣ моей прикосновенности) время. Ѣхать для предупрежденія моихъ соучастниковъ (въ случаѣ моей прикосновенности) было уже поздно; еслибъ у меня была эта мысль, я поѣхалъ бы двумя недѣлями раньше. Ѣхать въ то время, когда поѣхалъ я, значило бы (въ случаѣ моей прикосновенности) уже только понапрасно лѣзть

въ петлю. И безъ всякаго сомнѣнія, у меня достало бы благоразумія не бывать въ домѣ г. Костомарова, если бы я предполагалъ, что онъ занимается тайнымъ печатаніемъ, которое разыскивается политическою полиціею, имѣющею надзоръ за мною. Еслибъ я былъ его соучастникомъ или зналъ о его участіи въ тайномъ печатаніи, то я, конечно, сообразилъ бы, что своими посѣщеніями выдаю его и себя.

То, что я посѣщалъ г. Костомарова въ бытность мою въ Москвѣ весною 1861 года, пріобрѣтаетъ характеръ нравственной возможности только при принятіи за истину того, что я не былъ съ нимъ въ тайныхъ сношеніяхъ и не зналъ о его участіи въ тайномъ печатаніи.

Прибавлю: когда я познакомился съ г. Костомаровымъ и сталъ оказывать участіе къ нему, то оказалось, что нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ знаютъ его ближе, чѣмъ г. Михайловъ. Отъ нихъ я услышалъ, что онъ человѣкъ, во-первыхъ, не умѣющій молчать, во-вторыхъ, расположенный выдавать свои мечты за факты. Когда я былъ у него въ Москвѣ въ первый разъ, я ужъ имѣлъ эти свѣдѣнія о немъ. Конечно, ихъ было бы достаточно для меня, чтобы прекратить всякія сношенія съ нимъ, если бы эти сношенія имѣли сколько нибудь тайный или рискованный характеръ. Но такъ какъ я имѣлъ съ нимъ дѣло только какъ съ молодымъ начинающимъ литераторомъ, то для меня было все равно, скроменъ онъ или нескроменъ, прикрашиваетъ онъ или не прикрашиваетъ факты—при совершенной невинности и несекретности моихъ отношеній къ нему мнѣ нечего было опасаться ни отъ нескромности, ни отъ наклонности прикрашивать факты.

Дѣло, по которому я ѣздилъ тогда въ Москву, было слѣдующее: Нѣсколько петербургскихъ литераторовъ, собравшихся въ квартирѣ г. Вернадскаго, [1]) выслушали и съ нѣкоторыми измѣненіями одобрили основныя черты новыхъ правилъ цензуры, написанныя г. Вернадскимъ, и положили подать объ этомъ просьбу г. министру народнаго просвѣщенія. Надобно было кому нибудь отправиться въ Москву для предложенія участія въ этомъ дѣлѣ московскимъ литераторамъ. Г. Вернадскій вызывался ѣхать, но не раньше, какъ недѣли черезъ двѣ или три. А въ тотъ самый день, какъ было это собраніе, «Современникъ» получилъ сильную цензурную непріятность, которая усилила мое нетерпѣніе хлопотать о цензурныхъ улучшеніяхъ, и потому я сказалъ: «что откладывать въ долгій ящикъ; если присутствующіе согласны поручить это мнѣ, я поѣду завтра или послѣ завтра». Они согласились, и я дѣйствительно поѣхалъ черезъ полуторы сутки. По пріѣздѣ въ Москву тотчасъ же поѣхалъ къ г. Каткову, важнѣйшему тогда изъ московскихъ журналистовъ; онъ собралъ у себя

---

[1]) Издатель редакторъ еженедѣльнаго журнала „Экономическій Указатель“.

другихъ; я былъ на этомъ собраніи, проектъ г. Вернадскаго былъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями, г. Каткову было поручено написать записку и подробныя правила; я почелъ свое порученіе исполненнымъ и уѣхалъ въ Петербургъ [1]).

6. Поясненія на показаніе г. Костомарова, будто я диктовалъ ему воззваніе къ раскольникамъ.

Г. Костомаровъ утверждаетъ, будто бы я диктовалъ ему въ Знаменской гостиницѣ воззваніе «Къ раскольникамъ». Онъ не вздумалъ бы говорить о Знаменской гостиницѣ, если бы былъ ближе знакомъ со мною. Нѣтъ на свѣтѣ человѣка менѣе меня расположеннаго къ посѣщенію гостиницъ, ресторановъ и всего тому подобнаго. Г. Костомаровъ напрасно основался на слухѣ, будто бы я кутилъ; нѣтъ, я не охотникъ кутить.

Когда я сказалъ это на первомъ изъ мартовскихъ допросовъ, то у г. Костомарова, явившагося при второмъ мартовскомъ допросѣ на очную ставку, было готово объясненіе такому странному обстоятельству, какъ мой обѣдъ съ нимъ въ Знаменской гостиницѣ. Онъ сказалъ: «Вы повели меня въ гостинницу потому, что вашъ (т. е. мой, Чернышевскаго) кабинетъ былъ неудобенъ для диктованія». Но эти слова г. Костомарова показываютъ только, что онъ забылъ положеніе моего кабинета въ тогдашней моей квартирѣ (на Вас. островѣ, во 2 линіи, въ домѣ Громова). Нельзя было бы желать комнаты болѣе удобной для тайной диктовки. Эта комната отдалена отъ другихъ корридоромъ.

Но эта комната имѣла менѣе хорошіе обои, менѣе красивую печь, менѣе красивые полы, чѣмъ другія комнаты той квартиры; вѣроятно, г. Костомаровъ слышалъ какія нибудь порицанія моей комнаты по сравненію съ другими въ этихъ отношеніяхъ,—перезабылъ, спуталъ, подумалъ, что она неудобна для нужной ему тайной диктовки, и поэтому выстроилъ своею мечтою Знаменскую гостиницу. Напрасно. Очень удобно было бы помѣстить тайную диктовку въ мой кабинетъ. Тогда однимъ неправдоподобіемъ было бы меньше.

Но если бы мой кабинетъ дѣйствительно былъ неудобенъ для тайной диктовки, то вѣдь я очень хорошо знаю, что гостиницы еще гораздо неудобнѣе для такихъ занятій. Ужъ лучше было бы намъ съ г. Костомаровымъ отправиться для диктовки къ г. Михайлову, если мои отношенія съ г. Михайловымъ и съ г. Костомаровымъ были таковы, какъ говоритъ г. Костомаровъ. Или и у г. Михайлова не было удобной для того комнаты?

---

[1]) Подробности объ этомъ и самая „записка“ русскихъ литераторовъ приведены въ моей книгѣ „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 гг.“, на стр. 57—82.

7. Поясненія о способности или неспособности г. Яковлева быть свидѣтелемъ.

На допросахъ въ мартѣ и на первой очной ставкѣ моей съ г. Костомаровымъ еще не представлялось ничего преступнаго въ посѣщеніи, которое дѣлалъ я г. Костомарову въ августѣ 1861 г. Но на апрѣльскомъ допросѣ былъ выведенъ на очную ставку со мною г. Яковлевъ и сказалъ, что слышалъ, какъ я просилъ въ это время г. Костомарова печатать воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ». Г. Костомаровъ только уже подтвердилъ это.

Въ началѣ очной ставки г. Яковлева спросили, узнаетъ ли онъ меня, но меня не спросили, не имѣю ли я причины отвода противъ г. Яковлева. Но когда, по окончаніи очной ставки, онъ вышелъ, я сказалъ: «предостерегаю комиссію противъ этого свидѣтеля». Если остается хотя малѣйшая тѣнь подозрѣнія на мнѣ отъ его показанія, я прошу Пр. С. разрѣшенія пояснить эти мои слова.

Теперь скажу только слѣдующее. Я не знаю, въ качествѣ ли свидѣтеля или только оговаривающаго соучастника является г. Яковлевъ. Если въ качествѣ свидѣтеля, то (прося у Пр. С. снисхожденія къ моей ошибкѣ, когда такое мнѣніе мое ошибочно) я полагаю, что онъ не имѣетъ способности быть свидѣтелемъ. Если онъ сдѣлалъ свои показанія въ недавнее время, то онъ былъ укрывателемъ и, слѣдовательно, есть лицо, прикосновенное къ дѣлу. Если же онъ не былъ укрывателемъ, т. е. немедленно сообщилъ правительству о преступномъ разговорѣ, который будто бы слышалъ, въ августѣ 1861 г., то—такъ какъ я не былъ тогда ни арестованъ, ни призванъ къ отвѣту, изъ этого слѣдуетъ, что его показанія противъ меня были во время процесса г. Костомарова найдены неосновательными и что я не имѣю нужды разбирать ихъ. Но отъ этой формальной стороны обращаюсь къ существу дѣла.

8. Поясненія по показаніямъ гг. Костомарова и Яковлева о посѣщеніи мною г. Костомарова въ августѣ 1861 г.

Показанія представляютъ меня гуляющимъ въ саду. Я не гуляю и не прохаживаюсь. Исключеніе бываетъ лишь, когда я бываю принужденъ къ тому желаніемъ лица, предъ которымъ обязанъ держать себя слишкомъ почтительно, благодаря его оффиціальному званію. Я терпѣть не могу ходить по комнатѣ или по саду. Это было очень ясно видно во время моего ареста. Сначала я думалъ, что тяжесть въ головѣ, которую я чувствовалъ въ первый мѣсяцъ ареста, происходитъ отъ геморроя, и принуждалъ себя ходить по комнатѣ для моціона. Но какъ только я замѣтилъ, что это боль не геморроидальная, а ревматическая, происходящая

оттого, что я лежалъ головою къ окну, я сталъ ложиться головою въ противоположную сторону отъ окна, и съ того же дня пересталъ ходить по комнатѣ. Когда меня приглашали выходить въ садъ, я сначала выходилъ, воображая, что въ это время обыскивается комната и что я возбудилъ бы подозрѣніе отказомъ удалиться изъ нея, но мѣсяца черезъ три я убѣдился, что обысковъ не дѣлаютъ, подозрѣвать не станутъ,—и какъ только убѣдился въ этомъ, сталъ отказываться выходить въ садъ. Такъ я абсолютно не сдѣлалъ ни одного шага для прогулки по комнатѣ до сихъ поръ съ начала сентября, не выходилъ въ садъ съ октября. Исключеніе были нѣсколько дней въ концѣ апрѣля, когда я принуждалъ себя къ тому и другому по гигіенической надобности; она прошла—и вотъ ужъ больше мѣсяца я опять бываю исключительно только въ двухъ положеніяхъ: сижу и лежу.

Неужели я съ осени предвидѣлъ, что это понадобится для возраженія г. Яковлеву? Но не предвидѣлъ же я этого за двадцать лѣтъ назадъ. А я, по крайней мѣрѣ, 20 лѣтъ абсолютно не гуляю. Прогуливаться мнѣ скучно и противно. Это извѣстно моимъ знакомымъ. Съ кѣмъ изъ нихъ, когда я ходилъ по комнатѣ или по саду? Ни съ кѣмъ никогда.

Я все время, когда былъ у г. Костомарова въ августѣ 1861 г., просидѣлъ съ нимъ въ бесѣдкѣ.

Г. Яковлевъ говорилъ на очной ставкѣ: «г. Костомаровъ не повелъ васъ (меня, Чернышевскаго) въ бесѣдку потому, что тамъ былъ я» (т. е. г. Яковлевъ). Кто знаетъ меня, знаетъ, что если бы г. Костомаровъ сказалъ: «въ бесѣдку идти нельзя», то я тотчасъ бы усѣлся на скамью,—если бы скамьи не было, я пошелъ бы къ г. Костомарову сидѣть въ комнатахъ, если бы нельзя было идти сидѣть въ комнатахъ, я все время простоялъ, прислонившись къ стѣнѣ или дереву, или легъ бы на землю, но гулять не сталъ никакъ и ни за что.

Г. Яковлевъ ввелъ въ свое показаніе (а г. Костомаровъ подтвердилъ) мое невозможное гуляніе по саду только потому, что оба они не знали моихъ особенностей.

Итакъ, г. Яковлевъ, говоря, что я и г. Костомаровъ не входили въ бесѣдку потому, что онъ былъ въ ней, этимъ самымъ признаетъ, что я и онъ, г. Яковлевъ, не могли быть вмѣстѣ въ бесѣдкѣ. Я утверждаю, что въ бесѣдкѣ былъ я.

Чѣмъ доказать, что я былъ въ бесѣдкѣ? Я описалъ г. Костомарову (на очной ставкѣ) расположеніе мебели въ ней. Положимъ, я могъ говорить наудачу и отгадать. (Хотя г. Костомаровъ послѣ этого моего описанія сказалъ: «быть можетъ, мы съ вами и входили въ бесѣдку, но все-таки гуляли и по саду»). Но вотъ чего ужъ никакъ нельзя было отгадать, не видѣвши: на столѣ въ бесѣдкѣ стоялъ мой портретъ въ величину обыкновеннаго, фотографическаго, но не фотографическій, а рисованный. «Какъ это вы нарисовали?» спросилъ я.

— «На память»—отвѣчалъ онъ. Кажется, ясно теперь, что въ бесѣдкѣ былъ я.

Слѣдовательно, неосновательны слова г. Яковлева, будто бы онъ, сидя въ бесѣдкѣ, слышалъ отрывки разговора между мной и г. Костомаровымъ, гулявшими по саду. И слѣдовательно напрасно подтверждалъ эти слова г. Костомаровъ.

Но въ бесѣдкѣ или въ саду, сидя или прогуливаясь, будучи или не будучи слышимъ г. Яковлевымъ, говорилъ ли я въ августѣ 1861 г., чтобы г. Костомаровъ напечаталъ воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ»?

Рѣшить это поможетъ рѣшеніе вопроса: когда было написано воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ»? До высочайшаго манифеста? или по его обнародованіи, но до Безднинскаго дѣла, о которомъ, конечно, не могъ бы не упомянуть авторъ? [1]). Или послѣ того, но до полученія извѣстій, что крестьяне повсюду неохотно принимаютъ уставныя грамоты (до этого и послѣ этого должно быть совершенно разное содержаніе)? Вопросъ о времени, когда написано воззваніе, вѣроятно, безспорно рѣшается его содержаніемъ.

По словамъ г. Костомарова, оно было написано до весны. Въ словахъ г. Костомарова столько неточностей, что ни на одно изъ нихъ невозможно опереться. Но если воззваніе дѣйствительно было написано до весны, оно уже никуда не годилось въ августѣ. Когда я сказалъ это г. Костомарову (на очной ставкѣ), онъ даже не понялъ моихъ словъ (значитъ, мы съ нимъ не говорили о воззваніи ни въ августѣ, ни когда прежде, иначе онъ понялъ бы меня на очной ставкѣ). «Конечно, вы говорили тогда, что весною оно имѣло бы больше дѣйствія»—сказалъ онъ. Не въ томъ дѣло, наплывъ новыхъ фактовъ съ весны до августа былъ такъ великъ, что все содержаніе писаннаго до весны должно было никуда не годиться. Видя, что онъ не понимаетъ этого, я сказалъ: «мы съ вами литераторы, мы должны понимать, что писанное въ февралѣ никуда не годится по своему содержанію въ августѣ».—«Но наборъ былъ цѣлъ»—отвѣчалъ онъ мнѣ на это. Это требуетъ справки съ дѣломъ г. Костомарова. Если я былъ его соучастникомъ, то я зналъ, что дѣлается у него. Былъ ли цѣлъ наборъ, былъ ли цѣлъ станокъ у него 17 или 18 августа, когда я проѣзжалъ черезъ Москву? Если нѣтъ, то онъ, когда бы я былъ его соучастникомъ, могъ бы разсказывать мнѣ объ уничтоженіи станка и набора, если это не было сообщено мнѣ прежде. Но ужъ никакъ въ этомъ случаѣ не оставалось мѣста моей мнимой просьбѣ о печатаніи.

Если же станокъ и наборъ были цѣлы, является другое соображеніе. Когда я выѣхалъ изъ Петербурга, весь Петербургъ уже зналъ, что въ Москвѣ арестованы нѣкоторыя лица, обвиняемыя въ тайномъ печатаніи. И, безъ сомнѣнія, я сталъ бы просить г. Костомарова не о печатаніи, а объ уничтоженіи всякихъ слѣ-

---

[1]) Въ селѣ Бездна, Казанской губ., весною 1861 г. было сильное крестьянское волненіе.

довъ печатанія. А вѣрнѣе всего, что я не показалъ бы носа къ г. Костомарову.

Я могъ быть у него только потому, что зналъ себя и считалъ его нимало неприкосновеннымъ къ дѣлу тайнаго печатанія.

Но все-таки, зачѣмъ я былъ у г. Костомарова въ августѣ? Когда я прожилъ весною нѣсколько дней въ Москвѣ, я отъ нечего дѣлать навѣщалъ и знакомыхъ и полузнакомыхъ и почти незнакомыхъ (напримѣръ, г. Масловъ, управляющій московскою удѣльною конторою, скорѣе почти незнакомый, чѣмъ полузнакомый мой, особенно тогда; послѣ мы встрѣчались раза три въ обществѣ, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ). Но въ августѣ я пріѣхалъ въ Москву съ петербургскимъ поѣздомъ, выѣхалъ изъ нея въ тотъ же день съ владимірскимъ,—не показываетъ ли короткости, что я поскакалъ на свиданіе съ г. Костомаровымъ? Дѣло въ томъ, что я поѣхалъ вовсе не къ нему. Переѣхавъ съ петербургской станціи на владимірскую и взявъ билетъ, я написалъ письмо къ женѣ. Мнѣ сказали: съ этой станціи оно не попадетъ на нынѣшній петербургскій поѣздъ, отправляйтесь въ отдѣленіе почтамта. Я повезъ письмо. Отдавъ письмо, я подумалъ: если ужъ попалъ въ городъ, то заѣду къ Плещееву. Поѣхалъ, но вспомнилъ, что его нѣтъ въ Москвѣ, сказалъ извозчику «стой» и началъ думать, куда бы поѣхать. При моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга Добролюбовъ далъ мнѣ адресъ г. Головачева [1]), сказавъ, что, быть можетъ, г. Головачевъ годится въ сотрудники «Современника». Я поѣхалъ по этому адресу: собственный домъ на какомъ-то бульварѣ. — Дома г. Головачевъ?—Нѣтъ, отвѣчала служанка. Выходя изъ калитки я взглянулъ — передъ глазами Екатерининскій институтъ. — «А, да это рядомъ съ Костомаровымъ,—зайду къ нему покурить». И зашелъ. Но зашелъ только покурить. Г. Костомаровъ на очной ставкѣ, сказавъ сначала, что я пробылъ у него долго, согласился потомъ, что я торопился ѣхать, говоря: «опоздаю на поѣздъ», — точно, я говорилъ это: вѣдь неловко же сказать: мнѣ скучно сидѣть съ вами, я зашелъ только выкурить папиросу, потому что боюсь курить на улицахъ [2]). На самомъ дѣлѣ я не могъ опасаться опоздать,—я пріѣхалъ на станцію очень задолго до перваго звонка—вѣроятно, слишкомъ за часъ,—это можно повѣрить. При мнѣ происходила сцена между военнымъ и мужчиною высокаго роста, худощавымъ, въ русскомъ костюмѣ — это было очень задолго до перваго звонка. Полиція должна знать это. Итакъ, я предпочелъ куреніе у г. Костомарова некуренію, одинокое куреніе на станціи куренію въ разговорѣ съ г. Костомаровымъ, — вотъ предѣлы, показывающіе степень нашей интимности.

Повторяю: быть внимательнымъ и оказывать услуги—выгода журналиста и качество моего характера; но отъ этого еще очень

---

[1]) Алексѣя Адріановича.

[2]) Тогда, послѣ пожаровъ, вездѣ смотрѣли за куреніемъ на улицахъ.

далеко не только до тайныхъ отношеній. но и до хорошаго знакомства; не только до хорошаго знакомства, но и до того. чтобъ не предпочитать сидѣнье на станціи сидѣнью съ нимъ.

9. Общее заключеніе поясненій по всѣмъ обвиненіямъ. выводимымъ изъ показаній гг. Костомарова и Яковлева.

Если остается на мнѣ хотя малѣйшая тѣнь подозрѣнія по этимъ обвиненіямъ, то я прошу Пр. С. разрѣшить мнѣ употребленіе средствъ для полученія болѣе полныхъ опроверженій. Средствами къ тому я нахожу: то, чтобы мнѣ дано было пересмотрѣть дѣла г. Михайлова и г. Костомарова—въ нихъ должно быть много вещей, разрушающихъ настоящія показанія гг. Костомарова и Яковлева; то, чтобы мнѣ дано было разсмотрѣть воззваніе къ барскимъ крестьянамъ, такъ какъ оно не писано мною, то я ожидаю найти въ самомъ его содержаніи примѣты того, что оно не писано мною; позволить мнѣ внимательно разсмотрѣть записку, отвергаемую мною. Упоминая особенныя средства къ раскрытію истины, я, конечно, не отважусь считать нужнымъ для меня перечислять общія средства къ тому, полезныя для всякаго подсудимаго: мои судьи сами лучше, нежели могъ бы сдѣлать я, откроютъ всѣ тѣ способы къ защитѣ, какіе могутъ быть доставлены мнѣ изъ этихъ общихъ средствъ.

10. Поясненія по нѣкоторымъ изъ вопросовъ, порождаемыхъ предыдущимъ изложеніемъ или изустною частью допросовъ, дѣланныхъ мнѣ во время слѣдствія.

Я ссылаюсь на мои письма къ Его Величеству и къ Его Свѣтлости г. СПБургскому Генералъ-Губернатору, въ пополненіе моего настоящаго показанія. Но въ нихъ есть одно утвержденіе, котораго я не могу повторить теперь. Я въ нихъ говорю, что противъ меня нѣтъ обвиненій,—теперь противъ меня выставлено много обвиненій. Какъ могъ я говорить тогда, что противъ меня нѣтъ и не можетъ быть обвиненій, и что я долженъ сказать теперь вмѣсто этого?

Чтобы отвѣчать на это, прежде всего нужно знать: когда явилось въ слѣдствіи, производившемся надо мною, каждое изъ показаній или обстоятельствъ, служащихъ матеріалами для обвиненій. При допросѣ 30 октября мнѣ не было сказано, что есть письмо, говорящее о согласіи Герцена издавать со мною журналъ,—находилось ли тогда это письмо въ рукахъ комиссіи? Мнѣ не было сказано о картонныхъ лоскуткахъ,—имѣла ли тогда комиссія въ виду эти лоскутки и считала ли ихъ достойными того, чтобы спрашивать о нихъ, не шифръ ли они?—и такъ далѣе по каждому обвиненію. Какъ изъ положительнаго, такъ и изъ отрица-

тельнаго отвѣта на каждый изъ этихъ вопросовъ является новый вопросъ. Изъ положительнаго отвѣта является вопросъ: если это обвиненіе существовало, почему не спрашивали о немъ? Изъ отрицательнаго отвѣта является вопросъ: почему жъ этого обвиненія не было тогда въ рукахъ комиссіи или почему она прежде не находила, а потомъ нашла его достойнымъ быть предметомъ допроса?

Вотъ факты: я былъ арестованъ 7 іюля. Первый допросъ мнѣ былъ сдѣланъ 30 октября. Но это допросъ—говорю не въ порицательномъ, а въ юридическомъ смыслѣ слова, не заключающемъ въ себѣ ничего предосудительнаго — чисто только формальный, онъ совершенно удовлетворительно исполнялъ юридическую форму, необходимость и почтенность которой я вполнѣ понимаю и цѣню: отобрать у подсудимаго показанія о имени, званіи, лѣтахъ, и проч., я знаю, что эта форма служитъ для огражденія подсудимаго и уже она сама иногда открываетъ его невинность. Но существа дѣла этотъ допросъ не представлялъ. Существо дѣла явилось только на первомъ мартовскомъ допросѣ, болѣе чѣмъ черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ моего ареста.

Эти факты многознаменательны: я еще не имѣю права говорить, въ какую сторону они многознаменательны; это право дастъ мнѣ или отниметъ у меня приговоръ моихъ судей, но и въ томъ и другомъ случаѣ многознаменательны.

Когда я былъ призванъ въ комиссію 1 или 2 ноября (не для допроса, а для формальной замѣны нѣкоторыхъ моихъ выраженій другими,—замѣны, почтенность которой я вполнѣ понимаю), одинъ изъ членовъ комиссіи,—я теперь знаю его имя, онъ сказалъ мнѣ его 23 апрѣля, это г. Огаревъ, — я сказалъ ему въ глаза, что считаю человѣкомъ честнымъ и хорошимъ, и, конечно, не скажу за глаза меньше, скорѣе я говорю въ подобныхъ случаяхъ больше за глаза, чѣмъ въ глаза,—но не потому я составилъ себѣ очень выгодное мнѣніе о его честности, чтобъ онъ защищалъ меня на допросахъ,—напротивъ, онъ живѣе всѣхъ налегалъ на то, чтобъ я призналъ записку за мою, а лоскутки за шифръ, но я могу понимать и всегда цѣню, когда человѣкъ честно высказываетъ свое мнѣніе, все равно ошибочно или справедливо само это мнѣніе на мой взглядъ, въ мою ли пользу оно или противъ меня,— я въ томъ и другомъ случаѣ одинаково признаю его честность и уважаю за него человѣка,—итакъ, г. Огаревъ 2 ноября сказалъ мнѣ, что за нѣсколько времени передъ моимъ арестомъ я болѣе или менѣе офиціальнымъ образомъ спрашивалъ, могу ли я получить заграничный паспортъ. Я прошу Пр. С. изслѣдовать истину по этому вопросу. Лицо, манеры и тонъ голоса г. Огарева всегда внушали мнѣ и теперь внушаютъ мнѣ полную увѣренность, что онъ никогда не унизится до уловокъ для полученія признанія— да это и говорилось вовсе не къ тому, чтобы получить отъ меня показаніе,—нѣтъ, онъ, конечно, считалъ основательнымъ свѣдѣ-

ніе, которое высказывалъ [1]). Такое свѣдѣніе важно, если же не основательно, то какъ примѣръ того, что гг. члены слѣдственной комиссіи могли имѣть невѣрныя свѣдѣнія обо мнѣ и принимать ихъ за вѣрныя,—то есть съ полною добросовѣстностью ошибаться во вредъ мнѣ. Гдѣ, какъ, у кого я болѣе или менѣе офиціальнымъ образомъ спрашивалъ за нѣсколько дней передъ моимъ арестомъ, могу ли я получить заграничный паспортъ? Мнѣ кажется, что это заслуживаетъ изслѣдованія, если же не заслуживаетъ, прошу Пр. С. извинить то, что я напрасно утруждалъ его представленіемъ этого моего мнѣнія.

Въ изустныхъ объясненіяхъ на допросахъ въ слѣдственной комиссіи, я говорилъ многое изъ того, что письменно представляю теперь Пр. С. въ свою защиту, но многаго не говорилъ. Почему же я не говорилъ тогда? Если это не разъяснится самымъ ходомъ моего процесса, то я съ полнѣйшею готовностью объясню это Пр. С. точно также, какъ и все, что потребуетъ объясненія, по мнѣнію Пр. С. Это показаніе далъ 1 іюня 1863 года Пр. С. отставной титулярный совѣтникъ *Н. Чернышевскій*».

Итакъ, мы прежде всего видимъ, что Чернышевскій все еще не терялъ надежды на благопріятный исходъ своего дѣла. Въ сенатѣ онъ думалъ найти въ концѣ концовъ правду... Въ этомъ Н. Г. горько ошибся... Сенатъ ограничился пріобщеніемъ къ дѣлу его пространныхъ показаній.

Такое отношеніе произошло, несмотря на безусловную убѣдительность той части показаній, въ которой Чернышевскій, на точномъ основаніи дѣйствовавшаго тогда права, доказывалъ незаконность принятія обвиненій Костомарова и Яковлева. Бесѣдуя теперь съ опытными юристами, основательно знакомыми съ судопроизводствомъ тогдашняго времени, я убѣдился, что игнорировать эти совершенно элементарныя указанія Чернышевскаго можно было только при явномъ рѣшеніи вовсе не руководствоваться никакимъ закономъ, сколько нибудь ограждавшимъ интересы обвиняемаго. И сенатъ вступилъ на этотъ путь твердо и опредѣленно... Вотъ почему онъ не счелъ уже нужнымъ провѣрить всѣ тѣ фактическія указанія, которыя были сдѣланы Н. Г. въ доказательство того или другого своего утвержденія... Онъ и ихъ совершенно, разумѣется, игнорировалъ.

Все это еще не было вполнѣ ясно лишь самому обвиняемому, потому что онъ не могъ знать, какъ отнесся сенатъ къ его показаніямъ.

---

[1]) Разумѣется, Чернышевскій язвилъ, чтобы показать отношенія къ себѣ комиссіи. Огаревъ былъ именно изъ тѣхъ, которые были въ состояніи прибѣгать ко всѣмъ пріемамъ, лишь бы вынудить необходимое признаніе. Н. Г. не могъ не знать этого «отличавшагося» генерала.

II.

Здѣсь мнѣ кажется необходимымъ привести прокламацію къ барскимъ крестьянамъ, до сихъ поръ совершенно никому неизвѣстную.

Писалъ ли ее Чернышевскій? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить *категорически* ни да, ни нѣтъ. Ни у меня, ни у современниковъ Чернышевскаго, ни у лицъ съ нимъ близкихъ, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній, чтобы утверждать одно изъ двухъ рѣшеній. *Предполагать* же, что она принадлежитъ Н. Г., можно.

Во-первыхъ, откуда она взялась у Костомарова? Ему передалъ ее Сороко, получившій, въ свою очередь, отъ Михайлова. Костомаровъ получилъ отъ послѣдняго прокламацію къ солдатамъ. Откуда могъ взять ихъ Михайловъ? Кругъ отношеній его былъ не очень широкъ, особенно въ области общественныхъ интересовъ. Ближе всего онъ былъ съ Шелгуновымъ, не былъ далекъ и съ Чернышевскимъ. Въ своихъ показаніяхъ, данныхъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Костомарова и другихъ, Михайловъ говорилъ: «Я дѣйствительно желалъ, чтобъ воззванія были напечатаны, но, отдавая ихъ, плохо на это разсчитывалъ, и не помню, выражалъ ли даже положительно свое желаніе. Корректурный листъ воззванія къ барскимъ крестьянамъ, помнится, былъ, точно, переданъ мнѣ Костомаровымъ; на немъ, если не ошибаюсь, была только часть рукописи. При этомъ Костомаровъ, кажется, говорилъ мнѣ, что на томъ и остановилась попытка напечатать воззваніе» [1]). Очевидно, Михайловъ былъ заинтересованъ въ появленіи прокламаціи.

Во-вторыхъ слогъ прокламаціи въ связи съ удивительной способностью Чернышевскаго говорить съ каждымъ его языкомъ и кругомъ міровоззрѣнія. Посмотрите на прокламацію, вчитайтесь въ нее. Вы увидите, что ее писалъ человѣкъ, очень хорошо умѣвшій сдѣлать понятными свои мысли тогдашнему очень мало развитому крестьянину. Кромѣ того, точка зрѣнія автора прокламаціи совершенно совпадаетъ съ точкой зрѣнія Н. Г. на крестьянскій вопросъ, особенно если взять во вниманіе нѣкоторую перемѣну въ ней, сказавшуюся впервые въ «Письмахъ безъ адреса», написанныхъ въ февралѣ 1862 года.

---

[1]) В. А. Зайцевъ въ своей статьѣ о Чернышевскомъ, помѣщенной въ № 189 „Колокола“, говоритъ, что прокламація къ крестьянамъ была напечатана III Отдѣленіемъ уже во время процесса Чернышевскаго, что корректура ея правилась подъ почеркъ Н. Г. и такимъ, де, образомъ готово было новое обвиненіе. Это все совершенно невѣрно. Прокламація, какъ я уже сказалъ, никогда напечатана не была. Эта статья Зайцева перепечатана въ заграничныхъ изданіяхъ, гдѣ кое-что разсказано о процессѣ Чернышевскаго, и во второмъ приложеніи къ сборникамъ подъ редакціей г. Богучарскаго.

Въ-третьихъ, Чернышевскій, какъ и многіе въ 1862 г., разсчитывалъ на грандіозное крестьянское движеніе въ 1863-мъ. Потомъ только увидѣли, какъ переоцѣнили настроеніе крестьянъ, а тогда ждали громадныхъ событій и, разумѣется, были не прочь подготовить имъ почву.

Съ другой стороны, я думаю, что осторожный Чернышевскій не входилъ съ Костомаровымъ ни въ какія отношенія по печатанію прокламаціи, не подавъ ему даже вида, что онъ авторъ ея или вдохновитель. Фигура Костомарова, дѣйствительно, не была для него вполнѣ ясной. Онъ разсчитывалъ на конспираторскія способности Михайлова, который долженъ былъ дать ходъ прокламаціи. Поэтому всѣ разсказы Костомарова, касающіеся прокламаціи и Чернышевскаго, по моему, совершенный вздоръ, и Н. Г., дѣйствительно, не надо было много усилій памяти, чтобы лишить всѣ его показанія всякой вѣры.

Но, повторяю, все это болѣе или менѣе вѣроятныя соображенія и только.

Если бы ихъ не было, и комиссія, а за ней и сенатъ не ставили бы Чернышевскому въ вину авторство прокламаціи, я не сталъ бы приводить ее здѣсь. Но теперь считаю это очень важнымъ.

Вотъ она.

Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ.

Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ.

Ждали вы, что дастъ вамъ царь волю, вотъ вамъ и вышла отъ царя воля.

Хороша ли воля, какую далъ вамъ царь, сами вы теперь знаете.

Много тутъ разсказывать нечего. На два года останется все по прежнему, и барщина останется, и помѣщику власть надъ вами останется, какъ была. А гдѣ барщины не было, а былъ оброкъ, тамъ оброкъ останется, либо какой прежде былъ, либо еще больше прежняго станетъ. Это на два года, говоритъ царь. Въ два года, говоритъ царь, землю перепишутъ да отмежуютъ. Какъ не въ два года! Шесть лѣтъ, либо 10 лѣтъ проволочатъ это дѣло. А тамъ что? Да, почитай, что то же самое еще на семь лѣтъ; только та разница и будетъ, что такія разныя управленія устроятъ, куда, вишь ты, можно жаловаться будетъ на помѣщика, если притѣснять будутъ. Знаете вы сами, не ново это слово «жалуйся на барина». Оно жаловаться-то и прежде было можно, да много ли толку было отъ жалобъ? Только жалобщиковъ же оберутъ да разорятъ, да еще пересѣкутъ, а иныхъ, которые смѣлостъ имѣли, еще и въ солдаты заберутъ, либо въ Сибирь да въ арестантскія роты сошлютъ. Только и проку было отъ жалобъ. Извѣстно дѣло: коза съ волкомъ тягалась—одинъ хвостъ

остался. Такъ оно было, такъ оно и будетъ, пока волки останутся, значитъ, помѣщики да чиновники останутся. А какъ уладить дѣло, чтобъ волковъ то не осталось, это дальше все разсказано будетъ. А теперь покуда не объ томъ рѣчь, какіе новые порядки, какъ надо завести; покуда объ этомъ рѣчь идетъ, какой порядокъ вамъ отъ царя данъ,—что значитъ не больно-то хороши для васъ нынѣшніе порядки, а что порядки, какіе по царскому манифесту да по указамъ заводятся, все тѣ же самые прежніе порядки. Только въ словахъ и выходитъ разница, что названія перемѣняются. Прежде крѣпостными либо барскими васъ звали, а нынѣ срочнообязанными васъ звать велятъ, а на дѣлѣ перемѣны либо мало, либо вовсе нѣтъ. Эки слова то выдуманы! Срочнообязанные, вишь ты глупость какая! Какой имъ чортъ это въ умъ то вложилъ такія слова. А по нашему, надо сказать: вольный человѣкъ да и все тутъ. Да чтобъ не названіемъ однимъ, а самымъ дѣломъ былъ вольный человѣкъ. А какъ бываетъ взаправду вольный человѣкъ и какимъ манеромъ вольными людьми можно вамъ стать, объ этомъ обо всемъ дальше написано будетъ. А теперь покуда о царскомъ указѣ рѣчь: хорошъ ли онъ.

Такъ вотъ оно какъ: два года ждать царь говоритъ, покуда земли отмежуются, а на дѣлѣ земля то межеваться будетъ пять либо и всѣ десять лѣтъ, а потомъ еще семь лѣтъ живите въ прежней неволѣ, а по правдѣ то оно выйдетъ опять не семь лѣтъ, а развѣ что семнадцать либо двадцать, потому что все, какъ сами видите, въ проволочку идетъ. Такъ, значитъ, живите вы по старому въ кабалѣ у помѣщика всѣ эти годы, два года да семь лѣтъ, значитъ, девять лѣтъ, какъ тамъ въ указѣ написано, а съ проволочками то взаправду выйдетъ двадцать лѣтъ, либо тридцать лѣтъ, либо и больше. Во всѣ эти годы остается мужикъ въ неволѣ, уйти никуда не моги: значитъ, не сталъ еще вольный человѣкъ, а все остается срочнообязанный, значитъ, все такой же крѣпостной. Не скоро же воли вы дождетесь; малые мальчики до бородъ аль и до сѣдыхъ волосъ дожить успѣютъ, покуда воля то придетъ по тѣмъ порядкамъ, какіе царь заводитъ.

Ну, а покуда она придетъ, что съ вашей землею будетъ? А вотъ что съ нею будетъ. Когда отмежевывать станутъ, обрѣзывать ее велѣно противъ того, что у васъ прежде было, въ иныхъ селахъ четвертую долю отберутъ изъ прежняго, въ иныхъ третью, а въ иныхъ и цѣлую половину, а то и больше, какъ придется гдѣ. Это еще безъ плутовства отъ помѣщика да безъ потачки имъ отъ межевщиковъ, по самому царскому указу. А безъ потачки помѣщикамъ межевщики дѣлать не станутъ: вѣдь имъ за то помѣщики станутъ деньги давать, оно и выйдетъ, что оставятъ вамъ земли менѣе, чѣмъ на половину противъ прежней; гдѣ было тягло по двѣ десятины въ полѣ, оставятъ меньше одной десятины. И за одну десятину либо меньше мужикъ справляетъ барщину почти что такую же, какъ прежде за двѣ десятины, либо оброкъ плати почти что такой же, какъ прежде за двѣ десятины.

Ну, а какъ мужику обойтись половиной земли. Значитъ, долженъ будетъ прійти къ барину просить: дай, дескать, землицы побольше, больно мало мнѣ подъ хлѣбъ по царскому указу оставили. А помѣщикъ скажетъ: мнѣ за нее прибавочную барщину справляй, либо прибавочный оброкъ давай. Да и заломитъ съ мужика сколько хочетъ. А мужику уйти отъ него нельзя, а прокормиться съ одной земли, какая оставлена ему по отмежевкѣ, тоже нельзя. Ну, мужикъ на все будетъ согласенъ, что баринъ потребуетъ. Вотъ оно и выйдетъ, что нагрузитъ на него баринъ барщину больше нонѣшней, либо оброкъ тяжеле нонѣшняго.

Да на одну ли пашню надбавка будетъ? Нѣтъ, ты барину за луга подавай, вѣдь, сѣнокосъ-то, почитай, весь отнимутъ у мужика по царскому указу. И за лѣсъ баринъ съ мужика возьметъ, вѣдь лѣсъ-то, почитай, во всѣхъ селахъ отнимутъ; сказано въ указѣ, что лѣсъ барское добро, а мужикъ и валежнику подобрать не смѣй, коли барину за то не заплатилъ. Гдѣ въ рѣчкѣ или озерѣ рыбу ловили, и за то баринъ станетъ брать. Да за все, чего ты ни коснись, за все станетъ съ мужика баринъ либо къ барщинѣ, либо къ оброку надбавки требовать. Все до послѣдней нитки будетъ баринъ брать съ мужика. Просто сказать, всѣхъ въ нищіе поворотятъ помѣщики по царскому указу.

Да еще не все. А усадьбы то переносить? Вѣдь отъ барина зависитъ. Велитъ перенести—не на годъ, а на десять лѣтъ разоренья сдѣлаетъ. Съ рѣки на колодцы пересадитъ, на гнилую воду да на вшивую; съ доброй земли на солончакъ, либо на песокъ, либо на болото, вотъ тебѣ и огороды, вотъ тебѣ и коноплянники, вотъ тебѣ и выгонъ добрый, все поминай, какъ звали. Сколько тутъ перемретъ народу на болотахъ-то да на гнилой водѣ! А больше того ребятишекъ жаль: ихъ лѣта слабыя, какъ мухи будутъ на дрянной то землѣ да на дрянной то водѣ мереть. Эхъ, горькое оно дѣло! А гробы то родительскіе—отъ нихъ то каково отлучиться?

Тошно мужику придется, коли баринъ по царскому указу велитъ на новыя мѣста переселяться. А коли не переселилъ баринъ мужиковъ, такъ значитъ въ чистой, какъ есть, въ кабалѣ у него; на все есть у него такое одно словцо, что въ ноги ему упадетъ мужикъ да завопитъ: «батюшка, отецъ родной, что хочешь требуй, все выполню, весь твой рабъ!» А словцо это у барина таково: «коли не хочешь такую барщину справлять, либо такой оброкъ платить, такъ я хочу перенести усадьбу». Ну и сдѣлаешь все по этому словечку.

А то вотъ что еще скажетъ: ты на меня работалъ этотъ день, да я его въ счетъ не ставлю: плохо ты работалъ, завтра приди отрабатывать. Ну и придешь. На это тоже власть барину дана по указу царскому.

Это все объ томъ говорится, какъ мужикамъ будетъ жить, пока ихъ срочнообязанными звать будутъ, значитъ девять лѣтъ,

какъ въ бумагѣ обѣщано, а на дѣлѣ дольше будетъ, лѣтъ до двадцати либо до тридцати.

Ну, такъ, а потомъ что то будетъ, когда, значитъ, мужику разрѣшено будетъ отходить отъ помѣщика? Оно, пожалуй, что и толковать объ этомъ нечего, потому что долго еще ждать этого по царскому указу... А коли любопытство у васъ есть, такъ и объ этомъ дальнемъ времени разсудить можно.

Когда срочнообязанное время кончится, воленъ ты будешь отходить отъ помѣщика. Оно такъ въ указѣ обѣщано. Только въ немъ вотъ что еще прибавлено: а коли ты уйдешь, такъ земля твоя остается за помѣщикомъ. А помѣщикъ и самъ, коли захочетъ, можетъ тебя прогнать съ нея. Потому, вишь ты, что земля, которая была тебѣ отмежевана, все же не твоя была, а барская, а тебѣ баринъ только разрѣшеніе давалъ ее пахать, либо сѣно съ нея косить; покуда ты срочнообязаннымъ назывался, онъ тебя съ нея прогнать не могъ, а когда пересталъ ты срочнообязаннымъ называться, онъ тебя съ нея прогнать можетъ. Въ указѣ не такъ сказано на прямки, что можетъ прогнать, да на то выходитъ. Тамъ сказано: мужикъ уйти можетъ, когда срочнообязанное время кончится. Вотъ вы и разберите, что выходитъ. Барину то у мужиковъ землю отнять хочется; вотъ онъ будетъ тѣснить ихъ, да жать, да сожметъ такъ, что уйдутъ, а землю ему оставятъ,—оно, по просту сказать, и значитъ, что баринъ у мужика землю отнять можетъ, а мужиковъ прогнать.

Это о томъ времени, когда срочнообязанными васъ называть перестанутъ. А покуда называютъ, барину нельзя мужиковъ прогнать всѣхъ съ одного разу, а можно только по отдѣльности прогонять, нонѣ Ивана, завтра Сидора, послѣ завтра Карпа, поочередно; оно, впрочемъ, на то же выходитъ.

А мужику куда итти, когда у него хозяйство пропало? Въ Москву что ли или въ Питеръ, или на фабрики? Тамъ уже все полно, больше народу не требуется, помѣстить некуда. Значитъ, походитъ, походитъ по свѣту, по большимъ городамъ да по фабрикамъ, да все туда же въ деревню назадъ вернется. Это съ первоначала пробу мужики станутъ дѣлать. А на первыхъ то глядя, какъ они нигдѣ себѣ хлѣба не нашли, другіе потомъ и пробовать не будутъ, а прямо такъ въ томъ околоткѣ и будутъ оставаться, гдѣ прежде жили. А мужику въ деревнѣ безъ хозяйства да безъ земли, что дѣлать, куда дѣваться, кромѣ, какъ въ батраки наняться. Ну и нанимайся. Сладко ли оно батракомъ то жить? Нонѣ, сами знаете, не больно вкусно, а тогда и гораздо похуже будетъ, чѣмъ нонѣ живутъ батраки. А почему будетъ хуже, явное дѣло. Какъ всѣхъ то погонятъ съ земли то, такъ вездѣ будутъ сотни да тысячи народу шататься, да просить помѣщиковъ, чтобъ въ батраки ихъ взяли. Значитъ, ужъ помѣщичья воля будетъ, какое имъ житье опредѣлить, они торговаться не могутъ, какъ нонѣ батракъ съ хозяиномъ торгуется: они куску хлѣба рады будутъ, а то у самого то въ животѣ то пусто, да

семья то пріюта не имѣетъ. Есть такія поганыя земли, гдѣ ужъ и давно заведенъ этотъ порядокъ: вотъ вы послушайте, какъ тамъ мужики живутъ. У васъ нонѣ избы плохи, а тамъ и такихъ нѣтъ: въ землянкахъ живутъ да въ хлѣвахъ, а то въ сараяхъ большихъ, въ одномъ сараѣ семей десятокъ набито, все равно какъ табунъ скота какого. Да и хлѣба чистаго не ѣдятъ, а дрянь всякую; какъ у насъ въ голодные годы, у нихъ вѣчно такъ. У насъ въ русскомъ царствѣ есть такая поганая земля, гдѣ города Рига, да Ревель, да Митава стоятъ, а народъ тоже христіанскій и вѣра у нихъ тоже хорошая, да не по вѣрѣ эта земля поганая, а по тому, какъ въ ней народъ живетъ: коли хорошо мужику жить въ какой землѣ, то и добрая земля, а коли дурно, то и поганая.

Такъ вотъ оно къ чему по царскому манифесту да по указамъ дѣло поведено; не къ волѣ, а къ тому оно идетъ, что въ вѣчную кабалу васъ помѣщики взяли да еще въ такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нонѣшней.

А не зналъ царь что ли, какое дѣло онъ дѣлаетъ? Да сами вы посудите, мудрено ли это разобрать. Значитъ, зналъ. Ну и разсудите, чего надѣяться вамъ на него . . . . . Не дождетесь вы отъ него воли, какой вамъ надобно. А почему не дождетесь отъ него, тоже разсудить можно. Самъ то онъ кто такой, коли не тотъ же помѣщикъ? Удѣльные то крестьяне чьи-же? Вѣдь они его крестьяне крѣпостные. Да и васъ то въ крѣпостные помѣщикамъ все цари же отдали, иныхъ давно, такъ что вамъ уже и не памятно, а другихъ небольно давно, такъ что дѣды помнятъ. Прабабка нонѣшняго царя Екатерина отдала въ крѣпостные изъ вольныхъ. А есть еще такіе неразумные, что ее матушкою Екатериною величаютъ. Хороша матушка, дѣтей въ кабалу отдала.

Вы у помѣщиковъ крѣпостные, а помѣщики у царя слуги, онъ надъ ними помѣщикъ. Значитъ, что онъ, что они все равно. . . . . Ну царь и держитъ барскую сторону. А что манифестъ да указы выпустили, будто волю вамъ даетъ, ... А почему сдѣлалъ, вотъ почему: у французовъ да у англичанъ крѣпостного народа нѣтъ, вотъ они ему глаза и кололи, что у тебя, говорятъ, народъ въ кабалѣ. Ему и стыдно было передъ ними . . . . . .

Волю, слышь, далъ онъ вамъ! Да развѣ такая и въ правду то воля бываетъ? Хотите знать, такъ вотъ какая.

Вотъ у французовъ есть воля. У нихъ нѣтъ разницы; самъ ли человѣкъ землю пашетъ, другихъ ли нанимаетъ свою землю пахать; много у него земли, — значитъ богатъ онъ, мало — такъ бѣденъ, а разницы по званію нѣтъ никакой, все одно, какъ богатый помѣщикъ либо бѣдный помѣщикъ — все одно помѣщикъ. Надо всѣми одно начальство, судъ для всѣхъ одинъ, и наказаніе всѣмъ одно.

Вотъ у англичанъ есть воля, а воля у нихъ та, что рекрут-

ства у нихъ нѣтъ: кто хочетъ, иди на военную службу, все равно, какъ у насъ помѣщики тоже юнкерами и офицерами служатъ, коли хотятъ. А кто не хочетъ, тому и принужденія нѣтъ. А солдатская служба у нихъ выгодная, жалованья солдату больше дается, значитъ, доброй волей идутъ служить, сколько требуется людей.

А то вотъ еще въ чемъ воля и у французовъ и у англичанъ: подушной подати нѣтъ. Вамъ это, можетъ, и въ умъ не приходило, что безъ рекрутчины да безъ подушной подати можетъ царство стоять. А у нихъ стоитъ. Вотъ, значитъ, умные люди, коли такъ устроить себя умѣли.

А то вотъ еще въ чемъ у нихъ воля. Паспортовъ нѣтъ, каждый ступай, куда хочетъ, живи гдѣ хочешь, ни отъ кого разрѣшенія на это не надо.

А вотъ еще въ чемъ у нихъ воля: судъ праведный. Чтобы судья деньги съ кого бралъ—у нихъ это и не слыхано. Они и вѣрить не могутъ, когда слышатъ, что у нихъ судьи деньги берутъ. Да у нихъ такой судья одного дня не просидѣлъ бы на мѣстѣ, въ ту же минуту въ острогъ его запрятали бы.

А вотъ еще въ чемъ у нихъ воля: никто надъ тобою ни въ чемъ не властенъ, окромѣ міра. Міромъ все у нихъ правится. У насъ исправникъ, либо становой, либо какой писарь, а у нихъ ничего этого нѣтъ, а замѣсто всего староста, который безъ міру ничего подѣлать не можетъ и во всемъ долженъ міру отвѣтъ давать. А міръ надъ старостою во всемъ властенъ, а кромѣ міра никто надъ старостою не властенъ и ни къ кому староста страха не имѣетъ, а къ міру имѣетъ. Полковникъ ли, генералъ-ли, у нихъ все одно передъ старостою шапку ломитъ и во всемъ старосту слушаться долженъ; а коли чуть въ чемъ провинился генералъ али кто бы тамъ ни былъ предъ старостою, али ослушался старосты, староста его, полковника-то аль генерала-то въ острогъ сажаетъ,—у нихъ предъ старостою все равно; хоть ты простой мужикъ, хоть ты помѣщикъ, хоть ты генералъ будь, все одно староста надъ тобою начальствуетъ, а надъ старостою міръ начальствуетъ, а надъ міромъ никто начальствовать не можетъ, потому что міръ значитъ народъ, а народъ у нихъ всему голова: какъ народъ повелитъ, такъ всему и быть. У нихъ и царь надъ народомъ не властенъ, а народъ надъ царемъ властенъ. Потому что у нихъ царь значитъ для всего народа староста и народъ значитъ надъ этимъ старостою, надъ царемъ то, начальствуетъ. Хорошъ царь, послушествуетъ народу, такъ и жалованье ему отъ народа выдается, а чуть что царь сталъ супротивъ народа дѣлать, ну, такъ и скажутъ ему: ты, царь, надъ нами ужъ не будь царемъ, ты намъ не угоденъ, мы тебя смѣняемъ, иди ты съ богомъ куда самъ знаешь, отъ насъ подальше, а не пойдешь, такъ мы тебя въ острогъ посадимъ да судить станемъ тебя за твое ослушанье. Ну, царь и пойдетъ отъ нихъ куда самъ знаетъ, потому что ослушаться народа не можетъ. А какъ провожать его отъ

себя станутъ, они ему на дорогу еще деньженокъ дадутъ изъ жалости, Христа ради тамъ складчину ему сдѣлаютъ промежъ себя по грошу или по копейкѣ съ души, чтобъ въ чужой то землѣ съ голоду не умеръ. Доброй народъ, только и строгой же: потачки царю не любятъ давать. А на мѣсто его другого царя выберутъ, коли хотятъ, а не захотятъ, такъ и не выберутъ, коли охоты нѣтъ. Ну тогда ужъ просто тамъ на срокъ староста народный выбирается, на годъ ли тамъ, на два ли, на четыре ли года, какъ народъ ему срокъ полагаетъ. Такъ заведено у народа, который швейцарцами зовется, и у другого народа, который американцами зовется. А французы и англичане царей у себя пока держатъ. И надобно такъ сказать, когда народный староста не по наслѣдству бываетъ, а на срокъ выбирается, и царемъ не зовется, а просто зовется народнымъ старостою, а по ихнему по иностранному президентомъ, тогда народу лучше бываетъ жить и народъ богаче бываетъ. А то и при царѣ можно тоже хорошо жить, какъ англичане и французы живутъ, только значитъ тѣмъ, чтобы царь во всемъ народу и послушаніе оказывалъ и безъ народа ничего дѣлать не смѣлъ и чтобы народъ за нимъ строго смотрѣлъ и чуть что дурное отъ царя увидитъ, смѣнялъ бы народъ его, царя то, и вонъ изъ своей земли выпроваживалъ, какъ у англичанъ да у французовъ дѣлается.

Такъ вотъ она какая взаправду то воля бываетъ на свѣтѣ: чтобы народъ всему голова былъ, а всякое начальсвто міру покорствовало, и чтобы судъ былъ праведный и ровный для всѣхъ былъ бы судъ, и безчинствовать надъ мужикомъ никто не смѣлъ и чтобы паспортовъ не было, и подушнаго оклада не было бы. и чтобы рекрутчины не было. Вотъ это воля, такъ воля и есть. А коли того нѣтъ, значитъ и воли нѣтъ, а все одно: обольщеніе въ словахъ.

А какъ же намъ русскимъ людямъ и въ правду вольными людьми стать? Можно это дѣло обработать и не то чтобы очень трудно было; надо только единодушіе имѣть между собою мужикамъ, да сноровку имѣть, да силой запастись.

Вотъ вы, барскіе крестьяне, значитъ, одна половина русскихъ мужиковъ. А другая половина государственные да удѣльные крестьяне. Имъ тоже воли то нѣтъ. Вотъ вы съ ними и соглашайтесь и растолкуйте имъ, какая имъ воля слѣдуетъ, какъ выше прописано. Чтобъ рекрутчины, да подушной, да паспортовъ не было, да окружныхъ тамъ, да всей этой чиновной дряни надъ нами не было, а чтобы у нихъ также міръ былъ всему голова. И отъ насъ, вашихъ доброжелателей, поклонъ имъ скажите: какъ вамъ, такъ и имъ одного добра мы хотимъ.

Государственнымъ и удѣльнымъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ.

А вотъ тоже солдатъ — вѣдь онъ изъ мужиковъ, тоже вашъ братъ. А на солдатѣ все держится, всѣ нонѣшніе порядки. А солдату какая прибыль за нонѣшніе порядки стоять? Что ему житье

что ли больно сладкое? Али жалованье хорошее? Проклятое нонче у насъ житье солдатамъ. Да и лобъ то имъ забрили по принужденію и каждому изъ нихъ вольную отставку получить бы хотѣлось. Вотъ вы имъ и скажите всю правду, какъ объ нихъ написано. Когда воля мужикамъ будетъ, каждому солдату тоже воля объявится: служи солдатомъ кто хочетъ, а кто не хочетъ, отставку чистую получай. А у солдата денегъ нѣтъ, чтобы домой итти, да хозяйствомъ или какимъ мастерствомъ обзавестись, такъ ему при отставкѣ будутъ на то деньги выданы, сто рублей серебромъ каждому. А кто волей захочетъ въ солдатахъ остаться, тому будетъ въ годъ жалованья 50 рублей серебромъ. А и принужденья никакого нѣтъ, хочешь оставайся, хочешь въ отставку иди. Вы такъ имъ и скажите, солдатамъ: вы, братья солдатушки, за насъ стойте, когда мы себѣ волю добывать будемъ, потому что и вамъ воля будетъ: вольная отставка каждому, кто въ отставку пожелаетъ, да сто рублей серебромъ награды за то, что своимъ братьямъ мужикамъ волю добыть помогалъ. Значитъ и вамъ и себѣ добро сдѣлаютъ и поклонъ имъ отъ насъ скажите:

Солдатамъ русскимъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ.

А еще вотъ кому отъ насъ поклонитесь: офицерамъ добрымъ, потому что есть и такіе офицеры, и не мало такихъ офицеровъ. Такъ чтобы солдаты такихъ офицеровъ высматривали, которые надежны, что за народъ стоять будутъ, и такихъ офицеровъ пусть солдаты слушаются какъ волю добыть.

Такъ вотъ какое дѣло, надо мужикамъ всѣмъ промежь себя согласіе имѣть, чтобы за одно быть, когда пора будетъ. И покуда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно въ бѣду не вводить, значитъ, спокойствіе сохранять и виду никакого не показывать. Пословица говорится, что одинъ въ полѣ не воинъ. Что толку, что ежели въ одномъ селѣ булгу поднять, когда въ другихъ селахъ готовности еще нѣтъ? Это значитъ только дѣло портить да себя губить. А когда вездѣ готовы будутъ, значитъ, вездѣ поддержка подготовлена, ну тогда дѣло начинай. А до той поры рукамъ воли не давай, смиренный видъ имѣй, а самъ промежь своимъ братомъ мужикомъ толкуй да подговаривай его, чтобы дѣло въ настоящемъ видѣ понималъ. А когда промежь васъ единодушіе будетъ, въ ту пору и назначеніе выйдетъ, что пора, дескать, всѣмъ дружно начинать. Мы ужъ увидимъ, когда пора будетъ, и объявленіе сдѣлаемъ. Вѣдь у насъ по всѣмъ мѣстамъ свои люди есть, отовсюду намъ вѣсти приходятъ, какъ народъ да что народъ. Вотъ мы и знаемъ, что покудова еще нѣтъ приготовленности. А когда приготовленность будетъ, намъ тоже видно будетъ. Ну, тогда и пришлемъ такое объявленіе, что пора, люди русскіе, доброе дѣло начинать, что во всѣхъ мѣстахъ въ одну пору начнется доброе дѣло, потому что вездѣ тогда народъ готовъ и единодушіе въ немъ есть и одно мѣсто отъ другого не отстанетъ. Тогда и легко будетъ волю добыть. А до той поры готовься къ дѣлу,

а самъ виду не показывай, что къ дѣлу подготовленіе у тебя идетъ.

А это наше письмецо промежь себя читайте да другъ дружкѣ раздавайте. А кромѣ своего брата мужика да солдата ото всѣхъ его прячьте, потому что для мужика да для солдата наше письмецо писано, а къ другому ни къ кому оно не писано, значитъ окромѣ васъ, крестьянъ, да солдатъ, никому и знать объ немъ не слѣдуетъ.

Оставайтесь здоровы да вѣсти отъ насъ ждите. Вы себя берегите до поры до времени, а ужъ отъ насъ вы безъ наставленья не останѣтесь, когда пора будетъ.

Печатано письмецо это въ славномъ городѣ Христіаніи, въ славномъ царствѣ шведскомъ, потому что въ русскомъ царствѣ царь печатать правды не велитъ. А мы всѣ люди русскіе и промежь васъ находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дѣло себя бережемъ, какъ и васъ просимъ, чтобы вы себя берегли. А когда пора будетъ за доброе принятъся, тогда откроемся».

Каждый, внимательно прочитавшій эту въ своемъ родѣ единственную прокламацію, согласится, что написана она очень удачно и умѣло; все, кончая «славнымъ городомъ Христіаніей», соображено и взвѣшено именно въ отношеніи крестьянина.

(Окончаніе будетъ.)

Мих. Лемке.

Изъ бумагъ декабриста И. Д. Якушкина.

Въ бумагахъ И. Д. Якушкина находятся два документа, характеризующіе ту симпатію, тотъ интересъ, съ которыми авторъ ихъ относился къ «Полярной Звѣздѣ» А. И. Герцена. Первый изъ этихъ документовъ,—написанное карандашомъ,—черновое письмо Якушкина къ Герцену по поводу первой книжки «Полярной Звѣзды». Неизвѣстно, было ли это письмо переписано и отправлено по назначенію. Часть стихотвореній, предполагавшихся къ отсылкѣ при письмѣ, напечатана въ слѣдующей книжкѣ «Полярной Звѣзды», но вмѣстѣ съ другими стихотвореніями, что заставляетъ думать, что они всѣ получены Герценомъ отъ другого лица. Въ письмѣ И. Д. Якушкина заслуживаетъ особеннаго вниманія его показаніе о томъ интересѣ и сочувствіи, съ какимъ изданія Герцена встрѣчены были въ Сибири. Интересенъ также и разсказъ о Чаадаевѣ. Шеппингъ, о которомъ упоминается въ письмѣ, тотъ самый, про котораго Пушкинъ писалъ Чаадаеву:

Но только ради Бога
Гони ты Шеппинга отъ нашего порога.

Другой документъ тоже вызванъ чтеніемъ «Полярной Звѣзды» и представляетъ разсказъ объ Ивашевой, написанный И. Д. Якушкинымъ для исправленія разсказа о ней, помѣщеннаго въ «Быломъ и Думахъ». Этотъ листъ написанъ чернилами. Вѣроятно, въ этомъ видѣ онъ и предназначался для отправки въ Лондонъ, но отправленъ не былъ.

В. Якушкинъ.

I.

«Полярная Звѣзда» читается даже въ Сибири, и ее читаютъ съ великимъ чувствомъ; если бы вы знали, какъ бы этому порадовались. Я уже не говорю о людяхъ, (которые) сочувствуютъ вашимъ убѣжденіямъ и цѣнятъ вполнѣ прекрасное ваше направленіе и благородный трудъ Вашъ, но даже и тѣ, которые не имѣютъ никакихъ убѣжденій, никакого направленія, читая Вашу книжку, и они находятся подъ какимъ то обаяніемъ, невольно

грудь ихъ расширяется, и они чувствуютъ, что дышутъ свободнѣе. Вы не ругаетесь и потому вы не отщепенникъ; но говорите какъ свободный русскій человѣкъ и свободная ваша рѣчь для всякаго русскаго человѣка какъ будто летящій отъ родины гласъ. Надо полагать, что на вызовъ вашъ къ нашимъ соотечественникамъ доставлять вамъ статьи для вашей «Полярной Звѣзды», отозвались уже многіе. При этихъ строкахъ вы получите стихотвореніе Рылѣева: «Гражданинъ», которое конечно вамъ неизвѣстно, и которое если и извѣстно въ Россіи, то очень немногимъ. Стихотвореніе Кюхельбекера «Тѣнь Рылѣева», вѣроятно, также никто не знаетъ.

Очень немногіе знаютъ коротенькое посланіе Пушкина «во глубинѣ Сибирскихъ рудъ», которое, разумѣется, никогда не было напечатано и можетъ нынѣ читаться только въ вашемъ сборникѣ. На всякій случай прилагаю еще Пушкина Noël, который во время оно всѣ знали наизусть и распѣвали чуть не на улицѣ (можетъ быть, онъ и вамъ извѣстенъ). На первый разъ не взыщите, чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ.

Въ 1-мъ номерѣ «Полярной Звѣзды, единственно который пока дошелъ сюды, есть нѣкоторыя, правда не очень важныя, невѣрности.

Дмитрій Николаевичъ Болговской, участвовавшій въ заговорѣ 11-го марта, служилъ въ Измайловскомъ полку, а не въ Семеновскомъ, былъ отставленъ по вступленіи на престолъ императора Александра и только въ 12-мъ году получилъ позволеніе вступить опять въ службу.

Свиданіе Чаадаева съ императоромъ разсказано у васъ также не совсѣмъ точно, Чаадаевъ по прибытіи въ Лейбахъ остановился у кн. Меньшикова, бывшаго тогда начальникомъ канцеляріи главнаго штаба. Императоръ Александръ не только не сердился на Чаадаева, но напротивъ принялъ его очень благосклонно и довольно долго толковалъ съ нимъ о пагубномъ направленіи тогдашней молодежи, признаваясь, что онъ можетъ быть грѣшитъ, полагая, что Гречъ главный виновникъ волненія Семеновскаго полка, и сознаваясь, что Семеновцы и въ этомъ случаѣ вели себя отлично.

Когда Чаадаевъ вышелъ отъ Императора, кн. Петръ Михайловичъ Волконскій догналъ его и сообщилъ ему высочайшее повелѣніе, ни слова не говорить князю Меньшикову о своемъ разговорѣ съ Государемъ. По возвращеніи Чаадаева въ Петербургъ Шеппингъ и многіе другіе поздравляли его съ будущимъ счастіемъ, пророча, что онъ непремѣнно будетъ флигель-адъютантомъ; чтобъ доказать Шеппингу и другимъ, какъ онъ мало дорожитъ такого рода счастіемъ, Чаадаевъ вышелъ въ отставку. Вообще же очеркъ Чаадаева вы накидали очень удачно.

Дружески Васъ привѣтствуя, одинъ изъ стариковъ крѣпко жметъ Вамъ руку.

II.

Разсказъ объ Ивашевой въ «Быломъ и Думахъ» (стр. 88) очень не вѣренъ; онъ дошелъ до издателя «Полярной Звѣзды» со всѣми романтическими прикрасами, какія нерѣдко придаютъ, разсказывая о двухъ нѣжныхъ сердцахъ, соединившихся законными узами. Во всемъ этомъ происшествіи, какъ оно ни любопытно, не было ничего особенно цвѣтистаго и все происходило очень просто.

Ивашевъ, сынъ довольно зажиточнымъ родителей, воспитывался сперва дома, а потомъ въ Пажескомъ Корпусѣ, откуда онъ и поступилъ въ кавалергарды. Бывши нѣсколькими годами моложе того поколѣнія, которое участвовало въ походахъ 12, 13 и 14 года, онъ какъ и большая часть праздной молодежи, помышлялъ только о самыхъ обыденныхъ наслажденіяхъ жизни и могъ бы въ нихъ погрязнуть, если бы на свое счастье, опредѣлившись адъютантомъ къ гр. Витгенштейну, онъ не познакомился съ Пестелемъ, который принялъ его въ Тайное Общество. Имѣя теперь положительную цѣль предъ собою, онъ былъ спасенъ, и съ этого времени зажилъ жизнью всѣхъ Тульчинскихъ своихъ товарищей, усердно занимавшихся вопросами о всемъ томъ, что могло тогда наиболѣе споспѣшествовать благоденствію Россіи, и трудившихся надъ собою, чтобы образовать для нея полезныхъ дѣятелей.

M-me Ledentu жила гувернанткой при сестрахъ Ивашева съ своей дочерью Камилою; молодый кавалергардъ, бывши въ отпуску, отъ нечего дѣлать за ней ухаживалъ; жениться же на ней, какъ онъ самъ послѣ разсказывалъ, ему не приходило и на мысль; она также въ то время не помышляла быть его женой, а потому тутъ и не замышлялось никакой mesaillance и не было никакой необходимости ссылать невинную въ Парижъ; родившись въ Россіи, она никогда въ него и не заглядывала. Когда Ивашевъ былъ сосланъ въ Сибирь, его родители и сестры страстно его любившіе, желая облегчить его положеніе, предложили ему жениться на M-lle Ledentu; онъ не видалъ ее уже лѣтъ семь или осемь, долго колебался и согласившись на предложеніе родныхъ, не былъ увѣренъ, что поступаетъ разумно, соединяя судьбу свою съ судьбой молодой особы, которую почти не зналъ. Какія причины заставили M-lle Ledentu ѣхать добровольно въ ссылку, чтобы быть женой Ивашева, трудно вполнѣ опредѣлить, но очень вѣрно только то, что въ природѣ ея не было ничего восторженнаго, что могло бы побудить ее на такой поступокъ. Имѣя очень неблестящее положеніе въ свѣтѣ, выходя замужъ за ссыльно-каторжнаго государственнаго преступника, она вмѣстѣ съ тѣмъ вступала въ знакомую ей семью, какъ невѣстка Генерала Ивашева, богатаго помѣщика, при чемъ, въ нѣкоторомъ отношеніи,

обезпечивалась ея будущность и будущность старушки ея матери; за отсутствіемъ сердечнаго влеченія мало ли есть какихъ причинъ побуждающихъ вообще дѣвицъ выходить замужъ, и нерѣдко очертя голову. Согласившись на предложеніе ѣхать въ Сибирь и быть женой Ивашева, она написала письмо къ Императрицѣ, въ которомъ разсказала давнишнюю и непреодолимую любовь свою къ изгнаннику, и просила одной милости: дозволенія соединиться съ нимъ законнымъ бракомъ. Письмо это произвело желанное дѣйствіе и обратило общее вниманіе на страстно любящую и великодушную француженку. Государь согласился на ея просьбу, и ей объявили, по общепринятому порядку, положеніе для женъ, послѣдовавшихъ въ Сибирь за своими ссыльно-каторжными мужьями; она впрочемъ знала и прежде въ чемъ заключалось это положеніе. Скоро потомъ Липарскій, по наименованію Комендантъ Нерчинскихъ рудниковъ, а въ сущности Начальникъ и блюститель надъ государственными преступниками, получилъ предписаніе прежде еще прибытія M-lle Ledentu, о дозволеніи ей выйдти замужъ за Ивашева.

Лѣтомъ въ 31-мъ году она пріѣхала въ прекрасной каретѣ съ своей горничной и огромнымъ крѣпостнымъ на козлахъ прямо къ кн. Волконской. Дамы въ Петровскомъ имѣли свои домики, во всякое время дня могли выходить изъ казармы и опять возвращаться къ своимъ мужьямъ. Новопріѣзжая всѣми ими была обласкана и самъ Липарскій явился къ ней съ своимъ драгунскимъ привѣтствіемъ. Старикъ этотъ бывши человѣкъ очень не глупый и не лишенный человѣческаго чувства, во многихъ случаяхъ велъ себя отлично. Взявши отъ M-lle Ledentu письменное обѣщаніе, что она будетъ исполнять всѣ правила, которымъ подчинялись жены послѣдовавшія за своими мужьями, онъ ей обѣщалъ свиданіе съ Ивашевымъ, и Ивашевъ скоро потомъ взошелъ къ ней съ однимъ изъ своихъ товарищей; она такъ мало сохранила его образъ въ своей памяти, что не вдругъ могла отгадать, который изъ двухъ вошедшихъ къ ней былъ ея женихъ. Бракъ совершили въ тиши ночной, скрытно. Липарскій былъ посаженымъ отцомъ, и кромѣ его только дамы и человѣка три изъ товарищей Ивашева присутствовали на свадьбѣ. Этимъ кончился прологъ; настоящая же драма началась, какъ она обыкновенно начинается въ подобныхъ случаяхъ, съ той минуты, какъ сочетавшіеся бракомъ (передъ) налоемъ произнесли взаимные обѣты. Драма эта для Ивашевыхъ разыгралась очень удачно.

Въ это время государственные преступники жили въ крѣпко замкнутой казармѣ, нарочно для нихъ выстроенной, въ Петровскомъ желѣзноплавительномъ заводѣ, гдѣ находилось около трехъ тысячъ жителей изъ ссыльно-каторжныхъ и заводскихъ служителей; каждый жилъ въ отдѣльномъ казематѣ и кромѣ особенныхъ случаевъ выходили они изъ казармы только на работу, подъ надзоромъ вооруженной стражи. Дамы, которыя имѣли дѣтей и потому не могли жить съ своими мужьями, навѣщали ихъ

днемъ, тѣ же, у которыхъ не было дѣтей, жили вмѣстѣ съ своими мужьями въ довольно тѣсныхъ казематахъ. Только въ 1832 году послѣ кончины Александры Григорьевны Муравьевой, простудившейся въ одну изъ своихъ прогулокъ въ казематъ, что и было причиной ея смерти, пришло изъ Петербурга разрѣшеніе отпускать мужей къ ихъ женамъ на домъ. Послѣ свадьбы, Ивашева перешла къ мужу и помѣстилась съ нимъ въ небольшемъ казематѣ, довольно темномъ и во всѣхъ отношеніяхъ для женщины очень неудобномъ; кромѣ общаго сторожа для всего корридора не допускалась въ казематъ, даже во время дня, никакая другая прислуга. Все окружавшее бѣдную Ивашеву было ей чуждо, и даже съ своимъ мужемъ она была еще мало знакома. Всѣ неудобства такого существованія первое время явно тяготили ее; но это продолжалось не долго. Ивашевъ выработавшій себя всѣми испытаніями, черезъ которыя ему пришлось пройти, кроткимъ и разумнымъ своимъ поведеніемъ всякій разъ успокаивалъ молодую свою жену, и окончательно умѣлъ возбудить въ ней чувства, которыя она прежде не знала. Она выросла и поняла и оцѣнила свое положеніе. Съ этихъ поръ супруги пошли рука объ руку, и шли пока смерть не разлучила ихъ, дѣля и радость жизни, и горе все пополамъ.

Въ 36-мъ году кончился срокъ работы для Ивашева, и онъ съ женой и годовой дочерью, въ сопровожденіи казака отправился на поселеніе въ Туринскъ, гдѣ попеченіями родныхъ его, по обстоятельствамъ, ему доставлялись всевозможныя удобства жизни. Старушка M-me Ledentu пріѣхала къ дочери на житье, и Языкова, сестра Ивашева пріѣзжала къ нему тайкомъ и пробыла у него нѣсколько дней.

Ивашева умерла не отъ того, какъ сказано въ «Быломъ и Думахъ», что силы въ ней были потрясены ссылкой въ Парижъ и пр., чего никогда не бывало; въ это время она вполнѣ развилась и окрѣпла, но она простудилась и скончалась отъ воспаленія въ груди. Мужъ умеръ ровно черезъ годъ отъ удара. Послѣ нихъ оставшимся малолѣтнимъ сыну и двумъ дочерямъ по просьбѣ кн. Хованской сестры Ивашева дозволено было пріѣхать къ теткѣ, у которой они и остались.

Послѣ, сынъ Ивашева былъ принятъ въ артиллерійское училище съ переименованіемъ его по существовавшему порядку того времени. Фамилія же Ивашева возвращена ему манифестомъ 26 августа.

Разбойникъ, одинъ изъ товарищей Ивашева, о которомъ идетъ рѣчь тамъ же въ «Быломъ и Думахъ», лицо, какъ и все прочее изукрашено фантазіей; объ немъ сказано, что онъ работалъ въ крѣпости, каковой не имѣется не только въ Петровскомъ, но и во всей Восточной Сибири, и что узнавши о горькомъ положеніи прибывшей M-lle Ledentu, онъ предложилъ ей переносить ся записки къ Ивашеву и отъ него къ ней, и что она, тронутая

такимъ великодушіемъ разбойника, отъ восторга рыдала и воспользовалась его предложеніемъ.

Но въ Петровскомъ, съ самаго своего пріѣзда, M-lle Ledentu, какъ и всѣ прочія дамы, не находилась въ товариществѣ съ ссыльными работающими на заводѣ; и ей не было никакой надобности употреблять котораго нибудь изъ нихъ для переписки съ своимъ женихомъ; тотчасъ по своемъ прибытіи она могла сообщаться съ нимъ, посредствомъ дамъ, имѣвшихъ всегда доступъ въ казематы, куды никто изъ постороннихъ не допускался. Въ это время въ Петровскомъ находился ссыльно-каторжный, бывшій прежде крѣпостнымъ человѣкомъ Генерала Ивашева, отданный въ солдаты; онъ поступилъ въ жандармы въ Петербургъ и тамъ ему случилось одинъ разъ въ питейномъ, хлебнуть, до такой степени черезъ край, что онъ проснулся на съѣзжей и ему объявили, что онъ убилъ человѣка, чего онъ рѣшительно не помнилъ; былъ онъ мужикъ рослый, плечистый и необыкновенно сильный, и надо полагать, что въ пьяномъ видѣ, онъ сразу зашибъ до смерти человѣка, подвернувшагося ему подъ руку, и который можетъ лѣзъ къ нему также въ нетрезвомъ видѣ. Его судили, наказали за смертоубійство и сослали въ работу. Не мудрено, что когда этотъ человѣкъ, узнавши о прибытіи невѣсты прежняго своего барина, пришелъ къ ней въ первый разъ и сказалъ откуда онъ, она была поражена и тронута его присутствіемъ тѣмъ болѣе, что можетъ быть еще вѣрила тогда, что всѣ ссыльно-каторжные непремѣнно закоснѣлые ужасные злодѣи, она съ пріятнымъ чувствомъ увидѣла одного изъ нихъ, въ которомъ не было ничего особенно страшнаго и отвратительнаго.

Польская с.-р. партія «Пролетаріатъ.»

1882—1886.

(Общій обзоръ дѣятельности).

Осень 1878 г. ознаменовалась событіями, взволновавшими всю Варшаву. Впервые послѣ возстанія 1863—1864 гг. столица Царства Польскаго была свидѣтельницей массовыхъ арестовъ, начавшихся 8-го августа и продолжавшихся до ноября. Польское общество съ удивленіемъ узнало, что «бредни», распространяемыя «молокососами, начитавшимися сумасбродныхъ книжекъ», успѣли проникнуть въ фабрики и мастерскія и пріобрѣсть тамъ немалое количество приверженцевъ. Соціалистическое движеніе, скрывавшееся до сихъ поръ отъ взоровъ широкой публики, обнаружилось вслѣдствіе арестовъ 1878 г. передъ лицомъ всего общества. Это послѣднее отнеслось къ нему, какъ къ явленію безпочвенному, наносному, чуждому по существу польской націи,—отчасти съ сожалѣніемъ, что молодые люди, преисполненные идеалистическихъ порывовъ, губятъ себя безъ всякой пользы для родины, отчасти съ отвращеніемъ и даже съ ужасомъ, вселяемымъ таинственными борцами за непонятныя цѣли. Однако, такъ или иначе, польское общество должно было уже считаться съ соціалистическимъ движеніемъ въ Польшѣ, какъ съ фактомъ реальнымъ, не подлежащимъ никакому сомнѣнію. И съ нескрываемой тревогой слѣдила польская закоренѣлая печать, не скованная гнетемъ русской цензуры, за первыми явными шагами польскихъ соціалистовъ.

Краковскій процессъ 1880 г. былъ событіемъ, которое въ еще большей степени, нежели варшавскіе аресты, убѣдило польское общество въ томъ, что соціалистическое движеніе пустило корни, развѣтвилось и привлекло къ себѣ рядъ недюжинныхъ силъ. Закончившійся полнымъ торжествомъ обвиняемыхъ и позорнымъ пораженіемъ австрійской прокуратуры краковскій процессъ Варынскаго и товарищей обнаружилъ, что существующее всего нѣсколько лѣтъ польское соціалистическое движеніе является факторомъ, съ которымъ приходится считаться самымъ серьезнымъ образомъ. Оно не только охватило Царство Польское, но проникло уже

въ Галицію, успѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ создать свои кружки и среди разсѣянной отъ Вѣны до Женевы учащейся заграничной польской молодежи. Существовала уже соціалистическая агитаціонная литература, возникъ органъ печати, проповѣдующій соціалистическія идеи; ихъ глашатаями являлись такія личности, какъ Людвигъ Варынскій, пламенныя рѣчи котораго, произнесенныя во время краковскаго процесса, вызывали робкую симпатію къ соціализму среди довольно широкой публики.

Высланный изъ предѣловъ Галиціи и Австріи, Людвигъ Варынскій ѣдетъ въ Женеву, оттуда въ декабрѣ 1881 г. онъ возвращается въ Царство Польское съ рѣшеніемъ создать тамъ сильную организацію, которая могла бы руководить движеніемъ, сплотивъ воедино разрозненные и деморализованные арестами кружки рабочихъ и интеллигенціи.

Пріѣздъ Варынскаго въ Варшаву является эрой въ исторіи развитія польскаго соціально-революціоннаго движенія.

Задача, за исполненіе которой взялся Варынскій, была нелегка. Она врядъ ли была бы подъ силу кому нибудь другому, у кого не было бы тѣхъ данныхъ, которыми располагалъ Варынскій. Прекрасный ораторъ, выражающій очень ясно и точно свои мысли въ формѣ, лишенной всякаго фразеологическаго балласта, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень образной и увлекательной, Варынскій умѣлъ примѣняться ко всякой аудиторіи, что давало ему возможность одинаково сильно дѣйствовать и на рабочихъ, и на интеллигентную молодежь. Одаренный недюжинными организаторскими способностями, легко оріентирующійся въ самыхъ запутанныхъ отношеніяхъ, безгранично преданный дѣлу революціи, Варынскій принялся за работу, вкладывая въ нее весь свой горячій темпераментъ, все свое увлеченіе, съ неослабѣвающей энергіей и настойчивостью преодолѣвая всѣ преграды.

Аресты конца 70-хъ гг. вырвали изъ рядовъ польскихъ соціалистовъ большое количество борцовъ. Около пятидесяти человѣкъ—студентовъ, рабочихъ и женщинъ было выслано въ Сибирь, и организація оказалась совершенно разгромленной. Нужно было объединить кружки рабочихъ, существовавшіе въ Варшавѣ, создать рядъ рабочихъ организацій въ промышленныхъ пунктахъ провинціи Царства Польскаго, привлечь къ работѣ среди пролетаріата какъ можно больше интеллигентныхъ агитаторскихъ силъ, выработать программу дѣйствій новой организаціи и точно опредѣлить ея роль по отношенію къ русскимъ революціоннымъ партіямъ.

Что касается первой изъ этихъ задачъ, то ея осуществленіе находилось въ самой тѣсной зависимости отъ увеличенія количества агитаторовъ-интеллигентовъ, которые отдали бы всѣ свои силы на дѣятельность среди рабочихъ. Однако, жертвами всѣхъ арестовъ и высылокъ главнымъ образомъ и были агитаторы-интеллигенты, недостатокъ въ которыхъ давалъ себя чувствовать самымъ серьезнымъ образомъ. Поэтому Варынскій, первымъ дѣломъ

*

занявшійся возстановленіемъ рабочей организаціи, одновременно прилагаетъ усиліе къ тому, чтобы привлечь къ ней интеллигентную молодежь.

При помощи уцѣлѣвшихъ отъ разгромовъ 1878—80 гг. агитаторовъ-рабочихъ, среди которыхъ особенно выдѣлялся по своему развитію и преданности дѣлу Генрихъ Дулемба, Варынскій очень скоро создаетъ прочную, быстро разростающуюся рабочую организацію. Эта послѣдняя старается вліять и на болѣе широкія массы, пытаясь использовать для цѣлей пропаганды своихъ идей факты, волнующіе эти массы. Такъ во время сильнаго броженія среди рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Варшавско-Вѣнской ж. д., вызваннаго прижимками администраціи, варшавская рабочая организація издаетъ воззваніе, въ которомъ формулируются требованія желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, указывается, какъ эти послѣдніе должны себя вести, чтобы повліять на администрацію, и выясняется лицемѣрная роль правительственныхъ властей.

Это воззваніе вышло въ іюлѣ 1882 г., а немного спустя мы уже имѣемъ дѣло съ «Рабочимъ Комитетомъ», который принимаетъ на себя роль руководителя всѣхъ имѣющихся на лицо организованныхъ силъ. Въ августѣ (15-го) этотъ комитетъ выпускаетъ гектографированную прокламацію, заключавшую проектъ программы, который былъ подвергнутъ обсужденію членовъ организаціи, послѣ чего онъ, въ переработанномъ и дополненномъ видѣ, былъ отпечатанъ и распространенъ въ качествѣ программы новой организаціи, назвавшейся партіей «Пролетаріатъ». Такъ какъ эта программа легла въ основу всей дѣятельности «Пролетаріата» и, такимъ образомъ, составляетъ важный историческій документъ, то мы и приводимъ ее здѣсь полностью.

Воззваніе «Рабочаго Комитета» соціально-революціонной партіи «Пролетаріатъ».

I.

Причиной нужды и всякаго гнета въ современныхъ обществахъ является неравенство и несправедливость при распредѣленіи богатствъ между различными ихъ классами. Хотя богатства— это результатъ труда, однако они не составляютъ удѣла тѣхъ, кто трудился надъ ихъ созданіемъ. При теперешнемъ соціальномъ строѣ привиллегированные классы (имущіе классы), не работая производительно, захватываютъ большую часть богатствъ, созданныхъ трудомъ; рабочій же классъ (классъ непривиллегированный, неимущій), насильно лишенный (ograbiona) плодовъ своего труда, принужденъ терпѣть нужду и уничиженіе; такое взаимоотношеніе двухъ этихъ классовъ, основанное на эксплуатаціи трудящихся, существуетъ въ обществѣ издавна, только отъ времени до времени поверхностно измѣняя свою форму. Зачатковъ подобнаго положенія дѣлъ слѣдуетъ искать въ тѣ отдаленныя

времена, когда болѣе сильныя единичныя личности или группы, опираясь единственно на правѣ сильнѣйшаго, забрали въ свои руки насильственнымъ образомъ или же путемъ обмана земли и всѣ орудія труда; экспропріированный такимъ образомъ земледѣлецъ долженъ былъ, взамѣнъ за право работать на отнятой у него сильнѣйшимъ землѣ, не только уступить грабителю значительную часть плодовъ своего труда, но и отказаться отъ личной свободы. Онъ сталъ рабомъ, честь и жизнь котораго вполнѣ зависѣли отъ капризной воли «господина». *Рабство,* а затѣмъ *крѣпостная* и *цеховая* зависимость рабочаго продолжали существовать вплоть до конца XVIII ст., когда Великая Французская Революція, уничтожая средневѣковыя привиллегіи, положила начало новой эпохѣ *буржуазно-капиталистическаго* развитія обществъ. Освобожденный отъ узъ средневѣковаго крѣпостного права и цеховъ, рабочій сталъ какъ бы независимымъ, въ сущности же его отношеніе къ имущимъ классамъ не подверглось вовсе коренному измѣненію. Вчерашній *рабъ* получилъ названіе *свободнаго работника*, прежнее принужденіе получило названіе *свободнаго найма;* по скольку рабъ или подданный долженъ былъ повиноваться приказаніямъ «господина» изъ страха его кнута, по стольку и въ настоящее время *свободный работникъ* покорно принимаетъ условія, которыя ему предписываетъ капиталистъ, потому что его *принуждаетъ къ этому голодъ, угрожающій ему и его семьѣ въ каждую минуту.* Итакъ эксплуатація измѣнила только свой видъ, оставаясь тѣмъ не менѣе *основной нормой* отношеній между классами современныхъ обществъ—между классомъ имущимъ и классомъ эксплуатируемымъ, между капиталистомъ и пролетаріемъ.

Существованіемъ въ теченіе вѣковъ этого гнета и этой эксплуатаціи общество главнымъ образомъ обязано *безсознательности эксплуатируемыхъ массъ*, которыя, не понимая, въ чемъ состоитъ дѣйствительная причина ихъ бѣдствій, не съумѣли до сихъ поръ сплотить своихъ силъ для согласованной борьбы противъ общаго врага. Въ настоящее время, однако, эта сознательность начинаетъ наконецъ пробуждаться—рабочіе все лучше и лучше понимаютъ, что нѣтъ свободы тамъ, гдѣ господствуетъ экономическая зависимость, гдѣ земля и орудія труда, являясь частной собственностью привиллегированныхъ, даютъ имъ возможность эксплуатировать рабочія массы.

Благодаря пробужденію этой сознательности, современный пролетаріатъ, сплачившаясь въ одно органическое (классовое) цѣлое, вступаетъ постоянно увеличивающейся массой въ борьбу, требуя *полнаго экономическаго политическаго и нравственнаго освобожденія.*

II.

Въ общемъ развитіи европейскихъ обществъ наша страна *не составляетъ исключенія*: прошлый и современный ея строй, опирающійся на эксплуатацію и гнетъ, не даетъ нашему рабочему ничего, кромѣ нужды и уничиженія. Наше общество въ настоящее время обладаетъ всѣми чертами буржуазно-капиталистическаго строя, хотя отсутствіе политической свободы придаетъ ему изможденный и болѣзненный видъ. Но это не мѣняетъ положенія вещей. У насъ есть привиллегированные эксплуататоры чужого труда, наука и печать, продавшіяся ихъ интересамъ, ощутительная нужда рабочаго класса, проституція, унизительная зависимость женщинъ и т. д. и т. д. А сверхъ всего этого ни въ угнетенныхъ массахъ, ни у горсти эксплуатирующихъ не развилось даже чувство собственнаго достоинства: когда одни, привыкнувъ къ ярму покорности по отношенію къ болѣе сильнымъ, терпѣливо переносятъ уничиженіе, другіе, поднимаясь все выше и выше, смотрятъ съ презрѣніемъ на все, что находится ниже ихъ, льстя однако сильнѣйшимъ, льстя правительствамъ и деспотамъ. Золото и удовлетвореніе похотей—вотъ единственная въ настоящее время цѣль нашихъ имущихъ классовъ, нужда, гнетъ и невѣжество—вотъ содержаніе жизни польскаго рабочаго.

Придавленный слоемъ оподлившихся и пожираемыхъ апатіей эксплуататоровъ, лишенный права голоса въ дѣлахъ страны, угнетаемый правительствомъ и эксплуататорами, польскій пролетаріатъ спалъ дольше другихъ. Кромѣ экономическихъ и политическихъ условій общаго характера, этому содѣйствовала еще въ значительной степени *національно-политическая зависимость нашей страны отъ завоевателей*. Національное движеніе и возстаніе, призывая всѣхъ поляковъ къ единенію и къ общей борьбѣ съ внѣшними угнетателями, *убивали въ нашемъ обществѣ классовое сознаніе вообще, а спеціально сознаніе трудящихся классовъ*. Имъ не дано было понять противорѣчія, реально существующаго между интересами и стремленіями эксплуатируемыхъ и эксплуататоровъ, наоборотъ, существовало желаніе убѣдить общество, что это противорѣчіе вызывается у насъ искусственно внѣшнимъ гнетомъ и что оно исчезнетъ въ моментъ возстановленія «національной независимости». Именно эта то «независимость», предлагаемая въ качествѣ средства противъ всѣхъ соціальныхъ невзгодъ и призывающая къ согласію и единенію классовъ, отвлекала вниманіе рабочаго отъ настоящихъ причинъ его нужды и гнета. И вотъ, въ то самое время, когда приверженцы «независимости», взывая къ фиктивному согласію, убивали всякое классовое движеніе, единственно нормальное въ современномъ обществѣ, врагъ эксплуатировалъ дѣйствительныя отношенія иными способами, но тѣмъ не менѣе съ величайшимъ вредомъ для трудящихся классовъ. Когда

ослѣпленные національно-религіозной ненавистью городскіе рабочіе шли подъ знамена привиллегированныхъ, не помня о своихъ интересахъ, земледѣльческое населеніе дало себя обмануть правительству, которое лицемѣрно затронуло струну классоваго интереса. Одаряя его милостиво крохами правъ, оно старалось распространить среди нашихъ крестьянъ убѣжденіе, что именно оно печется объ ихъ интересахъ и улучшитъ ихъ судьбу, и такимъ образомъ отвлекало моментъ пробужденія среди нихъ классоваго сознанія!..

Однако такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться вѣчно, и *нравственное освобожденіе* польскаго пролетаріата изъ подъ враждебного его классовымъ интересамъ вліянія привиллегированныхъ классовъ, правительствъ и національныхъ традицій должно непремѣнно предшествовать всякому движенію, которое имѣло бы право причислить себя къ современнымъ народнымъ движеніямъ.

III.

Принимая во вниманіе, что интересы эксплуатируемыхъ не могутъ быть примирены съ интересами эксплуататоровъ и никакимъ образомъ не могутъ слѣдовать по одному съ ними пути во имя фиктивнаго національнаго единства; принимая во вниманіе, что интересы городскихъ рабочихъ и народа, трудящагося въ деревнѣ, являются общими интересами, *польскій пролетаріатъ совершенно отдѣляется отъ привиллегированныхъ классовъ и вступаетъ въ борьбу съ ними въ качествѣ самостоятельнаго класса, совершенно отличнаго по своимъ экономическимъ, политическимъ и нравственнымъ стремленіямъ.*

Принимая далѣе во вниманіе, что судьба польскаго рабочаго зависитъ отъ положенія рабочихъ въ другихъ странахъ, потому что угнетаемые нуждой рабочіе, направляясь изъ своей страны въ другія, путемъ конкурренціи повсюду сбиваютъ заработную плату; принимая во вниманіе, что борьба трудящихся классовъ одного общества находитъ отголосокъ въ другихъ; принимая во вниманіе, что побѣда однихъ улучшаетъ судьбу всѣхъ, а каждое частичное пораженіе отражается неблагопріятно на всемъ пролетаріатѣ,—принимая во вниманіе все это, *польскій пролетаріатъ, въ качествѣ эксплуатируемаго класса, на почвѣ борьбы съ эксплуататорами солидаренъ со всѣми эксплуатируемыми безъ различія національностей.*

IV.

Свои стремленія и цѣли польскій пролетаріатъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ:

I. Въ *экономическомъ* отношеніи, согласно принципамъ соціа-

лизма, принятымъ на интернаціональныхъ конгрессахъ пролетаріатомъ всѣхъ странъ, мы требуемъ: 1) чтобы *земля и орудія труда* перешли изъ рукъ единичныхъ личностей въ *общую собственность трудящихся*, въ собственность *соціалистическаго государства*, 2) чтобы *наемный трудъ* былъ замѣненъ *коллективнымъ трудомъ*, организованнымъ въ фабричныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ товариществахъ, 3) чтобы *каждая единичная личность имѣла право пользоваться плодами коллективнаго труда*, соразмѣрно съ приложеннымъ ею трудомъ и общими средствами государства.

II. На *политическомъ* поприщѣ мы будемъ добиваться самой широкой политической свободы и будемъ бороться со всякимъ правительствомъ, несмотря на его національность, до тѣхъ поръ, пока мы не завоюемъ этой свободы полностью. Мы рѣшительно осуждаемъ отсутствіе свободы совѣсти, языка, собраній, союзовъ, слова и печати, такъ какъ это является громадной помѣхой для развитія рабочаго сознанія, пробуждая религіозно-національную ненависть или фанатизмъ или же дѣлая невозможной массовую пропаганду и организацію, которая одна только въ состояніи возвести фундаментъ для будущей организаціи соціалистическаго строя.

Наши политическія требованія сводятся къ слѣдующимъ:

1) Полное самоуправленіе политическихъ группъ.

2) Участье всѣхъ въ законодательствѣ.

3) Избираемость всѣхъ должностныхъ лицъ.

4) Полная свобода слова, печати, собраній, союзовъ и т. д. и т. д.

5) Полное равноправіе женщинъ.

6) Полная равноправность вѣроисповѣданій и національностей.

7) Международная солидарность въ качествѣ гарантіи всеобщаго мира.

III. Въ области нравственной жизни польскій пролетаріатъ долженъ устранить суевѣріе, невѣжество и все, что свойственно нравственному гнету, и на этой почвѣ онъ будетъ бороться со всѣми, кто для сохраненія преобладанія надъ народомъ держитъ его въ состояніи умственнаго младенчества.

Нравственныя отношенія должны быть основаны на свободѣ совѣсти, чувствъ, мысли и науки.

Кромѣ того:

1) Обученіе должно быть обязательно, безплатно и лишено религіознаго характера;

2) Вѣроисповѣдныя дѣла должны быть независимы отъ государства;

3) Взаимное отношеніе половъ должно основываться только на чувствѣ;

4) Трудъ долженъ почитаться за обязанность и честь;

5) Единственнымъ принужденіемъ въ области нравственно-соціальныхъ отношеній должно быть нравственное соревнованіе.

V.

Освобожденіе рабочаго класса отъ экономическаго, политико-соціальнаго и нравственнаго гнета должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ.

Эту великую задачу соціалистическаго переворота польскій пролетаріатъ съумѣетъ исполнить, подготовившись соотвѣтствующимъ образомъ для той роли, какую для него пріуготовляетъ исторія. Подготовительная работа, имѣющая цѣлью сплотить всѣ рабочія силы въ нашей странѣ въ одно органическое цѣлое, сознающее свои интересы и стремящееся къ осуществленію вышеуказанной программы, является одной изъ первыхъ задачъ нашего рабочаго движенія. Этой задачѣ удовлетворяетъ *соціально-революціонная организація «Пролетаріатъ»*, въ которой руководство экономической борьбой и организаціей взялъ на себя *Рабочій Комитетъ*. При современныхъ условіяхъ въ деспотическомъ государствѣ (w caracie) единственной нашей тактикой должна быть *систематическая борьба* во всѣхъ трехъ сферахъ общественной жизни (экономической, политической и нравственной) *со всѣмъ тѣмъ, что замедляетъ рабочій переворотъ*. Признавая однако, что основой соціальныхъ отношеній являются экономическія условія и что, вслѣдствіе этого, всѣ другія явленія соціальной жизни находятся въ полномъ подчиненіи этимъ условіямъ, признавая далѣе, что въ экономической сферѣ самымъ яркимъ образомъ проявляется самостоятельность (odrębność) интересовъ пролетаріата, какъ эксплуатируемаго класса, *въ нашей борьбѣ мы будемъ обращать наибольшее вниманіе на экономическія отношенія.*

Что-же касается угнетенія, то мы будемъ бороться съ нимъ или обороняясь или же переходя къ наступленію—въ первомъ случаѣ недопуская никакихъ ухудшеній, во второмъ, добиваясь улучшенія теперешнихъ условій быта пролетаріата въ русскомъ государствѣ.

Приноравливаясь къ существующимъ у насъ политическимъ условіямъ, мы принуждены вести тайную работу и дѣятельность, проявляющуюся въ соотвѣтствующіе моменты массовыми выступленіями, программа которыхъ будетъ строго пріурочена къ требованіямъ мѣста и времени.

VI.

Для усиленія (podniesienia) *экономической борьбы* организація предлагаетъ: 1) возстановлять рабочихъ противъ всякихъ формъ эксплуатаціи; 2) вызывать забастовки и создавать тайные рабочіе союзы; 3) терроризировать капиталистовъ и ихъ служащихъ за

безчеловѣчное отношеніе къ рабочему или за прибѣганіе къ помощи полиціи при столкновеніи съ рабочими; 4) основывать по мѣрѣ возможности исключительно рабочія общества.

Въ борьбѣ *политической* съ деспотизмомъ мы будемъ держаться принципа, что все, ослабляющее и дезорганизующее царское правительство, должно быть нами использовано. Поэтому мы направимъ наши усилія къ тому, чтобы: 1) нашимъ противодѣйствіемъ затруднять административную дѣятельность; 2) склонять народъ къ невзносу податей; 3) противодѣйствовать правительственнымъ распоряженіямъ, направленнымъ противъ рабочихъ; 4) оказывать упорное сопротивленіе всякому вмѣшательству правительственныхъ органовъ въ разрѣшеніе споровъ между рабочимъ и фабрикантомъ; 5) манифестировать открыто свои симпатіи ко всѣмъ борющимся съ русскимъ деспотическимъ правительствомъ, считая ихъ товарищами въ борьбѣ; 6) участвовать въ антиправительственныхъ демонстраціяхъ, по скольку онѣ не имѣютъ религіознаго или національнаго характера; 7) наконецъ, мы будемъ карать шпіоновъ, предателей и вообще тѣхъ, кто для личныхъ выгодъ измѣняетъ дѣлу.

Въ сферѣ нравственныхъ отношеній мы будемъ бороться: 1) устраняя предразсудки, которые духовенство, печать и ложное покровительство распространяютъ между народомъ въ интересахъ имущихъ классовъ; 2) поднимая нравственный уровень рабочихъ и пробуждая въ нихъ чувство собственнаго достоинства, и 3) создавая литературу, которая познакомитъ народъ съ научными истинами, не извращенными въ угоду эксплуататорамъ. Въ этой дѣятельности мы будемъ придерживаться принципа, что *только то, что* подтверждено наукой, что защищаетъ справедливость и выступаетъ во имя правды, можетъ содѣйствовать нравственному развитію пролетаріата; ложный же принципъ, оправдывающій поддержку суевѣрій изъ опасенія подорвать въ народной жизни нравственную почву, никогда и нигдѣ не будетъ нами осуществляться.

VII.

Всю эту огромную задачу Рабочій Комитетъ будетъ въ состояніи исполнить только тогда, если онъ соединитъ въ одну мощную организацію всѣ силы, находящіяся въ распоряженіи дѣла освобожденія пролетаріата въ нашей странѣ. Принуждаемый политическими условіями вести свою дѣятельность тайно, въ моментъ движенія онъ выступитъ явно въ качествѣ представителя и защитника пролетаріата.

Мы приглашаемъ всѣхъ работниковъ городовъ и деревень къ участію въ нашей работѣ.

Рабочій Комитетъ».

Варшава, 1 сентября 1882 г.

Авторами этой программы были: Варынскій и отчасти Пухевичъ, игравшій видную роль среди соціалистической молодежи въ Варшавѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживавшій сношенія съ рабочими кружками, существовавшими до основанія «Пролетаріата». Когда образовался Рабочій Комитетъ, Пухевичъ вошелъ въ его составъ и въ качествѣ человѣка очень образованнаго былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ молодой организаціи.

Обладая готовой программой, «Пролетаріатъ» рѣшилъ объединить на ея почвѣ всѣ польскія соціалистическія силы, не вошедшія до сихъ поръ въ организацію «Пролетаріата». Эти объединительныя стремленія были встрѣчены съ симпатіей всѣми существовавшими въ то время польскими соціалистическими группами. Одна изъ нихъ, петербургская, взяла на себя иниціативу въ дѣлѣ созданія почвы для реализаціи этихъ стремленій. Съ этой цѣлью въ январѣ 1882 г. ею былъ созванъ въ Вильно съѣздъ, въ которомъ приняли участіе, кромѣ Варынскаго съ полномочіями отъ «Пролетаріата», Крусинскій, являющійся представителемъ группы такъ называемыхъ «крусинщиковъ», делегаты петербургской группы польской соціалистической молодежи съ Куницкимъ во главѣ и нѣсколько мѣстныхъ соціалистовъ-поляковъ.

Станиславъ Крусинскій, очень образованный теоретикъ и талантливый писатель-соціологъ, имѣлъ большое вліяніе на варшавскую молодежь, революціонизированную въ значительной степени благодаря его воздѣйствію. Крусинскій былъ сторонникомъ систематической пропаганды соціалистическихъ идей среди молодежи и болѣе интеллигентныхъ рабочихъ и относился скептически къ политической борьбѣ, возлагая всѣ свои надежды въ этомъ отношеніи на Россію. На виленской съѣздѣ онъ выступилъ въ качествѣ главнаго противника теоретическихъ и тактическихъ взглядовъ «Пролетаріата», горячо полемизируя съ защитникомъ послѣдняго—Варынскимъ. Во время этой полемики выяснилось, что «крусинщикамъ» будетъ очень трудно сойтись съ «Пролетаріатомъ». И дѣйствительно, Крусинскій не примкнулъ къ нему.

За то горячая защита «Пролетаріата» Варынскимъ пріобрѣла молодой партіи симпатіи петербургской группы, въ составъ которой входили почти исключительно практики, обращавшіе гораздо меньше вниманія на теоретическія тонкости, нежели Крусинскій и его товарищи. Въ лицѣ «петербуржцевъ» «Пролетаріатъ» пріобрѣлъ современемъ значительное количество недюжинныхъ силъ, которыя сыграли очень выдающуюся роль въ дальнѣйшей исторіи партіи. Достаточно назвать Куницкаго, Рехневскаго, Дембскаго, Плоскаго и многихъ другихъ.

Послѣ крупнаго провала 1881 г., постигнувшаго польскую соціалистическую организацію въ Петербургѣ, вслѣдствіе предательства Родзевича, среди уцѣлѣвшей отъ арестовъ молодежи возникла новая организація, сплотившая всѣ соціалистическія силы польской учащейся молодежи сначала въ Петербургѣ, а за-

тѣмъ въ Москвѣ и въ Кіевѣ. Въ составъ этой организаціи вошли молодые элементы, принимавшіе до сихъ поръ участіе въ культурной студенческой работѣ (организація кассъ, библіотекъ и т. д.), Кое кто изъ этой молодежи помогалъ русскимъ революціоннымъ организаціямъ — «Черному Передѣлу» или «Народной Волѣ», какъ Станиславъ Куницкій. Петербургская польская соціалистическая организація ставила себѣ двѣ главныя задачи: организовать польскіе соціалистическіе элементы и помогать русскимъ товарищамъ, причемъ эта помощь должна была быть оказываемой не отдѣльными личностями, а организаціей какъ таковой. И дѣйствительно, обѣ эти задачи удалось исполнить. Вся польская молодежь, питавшая соціалистическія симпатіи, очень скоро была сгруппирована въ общей организаціи, охватывавшей Петербургъ, Москву, Кіевъ и даже Пулавы (Новую Александрію). Что же касается помощи русскимъ товарищамъ, то эти послѣдніе не могли жаловаться на ея недостатокъ. Поляки организовали для нихъ тайныя типографіи, транспортировали нелегальную литературу, перевозили черезъ границу бѣглецовъ и оказывали множество мелкихъ услугъ, особенно цѣнныхъ во времена Судейкина.

Однако свою дѣятельность на русской почвѣ польская организація считала только временной. Главной же ея задачей была подготовка къ практической работѣ въ Польшѣ, куда должны были направляться члены петербургской соціалистической организаціи по окончаніи тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ они находились. Возникновеніе «Пролетаріата» заставило петербургскую организацію искать сближенія съ этой партіей. Виленскій съѣздъ привелъ къ желательнымъ результатамъ. Рѣшено было, что члены петербургской организаціи, переселяясь въ Варшаву, будутъ вступать въ «Пролетаріатъ» и работать въ качествѣ его членовъ.

На виленскомъ съѣздѣ былъ принятъ рядъ постановленій, по большей части не имѣвшихъ реальнаго значенія, такъ какъ сама жизнь и дальнѣйшее развитіе движенія въ Польшѣ обнаружили ихъ несостоятельность. Хотя виленскій съѣздъ выяснилъ кое какіе спорные вопросы тактики и организаціи, однако его значеніе состояло не въ этомъ. Вынесенныя на немъ резолюціи такъ и остались бумажными резолюціями, потому что съѣхавшіеся въ Вильно представители польскихъ группъ сочли себя совершенно неправильно компетентными въ дѣлѣ организаціи движенія и партій всей Россіи. Такимъ образомъ значеніе виленскаго съѣзда исчерпывалось тѣмъ сближеніемъ между петербургской организаціей и «Пролетаріатомъ», которое было закрѣплено на этомъ съѣздѣ.

Послѣ виленскаго съѣзда дѣятельность «Пролетаріата» значительно усиливается. Его связи разрастаются. Кромѣ варшавскаго рабочаго комитета возникаютъ подобныя же организаціи въ Лодзи, Згежѣ, Томашовѣ, Бѣлостокѣ, дѣятельно занимающіяся пропа-

гандой соціалистическихъ идей въ духѣ программы партіи. Вліяніе этой послѣдней на рабочія массы постоянно возростаетъ, что особенно ярко обнаруживается въ февралѣ 1883 г., когда варшавскій оберъ-полицеймейстеръ, Бутурлинъ, издалъ распоряженіе, на основаніи котораго всѣ работницы должны были бы подвергаться медицинскому осмотру.

«Пролетаріатъ» не могъ конечно оставить подобной мѣры безъ самаго энергичнаго протеста. 13-го февраля появляется написанная Варынскимъ прокламація, которую мы приводимъ полностью:

«Граждане рабочіе»!

Распоряженіе оберъ-полицеймейстера отъ 10-го февраля приказываетъ подвергать полицейско-врачебному осмотру всѣхъ женщинъ, работающихъ на фабрикахъ, въ мастерскихъ и въ магазинахъ, точно такъ же какъ и прислугу общественныхъ заведеній. Это оскорбленіе, до сихъ поръ нигдѣ неслыханное. Оказывается, что достаточно жить трудомъ, чтобы носить на челѣ клеймо проститутки. Значитъ, вашихъ женъ, дочерей и сестеръ, которыхъ судьба заставила работать, законъ причисляетъ къ уличнымъ блудницамъ, торгующимъ своимъ тѣломъ. Чтобы избѣжать позорнаго осмотра, нужно пріобрѣсть благосклонность господина фабриканта; каждую работницу, которая не пожелаетъ ему во всемъ подчиняться, онъ отдастъ въ руки полиціи и помѣститъ въ списки проститутокъ!

Рабочіе! Вамъ дали пощечину, васъ захотѣли опозорить—испытать ваше терпѣніе и покорность!

Какъ вы на это отвѣтите? Неужели вы позволите гнуснымъ агентамъ надругаться надъ болѣе слабой половиной вашего рабочаго класса? Неужели вы отдадите ее на жертву крайней эксплуатаціи и разврату упитанныхъ вашей кровью фабрикантовъ, которымъ правительство даетъ новое оружіе для наказыванія всякой непокорности?

Рабочіе! Не допустите до этого! Не отступайте передъ угрожающей вашему классу опасностью. Отразите нападеніе, хотя бы этотъ протестъ пришлось оплатить кровью. Смерть лучше позора!

Мы призываемъ васъ къ противодѣйствію гнусному распоряженію! Докажите, что вы люди, что вы съумѣете защищать свою честь, что жертвы васъ не устрашаютъ.

Рабочій Комитетъ».

Варшава, 13 февраля 1883 г.

Распространенная въ тысячахъ экземпляровъ, эта прокламація произвела громадное впечатлѣніе. Рабочія массы заволновались, и администрація принуждена была отмѣнить позорное распоряженіе [1]). «Пролетаріатъ» торжествовалъ побѣду. 9-го марта 1883 г.

---

[1]) Вопросъ введенія санитарно-полицейскаго осмотра въ фабрикахъ и мастерскихъ, гдѣ работаютъ женщины, разсматривался медицинскимъ департаментомъ въ С.-Петербургѣ въ 1895 г. Однако этотъ проектъ былъ оставленъ, „потому что такимъ распоряженіемъ не замедлили бы

появилась вторая прокламація «Рабочаго Комитета», подчеркивающая торжество солидарности рабочихъ и призывающая послѣднихъ къ организаціи.

Однако это выступленіе «Пролетаріата» въ защиту чести работницъ привело къ внутреннимъ разногласіямъ въ партіи. Всѣ были согласны съ тѣмъ, что необходимо протестовать противъ распоряженія Бутурлина и слѣдуетъ призывать рабочихъ къ противодѣйствію его исполненію. Но Варынскій потребовалъ, чтобы «Рабочій Комитетъ» одновременно съ изданіемъ прокламаціи обдумалъ и приготовилъ средства защиты работницъ, если бы фабриканты и полиція хотѣли привести въ исполненіе приказъ оберъ-полицеймейстера—средства террористическаго свойства. Пухевичъ воспротивился этому самымъ энергичнымъ образомъ, доказывая, что партія исполнитъ свой долгъ, если ограничится одной агитаціей противъ позорнаго распоряженія. Въ результатѣ Пухевичъ вмѣстѣ со своими сторонниками вышелъ изъ «Пролетаріата» и основалъ партію «Солидарность», просуществовавшую, впрочемъ, очень недолго.

Защита «Пролетаріатомъ» чести работницъ создала ему громадную популярность среди массъ — не только въ Варшавѣ, но и въ провинціи. Къ рабочимъ комитетамъ въ Варшавѣ, Лодзи, Згежѣ рабочіе стали обращаться, какъ къ своимъ естественнымъ защитникамъ и представителямъ съ жалобами на эксплуатацію и притѣсненія фабрикантовъ. Комитеты «Пролетаріата» входили въ разсмотрѣніе этихъ жалобъ и обращались къ отдѣльнымъ фабрикантамъ съ письмами, заключавшими предостереженіе, почти всегда дѣйствующими. Ростъ вліянія партіи требовалъ усиленія ея состава интеллигентными агитаторскими силами, между тѣмъ выходъ изъ «Пролетаріата» Пухевича и его сторонниковъ могъ ее только ослабить. Въ виду этого Варынскій обратился къ петербургской организаціи, представилъ ей положеніе дѣлъ въ Варшавѣ и потребовалъ немедленной помощи. Петербургская организація откликнулась на призывъ Варынскаго, присоединилась окончательно къ «Пролетаріату» и часть ея членовъ немедленно же прибыли въ Варшаву.

Такимъ образомъ организація пріобрѣла рядъ свѣжихъ силъ, что позволило ей расширить свою дѣятельность. Прежняя тайная типографія «Пролетаріата» была уступлена «Солидарности». Ее замѣнила новая, лучшая, дававшая возможность чаще обращаться къ массамъ съ печатнымъ словомъ.

Въ апрѣлѣ 1883 г. Варынскій ѣдетъ по порученію «Пролетаріата» въ Парижъ. Онъ устанавливаетъ тамъ прочную связь партіи съ соціалистической организаціей, группирующейся около издаваемаго въ Женевѣ «Przedsvit'a». Кромѣ того онъ старается

воспользоваться революціонные элементы для противоправительственной агитація", въ доказательство чего былъ приведенъ фактъ необходимости отмѣны подобнаго распоряженія, изданнаго варшавскимъ оберъ-полицеймейстеромъ въ 1883 г. („Medycyna" 1896 г.).

въ Парижѣ подготовить почву для договора «Пролетаріата» съ «Народной Волей», что впрочемъ не увѣнчалось успѣхомъ. Возвратясь въ Варшаву, Варынскій ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы попытаться тамъ довести до конца дѣло договора съ «Народной Волей». Однако и на этотъ разъ его старанія не привели къ положительнымъ результатамъ—тѣмъ болѣе, что Варынскій наткнулся на Дегаева, что едва не окончилось трагически для перваго, такъ какъ за нимъ поѣхали въ Варшаву шпіоны. Только нахальному поведенію послѣднихъ Варынскій обязанъ своимъ спасеніемъ. Шпіоны обратили на себя всеобщее вниманіе, и Варынскій ускользнулъ изъ-подъ ихъ надзора.

Между тѣмъ агитаціонная и организаціонная работа «Пролетаріата» на мѣстахъ все разросталась. Въ зависимости отъ мѣстныхъ комитетовъ находились многочисленные кружки рабочихъ, съ которыми комитеты поддерживали сношенія черезъ своихъ агентовъ. Возникли и профессіональные кружки, делегаты которыхъ составляли спеціальный комитетъ. Всю эту организацію объединялъ Центральный Комитетъ, отъ имени котораго стали появляться болѣе важныя прокламаціи общаго характера.

Такъ «Пролетаріатъ» издалъ 24-го іюня 1883 г. (по-польски и по-литовски) воззваніе къ крестьянамъ, которое было распространено очень широко, такъ что административныя власти находили его въ различныхъ мѣстахъ почти всѣхъ губерній Царства Польскаго и въ Литвѣ. Это воззваніе, дающее намъ понятіе о взглядахъ «Пролетаріата» на крестьянскій вопросъ, заканчивается слѣдующими словами:

«Мы, соціалисты, начали борьбу во имя вашихъ нуждъ и интересовъ и готовимъ погибель и уничтоженіе всему, что гнететъ трудящійся людъ. Какъ рабочимъ городовъ *фабрики*, такъ вамъ, крестьянамъ, *землю*, а всѣмъ *свободу* дастъ грядущая революція. Однако, чтобы господа не обратили ее себѣ на пользу, вы должны массой принять въ ней участіе и сами смотрѣть, чтобы васъ не обидѣли. Вы знаете, сколько васъ; если вы двинетесь всѣ, то кто же осмѣлится предписывать вамъ законы? Если вы согласно выставите свои требованія, то кто же вамъ откажетъ въ ихъ исполненіи?

Въ моментъ революціи мы будемъ съ вами; вы узнаете насъ, потому что одни мы будемъ говорить.

Земля должна принадлежать тѣмъ, кто ее пашетъ; фабрики—тѣмъ, кто въ нихъ работаетъ.

Такъ поднимайтесь на борьбу, чтобы тѣмъ скорѣе наступила наша общая побѣда надъ врагами!»

Хотя центральный и мѣстный комитеты «Пролетаріата» издавали сравнительно не мало прокламацій, однако эти послѣднія не могли удовлетворить всѣмъ потребностямъ партіи. Являлась настоятельная необходимость созданія постояннаго органа, который, выходя на мѣстѣ, могъ бы откликаться на всѣ злободневныя событія и обращаться по поводу ихъ къ широкой публикѣ

отъ имени партіи. И вотъ 15-го сентября 1883 г. изъ тайной варшавской типографіи появляется первый № «Пролетаріата» — органа партіи, редактируемаго Варынскимъ. До конца года вышли 4 №№ «Пролетаріата», № 5 (послѣдній) появился въ слѣдующемъ году.

Варынскій былъ выхваченъ изъ рядовъ партіи вскорѣ послѣ выхода № 1 «Пролетаріата» — 28 сентября 1883 г. Совершенно случайный арестъ Варынскаго былъ, конечно, очень сильнымъ ударомъ для партіи. Однако ея дѣла были поставлены такъ прочно, что исчезновеніе Варынскаго не вызвало даже временнаго ослабленія дѣятельности «Пролетаріата». Варынскаго замѣняетъ Куницкій, ставшій настоящей душой партіи. Онъ работалъ за десятерыхъ, ходилъ на рабочія собранія, организовалъ, помогалъ редакціи «Пролетаріата» и вообще развивалъ самую энергичную дѣятельность. Между прочимъ на Куницкаго партія возложила миссію упорядочить заграничныя дѣла и довести до конца дѣло соглашенія съ «Народной Волей». Въ январѣ 1884 г. Куницкій ѣдетъ въ Парижъ и при помощи тамошнихъ эмигрантовъ основываетъ новый теоретическій органъ «Walka Klas», редакція котораго была поручена Дикштейну и Мендельсону. «Przedsvit» былъ превращенъ въ популярный органъ, для рабочихъ.

Куницкій же заключаетъ договоръ съ «Народной Волей» отъ имени «Пролетаріата». Этотъ явный договоръ былъ закрѣпленъ двумя документами. Первымъ изъ нихъ является заключительная часть «Общихъ основаній программы и организаціонной дѣятельности Центральнаго Комитета соціалистической революціонной партіи «Пролетаріатъ» (напечатанныхъ въ «Walka Klas» и «Вѣстникѣ Народной Воли»). Мы приводимъ ее здѣсь полностью.

«Въ этой борьбѣ однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ въ рукахъ партіи является терроръ экономическій и связанный съ нимъ политическій, проявляющійся въ разныхъ формахъ. Свою дѣятельность партія распространяетъ вездѣ, гдѣ большинство населенія говоритъ по-польски и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣнимы ея программа и тактика. Приготовленныя путемъ этой борьбы и сорганизованныя на почвѣ ея боевыя силы будутъ въ свое время употреблены, какъ пособіе къ ниспроверженію существующаго правительства и къ захвату власти Центральнымъ Комитетомъ. Центральный Комитетъ, поддержанный массами, въ качествѣ единственнаго представителя ихъ интересовъ, проведетъ тогда рядъ экономическихъ и политическихъ реформъ, при посредствѣ которыхъ окончательно подорветъ существующія понятія о собственности и осуществитъ всю ту часть соціалистической программы, реализація которой будетъ возможна въ минуту взрыва. Вышеизложенный взглядъ на задачу соціально-революціонной партіи въ Польшѣ опредѣляетъ и отношеніе ея къ русской партіи «Народной Воли».

Въ своей дѣятельности на почвѣ экономическихъ условій,— состоящей въ приготовленіи рабочихъ классовъ къ будущей со-

Людвигъ ВАРЫНСКІЙ.

ціальной революціи путемъ пропаганды, агитаціи и организованной борьбы,—Центральный Комитетъ сохраняетъ полную независимость отъ Исполнительнаго Комитета и въ сферѣ своей дѣятельности обладаетъ исключительной въ этомъ отношеніи компетенціей. Съ другой стороны, принимая во вниманіе: 1) что польскій пролетаріатъ можетъ вырвать власть изъ рукъ русскаго правительства только въ связи съ революціонными силами остальныхъ частей Россійской Имперіи; 2) что эти силы успѣшнѣе всего группируются и организуются подъ знаменемъ Народной Воли; 3) что партія эта, помощь которой необходима для польскаго пролетаріата въ дѣлѣ низверженія существующаго правительства, задалась этой цѣлью ради достиженія соціалистическихъ реформъ; 4) что борьба съ деспотическимъ централизованнымъ правительствомъ должна быть соотвѣтствующимъ образомъ направлена и согласна во всѣхъ своихъ проявленіяхъ на всей территоріи, находящейся подъ общимъ гнетомъ.

Центральный Комитетъ участвуетъ въ ней по полному соглашенію съ Исполнительнымъ Комитетомъ, какъ представителемъ соціально-революціонной партіи, дѣйствующей въ предѣлахъ Россійской Имперіи.

Принимая далѣе во вниманіе:

Что окончательная побѣда надъ правительствомъ возможна только въ томъ случаѣ, если оно одновременно будетъ парализовано во всѣхъ важнѣйшихъ своихъ центрахъ.

Центральный Комитетъ приступитъ къ государственному перевороту не иначе, какъ по знаку, данному Исполнительнымъ Комитетомъ въ тотъ моментъ, когда этотъ послѣдній найдетъ возможнымъ начать его въ Россіи, послѣ чего, въ своихъ созидательныхъ работахъ Центральный Комитетъ отдѣляется отъ Исполнительнаго Комитета, какъ самостоятельное цѣлое, и проводитъ въ районѣ своей дѣятельности возможныя реформы, согласуясь съ мѣстными условіями.

Согласно съ вышеуказаннымъ:

I. Рѣшено, что организаціонную работу обоихъ комитетовъ необходимо поставить въ тѣсную связь при помощи средствъ, подробное перечисленіе которыхъ не можетъ быть опубликовано, и которые содержатся въ конфиденціонной части договора, заключеннаго съ Исполнительнымъ Комитетомъ.

II. Въ подготовительной дѣятельности оба Комитета помогаютъ другъ другу людьми, средствами, сношеніями и свѣдѣніями, находящимися въ ихъ распоряженіи.

III. Организаціи «Краснаго Креста» обѣихъ партій соединяются и дѣйствуютъ солидарно.

IV. Оффиціальные документы обоихъ Комитетовъ будутъ публиковаться въ органахъ обѣихъ партій.

V. Чтобы въ минуту переворота не позволить воспользоваться имъ другимъ партіямъ, которыя въ своихъ сношеніяхъ съ соціально-революціонной партіей могутъ сохранить въ тайнѣ свои

истинныя стремленія, Центральный Комитетъ обязывается за все время существованія своихъ организаціонныхъ отношеній къ Исполнительному Комитету не входить безъ его согласія ни въ какіе договоры съ другими группами и партіями, появляющимися въ районѣ дѣятельности этого послѣдняго. Исполнительный Комитетъ со своей стороны принимаетъ на себя такія же обязательства передъ Центральнымъ Комитетомъ относительно группъ и партій, дѣйствующихъ въ Польшѣ».

Центральный Комитетъ».

Варшава. 1-го февраля 1884 года.

Вторымъ документомъ былъ отвѣтъ на это заявленіе, въ «Вѣстникѣ Народной Воли»—«Отвѣтъ Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли»:

«Уважая самостоятельность и свободное развитіе каждаго народа, Исполнительный Комитетъ партіи Народной Воли не можетъ сверхъ того не признать, что различіе соціальныхъ условій русскаго и польскаго народовъ не допускаетъ полнаго тождества въ пріемахъ подготовительной работы русскихъ и польскихъ соціалистовъ. Вслѣдствіе этого полное сліяніе партіи Народной Воли съ польской партіей Пролетаріатъ могло бы скорѣе тормозить дѣятельность русскихъ и польскихъ соціалистовъ, стѣсняя свободу тѣхъ и другихъ въ выборѣ наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ организаціи и борьбы. Съ этой точки зрѣнія Исполнительный Комитетъ, вступая въ Союзъ съ Центральнымъ Комитетомъ, признаетъ однако вполнѣ разумнымъ рѣшеніе послѣдняго—сохранить за Пролетаріатомъ полную независимость и отвѣтственность въ веденіи всѣхъ дѣлъ своей партіи въ Польшѣ. Исполнительный Комитетъ даже не рѣшился бы принять на себя отвѣтственность за руководство дѣлами въ краѣ, столь отличномъ отъ Россіи, точно также, какъ не рѣшился бы поставить веденіе своихъ дѣлъ подъ вліяніе какой бы то ни было не русской партіи. Тѣсный союзъ между партіями Народной Воли и Пролетаріатъ въ интересахъ революціи, представляется однако столь же необходимымъ, какъ и полная ихъ самостоятельность.

Борьба русскихъ и польскихъ соціалистовъ не можетъ представлять никакихъ различій въ томъ, что касается низверженія нашего общаго врага—русскаго самодержавія. Въ этомъ случаѣ нравственное единство русскихъ и польскихъ соціалистовъ можетъ и должно переходить въ формальный союзъ. Объединенному врагу мы должны противопоставить объединенныя же силы. Въ этомъ случаѣ взгляды Исполнительнаго Комитета еще разъ вполнѣ совпадаютъ со взглядами Центральнаго Комитета. Низверженіе русскаго правительства естественно лежитъ прежде всего на обязанности русскихъ революціонеровъ, къ которымъ польскія революціонныя силы, для этой частной задачи, примыкаютъ, какъ вспомогательный корпусъ».

Исполнительный Комитетъ».

С.-Петербургъ, 1 марта 1884 г.

Дополненіемъ къ этому явному договору долженъ былъ быть тайный договоръ, точно опредѣляющій отдѣльные пункты соглашенія: въ политической борьбѣ Центральный Комитетъ «Пролетаріата» подчиняется руководительству Исполнительнаго Комитета «Народной Воли»; оба Комитета сообща организуютъ Красный Крестъ, границу для контрабанды нелегальныхъ изданій и переправки товарищей, принужденныхъ бѣжать заграницу; оба Комитета помогаютъ другъ другу людьми, денежными и техническими средствами; въ террористической борьбѣ вплоть до генералъ-губернатора Центральный Комитетъ дѣйствуетъ самостоятельно; начиная съ генералъ-губернатора и выше—съ согласія Исполнительнаго Комитета [1]).

Куницкій былъ назначенъ представителемъ Исполнительнаго Комитета «Народной Воли» при Центральномъ Комитетѣ «Пролетаріата».

Въ эпоху усиленной дѣятельности Куницкаго «Пролетаріатъ» дошелъ до апогея своего развитія. Частичные аресты его членовъ, не прекращавшіеся съ осени 1883 г., не могли его ослабить. Болѣе опасны для партіи были аресты, произведенные весною 1884 г. Одинъ изъ арестованныхъ тогда членовъ «Пролетаріата»—Загурскій сошелъ съ ума и выдалъ жандармамъ все, что ему только было извѣстно. Между прочимъ Загурскій указалъ на квартиру мирового судьи Петра Васильевича Бардовскаго, какъ на мѣсто собранія Центральнаго Комитета «Пролетаріата». Хотя представителямъ администраціи казалось неправдоподобнымъ, чтобы русскій чиновникъ въ Польшѣ принималъ участіе въ дѣятельности революціонеровъ, однако рѣшено было слѣдить за нимъ и его домомъ. Дѣйствительно, Бардовскій и его жена [2]) оказывали множество мелкихъ услугъ «Пролетаріату» и его членамъ, современемъ же, когда у «Пролетаріата» оказались переданныя ему русскими товарищами связи среди офицеровъ, Бардовскій принялъ участіе и въ практической дѣятельности партіи. У Бардовскаго былъ сдѣланъ 10 іюня 1884 г. обыскъ, причемъ найдено не мало компрометирующихъ его документовъ. При обыскѣ былъ захваченъ и находившійся въ то время у Бардовскихъ Куницкій. Показанія Загурскаго вызвали кромѣ этихъ еще цѣлый рядъ арестовъ, во время которыхъ былъ взятъ нѣкій Соломонъ Пацановскій, оказавшійся злостнымъ предателемъ. Его показанія съ одной стороны отразились на судьбѣ уже сидѣвшихъ въ цитадели членовъ «Пролетаріата», съ другой же дали жандармамъ въ руки возможность оріентироваться въ связяхъ партіи въ Лодзи и Згежѣ, гдѣ тоже были произведены аресты.

30 іюля 1884 г. въ молочной фермѣ Геннеберга въ Варшавѣ былъ арестованъ Людвигъ Яновичъ, оказавшій при арестѣ во-

---

[1]) Этотъ тайный договоръ не былъ окончательно утвержденъ.

[2]) Наталья Михайловна Поль. Умерла въ административной ссылкѣ въ г. Туринскѣ Тобольской губерніи въ 1887 году. *Ред.*

*

оруженное сопротивленіе, позволившее двумъ другимъ изъ застигнутыхъ на мѣстѣ членовъ «Пролетаріата»—Дембскому и Славинскому — скрыться. Вскорѣ послѣ этого правительству удалось арестовать Оссовскаго, Петрусинскаго и еще нѣсколько десятковъ человѣкъ, прикосновенныхъ къ партіи «Пролетаріатъ». Въ общемъ эти аресты вырвали изъ партіи болѣе двухсотъ человѣкъ, составлявшихъ ядро организаціи.

Факты предательства въ рядахъ организаціи заставили «Пролетаріатъ» прибѣгнуть къ самозащитѣ путемъ устраненія предателей. Такъ партіей были организованы покушенія на Гельшера (въ маѣ 1884 г.—удачное) и Скшыпчинскаго (въ августѣ 1884 г.—удачное), и еще раньше два (неудавшіяся) на Сремскаго.

Какъ смотрѣла партія «Пролетаріатъ» на убійство предателей, явствуетъ изъ прокламаціи Центральнаго Комитета, распространенной въ іюнѣ 1884 г. послѣ исполненія приговора надъ Гельшеромъ. Вотъ эта прокламація:

«Товарищи!

Тяжелой новостью мы дѣлимся съ вами!

Съ невыразимымъ отвращеніемъ—такъ какъ мы еще не привыкли, подобно правительству, къ чудовищному кровопролитью—мы должны были обагрить наши руки кровью одного изъ бывшихъ товарищей нашихъ, Франца Гельшера, члена згежской организаціи.

У него не хватило силъ и характера, чтобы не поддаться различнымъ деморализирующимъ вліяніямъ, и онъ поставилъ свои личные интересы выше рабочаго дѣла. Онъ старался ввергнуть въ тюрьму нѣсколько работниковъ, угрожая постоянно, что онъ еще многихъ другихъ засадитъ за рѣшетку.

Намъ предстояло—либо потерять больше десятка товарищей, либо обезвредить Гельшера. Мы рѣшились на это послѣднее, и Гельшеръ погибъ смертью, которой долженъ погибнуть всякій предатель.

Кто идетъ на бой съ угнетателями рабочаго дѣла, тотъ прекрасно понимаетъ, что ему ежеминутно грозитъ цитадель или Сибирь. Если онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточнаго запаса силъ, чтобы бороться на жизнь и смерть, пусть лучше отстранится. Лучше пусть насъ будетъ меньше, но пусть между нами не будетъ предателей!

Итакъ, пусть каждый помнитъ, что всякаго, кто будетъ предавать по какимъ бы то ни было побужденіямъ: изъ страха или изъ-за личныхъ выгодъ, на свободѣ или въ тюрьмѣ, безусловно ожидаетъ смерть.

Центральный Комитетъ».

Устраненіе шпіоновъ было единственнымъ проявленіемъ «террористической» дѣятельности партіи «Пролетаріатъ». Ни одинъ изъ плановъ покушеній на высшихъ должностныхъ лицъ—плановъ, существовавшихъ и разрабатываемыхъ партіей, не былъ приведенъ въ исполненіе.

Не смотря на массовые аресты 1883—1884 гг., партія продолжала существовать, хотя и явно клонилась къ упадку. Во главѣ уцѣлѣвшей организаціи стали Марія Богушевичъ, Розалія Фельзенгардтъ и Разумѣйчикъ, работавшіе прежде въ «Красномъ Крестѣ» «Пролетаріата». Душой организаціи, начиная съ осени 1884 г. была Марія Богушевичъ, которая вела всю техническую и конспиративную часть дѣятельности партіи. Организаціонной и агитаціонной частью завѣдывала Фельзенгардтъ. Въ мартѣ 1885 г. подъ руководствомъ примыкавшихъ къ «Пролетаріату» рабочихъ состоялась первая въ Варшавѣ уличная рабочая демонстрація. Безработные отправились тысячной толпой къ замку—мѣстопребыванію генералъ-губернатора—и требовали работы.

Осенью 1885 г. была разгромлена организація М. Богушевичъ и ея товарищей, а въ слѣдующемъ году въ рукахъ жандармеріи очутились остатки «Пролетаріата»: Ковалевскій, Вислоцкій, Ульрихъ и другіе. «Пролетаріатъ» закончилъ свое существованіе, такъ какъ почти всѣ его члены были въ цитадели, гдѣ имъ пришлось томиться очень долго, прежде чѣмъ ихъ судьба была окончательно рѣшена.

О судѣ надъ членами «Пролетаріата» мы разскажемъ въ другой разъ.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Письмо Л. Ф. Пантелѣева

къ министру внутреннихъ дѣлъ егермейстеру Сипягину.

Ваше Высо—ство! Изъ письма моей жены я узналъ, что 18 апрѣля (1901 г.) по распоряженію спб. градоначальника въ моей квартирѣ былъ произведенъ обыскъ, причемъ вмѣсто того, чтобъ наложить печати до моего возвращенія, былъ призванъ слесарь, вскрытъ письменный столъ и всѣ запертые шкапы. Полиція конечно хорошо знала, что меня нѣтъ въ Петербургѣ, такъ какъ я выѣхалъ заграницу съ ея разрѣшенія; ради чего же она вломилась въ мою квартиру со свитою понятыхъ, состоящихъ у нея на жалованіи? Чего она искала, бомбъ? ихъ теперь скорѣе всего надо искать въ охранномъ отдѣленіи. Планъ всероссійскаго заговора? Да вѣдь вся образованная Россія въ одномъ заговорѣ, что вы не на своемъ мѣстѣ, а Побѣдоносцевъ не святой! Но этого заговора не только Вы, но даже всемогущій Богъ не въ силахъ искоренить.

Моя дѣятельность совершенно открытая, въ теченіи 25 лѣтъ у всѣхъ на виду; она можетъ Вамъ нравиться или нѣтъ, — это другое дѣло, Вы даже можете раздавить меня. Но я не прячусь; я далъ свою подпись подъ двумя протестами по поводу избіеній 4 марта и отъ нея никогда не откажусь. Направляясь ко мнѣ, человѣку за 60 лѣтъ, полиція также знала, что я занимаю нѣсколько замѣтное общественное положеніе, что мое состояніе движимое и недвижимое въ одномъ только Петербургѣ выражается не одной сотней тысячъ рублей, что моя квартира, хотя и скромная, въ своемъ родѣ музей; ради чего же она въ теченіи семи часовъ подвергала пыткѣ мою одинокую жену, да еще съ тѣми обязательно унизительными подробностями, отъ которыхъ не можетъ предохранить даже тактъ лица производящаго обыскъ. Но этого мало, въ протоколѣ, который жена моя должна была подписать, значилось: «такъ какъ явно-преступнаго въ квартирѣ не найдено, то дворянка Пантелѣева и оставлена на свободѣ". Что это, — безсмысленная форма? Или это на самомъ дѣлѣ значитъ, что окажись въ моихъ бумагахъ что-нибудь преступное, по мнѣнію распорядителя обыска, то моя жена была бы арестована? Съ какихъ это поръ и даже *по какому русскому закону* жена отвѣчаетъ за дѣянія мужа? И по адресу кого была направлена эта угроза, возмутительная по своей жестокости? Противъ жен-

щины въ 55 лѣтъ, никогда ни въ чемъ не замѣшанной, послѣдніе годы отдающей весь свой досугъ дѣлу просвѣщенія. Ваше В—во, можно не стоять на высотѣ своего положенія и однако понимать такія простыя вещи: что издѣвательство надъ человѣческимъ достоинствомъ въ прахъ роняетъ значеніе власти и сильнѣе всякихъ анархическихъ идей разлагаетъ общественный строй.

Говорятъ, Вы гордитесь тѣмъ, что Вы русскій дворянинъ. Такъ сдержите же ту расходившуюся орду, которая называется русской полиціей и которая ежедневно и по всей Россіи попираетъ ничѣмъ у насъ не огражденную человѣческую личность. Или честь русскаго дворянина только и сказывается въ выпрашиваніи подачекъ изъ казны, да хорошо оплачиваемыхъ мѣстъ?

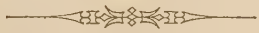
Вы сами женаты и, надѣюсь, поймете чувства вызвавшія это письмо.

Примите увѣреніе, что въ маѣ мѣсяцѣ разсчитываю вернуться въ Петербургъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ *Л. Пантелѣевъ.*

Тріестъ
8 мая нов. ст.
1901 г.

По возвращеніи въ Россію полученъ былъ отвѣтъ на это письмо: Л. Ф. Пантелѣевъ высланъ на 3 года изъ Петербурга и значительной части Россіи, а С. В. Пантелѣева на 2 года.



Изъ воспоминаній объ А. И. Желябовѣ.

Когда и при какихъ обстоятельствахъ я познакомился съ Желябовымъ—рѣшительно не помню. Должно быть, это произошло очень давно, въ Одессѣ, когда въ мѣстномъ университетѣ были волненія изъ-за профессора Богишича. Это былъ одинъ изъ тѣхъ братушекъ-славянъ, приглашенныхъ министромъ народнаго просвѣщенія гр. Толстымъ, что должны были рекомендовать полицейскій режимъ вмѣсто свободной науки, способствовать обращенію университета въ управу благочинія. Грубость этого, съ позволенія сказать, профессора и была причиной неудовольствія. Начались волненія, сходки. На одной изъ нихъ я видѣлъ Андрея Ивановича. Это былъ статный шатенъ выше средняго роста, чрезвычайно симпатичной наружности; хотя черты лица были лишены классической правильности, тѣмъ не менѣе въ общемъ лицо его было очень привлекательно. Румянецъ во всю щеку, глаза темные, глубокіе, какъ Черное море, пронизывали насквозь того, къ кому были обращены; красивыя губы украшены изящными усами. А небольшая темная бородка придавала всей физіономіи пріятный овалъ, волоса на головѣ слегка вились, сбивались, образуя впереди малороссійскій чубъ, который былъ ему очень къ лицу; голову держалъ высоко, что шло къ его фигурѣ и производило впечатлѣніе чего-то властнаго, сильнаго, непоколебимаго. Что-то театральное, аффектированное прорывалось иногда, но это было искреннее, а не дѣланное. Рѣчь у него была пламенная, красивая, пластичная; она дѣйствовала заразительно на слушателей, сплачивая ихъ во едино и не позволяя расщепиться на части. Въ красивомъ баритонѣ его голоса уже тогда, въ ранней молодости, проскальзывали повелительныя нотки.

Конечно, Желябовъ и другіе ораторы на сходкахъ были признаны зачинщиками, исключены изъ университета съ высылкой на родину. По этому случаю мы, должно быть, и познакомились; я въ то время принималъ участіе въ только что народившейся независимой газетѣ «Новороссійскій Телеграфъ», выходившей подъ редакціей К. В. Картамышева. Ну, а студентамъ нужна была поддержка газетъ.

Кромѣ того, мы оба ухаживали за одной и той-же барышней. Къ сожалѣнію, я имѣлъ тутъ большій успѣхъ, за что и былъ впослѣдствіи сильно наказанъ справедливымъ небомъ.

Я, какъ теперь, помню день отъѣзда или, вѣрнѣе, высылки на родину студентовъ Бѣлкина и Желябова. Ко времени отхода крымскаго парохода, масса публики занимала палубу и пристань. Преобладали студенты и курсистки. Профессора И. И. Мечниковъ и И. М. Сѣченовъ читали тогда лекціи въ университетѣ, собиравшія по вечерамъ огромное число слушательницъ, которымъ и присваивалось названіе курсистокъ, хотя лекціи вовсе не имѣли характера систематическихъ курсовъ, а были просто чтеніями на различныя научныя темы. Вся эта публика толпилась, галдѣла, кричала, провожая отъѣзжавшихъ возгласами, пожеланіями и пр. Полиція почему-то обидѣлась; чины ея суетились, разгоняли народъ, но его было такъ много, что разойтись было не такъ-то легко. А когда послѣ третьяго звонка провожавшіе бросились на берегъ,—произошла давка. Громкое «ура!» слилось, смѣшалось съ криками «помогите!». Паника охватила всѣхъ, и какимъ-то чудомъ массѣ народа удалось попятиться, отойти отъ борта парохода, за который многіе цѣплялись. Тутъ-же на пристани былъ и нашъ общій предметъ. Они поцѣловались. Меня покоробило.

— Прощайте, обратился ко мнѣ Желябовъ.

— Прощайте, прощайте, восклицалъ я, крѣпко сжимая ему руки. Я въ одно и то же время и сожалѣлъ о немъ, и былъ доволенъ его отъѣздомъ. Что дѣлать! Это было 30 лѣтъ тому назадъ. Мы оба были молоды!....

Объ этихъ проводахъ запрещено было распространяться въ печати. Но объ нихъ много говорили въ городѣ. И, какъ всегда, съ большими преувеличеніями, приписывая имъ характеръ чуть-ли не крупной политической демонстраціи. Въ описываемое время Желябовъ былъ уже тронутъ политикой, и душа его въ этомъ смыслѣ не была tabula rasa.

Я сказалъ, что до Богишичевской исторіи мы были мало знакомы. Но все-же кое-что знали одинъ о другомъ. Въ это время въ мѣстныхъ газетахъ завязалась полемика по женскому вопросу, и я, въ качествѣ ученика М. Михайлова, Д. Писарева и др., со всѣмъ пыломъ молодости принималъ въ ней участіе, печатая по адресу противниковъ самыя съ ногъ сшибательные замѣтки, статейки, фельетоны, доставившіе мнѣ массу знакомствъ среди студентовъ Новороссійскаго университета. Отъ нихъ-то я впервые услышалъ о Желябовѣ, какъ весьма и весьма дѣльномъ товарищѣ, одномъ изъ самыхъ выдающихся. Въ Одессѣ всегда было образованное общество, интеллигентные кружки, гдѣ дебатировались вопросы политическаго характера. Отсюда посылались депутаты въ 1871 г. на съѣздъ конституціоналистовъ въ Петербургъ, а въ слѣдующемъ году въ Кіевъ. На этотъ разъ одесскимъ депутатомъ былъ избранъ Андрей Ивановичъ, тогда

еще студентъ 2-го курса. Въ 1873 г. онъ вновь появился на одесскомъ горизонтѣ, посѣщалъ студенческую столовую, бывшую въ то время политическимъ клубомъ, гдѣ собирались всѣ либеральные элементы интеллигентнаго круга. Столовая помѣщалась на Соборной площади, гдѣ послѣ была гостиница «Бѣлый Лебедь» (между церковнымъ домомъ и городскимъ дѣвичьимъ училищемъ). Тутъ обсуждались обычные вопросы, споконъ вѣка волновавшіе учащееся юношество: объ устройствѣ кассы, библіотеки, такъ сказать, нелегальной, гдѣ были-бы всѣ сочиненія, какія только интересуютъ студенчество, то объ этой самой столовой, которою хотѣло завладѣть оффиціальное общество попеченія о студентахъ. Почему-то такимъ вопросамъ придавалось во всѣхъ университетскихъ городахъ нашего отечества, стало быть и въ Одессѣ, государственное значеніе. Администрація настораживала уши. Жандармы, шпіоны бодрствовали. Обыватели волновались за судьбу своихъ сыновей. Студенты изощряли свое краснорѣчіе, рискуя вдоволь насидѣться въ тюрьмѣ, быть исключенными, водворенными на родинѣ или высланными въ отдаленныя губерніи. Конечно, тутъ Желябовъ бывалъ часто и по выходѣ изъ университета и имѣлъ огромный успѣхъ, электризуя слушателей своими рѣчами. Онъ всегда старался устранить изъ нихъ спеціальную профессіональную точку зрѣнія, придавая вопросамъ общественное значеніе. Какъ ни шумна была эта дѣятельность, чисто агитаторская, среди студенчества и интеллигенціи,—но все же она не удовлетворяла его активной натуры; протестующая струнка искала пищи и временно нашла ее въ проповѣди среди рабочихъ мѣстныхъ заводовъ, гдѣ Андр. Иванычъ сдѣлался очень популяренъ. Проповѣдь его оставалась на почвѣ экономической необезпеченности рабочихъ, которымъ передавались взгляды Лассаля. Желябовъ при своей нетерпѣливости никакъ не могъ примириться съ тѣмъ фактомъ, что для усвоенія идеи, для согласованія ея съ привычками и традиціонными взглядами, нужно время: его выводилъ изъ себя консерватизмъ рабочей массы.

Но терпѣніе не было въ числѣ его добродѣтелей, а потому онъ не могъ быть хорошимъ педагогомъ, хотя приходилось жить уроками въ частныхъ домахъ и репетиціями въ какомъ-то женскомъ учебномъ заведеніи. Наконецъ ему удалось получить мѣсто учителя въ одесскомъ сиротскомъ домѣ, который еще находился въ старомъ зданіи, въ концѣ Преображенской улицы. Это почти устраивало Желябова, но такое благополучіе продолжалось не долго. Хотя въ сношеніяхъ съ рабочими и въ бесѣдахъ съ ними политика была устранена,—тѣмъ не менѣе онъ вскорѣ былъ арестованъ и препровожденъ въ Петербургъ, гдѣ и помѣщенъ въ тюрьму. Во все это время онъ вертѣлся въ кругу либераловъ, что оказало свое вліяніе на него. Сербское движеніе чуть было совсѣмъ не захватило его, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые товарищи ушли на войну; тамъ они надѣялись освободить славянъ отъ

турецкаго деспотизма и ввести соціалистическій строй. Въ концѣ 1878 г. я вновь встрѣтился съ Желябовымъ. Дѣло было такъ: я жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщалась редакція газеты «Одесскій Вѣстникъ». Едва я поднялся по лѣстницѣ, вижу, что Желябовъ выходитъ изъ редакціи. Встрѣча была очень сердечная. Конечно, онъ зашелъ ко мнѣ, обѣдалъ, былъ очень оживленъ, говорливъ. Бесѣда затянулась до поздней ночи. Не осталось, кажется, ни одного сюжета, ни одного предмета, котораго мы не коснулись-бы, не обсудили и кончили брудершафтомъ.

Желябовъ разсказалъ трагикомическую исторію своего народничества. Онъ пошелъ въ деревню, хотѣлъ просвѣщать ее, бросить лучшія сѣмена въ крестьянскую душу; а чтобы сблизиться съ нею, принялся за тяжелый крестьянскій трудъ. Онъ работалъ по 16 часовъ въ полѣ, а возвращаясь чувствовалъ одну потребность растянуться, расправить уставшія руки, ноги, спину и ничего больше; ни одна мысль не шла въ его голову. Онъ чувствовалъ, что обращается въ животное, въ автомата. И понялъ наконецъ такъ называемый консерватизмъ деревни: что пока приходится крестьянину такъ истощаться, переутомляться ради пріобрѣтенія куска хлѣба и средствъ, необходимыхъ для скромнаго удовлетворенія первѣйшихъ нуждъ,—до тѣхъ поръ нечего ждать отъ него чего либо другого, кромѣ зоологическихъ инстинктовъ и погони за ихъ насыщеніемъ. Подозрительный, недовѣрчивый крестьянинъ смотритъ искоса на каждаго являющагося въ деревню со стороны, видя въ немъ либо конкуррента, либо новаго соглядатая со стороны начальства для болѣе тяжкаго обложенія этой самой деревни. Объ искренности и довѣріи нечего и думать. Насильно милымъ не будешь. Почти въ такомъ-же положеніи и фабрика. Здѣсь тоже непомѣрный трудъ и желѣзный законъ вознагражденія держатъ рабочихъ въ положеніи полуголоднаго волка. Союзъ, артель могли-бы придать рабочимъ больше силы. Но тутъ и тамъ натыкаешься на полицію; ей невыгодно такое положеніе: легче и удобнѣе давить въ розницу.—Ты былъ правъ, окончилъ онъ смѣясь, исторія движется ужасно тихо, надо ее подталкивать. Иначе вырожденіе націи наступитъ раньше, чѣмъ опомнятся либералы и возьмутся за дѣло.—А конституція? улыбнулся я.—И конституція пригодится.—Что-же ты предпочитаешь?—вѣровать въ конституцію или подталкивать исторію?—Не язви. Теперь больше возлагается надеждъ на «подталкиваніе». Мы разстались.

Это былъ уже не тотъ довѣрчивый студентъ, что возмущался грубостью грубаго чиновника. Это былъ человѣкъ весьма опредѣленныхъ взглядовъ, настойчивый, неуступчивый, нервный до истерики, нетерпѣливый до обморока. Его символъ вѣры помѣщенъ выше. Радикальнѣйшій изъ радикаловъ. Но все же я очень удивился, прочитавъ его заявленіе въ засѣданіи особаго присутствія, что онъ принадлежитъ къ революціонной партіи. Во вся-

комъ случаѣ, эта эволюція произошла въ немъ значительно позже, между половиною 1876 года и началомъ 1881-го.

Въ то время, о которомъ я веду рѣчь, онъ былъ уже женатъ на старшей дочери одного изъ лучшихъ гражданъ Одессы С. С. Яхненко, чрезвычайно энергичнаго, честнаго, безкорыстнаго дѣятеля. Это былъ хорошій человѣкъ, его боялись въ Городской Управѣ за его прямоту, рѣзкость и неподкупную честность. Его нельзя было соблазнить ни лестью, ни лакействомъ, ни подкупить чѣмъ бы то ни было, какими бы то ни было наградами. Упрямый, своенравный, съ крутымъ характеромъ, близкимъ къ самодурству, Яхненко, хотя и слылъ чуть-ли не за революціонера, на самомъ дѣлѣ былъ убѣжденный монархистъ. Онъ признавалъ необходимость реформъ, расширенія самоуправленія, образованія, свободы печати и совѣсти. Дальше его идеалы не шли. Конечно, Яхненко не могъ ладить съ Желябовымъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній революціонизировался не по днямъ, а по часамъ. У него сдѣлалось какое-то органическое отвращеніе ко всему, что такъ или иначе носитъ слѣды или имѣетъ какое-нибудь отдаленное сходство съ аристократизмомъ. Вѣроятно, поэтому онъ такъ старательно уклонялся отъ свиданія съ Осинскимъ. Я не знаю даже, были-ли они знакомы? И если да, то знакомство было шапочное. Я неоднократно приглашалъ Желябова прійти, когда будетъ Валеріанъ, но онъ упрямо отказывался. Прямой, искренній, Желябовъ въ этомъ случаѣ, кажется, даже передо мной немного хитрилъ, отговариваясь, что именно въ этотъ-то день онъ «очень занятъ и никакъ не можетъ явиться».

— Да и къ чему, братъ? я, ты знаешь, не люблю этихъ бѣлоручекъ. У васъ пожалуй будетъ Баронъ Иксъ со всѣми своими хвостами и аксельбантами (такъ называлъ онъ окружавшихъ этого фельетониста лицъ). Нѣтъ, ужъ пожалуйста, приду, когда никого не будетъ. Не люблю этихъ аристократовъ. Не могу ихъ видѣть: противно.

— Ну, какой же Осинскій, возражалъ я, аристократъ, или Баронъ Иксъ?

— О баронѣ не говори: это болтунъ и ну его ко всѣмъ чертямъ.

Въ этой антипатіи къ Осинскому, быть можетъ, играли извѣстную роль большое самолюбіе и честолюбіе Желябова: на вторую роль онъ не согласился бы; ну, а первая едва ли далась бы ему рядомъ съ Осинскимъ. Желябовъ былъ непобѣдимъ среди толпы, а въ обществѣ, среди интеллигенціи, Осинскому принадлежала пальма первенства. Желябовъ не былъ теоретикъ, главарь какой-либо партіи, которой онъ могъ бы руководить, въ смыслѣ выработки программы дѣятельности или тактическихъ пріемовъ. Для этого у него не хватало знаній. Но это былъ незамѣнимый организаторъ.

Филистерская или буржуазная обстановка, погоня за мѣщанскимъ счастьемъ были для него нестерпимы. Въ этотъ періодъ онъ избѣгалъ общества, предпочитая проводить время среди своей

компаніи близкихъ людей. Жена его Ольга Семеновна недурно играла на фортепіано и пѣла; еще лучше голосъ былъ у ея сестры Таси. Обѣ онѣ иногда выступали въ концертахъ, что выводило Желябова изъ себя. Онъ не могъ допустить, чтобы его жена «услаждала, какъ онъ говорилъ, слухъ аристократовъ и плутократовъ».

Мнѣнія его болѣе и болѣе демократизировались подъ вліяніемъ усиленнаго чтенія, жизненнаго опыта и постояннаго размышленія на соціальныя темы. Онъ изрѣдка бывалъ у насъ; я раза два былъ у него и всегда заставалъ за книгами, которыми обильно снабжалъ его. Онъ жилъ на краю города (въ чьемъ домѣ—не помню), на углу Гулевой и Дегтярной улицъ, въ обстановкѣ бѣдной и чрезвычайно скромной. Два-три стула, расшатанный столъ, еле-еле державшаяся, расхлябанная кровать съ тюфякомъ, какъ блинъ.

Въ денежныхъ дѣлахъ онъ поражалъ своей щепетильностью, доходившей до ригоризма. Я зналъ эту почти болѣзненную черту, но все-таки рискнулъ. Я не могъ видѣть такой обстановки и предложилъ ему денегъ.

— Вотъ, былъ концертъ, сборъ превысилъ ожидавшійся приходъ. Бери, сколько нужно.

— Нѣтъ, не возьму.

— Ну, бери, какъ говорится, изъ фонда Валеріана.

— Тоже не возьму. Беря деньги, надо думать объ отдачѣ, а этого скоро не обѣщаю: не откуда.

— Какая же отдача? Это общественныя средства, собранныя по копѣечкѣ съ тысячи людей.

— Нѣтъ, нѣтъ, скорѣе взялъ бы отъ тебя лично и возвращу тебѣ же.

— Ну ладно. Мы знакомы лѣтъ десять, если по рублю въ мѣсяцъ считать, то ты имѣешь право на сто двадцать рублей.

Онъ расхохотался и взялъ для уплаты долговъ. Я усмѣхнулся.

— Чего ты?

— Ничего не понимаю, отвѣтилъ я. Если даже въ тюрьму носимъ мы пожертвованія, обѣдъ, чай и прочее, то почему же нельзя предложить товарищу, пріятелю, такъ сказать, отъ избытковъ своихъ? Почему онъ не можетъ взять такъ же просто, какъ ему предложено?

— Ну, брось свои софизмы. Не хочу, просто по принципу: впрочемъ, ты долженъ торжествовать, вѣдь я уступилъ.

— Причемъ тутъ «торжествовать»...

—Къ чему такъ трагически? перебилъ онъ. Сказалъ шутя, а ты придираешься, какъ прокуроръ. Онъ крѣпко сжалъ мою руку, такъ что пальцы хрустнули.

Несогласіе между супругами росло изо дня въ день, и къ концу года они окончательно разошлись. Ольга Семеновна тоже бывала у насъ, охотно пѣла, въ особенности, когда много было народу. Любила общество, между которымъ хотѣла блистать,

искала славы, аплодисментовъ, ждала хвалебныхъ рецензій. Она любила мужа по своему и хотѣла бы видѣть его не то что въ богатствѣ и славѣ, но все жъ таки съ хорошимъ положеніемъ, среди семьи, въ своемъ домѣ, обезпеченнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, развитой, умный, образованный, да еще при связяхъ Яхненко, Желябовъ могъ составить себѣ, что называется, хорошую карьеру, весьма шумную, если хотите, блестящую, которой позавидовалъ бы любой изъ воспитанниковъ Училища Правовѣдѣнія или Александровскаго Лицея. Но онъ не гнался за этимъ, и, вмѣсто карьеры, перешелъ на нелегальное положеніе, со всѣми его тягостями, недостатками и ужасами. При другихъ политическихъ условіяхъ, въ другой странѣ Желябовъ сталъ бы народнымъ трибуномъ. Онъ имѣлъ для того всѣ данныя.

Узнавъ о принадлежности Желябова къ революціонной партіи, его замыслахъ и подготовлявшихся покушеніяхъ, тесть его Яхненко заболѣлъ. Съ нимъ сдѣлался ударъ, онъ не могъ пережить такой неожиданности и скоропостижно скончался. Его семья разорилась, пошла чуть-ли не по міру, благодаря усердію мѣстныхъ представителей власти. Къ чему это? Гдѣ, въ какой странѣ возможна подобная жестокость? Совершенно ненужная свирѣпость. Но наша бюрократія никогда не понимала ни своей цѣли, ни средствъ, ведущихъ къ ея достиженію. Она знала только одно—бить батоги не щадно, идя смертнымъ боемъ на все и вся. Съ помощью такой системы мы и дошли до настоящаго положенія политической анархіи, финансоваго, экономическаго и общественнаго хаоса. Чуть-чуть не моральное банкротство [1]).

Окруженная приживалками, провинціальными салопницами, гоголевскими Коробочками, обезумѣвшая Ольга Семеновна просила объ измѣненіи ея фамиліи. Интересна маленькая подробность: когда расходились супруги въ 1878 году, Желябовъ настаивалъ на разводѣ, жена его не желала этого, надѣясь на возвратъ мужа въ лоно умѣренности и аккуратности. А тутъ отдѣлывалась отъ всего, что могло напомнить ея близость къ мужу!

15-ю годами раньше родные Каракозова продѣлали тоже самое и тѣмъ не менѣе даже въ учебникахъ исторіи занесены фамиліи какъ одного такъ и другого. Исторія забыла фамиліи ихъ судей, слѣдователей, обвинителей, сыщиковъ, жандармовъ, тюремщика, задерживавшихъ, судившихъ и сохранявшихъ для висѣлицы ихъ тѣла. Но самыя фамиліи ихъ занесла на свои скрижали. Ихъ не вырубишь никакимъ топоромъ. Зная все это, можно

---

[1]) Гдѣ-то я читалъ, будто Желябовъ всталъ на террористическій путь, вполнѣ устроивъ свои семейныя дѣла. Какъ понималъ свою фразу авторъ—не знаю. Но Желябовъ сдѣлалъ одно—разошелся со своей женой очевидно для всѣхъ, чтобы ее не таскали напрасно по канцеляріямъ и камерамъ. Вотъ и все. Изрѣдка ей передавались кое какіе мелкія суммы на содержаніе сына. Самъ Желябовъ принялся за поиски хорошаго вида на жительство. Тутъ сильно помогъ ему В. Осинскій своими знакомствами и фондами. Документъ на имя Чернявскаго былъ наконецъ полученъ, испробованъ въ Одессѣ и Кіевѣ въ самое опасное время, не возбуждая нигдѣ никакихъ сомнѣній. Документъ былъ настоящій; но достать его было очень трудно.

сказать, что разводъ, разлученіе Желябовыхъ было фатально, необходимо, обусловливалось ихъ натурами. Онъ пошелъ налѣво и дошелъ до висѣлицы, она—направо и была доведена чуть-ли не до сумы. Приходилось чуть-ли не побираться Христовымъ именемъ.

Симпатіи Желябова къ барышнѣ, о которой упомянуто выше, не истрепались, не поблѣднѣли и за десять лѣтъ. Цѣлая земская давность не потушила привязанности! Это не была пожирающая страсть, вѣчная и глубокая; но какое-то неуничтожаемое чувство, во вкусѣ Сенъ-Пре Жанъ Жака Руссо въ его новой Элоизѣ. Какъ-бы неуничтожаемая сила или матерія, по понятіямъ Лавуазье.

Желябовъ не могъ относиться хладнокровно къ своему предмету даже по истеченіи 10 лѣтъ и, странное дѣло!—онъ требовалъ отъ меня такого же пыла. Даже Гетевскій Вертеръ не вытерпѣлъ-бы такого искуса.

Вскорѣ ему пришло въ голову заниматься физикой и непремѣнно по курсу Петрушевскаго.

— Вѣдь ты математикъ, слушалъ самого Петрушевскаго, нука, тряхни стариной, сказалъ онъ мнѣ однажды весело.

— Петрушевскій не годится. Это не научный курсъ, а подробный иллюстрированный каталогъ большого оптическаго магазина. Желябовъ отъ души расхохотался.

— Ну, а чью-бы физику назвалъ ты?

— Жане, что-ли. Мы съ тобой плоховаты во французскомъ діалектѣ, ну, да физику читать не трудно. Я не знаю, однако, для чего тебѣ физика?

— Все равно. Дуй по Петрушевскому.

Однако, вскорѣ занятія были брошены. Ученикъ мой оказался безъ малѣйшаго намека на математическія способности, безъ научнаго воображенія и технической памяти. Никакого инструмента онъ представить себѣ не могъ и рѣшительно путалъ всѣ микрометрическіе винты, колеса, нажимы, проволоки. Желябову собственно нуженъ былъ не курсъ физики, а только практическое электричество. Я ничего не зналъ въ этой техникѣ и отказался отъ дальнѣйшихъ уроковъ. Онъ былъ недоволенъ и еще рѣже сталъ показываться. Но я отлично зналъ, что въ этомъ обстоятельствѣ виновата не физика, а кое-что иное, именно: старыя симпатіи. Послѣ разныхъ объясненій, мы разстались друзьями. А онъ все больше и больше уединялся, и одинъ Аллахъ зналъ, что дѣлалось, какая эволюція или драма протекала въ его душѣ.

Какъ-то разъ, въ началѣ апрѣля 1879-го года, онъ пришелъ и между прочимъ сообщилъ, что моя квартира скомпрометирована, за нею-де неослабный надзоръ, и совѣтовалъ быть наготовѣ. Надзора я не замѣчалъ, а у нелегальныхъ часто несоразмѣримыя опасенія. Тѣмъ не менѣе Желябовъ былъ правъ. Черезъ

нѣсколько дней захожу въ Государственный банкъ, гдѣ имѣлъ дѣло.

— Удивляюсь, какъ вы еще здѣсь, въ Одессѣ, сказалъ мнѣ управляющій конторой—Орловскій, съ которымъ я вовсѣ не былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Вѣдь вы знаете, что занесены въ списокъ неблагонадежныхъ.

Я разсказалъ объ этомъ Желябову; онъ нашелъ все это вѣроятнымъ и сказалъ, что кончится либо кратковременнымъ тюремнымъ заключеніемъ, либо ссылкой куда-нибудь недалеко. Я могъ въ ту же минуту уѣхать въ Константинополь, но онъ рѣшилъ, что достаточно скрыться съ одесскаго горизонта куда-нибудь въ уѣздъ. А такъ какъ я вѣрилъ въ его компетентность въ такихъ дѣлахъ, то принялъ всѣ мѣры послѣдовать его совѣту. Однако былъ арестованъ, какъ разъ при выѣздѣ изъ города, и попалъ въ Сибирь.

Это было послѣднее свиданіе съ Желябовымъ. Мы поцѣловались и попрощались, будто разставались навѣки. Онъ подарилъ мнѣ на память золотую цѣпочку, которую получилъ отъ кого-то изъ родныхъ своей жены. Эта цѣпочка долго была для меня реликвіей.

Настоящими строками я оканчиваю то, что подсказывается моимъ сердцемъ. Еслибы не мои хворости, еслибы я имѣлъ больше времени, а печать больше свободы, то воспоминанія мои о пребываніи Желябова въ Одессѣ были-бы гораздо ярче, полнѣе и рельефнѣе. Я сдерживалъ себя сколько могъ, не давалъ воли своимъ чувствамъ и составилъ тотъ слабый очеркъ, какой лежитъ передъ глазами читателей. Теперь поведу рѣчь еще сдержаннѣе, еще кратче и эпизодичнѣе, если можно такъ выразиться, и уже не отъ своего имени. Тутъ оканчивается, такъ сказать, писаніе, оканчивается все то, чему я былъ очевидцемъ, и начинается преданіе, т. е. изложеніе по чужимъ отзывамъ и словамъ, по слухамъ, лично мною не всегда провѣреннымъ. Какъ-бы то не было, но каждая строчка о Желябовѣ, даже и непровѣренная, весьма интересна для потомства, для характеристики такой огромной личности и такой интересной эпохи.

Желябовъ завелъ обширныя знакомства съ профессорами артиллерійской академіи, разными техниками, офицерами разныхъ спеціальностей. Въ Одессѣ, на рейдѣ въ то время стояли всегда военныя суда, миноноски и проч. Онъ видѣлъ дѣйствіе минъ и торпедъ на водѣ, присутствовалъ при разныхъ опытахъ со взрывчатыми веществами. Эти же офицеры давали ему уроки. Оплачивались они дорого, очень дорого, что-то въ родѣ 25-ти рублей за часъ. Вообще Желябовъ подготовлялъ себя чуть-чуть что не къ службѣ монтера. Онъ входилъ во всѣ детали и какъ-то по неосторожности на какомъ-то опытѣ былъ раненъ.

Его очень полюбили, но какъ-то побаивались; онъ слылъ здѣсь за «нигилиста», хотя спеціальныхъ чертъ этого тургеневскаго типа у него не было. Покойный лейтенантъ Рождественскій

(не надо смѣшивать съ цусимскимъ героемъ) раза два бралъ его на свой миноносецъ, на которомъ дѣлалъ разныя экскурсіи по Черному морю. А другой офицеръ П. постоянно говорилъ на артиллерійскія темы. Въ гавани почти ежедневно матросы занимались рыболовствомъ, что̀ служило хорошимъ подспорьемъ къ матросскому пайку. Обыкновенно на паровомъ катерѣ они ѣздили верстъ за 10—12 отъ города къ Большому Фонтану и, замѣтя стаю рыбъ, брасали въ нее шашкой пироксилина на проволокѣ, замыкая въ то же время токъ. Взрывъ, и масса оглушенной рыбы всплывала на поверхность. Эффектъ каждый разъ превосходилъ ожиданія Андрея Ивановича. У него раздувались ноздри, глаза готовы были выскочить изъ орбитъ, весь онъ дрожалъ отъ удовольствія. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ онъ былъ ушибленъ въ плечо. Я зашелъ посмотрѣть. Онъ лежалъ на кровати, съ перевязанной рукой. Оказалось пустяки.

— Ничего, сказалъ онъ, до̀ свадьбы заживетъ.

— Вѣдь ты знаешь свои нервы, отвѣтилъ я: завяжи, милый дружокъ, себѣ на память узелокъ: никогда въ практическую часть не вмѣшиваться—не твое дѣло, ты не исполнитель. Съ твоими нервами и технической неспособностью нечего и совать свой носъ, куда не слѣдуетъ.

Крайне нетерпѣливый, онъ не способенъ былъ къ такому ручному труду, гдѣ требуется усидчивость при извѣстной точности и аккуратности.

Больше Желябова въ Одессѣ я не видѣлъ.

П. Семенюта.

Къ исторіи отправленія декабристовъ въ Сибирь.

Надпись: Господинъ Начальникъ Штаба одобрилъ проектъ инструкціи съ тѣмъ, что можно будетъ сдѣлать и еще нѣкоторыя добавленія, если при отправленіи преступниковъ обстоятельства того потребуютъ. 18 ноября.

Проектъ.

ИНСТРУКЦІЯ

Фельдьегерскаго Корпуса Фельдьегерю.

1) Поручаются тебѣ государственные преступники . . . . . которыхъ принявъ въ . . . . . крѣпости отъ Г-на Коменданта, слѣдовать съ оными въ . . . . . прямо по назначенному тебѣ тракту, отнюдь не перемѣняя онаго и не заѣзжая никуда въ сторону.

2) Везти сихъ преступниковъ каждаго на одной подводѣ съ однимъ жандармомъ, для чего получишь ты прогонныя деньги на . . . . подводъ и откомандировано съ тобою . . . . . жандармовъ; самому же тебѣ ѣхать сзади также на особой подводѣ.

3) Никакихъ особенныхъ повозокъ, бричекъ и тому подобнаго дорогою, ни для себя, ни для арестантовъ, не заводить и ни отъ кого не принимать.

4) На продовольствіе арестантовъ получишь ты кормовыя деньги, по 30-ти коп. на человѣка въ сутки, которыя имъ въ руки не отдавать, а имѣть у себя.

5) Отнюдь не останавливаться дорогою нигдѣ въ трактирахъ, харчевняхъ и тому подобныхъ публичныхъ заведеніяхъ и ни подъ какимъ предлогомъ въ оныя не заѣзжать, особенно въ городахъ, а стараться доставать нужную на продовольствіе пищу на самыхъ станціяхъ, дозволяя преступникамъ употреблять что только необходимо нужно будетъ для поддержанія ихъ силъ и здоровья, но избѣгая всякой роскоши и излишествъ, какъ-то большихъ обѣдовъ, употребленія шампанскаго и другихъ виноградныхъ винъ.

6) Дорогою нигдѣ не допускать ни подъ какимъ предлогомъ для свиданія съ арестантами и разговоровъ, также принимать отъ постороннихъ людей пособія.

7) Не позволять имъ нигдѣ никакихъ писать записокъ или писемъ и вообще какого бы рода не было письменныхъ бумагъ; равно и на имя ихъ таковыхъ ни откуда не принимать.

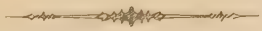
8) Никому не сказывать, кого, куда и откуда препровождаешь.

9) Если кто изъ арестантовъ заболѣетъ, то оставлять таковаго тогда только, когда предвидится, что не можно будетъ довезти до мѣста назначенія безъ опасности для жизни. Въ такомъ случаѣ, буде нельзя достигнуть города, то оставить онаго въ ближайшемъ по удобности мѣстѣ, но не иначе какъ съ однимъ жандармомъ и при проѣздѣ чрезъ губернскій или уѣздный городъ извѣстить о томъ мѣстное начальство, для принятія нужныхъ мѣръ какъ для попеченія объ ономъ, такъ и для надзору.

10) Въ случаѣ приключившейся арестанту такой болѣзни, по которой не нужно будетъ оставлять его на пути, позволяется тебѣ по усмотрѣнію необходимости раскоѓать его, но вмѣстѣ съ тѣмъ усугубить за нимъ надзоръ; когда же онъ получитъ облегченіе, то имѣешь заковать его по прежнему.

11) Во всякомъ неожиданномъ случаѣ, если потребуетъ нужда, какъ равно и при затрудненіяхъ въ полученіи подводъ, просить помощи со стороны мѣстнаго начальства по открытому предписанію, которое тебѣ дано будетъ.

12) По доставленіи арестантовъ къ мѣсту назначенія сдать ихъ . . . . . и самому съ жандармами отправиться обратно.



Изъ воспоминаній о 1881 годѣ [1]).

Я пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ января 1881-го года послѣ двухлѣтняго пребыванія въ административной ссылкѣ въ Архангельской губ. Настроеніе Петербурга было тогда бодрое, революціонное и значительно приподнятое по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда я покинулъ его, то-есть началомъ 1879-го года. Изъ двухъ партій, существовавшихъ въ то время, «Черный Передѣлъ» постепенно стушевывался, уступая свои позиціи «Народной Волѣ», получившей тогда уже безспорно преобладающее значеніе. Съ первыхъ же дней моего пребыванія въ Петербургѣ, у меня завелось довольно обширное знакомство и притомъ довольно разное, преимущественно, конечно, въ революціонныхъ сферахъ. Я сошелся, между прочимъ, съ петербургскимъ Черно-передѣльческимъ кружкомъ и у насъ затѣвалось сообща небольшое издательское дѣло. Но симпатіи мои всецѣло склонялись въ сторону «Народной Воли», и я тотчасъ же постарался завести личныя сношенія съ кѣмъ-нибудь изъ ея членовъ. Въ числѣ первыхъ моихъ народовольческихъ знакомыхъ была Елизавета Николаевна Оловенникова, слушательница фельдшерскихъ курсовъ при Покровской Общинѣ, привлеченная впослѣдствіи къ Народовольческому процессу 20-ти [2]). Несмотря на непродолжительный періодъ нашего знакомства, у меня сохранилось самое свѣтлое воспоминаніе объ этой милой, симпатичной дѣвушкѣ, отдавшейся тогда всецѣло кипучей революціонной работѣ. Я имѣлъ къ ней письмо и рекомендацію отъ одного ея стараго хорошаго знакомаго и даже наставника—Петра Григорьевича Зайчневскаго, близкаго моего товарища по ссылкѣ и, благодаря этому, у насъ сразу установились отношенія искренности и довѣрія. У нея находилась въ то время одна изъ довѣренныхъ квартиръ Народовольческой организаціи и я, бывая довольно часто у Елизаветы Николаевны, очень скоро столкнулся у нея съ нѣкоторыми видными предста-

[1]) Статья эта принадлежитъ Сергѣю Андреевичу Иванову, присужденному въ 1887 г. по дѣлу Г. А. Лопатина и др. къ смертной казни, заключенному затѣмъ въ Шлиссельбургъ и вышедшему оттуда лишь послѣ 17 октября 1905 года. *Ред.*

[2]) См. процессъ 20-ти народовольцевъ, напечатанный въ янв. кн. «Былого». *Ред.*

вителями петербургскаго народовольства, въ томъ числѣ съ Перовской и Желябовымъ.

Первая моя встрѣча съ Желябовымъ произошла въ серединѣ января. Онъ извѣстенъ былъ тогда въ Петербургѣ подъ именемъ «Тараса» и въ революціонныхъ сферахъ пользовался громадною популярностью. Я читалъ гдѣ-то впослѣдствіи, что при личныхъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ нимъ впечатлѣніе получалось не сильное, иногда даже непріятное, что его натура агитатора требовала большой аудиторіи, предъ которой только и могла развернуться во всю его крупная фигура. Не могу, однако, согласиться съ первою частью этой характеристики. Можетъ быть я уже былъ предупрежденъ въ его пользу разными ходячими разсказами, но, во всякомъ случаѣ, первое впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, сохранившееся и до сей поры, было сильное и благопріятное. Импонировало въ немъ все: его мужественная красивая фигура, увѣренные жесты, выразительная рѣчь, мѣткая и образная, наконецъ, цѣльность и законченность мысли, развиваемой логически и до конца.

Послѣ первыхъ общихъ фразъ, разговоръ перешелъ къ дѣятельности Краснаго Креста (революціоннаго), въ которой я сталъ принимать участіе тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ.

— Дѣло это само по себѣ, конечно, хорошее, замѣтилъ Желябовъ, но не имъ бы слѣдовало заниматься уже вполнѣ сложившимся революціонерамъ и особенно въ настоящее горячее время.

Я возразилъ, что Красный Крестъ является до извѣстной степени учрежденіемъ партіи, которую онъ и обслуживаетъ, принимая на себя заботы объ ея арестованныхъ членахъ, что онъ имѣетъ даже спеціальный отдѣлъ для организаціи побѣговъ съ мѣста ссылки тѣхъ, кто желаетъ примкнуть къ революціонной организаціи. Желябовъ, однако, продолжалъ развивать свою мысль, доказывая, что хотя это дѣло и заслуживаетъ всякаго сочувствія, но, въ концѣ концовъ, оно все же сводится на девять десятыхъ къ революціонной филантропіи, для которой всегда найдется достаточно людей не способныхъ къ активной революціонной работѣ или не имѣющихъ почему либо возможности примкнуть къ ней.

Я спросилъ его, для чего понадобилось въ такомъ случаѣ присутствіе въ Красномъ Крестѣ представителя партіи. Этимъ представителемъ была въ немъ тогда Геся Гельфманъ.

— Но вѣдь я не противъ самаго учрежденія говорю, возразилъ Желябовъ. Красный Крестъ имѣетъ и революціонное значеніе, въ качествѣ подготовительной школы, гдѣ возможна группировка людей для совмѣстной организованной работы, пріучающей ихъ къ тому же къ конспираціи, столь необходимой при революціонной работѣ. Между прочимъ здѣсь удобно намѣчать людей способныхъ идти далѣе, но для этого достаточно присутствіе одного, двухъ человѣкъ партіи. Наполнять его революціонерами—зна-

читъ отвлекать ихъ отъ другой, болѣе нужной работы. Никогда не нужно переоцѣнивать вещи и гораздо лучше называть всякое дѣло соотвѣтствующимъ именемъ. Филантропія, хотя бы революціонная, пусть и называется филантропіей, а борьба—борьбой.

Заговорили о чернопередѣльцахъ и о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ и нородовольцевъ. О моемъ знакомствѣ съ чернопередѣльцами Желябовъ очевидно зналъ отъ Е. Н. Оловенниковой. Отзывался онъ о нихъ иронически и желчно; въ особенности указывалъ онъ на несоотвѣтствіе программы и практической постановки дѣла. Пропагандируя идею о дѣятельности среди крестьянства, объ организаціи его, они сидятъ въ большихъ городахъ, гдѣ и облика крестьянскаго не увидишь. Получается такимъ образомъ не простое доктринерство, а одна болтовня подъ народническимъ флагомъ, что и служитъ показателемъ разложенія партіи, которая при такомъ положеніи теряетъ всякій raison d' être своего существованія, принимая особенно во вниманіе то, что принципіальныя разногласія ея съ Народной Волей (вопросъ о террорѣ и о значеніи политической свободы) уже значительно сгладились.

При прощаніи Желябовъ условился встрѣтиться со мною тутъ же на другой день послѣ университетскаго вечера, на которомъ по обыкновенію долженъ былъ быть произведенъ сборъ въ пользу ссыльныхъ и Народной Воли. Часть этого сбора я долженъ былъ принести сюда, чтобы распредѣлить его по принадлежности.

На другой день послѣ университетскаго вечера мы опять сошлись у Е. Н. Оловенниковой. Въ этотъ разъ Желябовъ былъ особенно веселъ и оживленъ, сыпалъ шутками и каламбурами и при дѣлежѣ сбора все норовилъ, шутя, подвинуть къ себѣ лишній двугривенный или пятіалтынный. Рѣчь зашла о политикѣ Лорисъ-Меликова, на которомъ сосредоточивалось тогда, какъ въ фокусѣ, вниманіе русскаго общества. Отношеніе Желябова къ нему было безусловно отрицательное. Онъ указывалъ на то, что Лорисъ-Меликовъ, подъ прикрытіемъ либеральныхъ фразъ, ведетъ дѣятельную борьбу съ революціей, что она ведется имъ не хуже всякаго другого на его мѣстѣ, даже лучше пожалуй, потому что удары направляются имъ съ выборомъ и расчетомъ, а не бьютъ, какъ это бывало часто прежде, по пустому мѣсту. Амнистируя административныхъ ссыльныхъ, да и то не всѣхъ, онъ и не подумалъ коснуться осужденныхъ по процессамъ, стараясь такимъ образомъ купить возможно дешевле общественное сочувствіе и благодарность. Во всей своей внутренней политикѣ умиротворенія и преобразованія онъ ограничивается туманною либеральною фразеологіей, способной, тѣмъ не менѣе, вводить въ заблужденіе довѣрчивыхъ людей. И въ концѣ концовъ все сведется къ нулю или чему-нибудь очень мизерному; далѣе жалкихъ заплатъ онъ не пойдетъ, а не ими зачинить русское дырявое рубище. И поэтому революціонерамъ остается только одно: продолжать начатую борьбу, продолжать во что бы то не стало, потому что только она одна можетъ дать какіе-нибудь результаты, будить обществен-

ную совѣсть и выводить общество изъ инертности. Упомяну кстати объ одномъ литературномъ инцидентѣ, въ настоящее время, конечно, совершенно забытомъ, имѣвшемъ, какъ говорили, нѣкоторое отношеніе къ Лорисъ-Меликову. Я сообщилъ тогда о немъ Желябову, который заинтересовался имъ и просилъ разузнать пообстоятельнѣе объ этомъ дѣлѣ. Въ это время появился новый еженедѣльный органъ «Гласность», издававшаяся и редактировавшаяся нѣкимъ Г. Іероглифовымъ. Въ первомъ же № этой газеты говорилось, что одною изъ главныхъ задачъ ея является реабилитація идей чистаго соціализма въ виду злостнаго искаженія ихъ прессою извѣстнаго лагеря и отсутствія въ широкихъ кругахъ общества яснаго представленія объ этомъ ученіи. Вообще газета повела съ самаго начала въ очень либеральномъ духѣ и заговорила языкомъ смѣлымъ для того времени. Въ качествѣ издателя Іероглифовъ отозвался сочувственнѣе другихъ газетъ на просьбу высылать газету ссыльнымъ, предложивъ для этой цѣли 50 безплатныхъ экземпляровъ ея. Я имѣлъ случай завести съ нимъ непосредственныя сношенія и получилъ уже предложеніе дать въ газету очерки изъ жизни административныхъ ссыльныхъ. Но помимо этого газета возбудила спеціальный интересъ въ виду дошедшаго слуха, что она поддерживается и инспирируется самимъ Лорисъ-Меликовымъ. Просуществовала она, впрочемъ, очень недолго (кажется, 3—4 мѣсяца), прекратившись скоро послѣ его паденія, какъ бы подтверждая этимъ ходившіе о ней слухи.

Я видѣлся съ Желябовымъ еще два раза, но уже въ другомъ мѣстѣ, въ виду того, что онъ находилъ неудобнымъ встрѣчаться постоянно на одной квартирѣ. Отъ него я получалъ революціонную литературу — №№ «Народной Воли» и «Рабочей Газеты», передавая ему въ свою очередь деньги, собранныя по листкамъ Народной Воли, паспорта, адреса и т. п. Желябовъ всегда торопился, жалуясь на недостатокъ времени, но затѣмъ, заговоривъ о чемъ-нибудь, какъ бы забывалъ объ этомъ.

Встрѣтился я съ нимъ вскорѣ послѣ университетскаго акта (8 февраля), ознаменованнаго извѣстнымъ инцидентомъ съ министромъ народнаго просвѣщенія Сабуровымъ (студентъ университета Подбѣльскій далъ ему пощечину). Дѣло это было организовано съ вѣдома центральнаго университетскаго кружка, находившагося въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ народовольческой организаціей. Инциденту этому я не сочувствовалъ, и мнѣ было интересно узнать мнѣніе объ этомъ такого виднаго члена партіи Народной Воли, какъ Желябовъ, но онъ, видимо, уклонился отъ этого разговора, ограничившись замѣчаніемъ, что это дѣло чисто университетское и студенты сами лучше другихъ могутъ разобраться въ немъ. Для меня такъ и осталось невыясненнымъ, произошелъ ли этотъ инцидентъ съ вѣдома и одобренія

организаціи или же всецѣло по иниціативѣ Центральнаго Университескаго Кружка. [1])

Каждый разъ при свиданіи разговоръ касался такъ или иначе вопроса о террористической дѣятельности партіи, и Желябовъ всегда являлся горячимъ защитникомъ политическаго террора. «Это средство исключительное, героическое, говорилъ онъ, но за то и самое дѣйствительное, лишь бы только борьба эта велась послѣдовательно, безъ перерывовъ. Партизанскіе эпизоды, растягиваемые на продолжительное время дѣйствуютъ лишь на воображеніе публики, но не устрашаютъ правительство. Все значеніе этого орудія борьбы и всѣ шансы на успѣхъ заключаются именно въ послѣдовательности и непрерывности дѣйствій, направлять которыя необходимо на опредѣленный намѣченный пунктъ. Подъ ударами систематическаго террора самодержавіе даетъ уже трещины. У правительства внѣ его самого нѣтъ опоры; долго выдерживать подобное напряженное состояніе оно не въ силахъ и пойдетъ на дѣйствительныя, а не на призрачныя уступки, лишь бы только борьба велась неуклонно. Замедленіе для насъ гибельно, мы должны идти форсированнымъ маршемъ, напрягая всѣ силы; а за нами пусть идутъ другіе по проторенному и испытанному уже пути, и они возьмутъ свое. Передаю, разумѣется, лишь приблизительно смыслъ того, что тогда слышалъ отъ Желябова, хотя въ общемъ у меня сохранилось обо всемъ очень ясное воспоминаніе.

О подготовлявшемся событіи 1-го марта Желябовъ не обмолвился никогда ни однимъ словомъ. Конспирація была строгая, да и не у него только одного. Только разъ Перовская, увидавъ у меня не за долго до 1-го марта нелегальную литературу, посовѣтовала мнѣ пообчиститься и быть на сторожѣ въ виду того, что скоро можетъ начаться большой полицейскій переполохъ. Скрытый смыслъ этихъ словъ я понялъ уже позднѣе. При послѣднемъ свиданіи съ Желябовымъ—это было приблизительно въ серединѣ февраля, онъ сказалъ мнѣ, что, въ виду предстоящей, ему спѣшной работы, наши встрѣчи на время прекратятся и вмѣсто него со мной будетъ видаться время отъ времени другой человѣкъ. Этимъ человѣкомъ была Перовская.

Въ этотъ разъ мы вышли вмѣстѣ. Вообще Желябовъ избѣгалъ этого, считая это неконспиративнымъ. Былъ вечеръ и мы шли по пустынной улицѣ Петербургской стороны. Разговоръ коснулся спеціализаціи и раздѣленія труда при революціонной работѣ, при чемъ Желябовъ доказывалъ крайнюю необходимость такой спеціализаціи. Я выразилъ при этомъ удивленіе, какимъ образомъ поспѣваетъ онъ всюду и вездѣ, и спросилъ, почему самъ онъ такъ разбрасывается, удѣляя время на такія въ сущности мелочи, какими являются наши свиданія.

---

[1]) Намъ извѣстно, что инцидентъ произошелъ съ вѣдома и одобренія народовольческой организаціи и въ частности А. И. Желябова. *Ред.*

Желябовъ разсмѣялся.

— Далеко не все мелочи, что порою кажется мелочами,—сказалъ онъ. Изъ нихъ то часто и комбинируется то, что потомъ оказывается крупнымъ. Право, добрая половина нашей работы складывается изъ такихъ якобы мелочей. А разбрасываться приходится по неволѣ. Бываютъ моменты, когда необходимо мобилизировать не только всѣ наличныя силы партіи, но и силы каждаго отдѣльнаго человѣка. Впрочемъ и натура моя такая: меня тянетъ всюду и вездѣ и я болѣе всего полагаюсь на свои собственныя впечатлѣнія. Поживете и увидете, добавилъ онъ, можетъ быть вамъ и на собственномъ опытѣ придется испытать все это.

И дѣйствительно,—позже—черезъ два года я часто вспоминалъ эти слова.

Мы простились и разошлись. Желябовъ направился къ проѣзжавшей конкѣ. Я невольно провожалъ глазами его крупную красивую фигуру, не предполагая, что простился съ человѣкомъ, уже обреченнымъ.

Это была моя послѣдняя встрѣча съ Желябовымъ.

Мое первое знакомство съ Софьей Львовной Перовской завязалось также у Е. Н. Оловенниковой въ январѣ 1881 г. Но въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца это были случайныя, мимолетныя встрѣчи и только съ половины февраля у меня завязались съ нею болѣе постоянныя сношенія. Черезъ одинъ—два дня послѣ послѣдняго моего свиданія съ Желябовымъ, зашла ко мнѣ Е. Н. Оловенникова, съ цѣлью разузнать объ условіяхъ моей квартиры, т. е. относительно безопасности ея, въ виду того, что Софья Львовна (я не помню теперь подъ какимъ именемъ она слыла тогда) хочетъ посѣтить меня. Не смотря на недавнее возвращеніе изъ ссылки я устроился отлично въ полицейскомъ отношеніи, поселившись еще до принятія въ Университетъ подъ своимъ совершенно чистымъ дворянскимъ видомъ, которымъ я запасся спеціально для этой цѣли. Благодаря этому я былъ прописанъ не въ качествѣ студента и жилъ внѣ всякаго полицейскаго надзора, что и подтвердилось впослѣдствіи при моемъ арестѣ.

Черезъ 2—3 дня Софья Львовна зашла ко мнѣ, заявивъ съ первыхъ словъ, что она хочетъ покороче познакомиться со мной. Тутъ же, совершенно случайно, при разговорѣ объ общихъ знакомыхъ, оказавшихся у насъ, для меня раскрылся ея псевдонимъ (и фамилія «Перовская», и революціонный формуляръ носительницы этой фамиліи были мнѣ хорошо извѣстны), о чемъ я сейчасъ же и сказалъ ей, назвавъ ее по имени и отчеству. Софья Львовна встревожилась, но когда я объяснилъ, почему это такъ вышло,—разсмѣялась и сказала:

— «Ну, что же съ вами подѣлаешь, если ужъ догадались—знайте, но знайте про себя и пожалуйста нигдѣ и никогда не называйте меня этимъ именемъ».

Въ теченіе февраля я еще раза 2—3 видался съ Перовской на своей квартирѣ. Съ самого начала я почувствовалъ себя съ

нею легко и свободно. Это вышло какъ-то само собою и, конечно, по ея иниціативѣ. «Страхъ какъ пить хочется, напойте меня чаемъ», сказала она просто, придя ко мнѣ въ первый разъ. И мы пили чай, разговаривая какъ старые знакомые, и я безъ малѣйшаго стѣсненія отвѣчалъ на ея вопросы о моемъ прошломъ и настоящемъ. Есть такіе люди, обладающіе рѣдкою способностью привлекать къ себѣ симпатіи и вызывать полное довѣріе съ первыхъ же минутъ знакомства. Въ этихъ людяхъ обыкновенно очень мало показного, бьющаго на эфектъ. Все въ нихъ просто и естественно, но за этою простотою чувствуется какая то особенная сила, привлекающая и подчиняющая себѣ другихъ. Мнѣ кажется, что тогда я исполнилъ бы все, что бы ни предложила мнѣ Софья Львовна. Но она именно ничего не навязывала, не пыталась оказать какое-нибудь давленіе на чужую волю силою своего авторитета. Я слыхалъ, что Перовская была очень популярна между петербургскими рабочими, среди которыхъ она вела въ это время дѣятельную агитацію. И подобная популярность мнѣ вполнѣ понятна. Именно такіе люди, одаренные естественною простотою и свободные отъ претенціозности, столь обычной у интеллигента, попадающаго въ рабочую среду, могутъ пользоваться въ ней наибольшимъ и притомъ прочнымъ успѣхомъ.

Упомяну здѣсь о двухъ разговорахъ, которые могутъ представлять нѣкоторый общій интересъ и рисуютъ взгляды Перовской по нѣкоторымъ вопросамъ революціонной тактики.

Въ одно изъ своихъ посѣщеній Софья Львовна принесла мнѣ для прочтенія уставы народовольческихъ группъ (центральныхъ, мѣстныхъ и областныхъ), обѣщанные мнѣ еще Желябовымъ, предупредивъ, что она не можетъ оставить ихъ мнѣ, такъ какъ собственно даже ознакомленіе съ ними полагается лишь для лицъ, вступающихъ въ организацію [1]). Мнѣ хотѣлось разъяснить себѣ одинъ изъ послѣднихъ пунктовъ программы Исполнительнаго Комитета, очень кратко трактующій вопросъ о захватѣ власти. Я надѣялся найти въ организаціонныхъ уставахъ нѣкоторое разъясненіе этого интересовавшаго меня вопроса. Но и въ нихъ, какъ и въ программѣ Исполнительнаго Комитета, этотъ вопросъ оставался совершенно въ тѣни.

Прочитавъ уставы и не найдя въ нихъ ничего искомаго, я попросилъ Софью Львовну разъяснить мнѣ, если она найдетъ это возможнымъ, и теоретическое и практическое значеніе внесеннаго въ программу параграфа о захватѣ власти. Софья Львовна даже руками всплеснула, выразивъ полукомическое изумленіе тому, что вопросъ этотъ поднимается обыкновенно лицами, не принад-

[1]) Это чтеніе организаціонныхъ уставовъ очень пригодилось мнѣ впослѣдствіи, когда въ 1883 г. мнѣ пришлось возстановить почти единолично эти уставы для вновь организовавшихся тогда Харьковской центральной и Ростовской группъ. Экземпляръ этого устава былъ захваченъ при Ростовскихъ арестахъ 1884 г. и, навѣрное, и теперь хранится въ архивѣ при нашемъ дѣлѣ, такъ какъ текстъ его читался на нашемъ судѣ.

С. И.

лежащими еще къ организаціи, между тѣмъ какъ внутри ея онъ почти никогда даже и не трактуется. И затѣмъ она изложила свое мнѣніе, предупредивъ, впрочемъ, что излагаетъ только свой личный взглядъ, такъ какъ вопросъ этотъ очень мало разработанъ въ программѣ партіи. По ея словамъ, этотъ пунктъ программы не имѣлъ до того времени почти никакого практическаго значенія, такъ что ни включеніе его въ программу, ни исключеніе ея ничего не измѣнило бы въ текущей дѣятельности партіи. Но такое положеніе вещей является результатомъ спеціальныхъ условій и запросовъ данной минуты и вопросъ о захватѣ власти выдвигается самъ собою, хотя бы только теоретически, передъ партіей, связывающей свое существованіе не съ одной только настоящей минутой. Въ самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы какая нибудь политическая партія, въ моментъ переворота или вспыхнувшей революціи отказалась взять на время власть въ свои руки, если бы это оказалось возможнымъ. Не воспользоваться такимъ случаемъ—значило бы добровольно отдать всѣ козыри въ руки своихъ политическихъ противниковъ. Такимъ образомъ, разсуждая теоретически, захватъ власти революціонной партіей желателенъ. Если же практически для настоящаго времени это мало вѣроятно, то нельзя все же отрицать вполнѣ возможность такого случая въ будущемъ, даже въ ближайшемъ, при той или иной благопріятной комбинаціи обстоятельствъ, хотя бы только въ частичной формѣ. Захватъ власти въ какомъ-нибудь отдѣльномъ центрѣ не является какимъ либо невѣроятнымъ случаемъ при наличности даже небольшой военной организаціи, а значеніе такого революціоннаго инцидента было бы громадно [1]). Все это не является какимъ-нибудь опредѣленнымъ планомъ, имѣющимъ подъ собою реальную почву для настоящей минуты, а представляетъ лишь примѣрную иллюстрацію возможнаго положенія. Въ виду этого введеніе въ программу пункта о захватѣ власти, ничего не измѣняя въ настоящей тактикѣ партіи, оставляетъ за нею право воспользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ, если бы таковой представился когда-либо и даетъ нѣкоторую руководящую нить для ея отдѣльныхъ членовъ при различныхъ возможныхъ случайностяхъ. Тѣмъ не менѣе принципъ захвата власти никогда не выдвигался, въ качествѣ основного пункта программы, какъ это склонны утверждать нѣкоторые.

«Наши противники, говорила Софья Львовна, взводятъ на насъ между прочимъ обвиненіе, что мы хотимъ воскресить старый, уже осужденный исторіей, якобинскій принципъ захвата власти во всемъ его старомъ значеніи. Говорить это можно лишь по недоразумѣнію или же съ преднамѣренной тенденціозностью.

---

[1]) Въ 1883 году между военными и моряками—членами военной организаціи дебатировался вопросъ о возможности захватить Кронштадтъ въ свои руки. Есть нѣкоторыя основанія думать, что Скобелевъ во время своей заграничной поѣздки въ 1882 г. имѣлъ въ виду попытку сблизиться въ Парижѣ съ русской революціонной организаціей.

С. П.

Наши цѣли и тактика не имѣютъ ничего общаго съ этимъ якобинскимъ принципомъ—съ идеей о насильственномъ разрѣшеніи сверху главныхъ вопросовъ общественной жизни и о навязываніи народу тѣхъ или иныхъ соціально-политическихъ формъ. Нашъ девизъ «Народная Воля» не является пустымъ звукомъ, а дѣйствительно выражаетъ собою сущность нашей программы и нашихъ стремленій. За собою мы оставляемъ лишь одно безусловное право—право свободной пропаганды своихъ идей, а во всемъ остальномъ готовы подчиниться верховной волѣ народа, выраженной ясно и свободно. Но во имя этого послѣдняго для революціонной партіи, кромѣ настоящей непосредственной борьбы съ современнымъ политическимъ строемъ, встаетъ еще другая задача: создать послѣ паденія этого строя такую общественную обстановку, при которой весь народъ имѣлъ бы фактическую возможность выразить свободно волю и осуществить ее. Только въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать пунктъ, трактующій о захватѣ власти, только въ интересахъ созданія такой обстановки и введенъ онъ въ программу партіи. Если дѣло это сейчасъ еще непосильно намъ, оно можетъ оказаться таковымъ для ближайшихъ нашихъ преемниковъ».

Въ другой разъ разговоръ коснулся политическаго террора и тѣхъ причинъ, благодаря которымъ онъ занялъ такое видное мѣсто въ дѣятельности партіи. Софія Львовна рѣшительно возставала противъ довольно распространенной версіи (находившей себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ революціонной литературѣ предыдущаго времени), по которой возникновеніе политическаго террора объясняется побужденіями мести.

«Месть есть дѣло личное, говорила она; объяснять ею можно было бы, да и то съ нѣкоторою натяжкою, лишь террористическіе факты, совершаемые по своему собственному побужденію и инціативѣ отдѣльными лицами, а не организованной партіей. Но такихъ фактовъ, кромѣ случаевъ самообороны, наша революціонная исторія почти не знаетъ. Около знамени мести невозможно было бы собрать политическую партію и тѣмъ болѣе привлечь къ ней тѣ общественныя симпатіи, которыми она несомнѣнно пользуется. Первый грянувшій выстрѣлъ—выстрѣлъ Вѣры Засуличъ былъ не местію, а возмездіемъ за поруганное человѣческое достоинство. Такъ и былъ онъ понятъ всѣми, такъ же оцѣненъ былъ и на судѣ представителями общественной совѣсти. Политическая исторія народовъ представляетъ краснорѣчивое доказательство того, что вездѣ, гдѣ агенты правительства стоятъ внѣ законной отвѣтственности за свои поступки, на смѣну ей въ видѣ коррективa возникаетъ обыкновенно частный самосудъ, а въ извѣстные моменты тайное революціонное правосудіе. Но и формулой возмездія невозможно объяснить цѣли и мотивы русскаго политическаго террора. Возводя его въ систематическій пріемъ борьбы, партія Народной Воли пользуется имъ, какъ могучимъ средствомъ агитаціи, какъ наиболѣе дѣйствительнымъ и выполнимымъ спо-

собомъ дезорганизировать правительство и, держа его подъ Дамокловымъ мечемъ, принудить къ дѣйствительнымъ уступкамъ. Всѣ иные пути намъ заказаны и заказаны самимъ правительствомъ, да и не намъ однимъ. Софія Львовна указывала, что она сама и многіе изъ ея товарищей по организаціи вышли изъ кружковъ пропагандистовъ народниковъ, принужденныхъ послѣ долгихъ колебаній и безплодныхъ попытокъ мирной дѣятельности пробивать терроромъ брешь въ той глухой стѣнѣ, о которую разбивались всѣ эти попытки».

Я могу теперь черезъ 25 лѣтъ только приблизительно возстановить подобныя бесѣды. Замѣчу впрочемъ, что исключительность переживавшихся событій хорошо запечатлѣла въ моей памяти нѣкоторыя картины, встрѣчи и бесѣды того времени.

Наступило 1-е Марта. Нелегко, конечно, возстановить картину этого момента. И къ тому же я прожилъ на свободѣ очень недолго послѣ 1-го марта, а по одному Петербургу трудно было бы судить о настроеніи, охватившемъ тогда всю Россію, не подозрѣвавшую, что черезъ недѣлю дальнѣйшая участь ея была уже предрѣшена на придворномъ Совѣтѣ. Петербургъ какъ бы притаился въ напряженномъ и тревожномъ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. Что они послѣдуютъ въ ближайшемъ будущемъ — въ этомъ были увѣрены если не большинство, то очень многіе. Говорили объ этомъ, конечно, большею частью подъ сурдинку, но порою и открыто и притомъ нерѣдко съ нескрываемымъ сочувствіемъ по адресу революціонеровъ, не смотря на всюду разлитое повальное шпіонство.

Въ то же время циркулировали самые легендарные разсказы о виновникахъ 1-го марта, благодаря чему эти послѣдніе, неизвѣстные еще вчера широкой публикѣ, сразу выростали въ крупныя историческія фигуры. Наибольшее вниманіе привлекали къ себѣ Желябовъ и Кибальчичъ. Толковали о произошедшемъ будто бы свиданіи Александра III съ Желябовымъ, о великомъ изобрѣтеніи Кибальчича (летательный аппаратъ), надъ проэктомъ и чертежами котораго онъ работаетъ все время съ момента своего ареста, [1]) и т. д. Какъ примѣръ ходившихъ мнѣній, приведу слова одного генерала, и не какого нибудь тронутаго тлетворными вліяніями, а заправскаго генерала стараго времени, сослуживца и пріятеля самого Тотлебена. Этотъ генералъ произнесъ слѣдующій приговоръ надъ Желябовымъ и Кибальчичемъ: «Что бы тамъ ни было, что бы они ни совершили, но такихъ людей нельзя вѣшать. А Кибальчича я бы засадилъ крѣпко на крѣпко до конца его дней, но при этомъ предоставилъ бы ему полную возможность работать надъ своими техническими изобрѣтеніями».

Всѣ эти толки и разговоры, при своемъ анекдотическомъ характерѣ, все же служатъ нѣкоторымъ показателемъ настроенія Петербургской публики и ея отношенія къ событію 1-го марта,

[1]) Послѣднее было совершенно справедливо. *Ред.*

тѣмъ болѣе, что они циркулировали не въ революціонныхъ сферахъ, а въ кругахъ совершенно не тронутыхъ революціоннымъ движеніемъ. Русская печать того времени, скудная и запуганная, врядъ ли можетъ дать вѣрную картину общественнаго настроенія этого момента. Только личныя воспоминанія и наблюденія современниковъ могутъ служить нѣкоторымъ коррективомъ подобныхъ пробѣловъ, дополняя собою эту картину общественнаго настроенія, которую легальная печать зарегистровала такъ не полно и не точно.

Тотчасъ послѣ 1-го марта было выпущено отъ имени Исполнительнаго Комитета извѣстное «Письмо къ Александру III». расходившееся по Петербургу въ очень большомъ количествѣ.[1]) Это письмо сдержанностью своего тона и своимъ содержаніемъ производило всюду и воздѣ самое благопріятное впечатлѣніе, что пришлось неоднократно наблюдать и мнѣ самому и притомъ на людяхъ вовсе не причастныхъ къ революціи.

Какъ бы въ противовѣсъ этому скрытому настроенію правительство сдѣлало комичную попытку привлечь содѣйствіе общества для борьбы съ крамолой. Петербургскій обыватель приглашался на этотъ разъ къ полицейско-общественной дѣятельности. По инціативѣ градоначальника Баранова (котораго многіе почему то считали либераломъ) при его особѣ былъ учрежденъ выборный совѣщательный совѣтъ, на обязанность котораго возлагалось пріисканіе новыхъ способовъ «пресѣченія» и охрана общественной безопасности Петербурга. Къ участію въ выборахъ были приглашены петербургскіе домовладѣльцы и квартирные хозяева. Каковы были эти выборы, при которыхъ голоса собирались околодочными, рекомендовавшими своихъ кандидатовъ — нечего конечно и говорить. Неизвѣстно, сохранились ли какіе либо памятники дѣятельности этого петербургскаго «парламента». Петербургскіе же современники съ результатами ея познакомились лишь по каламбуру, невольнымъ авторомъ котораго явился самъ Барановъ. На одномъ изъ протоколовъ засѣданія этого совѣта (чуть ли не на первомъ и послѣднемъ) красовалась слѣдующая надпись: «Предсѣдатель Совѣта двадцати — Барановъ». Каламбуръ этотъ, обойдя весь Петербургъ, долго служилъ притчею во языцѣхъ для его обывателей.

Докончу однако разсказъ о своихъ встрѣчахъ съ Перовской.

Черезъ день-два послѣ 1-го марта я получилъ приглашеніе отъ Е. Н. Оловенниковой немедленно посѣтить ее на новой квартирѣ, куда она только что перебралась. За послѣднія двѣ недѣли я очень рѣдко ее видалъ: очевидно квартира ея изолировалась въ виду участья ея въ дѣлѣ 1-го марта [2]). Въ тотъ же день вечеромъ я отправился къ ней. Безъ труда, по описанію, я нашелъ на Пес-

---

[1]) Письмо это напечатано въ мартовской кн. „Былого". *Ред.*

[2]) Е. Н. Оловенникова находилась въ числѣ лицъ, которыя слѣдили за выѣздами Александра II и была арестована по указанію Рысакова.

С. И.

кахъ ея новую квартиру, гдѣ при входѣ въ корридоръ меня встрѣтила какая-то дама, караулившая, какъ мнѣ показалось, приходящихъ, и въ полголоса спросила, къ кому я пришелъ. Услыхавъ къ кому я пришелъ, она еще тише зашептала: уходите, уходите скорѣй, Елизавета Николаевна сегодня арестована, и въ комнатѣ у нея сидитъ полицейская засада. Ваше счастье, что они не застали васъ здѣсь въ корридорѣ, куда они выходятъ безпрестанно. И она почти вытолкнула меня за двери. Я, конечно, поспѣшилъ убраться и, хотя былъ уже довольно поздній вечеръ, успѣлъ предупредить объ арестѣ одно-двухъ лицъ.

На другой день рано утромъ зашла ко мнѣ Софья Львовна, чтобы предупредить меня, какъ она сказала, отъ посѣщенія Е. Н. Оловенниковой, объ арестѣ которой и о томъ, что я долженъ былъ пойти къ ней—она знала. Приходъ ея показался мнѣ большою неосторожностью. Вѣдь меня могли задержать у Е. Н. Оловенниковой и, такимъ образомъ, и она сама могла нарваться у меня на полицію. На мое замѣчаніе объ этомъ она сдѣлала рукою равнодушный жестъ, а когда я принялся пенять ей за такую неосторожность,—она даже какъ бы разсердилась. Неужели же она будетъ прятаться теперь по угламъ и сидѣть въ подпольѣ. Отъ своей судьбы не уйдешь, да и сама она не желаетъ этого. Все равно, рано ли иль поздно, это должно случиться. Вообще въ этотъ разъ она показалась мнѣ взволнованной и неровной не въ примѣръ обыкновенному спокойствію и мягкости. Пробыла она у меня очень недолго и условилась зайти черезъ 2—3 дня, чтобы поговорить о дѣлахъ и порученіяхъ.

Числа 8—9 марта я снова увидѣлся съ Софьей Львовной. За это время она сильно измѣнилась, какъ-то осунулась, поблѣднѣла, похудѣла. Порой, среди разговора она вдругъ задумывалась, какъ бы уносясь на минуту мыслью куда-то далеко, но потомъ, встряхнувшись, оживлялась, проявляя лихорадочную торопливость и энергію. Нѣсколько разъ я собирался заговорить съ нею о необходимости ея отъѣзда изъ Петербурга, но все не рѣшался. Какъ-то чувствовалось, что это будетъ безполезнымъ разговоромъ, который только разстроитъ ее. Да и знакомъ съ нею я былъ недостаточно, чтобы имѣть право подымать такой разговоръ. Тутъ я передалъ ей порученіе нѣкоего N, замышлявшаго одно очень серьезное дѣло. Софья Львовна очень заинтересовалась моимъ сообщеніемъ, оживилась и подробно цѣлые полчаса разспрашивала меня объ N., о его біографіи, характерѣ, причинахъ побудившихъ его къ такому рѣшенію и пр. Я разсказалъ ей все, что зналъ объ N, его полную curriculum vitae. Распросивъ обо всемъ, она сказала, что непремѣнно хочетъ сама познакомиться и поговорить съ нимъ. N имѣлъ очень ограниченную возможность отлучаться, и я обѣщалъ по возможности скорѣе устроить у себя это свиданіе [1]). Предъ уходомъ Софья Львовна

---

[1]) Въ чемъ тутъ было дѣло, печатать мы считаемъ пока по нѣкоторымъ обстоятельствамъ преждевременнымъ.

Ред.

сказала, что она собирается и со мной потолковать серьезно и имѣетъ въ виду предложить мнѣ болѣе систематическую революціонную работу. Оставаться долго волонтеромъ партіи—положеніе неудобное и притомъ мало продуктивное. Нужно самому входить въ курсъ дѣла. Одно это уже сильно подымаетъ и энергію человѣка и производительность его работы. Нужно, чтобы революціонная работа не была чѣмъ-то лишь добавочнымъ къ частной, личной жизни человѣка, а тѣмъ центральнымъ пунктомъ, около котораго сосредоточиваются всѣ интересы и помышленія. Говорила она это замѣчательно хорошо, просто и сердечно, и въ словахъ ея чувствовалось убѣжденіе и увѣренность, почерпнутыя изъ личнаго опыта. Впечатлѣніе ея словъ надолго сохранилось у меня, и я послѣ всегда вспоминалъ объ этихъ минутахъ, какъ о чемъ-то свѣтломъ и бодрящемъ въ самые трудные моменты жизни.

Это было мое послѣднее свиданіе съ Софьей Львовной. Дня черезъ два или три она была арестована...

На этомъ мѣстѣ можно было бы кончить эти бѣглыя замѣтки. Здѣсь собственно кончаются мои воспоминанія о личныхъ встрѣчахъ съ нѣкоторыми крупными дѣятелями той эпохи. Добавлю еще немногое, что имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ личности Софьи Львовны Перовской и къ послѣднимъ днямъ ея жизни.

У меня была въ Петербургѣ одна знакомая г-жа Б., знавшая въ свою очередь, и кажется уже издавна, Перовскую, которая пользовалась въ это время изрѣдка ея квартирой для ночлега. У нея Перовская и ночевала нѣсколько разъ предъ самымъ арестомъ уже послѣ 1-го марта. Г-жа Б. разсказывала мнѣ, какъ настойчиво уговаривала она Софью Львовну выѣхать изъ Петербурга послѣ 1-го марта, указывая на страшную опасность для нея и даже безуміе оставаться въ Петербургѣ. Но всѣ уговоры и убѣжденія были безполезны. С. Л. нетерпѣливо отмахивалась руками, говоря, что именно теперь она ни за что и ни подъ какимъ видомъ не покинетъ Петербургъ. Неумолимая судьба постепенно приближалась къ ней и она, чувствуя это, не хотѣла сдѣлать ничего, чтобы предотвратить ударъ, который неизбѣжно долженъ былъ на нее обрушиться. Проводивъ уже на гибель близкихъ ей людей, какъ будто не хотѣла пережить ихъ.

Въ ночь на 3-е апрѣля (день казни Перовской, Желябова и др.) я былъ арестованъ на квартирѣ у однихъ своихъ знакомыхъ, къ которымъ явились съ обыскомъ. Обыскъ длился цѣлую ночь и, хотя ничего кромѣ сборныхъ листковъ «Краснаго Креста» найдено не было, тѣмъ не менѣе хозяева были арестованы, а захваченныхъ у нихъ гостей препроводили въ полицейскіе участки по мѣсту ихъ жительства для удостовѣренія личности и для производства у нихъ обыска. Меня уже утромъ 3-го апр. привезли въ одинъ изъ участковъ Васильевскаго острова. Тутъ мнѣ пришлось долго дожидаться въ конторѣ за отсутствіемъ начальствующихъ лицъ. Здѣсь изъ разговоровъ служащихъ я узналъ, что въ это утро совершается

казнь надъ осужденными по дѣлу 1-го марта. Эта вѣсть, несмотря на то, что она не была неожиданностью, какъ-то придавила меня. Это была первая для меня казнь людей, которыхъ я зналъ лично и притомъ еще такъ недавно. И какихъ людей! Нѣсколько часовъ ожиданія я провелъ въ какомъ то полуоцѣпенѣніи. Только послѣ 12 часовъ начали собираться околодочные и другіе чины, возвращаясь съ казни, при которой они присутствовали въ нарядѣ почти въ полномъ наличномъ составѣ. Подходившіе собирались въ кучку и разсказывали другъ другу видѣнные ими эпизоды, про аресты и повидимому не единичные, произведенные въ толпѣ, про нѣсколько случаевъ обморока съ дамами и т. п. Всѣ служащіе и полицейскіе чины столпились вмѣстѣ, слушая эти разсказы. Обо мнѣ на время совершенно позабыли, и я имѣлъ въ теченіе 5—10 минутъ полную возможность незамѣтно выйти изъ конторы и уйти къ себѣ на квартиру. Какъ разъ наканунѣ я принесъ къ себѣ цѣлый тючекъ революціонныхъ изданій—болѣе 2000 экземп. разныхъ прокламацій: «Письмо къ Александру III», «Къ Западно-европейскому Обществу» и «Манифестъ къ крестьянамъ». Все это я долженъ былъ отправить по разнымъ провинціальнымъ городамъ. Впрочемъ я не особенно безпокоился. У меня было условіе съ однимъ знакомымъ студентомъ, жившимъ въ сосѣдней квартирѣ, чтобы онъ ежедневно, идя въ Университетъ, заходилъ ко мнѣ и въ случаѣ, если бы я былъ въ отсутствіи цѣлую ночь, производилъ у меня своего рода обыскъ и уносилъ все компрометирующее. Но кромѣ этого, въ ту минуту у меня не было какъ то никакого желанія заботиться и предпринимать что либо въ цѣляхъ огражденія себя. Все это казалось мнѣ такимъ мелкимъ и ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что сейчасъ совершилось.

Съ какимъ то болѣзненномъ любопытствомъ прислушивался я къ отдѣльнымъ доносившимся до меня фразамъ. И особенно поразилъ меня одинъ полицейскій—околодочный или что-то повыше. Онъ пришелъ однимъ изъ послѣднихъ, сильно взволнованный и блѣдный. Изъ долетѣвшихъ до меня отдѣльныхъ фразъ его разсказа было видно, что онъ находился вблизи самаго эшафота.

— «Вы представьте себѣ,—почти громко крикнулъ онъ,—вотъ такъ женщина! Вѣдь сама оттолкнула скамейку и затянула на себѣ петлю».

Эта фраза какъ то особенно поразила меня, и въ устахъ полицейскаго свидѣтеля казни, показалась мнѣ своего рода апоѳеозомъ.

Только днемъ уже полиція, захвативъ меня, отправилась ко мнѣ для производства обыска. Первый взглядъ при возвращеніи домой убѣдилъ меня, что въ квартирѣ побывалъ уже по условію мой знакомый. Обыскъ приходилъ къ концу безъ всякаго результата и скучающій приставъ приказалъ городовому поставить въ порядкѣ на этажерки книги, снятыя для просмотра: мимохо

домъ онъ замѣтилъ, чтобъ тотъ пошарилъ, нѣтъ ли чего нибудь на полу подъ этажеркой? У меня въ комнатѣ ихъ стояло двѣ съ двумя-тремя сотнями книгъ—библіотекой «Краснаго Креста». Городовой запустилъ руку и вытащилъ два знакомыя мнѣ свертка. Уходя изъ дома, я засунулъ ихъ за этажерку позади большихъ книгъ, а они провалились внизъ подъ полку и по странной ироніи судьбы мой знакомый, перебравъ всѣ вещи и унеся все мало мальски подозрительное, проглядѣлъ наиболѣе существенное. Свертки были раскрыты, и картина обыска разомъ перемѣнилась. Частный приставъ просіялъ и, потирая радостно руки, заявилъ, что теперь они навѣрное доберутся и до типографіи (прокламаціи въ свертках были дѣйствительно совершенно влажныя и попали ко мнѣ очевидно прямо изъ подъ типографскаго станка). Онъ немного опечалился только, узнавъ при составленіи протокола, что я только что возвратился изъ ссылки. (Полиція, какъ я узналъ при дознаніи, дѣйствительно и не подозрѣвала объ этомъ, и частный приставъ получилъ большую нахлобучку за небрежность и нерадѣніе). По окончаніи обыска меня повезли къ градоначальнику. «Либеральный» Барановъ дѣйствительно велъ со мною минутъ 20 «либеральную» бесѣду, должно быть въ видѣ подходящаго предисловія, заключивъ ее обѣщаніемъ ходатайствовать предъ государемъ о полномъ прекращеніи дѣла безъ всякихъ для меня послѣдствій, если я дамъ правдивое показаніе, отъ кого получены мною эти прокламаціи. Отчаявшись въ результатѣ своего краснорѣчія, онъ съ сожалѣніемъ пожалъ плечами и распорядился объ отправкѣ меня въ домъ предварительнаго заключенія.

Дальнѣйшее дознаніе установило противъ меня и другія обвиненія, въ томъ числѣ и посѣщеніе моей квартиры Перовскою, опознанной по карточкѣ моей квартирной хозяйкой.

Послѣ годового слишкомъ заключенія я былъ сосланъ административнымъ порядкомъ на пять лѣтъ въ Сибирь, откуда вскорѣ бѣжалъ.

Сергѣй Ивановъ.

Къ характеристикѣ П. Я. Чаадаева.

(Къ 50-лѣтію со дня смерти).

Полвѣка назадъ, 14 апрѣля, умеръ въ Москвѣ Чаадаевъ. О немъ много писали съ тѣхъ поръ, и его имя знакомо всякому образованному русскому; но дѣйствительно понимать его мысль мы научаемся только теперь. По разнымъ причинамъ, частью общаго, частью личнаго свойства, случилось, что его имя стало достояніемъ легенды: онъ, рѣшительно осуждавшій то, чѣмъ наиболѣе дорожила въ себѣ наша передовая интеллигенція,— ея исключительно позитивное и политическое направленіе,— былъ зачисленъ въ синодикъ русскаго либерализма, какъ одинъ изъ славнѣйшихъ піонеровъ нашего освободительнаго движенія. Это недоразумѣніе началось еще при его жизни: Чаадаевъ былъ слишкомъ тщеславенъ, чтобы отклонять незаслуженные лавры, хотя и достаточно уменъ, чтобы понимать ихъ цѣну. И замѣчательно, что это было, такъ сказать, двойственное недоразумѣніе: правительство объявляло Чаадаева сумасшедшимъ, запрещало ему писать и держало его подъ полицейскимъ надзоромъ, а общество чтило его и признавало своимъ вождемъ—за одно и то же: за политическое свободомысліе, въ которомъ онъ нисколько не былъ повиненъ [1]).

И однако въ духѣ оба были правы, и историкъ скажетъ, что это двойственное недоразумѣніе только еще ярче обнаруживало сущность явленія. Потому что суть ученія и дѣятельности Чаадаева заключалась въ томъ, что онъ неумолчно твердилъ о высшихъ задачахъ духа, о той внутренней свободѣ, для которой внѣшняя—и, значитъ, политическая свобода—только подножіе, но подножіе столь-же естественно-необходимое, какъ воздухъ и пища—для жизни. Нѣтъ лозунга болѣе революціоннаго политически, чѣмъ возгласъ: sursum corda. Въ этомъ смыслѣ Чаадаевъ, создавшій одно изъ глубочайшихъ религіозно-историческихъ обобщеній, до какихъ додумался человѣкъ, дѣйствительно—одинъ изъ первыхъ вождей нашего освободительнаго движенія.

---

[1]) См. біографію Чаадаева: «*Вопросы жизни*» 1905, ноябрь, «*Вѣстн. Европы*» 1906, апрѣль.

*

Онъ однажды самъ опредѣлилъ себя такъ: «я ничего другого не говорю и не дѣлаю, я только твержу, что все стремится къ одной цѣли и что эта цѣль—царство Божіе». Чаадаевъ—прежде всего мистикъ; его ученіе стоитъ и падаетъ съ мистическимъ принципомъ. Его исходный пунктъ, его основное и крѣпчайшее убѣжденіе—то, что въ человѣкѣ, рядомъ съ божественнымъ, безличнымъ началомъ, дѣйствуетъ начало личное, источникъ слѣпоты и корысти. «Что бы я ни дѣлалъ, между мною и истиною вѣчно становится что-то постороннее, и это постороннее—я самъ. Я самъ отъ себя заслоняю истину. Одно, слѣдовательно, средство открыть ее: отстранить свое *я*». Въ преодолѣніи этого личнаго начала, въ искорененіи этой «самости» и заключается единственная цѣль всемірной исторіи, больше того—ея единственное содержаніе. Вся жизнь человѣчества—одинъ грандіозный процессъ преображенія. Эту одну работу дѣлаетъ нашъ духъ въ высшихъ сферахъ своего существованія; ни любовь, ни знаніе, ни красота не имѣютъ самостоятельной цѣнности: ихъ смыслъ лишь въ томъ, что они отвращаютъ человѣка отъ него самого и погружаютъ его въ сферу безкорыстнаго, безличнаго. Но и вся матеріальная жизнь только съ виду довлѣетъ себѣ; на дѣлѣ и она служитъ всецѣло той же задачѣ.

Ибо человѣческій разумъ свободенъ, и только добровольное его согласіе можетъ доставить торжество божественному началу въ насъ; а для этого нужно, чтобы онъ раскрылъ всѣ потенціи нашей личной, плотской стихіи, осуществилъ всѣ ея возможности и, доведя ее до наивысшей сложности и силы, пропиталъ ее духомъ, такъ сказать, до самаго дна. Отсюда вся сложность человѣческой исторіи; и все это громадное развитіе матеріальныхъ силъ, эта необозримая махровость человѣческой культуры съ ея безчисленными формами, интересами, взаимодѣйствіями, антагонизмами—ничто иное, какъ одинъ колоссальный механизмъ для овеществленія плотскаго начала въ насъ, безъ чего невозможно его полное претвореніе духомъ.

Этотъ стихійный религіозный процессъ совершается съ самаго начала человѣческой исторіи, но въ послѣднюю, высшую свою стадію онъ вступилъ только съ пришествіемъ Христа; тутъ онъ принялъ форму самостоятельнаго нравственнаго акта, путемъ котораго человѣкъ изъ объекта становится дѣлателемъ божьяго дѣла. Чрезъ Христа человѣкъ непосредственно соприкасается съ безконечной сущностью, въ любви къ нему онъ добровольно отрекается отъ личной воли. Только въ этомъ одномъ истинный смыслъ христіанства; ибо, если Христосъ велитъ намъ любить ближнихъ, какъ самихъ себя, то это имѣетъ лишь ту цѣль, чтобы отклонить нашу любовь отъ самихъ себя. И христіанство могучимъ ферментомъ вошло въ жизнь человѣчества. Глубокая ошибка видѣть въ немъ только систему вѣрованій или субъективное настроеніе: нѣтъ, христіанство—имманентная бо-

жественная сила, дѣйствующая въ человѣчествѣ какъ стихія,— его внутреннее пластическое начало.

Ясно, что въ чистомъ своемъ видѣ христіанская идея есть высшая степень самоотреченія, т. е. аскетизмъ; но такъ какъ ей предназначено завоевать весь міръ, то она неминуемо должна была выйти изъ этой хризолиды и принять соціальный характеръ. Такимъ образомъ для полноты христіанства равно необходимы и элементъ аскетическій, и элементъ соціальный. Вся жизнь человѣка— постоянное сочетаніе его чистой мысли съ необходимыми условіями его существованія; а первое изъ этихъ условій—общество, взаимодѣйствіе умовъ, сліяніе мыслей и чувствованій; только удовлетворивъ этому условію, истина становится живою, изъ области умозрѣнія нисходитъ въ міръ реальностей, превращается въ силу природы и начинаетъ дѣйствовать такъ же неотразимо, какъ всякая другая стихійная сила. Этимъ путемъ должна была пойти и христіанская идея. Уйди она въ узкій аскетизмъ или безусловный спиритуализмъ, замкнись она навѣки въ храмѣ, она была бы поражена безплодіемъ и никогда не исполнила бы своего назначенія. Безъ сомнѣнія, ставъ соціальной силой, она утратила часть своей первоначальной чистоты; но у нея не было другого пути; она должна была дѣлать свое дѣло, комбинируясь всегда съ реальными условіями времени, не брезгая никакой возможностью, спускаясь въ самую бездну порочности, куда-бы ни велъ ее свободный разумъ человѣка.

И католическая церковь превосходно поняла это. Она одна съ самаго начала взглянула на царство Божіе не только какъ на идею, но и какъ на фактъ, и препоясалась въ путь, чтобы просвѣтить міръ свѣтомъ Христовымъ. Въ ней нашла себѣ наиболѣе полное воплощеніе дѣйственная, соціальная сторона христіанства.

Я дошелъ теперь въ изложеніи идей Чаадаева до той точки, гдѣ начинается его своеобразная философія русской исторіи. Она вся цѣликомъ вытекаетъ изъ этихъ основныхъ посылокъ, и только потому, что послѣднія, т. е. все религіозное ученіе Чаадаева, обыкновенно отбрасывались (напр. Герценомъ и Пыпинымъ), какъ болѣзненный наростъ на большомъ умѣ,—и могла возникнуть легенда объ историческомъ скептицизмѣ Чаадаева, его революціонномъ духѣ и т. д. Помѣщаемое ниже письмо Чаадаева познакомитъ читателя съ характеромъ его мысли. Предъ нами, очевидно, такое широкое обобщеніе, въ которомъ политическій бытъ является лишь производнымъ и второстепеннымъ элементомъ. Въ глазахъ Чаадаева русская исторія—по самому существу своему религіозная исторія—до такой степени, что всѣ особенности русскаго быта въ прошломъ и настоящемъ онъ выводитъ изъ характера, который носитъ въ Россіи христіанство.

Его мысль сводится къ слѣдующему. Россія приняла христіанство отъ Византіи, гдѣ оно носило еще свой первоначальный, аскетическій характеръ; аскетическимъ стало оно и у насъ.

Благодаря этому христіанская идея сохранила въ православіи ту чистоту, которую она неизбѣжно должна была утратить на Западѣ; но зато она осталась втунѣ, не сдѣлалась, какъ тамъ, дрожжами соціальной жизни. Политически это выразилось въ томъ, что западная церковь, какъ сила соціальная, сразу поставила себя независимо отъ свѣтской власти, а потомъ и подчинила ее себѣ, восточная-же, проникнутая аскетическимъ духомъ, отреклась не только отъ власти надъ міромъ, но даже и отъ собственной свободы. Итакъ, здѣсь дѣйственная сила христіанства была парализована, и въ результатѣ получилось чудовищное уродство: получилась тысячелѣтняя исторія огромнаго народа, абсолютно лишеннаго соціальной жизни, не подвинувшагося ни на пядь въ дѣлѣ раскрытія матеріальнаго начала и пропитанія его началомъ Христовымъ; получилось какое-то запоздалое младенчество, невинное, но и немощное, прозябающее среди братьевъ, живущихъ полной жизнью, и способное только рабски подражать имъ.

Отсюда Чаадаевъ съ неотразимой послѣдовательностью выводитъ былое и будущее Россіи. Въ прошломъ—соціальное безсиліе нравственной идеи, и оттого порабощеніе личности и мысли, однообразные вѣка безъ всякаго движенія, бытъ скудный и пустынный, надъ которымъ, какъ духъ Божій надъ первобытнымъ хаосомъ, виталъ духъ аскетизма. Наперекоръ своей активной природѣ христіанское начало было заточено, и это не только помѣшало ему исполнить свое назначеніе въ русскомъ народѣ, но даже исказило его прямое дѣйствіе на жизнь: одностороннее самоотреченіе сдѣлалось принципомъ русской жизни, такъ что, напримѣръ, крѣпостное право явилось у насъ—страшно сказать—органическимъ слѣдствіемъ народнаго развитія.

Ясно, въ чемъ намъ слѣдуетъ искать спасенія. Россія еще не начинала жить настоящей жизнью, т. е. жизнью религіозно-общественной. Она владѣетъ неоцѣненнымъ сокровищемъ: христіанской истиной въ ея чистѣйшей формѣ; пусть-же она внесетъ эту нравственную идею въ соціальную жизнь, пусть освободитъ ее отъ подчиненія земнымъ властямъ, и, напротивъ, пусть все подчиниться ей, какъ силѣ внутренно-зиждущей, которая только тогда можетъ воздвигнуть изъ земныхъ элементовъ царство Божіе, когда ея дѣйствіе проникнетъ всюду и не будетъ встрѣчать никакихъ преградъ. Только въ синтезѣ аскетическаго начала съ соціальнымъ—истинный смыслъ христіанской идеи. Поймемъ-же, что намъ нужно не продолжать наше прошлое, безплодное въ религіозномъ отношеніи, а начать новую, христіански-соціальную жизнь. Западные народы уже вѣка живутъ такой жизнью; но избави насъ Богъ подражать имъ. Они развивались и продолжаютъ развиваться послѣдовательно, мы же совсѣмъ не развивались; ихъ путь—эволюціонный, нашъ—революціонный, потому что мы должны, въ противоположность имъ, круто порвать съ нашимъ прошлымъ; намъ надо не усвоивать ихъ культуру въ цѣломъ, для того чтобы разрабатывать ее дальше (да это и невозможно), а поль-

зуясь ихъ опытомъ и знаніями, создать свою особую цивилизацію. И у насъ есть всѣ основанія думать, что, вступивъ на этотъ путь, мы опередимъ нашихъ старшихъ братьевъ, т. е. что именно намъ предназначено осуществить высшіе завѣты христіанства. За это говорятъ три вѣскихъ соображенія: 1) что у насъ христіанская идея сохранилась въ своей первоначальной чистотѣ, 2) что наше скудное прошлое не засорило народной психики, которая поэтому сохранила всю свѣжесть и гибкость, давно утраченныя западными народами, 3) наконецъ, что къ нашимъ услугамъ весь богатый запасъ ошибокъ, навыковъ и знаній, накопленный Западомъ.

Таково въ главныхъ чертахъ ученіе Чаадаева. Своеобразно преломившись сквозь призму славянофильства, оно воскресло затѣмъ, какъ идея вселенской теократіи у Вл. Соловьева и какъ идея русской всечеловѣчности у Достоевскаго. Пора ему самому стать предъ русскимъ обществомъ. Время-ли теперь напоминать о немъ? Я думаю, да,—и больше, чѣмъ когда-нибудь. Пусть онъ былъ по своимъ политическимъ убѣжденіемъ консерваторъ, пусть онъ отрицательно относился къ революціямъ,—для насъ важны не эти частные его взгляды, а общій духъ его ученія. Всей совокупностью своихъ мыслей онъ говоритъ намъ, что политическая жизнь народовъ, стремясь къ своимъ временнымъ и матеріальнымъ цѣлямъ, въ дѣйствительности только осуществляетъ частично вѣчную нравственную идею, т. е. что всякое общественное дѣло по существу своему не менѣе религіозно, нежели жаркая молитва вѣрующаго. Онъ говоритъ намъ о соціальной жизни: войдите, и здѣсь Богъ; но онъ прибавляетъ: *помните-же*, что здѣсь Богъ и что вы служите ему.

Приводимое здѣсь, впервые печатаемое письмо писано Чаадаевымъ въ 1846 году, вѣроятно къ Сиркуру, какъ можно заключить изъ сохранившейся записочки Чаадаева, гдѣ онъ пишетъ, что хотѣлъ-бы отдать свой *переводъ* на судъ кн. Елиз. Дм. Шаховской, прежде чѣмъ *отошлетъ его Сиркуру;* читатель увидитъ изъ первыхъ строкъ письма, что оно сопровождалось посылкою сдѣланнаго Чаадаевымъ перевода статьи Хомякова «Мнѣніе иностранцевъ о Россіи» [1]). Сюда-же вѣроятно надо отнести слѣдующія строки изъ недатированнаго письма Хомякова къ Чаадаеву: «Отсылаю вамъ переводъ, въ которомъ впрочемъ я ошибокъ не нахожу, и очень буду благодаренъ, если доставите продолженіе, разумѣется не для повѣрки, совершенно ненужной, а для чтенія» [2]).

Письмо сохранилось только въ копіи, принадлежащей перу кузины Чаадаева, кн. Нат. Дм. Шаховской. Оно писано, конечно,

---

[1]) Напечатана въ 4-ой кн. „Москвитянина“ за 1845 г. Теперь—въ I томѣ „Сочиненій“ Хомякова.

[2]) „Сочин.“ Хомякова, т. VIII, стр. 435.

по-французски; здѣсь—переводъ. За сообщеніе подлинника приношу благодарность кн. Д. И. Шаховскому.

«Я только-что писалъ вамъ, а теперь берусь за перо, чтобы просить васъ пристроить въ печати статью нашего друга Хомякова, которая переведена мною и которую онъ хотѣлъ бы помѣстить въ одномъ изъ вашихъ періодическихъ изданій. Рукопись доставитъ вамъ надняхъ г. Мельгуновъ, котораго вы кажется знаете. Излишне говорить, какъ мнѣ пріятно снова бесѣдовать съ вами. Тема статьи—мнѣнія иностранцевъ о Россіи. Вы знаете, что я не раздѣляю взглядовъ автора; тѣмъ не менѣе я старался, какъ вы увидите, передать его мысль съ величайшей тщательностью. Мнѣ было бы, пожалуй, пріятнѣе опровергать ее; но я полагалъ, что наилучшій способъ заставить нашу публику цѣнить произведенія отечественной литературы, это—дѣлать ихъ достояніемъ широкихъ слоевъ европейскаго общества. Какъ ни склонны мы уже теперь довѣрять нашему собственному сужденію, все-таки среди насъ еще преобладаетъ старая привычка руководиться мнѣніемъ вашей публики. Вы такъ хорошо знаете нашу внутреннюю жизнь, вы посвящены въ наши семейныя тайны; итакъ моя мысль будетъ вамъ совершенно ясна. Я думаю, что прогрессъ еще невозможенъ у насъ безъ аппеляціи къ суду Европы. Не то чтобы въ нашемъ собственномъ существѣ не крылись задатки всяческаго развитія, но несомнѣнно, что починъ въ нашемъ движеніи все еще принадлежитъ иноземнымъ идеямъ и—прибавлю—принадлежалъ имъ искони: странное динамическое явленіе, быть можетъ не имѣющее примѣра въ исторіи народовъ. Вы понимаете, что я говорю не только о близкихъ къ намъ временахъ, но обо всемъ нашемъ движеніи на пространствѣ вѣковъ. И прежде всего, вся наша умственность есть очевидно плодъ религіознаго начала. А это начало не принадлежитъ ни одному народу въ частности: оно, стало-быть, постороннее намъ, также какъ и всѣмъ остальнымъ народамъ міра. Но оно всюду подвергалось вліянію національныхъ или мѣстныхъ условій, тогда какъ у насъ христіанская идея осталась такою же, какою она была привезена къ намъ изъ Византіи, т. е. какъ она нѣкогда была формулирована силою вещей,—важное обстоятельство, которымъ наша церковь справедливо гордится, но которое тѣмъ не менѣе характеризуетъ своеобразную природу нашей народности. Подъ дѣйствіемъ этой единой идеи развилось наше общество. Къ той минутѣ, когда явился со своимъ преобразованіемъ Петръ Великій, это развитіе достигло своего апогея. Но то не было собственно соціальное развитіе: то былъ интимный фактъ, дѣло личной совѣсти и семейнаго уклада, т. е. нѣчто такое, что неминуемо должно было исчезнуть по мѣрѣ политическаго роста страны. Естественно, что весь

этотъ домашній строй, примѣненный къ государству, распался тотчасъ, какъ только могучая рука кинула насъ на поприще всемірнаго прогресса. Я знаю: насъ хотятъ увѣрить теперь, что Петръ Великій встрѣтилъ въ своемъ народѣ упорное сопротивленіе, которое онъ сломилъ будто бы потоками крови. Къ несчастію, исторія не отмѣтила этой величественной борьбы народа съ его государемъ. Но вѣдь ничто не мѣшало странѣ послѣ смерти Петра вернуться къ своимъ старымъ нравамъ и старымъ учрежденіямъ. Кто могъ запретить народному чувству проявиться со всей присущей ему энергіей въ тѣ два царствованія, которыя слѣдовали за царствованіемъ преобразователя? Конечно, ни Меншикову, правившему Россіей при Екатеринѣ I, ни молодому Петру II, руководимому Долгорукими и поселившемуся въ древней столицѣ Россіи, очагѣ и средоточіи всѣхъ нашихъ народныхъ предразсудковъ, никогда не пришло бы въ голову воспротивиться національной реакціи, еслибы народъ вздумалъ предпринять таковую. За ужаснымъ Бироновскимъ эпизодомъ послѣдовало царствованіе Елизаветы, ознаменовавшееся, какъ извѣстно, чисто-національнымъ направленіемъ, мягкостью и славой. Излишне говорить о царствованіи Екатерины II, носившемъ столь національный характеръ, что можетъ быть еще никогда ни одинъ народъ не отождествлялся до такой степени со своимъ правительствомъ, какъ русскій народъ въ эти годы побѣдъ и благоденствія. Итакъ, очевидно, что мы съ охотой приняли реформу Петра Великаго; слабое сопротивленіе, встрѣченное имъ въ небольшой части русскаго народа, было лишь вспышкою личнаго недовольства противъ него со стороны одной партіи, а вовсе не серьезнымъ противодѣйствіемъ проводимой имъ идеѣ. Эта податливость чужимъ внушеніямъ, эта готовность подчиняться идеямъ, навязаннымъ извнѣ, все равно—чужеземцами или нашими собственными господами, является, слѣдовательно, существенной чертой нашего нрава, врожденной или пріобрѣтенной—это безразлично. Этого не надо ни стыдиться, ни отрицать: надо стараться уяснить себѣ это наше свойство, и не путемъ какой нибудь этнографической теоріи изъ числа тѣхъ, которыя сейчасъ такъ въ модѣ, а просто путемъ непредубѣжденнаго и искренняго уразумѣнія нашей исторіи. Мнѣ хочется передать вамъ вполнѣ мою мысль объ этомъ предметѣ. Постараюсь быть кратокъ.

«Мы представляемъ собою, какъ я только что замѣтилъ, продуктъ религіознаго начала; это несомнѣнно, но это не все. Не надо забывать, что это начало бываетъ дѣйствительно плодотворно лишь тогда, когда оно вполнѣ независимо отъ свѣтской власти, когда мѣсто, откуда оно осуществляетъ свое дѣйствіе на народъ, находится въ области недосягаемой для властей земныхъ. Такъ было въ древнемъ Египтѣ, на всемъ Востокѣ, особенно въ Индіи, и наконецъ въ Западной Европѣ. У насъ, къ несчастью, дѣло обстояло иначе. При всемъ глубокомъ почтеніи, съ которымъ наши государи относились къ духовенству и христіан-

скимъ догматамъ, духовная власть далеко не пользовалась въ нашемъ обществѣ всей полнотою своихъ естественныхъ правъ. Чтобы понять это явленіе, необходимо подняться мысленно къ той эпохѣ, когда только складывался строй нашей церкви, т. е. къ Константину Великому. Всякій знаетъ, что принятіе христіанства этимъ монархомъ какъ государственной религіи, было колоссальнымъ политическимъ фактомъ, но, какъ мнѣ кажется, вообще недостаточно ясно представляютъ себѣ вліяніе, которое оно оказало на самую религію. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что печать, наложенная этой революціей на церковь, оказалась бы для нея скорѣе пагубной, чѣмъ благотворной, еслибы по счастью Константину не вздумалось перенести резиденцію правительства въ новый Римъ, что̀ избавило старый отъ докучнаго присутствія государя. Въ эту эпоху римская имперія представляла собою уже не республиканскую монархію первыхъ цезарей, а восточный деспотизмъ, созданный Діоклетіаномъ и упроченный Константиномъ. Поэтому императоры скоро сосредоточили въ своихъ рукахъ высшую власть духовную, также какъ и свѣтскую. Они смотрѣли на себя какъ на вселенскихъ епископовъ, поставили свой тронъ въ алтарѣ, предсѣдательствовали на церковныхъ соборахъ, называли себя апостольскими и, наконецъ, какъ сообщаетъ намъ историкъ Сократъ, присвоили себѣ полновластіе въ религіозныхъ дѣлахъ и невозбранно распоряжались на самыхъ большихъ соборахъ. По словамъ св. Аѳанасія, Констанцій говорилъ собравшимся вокругъ него епископамъ: «то, чего я хочу, должно считаться закономъ церкви», и вы конечно знаете, что на Костантинопольскомъ соборѣ Ѳеодосій Великій былъ привѣтствованъ титуломъ первосвященника. Таковъ былъ путь, которымъ шла императорская власть въ первомъ вѣкѣ христіанской церкви. А въ это самое время и въ виду этихъ вторженій свѣтской власти въ духовную сферу, западная церковь, благодаря своей отдаленности отъ императорской резиденціи, организуется вполнѣ независимо, ея епископы простираютъ свою власть даже на свѣтскій бытъ, и римскій патріархъ, опираясь на престижъ, который сообщали ему этотъ высокій санъ, кровь мучениковъ, которою пропитана почва вѣчнаго города, преемственная связь со старшимъ изъ апостоловъ, память о другомъ великомъ апостолѣ и, въ особенности, присущая христіанскому міру потребность въ средоточіи и символѣ единства, мало-по-малу достигаетъ той мощи, которая потомъ вступитъ въ единоборство съ имперіей и одолѣетъ ее. Я знаю, среди вашихъ мыслителей эту побѣду одобряли только немногіе, но мы, безпристрастные свидѣтели въ этомъ дѣлѣ, можемъ оцѣнить ее лучше вашего: мы, неуклонно слѣдующіе по стопамъ Византіи, слишкомъ хорошо знаемъ, что̀ представляетъ собою духовная власть, отданная на произволъ земныхъ владыкъ. Я только-что упомянулъ Ѳеодосія Великаго. Этотъ самый Ѳеодосій, котораго въ Константинополѣ провозглашали первосвященникомъ,—вы знаете, какъ сурово обо-

шелся съ нимъ св. Амвросій въ Миланѣ; и надо прибавить, что послѣдній, запретивъ императору входъ въ церковь, не удовольствовался этимъ, но велѣлъ также вынести изъ храма императорскій престолъ. Это, на мой взглядъ, какъ нельзя лучше обрисовываетъ характеръ той и другой церкви: здѣсь мы видимъ духовенство, одушевленное глубокимъ чувствомъ независимости, стремящееся поставить духовную власть выше силы, тамъ—церковь самое покорную матеріальной власти и домогающуюся стать какъ бы христіанскимъ халифатомъ.

«Таково наслѣдіе, которое мы получили отъ Византіи вмѣстѣ съ полнотою догмы и ея первоначальной чистотой. Эта чистота, безъ сомнѣнія,—неоцѣнимое благо, и она должна утѣшать насъ во всѣхъ недостаткахъ нашего духовнаго строя; но у насъ идетъ рѣчь сейчасъ только о нашемъ соціальномъ развитіи, и вы согласитесь, что западный религіозный строй гораздо болѣе благопріятствовалъ такого рода развитію, нежели тотъ, который выпалъ на нашу долю. Надо все время помнить одно—что въ нашемъ обществѣ не существовало никакого другого нравственнаго начала, кромѣ религіозной идеи, такъ что ей одной обязанъ нашъ народъ своимъ историческимъ воспитаніемъ и ей должно быть приписано все что у насъ есть,—доброе, какъ и злое. Итакъ, возвращаясь къ нашему предмету, мы видимъ воочію, что эта наша готовность подчиняться разнороднымъ предначертаніямъ извнѣ есть неизбѣжное послѣдствіе религіознаго строя, лишеннаго свободы, гдѣ нравственная мысль сохранила лишь видимость своего достоинства, гдѣ ее чтутъ лишь подъ условіемъ, чтобы она держалась смирно, гдѣ она пользуется авторитетомъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой его удѣляетъ ей политическая власть, гдѣ наконецъ ее безпрестанно стѣсняютъ въ дѣятельности ея служителей, въ ея движеніяхъ и духѣ. Не знаю, согласитесь-ли вы со мною, но мнѣ кажется, что этимъ способомъ очень легко можно объяснить всю нашу исторію. Народъ простодушный и добрый, чьи первые шаги на соціальномъ поприщѣ были отмѣчены тѣмъ знаменитымъ отреченіемъ въ пользу чужого народа, о которомъ такъ наивно повѣствуютъ наши лѣтописцы,—этотъ народъ, говорю я, принялъ высокія евангельскія ученія въ ихъ первоначальной формѣ, т. е. раньше, чѣмъ въ силу развитія христіанскаго общества они пріобрѣли соціальный характеръ, задатокъ котораго былъ присущъ имъ съ самаго начала, но который и долженъ былъ, и могъ обнаружиться лишь въ урочное время. Ясно, что нравственная идея христіанства должна была оказать на этотъ народъ только самое непосредственное свое дѣйствіе, т. е. до чрезвычайности усилить въ немъ аскетическій элементъ, оставляя втунѣ всѣ остальныя начала, заключенныя въ ней,—начала развитія, прогресса и будущности. Христіанская догма, какъ плодъ Высшаго Разума, не подлежитъ ни развитію, ни совершенствованію, но она допускаетъ безчисленныя примѣненія въ зависимости отъ условій національной жизни. Извѣстно, какія

громадныя явленія, какія неизмѣримыя послѣдствія породила жизнь западныхъ народовъ, оплодотворенная христіанствомъ. Но это было возможно лишь потому, что эта жизнь, сама исполненная всевозможныхъ плодоносныхъ элементовъ, не была скована узкимъ спиритуализмомъ, что она находила покровительство, сочувствіе и свободу тамъ, гдѣ у насъ жизнь встрѣчала лишь монастырскую суровость и рабское повиновеніе интересамъ государя. Не удивительно, что мы шли отъ отреченія къ отреченію. Вся наша соціальная эволюція—сплошной рядъ такихъ фактовъ. Вы слишкомъ хорошо знаете нашу исторію, чтобы мнѣ надо было перечислять ихъ; довольно указать вамъ на колоссальный фактъ постепеннаго закрѣпощенія нашего крестьянства, представляющій собою ничто иное, какъ строго-логическое слѣдствіе нашей исторіи. Рабство всюду имѣло одинъ источникъ: завоеваніе. У насъ не было ничего подобнаго. Въ одинъ прекрасный день одна часть народа очутилась въ рабствѣ у другой просто въ силу вещей, вслѣдствіе настоятельной потребности страны, вслѣдствіе непреложнаго хода общественнаго развитія, безъ злоупотребленій съ одной стороны и безъ протеста съ другой. Замѣтьте, что это вопіющее дѣло завершилось какъ разъ въ эпоху наибольшаго могущества церкви, въ тотъ памятный періодъ патріаршества, когда глава церкви одну минуту дѣлилъ престолъ съ государемъ. Можно ли ожидать, чтобы при такомъ безпримѣрномъ въ исторіи соціальномъ развитіи, гдѣ съ самаго начала все направлено къ порабощенію личности и мысли, народный умъ сумѣлъ свергнуть иго вашей культуры, вашего просвѣщенія и авторитета? Это немыслимо. Часъ нашего освобожденія, стало-быть, еще далекъ. Вся работа новой школы будетъ безплодна до тѣхъ поръ, пока наша ретроспективная точка зрѣнія не измѣнится совершенно. Конечно, наука могущественна въ наши дни; судьбы обществъ въ значительной степени зависятъ отъ нея,—но она дѣйствительно можетъ вліять на народъ лишь въ томъ случаѣ, когда она въ области соціальныхъ идей оперируетъ такъ же безпристрастно и безлично, какъ она это дѣлаетъ въ сферѣ чистаго мышленія. Только тогда ея формулы и теоріи способны дѣйствительно стать выраженіемъ законовъ соціальной жизни и вліять на нее, какъ въ естественныхъ наукахъ онѣ постоянно выражаютъ законы природы и даютъ средства вліять на нее. Я увѣренъ, придетъ время, когда мы сумѣемъ такъ понять наше прошлое, чтобы извлекать изъ него плодотворные выводы для нашего будущаго, а пока намъ слѣдуетъ довольствоваться простой оцѣнкой фактовъ, не силясь опредѣлить ихъ роль и мѣсто въ дѣлѣ созиданія нашихъ будущихъ судебъ. Мы будемъ истинно свободны отъ вліянія чужеземныхъ идей лишь съ того дня, когда вполнѣ уразумѣемъ пройденный нами путь, когда изъ нашихъ устъ помимо нашей воли вырвется признаніе во всѣхъ нашихъ заблужденіяхъ, во всѣхъ ошибкахъ нашего прошлаго, когда изъ нашихъ нѣдръ исторгнется крикъ раскаянія

и скорби, отзвукъ котораго наполнитъ міръ. Тогда мы естественно займемъ свое мѣсто среди народовъ, которымъ предназначено дѣйствовать въ человѣчествѣ не только въ качествѣ тарановъ или дубинъ, но и въ качествѣ идей. И не думайте, что намъ еще очень долго ждать этой минуты. Въ нѣдрахъ этой самой новой школы, которая силится воскресить прошлое, уже не одинъ свѣтлый умъ и не одна честная душа вынуждены были признать тотъ или другой грѣхъ нашихъ отцовъ. Мужественное изученіе нашей исторіи неизбѣжно приведетъ насъ къ неожиданнымъ открытіямъ, которыя прольютъ новый свѣтъ на нашу протекшую жизнь; мы научимся наконецъ знать не то, что у насъ было, а то, чего намъ не хватало, не что надо вернуть изъ былого, а что изъ него слѣдуетъ уничтожить. Ничто не можетъ быть благодатнѣе того направленія, которое приняла теперь наша умственная жизнь. Благодаря ему огромное число фактовъ воскрешено изъ забвенія, интереснѣйшія эпохи нашей исторіи возсозданы вполнѣ, и въ ту минуту, когда я пишу вамъ, готовится къ выходу въ свѣтъ крупный трудъ подобнаго рода. Съ другой стороны, воззрѣніе, противоположное національной школѣ, также принуждено заняться серьезными изысканіями въ исторической области, и исходя изъ совершенно иной точки зрѣнія, оно приходитъ къ результатамъ не менѣе непредвидѣннымъ. Нельзя отрицать: безстрашіе, съ которымъ оба воззрѣнія изслѣдуютъ свой предметъ, дѣлаетъ честь нашему времени и подаетъ добрыя надежды на будущее, когда нашъ языкъ и умъ будутъ свободнѣе, когда они уже не будутъ, какъ всегда до сихъ поръ, скованы путами лицемѣрнаго молчанія. Столь часто повторяемое теперь сравненіе нашей исторической жизни съ исторической жизнью другихъ народовъ показываетъ намъ на каждомъ шагу, какъ рѣзко мы отличаемся отъ нихъ. Позже мы узнаемъ, можно ли народу такъ обособиться отъ остального міра и долженъ-ли онъ считаться частью историческаго человѣчества, разъ онъ можетъ предъявить послѣднему только нѣсколько страницъ географіи. Если мнѣ удалось выяснить тѣ двѣ идеи, которыя дѣлятъ между собою теперь наше мыслящее общество, я доволенъ и вы можете видѣть, что я продолжаю по прежнему откровенно выражать мою мысль о моей родной странѣ. Въ эпоху, когда смерть и возрожденіе народовъ занимаютъ столько умовъ, нельзя, мнѣ кажется, лучше уяснить своей странѣ ея собственную національность, какъ изобразивъ ее предъ всѣмъ міромъ, предъ глазами иностранцевъ и соотечественниковъ, такою, какою она представляется намъ самимъ. Тогда всякій можетъ поправить насъ, если мы ошиблись.

«Я обѣщалъ вамъ быть краткимъ. Не знаю, сдержалъ-ли я слово, но знаю навѣрное, что если бы я захотѣлъ руководиться тѣмъ чувствомъ удовольствія, которое я испытываю, бесѣдуя съ вами о нашихъ дѣлахъ, вамъ пришлось бы осиливать безконечное письмо».

М. Гершензонъ.

Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

Продолженіе [1]).

VII. Цареубійство и приступъ къ возмущенію.

Подполковникъ Поджіо утверждаетъ, что въ бытность его у васъ, въ сентябрѣ 1824 г., послѣ искуснѣйшаго убѣжденія его въ превосходствѣ республиканскаго правленія для Россіи, вы, перешедъ къ необходимости истребить всю Императорскую фамилію, сказали ему между прочимъ: „давайте считать жертвы", и съ словомъ симъ сжали руку свою такъ, чтобы дѣлать ужасный счетъ сей по пальцамъ. Поджіо началъ потомъ называть всѣхъ священныхъ особъ по именамъ, а вы считали ихъ пальцами. Дойдя до женскаго пола, вы остановились. Знаешь ли, что это дѣло ужасное?—сказали вы Поджіо. Но въ ту же минуту рука ваша опять была предъ нимъ и число жертвъ составилось тринадцать! Послѣ сего Поджіо замолчалъ, но вы продолжали: „Такъ по этому и конца не будетъ? ибо должно будетъ покуситься и на особъ Императорской фамиліи, находящихся за границею". На слова же Поджіо: „Да, тогда точно уже конца не будетъ, ибо у всѣхъ великихъ княгинь есть дѣти; но для нихъ довольно бы провозгласить отрѣшеніе отъ всякаго наслѣдства, да и кто пожелаетъ окровавленнаго трона!" вы сказали: „Я поручилъ уже князю Барятинскому и Бестужеву-Рюмину приготовить мнѣ двѣнадцать человѣкъ рѣшительныхъ для сего! Барятинскій имѣетъ уже нѣсколько таковыхъ..."

Къ сему дополняютъ: 1) Подполковникъ Поджіо, что въ это же время онъ видѣлъ у васъ письменный отчетъ Бестужева-Рюмина о сношеніяхъ его съ поляками, гдѣ именно упоминалось, что по требованію южнаго общества поляки обѣщались немедленно истребить цесаревича, а потому и полагаетъ, что число жертвъ Императорской фамиліи назначено было гораздо прежде, нежели исчислялъ онъ сіе съ вами, и 2) Бестужевъ-Рюминъ говорилъ вамъ, что въ случаѣ надобности для удара найдутся около 15 человѣкъ.

---

[1]) См. „Былое", февраль, стр. 121, мартъ, стр. 206.

Объясните: справедливо ли вышеприведенное показаніе Поджіо и Бестужева, когда и гдѣ поручали вы Барятинскому и Бестужеву набрать 12 человѣкъ рѣшительныхъ и обѣщалъ ли Барятинскій исполнить сіе порученіе?

Я никогда сего порученія Барятинскому не давалъ и онъ никогда онаго не исполнялъ и не предпринималъ. Да и дать ему онаго я не могъ, ибо слишкомъ зналъ свойства, какъ его, Барятинскаго, такъ и тѣхъ членовъ общества, съ коими онъ былъ въ сношеніи. Бестужевъ набиралъ, какъ въ прежнемъ пунктѣ (см. ниже) объяснилъ я, партію Conspirateurs и сказывалъ, что изъ числа соединенныхъ славянъ многіе въ сію партію готовы, но не 15, а 7, и что онъ продолжаетъ таковыхъ людей искать. Цѣль сей партіи было Бѣлоцерковское преднамѣреніе [1]). Сіе дѣлалъ Бестужевъ вслѣдствіе неоднократно упомянутаго предположенія Васильковской управы.

Показаніе Поджіо о содержаніи отчета Бестужева справедливо.

Подполковникъ Поджіо представилъ упоминаемый имъ разговоръ въ совершенно превратномъ видѣ. Сіе заключить можно уже изъ собственныхъ его словъ: ибо то говоритъ, что я ужасался отъ нанесенія толикихъ смертей, то говоритъ, что уже къ оному готовился. Дѣло въ слѣдующемъ состоитъ. Когда онъ былъ у меня въ сентябрѣ 1824 года, то имѣлъ уже полное республиканское расположеніе и мы о семъ правленіи разсуждали. Сіе привело къ сужденію объ особахъ императорской фамиліи. Тутъ говорилъ я на счетъ особъ женскаго пола, что покушеніе на ихъ жизнь и ужасно, и по двумъ причинамъ безполезно: 1) Потому что находятся лица императорской фамиліи за границею, имѣютъ дѣтей и большія семейства, такъ что всегда наслѣдникъ или наслѣдница найдется, а 2) Потому что со времени императора Павла Петровича существуетъ коренной законъ, удаляющій женскій полъ отъ престола, и что на сей законъ можно при случаѣ опереться или сослаться. Дѣло же сіе было бы тѣмъ ужаснѣе, что чрезвычайно бы много было тогда жертвъ. Поджіо оправдывалъ сіе сужденіе и мы ихъ по именамъ назвали, но безъ всѣхъ этихъ театральныхъ движеній, о коихъ Поджіо упоминаетъ. Неправильно старается онъ съ таковымъ краснорѣчіемъ меня въ этомъ жестокомъ видѣ представить (Показанія 6 апрѣля 1826 г. п. 15).

За симъ подполковникъ *Поджіо* показываетъ, что въ сію же бытность его вы говорили: „Хотѣлось бы мнѣ знать ваше мнѣніе о лицахъ, долженствующихъ составить временное правленіе для введенія новаго порядка; кого вы почитаете способнымъ къ тому?“ А когда Поджіо наименовалъ васъ самихъ, какъ основателя республики, то вы сказали:

---

[1]) Планъ цареубійства и возмущенія, задуманный въ Бѣлой Церкви Бестужевымъ-Рюминымъ. См. „Былое“, мартъ, стр. 215—216. О томъ же см. ниже.

„Я не хочу быть уличенъ въ личныхъ видахъ, а къ тому и фамилія у меня не русская; все это не ладно“, и продолжали разсуждать о вліяніи фамиліи.

Далѣе, когда Поджіо замѣтилъ, что по окончаніи революціи вы, конечно, послѣдуете примѣру Вашингтона и удалитесь, и что временное правленіе, вѣроятно, не продлится дальше года, много двухъ, тогда вы отозвались: „О! нѣтъ, не менѣе десяти лѣтъ. Раздѣленіе земель одно много возьметъ времени“. На слова же Поджіо, что такое продолжительное господство можетъ устрашить многихъ, вы сказали: „Что-жъ дѣлать? Впрочемъ, между тѣмъ можно будетъ обратить общее вниманіе на какую нибудь внѣшнюю мѣру, какъ то: объявить войну туркамъ и возстановить восточную республику въ пользу грековъ, и такимъ образомъ на поприщѣ политическомъ явиться съ самыми благонадежнѣйшими видами для прочихъ народовъ Европы“.

Отъ сего разсужденія перешли къ назначенію мѣстъ въ будущемъ правленіи республики. Вы щедро раздавали оныя въ министерствахъ всѣмъ, приверженнымъ къ вамъ, а ему Поджіо въ случаѣ начатія дѣйствій совѣтовали присоединиться къ Давыдову и быть подъ его начальствомъ, дополнивъ: „Самъ же я поѣду въ Петербургъ и возьму съ собой Барятинскаго“.

Потомъ вы жаловались на холодность Матвѣя Муравьева и на неблагопріятность обстоятельствъ и заключили: „Впрочемъ, поѣду самъ въ Петербургъ и увижу все своими глазами, можетъ быть цесаревичъ будетъ изведенъ, а если императорской дворъ переселится въ Москву, то все дѣйствіе совершится тамъ“. Напослѣдокъ, вы, сдѣлавъ Поджіо вопросъ: „Что онъ думаетъ о вашихъ намѣреніяхъ послѣ окончанія всѣхъ дѣлъ общества“, продолжали: „Удалюсь въ Кіево-Печерскую лавру и сдѣлаюсь схимникомъ; тогда я примусь за вѣру“.

Поясните: какимъ точно образомъ происходили сіи разсужденія ваши съ Поджіо?

Показаніе Поджіо справедливо, что я ему говорилъ о невозможности и о нежеланіи моемъ быть членомъ временнаго правленія. Справедливо и то, что я говорилъ, что по окончаніи революціи пойду въ монахи въ Кіево-Печерскую лавру. Показаніе же его, что будто бы я прибавилъ: *и тогда примусь за вѣру* столь же злостно, сколь и ложно.

Разсуждали мы о времени существованія временнаго правленія и я говорилъ, что сіе время должно быть достаточное для полнаго образованія и притомъ не продолжаться сверхъ надобности, но что, ежели временное правленіе прекратится прежде окончанія государственнаго переобразованія, то не достигнетъ цѣли своего учрежденія и надобно будетъ тогда опасаться подобныхъ послѣдствій, какія имѣли всѣ французскія республиканскія конституціи. Я считалъ нужнымъ для сего 8 или 10 лѣтъ, и Поджіо никакого противорѣчія не дѣлалъ, а совершенно въ томъ соглашался. Что касается до внѣшней войны, долженствовавшей и умы занять и чрезъ возстановленіе Греціи въ независимомъ состояніи доказать отклоненіе Россіи отъ завоевательной системы,

имѣющей замѣниться покровительственною, то сіе предположеніе справедливо.

Разговоръ о министерствахъ представилъ Поджіо не въ томъ видѣ, какъ оный происходилъ. Мы разсуждали о важности главныхъ чиновниковъ государственной службы, особенно во время происхожденія революціи и переобразованія государства. Я замѣтилъ при семъ, что сей предметъ весьма важенъ и что хотя, конечно, смѣшно бы было толковать теперь о назначеніи или выборѣ сихъ чиновниковъ, не менѣе того лучше бы дѣлать смѣшное теперь, нежели въ нужное время не знать, кому что довѣрить, прибавивъ къ сему, что сіи выборы гораздо труднѣе, нежели по большей части полагаютъ. Приверженцевъ же своихъ не размѣщалъ я по мѣстамъ правленія и не понимаю, кого Поджіо называетъ моими приверженцами.

Поджіо находился въ управѣ, коей Давыдовъ былъ предсѣдатель, слѣдовательно и состоялъ онъ по обществу подъ его начальствомъ, и упоминаемаго имъ совѣта не имѣлъ я ни надобности, ни повода ему давать.

Касательно показанія Поджіо, что я дополнилъ: «Самъ же поѣду въ Петербургъ и возьму Барятинскаго съ собою»,—не угодно ли замѣтить, что одни меня отсылаютъ въ Петербургъ, другіе въ Кіевъ, третьи въ Тульчинъ. Кто нибудь же долженъ изъ нихъ неправду говорить. Сіе показаніе Поджіо несправедливо. Я не могъ жаловаться на холодность Муравьева въ сентябрѣ 1824 года, когда узналъ объ оной отъ Лорера только въ декабрѣ того же 1824 года. Лореръ поѣхалъ въ Малороссію послѣ отъѣзда Поджіо въ сентябрѣ отъ меня, а по возвращеніи своемъ разсказалъ мнѣ о холодности Муравьева. Большая часть показаній Поджіо также справедливы, какъ и сіе.

Послѣднія приведенныя слова мои: Впрочемъ поѣду въ Петербургъ, и далѣе также справедливы, какъ и показаніе о холодности Муравьева. Я только что возвращался изъ Петербурга и ни малѣйшаго не имѣлъ намѣренія туда опять ѣхать. Не могъ я также показывать и надежды, что въ Москвѣ все дѣйствіе тогда совершится, когда зналъ, что у насъ въ Москвѣ почти совсѣмъ никого не было изъ членовъ. Да и самъ Поджіо говоритъ, что я жаловался на неблагопріятность обстоятельствъ; сія жалоба и та надежда явно одна другой противорѣчатъ. Вообще же предметовъ разговора, о коихъ упоминаетъ Поджіо, касался я съ нимъ немного, главный же предметъ разговора былъ устройство арміи (показаніе 6 апрѣля, п. 16).

1826 года, апрѣля 13-го дня, въ присутствіи Высочайше учрежденнаго Комитета, по учрежденію въ показаніяхъ дана очная ставка подполковнику Поджіо съ полковникомъ Пестелемъ (по содержанію предъидущихъ показаній).

На очной ставкѣ утвердили:

Подполковникъ Поджіо, уличая полковника Пестеля, под-

твердилъ вышеприведенное свое показаніе безъ всякой отмѣны, исключая предполагаемую Пестелемъ поѣздку въ Петербургъ, о которой хорошо не упомнитъ и потому утверждать за вѣрное не можетъ.

Полковникъ Пестель сознался, что съ подполковникомъ Поджіо дѣйствительно жертвы изъ Императорской фамиліи считали, но притомъ отрицаетъ, что о порученіи Барятинскому избрать 12 человѣкъ рѣшительныхъ для сего, ему, Поджіо, никогда не говорилъ потому, что и самаго порученія Барятинскому никогда не дѣлалъ, ибо сего обстоятельства совершенно не помнитъ.

О назначеніи же разныхъ лицъ въ должности говорилъ.

Подполковники Сергѣй и Матвѣй Муравьевы и Поджіо и Бестужевъ-Рюминъ показываютъ, что вы, для исполненія преступнаго намѣренія (цареубійства), предполагали составить изъ нѣсколькихъ отважныхъ людей партію подъ названіемъ Garde perdue и поручить оную Лунину, извѣстному по его рѣшительности.

Я съ Поджіо никогда про Лунина не говорилъ и сего намѣренія въ отношеніи къ Лунину не имѣлъ и не могъ имѣть; ибо одно уже мѣстопребываніе Лунина дѣлало сіе невозможнымъ. Къ тому же не имѣлъ я съ самаго 1820 года никакого извѣстія о Лунинѣ. А справедливо то, что Бестужевъ хотѣлъ таковую партію составить для Бѣлоцерковскаго предположенія и у меня спрашивалъ въ 1824 году, не имѣются ли въ Тульчинѣ способные на то люди, на что я отозвался, что не ручаюсь, чтобы таковые нашлись въ Тульчинской Управѣ. Сію партію называлъ онъ Les Conspirateurs. Потомъ говорилъ онъ, что Сергѣй Муравьевъ съ своимъ баталіономъ подкрѣпитъ сію партію.

Лунинъ же въ началѣ общества, въ 1816 или 1817 году, предлагалъ съ таковою партіею съ масками на лицѣ совершить цареубійство на Царскосельской дорогѣ, когда время прійдетъ къ дѣйствію приступить, и вообще говорено было о таковой партіи не для всей Императорской фамиліи, но для покойнаго Государя.

Намѣреніе извести Государя Императора, конечно, ведетъ къ составленію таковой партіи, но вышеназванные члены, перемѣшавъ все вышесказанное, возлагаютъ на меня всю вину сего предположенія, въ то время какъ о начатіи дѣйствія и о способѣ скораго приступа къ оному Васильковская Управа заботилась болѣе всѣхъ прочихъ, чему столь много доказательствъ и я не только не подстрекалъ ея, но напротивъ того неоднократно удерживалъ (показанія 6 апрѣля, п. 14).

Въ 14 (предъидущемъ) пунктѣ отвѣтовъ вы, отрицая показаніе одного подполковника Поджіо на счетъ составленія партіи „Garde perdue“,....и возражая именно противъ показанія одного подполковника, Поджіо, ни слова не говорите о прочихъ трехъ лицахъ, вмѣстѣ съ нимъ поимено-

ванныхъ въ 14 вопросѣ (Сергѣй и Матвѣй Муравьевы и Бестужевъ), которыя показывали то же, что и Поджіо.

Изъ лицъ сихъ утверждали: *Сергѣй Муравьевъ*, что на совѣщаніи въ Кіевѣ въ 1823 году, гдѣ разсуждаемо было о истребленіи всей Императорской фамиліи, вы дѣйствительно говорили о средствѣ исполнить сіе предпріятіе составленіемъ отряда рѣшительныхъ людей подъ предводительствомъ одного члена и назвали тогда Лунина; *Бестужевъ-Рюминъ*,—что вы издавна были того мнѣнія, чтобы политическій переворотъ въ Россіи (для избѣжанія междоусобной войны) начать заговоромъ, приведеннымъ въ исполненіе шайкою отважныхъ людей, (внѣ общества состоящихъ), подъ названіемъ garde perdue; и Матвѣй *Муравьевъ*,—что, когда Лунинъ былъ въ чужихъ краяхъ, то вы, не спрашивая его согласія, дѣйствительно полагали составить garde perdue и поручить начальство надъ оною ему, Лунину, о чемъ слышалъ онъ отъ брата Сергѣя. Подполковникъ же *Поджіо*, кромѣ слышаннаго отъ васъ на счетъ составленія означенной партіи, свидѣтельствовалъ, что и Матвѣй Муравьевъ съ своей стороны учрежденіе сего отдѣльнаго заговора находилъ нужнымъ для отвращенія укоризны отъ имени общества.

По содержанію сего обвиненія, вы обязывались положительно отвѣтствовать: предполагали ли вы сами составить помянутую партію для предпріятія—противъ Императорской фамиліи, какъ свидѣтельствуютъ не одинъ Поджіо, а три лица въ совокупности, или нѣтъ?

Въ 1816 или въ 1817 году, въ какомъ именно мѣстѣ не помню, говорилъ Лунинъ во время разговора нашего объ обществѣ, при мнѣ и при Никитѣ Муравьевѣ о совершеніи цареубійства на Царскосельской дорогѣ съ партіею въ маскахъ, когда время прійдетъ къ дѣйствію приступить. Было ли сіе предложеніе Лунина сообщено имъ, или Никитою Муравьевымъ кому еще другому, кромѣ меня, я по сущей истинѣ не знаю, но въ засѣданіяхъ самаго общества о семъ предположеніи Лунина при мнѣ говорено не было. Я же тогда мало обратилъ вниманія на сіе предположеніе, потому что слишкомъ еще отдаленнымъ считалъ время начатія революціи и необходимымъ находилъ пріуготовить напередъ планъ конституціи и даже написать большую часть уставовъ и постановленій, дабы съ открытіемъ революціи новый порядокъ могъ сейчасъ быть введенъ сполна, ибо я не имѣлъ еще тогда мысли о временномъ правленіи. Сіе мнѣніе мое побудило Лунина сказать съ насмѣшкою, что я предлагаю напередъ энциклопедію написать, а потомъ къ революціи приступить.

При семъ долгомъ считаю замѣтить, что Лунинъ и Никита Муравьевъ близкіе родственники, что Матвѣй Муравьевъ утверждаетъ слышанное имъ отъ его брата, а не прямо отъ меня и что Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ составляютъ, такъ сказать, одного человѣка.

Я показалъ, что о составленіи партіи заговорщиковъ съ точностью говорено было противъ одного Государя Императора, потому что всѣ извѣстные мнѣ о томъ проекты суть: 1) Вышеупо-

*

мянутое, Лунинымъ сдѣланное. 2) Московской заговоръ [1]). 3) Бѣлоцерковской планъ 1824 года и 4) Бѣлоцерковской планъ 1825 г. Всѣ сіи четыре предположенія касались до одного Государя Императора.

Я очень могъ упомянуть о Лунинѣ при разговорахъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ во время контрактовъ 1823 года, и хотя то обстоятельство, что прочіе члены, бывшіе на контрактахъ 1823 г., ни слова не упоминаютъ о моемъ намѣреніи поручить Лунину таковую партію, и наводитъ сомнѣніе, точно ли я говорилъ про Лунина, однако же я соглашаюсь, что я можетъ быть и говорилъ о немъ; но не въ томъ видѣ, чтобы я точное и положительное имѣлъ намѣреніе составить таковую партію и вручить ее начальству Лунина, а въ томъ видѣ, что, говоря о таковой партіи, я Лунина могъ называть человѣкомъ способнымъ для управленія ею, основывая сіе мнѣніе о Лунинѣ на предложеніи, имъ сдѣланномъ въ 1816 или 1817 году.

О необходимости таковой партіи было говорено, какъ на контрактахъ 1823 года, такъ и въ Каменкѣ у Давыдова, такъ и при обоихъ предложеніяхъ о Бѣлоцерковскомъ планѣ. Въ обоихъ первыхъ случаяхъ я говорилъ также и то, что ежели бы таковая партія была составлена изъ отважныхъ людей внѣ общества, то сіе бы еще полезнѣе было, и то, что раздѣлялъ при томъ дѣйствіе революціи на заговоръ и переворотъ или собственно революцію, о чемъ и прочіе члены разсуждали, находя нужнымъ учрежденіе сего заговора, отдѣльность коего отъ общества признавалась весьма полезною. Что же касается до разговора между Поджіо и Матвѣемъ Муравьевымъ, то ничего объ ономъ пояснить не могу, ибо никогда ихъ вмѣстѣ не видалъ.

Наконецъ всѣ вышеприведенныя сужденія о пользѣ и необходимости таковой партіи и о способности Лунина къ оной, выводимой изъ его предположенія 1816 или 1817 года, не доказываютъ, чтобы я имѣлъ намѣреніе самъ таковую партію составить и ее Лунину вручить для дѣйствія, а показанія Муравьевыхъ и Бестужева доказываютъ, что они мнѣ вмѣняютъ сіи сужденія въ точное уже намѣреніе по онымъ къ дѣйствію и составленію партіи приступить, между тѣмъ, какъ я никакого не дѣлалъ приступа къ составленію таковой партіи; что между прочимъ можно также усмотрѣть изъ отвѣтовъ моихъ на 30 пунктъ вопросовъ отъ 1 апрѣля, гдѣ описываю Бѣлоцерковскій планъ (см. ниже).

Я наиболѣе всегда занятъ былъ обдуманіемъ моей конституціи, нежели самимъ приведеніемъ въ дѣйствіе революціи, хотя и объ ономъ при случаѣ также разсуждалъ (показанія 8 апрѣля, п. 3).

Отвергая показываемое подполковникомъ Поджіо порученіе князю Барятинскому набрать 12 человѣкъ надежнѣйшихъ, вы утверждаете,

[1]) 1817 года. См. Былое, мартъ, стр. 218.

что Бестужевъ-Рюминъ намѣревался составить партію подъ названіемъ „les conspirateurs“ и по словамъ его имѣлъ для оной (не 15), а 7 человѣкъ, готовыхъ, изъ общества славянъ, и что цѣлью сей партіи Бестужева было „Бѣлоцерковское преднамѣреніе“.

Но сами же говорите, что покушеніе противъ Государя при Бѣлой Церкви умышлялось въ лагерѣ 1824 года, а по дѣлу извѣстно, что славянское общество присоединилось къ Южному не прежде лагеря 1825-го при Лещинѣ, слѣдственно ни Сергѣй Муравьевъ, ни Бестужевъ, которымъ вы приписываете преимущественную дѣятельность въ заговорахъ, не могли въ 1824 году считать готовыми на преступнѣйшее покушеніе такихъ людей, о коихъ въ 1825 году узнали, что они существуютъ, а потому, если подлинно Бестужевъ вмѣстѣ съ Барятинскимъ имѣли отъ васъ порученіе набрать 12 человѣкъ надежнѣйшихъ, то назначеніе ихъ не могло относиться къ Бѣлоцерковскому умыслу.

Здѣсь такъ же требовался отъ васъ положительный отвѣтъ: поручили ли вы Барятинскому и Бестужеву избраніе помянутыхъ 12 человѣкъ или нѣтъ?

Комитетъ, ожидая на сіе объясненія болѣе опредѣлительнаго, нежели приведенное вами, предваряетъ васъ, что въ случаѣ дальнѣйшей неискренности испытаны будутъ и приведены въ дѣйствіе изысканныя улики.

О кн. Барятинскомъ я въ отвѣтахъ отъ 6 апрѣля объяснился вполнѣ (см. выше, стр. 257). Касательно же Бестужева слѣдующее поясняю. Когда въ концѣ 1824 года сообщилъ онъ мнѣ о предположеніи Васильковской управы начать революцію въ 1825 году, тогда говорилъ онъ и о партіи заговорщиковъ, (какъ я о томъ въ отвѣтахъ на вопросы отъ 13 января и 1 апрѣля объяснялъ), но при томъ не сказывая, чтобы сія партія имъ уже составлена, а только говорилъ о намѣреніи ее составить. Въ 1825 году, во второй половинѣ говорилъ онъ уже, по составленіи сей партіи изъ 7 человѣкъ соединенныхъ славянъ. Но какъ та, такъ и другая партія имѣли обѣ цѣлью Бѣлоцерковское предположеніе и разница между ими состояла не въ ихъ предназначеніи, но въ томъ, что первая была только предполагаема и еще не составлена; между тѣмъ какъ вторая была и предполагаема и уже составляема. Вотъ почему, когда Комитетъ изволилъ у меня спрашивать, правда ли, что Бестужевъ мнѣ говорилъ о готовности 15 человѣкъ заговорщиковъ, я имѣлъ честь отвѣтствовать, что онъ говорилъ о готовности 7, а не 15 человѣкъ. О другихъ же партіяхъ, кромѣ здѣсь названныхъ, Бестужевъ со мною и не говорилъ и отъ меня порученій не получалъ, равно какъ и сіи не по моему порученію составлялъ, а для Бѣлоцерковскаго плана. Первому сему сказанію также можетъ служить доказательствомъ и весь планъ о начатіи революціи въ 1826 году, по которому предполагалось изведеніе государя императора во время смотра, а все дѣйствіе въ столицѣ предоставлялось Сѣверному обществу на полное и совершенное

его усмотрѣніе. Мысль же о составленіи вышеименованныхъ партій могъ Бестужевъ почерпнуть изъ сужденій вышепомянутыхъ.

Въ окончаніе честь имѣю комитету доложить, что всѣ недостатки, имъ замѣченные или впредь замѣченными быть могущіе, происходятъ единственно съ моей стороны или отъ недоумѣнія, или отъ запамятованія, но никогда не имѣютъ причиною неискренность, ибо я всѣми силами старался и стараюсь всевозможныя представить доказательства въ полной моей откровенности и безпрекословно готовъ сознаться во всемъ, что до меня дѣйствительно касается, какъ я все время чистосердечно и дѣлалъ, и нынѣ новое и сильнѣйшее въ томъ представляю доказательство (показанія 9 апрѣля, п. 4).

Въ лагерѣ 1825 года при Лещинѣ происходило нѣсколько совѣщаній, въ которыхъ предполагалось начать возмутительныя дѣйствія арестованіемъ генераловъ Толя и Рота, а потомъ покуситься на жизнь блаженной памяти Государя Императора въ Таганрогѣ и наконецъ, рѣшительно начать возмущеніе въ маѣ 1826 при смотрѣ корпусовъ, не откладывая онаго ни подъ какимъ видомъ, въ чемъ и дали другъ другу клятву.

Изъ показаній же Сергѣя Муравьева, Бестужева и князя Барятинскаго видно, что вамъ извѣстно было о сихъ совѣщаніяхъ и, какъ говоритъ изъ нихъ послѣдній, вы рѣшились съ Муравьевымъ непремѣнно открыть дѣйствія общества въ маѣ 1826 года.

Поясните: какія именно предполагались мѣры къ начатію возмущенія по взаимному соглашенію вашему съ Муравьевымъ?

По окончаніи лагеря 3-го корпуса при Лещинѣ, пріѣзжалъ ко мнѣ Бестужевъ-Рюминъ и сообщилъ мнѣ планъ Васильковской управы о начатіи возмущенія во время смотра 1826 года. Сей планъ былъ *ими* сдѣланъ и мнѣ *сообщенъ*, а не по предварительному совѣщанію со мною изготовленъ. Сему служитъ доказательствомъ, что они другъ другу дали слово не откладывать онаго ни подъ какимъ видомъ, прежде нежели я имѣлъ свѣдѣніе о сихъ намѣреніяхъ и о происшедшемъ въ лагерѣ при Лещинѣ, и что когда они передъ лагеремъ имѣли намѣреніе сіе, то было оное на контрактахъ мною и прочими отвергнуто. Сіе обстоятельство можетъ также служить доказательствомъ и тому, что мое вліяніе не такъ было сильно и неограниченно, какъ членами показывается. Къ тому же долженъ я прибавить, что о семъ данномъ словѣ— не откладывать дѣйствія ни подъ какимъ видомъ—я теперь въ первый разъ слышу.

Сіе намѣреніе дѣйствовать въ маѣ 1826 года—есть то самое Бѣлоцерковское, неоднократно мною упоминаемое, предположеніе, о которомъ я еще показывалъ въ одномъ изъ первыхъ пунктовъ отвѣтовъ моихъ на вопросы 13 января [1]), говоря, что Бѣлоцерковское предположеніе, отвергнутое на контрактахъ 1825 года, во второй половинѣ того же года возобновлено было, и описывая планъ

[1]) Былое, мартъ, стр. 215—216.

онаго. Главныя его черты были: изведеніе Государя Императора во время смотра и шествіе на Москву. Сіе принималъ 3 корпусъ на себя. Потомъ совмѣстно и современно: революція въ Петербургѣ чрезъ Сѣверное общество, коему предоставлялось назначеніе временнаго правленія и, наконецъ, составленіе лагеря при Кіевѣ чрезъ остальную часть Южнаго общества.

Изъ сего плана изволитъ комитетъ усмотрѣть, что главное начальное революціонное дѣйствіе Васильковская Управа представляла себѣ чрезъ третій корпусъ, къ которому долженствовали присоединиться всѣ тѣ прочія войска 1 арміи, которыя къ революціи пристанутъ; что дѣйствіе, по революціонному значенію второе, а по устройству временнаго правленія—важнѣйшее, предоставлялось Петербургскому округу, а всѣмъ прочимъ членамъ и управамъ съ директоріею Южнаго края предоставлялось дѣйствіе по 2 арміи и Херсонскимъ поселеніямъ для составленія при Кіевѣ одного, такъ сказать, обсерваціоннаго пограничнаго и притомъ *бездѣйствующаго* корпуса

При семъ да будетъ мнѣ дозволено замѣтить, что ежели бы я имѣлъ ту жестокую склонность и ту отчаянную рѣшимость на кровопролитіе, которыя многіе члены въ своихъ показаніяхъ мнѣ приписываютъ, то вѣрно бы въ планѣ Васильковской управы получилъ другое какое нибудь назначеніе. Когда Бестужевъ-Рюминъ сообщилъ о семъ планѣ, то я ему отвѣтствовалъ то, что всегда говорилъ, то есть, что безъ Сѣвернаго округа дѣйствовать намъ нельзя; и потому надобно прежде окончательнаго рѣшенія знать положеніе Сѣвернаго округа. Ежели они могутъ произвести революцію съ успѣхомъ, то можно будетъ уже тогда приступить къ окончательному пріуготовленію средствъ къ дѣйствію, и мы, по 2-й арміи, усиливъ тогда всевозможно пріобрѣтеніе членовъ и умноженіе общества, будемъ содѣйствовать, сколько возможно. Но ежели въ Петербургѣ они еще не довольно сильны для произведенія революціи, то и намъ начинать нельзя.

Объявленіе Бестужева въ ихъ увѣренности въ Семеновскихъ солдатахъ, находящихся во всѣхъ почти полкахъ 3 корпуса, представляло силы и надежды Васильковской управы въ болѣе положительномъ видѣ, нежели въ прежнихъ случаяхъ бывало; но все таки нельзя было дѣйствовать безъ Сѣвернаго округа (показанія 6 апрѣля, п. 30).

Вы разсказывали полковнику Давыдову, что присутствовавшій въ совѣщаніяхъ въ лагерѣ при Лещинѣ полковникъ Артамонъ Муравьевъ присягнулъ на Евангеліи покуситься на жизнь блаженной памяти Государя Императора.

Поясните: кто вамъ сообщилъ свѣдѣніе о семъ?

Всѣ свѣденія, которыя я имѣю о Васильковской управѣ, а слѣдовательно и о Артамонѣ Муравьевѣ получилъ я отъ одного только Бестужева-Рюмина, точно также и сіе мнѣ разсказывалъ онъ. (тоже, п. 31).

Бестужевъ-Рюминъ, по порученію вашему сообщалъ князю Трубецкому, что вы на него полагаетесь, что онъ конечно въ Петербургѣ все приготовитъ, а вы начнете дѣйствія свои въ слѣдующемъ году (1826), къ чему побуждаютъ васъ изъ Петербурга князь Оболенскій, а изъ Москвы Нарышкинъ, которые къ Вамъ писали, что у нихъ дѣла идутъ хорошо и они ждутъ только возстанія вашего, чтобы оному содѣйствовать.

Объясните: когда именно и чрезъ кого вы получили означенныя письма отъ Оболенскаго и Нарышкина? въ какомъ точно видѣ они представляли вамъ состояніе Петербургскаго и Московскаго обществъ и что вы имъ на сіе отвѣтствовали?

Князь Оболенскій писалъ ко мнѣ только одинъ разъ чрезъ кн. Волконскаго въ концѣ 1824 года и объ этомъ письмѣ я имѣлъ честь объяснять комитету въ 18 пунктѣ сихъ отвѣтовъ [1]). Я же къ нему ни разу не писалъ. Полковникъ Нарышкинъ никогда ко мнѣ не писалъ; а получилъ отъ него письмо Лореръ чрезъ почту. Про сіе письмо говорилъ мнѣ Лореръ, что онъ изъ нѣкоторыхъ словъ заключаетъ, что дѣла общества идутъ хорошо въ Москвѣ. Я спрашивалъ Бестужева, не имѣютъ ли они изъ Москвы какихъ нибудь извѣстій положительныхъ, изъ коихъ бы можно было заключить о словахъ письма Нарышкина къ Лореру.

Вотъ все. А Бестужевъ, повидимому, перетолковавъ сіи два письма своимъ манеромъ, вывелъ изъ нихъ то заключеніе, которое моимъ именемъ передалъ кн. Трубецкому. (тоже, п. 32).

Комитету извѣстно, что Южное общество, какъ и выше сказано, предполагавшее начать открытыя свои дѣйствія въ 1826 году, по полученіи извѣстія о кончинѣ блаженной памяти государя императора вдругъ перемѣнило планъ свой, а именно, оно вознамѣрилось арестовать главную квартиру 2-й арміи, какъ скоро вступитъ туда въ караулъ Вятскій полкъ.

Вѣроятность сего предпріятія подтверждается тѣмъ: а) послѣ маневровъ 1824 года при Лорерѣ и Поджіо вы говорили Фохту и Майбородѣ: „Когда надобно будетъ арестовать главную квартиру, то уже вы, господа, съ своими ротами должны дѣйствовать потому, что болѣе другихъ стоите“. Майборода отвѣчалъ: „Постараемся;“ а Фохтъ возразилъ, что солдаты не пойдутъ противъ своихъ начальниковъ. Тогда вы продолжали: „Вы это лучше должны знать, какъ привязать къ себѣ солдатъ; вы имѣете всѣ къ тому способности“.

б) Давыдовъ и князь Волконскій свидѣтельствуютъ, что при неоднократныхъ разсужденіяхъ съ вами о начатіи возмущенія всегда признаваемо было необходимымъ арестованіе главной квартиры, а удобнѣйшимъ для того случаемъ признавалось то время, когда вступитъ туда въ караулъ Вятскій полкъ.

По словамъ тѣхъ же Волконскаго и Давыдова, вы, видѣвшись съ ними въ началѣ декабря 1825 года, говорили: *первому*, что можетъ быть какое нибудь смятеніе, по случаю наслѣдія престола происшедшее, дастъ вамъ возможность начать дѣйствіе по вступленіи Вятскаго полка

---

[1]) См. Былое, мартъ, стр. 228.

въ караулъ съ 1-го января 1825-го, а *послѣднему,* что если Сергѣй Муравьевъ начнетъ (возмущеніе) съ успѣхомъ, то и вы рѣшитесь овладѣть главной квартирой, для чего и просили его, Давыдова, сказать Янтальцову, чтобы онъ, съ ротою своею, присоединился тамъ, куда отъ васъ назначено будетъ.

г) Квартирмейстерской части подпоручику Заикину, пріѣзжавшему къ вамъ съ извѣстіемъ о болѣзни покойнаго государя, вы сказывали, что дѣйствія начнутся можетъ быть весною, или когда Вятскій полкъ вступитъ въ караулъ, а можетъ быть и далѣе, смотря по обстоятельствамъ.

Объясните чистосердечно: какія именно сдѣланы были распоряженія къ исполненію означеннаго предпріятія и кто по онымъ долженъ былъ дѣйствовать, кромѣ Янтальцова?

Намѣреніе арестовать главную квартиру не возникло въ видѣ перемѣны плана дѣйствія по полученіи извѣстія о кончинѣ Государя Императора, но всегда входило, яко подробность, въ общее предначертаніе революціи, гдѣ бы оная ни началась, въ Петербургѣ ли, или въ другомъ ли какомъ нибудь мѣстѣ. Удобнѣйшимъ случаемъ не могло въ общихъ сужденіяхъ признаваемо быть то именно время, когда Вятскій полкъ вступитъ въ караулъ: ибо никто не могъ напередъ знать, какой полкъ будетъ въ караулѣ находиться въ то время, когда надлежать будетъ дѣйствіе начать, и назначеніе времени къ начатію дѣйствія никогда не подчинялось и не могло никогда подчиняться тому соображенію, какой полкъ будетъ въ караулѣ находиться.

Объ арестованіи главной квартиры разсуждалъ я въ 1824 году съ Фохтомъ и прочими, при чемъ Фохтъ сказалъ, что надѣется, что его рота за нимъ пойдетъ противъ всякаго начальника, исключая кн. Волконскаго, къ которому онъ старается при всякомъ случаѣ ротѣ своей привязанность вселить. При семъ еще говорилъ я, что не надо роты рѣшительно приготовлять къ тому, прежде какъ не задолго до самого дѣйствія; ибо неосторожно бы было поступать иначе, а до того времени достаточно привязывать солдатъ лично къ себѣ.

Въ началѣ декабря, когда видѣлся я съ кн. Волконскимъ и Давыдовымъ, тогда имѣли мы двѣ причины разсуждать о могущей послѣдовать необходимости къ скорому начатію дѣйствія; во первыхъ, по случаю какого нибудь смятенія, а во вторыхъ, для собственной обороны, ежели дѣйствительно общество откровенно будетъ и гдѣ нибудь дѣйствіе начнется; ибо мы продолжали опасаться открытія, особенно по словамъ Бошняка, который сообщилъ слышанное имъ отъ графа Витта, что правительству извѣстно Бѣлоцерковное предположеніе. Разсуждали мы также притомъ и о томъ, что ежели обстоятельства насъ не вынудятъ начать дѣйствія, то мы будемъ продолжать истинно удобнаго времени дожидаться, дабы не иначе начинать, какъ вмѣстѣ съ Петербургомъ и при объявленіи чрезъ сенатъ новаго правленія. На сей конецъ и сказалъ я имъ, что надо снестись съ

Сергѣемъ Муравьевымъ, дабы по случаю тогдашнихъ обстоятельствъ онъ не началъ бы неосторожно.

О дѣйствіи же Вятскаго полка было говорено не потому, что подчиняли начатіе дѣйствія прибытію полка, но потому, что ожидали въ январѣ развязки критическихъ тогдашнихъ нашихъ сомнѣній и недоумѣній и что Вятскому полку былъ назначенъ караулъ въ Тульчинѣ въ семъ же мѣсяцѣ; ибо ежели бы обстоятельства насъ вынудили начать дѣйствія и мы бы успѣли начать, то надобно бы было уже дѣйствовать тѣми способами, коими бы овладѣть могли. На сей конецъ долженствовалъ Янтальцовъ быть о томъ извѣщенъ, кн. Волконскій—двинуться съ тѣми войсками, которыя онъ бы успѣлъ поднять, Давыдовъ—пристать къ кн. Волконскому или, ежели Бошнякъ не обманывалъ, броситься въ поселенія, а Тульчинскіе члены—пристать къ Вятскому полку. Сергѣй же Муравьевъ писалъ ко мнѣ чрезъ Крюкова, что ежели общество открыто, то далъ бы я ему знать о томъ и они сейчасъ дѣйствія начнутъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ было разсуждаемо объ арестованіи главной квартиры и въ какомъ я о томъ же говорилъ и Заикину. Леманъ и прочіе члены дѣйствовали бы каждый въ своемъ кругу и по своей возможности. Пріѣхавъ назадъ въ Линцы отъ кн. Волконскаго не сталъ я однакоже никакихъ мѣръ принимать по полку для помянутой цѣли, а чрезъ два дня и получили мы повелѣніе присягать Цесаревичу (тоже, п. 36).

Въ собраніи Коренной Думы, происходившемъ въ 1820 году у полковника Шипова въ Преображенскихъ казармахъ, когда нѣкоторые изъ присутствовавшихъ изъявили опасенія свои на счетъ безначалія и безпорядковъ, могущихъ произойти при введеніи республиканскаго правленія, то вы возразили, что сіе могло отвратиться учрежденіемъ временнаго правленія, а потомъ вы уже слегка коснулись до необходимости цареубійства. Сія послѣдняя мысль возбудила сильный споръ между княземъ Долгоруковымъ, возстававшимъ противъ оной, и Никитою Муравьевымъ, поддерживавшимъ предложеніе Ваше, на чемъ и самое собраніе окончилось, но въ отвѣтахъ своихъ объ ономъ ничего не говорите. Поясните: какимъ образомъ сіе происходило?

У полковника Шипова происходило не собраніе Коренной Думы, но только съѣхались нѣкоторые члены для разговора объ обществѣ, не въ видѣ Думы, но какъ частные члены Союза. Насъ было очень мало и даже предсѣдатель Думы не находился при томъ. Я о семъ происшествіи не упоминалъ, потому что не въ засѣданіи Коренной Думы сіе происходило, о которой я въ томъ пунктѣ говорилъ, и что таковыхъ съѣздовъ очень часто и очень много бывало: ибо гдѣ только члены сойдутся безъ постороннихъ лицъ, то почти всегда имѣли общества единственнымъ предметомъ своихъ разговоровъ. Опасенія на счетъ безначалія и безпорядковъ, при революціи произойти могущихъ, изъявлялъ я всегда самъ, и говоря о необходимости временнаго правленія,

приводилъ въ подкрѣпленіе сей необходимости всѣ опасенія на счетъ безначалія и безпорядковъ: мнѣніемъ полагая, что надежнѣйшее и единственное средство къ отвращенію оныхъ состояло бы въ учрежденіи временнаго правленія.

Что же касается до необходимости цареубійства, то напрасно мнѣ приписываютъ первую мысль и первое предположеніе объ ономъ: ибо въ сей день не въ первый разъ говорено было объ ономъ, какъ то уже доказываетъ Московскій заговоръ 1817 года. Мы всѣ имѣли несчастіе .сію мысль раздѣлять долгое время прежде сего собранія и въ числѣ раздѣлявшихъ сію мысль былъ также и князь Долгоруковъ. Ежели онъ началъ въ семъ случаѣ спорить о семъ съ Муравьевымъ, то сіе доказываетъ, какъ я уже неоднократно говорилъ, что часто члены спорили противу тѣхъ мнѣній, кои передъ тѣмъ сами раздѣляли, и кои потомъ опять своими объявляли. Споръ же сей сдѣлался сильнымъ отъ личныхъ колкостей, замѣнившихъ настоящій предметъ разговора (тоже п. 6).

Штабъ-лѣкарь Вольфъ сознается, что по возобновленіи общества въ Тульчинѣ однажды собрались у васъ Аврамовъ, Юшневскій, князь Барятинскій, Ивашевъ, Крюковы 1 и 2, Басаргинъ и онъ, Вольфъ; что вы имѣли всегда господствующею цѣлью введеніе республиканскаго правленія, требовали отъ нихъ рѣшительнаго согласія, какъ на введеніе въ Россіи республики, такъ и на упраздненіе Царствующаго дома посредствомъ военной силы; и что всѣ тутъ бывшіе имѣли несчастіе на то согласиться. Справедливо ли сіе показаніе Вольфа?

Разговоръ о сихъ предметахъ могъ происходить между мною и сказанными лицами, но несправедливо, чтобы я тогда отъ нихъ требовалъ рѣшительнаго согласія на республиканское правленіе и на революціонное дѣйствіе посредствомъ военной силы, ибо: 1) республиканское правленіе было обществомъ за цѣль принято въ 1820-мъ еще году, и при возобновленіи или продолженіи союза было оное, яко цѣль общества, подтверждено; слѣдовательно, послѣ этого не имѣлъ я даже и надобности вновь ихъ согласія требовать: 2) революціонный способъ дѣйствія, во что бы то ни стало, составлялъ предположеніе, обществомъ принятое, какъ въ прежнемъ пунктѣ объяснено; слѣдовательно, на сіе также я не имѣлъ надобности ихъ согласія вновь требовать.

Въ семъ случаѣ Вольфъ напрасно утверждаетъ, что я такъ много прилагалъ старанія, чтобы его соблазнить. Ни одинъ членъ такъ не проповѣдывалъ кровопролитіе какъ Вольфъ: не показывая даже опасеній на счетъ междоусобной войны, и дѣлалъ сіе еще въ 1820-мъ году прежде разрушенія Союза. Сіе многіе подтвердить могутъ, между прочимъ, князь Барятинскій, который однажды самъ мнѣ это сдѣлалъ замѣчаніе. Слѣдовательно, кто такъ говорилъ въ 1820 году, тотъ не долженъ былъ утверждать, что имѣлъ несчастіе на то согласиться въ 1821 году. Что же до революціи и республики касается, то я и прежде сознавался съ полною

откровенностью, что сіи два предмета входили въ мой образъ сужденія (тоже, п. 10).

Отставной подполковникъ *Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ* показываетъ:

а) что предполагаемое истребленіе всей Императорской фамиліи вы считали удобнѣе произвести отдѣльнымъ заговоромъ внѣ общества, и сіе-то самое подало вамъ мысль составить особую партію подъ названіемъ „une cohorte perdue“ и поручить ее Лунину, исполненіе коей вы называли первымъ дѣйствіемъ революціи;

б) что послѣ сего перваго дѣйствія революціи вы предполагали собрать Синодъ и Сенатъ и заставить ихъ силою, если нужно будетъ, издать два манифеста, *первый* отъ Синода, всему русскому народу присягнуть временному правительству, которое должны были составить директоры общества, и *второй* манифестъ отъ Сената долженъ былъ дать понятіе народу, что временное правленіе обязывалось вводить (un cadre en grand de la constitution), дабы отвести подозрѣніе, что директоры хотятъ себѣ присвоить власть. Во все время существованія временнаго правленія общество должно было производить свое дѣйствіе тайнымъ образомъ, чтобы создать общее политическое мнѣніе на счетъ новаго порядка вещей;

в) что въ сію же бытность вашу въ Петербургѣ онъ, Муравьевъ, по разнесшимся слухамъ о пріѣздѣ генерала Эртеля въ Кіевъ, полагая, что братъ его Сергѣй (отъ коего долго не получалъ писемъ), захваченъ, какъ членъ тайнаго общества, предпринялъ было намѣреніе покуситься на жизнь Государя Императора, и когда сообщилъ вамъ объ ономъ, то вы, одобривъ его, сказали ему, Муравьеву: „Вы хорошо понимаете дѣло“, и притомъ вопросили: „Думаете ли вы, что намѣреніе покуситься на жизнь одного государя достаточно?“ на что отвѣчалъ онъ, что хочетъ только спасти брата;

г) что видя несогласіе всѣхъ сѣверныхъ членовъ на предложенное вами временное правленіе и на соединеніе сѣвернаго и южнаго общества, вы, ударивъ по столу рукою, сказали: „*Такъ будетъ же республика*“, но и за симъ никто не согласился и даже князь Оболенскій присталъ къ общему мнѣнію сочленовъ своихъ. Тогда вы сказали имъ: „Такъ сѣверное и южное общество отдѣльны. Всѣ свѣдѣнія, какія вы будете желать отъ южнаго общества, оно вамъ доставитъ, надѣясь, что и вы съ своей стороны тоже сдѣлаете. Вотъ, Матвѣй Муравьевъ здѣсь остается и вы можете адресоваться, въ чемъ будетъ нужда“;

д) что въ сіе время вы совѣтовали ему, Муравьеву, составить въ Петербургѣ общество, отдѣльное отъ сѣвернаго такъ, чтобы сіе послѣднее того не знало;

е) что когда онъ, Муравьевъ, изъ Петербурга переѣхалъ жить въ деревню, то вы, будучи симъ огорчены, хотѣли составить подписку, чтобы дать ему средства жить въ Петербургѣ по видамъ общества;

ж) что во время той же бытности въ Петербургѣ, квартируя въ Демутовомъ трактирѣ, вы объяснили полковнику Швейковскому, здѣсь тогда находившемуся, весь ходъ предположеній и дѣйствій южнаго общества, чему Швейковскій весьма обрадовался;

з) что князь Барятинскій, пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1823 году, имѣлъ порученіе сказать сѣвернымъ членамъ о республиканскомъ правленіи и покушеніи на жизнь государя, какъ о предположеніяхъ южнаго общества;

и) что когда онъ, Матвѣй Муравьевъ, согласился на предпринятыя вами временное правленіе и истребленіе всей Императорской фамиліи, то вы именно сказали ему: „Votre frère est trop pur", относя слова сіи къ сопротивленію брата его Сергѣя.

а) Первое показаніе подполковника Матвѣя Муравьева въ сущности справедливо, то есть что первымъ дѣйствіемъ предполагался заговоръ, что удобнѣе оный исполнить особымъ составомъ членовъ внѣ общества. Какое же давалъ я названіе сему особому заговору, не могу утвердить. Ежели я самъ ему о Лунинѣ говорилъ, чего впрочемъ не утверждаю и не отвергаю, то въ томъ смыслѣ, какъ и брату его, основывая способность Лунина къ сему, преимущественно на мысли Лунина о покушеніи противъ государя въ маскахъ.

б) Второе его показаніе въ сущности также справедливо, то есть сказанное имъ объ обоихъ манифестахъ и о продолженіи тайнаго общества. Русская Правда предполагалась быть тѣмъ прибавленіемъ къ манифесту сената, которое онъ называетъ un cadre en grand de la constitution. На счетъ же назначенія директоровъ членами временнаго правленія прибавляю, что я положительнаго мнѣнія о семъ выборѣ не имѣлъ и точнаго предположенія не дѣлалъ, а готовъ былъ съ своей стороны согласиться на то, что прочіе пожелаютъ. Дѣлая же различныя предположенія, могъ говорить и то, что онъ показываетъ.

в) Когда подполковникъ Муравьевъ опасался, что братъ его захваченъ, тогда говорилъ онъ мнѣ не о покушеніи на жизнь государя одного, но о рѣшимости его начать съ своей стороны революцію, объясняя, что ежели и братъ его захваченъ, то и все общество откроется. Желаніе спасти брата было конечно побудительною причиною, но дѣйствіе противъ всей императорской фамиліи входило въ его сужденія, прежде еще начатія его опасенія на счетъ брата. Вотъ по моимъ понятіямъ сущность дѣла, о точныхъ же словахъ не могу ничего сказать, ибо не могу всего вспомнить. Я съ нимъ соглашался, что ежели братъ его захваченъ, то конечно нечего уже ожидать.

г) На собраніи, о коемъ упоминаетъ Муравьевъ, ничего рѣшено не было, какъ я и прежде уже имѣлъ честь объяснить. Противъ временнаго правленія говорили Никита Муравьевъ и кн. Трубецкой, какъ мною также уже показано прежде. Кн. Оболенскій ничего рѣшительнаго не говорилъ. Муравьевъ спорилъ весьма сильно въ пользу временнаго правленія. Князь Оболенскій во всѣхъ другихъ случаяхъ соглашался со мною и съ Муравьевымъ на счетъ временнаго правленія и почти всѣхъ пунктовъ моихъ конституціонныхъ предположеній. О точныхъ моихъ словахъ, когда ударилъ рукою по столу, не могу припомнить и

потому о семъ обстоятельствѣ ничего не отвергаю и ничего не утверждаю. Помню также, что кн. Трубецкой сказалъ, но когда и гдѣ не помню, что при нашихъ разсужденіяхъ не надо считать два общества, а полагать ихъ однимъ.

Огорчаясь, что мы не могли дойти до полнаго согласія съ сѣверными директорами въ тотъ вечеръ, я могъ говорить въ томъ смыслѣ, какъ упоминаетъ Муравьевъ, и сколько припоминаю себѣ, то въ томъ именно смыслѣ и говорилъ. Но въ слѣдующихъ свиданіяхъ, бывшихъ между мною и тѣми директорами, особенно съ кн. Трубецкимъ и кн. Оболенскимъ, постановили мы дѣйствовать за одно, другъ другу во всемъ вспомоществуя, и принимать взаимно пріѣзжающихъ членовъ, какъ членовъ одного общества. Такимъ смысломъ и образомъ былъ ко мнѣ Лореръ адресованъ и дѣйствовалъ князь Трубецкой по пріѣздѣ въ Кіевъ и писалъ ко мнѣ кн. Оболенскій то письмо, о коемъ упомянуто въ прежнихъ показаніяхъ (см. выше).

д) Муравьевъ долженствовалъ составлять въ Петербургѣ управу изъ членовъ въ духѣ южнаго общества и всѣ мѣры къ тому предоставлялись его усмотрѣнію. Онъ же самъ мнѣ говорилъ, что намѣренъ онъ главныя свои сношенія имѣть съ кн. Оболенскимъ, а менѣе всего съ Никитою Муравьевымъ, и членовъ, коихъ онъ приметъ, не вводить въ сношенія съ противниками республиканскаго правленія, для избѣжанія новыхъ несогласій. Вотъ сущность дѣла. Я находилъ сіе весьма основательнымъ и совѣтовалъ ему сего предположенія держаться.

е) О сей подпискѣ въ пользу Муравьева говорилъ я по возвращеніи моемъ изъ Петербурга прежде переѣзда Муравьева въ деревню, въ то время, какъ оставилъ его въ столицѣ въ самомъ ревностнѣйшемъ расположеніи духа, въ каковомъ и при пріѣздѣ моемъ его уже засталъ.

ж) Показаніе на счетъ полковника Швейковскаго справедливо.

з) Князь Барятинскій имѣлъ порученіе видѣться съ Никитою Муравьевымъ и Матвѣемъ Муравьевъ-Апостоломъ и говорить первому о всѣхъ предположеніяхъ южнаго общества, но главнѣйше побудить Н. Муравьева къ дѣятельности. О предположеніяхъ южнаго общества былъ Никита Муравьевъ и прежде извѣщенъ: кн. Барятинскій нашелъ тогда въ Матвѣѣ Муравьевѣ сильное подкрѣпленіе и большое въ немъ негодованіе на недѣятельность Никиты Муравьева, на которую и Поджіо много кн. Барятинскому жаловался.

и) Весьма естественно, что братъ хочетъ говорить въ пользу брата. Но Сергѣй Муравьевъ въ деревнѣ Давыдова въ 1823 году (слѣдовательно прежде моего пріѣзда въ Петербургъ) по собственнымъ своимъ признаніямъ принялъ мнѣніе о дѣйствіи противъ всей императорской фамиліи, и потому не могъ я его считать въ 1824 году сопротивляющимся сему сужденію. Какими же словами я отзывался о прежнемъ его, Сергѣя, сопроти-

вленіи, того не могу пояснить и нельзя припомнить въ точности всѣхъ словъ, когда либо говоренныхъ, тѣмъ болѣе, что въ семъ случаѣ, полагаю я, не въ нихъ состоитъ сущность дѣла (Показанія 15 апрѣля, п. 2).

Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ показываетъ между прочимъ:

1) Что Государственный завѣтъ, данный имъ, Бестужевымъ, Славянскому обществу, былъ составленъ вами изъ Русской Правды.

2) Что когда онъ, Бестужевъ, объяснилъ вамъ о предпріятіи своемъ овладѣть священною особою Государя въ Бобруйскѣ, то вы доказали ему, что сего недостаточно, и что смерть Государя необходима. Убѣжденія ваши по сему предмету были причиною, что Сергѣй Муравьевъ и онъ, Бестужевъ, на совѣщаніи въ Каменкѣ у Давыдова дали свое согласіе на покушеніе противъ жизни Его Величества.

3) Что о истребленіи Цесаревича онъ, Бестужевъ, писалъ къ Гродецкому по убѣжденію же вашему въ присутствіи Швейковскаго, что одно задержаніе Цесаревича въ Польшѣ надостаточно, и что поляки могутъ воспользоваться слабостію Южнаго общества и возвести Его Высочество на Россійскій престолъ и изъ признательности за то получить свою независимость.

4) Что вы при первомъ свиданіи съ нимъ, Бестужевымъ, объявили, что смерть, или пуля въ лобъ тому члену, который измѣнитъ обществу.

5) Что полученную имъ, Бестужевымъ, отъ Горбачевскаго бумагу о неисправности артиллерійскихъ снарядовъ онъ отослалъ къ вамъ въ копіи.

Противъ всѣхъ вышеприведенныхъ показаній имѣете дать нынѣ же ясные и совершенно положительные отвѣты.

1. Я не знаю, какой Государственный завѣтъ данъ былъ отъ Бестужева-Рюмина славянскому обществу; но точно помню, что надъ моею диктовкою писалъ Бестужевъ извлеченіе краткое изъ Русской Правды.

2. Бестужевъ на контрактахъ 1823 года, по собственнымъ своимъ показаніямъ, упомянутымъ въ вопросахъ, прежде мнѣ сдѣланныхъ, одобрялъ покушеніе противъ Государя Императора, слѣдовательно не послѣ Бобруйска началъ онъ сіе мнѣніе раздѣлять. Опровергая предположеніе ихъ о дѣйствіи при Бобруйскѣ, находилъ я тысячу причинъ, доказывавшихъ невозможность ожидать успѣха отъ сего предпріятія. При чемъ вопрошалъ его, что они сдѣлали бы, ежели приставленные часовые не исполнили бы возложеннаго на нихъ? ибо говорилъ, солдатъ, поставленный, никогда не задержалъ бы Государя Императора. На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что они бы тогда покусились на его жизнь. Слѣдовательно, сіе дѣйствіе и оказалось бы во всякомъ случаѣ неизбѣжнымъ. Какія же внутреннія имѣлъ побужденія Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ объявить въ Каменкѣ о мнѣніи дѣйствовать противъ Его Величества, сего я знать не могу, но достовѣрно, что они сіе мнѣніе объявили. А приписывать они сіи побужденія могутъ, конечно, чему хотятъ. Помню также, что не

я одинъ опровергалъ ихъ Бобруйскія предположенія, но равнымъ образомъ Давыдовъ и кн. Волконскій.

3. Я никогда Бестужева не убѣждалъ писать письмо къ Гродецкому, доказательствомъ чему служитъ уничтоженіе директоріею сего письма, по доставленіи онаго чрезъ кн. Волконскаго.— Сужденіе же, о коемъ при семъ случаѣ упоминаетъ Бестужевъ, я не отрицаю: оно входитъ въ полной мѣрѣ во всѣ сужденія, бывшія о покушеніи противъ Императорской фамиліи.—Замѣчу при семъ, однако же, что когда я имѣлъ сношеніе съ кн. Яблоновскимъ, то не съ таковою ясностію о семъ предметѣ было изъяснено, но сказано: поступить съ нимъ, какъ мы съ прочими великими князьями.—Сужденій о дѣйствіи противъ Императорской фамиліи было очень много, и ежели бы я имѣлъ таковую же память, какъ обвиняющіе меня, то могъ бы много случаевъ показать, въ коихъ прочіе рѣшительнѣе моего говорили и съ разными приговорками.

4. Я не помню, чтобы дѣлалъ Бестужеву сего объявленія, и потому что достовѣрно не помню, то сего не отрицаю; но думаю, что сего не дѣлалъ.

5. Сія бумага была у меня такъ короткое время, что не помню, въ копіи ли, или въ оригиналѣ ли онъ ее ко мнѣ прислалъ, но кажется, что была точно въ копіи. Впрочемъ, такъ какъ сіи бумаги найдены комитетомъ вмѣстѣ съ начатою Русскою Правдою, то и можетъ обстоятельство сіе доказаться само собою. Я же съ своей стороны имѣю честь докладывать, что она, сколько только припомнить могу, была въ копіи и собственною Бестужева рукою написана (Тоже, п. 3).

Поручикъ Крюковъ 2-й показываетъ:

1) Что въ 1825 году на маневрахъ въ мѣст. Жарницахъ вы сказывали ему, что все готово къ начатію возмутительныхъ дѣйствій, и просили его увѣдомить членовъ Тульчинской управы, служащихъ по квартирмейстерской части, дабы они заготовили армейскіе мундиры.

2) Что по кончинѣ блаженной памяти Государя Императора вы извѣстили Тульчинскую управу, что возмутительныя дѣйствія начнутся со вступленіемъ Вятскаго полка въ главную квартиру 1-го января 1826 года, и что прежде еще сего чрезъ Заикина вы извѣстили Управу, чтобы при начатіи возмутительныхъ дѣйствій не выпускать изъ главной квартиры главнокомандующаго и начальника штаба, во что бы то ни стало.

3) Что онъ, Крюковъ, привезъ къ вамъ изъ Василькова отъ Муравьевыхъ три письма и двѣ бумаги, изъ коихъ въ одной извѣщалось о принятіи новыхъ членовъ и духѣ солдатъ, а въ другой совѣтовалось подать начальнику мнѣніе объ исправленіи артиллерійскихъ снарядовъ; письма, коихъ часть прочли вы тогда вслухъ при немъ и при маіорѣ Лорерѣ, заключали въ себѣ почти все тоже, что онъ пересказалъ изустно.

4) Изъ мѣст. Линецъ возвратился онъ въ Тульчинъ съ духовымъ

ружьемъ, полученнымъ имъ отъ васъ, которое намѣревался употребить, въ случаѣ нужды при открытіи возмутительныхъ дѣйствій.

Объясните съ полною откровенностію, справедливо ли сіе показаніе его, Крюкова 2-го, присовокупивъ къ тому:

1) Точно ли вы просили его увѣдомить Тульчинскихъ членовъ, служащихъ по квартирмейстерской части, чтобы они заготовили армейскіе мундиры и для чего именно?

2) Дѣйствительно ли поручено было отъ васъ Тульчинскимъ членамъ при начатіи возмутительныхъ дѣйствій не выпускать изъ главной квартиры главнокомандующаго и начальника штаба, во что бы то ни стало, и какія сверхъ того къ приведенію сего въ исполненіе съ вашей стороны сдѣланы были распоряженія? и

3) точно ли дали вы Крюкову 2-му духовое ружье и для какого именно употребленія?

Въ прежнихъ моихъ показаніяхъ, и въ особенности въ отвѣтахъ на вопросы отъ 1-го или 8-го апрѣля имѣлъ я честь комитету доносить, что въ 1824 году, Васильковская Управа требовала отъ насъ присылки, для начатія возмутительныхъ дѣйствій въ 1825 году, какъ тогда она предполагала, нѣсколькихъ офицеровъ, которые бы, надѣвъ армейскіе полковые мундиры, стали бы во фронтъ. Полковые командиры долженствовали наканунѣ отдать въ своихъ полковыхъ приказахъ, что такіе-то переведены въ полки и прибыли на лицо. Сей проектъ былъ данъ полковникомъ Швейковскимъ. Въ планѣ 1825 года не было о семъ болѣе говорено.— О семъ требованіи Васильковской Управы говорилъ я Крюкову 2-му на маневрахъ 1824-го а не 1825-го года, но притомъ не просилъ его, чтобы они уже заготовляли армейскихъ мундировъ, а говорилъ только о семъ проектѣ, спрашивая его, будетъ ли онъ и товарищи его на то согласны, ежели бы обстоятельства того потребовали. Онъ сказалъ, что готовъ сіе сдѣлать и полагаетъ тоже о прочихъ. О семъ предметѣ говорилъ я весьма слегка, а послѣ того, какъ сей планъ о дѣйствіи въ 1825 году былъ на Кіевскихъ контрактахъ отвергнутъ, то и не было болѣе о семъ предметѣ говорено.

Показаніе Крюкова 2-го о начатіи возмутительныхъ дѣйствій въ 1826 году по полученіи извѣстія о кончинѣ блаженной памяти Государя Императора, есть тотъ самый предметъ, о которомъ я имѣлъ честь комитету доносить въ отвѣтахъ на вопросы отъ 1-го апрѣля, касательно предположенія арестовать главную квартиру. Опасеніе, что общество наше правительствомъ открыто, и возможность, что по случаю кончины Государя Императора окажутся гдѣ нибудь смятенія, заставляли разсуждать о могущей встрѣтиться необходимости для насъ начать также съ своей стороны возмутительныя дѣйствія. Въ семъ смыслѣ говорилъ я въ Умани съ княземъ Волконскимъ и съ Давыдовымъ, а въ Линцахъ съ Крюковымъ 2-мъ и съ Заикинымъ. Объ арестованіи же главнокомандующаго и начальника Главнаго Штаба, дабы они

не собрали противнаго войска или о невыпускѣ ихъ изъ Тульчина для той же цѣли дѣйствительно я говорилъ тому и другому, какъ Крюковъ показываетъ, но прибавлю къ сему, что сіе намѣреніе было не рѣшительное предположеніе непремѣнно дѣйствіе начать, но было предложеніе условное: ежели обстоятельства, какъ выше сказано, насъ къ начатію возмущенія вынудятъ. Сверхъ сего на таковой случай не было сдѣлано мною никакихъ распоряженій, кромѣ того, что сказано въ отвѣтахъ на вопросы отъ 1 апрѣля о свиданіи моемъ съ княземъ Волконскимъ и Давыдовымъ. По полку же не было мною никакихъ мѣръ предпринято, и въ скорости получили приказаніе присягать Цесаревичу.

О письмахъ, приведенныхъ Крюковымъ 2-мъ изъ Василькова и о двухъ при нихъ бумагахъ имѣлъ я честь комитету донести, также въ отвѣтахъ на вопросы отъ 1-го апрѣля. Одно письмо было отъ Бестужева-Рюмина, другое отъ Сергѣя Муравьева, а третье отъ Матвѣя Муравьева. Они всѣ трое писали отвѣтъ на сообщенное чрезъ Крюкова опасеніе объ открытіи общества и изъясняли, что готовы дѣйствія начать, если общество открыто. Бестужевъ сверхъ того писалъ, что будетъ ко мнѣ передъ контрактами. Сергѣй Муравьевъ писалъ, что имъ только двѣ недѣли нужны, дабы значительныя силы собрать. Матвѣй Муравьевъ въ томъ же смыслѣ отзывался. Крюковъ говорилъ, что ежели судить по словамъ Бестужева и Муравьевыхъ, то они должны быть очень сильны. То, что я вслухъ не читалъ, содержало одни обыкновенныя привѣтствія и изъясненія въ дружбѣ. Обѣ приложенныя бумаги были доставлены къ Бестужеву двумя артиллерійскими офицерами изъ числа соединенныхъ славянъ, коихъ имена я по истинѣ не знаю. О нихъ въ сказанныхъ, прежнихъ отвѣтахъ также мною объяснено.

Духовое ружье было мною дано Крюкову по его желанію, для употребленія онаго по обстоятельствамъ, а сверхъ того и на счетъ слѣдующаго случая. Ежели бы дѣйствительно мы нашлись въ готовности и въ необходимости начать возмутительныя дѣйствія, то я полагалъ нужнымъ освободить изъ подъ ареста маіора Раевскаго, находившагося тогда въ Тирасполѣ, въ корпусной квартирѣ генерала Сабанѣева. Сіе освобожденіе зависѣло бы отъ обстоятельствъ на счетъ приведенія онаго въ дѣйствіе и въ случаѣ какой нибудь надобности скрыть оружіе, предполагалось оно къ употребленію, точнаго же и опредѣлительнаго предназначенія ему не дѣлалось. Мнѣ сіе духовое ружье привезъ по моему желанію Майборода изъ Тулы.

Къ сему прошу позволеніе прибавить, что когда отъ разговора съ другими членами,—какъ то и въ семъ случаѣ съ Крюковымъ особенно послѣ возвращенія его изъ Василькова,—мнѣ живо представлялась опасность наша и необходимость дѣйствовать, тогда воспламенясь и оказывалъ я готовность при необходимости обстоятельствъ начать возмущеніе и въ семъ смыслѣ говорилъ. Но послѣ того, обдумывая хладнокровнѣе, рѣшался я

лучше собою жертвовать, нежели междуусобіе начать, какъ то и сдѣлалъ, когда въ главную квартиру вызванъ былъ. А посему и не предпринималъ никакихъ дѣйствій къ приготовленію по полку. Сіе есть совершеннѣйшая истина (Показанія 20 апрѣля).

Н. П. Сильванскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Каракозовскій процессъ.

(Нѣкоторыя свѣдѣнія и воспоминанія)

Въ ряду политическихъ процессовъ, производившихся съ 1860 годовъ въ различныхъ русскихъ судахъ, несомнѣнно «Каракозовскій»—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по существу, такъ и по обстановкѣ.

Покушеніе Каракозова совершено было 4-го апрѣля 1866 г., а того же 17 апрѣля 1866 г. вводились въ дѣйствіе только что передъ тѣмъ утвержденные новые судебные уставы, на основаніи коихъ и былъ утвержденъ для этого дѣла въ первый разъ Верховный уголовный судъ (см. 1030, 1062 и слѣд. Уст. Угол. Судопр.) Хотя позднѣе, въ 1870 и 1880 годахъ, обнаруживались «въ разныхъ краяхъ государства заговоры противъ верховной власти и т. д.», о чемъ говорится въ 1030 ст. Устава Уг. Судопр., но такихъ Верховныхъ уголовныхъ судовъ учреждаемо не было [1], и заговоры противъ особы Императора судились не Верховнымъ судомъ, а особыми Присутствіями Правительствующаго сената.

На этотъ разъ предсѣдателемъ Верховнаго суда былъ вице-предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ [2]), подъ предсѣдательствомъ котораго разсматривались какъ разъ передъ тѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ и Судебные Уставы, только что утвержденные. Членами Верховнаго суда состояли а) предсѣдатели департаментовъ Государственнаго Совѣта: Е. В. Принцъ П. Г. Ольденбургскій, графъ В. Н. Панинъ и адмиралъ Метлинъ и б) два первоприсутствующіе въ кассаціонныхъ Департам. Сената Сенаторы М. М. Карніолинъ - Пинскій и А. Д. Башуцкій; обвинителемъ, прокуроромъ, былъ министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ; секретаремъ суда Я. Г. Есиповичъ (впослѣдствіе сенаторъ). Привлечено къ обвиненію было тридцать шесть лицъ, но они были разбиты на двѣ группы.

Въ *первой* обвиняемыми были: 1) Дмитрій Владиміровичъ

---

[1]) Былъ еще одинъ такой же Верховный Судъ по дѣлу Соловьева въ 1880 г.

[2]) Предсѣдателемъ Госуд. Совѣта былъ въ то время Великій князь Константинъ Николаевичъ, братъ Императора, поэтому не могшій предсѣдательствовать въ Верховномъ судѣ.

Каракозовъ. 2) Николай Андреевичъ Ишутинъ. 3) Петръ Дмитріевичъ Ермоловъ. 4) Николай Павловичъ Странденъ. 5) Дмитрій Алексѣевичъ Юрасовъ; 6) Максимиліанъ Николаевичъ Загибаловъ. 7) Осипъ Антоновичъ Мотковъ. 8) Вячеславъ Николаевичъ Шагановъ. 9) Иванъ Александровичъ Худяковъ. 10) Александръ Александровичъ Кобылинъ и 11) Петръ Ѳедоровичъ Николаевъ.

Верховный судъ по этой группѣ открылся 18 августа 1866 г. въ 12 ч. 55 мин. дня и продолжался до 23 августа.

Затѣмъ во вторую группу были включены 25 человѣкъ.

Предлагая Верховному суду 18 августа 1866 г. одиннадцать обвинительныхъ актовъ о *первыхъ* 11 обвиняемыхъ, министръ юстиціи внесъ двадцать пять отдѣльныхъ обвинительныхъ актовъ объ этихъ 25 обвиняемыхъ и особую записку, въ которой изложилъ весь ходъ дѣла. Той записки, которая приложена къ первымъ 11 обвинительномъ актамъ у меня не сохранилось, но о ходѣ перваго процесса (т. е. объ первыхъ 11 подсудимыхъ) остались у меня карандашныя замѣтки и копіи съ нѣкоторыхъ частей стенографическаго отчета (стенографомъ былъ носившій еще уланскій мундиръ, кажется штабсъ-ротмистръ или поручикъ, Владиміръ Александровичъ Соболевскій), выписки изъ нѣсколькихъ томовъ слѣдственнаго производства, копіи съ нѣкоторыхъ документовъ. На основаніи этого матеріала я и постараюсь изложить то, что мнѣ представлялось самымъ существеннымъ въ этомъ процессѣ. Къ сожалѣнію, у меня не было и не сохранилось обвинительнаго акта о самомъ Каракозовѣ, но изъ показаній свидѣтелей и многихъ выписокъ изъ дѣла и документовъ получается довольно опредѣленное представленіе о немъ. [1])

Изъ обвинительныхъ актовъ, записки министра юстиціи, показаній подсудимыхъ и свидѣтелей оказывается, что въ 1860 годахъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, а по всѣмъ вѣроятіямъ и ранѣе того, вѣроятно въ *одно время* съ движеніемъ въ пользу освобожденія вслѣдъ за Крымскою войною,—возникло въ обществѣ то движеніе, которое выразилось чрезвычайно разнообразно среди учащейся и всякой другой молодежи: въ устройствѣ кружковъ для взаимной помощи и поддержанія другъ друга по доставленію средствъ для образованія, въ складчинахъ для устройства библіотекъ, частныхъ курсовъ, школъ, чтеній въ частныхъ домахъ, въ распространеніи образованія и въ низшихъ классахъ, устройствѣ типографій, печатаніи брошюръ, книгъ, распространеніи ихъ въ народѣ. Отъ всѣхъ этихъ начинаній естественный пере-

---

[1]) До сихъ поръ мнѣ не случалось встрѣчать ни въ какомъ, ни заграничномъ, ни тѣмъ болѣе отечественномъ, изданіи какихъ-либо данныхъ о Каракозовскомъ процессѣ; мнѣ извѣстна лишь небольшая статейка въ книгѣ „За сто лѣтъ“, сборникѣ Вл. Бурцева, изданномъ въ 1897 г. въ Лондонѣ; нѣкоторыя свѣдѣнія въ первомъ томѣ, изданныхъ подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. СПБ., 1906 г. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены и приговоры Верховнаго уголовнаго суда по этому дѣлу. Наконецъ недавно мнѣ удалось познакомиться съ брошюрой „Бѣлый терроръ или выстрѣлъ 4 апрѣля 1866 г.“ Лейпцигъ: Э. Л. Каспровичъ.

ходъ къ сближенію съ народомъ путемъ совмѣстной съ нимъ жизни, а отсюда—поселенія въ деревнѣ, устройство тамъ школъ, кузницъ, всякаго рода ремесленныхъ заведеній и т. п. на общія средства, на началахъ ассоціаціи. Однимъ словомъ, проявилось въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ то движеніе, которое въ слѣдующія десятилѣтія вылилось и въ хожденіе въ народъ и проч.

Въ кружкахъ молодежи, разумѣется, шли толки о томъ, что ее болѣе всего занимало и волновало: сначала вопросы школьные, экономическіе, соціальные, къ нимъ примѣшивались и необходимо затрагивались и политическіе.

И вотъ къ кружку товарищей, состоявшему сначала изъ 4—5 человѣкъ (Ишутинъ, Каракозовъ, Ермоловъ, Странденъ, Юрасовъ), учившихся или учащихся въ гимназіяхъ или университетахъ, сельско-хозяйственныхъ школахъ, присоединились помаленьку другіе товарищи и знакомые; явилось естественно желаніе организоваться во что-нибудь стройное, правильное: пишутся и дебатируются уставы общества, придумывается названіе, высказываются всякаго рода мысли и о цѣляхъ общества, и о средствахъ для ихъ достиженія, и умѣренныхъ, совершенно законныхъ, а также и крайнихъ. Отъ вопроса объ улучшеніи экономическаго порядка переходятъ къ вопросу объ измѣненіи политическихъ порядковъ, и наконецъ болѣе рѣшительными членами кружка высказываются мысли и объ убійствахъ правительственныхъ лицъ для достиженія лучшихъ порядковъ.

Одинъ изъ участвующихъ на такихъ собраніяхъ, студентъ московскаго университета юридическаго факультета Дмитрій Владиміровичъ Каракозовъ, 23 лѣтъ, весьма сдержанный, почти всегда молчащій (показанія на судѣ о немъ его товарищей Шаганова, Страндена, Ермолова и др.) по собственному побужденію или подъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата Николая Андреевича Ишутина, наслушавшись разныхъ рѣчей и предположеній, не говоря никому о намѣреніяхъ, задумалъ привести одно изъ предположеній, высказывашихся на собраніяхъ, въ исполненіе и отправился въ мартѣ 1866 г., на 4-й недѣлѣ Великаго поста, изъ Москвы въ Петербургъ. Передъ тѣмъ онъ былъ серьезно боленъ, лежалъ въ клиникѣ, нерѣдко поговаривалъ о самоубійствѣ, считая болѣзнь свою на столько серьезною. Въ первомъ же засѣданіи Верховнаго суда на вопросъ предсѣдателя о томъ, признаетъ-ли онъ себя виновнымъ въ покушеніи на цареубійство, заявилъ: «если судить по тому, что произошло, то признаю себя виновнымъ, но если вникнуть въ суть дѣла, въ побужденіе, то не признаю. Я просилъ для этого спросить докторовъ, которые меня лѣчили и знаютъ». Когда ему на это кн. Гагаринъ возразилъ, что медицинскій факультетъ Московскаго университета (который былъ спрошенъ слѣдственною комиссіей) удостовѣрялъ, что хотя онъ былъ боленъ, но былъ въ здравомъ умѣ, безъ малѣйшаго признака разстройства, то онъ отвѣтилъ, что «хотя свидѣтельство и гово-

ритъ, что Захарьинъ меня лѣчилъ, и что я здоровъ, но это не такъ. Захарьинъ и очень свѣдущій человѣкъ, но онъ не лѣчилъ, а приходилъ чрезъ 2—3 дня въ клинику и подписывалъ разомъ листъ о больныхъ за 3—4 дня, а меня лѣчили и могутъ разсказать слѣдующія лица... именъ не помню... Ну-съ, а, впрочемъ, если судъ нашелъ невозможнымъ спросить, то я ничего не имѣю сказать».

Кстати замѣтимъ здѣсь, что у Каракозова была привычка въ рѣчи своей и при допросахъ употреблять это выраженіе: «ну-съ!» Говорилъ онъ довольно гладко, спокойно, не волнуясь; говорилъ немного, голосъ у него былъ довольно густой, пріятнаго тембра, баритонъ. Самъ онъ былъ роста средняго (2 аршина и вершковъ 6—7), худой, бѣлокурый, съ прелестными сѣроголубыми, мягкими глазами, щеки немного впавшія, покрытыя румянцемъ, который, мнѣ казалось, указывалъ на чахотку. Ходилъ Каракозовъ медленно, большими шагами, съ нѣкоторымъ развальцемъ.

Когда Каракозовъ поѣхалъ въ Петербургъ, ближайшіе товарищи его, Ишутинъ, Ермоловъ, Странденъ, Юрасовъ, Мотковъ всполошились: «тутъ что-то не ладно! онъ вѣдь такой сумасшедшій, что пожалуй и въ самомъ дѣлѣ приведетъ въ исполненіе то, о чемъ мы говорили, и чему онъ сочувствовалъ. Надо его вытребовать сюда, не позволять ему сдѣлать что-нибудь, что намъ всѣмъ можетъ быть вредно и повредитъ обществу!»

Переполохъ этотъ произошелъ при отъѣздѣ Каракозова вотъ почему. Кромѣ всѣхъ толковъ между товарищами о томъ, какъ и гдѣ устроить школу, какъ устроить какое-нибудь предпріятіе на началахъ ассоціаціи (предполагалось даже купить фабрику, куда привлечь рабочихъ, также на началахъ ассоціаціи), были толки о плохомъ положеніи крестьянъ, хотя и освобожденныхъ, но безправныхъ, объ ихъ малоземельѣ, необходимости увеличить ихъ надѣлы, о необходитости измѣнить экономическій бытъ народа на началахъ соціализма, о необходимости замѣны правленія какимъ-нибудь лучшимъ и т. д.

Главнымъ возбудителемъ, зажигательною спичкою въ этихъ собраніяхъ, лицомъ, привлекавшимъ самое большое количество лицъ, болѣе или менѣе сочувствующихъ этимъ толкамъ и предположеніямъ, былъ двоюродный братъ Каракозова Н. А. Ишутинъ, сынъ потомственнаго почетнаго гражданина (24 лѣтъ), кончившій пензенскую гимназію, намѣревавшійся поступить въ Московскій университетъ. Онъ былъ главнымъ возбудителемъ къ устройству разныхъ предпріятій и кружковъ, студенческой кассы, и школъ, и бесѣдъ, и фабрикъ, и типографій и т. д. Это былъ большой прожектёръ, горячій говорунъ, не прочь — и даже весьма — прихвастнуть, что подмѣчено было многими изъ его товарищей, показывшихъ объ этомъ на судѣ и не очень-то ему и довѣрявшихъ [1]).

---

[1]) Между прочимъ, нѣкоторые изъ нихъ, напр. Страндевъ, Загибаловъ, Мотковъ, пока-

Такъ вотъ этотъ Ишутинъ познакомился въ Москвѣ въ 1864—65 годахъ съ извѣстнымъ писателемъ и учителемъ Иваномъ Александровичемъ Худяковымъ (авторомъ Разсказовъ о старинныхъ людяхъ), который потомъ присылалъ къ нему въ Москву въ концѣ 1865 г. нѣкоего молодого человѣка Никольскаго или Николаевскаго (хорошо не помню) для переговоровъ объ освобожденіи сосланнаго Николая Александровича Серно-Соловьевича. Какіе у нихъ были съ Худяковымъ разговоры и проэкты, въ настоящемъ дѣлѣ не выяснилось: объ этомъ были только упоминанія.

Вслѣдствіе этого знакомства, когда въ кружкѣ рѣчь была поднята объ утвержденіи устава для народной школы или для фабрики на началахъ ассоціаціи, или для чего-то подобнаго, но во всякомъ случаѣ, какого-то устава, Ишутинъ въ концѣ 1865 г. поѣхалъ въ Петербургъ къ Худякову, который, по его словамъ, имѣя связи и знакомства, могъ бы помочь ему въ проведеніи и утвержденіи устава въ правительственныхъ сферахъ. Такъ ли это было, не ѣздилъ-ли Ишутинъ къ Худякову и съ другими какими дѣлами—неизвѣстно, но дѣло въ томъ, что, вернувшись изъ Петербурга, Ишутинъ сталъ разсказывать товарищамъ со словъ Худякова, что существуетъ Европейскій Комитетъ, пребывающій въ Женевѣ и имѣющій цѣлью: улучшеніе экономическаго и соціальнаго быта народа посредствомъ измѣненія существующаго строя правленія. Комитетъ этотъ прибѣгаетъ для достиженія своихъ цѣлей къ весьма разнообразнымъ средствамъ, не отвергаетъ даже, въ случаѣ надобности, и убійствъ правящихъ лицъ. Въ это общество могутъ поступать лица всѣхъ націй, въ томъ числѣ и русскіе, коимъ общество можетъ оказывать содѣйствіе. Уже и прежде, въ теченіе 1865 г., въ компаніи товарищей или въ этихъ собраніяхъ молодежи въ «Организаціи» поднимались не разъ вопросы, какія средства могутъ быть принимаемы для достиженія извѣстныхъ цѣлей, допускается-ли возможность совершить преступленіе при извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ? Высказывались мысли: что «если крестьяне будутъ недовольны извѣстными людьми, помѣщиками или управляющими, то хорошо такихъ людей убивать» и т. п.

Когда же въ концѣ 1865 г. Ишутинъ возвратился въ Москву, то на основаніи слышаннаго имъ объ Европейскомъ Комитетѣ сталъ разсказывать самымъ близкимъ изъ своихъ товарищей, на которыхъ имѣлъ болѣе вліянія и въ которыхъ былъ болѣе увѣренъ, что вотъ и намъ бы слѣдовало предпринять что-нибудь болѣе рѣшительное, болѣе полезное, не ограничиваться одними разговорами, а примкнуть къ Европейскому Комитету, «совершить что-нибудь, что расшевелитъ молчащую толпу, привлечетъ къ намъ многихъ, произведетъ вліяніе на народъ, т. е. цареубійство».

зывали объ немъ, что онъ, «*никогда не ставилъ вопроса прямо*», что онъ просто хвастунъ, враль, готовый подчасъ и солгать, но тѣмъ не менѣе, какъ горячій говорунъ и высказывавшій весьма симпатичныя, бывшія въ ходу идеи, имѣлъ большое вліяніе на многихъ изъ сотоварищей (въ особенности на крайне милаго и симпатичнаго юнаго Ермолова).

— «Для этого—говорилъ Ишутинъ—мы, на это согласные, изъ кружка «Организаціи», составимъ особый кружокъ». Пошли толки, споры, возраженія, насмѣшки. Нѣкоторые прямо противъ этого возстали, не соглашались и стали между собою сговариваться о томъ, чтобы не допускать ничего подобнаго, потому что такой шагъ повредитъ всему дѣлу помощи въ развитіи экономическаго и нравственнаго быта народа,—другіе вышучивали кровожадныя предложенія Ишутина, предлагая назвать этотъ новый кружокъ «*Адомъ*», а членовъ его «*Мортусами*» [1]), третьи ничего не говорили, а молчали и не возражали.

Все это болѣе или менѣе подробно изложено въ запискѣ министра юстиціи, приложенной къ обвинительнымъ актамъ второй группы, и въ общемъ изложено вѣрно.

На всѣхъ этихъ собраніяхъ не было ничего окончательно выясненнаго, были разговоры, споры, но ничего не было установленнаго, рѣшеннаго, обязательнаго для всѣхъ; однимъ словомъ, не было ни общества, ни устава.

Но такъ или иначе, одинъ изъ посѣщавшихъ эти сходки, сборища товарищей, постоянно молчаливый и принимавшійся многими изъ товарищей по своимъ странностямъ за «*сумасшедшаго*» (sic), Каракозовъ, какъ выше сказано, на 4—5 недѣлѣ поста 1866 г., вдругъ уѣхалъ изъ Москвы. Первый перепугался тотъ же Ишутинъ и вотъ почему: когда Каракозовъ лежалъ еще въ клиникѣ, то просилъ достать себѣ морфія или яду... съ какою же цѣлью?—Этого изъ показаній подсудимыхъ, все его товарищей, не видно. Нѣкоторые же изъ подсудимыхъ показывали, что Каракозовъ прямо высказывался за цареубійство, такъ же, какъ и Ишутинъ, повидимому поднявшій этотъ вопросъ. Затѣмъ, когда онъ выздоровѣлъ, то, по показаніямъ на судѣ его товарищей, они узнали, что онъ купилъ пистолетъ, у него былъ порохъ; а Ишутинъ показывалъ на судѣ, что Каракозовъ нѣсколько разъ высказывалъ ему, что положеніе «Россіи бѣдственно, что ей ни въ какомъ случаѣ не могутъ помочь никакія филантропическія предположенія, и что необходимъ болѣе или менѣе рѣзкій, какой-нибудь рѣшительный фактъ, что своимъ преступленіемъ онъ можетъ принести пользу народу». Нѣкоторые товарищи его на судѣ показывали, что когда происходили разговоры о цареубійствахъ еще весною 1865 г. и потомъ по пріѣздѣ Ишутина изъ Петербурга въ концѣ 1865 или началѣ 1866 г., Каракозовъ хотя не высказывался съ рѣшительностью [2]) по этому вопросу, но повидимому ему сочувствовалъ. Когда въ Великомъ Посту пріѣхалъ изъ Петербурга Худяковъ, сообщилъ Ишутину,

---

[1]) „Адомъ“ предлагали назвать въ противоположность ассоціаціи, кажется, „Швейной“, въ 3-мъ этажѣ того дома, который они называли въ шутку „Вальпарайзо“.

[2]) Многіе, какъ и онъ, были пензяки, воспитанники Пензенской гимназіи; очень курьезно, что и впослѣдствіи, въ процессѣ 193, происходившемъ въ концѣ 1877 г., тоже была довольно большая группа пензяковъ.

что Каракозовъ въ Петербургѣ, и при этомъ спросилъ: «что за страннаго или сумасшедшаго человѣка вы мнѣ послали?», то Ишутинъ и его ближайшіе товарищи (Ермоловъ, Странденъ, Юрасовъ, Загибаловъ, Мотковъ) перепугались и рѣшили вытребовать его оттуда. Главнѣйшимъ же поводомъ требованія Каракозова изъ Петербурга была очевидно записка, найденная на его квартирѣ, въ которой было написано, что онъ намѣренъ покуситься на жизнь государя. Одинъ изъ подсудимыхъ припомнилъ, что въ этой запискѣ было написано: «я настолько боленъ, что чувствую себя неспособнымъ ни къ какой дѣятельности, работайте одни, предоставьте меня моей судьбѣ».

Если это было не всѣмъ его товарищамъ извѣстно, то было извѣстно двоюродному брату, Ишутину; оттого онъ и перепугался болѣе всѣхъ другихъ и предложилъ поѣхать за нимъ съ Ермоловымъ. Но Странденъ и другіе между собою стали говорить, что ѣхать Ермолову съ Ишутинымъ все равно, что ѣхать одному Ишутину, такъ какъ Ермоловъ находился подъ полнѣйшимъ вліяніемъ Ишутина, а такъ какъ Ишутинъ никогда не ставитъ вопроса прямо и все изворачивается, а съ Каракозовымъ всегда надо говорить очень деликатно, то изъ его посылки ничего не произойдетъ. Между тѣмъ Странденъ въ это время приготовлялся участвовать въ освобожденіи изъ ссылки Чернышевскаго и долженъ былъ ѣхать въ Сибирь. Для этого уже шли подготовленія, доставались деньги и все, что предполагалось необходимымъ для побѣга; Странденъ запасся даже ядомъ (ядъ былъ у многихъ изъ членовъ организаціи; они имъ запасались для принятія въ случаѣ какихъ-либо покушеній и носили его въ пуговицахъ). Ишутинъ досталъ Страндену два фальшивыхъ паспорта, а Худяковъ далъ рекомендательныя письма въ Иркутскъ и Кузнецкъ. Такъ какъ Страндену нужно было переговорить въ Петербургѣ съ лицами, подготовлявшими освобожденіе Чернышевскаго, то рѣшено было, что поѣдетъ съ Ермоловымъ онъ, и они потребуютъ, чтобы Каракозовъ немедленно вернулся въ Москву, а по его возвращеніи постановятъ въ своемъ кружкѣ обязательство, чтобы никто не смѣлъ самовольно что-либо предпринимать иначе, какъ по общему рѣшенію. Но въ Петербургѣ, ни Ермоловъ, ни Странденъ не знали адреса Каракозова, а потому стали его разыскивать по публикаціямъ въ газетахъ о пріѣзжающихъ, ходили для этого въ Публичную Библіотеку, ничего, разумѣется, не выискали, и совершенно случайно, около Бѣговъ на Невѣ, Страндена кто-то хлопнулъ по плечу. Это оказался Каракозовъ! Вслѣдъ затѣмъ онъ пришелъ къ нимъ (Ермолову и Страндену) въ гостиницу и на вопросы: для чего онъ уѣхалъ тайно, и что онъ тутъ дѣлаетъ, объяснилъ, что онъ пріѣхалъ, чтобы поступить на фабрику и тамъ пропагандировать между рабочими.

Ему возразили, что для этого нечего уѣзжать изъ Москвы, что и тамъ это можно дѣлать и, такъ какъ подозрѣвали его въ намѣреніи совершить цареубійство, то и спросили его объ этомъ, и

онъ сказалъ: «а хоть бы и такъ» и наконецъ сознался, что дѣйствительно пріѣхалъ съ намѣреніемъ совершить цареубійство. Они стали его всячески убѣждать, отговаривать и добились того, что онъ имъ далъ честное слово, что не совершитъ этого и вернется скоро въ Москву. Успокоенные этимъ и увѣренные, что онъ сдержитъ слово, они уѣхали въ Москву и дѣйствительно чрезъ нѣсколько времени послѣ того вернулся и Каракозовъ. Онъ, разумѣется, видѣлся съ Ишутинымъ и другими, и всѣмъ было извѣстно, что онъ далъ слово не совершать преступленія, всѣ были спокойны и увѣрены въ томъ, что онъ сдержитъ слово, какъ вдругъ онъ, пробывши въ Москвѣ два-три дня, исчезъ, не говоря никому ни слова, и затѣмъ разнеслась вѣсть о покушеніи 4 апрѣля. Для товарищей не было сомнѣнія, что это сдѣлалъ онъ.

На судѣ выяснилось свидѣтельскими показаніями все то, что выше изложено и заключается въ упомянутой выше запискѣ министра юстиціи, которая вообще составлена безпристрастно. Вообще, министръ юстиціи на судѣ въ качествѣ обвинителя держалъ себя замѣчательно корректно, не пересаливалъ въ обвиненіи, не старался добиться, какъ впослѣдствіи многіе прокуроры и въ судахъ, и въ палатахъ, какихъ-нибудь особыхъ признаній, не дѣлалъ натяжекъ, не задавалъ придирчивыхъ вопросовъ, вообще держалъ себя очень спокойно, какъ бы желая выполнить именно ту роль добросовѣстнаго прокурора, которая представлялась въ умѣ составителей только что утвержденныхъ судебныхъ уставовъ. То же самое надо сказать и о предсѣдателѣ Верховнаго суда, князѣ П. П. Гагаринѣ, который предсѣдательствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи Судебныхъ Уставовъ, всячески поддерживалъ при проведеніи и общихъ началъ и подробностей уставовъ главнаго руководителя по этимъ работамъ С. И. Заруднаго; поэтому, предсѣдательствуя въ Верховномъ судѣ, учрежденномъ и въ 1-й разъ функціонировавшемъ на основаніи этихъ судебныхъ уставовъ, старался (разумѣется, насколько понималъ) всячески придерживаться этихъ уставовъ какъ въ отношеніи ихъ духа, такъ и ихъ буквы. Но при этомъ случались всетаки курьезные факты. Напр. одинъ изъ членовъ Верховнаго суда (не помню, графъ Панинъ или принцъ Ольденбургскій) предлагаетъ одному изъ подсудимыхъ, пока допрашивавшемуся въ качествѣ свидѣтеля, именно Моткову, такой вопросъ, отвѣтивъ на который, Мотковъ могъ бы дать вредное для себя показаніе; тогда защитникъ Моткова, А. Н. Турчаниновъ, всталъ и сказалъ, что такого вопроса свидѣтелю дѣлать нельзя, и князь Гагаринъ поддержалъ Турчанинова и, обращаясь къ Панину или принцу Ольденбургскому, сказалъ: «Да-съ, этого вопроса нельзя дѣлать», и, обратившись къ Турчанинову сказалъ: «Вы можете сказать за него». Турчаниновъ отвѣтилъ: «За свидѣтеля я не нахожу возможнымъ говорить».

Вообще, кн. Гагаринъ относился внимательно, въ высшей степени предупредительно къ защитникамъ, обращаясь къ нимъ

часто по именамъ, а не со словами: «г. защитникъ», и старался какъ бы поддерживать ихъ при исполненіи ими въ первый разъ ихъ обязанностей по новымъ уставамъ въ такомъ судѣ и еще по такому дѣлу. Бывали, разумѣется, и легкіе судопроизводственные промахи; напр. допрашивается Каракозовъ, и когда членъ суда кончилъ допросъ, то кн. Гагаринъ, обращаясь къ министру юстиціи, предлагаетъ ему допрашивать Каракозова, но Замятнинъ (вѣроятно, наученный Стояновскимъ) говоритъ: «не имѣю права спрашивать подсудимаго, а только свидѣтелей» (это было первое засѣданіе 18-го августа); это же повторялось и потомъ; или допрашивается подсудимый сначала прокуроромъ и членами суда, а затѣмъ предсѣдатель обращается къ защитнику этого подсудимаго и говоритъ: «не угодно-ли вамъ спросить подсудимаго?» Это какъ разъ было со мною, когда допрашивали Ишутина, котораго я защищалъ. Я замѣтилъ, что я не считаю себя въ правѣ допрашивать его. Кн. Гагаринъ: «коль скоро вамъ даютъ право, такъ вы можете имъ пользоваться».

Возвращаясь къ изложенію того, что происходило на этомъ судѣ, повторяю, что на судѣ выяснилось, что настоящаго общества, имѣющаго утвержденный Уставъ, не было, были только сходки, сборища разныхъ болѣе или менѣе близкихъ другъ къ другу лицъ, были разговоры и предположенія относительно существующихъ порядковъ, правленія, правительства, экономическаго и соціальнаго положенія народа, были разсужденія, какъ пособить этому, какими способами и средствами измѣнить и поправить существующіе порядки. Говорилось и о взаимной помощи, и о складчинѣ, объ ассоціаціяхъ, *объ измѣненіи* формъ правленія и т. д. [1]). Нѣкоторые изъ членовъ предлагали прибѣгать ко всякаго рода средствамъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей, на основаніи принципа, что «*цѣль* оправдываетъ средства». Для полученія матеріальныхъ средствъ для осуществленія предположеній товарищей нѣкоторые члены этой компаніи, какъ напр. Ермоловъ говорилъ, что онъ по достиженіи совершеннолѣтія пожертвуетъ все свое состояніе на средства общества (а его имѣніе оцѣнивалось что-то около 30 т. руб., и онъ уже далъ на разныя потребности кружка помнится, тысячи $1^1/_2$ или 2; были и такіе, какъ дворянинъ Викторъ Ѳедосѣевъ (Тамбов. губ., Кирсанов. уѣзда, лѣтъ 18—20), который намѣревался отравить своего отца для того, чтобы воспользоваться въ тѣхъ же цѣляхъ его состояніемъ. Этотъ Ѳедосѣевъ на вопросъ министра юстиціи: «кто вамъ подалъ мысль объ отравленіи отца?» отвѣтилъ «никто, я самъ». Были такія предложенія: что надо ограбить почту и т. д. Однимъ словомъ,

---

[1]) Въ числѣ разговоровъ и мудрыхъ предположеній было такое: „*заставить*“ или „*просить* правительство ввести соціализмъ“. На судѣ нѣкоторые подсудимые говорили, что „для *введенія соціализма* они хотѣли перевести нѣкоторыя книжки“, а одинъ изъ подсудимыхъ, когда на сходкѣ шла о соціализмѣ рѣчь, спросилъ: „что такое соціализмъ?“ это все подлинныя выписки изъ показаній на судѣ. Но были предположенія и весьма крайнія: въ случаѣ надобности истребить всю царскую фамилію по очереди.

высказывались разныя мысли, предположенія и предложенія, которыя иногда приводились въ исполненіе послѣдующими обществами и бывали предметами обслѣдованія и обсужденія въ политическихъ процессахъ послѣдующихъ годовъ. Но повторяю, что ни по одному изъ предположеній, предложеній и мыслей не собиралось ни голосовъ, не было постановляемо рѣшеній, а тѣмъ болѣе не было единогласія: все были только разговоры и предположенія.

На судѣ, можно сказать, почти всѣ подсудимые держали себя достойно, нетрусливо, хотя уже многіе изъ нихъ на предварительномъ слѣдствіи проговаривались и указывали на такія обстоятельства и факты и на такихъ участниковъ ихъ собраній, которые безъ этихъ показаній не были бы и узнаны правительственною властью. Но это очевидно происходило прежде всего оттого, что всѣ они были поражены самымъ событіемъ покушенія; на многихъ дѣйствовалъ способъ допросовъ, производившихся слѣдственною коммиссіею, гдѣ предсѣдательствовалъ знаменитый М. Н Муравьевъ. Такъ напр. одинъ подсудимый показалъ, «что не помнитъ, что говорилъ, такъ какъ допросъ происходилъ до 3 часа ночи, когда сонъ смыкалъ глаза». То же говорили и многіе другіе. Подсудимые говорили, что боялись при допросахъ пытки. Нѣкоторые просто проболтались, а также, правда, и весьма немногіе стали даже совершенно отказываться отъ того, что предъ тѣмъ говорили [1]). Такъ къ числу послѣднихъ принадлежалъ Ишутинъ. Какъ выше сказано, онъ былъ по моему мнѣнію главнымъ запѣвалой во всемъ томъ, что дѣлалось и предполагалось: онъ завелъ рѣчь о цареубійствѣ, зналъ, что Каракозовъ въ 1-й разъ (на 4—5 недѣлѣ поста) поѣхалъ въ Петербургъ съ этой цѣлью и просилъ его возвратиться—какъ это видно было изъ разорваннаго письма его съ конвертомъ, найденнаго въ томъ № Знаменской гостинницы, гдѣ жилъ передъ совершеніемъ покушенія Каракозовъ; въ письмѣ этомъ онъ писалъ: «Милый другъ, пріѣзжай въ Москву, тебя очень нужно. Поговоримъ обстоятельнѣе, потомъ, ежели сочтешь нужнымъ, опять отправишься». Адресъ въ СПБ., на Выборгск. стор., въ Оренбургск. ул., д. № 23. Павлу Семенов. Щеткину (это былъ Цеткинъ). Съ передачею Дмитрію Владимірову.

Слѣдовательно, онъ зналъ и куда Каракозовъ уѣхалъ, и съ какою цѣлью, и гдѣ онъ жилъ, и даже подъ какимъ именемъ, и между тѣмъ послѣ того что Ишутинъ арестованъ, былъ допрошенъ, съ него были сняты показанія, онъ, сидя въ крѣпости, писалъ самъ собою, безъ всякихъ съ чьей-либо стороны настояній или указаній, письмо на имя кн. Гагарина, въ которомъ говорилъ, «что самъ никогда не покусился бы на жизнь Государя, даровавшаго свободу милліонамъ, и отговаривалъ двоюроднаго брата отъ его намѣренія» и ничего «не зналъ объ его по-

---

[1]) Когда на вопросъ предсѣдателя Странденъ сказалъ, что многіе носили ядъ, потому что боялись пытки, то одинъ изъ членовъ суда замѣтилъ: если у васъ совѣсть чиста, почему вы боялись пытки? и гр. Панинъ его поддерживалъ: «Пытки въ Россіи нѣтъ. Каракозовъ носилъ ядъ при себѣ; кто будетъ носить ядъ, коль скоро правъ!»

ѣздкѣ» и т. д. Выше приведенное письмо показываетъ, что онъ зналъ о поѣздкѣ и цѣли ея, да и письмо къ Гагарину указываетъ на то же самое. Разумѣется, его нельзя обвинять въ томъ, что онъ на судѣ старался всячески себя выгородить и оправдаться; за это человѣка, находящагося подъ угрозой смертной казни, обвинить нельзя. Если я привожу кое-что изъ его оправданій, то только чтобы сопоставить его показанія съ показаніями другихъ его товарищей, которые ни отъ чего не отказывались, ни къ какимъ оправданіямъ не прибѣгали, писемъ къ Гагарину и ни къ кому не писали, а говорили какъ это есть,—начиная съ самого Каракозова—многое и въ пользу свою, многое и противъ себя. Не могу не привести при этомъ одного эпизода во время судебныхъ преній. Въ числѣ подсудимыхъ 1-й группы былъ Петръ Ѳедоровичъ Николаевъ (дворянинъ 21—22 лѣтъ), кандидатъ Московскаго университета, готовившійся сдавать экзаменъ на магистра политической экономіи. Защитникомъ его, по назначенію, былъ присяжный повѣренный В. Э. Краузольдъ. Въ рѣчи своей, разумѣется, онъ старался всячески умалить приписываемую Николаеву вину и объяснялъ разныя высказывавшіяся имъ на допросахъ идеи молодостью, необдуманностью и т. д. Говорилъ Краузольдъ недолго, очень спокойно, умно и когда онъ кончилъ, то кн. Гагаринъ спросилъ Николаева (онъ обращался къ каждому подсудимому, по окончаніи рѣчи защитника): не хочетъ-ли онъ еще что-либо прибавить? Николаевъ, очень пылкій, горячій, умный и развитой молодой человѣкъ, сталъ говорить, что онъ совершенно не согласенъ съ защитникомъ, сталъ развивать соціалистическія теоріи и между прочимъ говорилъ, что вопросъ о цареубійствѣ вопросъ философско-политическій, что теорію объ этомъ развивали очень многіе знаменитые ученые уже въ Средніе вѣка, напр. знаменитый Кампанелла и еще такіе то и т. д. Кн. Гагаринъ, который очень внимательно выслушивалъ всѣхъ защитниковъ и былъ повидимому очень доволенъ рѣчью Краузольда, старался остановить нѣсколько разъ Николаева и говорилъ ему: «Молодой человѣкъ, остановитесь, что вы говорите: вашъ защитникъ такъ прекрасно объяснилъ всѣ ваши побужденія и вашъ образъ мыслей. Но тотъ не унимался, и Гагаринъ насилу остановилъ его, стараясь замять его рѣчь. Да и дѣйствительно Николаевъ не принималъ, сколько помню, никакого особаго участія въ кружкѣ и если выдѣлялся, то только развитіемъ, начитанностью и горячностью.—Изъ показаній самого Каракозова и нѣкоторыхъ подсудимыхъ 1-й группы были очень интересны намеки и указанія на то, что Каракозовъ, когда пріѣхалъ въ 1-й разъ въ Петербургъ, то сошелся съ какою-то партіей конституціонною, «константиновскою», которая имѣла въ виду совершить переворотъ. Каракозовъ съ самаго же начала на судѣ показалъ, что о намѣреніи его совершить цареубійство Ишутинъ и др. могли догадываться, но что онъ будто имъ объ этомъ не говорилъ. Но

Ишутинъ и Ермоловъ на судѣ послѣ разныхъ отрицаній показали, что онъ имъ говорилъ, что считаетъ цареубійство полезнымъ. Далѣе Каракозовъ говорилъ, что онъ объ этомъ говорилъ въ Петербургѣ только Худякову и Кобылину, но и тотъ и другой этого не подтвердили, и это показаніе судомъ не было признано. О ядѣ, найденномъ при немъ (стрихнинъ и синильная кислота, которые онъ получилъ, по его словамъ, отъ Кобылина), онъ показалъ, что имѣлъ ихъ при себѣ для того, чтобы принять немедленно по совершеніи покушенія, а на вопросъ почему его не принялъ, отвѣчалъ, что «это было отъ состоянія, отъ потрясенія при совершеніи: я былъ въ оцѣпенѣніи».

Когда кн. Гагаринъ замѣтилъ, что однако свидѣтели показываютъ, что онъ, выстрѣливъ, побѣжалъ,—онъ сказалъ на это: «я этого не помню». Что за партія, константиновская или конституціонная—этого на судѣ не выяснилось, хотя въ слѣдственномъ дѣлѣ (слѣдствіе производилось Н. А. Огаревымъ и М. Н. Муравьевымъ) есть,—сколько я помню, какіе-то намеки на будто константиновскую (!?) партію [1]).

Какіе-то намеки встрѣчаются въ письмѣ Каракозова на имя Ишутина, найденномъ въ карманѣ Каракозова при его арестѣ. Вотъ оно: «Дорогой другъ, свинья братъ ты, Николай Андреевичъ,—не съумѣлъ поставить вопросъ прямо. Ужъ относительно тебя, кажется, не могло возникнуть различныхъ мнѣній и недоразумѣній, насколько ты знаешь мою личность, а потому я объясняю это неумѣстностью. Тоже самое относительно документа; ты вѣдь очень хорошо понималъ, какъ мнѣ нужна эта вещь для того, чтобы выгоднѣе обставить дѣло, и время потеряно на совершенно ненужную поѣздку, которая не принесла результата.

Ну, да чертъ съ тобою, прощаются тебѣ всѣ твои прегрѣшенія, потому ты самъ долженъ это восчувствовать! Ну, да не время сѣтовать, а нужно перейти къ дѣлу. Ты знаешь, что знакомые мои, о которыхъ я тебѣ говорилъ, предполагаютъ начать дѣло очень скоро, но это дѣло не наше, путь нашъ совершенно иной и мы не сходились не только въ средствахъ, но и въ самой цѣли. Ты понимаешь, что если произойдетъ такой афронтъ, то одинъ чертъ на дьяволѣ, и К. можетъ тѣмъ или другимъ способомъ обезпечить себѣ спокойное и безмятежное состояніе. То есть результаты были бы другіе, если бы у насъ было поболѣе деньговъ, да поболѣе силъ несконцентрированныхъ; но такъ какъ въ настоящемъ этого нѣтъ, то отъ такихъ порядковъ положительный вредъ. Нужно собраться съ силами и на

---

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ шла рѣчь о мнѣнической партіи „константиновцевъ“, т. е. приверженцевъ Константина Николаевича, якобы имѣвшаго въ качествѣ *старшаго сына государя* (Александръ Николаевичъ родился, когда Николай Павловичъ былъ еще только *великимъ княземъ*) больше правъ на престолъ, чѣмъ Александръ Николаевичъ, и будто бы домогавшагося осуществленія своихъ правъ. Муравьевъ былъ въ этомъ совершенно убѣжденъ и подозрѣвалъ Константина во многихъ крамольныхъ замыслахъ и даже фактахъ. Объ этомъ существуютъ свидѣтельства и въ литературѣ. *Ред.*

нѣкоторое время отдалить подобный исходъ. Само собою разумѣется, что какой нибудь единичный фактъ въ настоящее время несравненно полезнѣе для компаніи акціонеровъ нашихъ обоихъ фирмъ. Само собою также разумѣется, что заинтересованные въ этомъ дѣлѣ акціонеры при различныхъ столкновеніяхъ должны проводить ту мысль, что это дѣло не совсѣмъ то чистое, что для многихъ оно невыгодно, потому что ведется въ интересахъ одной только стороны.

Конечно, тутъ нужно быть вообще умѣреннымъ въ изъясненіяхъ, дабы не помѣшать всетаки по истеченіи извѣстнаго времени успѣху ихъ дѣла, потому что это для нихъ будетъ хорошимъ средствомъ. А мы отлично тутъ можемъ понажиться. Ты вѣроятно читалъ въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ о томъ, что устроилось общество поземельнаго кредита, такъ нужно, необходимо его имѣть ввиду и постараться выдержать конкуренцію. Прощайте, друзья, въ ожиданіи добрыхъ вѣстей». (Письмо безъ числа и безъ подписи).

Болѣе, чего нибудь особенно замѣчательнаго, изъ показаній Каракозова у меня ничего не сохранилось и я ничего не припомню. Все болѣе замѣчательное изъ показаній мною изложено выше. Какъ сказано, процессъ начался 18 августа 1866 года. Защитниками были назначены княземъ Гагаринымъ все присяжные повѣренные только что организовавшагося сословія. а именно:

1) Д. В. Каракозову—Алексѣй Петр. Остряковъ.
2) Н. А. Ишутину—Дм. Вас. Стасовъ.
3) П. Д. Ермолову (20 л.)—Степ. Ив. Петренко.
4) Н. П. Страндену—Г. Г. Принцъ.
5) Д. А. Юрасову (24 л.)—Н. А. Тимротъ.
6) М. Н. Загибалову (22 л.)—Арк. Добролюбовъ.
7) О. А. Моткову (20 л.)—А-ръ Никол. Турчаниновъ.
8) В. Н. Шаганову (26 л.)—Вл. Вас. Самарскій-Быховецъ.
9) И. А. Худякову—Викт. Павл. Гаевскій.
10 А. А. Кобылину (23 л.) Я. Марк. Серебряный.
11) П. Ф. Николаеву (21 г.). Вл. Эм. Краузольдъ.

Всѣ подсудимые, какъ видно, были люди молодые; у меня записано, что Мотковъ былъ изъ вольноотпущенныхъ отъ г. Кандаурова, учился въ Тамбов. гимназіи. Шагановъ, купецъ Орлов. губ., губерн. секретарь, кончилъ въ унив. дѣйствительнымъ студентомъ по юридич. факультету, былъ въ послѣднее время судебнымъ слѣдователемъ. Кобылинъ готовился быть докторомъ. О положеніи и лѣтахъ другихъ упомянуто выше, о нѣкоторыхъ свѣдѣнія у меня не записаны.

Самыя трудныя защиты были защиты Каракозова и Ишутина. Остряковъ сказалъ прекрасно все, что только можно было сказать въ такомъ безнадежномъ дѣлѣ. Очень остроумна была рѣчь Серебрянаго въ защиту Кобылина, и очень сердечная рѣчь Ст. Ив. Петренко въ защиту Ермолова. Ермоловъ былъ чуть не самымъ молодымъ изъ всѣхъ подсудимыхъ. ему было лѣтъ 17—18. Неболь-

Дмитрій Владиміровичъ
КАРАКОЗОВЪ.

шого роста, худенькій, чрезвычайно милый, съ прелестными глазами, симпатичнымъ голосомъ, онъ на всѣхъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе, и Петренко сказалъ въ его защиту чрезвычайно прочувствованную рѣчь, какую бы могъ сказать отецъ въ защиту своего сына. Петренко хотя былъ женатъ, но у него дѣтей не было. Замѣчательно то, что Петренко принадлежалъ къ числу старыхъ чиновниковъ сената, отбылъ прежде службу по второму департаменту Сената, былъ очень способнымъ и умнымъ человѣкомъ и, несмотря на свой пожилой возрастъ, съ самаго начала открытія новыхъ судовъ, вступилъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ и съ сердечною горячностью защищалъ Ермолова. Отъ прочихъ рѣчей у меня въ памяти ничего не осталось. Судъ вообще торопился вести дѣло и кончить его до ожидавшагося пріѣзда принцессы Датской Дагмары, назначеннаго въ сентябрѣ. Засѣданія происходили въ залѣ комендантской квартиры въ самой Петропавловской крѣпости; въ сосѣднихъ съ залою комнатахъ находилось и все слѣдственное дѣло, которое защитники изучали каждый день, но прочесть всего не было никакой возможности, такъ оно было огромно. Очень хорошо помню, какъ въ комендантскую квартиру пріѣхалъ еще до слушанія дѣла принцъ Ольденбургскій, также для чтенія дѣла или почему то другому, и, встрѣтивъ нѣсколькихъ присяжныхъ повѣренныхъ изъ бывшихъ правовѣдовъ, обратился ко мнѣ и сказалъ: «И охота вамъ защищать такихъ негодяевъ». Я ему отвѣтилъ, что мы для этого назначены, и дѣло это защищаемъ по назначенію кн. Гагарина. Тогда принцъ сказалъ: «желаю вамъ полнаго неуспѣха». На это Турчаниновъ отвѣтилъ: «А мы—напротивъ, надѣемся, что мы должны имѣть успѣхъ».

Засѣданія начинались обыкновенно около 12 часовъ и продолжались до 6—7½ ч., съ небольшимъ перерывомъ для завтрака a la fourchette, который былъ общій и для членовъ суда, и для обвиненія, и для защитниковъ.—Съ министромъ юстиціи сидѣлъ всегда за обвинительнымъ столомъ и товарищъ его Н. И. Стояновскій и директоръ департамента м-ра юстиціи баронъ Е. Е. Врангель, должность секретарей суда исполняли Я. Г. Есиповичъ и Н. И. Селифонтовъ, который служилъ тогда чѣмъ-то въ комитетѣ министровъ (кажется, онъ считался секретаремъ при кн. Гагаринѣ). Приговорены были Каракозовъ и Ишутинъ къ смертной казни. Прочіе всѣ и лица, принадлежащія ко второй группѣ, къ каторжнымъ работамъ на разные сроки. Когда кн. Гагаринъ прочелъ приговоръ Верховнаго суда, то онъ затѣмъ сказалъ, что «нынѣшній приговоръ долженъ свидѣтельствовать о томъ великомъ значеніи, которое имѣетъ введеніе новаго суда, при порядкахъ котораго можно было выяснить вполнѣ обстоятельства дѣла и выслушать такой приговоръ». И, обращаясь къ Кобылину, (совершенно оправданному), сказалъ: «въ особенности вы, молодой человѣкъ, должны это помнить и чувствовать».

И говорилъ это Гагаринъ взволнованнымъ голосомъ и съ большимъ чувствомъ. Въ день, назначенный для объявленія приго-

вора по 1-й группѣ, я пріѣхалъ въ судъ нѣсколько ранѣе другихъ и, не помню, кто-то мнѣ сказалъ, что Каракозовъ уже приведенъ изъ своей тюрьмы и находится въ домашней церкви коменданта, куда можно было недалеко пройти изъ залы. Я туда пошелъ и нашелъ Каракозова стоящимъ посреди церкви на колѣняхъ; онъ былъ совершенно одинъ и молился съ такимъ рвеніемъ, былъ такъ поглощенъ и проникнутъ молитвою, точно находился въ состояніи какого-то вдохновенія, какого мнѣ никогда ни у кого не случалось видѣть. Выслушалъ онъ приговоръ совершенно спокойно; сколько помнится, не сказалъ ни слова. Казненъ онъ былъ на Смоленскомъ полѣ. Ишутинъ подавалъ просьбу о помилованіи, но былъ привезенъ также на мѣсто казни, тамъ ему былъ прочитанъ приговоръ, надѣтъ саванъ и спущенъ на глаза колпакъ, и въ то время, когда надо было уже вздѣть на веревку, явился фельдъегерь, объявившій помилованіе—замѣну смертной казни, сколько помню, пожизненной каторгой!

Къ чему было заставлять человѣка испытывать весь ужасъ приближающейся казни, когда уже рѣшено было его помиловать! Этотъ же самый пріемъ былъ примѣненъ и надъ Петрашевцами, но то было при Имп. Николаѣ I. [1])

Д. В. Стасовъ.

Приложенія.

1.

Объяснительная записка о преступленіяхъ членовъ революціоннаго общества «Организація».

4-го минувшаго апрѣля дворянинъ Дмитрій Владиміровъ Каракозовъ совершилъ преступное покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора.

Производство изслѣдованія о причинахъ, побудившихъ Каракозова рѣшиться на это преступленіе, было поручено Высочайше утвержденной Слѣдственной Коммисіи.

Преступленіе Каракозова, какъ оказалось по слѣдствію, было результатомъ преступной дѣятельности нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые, увлекаясь мыслью содѣйствовать цареубійствами успѣху революціонныхъ стремленій, перешедшею къ нимъ отъ проживающихъ

---

[1]) Въ апрѣльской книгѣ «Историч. Вѣстника» за 1906 г., стр. 86, въ ст. г. Рембелинскаго сказано, что совершеніе казни надъ Ишутинымъ происходило весною; г. Рембелинскій поѣхалъ съ братомъ на мѣсто казни и къ удивленію обогналъ не мало экипажей съ элегантными въ весеннихъ туалетахъ дамами и т. д. Но врядъ-ли онъ видѣлъ всѣ эти весенніе туалеты, такъ какъ казнь Ишутина происходила осенью, именно 4 окт. 1866 г. (См. Сенат. вѣд. 1866 г., окт. 4 № 79).

за границею русскихъ изгнанниковъ чрезъ посредство домашняго учителя Худякова, составили въ Москвѣ тайное общество подъ названіемъ „Адъ“, имѣвшее цѣлью осуществить въ Россіи столь преступное предположеніе.

Подъ вліяніемъ разсужденій, слышанныхъ Каракозовымъ въ обществѣ „Адъ“, котораго онъ былъ членомъ, Каракозовъ, не ожидая содѣйствія своихъ товарищей, совершилъ покушеніе на жизнь Его Императорскаго Величества.

По обнаруженіи въ слѣдствіе этого событія существованія общества „Адъ“, члены его были арестованы. Большая часть изъ нихъ сознались въ своей винѣ и на сдѣланныхъ имъ допросамъ указали, какимъ путемъ они дошли до образованія этого общества.

Изъ ихъ показаній видно, что еще въ 1863 году въ Москвѣ составился кружокъ, который имѣлъ преимущественно цѣлью распространеніе между студентами соціалистическихъ идей и возбужденіе ихъ къ политической дѣятельности для произведенія въ государствѣ экономическаго переворота.

Кружокъ этотъ, постепенно увеличиваясь, измѣнялъ свое направленіе. Отъ распространенія соціалистическихъ идей между студентами, дѣятели его перешли къ распространенію ихъ въ народѣ и рабочемъ классѣ. Засимъ они старались осуществить свои мысли на практикѣ и устраивали разныя заведенія на началахъ ассоціаціи. Въ лицахъ, принимавшихъ участіе въ сихъ предпріятіяхъ, они отыскивали новыхъ дѣятелей и такимъ образомъ составилось довольно значительное число недовольныхъ людей, желавшихъ произвести преобразованіе въ существующемъ порядкѣ государственнаго управленія.

Въ 1865 году у руководителей этого движенія явилась мысль организовать свою дѣятельность на правильныхъ началахъ и точно опредѣлить ея цѣль. Они стали собирать своихъ единомышленниковъ на сходки, на которыхъ обсуждали разныя предположенія и опредѣляли цѣль общества и будущія его дѣйствія.

Члены этого общества, называвшагося „Организація“, не были согласны между собою во многихъ своихъ предположеніяхъ, такъ напримѣръ, относительно средствъ къ достиженію предполагаемыхъ цѣлей; нѣкоторые предлагали считать всѣ средства дозволенными, не исключая самыхъ гнусныхъ преступленій, если они могутъ быть для общества чѣмъ либо полезными, но другіе смѣялись надъ подобными предложеніями и не придавали имъ никакого серіознаго значенія.

Подобныя-же разнорѣчія существовали и по вопросамъ о цѣли общества и порядкѣ его дѣйствій. Болѣе дѣятельные члены „Организаціи“ старались привести своихъ товарищей къ соглашенію изготовленіемъ писанныхъ уставовъ. Одинъ уставъ былъ написанъ Шагановымъ, а другой Ермоловымъ и Мотковымъ. Эти уставы были прочитаны на сходкахъ „Организаціи“, но однако не были утверждены и въ Великомъ Посту текущаго года еще обсуждались представителями разныхъ мнѣній, господствовавшихъ между членами „Организаціи“. Когда преступленіе Каракозова возбудило опасеніе законнаго преслѣдованія, уставы „Организаціи“ были уничтожены.

*

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ объ уставахъ Шаганова, Моткова и Ермолова, общество „Организація“ должно было получить окончательное устройство слѣдующимъ образомъ:

Нѣсколько членовъ должны были составлять въ Москвѣ центральную агентуру. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ знакомиться съ поляками и заводить сношенія съ другими обществами, другой набирать новыхъ членовъ, третій поддерживать сношенія съ членами губернскими, знать объ ихъ дѣйствіяхъ, завѣдывать библіотекой, посылать изъ нея губернскимъ членамъ книги и, если нужны, деньги изъ процентовъ, вырученныхъ въ библіотекѣ. Капиталъ для открытія библіотеки хотѣлъ дать Ермоловъ, по продажѣ своего имѣнія, когда будетъ совершеннолѣтенъ.

Тѣ члены, которые обязаны были разъѣхаться по губерніямъ, какъ только найдутъ себѣ въ одномъ изъ городовъ занятія, обезпечивающія ихъ существованіе, или если будутъ средства для открытія губернской библіотеки, должны были знакомиться съ семинаристами и вообще молодыми людьми и убѣждать ихъ дѣлаться сельскими учителями, стараться открывать различнаго рода ассоціаціи, сноситься съ сельскими членами и въ случаѣ нужды помогать имъ деньгами и книгами. Сельскіе члены-учителя должны были устраивать при школахъ ремесленныя заведенія, сообразныя съ потребностями мѣстности, объяснять крестьянамъ, что единственное средство улучшить ихъ положеніе—круговая поддержка и устройство ассоціацій.

При этомъ порядкѣ всѣ сельскіе члены опредѣленныхъ мѣстностей должны были быть извѣстны и совершенно подчинены губернскимъ членамъ организаціи, которые, въ свою очередь, должны были находиться въ зависимости отъ „центральной агентуры“, обязанной всѣмъ имъ давать соотвѣтствующее направленіе.

Означенное устройство общества, какъ уже было выше сказано, еще не было приведено въ исполненіе, однако нѣкоторые члены „Организаціи“ уже готовы были приступить къ дѣйствіямъ, было предположеніе освободить сосланныхъ въ каторжную работу въ рудникахъ государственныхъ преступниковъ Чернышевскаго и Серно-Соловьевича; для освобожденія Чернышевскаго былъ избранъ для поѣздки въ Сибирь членъ „Организаціи“ Странденъ; для него были добыты яды и разныя наркотическія вещества, чтобы отравлять и усыплять стражей и такимъ образомъ освободить Чернышевскаго, который долженъ былъ остаться въ Москвѣ и стать во главѣ революціоннаго общества или бѣжать за границу и издавать тамъ журналъ, соотвѣтствующій цѣлямъ сего общества; членъ общества взаимнаго вспомоществованія Викторъ Федосѣевъ былъ подговоренъ отравить своего отца и пожертвовать наслѣдство, которое онъ получитъ, на пользу общества. Для осуществленія этого предположенія уже былъ добытъ ядъ и Федосѣевъ отправился въ Кирсановъ; были переговоры о покупкѣ ваточнаго завода въ Можайскомъ уѣздѣ для устройства его на соціальныхъ началахъ; было предположеніе объ устройствѣ того-же завода въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, для котораго даже былъ уже составленъ планъ; наконецъ предполагали убить купца Серебрякова и украсть у него

деньги, и избрали одного члена „Организаціи“ (Загибалова), который долженъ былъ поступить на службу почтальономъ и ограбить почту.

Во время всѣхъ этихъ разсужденій, предположеній и приготовленій зачинщики „Организаціи“, которые на ея сходкахъ были представителями самыхъ крайнихъ идей и наиболѣе преступныхъ намѣреній, уже образовали и устраивали новое общество „Адъ“.

Цѣль этого общества, устройство его и характеръ его дѣятельности подробно разъяснены при преданіи членовъ его суду Верховнаго Уголовнаго Суда.

Цѣлью общества „Организація“, по объясненію членовъ онаго, были: возбужденіе и приготовленіе народа путемъ соціальной пропаганды къ возстанію, требованіе за симъ у Правительства уступки, т. е. введенія соціализма, и, въ случаѣ сопротивленія,—устройство государства на соціалистическихъ началахъ путемъ революціоннымъ, по захватѣ Верховной власти въ свои руки и ниспроверженіи Правительства. (Показаніе Шаганова т. V, л. 389; т. VI, л. 221; Николая Ишутина т. V, л. 414; Максимиліана Загибалова т. VI, л. 33; Петра Ермолова т. V, л. 314; Николая Страндена т. V, л. 341; Малинина т. V, л. 299 об.; Дмитрія Юрасова т. VI, л. 88; Осипа Моткова т. VI, л. 234; Александра Иванова т. VI, л. 140; Дмитрія Иванова т. VII, л. 168; Василія Соболева Моск. д. л. 80; Феофана Борисова л. 132; соб. показ. Полумордвинова).

Изъ вышеизложенныхъ свѣдѣній видно, что всѣ лица, принадлежавшія къ „Организаціи“, имѣли явно преступное направленіе противъ Верховной власти и образа правленія, предусмотрѣнное въ 249 ст. Улож. о Наказ., и составили общество для осуществленія своихъ преступныхъ цѣлей, но дѣйствій онаго не было и вредныхъ послѣдствій не произошло, по случаю открытія ихъ злоумышленія заблаговременно Правительствомъ.

Эти лица раздѣлялись на отдѣльныя группы, носившія различныя наименованія. Главныя группы были слѣдующія: Ипатовцы (по фамиліи Ипатова, хозяина дома, въ которомъ они жили)—Каракозовъ, Ишутинъ, Юрасовъ, Ермоловъ, Странденъ и Загибаловъ; Малининцы (по фамиліи Малинина, съ которымъ они жили)—Малининъ, Мотковъ, Кочинъ, Александръ Ивановъ; Саратовцы (по мѣсту ихъ рожденія въ Саратовской губерніи)—Соболевъ, Борисовъ, Сергіевскій, Воскресенскій, Полумордвиновъ и Лапкинъ.

Ипатовцы были представителями самаго крайняго направленія, а стремленія Малининцевъ, какъ и Саратовцевъ были умѣреннѣе, но Малининцы были въ близкихъ сношеніяхъ съ Ипатовцами и потому имѣли болѣе участія въ ихъ различныхъ предположеніяхъ.

Когда образовалось общество „Адъ“, члены его, пріискивая себѣ товарищей, мало-по-малу знакомили съ своею цѣлью нѣкоторыхъ членовъ „Организаціи“. Однимъ они сообщали прямо о существованіи этого общества, съ другими они говорили только о своей цѣли, какъ о заслуживающей вниманія революціонной теоріи.

Отъѣздъ Каракозова въ Великомъ посту изъ Москвы въ Петербургъ былъ особенно знаменательнымъ событіемъ для общества „Адъ“. Зная хорошо личность Каракозова, его воззрѣнія и предположенія, члены

„Ада“ поняли, что цѣль ихъ общества можетъ быть приведена въ исполненіе. За симъ одни узнали объ этомъ навѣрное, другіе остались при догадкѣ, которую не могли не признавать весьма вѣроятною. Въ числѣ послѣднихъ былъ Мотковъ. Въ испугѣ отъ возможности близкаго осуществленія цѣли преступнаго общества, въ которомъ онъ принималъ участіе, онъ передалъ своимъ товарищамъ—Милинипцамъ, что Ишутинъ, Ермоловъ и Каракозовъ рѣшились на цареубійство и что, такъ какъ они отступаютъ отъ дѣйствій „Организаціи“ и рѣшаются на такое дѣло, которое ее погубитъ, то слѣдуетъ исключить ихъ изъ общества, лишить ихъ возможности дѣйствовать и за симъ составить такой уставъ ихъ общества, при которомъ подобное явленіе не было-бы уже возможнымъ. Товарищи Моткова на это согласились и сообщили все Дмитрію Иванову и Воскресенскому, которые также изъявили свое согласіе на противодѣйствіе Ипатовцамъ. Было предположено завести Ишутина въ уединенныя мѣста и угрозами заставить его разсказать все, что онъ знаетъ, и тогда, если ихъ опасенія подтвердятся, объявить объ этомъ всѣмъ бывавшимъ на сходкахъ. Однако они не рѣшились привести это въ исполненіе, опасаясь мести Ипатовцевъ, и положили отправить Моткова за деньгами къ Маликову въ Холмъ, и по полученіи этихъ денегъ тотчасъ собрать сходку и заставить Ишутина, Каракозова и Ермолова уѣхать изъ Москвы въ какой нибудь отдаленный городъ, гдѣ имѣть за ними строгій надзоръ.

До возвращенія Моткова изъ Холма всѣ виновные были арестованы.

Послѣдняя сходка „Организаціи“ была 4 апрѣля. На этой сходкѣ, которая происходила въ квартирѣ Юрасова, присутствовали въ числѣ прочихъ Ишутинъ, Ермоловъ, Юрасовъ, Загибаловъ, Шагановъ, Николаевъ, Александръ Ивановъ, Дмитрій Ивановъ, Малининъ и Кичинъ (т. VI, л. 173 показаніе Ишутина, т. VI, л. 182 показаніе Юрасова).

Здѣсь обсуждалось предложеніе немедленно разъѣхаться по разнымъ городамъ для осуществленія плана общества, и Ермоловъ объявилъ, что онъ немедленно уѣзжаетъ въ деревню, чтобы достать денегъ для тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣли средствъ выѣхать изъ Москвы.

При производствѣ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ слѣдствія, къ оному привлечены были разныя лица, которыя, не участвуя въ обществахъ „Адъ“ и „Организація“, находились въ сношеніяхъ съ ихъ членами по различнымъ преступнымъ замысламъ и предположеніямъ сихъ послѣднихъ.

Маликовъ, Бибиковъ и Оболенскій были главными дѣятелями по предположенію объ устройствѣ Людиковскаго завода, въ Жиздринскомъ уѣздѣ. Калужской губерніи, и по этому предположенію были въ сношеніяхъ съ членами „Организаціи“, которые, узнавъ объ ихъ проектѣ, приняли, какъ выше уже было сказано, участіе въ немъ, чтобы осуществить на этомъ заводѣ ихъ предположенія объ ассоціаціяхъ.

Бывшій студентъ С.-Петербургскаго Университета Александръ Никольскій пріѣзжалъ въ Москву отъ Худякова съ предложеніемъ объ освобожденіи Серно-Соловьевича и находился по этому предмету въ сношеніяхъ съ Ишутинымъ.

Учителя Марксъ и Трусовъ и провизоръ Лаунгаузъ участвовали въ

доставленіи Страндену яда для поѣздки его въ Сибирь съ цѣлью освободить Чернышевскаго.

Сынъ чиновника Шостакевичъ и дворянинъ Павелъ Маевскій были въ сношеніяхъ съ Ипатовцами, т. е. Ермоловымъ, Загибаловымъ, Ишутинымъ и Странденомъ по укрывательству ими бѣжавшаго изъ Колымажскаго двора въ Москвѣ государственнаго преступника Домбровскаго.

Наконецъ привлечены къ слѣдствію члены общества вспомоществованія и относительно нѣкоторыхъ изслѣдованіемъ обнаружено, что они знали о существованіи „Организаціи“.

Изъ всѣхъ означенныхъ лицъ подлежатъ въ настоящее время суду Верховнаго Уголовнаго Суда:

1) Малининъ, Орестъ Васильевъ, чиновникъ X класса;

2) Ивановъ, Дмитрій Львовъ, студентъ Императорскаго Московскаго Университета;

3) Лапкинъ, Ѳедоръ Петровъ, сынъ священника;

4) Ивановъ, Александръ Ивановъ, дворянинъ;

5) Кичинъ, Константинъ Федоровъ, дворянинъ;

6) Воскресенскій Дмитрій Алексѣевъ;
7) Борисовъ Ѳеофанъ Алексѣевъ;
8) Соболевъ, Василій Ивановъ;
9) Сергіевскій, Алексѣй Егоровъ;
} Слушатели Петровской Академіи.

10) Черкезовъ, князь Варлаамъ Джонъ Аслановъ;

11) Маликовъ, Александръ Капитоновъ, дѣйствительный студентъ;

12) Кутыевъ, Николай Яковлевъ, дворянинъ;

13) Марксъ, Максимиліанъ Осиповъ, учитель;

14) Трусовъ, Болеславъ Даниловъ, учитель;

15) Лаунгаузъ, Адольфъ Францевъ, провизоръ;

16) Полумордвиновъ, Аполлонъ Петровъ, слушатель Петровской Академіи;

17) Шостакевичъ, Болеславъ Петровъ, сынъ чиновника;

18) Петерсонъ, Николай Павловъ, бывшій учитель;

19) Маевскій Павелъ Петровъ, дворянинъ;

20) Федосѣевъ, Викторъ Александровъ, дворянинъ;

21) Бибиковъ, Алексѣй, мировой посредникъ;

22) Оболенскій, Леонидъ, секретарь Козельской уѣздной управы;

23) Никольскій, Александръ, бывшій студентъ С.-Петербургскаго университета;

24) Никифоровъ, Ѳедоръ, мѣщанинъ г. Юхнова;

и 25) Вознесенскій, Александръ, бывшій слушатель Петровской Академіи.

Обвинительные акты, коими сіи лица предаются суду, при семъ прилагаются.

Подлинный подписалъ: Министръ Юстиціи *Д. Замятнинъ*. Скрѣпилъ Директоръ Департамента Министерства Юстиціи *Баронъ Врангель*.

Примѣчанія. Члены общества „Адъ“ назывались Мортусами и имѣли цѣлью цареубійство. Мотковъ передалъ Малинину въ подробности всѣ обязанности Мортусовъ самый порядокъ исполненія имъ преступленія цареубійства (соб. показ. т. V л. 304 об., 305 и 305 об.).

Малининъ обвинялся въ принадлежности къ обществу „Организація“, которое имѣло цѣлью ниспровергнуть Правительство во всемъ государствѣ, а также въ знаніи о существованіи другого тайнаго революціоннаго общества „Адъ“, имѣвшаго цѣлью цареубійство, и недонесеніи о семъ Правительству, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 250 и 318 ст. Ул.

Остальные всѣ обвинялись или по обѣимъ этимъ статьямъ, или по одной 318 ст., а нѣкоторые по 241 ст. по 4 ч. 251, 316, 126, 975, 152; Федосѣевъ по 1457 ст. ул.

2.

Обвинительный актъ,

коимъ предается суду Верховнаго Уголовнаго Суда, учрежденнаго Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 29 іюня 1866-го года, сынъ потомственнаго почетнаго гражданина Николай Андреевъ *Ишутинъ*, 26 лѣтъ.

По обстоятельствамъ настоящаго дѣла Николай Ишутинъ обвиняется:

1, въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить цареубійство и недоведеніи о томъ до свѣдѣнія Правительства.

2, въ учрежденіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества подъ названіемъ „Адъ“, съ исключительною цѣлью цареубійства.

Двоюродный братъ государственнаго преступника Каракозова, сынъ потомственнаго почетнаго гражданина Николай Андреевъ Ишутинъ сознался въ томъ, что ему было извѣстно намѣреніе Каракозова совершить цареубійство (т. V, стр. 416 показаніе Ишутина). Сознаніе его вполнѣ подтверждается тѣмъ, что во время бытности Каракозова въ Великомъ посту 1866 г. въ Петербургѣ, Ишутинъ посылалъ въ Петербургъ Петра Ермолова и Николая Страндена отыскать Каракозова и уговорить его бросить мысль о цареубійствѣ (V л. 416 об. показаніе Ишутина; т. III ст. 123, 128, т. VI л. 43 показаніе Ермолова, т. V л. 269 показаніе Страндена), тѣмъ родствомъ и отношеніями, въ которыхъ Ишутинъ находился съ Каракозовымъ (т. II л. 143 показаніе Ишутина; т. III стр. 123 об. показаніе Ермолова, т. II, л. 174 показаніе Ишутина; т. VI л. 192 показаніе Ермолова; т. VI л. 182 показаніе Юрасова; т. VI л. 194 показаніе Моткова), разговорами ихъ о необходимости цареубійства (т. V л. 416 показаніе Ишутина) и наконецъ главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что Ишутину было извѣстно, что Каракозовъ, во время пребыванія его въ Петербурѣ для совершенія преступленія, остановленнаго пріѣздомъ Ермолова и Страндена, жилъ подъ вымышленною фамиліею Владимірова, и на это имя Ишутинъ писалъ ему письмо, уговаривая его скорѣе возвратиться въ Москву. Письмо это и конвертъ, въ которомъ оно было вложено, съ адресомъ Владимірова былъ найденъ разорваннымъ въ томъ номерѣ Знаменской гостинницы, гдѣ Каракозовъ провелъ послѣдніе дни предъ преступнымъ своимъ покушеніемъ на жизнь Государя Императора (т.

I, л. 98), Кромѣ того, при арестованіи Каракозова найдено было въ его карманѣ письмо, написанное Ишутину (т. I л. 2), въ которомъ есть намеки на предположенное Каракозовымъ преступленіе.

Первоначально Ишутинъ отказывался отъ всякаго участія въ какихъ либо тайныхъ революціонныхъ обществахъ и отрицалъ существованіе „Ада“ и „Организаціи“ (т. II л. л. 143, 149, 159; 501; т. IV л. 337), но впослѣдствіи уличенный имѣющимися въ дѣлѣ свѣдѣніями (т. II л. 337) и показаніями Ермолова, Загибалова, Юрасова, Иванова, Страндена, Каракозова, сознался, что съ 1863 года принималъ дѣятельное участіе въ обществѣ, которое въ дальнѣйшемъ его развитіи преобразовалось въ „организацію“ (показаніе: Ермолова т. V л. 283; Страндена т. V л. 341; Загибалова т. VI, л. 33; Юрасова т. VI л, 88; Петерсона т. VI л. 342), въ теченіе 1867 года устраивалъ школы, библіотеки, артели, мастерскія, (собственное показаніе т. II л. 159), былъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей *въ предположеніи* объ освобожденіи государственнаго претупника Чернышевскаго (собственное показаніе т. III л. 281; показанія: Оболенскаго т. III л. 316; Маликова т. IV л. 53; Страндена т. V л. 89; об. Юрасова т. VI л. 91), укрывалъ государственнаго преступника Домбровскаго (собственное показаніе т. VI л. 95; показанія: Шостакевича—въ дѣлѣ о побѣгѣ Домбровскаго л. 35; Ермолова т. IV л. 332; Юрасова т. IV л. 116 и т. V л. 91; Страндена н Моткова т. V л. л. 345 и 385), принимая всѣ мѣры къ увеличенію числа членовъ общества, привлекалъ молодыхъ людей изъ числа своихъ знакомыхъ въ Москвѣ (показанія Загибалова т, VI л. 35, 36; Моткова т. VI, л. 195 об.; Соболева моск. дѣло стр. 68) возбуждалъ Ермолова и товарищей разсказами о своей революціонной дѣятельности и большомъ числѣ своихъ поборниковъ (показанія: Моткова т. VI л. л. 195 об., Дм. Иванова т. VII л. 163 об.) и обращался за содѣйствіемъ въ пріисканіи дѣятелей такого рода для провинцій къ жившему въ С.-Петербургѣ домашнему учителю Худякову, съ которымъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ и дѣлился мыслями относительно пропаганды революціонныхъ идей (собственное показаніе т. II, л. 480, 496, т. III л. 155 об.; 160; Иванова т. VI л. 142 об.). Отъ Худякова Ишутинъ узналъ о существованіи за-границей революціоннаго Европейскаго Комитета, сообщилъ объ этомъ своимъ товарищамъ (собственнсе показаніе т. III л. 155, т. V л. 412; показанія: Юрасова и Ермолова т. IV л. л. 114 и 333; Загибалова и Ермолова т. VI л. л. 34 и 42 об.); первый подалъ мысль объ устройствѣ „Ада“. (собственное показаніе т. VI л. 75, 76; показаніе Загибалова т. VI л. 34 об. и Ермолова т. VI л. 42 об.); положилъ начало его образованію, привлекалъ въ это общество членовъ (показанія Моткова т. VI л. 195 и Шаганова т. VI л. 215) и носилъ при себѣ ядъ (стрихнинъ) въ пуговицѣ (т. III л. 212, собственное показаніе т. V л. 410).

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ дѣла потомственный почетный гражданинъ Ишутинъ обвиняется:

1-е, въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить цареубійство и недоведеніи о томъ до свѣдѣнія Правительства, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 242 и 243 статьями Улож. о наказ. и 2, въ основаніи тайнаго революціоннаго общества „Адъ“ съ исключительною цѣлью царе-

убійства, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 13, 318, 242 и 243-й ст. Улож. о наказаніяхъ. Вслѣдствіе сего вышепоименованный Николай Ишутинъ предается суду Верховнаго Уголовнаго Суда. Составленъ іюля 30 дня 1886 года въ С.-Петербургѣ.

Подлинный подписалъ: Министръ Юстиціи Д. Замятинъ. Скрѣпилъ по листамъ Директоръ Департамента Минситерства Юстиціи Баронъ Врангель.

4-е апрѣля 1866 г.

(Изъ моихъ воспоминаній).

3-го апрѣля 1866 г., часовъ въ шесть послѣ обѣда, я сидѣлъ у окна своей квартиры, находившейся противъ воротъ Главнаго Интендантскаго управленія, на Вознесенскомъ проспектѣ.

Вниманіе мое привлекъ происходившій въ этихъ воротахъ шумъ. Два сторожа дрались съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, ремесленнаго вида, въ чуйкѣ и картузѣ. Нѣкоторыя подробности этой борьбы вызвали мое любопытство, и я послалъ прислугу, узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что въ Интендантскомъ Управленіи служилъ курьеромъ (или чѣмъ-то въ этомъ родѣ) Комисаровъ, имѣвшій брата, Осипа, ремесломъ картузника. Этотъ Осипъ запивалъ, въ нетрезвомъ видѣ являлся къ брату и затѣвалъ шумъ, подобный тому, при которомъ я присутствовалъ въ эти минуты, и вслѣдствіе котораго буяна приходилось выпроваживать силою.

То былъ тотъ самый Осипъ Комисаровъ, которому на слѣдующій день предстояло сдѣлаться героемъ событія...

---

4 апрѣля, тоже въ послѣобѣденное время, я пришелъ къ поэту Аполлону Николаевичу Майкову, въ которомъ—кстати сказать—цѣнилъ истиннаго поэта-художника, но съ которымъ рѣзко расходился въ политическихъ убѣжденіяхъ и взглядахъ, вызывавшихъ частые и доходившіе иногда до ожесточенія споры между нами. Майковъ былъ въ ту пору ультра-консерваторомъ, хотя не дошелъ еще до той, могу сказать, неистовой нетерпимости относительно противоположнаго лагеря, которою онъ отличался въ послѣдніе годы своей жизни. На этотъ разъ, т. е. 4 апрѣля, мы мирно бесѣдовали о чисто литературныхъ, художественныхъ вопросахъ, когда въ комнату опрометью вбѣжалъ Федоръ Михайловичъ Достоевскій. Онъ былъ страшно блѣденъ, на немъ лица не было и онъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Въ царя стрѣляли! вскричалъ онъ, не здороваясь съ нами, прерывающимся отъ сильнаго волненія голосомъ.

Мы вскочили съ мѣстъ.

— Убили? — закричалъ Майковъ какимъ-то—это я хорошо помню—нечеловѣческимъ, дикимъ голосомъ.

— Нѣтъ... спасли... благополучно... Но стрѣляли... стрѣляли... стрѣляли...

И повторяя это слово, Достоевскій повалился на диванъ въ почти истерическомъ припадкѣ...

Мы дали ему немного успокоиться,—хотя и Майковъ былъ близокъ чуть не къ обмороку—и втроемъ выбѣжали на улицу. (Майковъ жилъ въ то время на большой Садовой, противъ Юсупова сада, въ домѣ Куканова).

Въ настоящее время, когда къ подобнаго рода покушеніямъ публика успѣла уже болѣе или менѣе присмотрѣться, невозможно и представить себѣ, что дѣлалось въ Петербургѣ въ этотъ вечеръ 4 апрѣля, когда этотъ выстрѣлъ въ русскаго царя былъ первымъ такимъ выстрѣлом , раздавшимся въ Россіи... Можно безошибочно сказать, что весь Петербургъ высыпалъ на улицу. Движеніе, волненіе невообразимое. Бѣготня во всѣ стороны, преимущественно по направленію къ Зимнему Дворцу, крики, въ которыхъ чаще всего слышатся слова «Каракозовъ! Комисаровъ!» угрожающія ругательства по адресу перваго, восторженныя восклицанія по адресу второго; группы народа, поющія «Боже, царя храни» и тутъ же импровизированные оркестры, играющіе— и довольно фальшиво, хотя и съ великимъ усердіемъ—тотъ же гимнъ... А въ этихъ толпахъ, характеристическою дисгармоніею, попадаются мнѣ навстрѣчу то тутъ, то тамъ угрюмыя, сердито-разочарованныя лица, вижу я губы, которыя, какъ совершенно ясно для меня, желали бы раскрыться для совершенно иныхъ звуковъ, но чувствуютъ полную невозможность, да и полную безполезность, даже несомнѣнную опасность такого оппозиціоннаго заявленія въ такую минуту...

Съ Майковымъ и Достоевскимъ я разстался скоро. Они смѣшались съ ликующей толпой, а Майковъ, подъ вліяніемъ охватившаго его патріотическаго одушевленія, нѣсколько времени спустя (какъ я узналъ на слѣдующій день) побѣжалъ домой писать стихотвореніе по этому случаю.

На слѣдующій день, т. е. 5-е апрѣля въ Большомъ театрѣ (онъ въ то время еще существовалъ) состоялся торжественный спектакль. Что гимнъ повторялся несчетное число разъ—это само собою разумѣется; но до неистово радостнаго настроенія довелъ опьянѣвшую публику Майковъ, выступившій въ антрактѣ съ сочиненными ночью стихами—стихами, надо сказать, въ которыхъ «патріотизма» было ужасно много, но дрянности въ литературномъ и поэтическомъ отношеніи—еще больше [1]).

Этотъ слѣдующій день былъ началомъ продолжавшихся, если я не ошибаюсь, недѣли двѣ, празднествъ, собственно обѣдовъ и ужиновъ, въ честь Комисарова. Пьянствовавшій наканунѣ картуз-

---

[1]) Любопытно, что это стихотвореніе, равно какъ и написанную нѣсколько позже по тому же случаю «Кантату», Майковъ не включилъ въ вышедшее при его жизни полное собраніе своихъ сочиненій; они помѣщены въ 4-мъ, добавочномъ томѣ, изданномъ уже послѣ его смерти.

никъ вдругъ попалъ въ отечественные герои, преобразился, къ великому для себя изумленію, въ новопожалованнаго русскаго потомственнаго дворянина.

— Вы слышали—спрашивалъ въ нѣмецкомъ «Кладдерадайчѣ» Шульце своего неизмѣннаго собесѣдника Миллера—вы слышали, что въ Петербургѣ въ русскаго царя стрѣляли?

— Да, слышалъ. А не знаете ли, кто стрѣлялъ?

— Дворянинъ.

— А спасъ кто?

— Крестьянинъ.

— Чѣмъ же его наградили за это?

— Сдѣлали дворяниномъ.

Петербургская высшая аристократія, наперерывъ другъ передъ другомъ, старалась пожать руку Осипа Комисарова, облобызать Осипа Комисарова, который принималъ эти рукопожатія и лобызанія съ великою робостью, съ комическимъ подобострастіемъ. Самые что ни на есть сановные генералы возили бѣднаго картузника чуть не въ золотыхъ каретахъ изъ дома въ домъ, изъ ресторана въ ресторанъ, упитывая его такими яствами, которыя и во снѣ ему не могли присниться, вливая въ него цѣлыя бочки шампанскаго, одурманивая его привѣтственными рѣчами, въ которыхъ патріотическое краснорѣчіе всевозможныхъ ораторовъ являлось въ полномъ блескѣ и на которыя его заранѣе учили отвѣчать. Почти каждый разъ на эти торжества привозили и супругу новопоставленнаго героя, которая впрочемъ скоро познала свое величіе и придала себѣ титулъ «жены спасителя». Аристократки изъ сливокъ высшаго общества тоже лобызали эту почтенную бабу и находили, что «elle a vraiment quelque chose de très distingué dans sa physionomie», точно также какъ мужчины изъ того же круга серьезно утверждали, что Осипъ Ивановичъ, хотя и простой русскій человѣкъ, «a un air qui prouve la noblesse innée de son esprit et de ses sentiments»...

Я, ради любопытства, былъ на двухъ изъ вышесказанныхъ гастрономически-ораторскихъ увеселеній. Говорю «увеселеній», потому что забавнаго было столько, что хватило бы на любую комедію.

Комисаровъ сидѣлъ между двумя генералами—однимъ военнымъ, другимъ штатскимъ; оба въ полномъ обмундированіи и въ сіяніи своихъ многочисленныхъ звѣздъ. Чествуемаго героя умыли, причесали, облекли въ новенькій длинный сюртукъ при бѣломъ жилетѣ и бѣломъ галстухѣ. По одну сторону штатскаго генерала помѣстили «жену спасителя», напялившую на свое платье платокъ съ необычайно яркими и диковинными цвѣтами. Звѣздоносецъ-сосѣдъ во время обѣда отъ времени до времени нашептывалъ ей что-то, она пучила на него глаза и глупо улыбалась. Супругъ ея сидѣлъ, какъ приговоренный къ смерти, и хотя военный генералъ усердно подливалъ въ его стаканъ всякихъ напитковъ, пилъ мало и осторожно, точно боясь—по недавнимъ

воспоминаніямъ—что хватитъ черезъ мѣру и подвергнется увлеченію въ кутузку.

Но вотъ подали жаркое, а нѣсколько минутъ спустя застучалъ по тарелкѣ ножъ распорядителя, и мгновенно воцарилась благоговѣйная тишина.

Штатскій генералъ поднялся съ своего мѣста, окинулъ все собраніе проникновеннымъ взоромъ, давая ему почувствовать всю торжественность минуты, затѣмъ повернулся къ виновнику празднества—и залился соловьемъ. Цвѣты патріотическо-ораторскаго краснорѣчія, которому въ наши дни позавидовалъ бы даже Борисъ Никольскій, сыпались какъ изъ рога изобилія. Лирическія изліянія чередовались съ фактами изъ русской исторіи, между которыми особенно удачно былъ выдвинутъ подвигъ Минина, поставленный ораторомъ въ паралель съ подвигомъ Осипа Комисарова. Попутно была затронута и всеобщая исторія: краснорѣчивый тайный совѣтникъ пристыдилъ Европу, указавъ, что въ ней, за все время ея существованія, не было подобнаго примѣра «самоотверженнаго героизма» (а въ чемъ тутъ проявился «героизмъ» и особенно «самоотверженіе»—это осталось тайной для неопьянѣвшихъ отъ восторга участниковъ обѣда, знавшихъ, что картузникъ Комисаровъ совершенно спокойно стоялъ въ толпѣ въ то время, когда Александръ II выходилъ изъ Лѣтняго Сада, и почти инстинктивно, ровно ничѣмъ не рискуя, ударилъ Каракозова по рукѣ въ ту минуту, когда тотъ направилъ пистолетъ въ Государя). Политическій элементъ тоже не отсутствовалъ въ рѣчи штатскаго генерала: въ лицѣ новопоставленнаго дворянина Осипа Ивановича Комисарова (если не ошибаюсь, фамилія «Костромской» была прибавлена къ Комисаровской уже позже) [1]), ораторъ привѣтствовалъ русское дворянство, которое удостоилось высокой чести принятія въ свою среду такого достойнаго сочлена и «доблестная миссія котораго въ отечествѣ (я тогда же записалъ эти замѣчательныя слова) нашла себѣ подтвержденіе въ этомъ новомъ благословеніи, посланномъ ему съ высоты небесъ...» Слезы умиленія текли по щекамъ тайнаго совѣтника, когда онъ, окончивъ свою рѣчь, тискалъ въ объятіяхъ совершенно оторопѣвшаго героя, при неописанномъ ревѣ присутствовавшихъ, изъ которыхъ многіе были уже пьяны не въ переносномъ значеніи этого слова. Всѣ полѣзли цѣловаться съ виновникомъ торжества; и я живо помню, какъ одинъ купецъ, упившійся совсѣмъ до положенія ризъ, не найдя возможности пробиться сквозь лобызавшую толпу, принялъ въ свои мощныя объятья «жену спасителя» и душилъ ее такъ усердно, что она взмолилась объ отпускѣ ея души на покаяніе...

Пришла однако очередь говорить самому Осипу Ивановичу. Его конечно заранѣе «муштровали» на это словесное выраженіе своихъ чувствъ, штатскій и военный генералы даже превратились

---

[1]) Указъ о пожалованіи Комисарову потомственнаго дворянства съ наименованіемъ Комисаровымъ-Костромскимъ былъ подписанъ Александромъ II девятаго апрѣля, а опубликованъ 13 апрѣля 1866 года. Ред.

въ суфлеровъ, искусно (какъ имъ казалось) прикрывая свои уста рукою, чтобъ никто не замѣтилъ помощи, оказывавшейся ими оратору,—но изъ этого ровно ничего не вышло. Осипъ Ивановичъ кланялся во всѣ стороны, бормоталъ: «милостивые мои государи... я... значитъ... чувствую... потому какъ истинный сынъ отечества... и чувствительнѣйше васъ благодарю»... и посреди какой то велерѣчиво запутанной фразы, подсказанной ему генералами, запнулся, безнадежно махнулъ рукой—и опустился въ кресло. «Молодецъ Осипъ! Говоритъ какъ по писаному!» крикнулъ во все горло какой-то мѣщанинъ въ чуйкѣ, вѣроятно пріятель героя, а сидѣвшая недалеко отъ меня дама, повидимому изъ большого свѣта, замѣтила своему кавалеру: «Quelle simplicité et quelle grandeur dans cette éloquence de coeur!» Два купца громогласно предложили качать «нашего Осипа Ивановича и супругу его», но аристократическая часть публики воспротивилась этому народному проявленію восторга...

А затѣмъ полились одна за другою рѣчи, одна другой забористѣе. Одинъ ораторъ сравнилъ даже Осипа Ивановича съ тѣми древне-римскими и древне-греческими героями, въ честь которыхъ воздвигались храмы.

— Ну, и построимъ!—крикнулъ пьяный купецъ,—Денегъ у насъ, что ли, нѣтъ? Жертвую хоть десять тысячъ! Бери! Многая лѣта!..

Я вышелъ на улицу. У подъѣзда стояла громадная толпа, всѣ ждали появленія великаго человѣка...

Петръ Вейнбергъ.

Изъ полицейскихъ разслѣдованій 1882 года касательно «противоправительственныхъ сообществъ не столь вредныхъ».

Богатые политическими событіями 1879—1881 годы вызвали къ жизни нѣсколько организацій конституціоналистовъ, исторія которыхъ составляетъ до сихъ поръ одну изъ наименѣе извѣстныхъ страницъ русскаго освободительнаго движенія. Полиція того времени знала кое-что о существованіи и дѣятельности таковыхъ организацій и производила о нихъ секретныя разслѣдованія. Когда же послѣ перваго марта 1881 года возникли своеобразныя «тайныя общества», извѣстныя подъ именемъ «Охраны» и «Священной Дружины», то, усмотрѣвшая въ этихъ двухъ «обществахъ» конкурентовъ, оффиціальная полиція въ своихъ донесеніяхъ старалась не болѣе не менѣе, какъ *скомпрометировать* «Охрану» и «Дружину» связями ихъ съ «противоправительственными сообществами не столь вредными». Въ издававшемся заграницей въ 80-хъ годахъ мало распространенномъ ежемѣсячномъ журналѣ «Общее Дѣло» (іюль 1883 г. № 54) помѣщены весьма любопытные документы, касающіеся затронутой нами темы. Документы (или документъ, такъ какъ всѣ они носятъ общее названіе «докладная записка № 2) были присланы въ редакцію «Общаго Дѣла» при письмѣ такого содержанія:

«М. Г. Посылаемый вамъ документъ есть страница, выхваченная изъ исторіи борьбы госуд. полиціи съ ея офиціозными конкурентами: св. Дружиной и Охраной. Желая скомрометировать «Охрану», особенно ей ненавистную, госуд. полиція приводитъ ее въ связь съ общ. Земскаго союза, а общ. З. союза связываетъ съ общ. либер. лиги, которую въ свою очередь уличаетъ въ связяхъ съ террористами. Все такимъ образомъ у нея связано и спутано, такъ что Толстому остается только глотать. Разумѣется, что, занимаясь этимъ вязаньемъ, шпіоны госуд. полиціи всѣхъ мухъ обращаютъ въ слоновъ, а фантазіи даютъ такой просторъ, что даже извѣстный ученый г. Антоновичъ изображается ими чуть ли не террористомъ. Думая, что публикѣ не совсѣмъ безполезно было бы знать объ этихъ полицейскихъ фантазіяхъ и продѣлкахъ, я и предлагаю вамъ поспособствовать ихъ оглашенію, помѣщеніемъ въ вашей газетѣ».

Затѣмъ слѣдуетъ самая «докладная записка», озаглавленная «О ходѣ секретнаго дознанія по дѣлу о противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ, съ 1 февраля по 1 іюня 1882 года». «Записка» эта представляетъ весьма большой интересъ и потому мы воспроизводимъ ее здѣсь полностью. Она гласитъ слѣдующее:

«Независимо отъ соціально-демократическаго (народническаго) [1]) предпріятія, извѣстнаго подъ наименованіемъ «Земельной Лиги», [2]) предметомъ настоящаго дознанія является противуправительственное сообщество «Земскаго Союза», существованіе коего извѣстно полиціи съ 1878 года. Хотя означенное сообщсство не имѣло до сихъ поръ прямого соприкасательства къ народовольческой (террористической) партіи и вслѣдствіе сего отнесено, согласно секретному распоряженію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 15 Января 1882 года, къ категоріи сообществъ не столь вредныхъ, однако, въ разсужденіи общественнаго и служебнаго положенія многихъ лицъ, несомнѣнно къ оному принадлежащихъ, а также въ виду сложности, кажущейся благонадежности и неуловимости многихъ пріемовъ, употребляемыхъ названнымъ сообществомъ, невозможно не признать оное безусловно опаснымъ явленіемъ нашей общественной жизни.

«Изъ прилагаемыхъ при семъ показаній и документовъ (За Лит. А. Б. В. Г. и Д.), а также изъ содержанія перехваченнаго письма, адресованнаго отъ неизвѣстнаго лица въ Кларанъ (Швейцарія), на имя Г-жи Помелко (Лит. Д.), представляется возможнымъ установить слѣдующія, едва ли подлежащія сомнѣнію, обстоятельства:

«Въ концѣ 70-хъ годовъ нѣсколько человѣкъ «земскихъ дѣятелей» различныхъ губерній задумали установить нѣкоторую солидарность между дѣятельностью отдѣльныхъ земствъ, съ каковою цѣлью они учредили небольшіе съѣзды наиболѣе выдающихся земцевъ, встрѣчавшихся каждую осень въ Москвѣ, Кіевѣ или Харьковѣ. Кіевскій съѣздъ, состоявшійся въ концѣ Декабря 1878 года, на которомъ, въ качествѣ делегатовъ отъ Южно-Русскихъ соціально-революціонныхъ партій, были приглашены нѣкоторые изъ наиболѣе закоснѣлыхъ украйнофиловъ (Лит. А. показанія 1 и 2-е),—обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго Жандармскаго Управленія, вслѣдствіе не вполнѣ осторожныхъ распоряженій коего, дальнѣйшіе съѣзды были обставлены всевозможными мѣрами предосторожности. На земскихъ съѣздахъ преимущественно подвергались обсужденію наиболѣе цѣлесообразныя

---

[1]) Да не подумаетъ читатель, что взятое въ скобки слово „народническаго“ принадлежатъ намъ; нѣтъ, мы воспроизводимъ „записку“ текстуально,—во всей ея дѣвственной непорочности. *Ред.*

[2]) Вѣроятно, корректурная ошибка въ „Общемъ Дѣлѣ“; слѣдуетъ читать не „Земельная Лига“, а „Земская Лига“. *Ред.*

мѣры для достиженія возможно широкой земской автономіи. Насколько намъ извѣстно, на съѣздѣ 1880 года, участвовало нѣсколько членовъ такъ называемой «Либеральной Лиги», благодаря вліянію коихъ земцы включили въ свою программу слѣдующій пунктъ: «необходимость добиться центральнаго народнаго представительства, при непремѣнномъ условіи: одной Палаты и всеобщаго голосованія». Послѣ 1-го Марта 1881 года, освѣдомившись, что «Либеральная Лига» не отказываетъ сообществу «Народной Воли» въ нѣкоторой поддержкѣ (денежными взносами и укрывательствомъ), Земцы собрались въ Харьковѣ въ числѣ до 30 человѣкъ и рѣшились совершенно отдѣлиться отъ «Лиги» и дѣйствовать самостоятельно. Вмѣстѣ съ тѣмъ была выработана программа, представляющая изъ себя довольно объемистое сочиненіе отлитографированное въ весьма незначительномъ числѣ экземпляровъ и получившее названіе «Программы Земскаго Союза 1881 года».

«Содержаніе этой программы сводится къ слѣдующимъ пунктамъ:

«1) Отрицаніе террора «правительственнаго» и революціоннаго.

«2) Упраздненіе подушной подати и уравненіе налоговъ, податей и повинностей.

«3) Децентрализація Государственнаго Управленія по общинамъ, волостямъ, уѣздамъ и областямъ.

«4) Центральное народное представительство «въ смыслѣ полноправнаго законодательнаго органа», ограничивающаго и прямо упраздняющаго Самодержавную Его Императорскаго Величества власть (см. прил. Б.).

«Хотя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ (см. лит. В.) подлинная программа «Земскаго Союза» испещрена увѣреніями въ вѣрноподданническихъ чувствахъ преданности Престолу и Отечеству, а также постоянными указаніями на благоразуміе и охранительное настроеніе огромнаго большинства русскаго народа, однако слѣдуетъ признать, что означенныя увѣренія и указанія до такой степени не вяжутся съ вышеизложенною программою, что таковыя должны, по совѣсти, быть признаны если не обманчивыми, то, по малой мѣрѣ, натянутыми. Къ тому же съѣздомъ 1881 года рѣшено эту программу проводить всѣми мѣрами: 1) вліяніемъ на правительственныхъ лицъ; 2) устною пропагандою въ интеллигентной средѣ и 3) воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе путемъ печати. Непремѣннымъ условіемъ такого рода пропаганды признана абсолютная осторожность.

«Вліяніе на правительственныхъ лицъ въ означенномъ направленіи приняло на себя небольшое число пропагандистовъ, принадлежащихъ къ такъ называемому высшему обществу и имѣющихъ по своему положенію, возможность исподволь проводить идею федеративнаго конституціонализма въ высшихъ и даже въ придворныхъ сферахъ. Эта группа составляетъ, по но-

менклатурѣ изслѣдуемаго общества, крайнюю его правую сторону; она имѣетъ въ виду доказать преданность конституціоналистовъ монархическому принципу и даже готовность ограждать личность монарха отъ преступныхъ покушеній. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта группа имѣетъ соприкасательство съ С.-Петербургскимъ Обществомъ Добровольной Охраны. Извѣстно, что съ Января мѣсяца 1882 года названное общество вступило въ соглашеніе съ такъ называемою Священною Дружиною; въ силу сего соглашенія общество Добровольной Охраны обязалось лично ограждать священную особу государя императора отъ преступныхъ покушеній, не принимая участія въ преслѣдованіи какихъ бы то ни было политическихъ убѣжденій. Послѣдняя оговорка не представляетъ діаметральнаго противорѣчія вышеизложенной программѣ Земскаго Союза (смотр. лит. Б. пунктъ 1).

«Устная пропаганда въ «интеллигентной» средѣ не представляется возможною членамъ союза въ виду ихъ ультра-легальнаго положенія, вслѣдствіе чего она возложена на извѣстное число посредниковъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ свободнымъ профессіямъ. Имѣются указанія, что для огражденія этихъ посредниковъ отъ правительственнаго преслѣдованія выработанъ «особый пріемъ». Пріемъ этотъ основывается на соприкасательствѣ одной изъ группъ «союза» къ Добровольной Охранѣ, дающемъ возможность представить дѣятельность посредниковъ въ видѣ агентурной «провокаторской» работы, обезпечивающей ихъ вполнѣ отъ подозрѣнія полиціи.

«Воздѣйствіе на общественное мнѣніе путемъ печати представляло наиболѣе серьезныя затрудненія. Печатаніе отдѣльныхъ статей въ различныхъ газетахъ изображало мнѣніе «союза» въ отрывочномъ видѣ. Соглашеніе съ одною изъ существующихъ газетъ или основаніе новой легальной газеты не обѣщали лучшихъ результатовъ, такъ какъ съ увольненіемъ Гр. Лорисъ-Меликова «даже междустрочная пропаганда сдѣлалась невозможною». При таковыхъ условіяхъ было рѣшено издавать русскую газету за границею, причемъ признано необходимымъ: 1) маскировать всякое соотношеніе между означенною газетою и союзомъ, искусственно приписавъ газетѣ значеніе революціоннаго органа или, въ крайнемъ случаѣ, полицейскаго предпріятія, 2) учредить нелегальную перевозку газеты черезъ границу. Для приведенія этого плана въ исполненіе было избрано 3 уполномоченныхъ отъ Земскаго Союза, имена коихъ предположительно указаны въ приложеніи (см. лит. Г.). На первыхъ же порахъ обнаружилось, что означенное предпріятіе представляетъ нѣкоторые шансы на успѣхъ въ томъ только случаѣ, если къ дѣлу будутъ привлечены опытныя революціонныя силы, искусившіяся въ конспиративной работѣ. Для этого пришлось обратиться къ содѣйствію одного изъ вышеупомянутыхъ посредниковъ. Нѣкто Крапивинъ (псевдонимъ) отправился въ Парижъ и вступилъ по сему предмету въ переговоры съ извѣстнымъ эмигрантомъ Петромъ Лавровымъ. Съ

*

первыхъ же словъ оказалось невозможнымъ разсчитывать на его содѣйствіе, ввиду явнаго его сочувствія террористической фракціи. Послѣ сего Крапивинъ отправился въ Женеву, гдѣ ему удалось завязать отношенія съ проживающимъ тамъ эмигрантомъ, бывшимъ Проф. Кіевскаго Университета Драгомановымъ, украйнофиломъ, умѣреннымъ революціонеромъ и по свидѣтельству (имя шифромъ) «человѣкомъ не только обширнаго ума и образованія, но вполнѣ цивилизованнымъ и до тонкости совѣстливымъ» (см. лит. Г.). Результатомъ этихъ сношеній было рѣшеніе, принятое съ обѣихъ сторонъ, издавать подъ негласнымъ руководствомъ Драгоманова еженедѣльную газету «Вольное Слово», программа коей представляется компромиссомъ между программою Земскаго Союза и политическими убѣжденіями Драгоманова. При семъ достойно вниманія, что газета стала издаваться до окончательнаго заключенія компромисса, и лишь только удалось установить соглашеніе по слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) противодѣйствіе террору и пропаганда въ пользу чистоты политическихъ нравовъ, 2) замѣна губерній областями и 3) исключеніе изъ передовыхъ статей «Вольнаго Слова» соціалистическихъ доктринъ. Соглашеніе по прочимъ пунктамъ состоялось не раньше Декабря 1881 года.

«Въ настоящее время, ввиду строгихъ мѣръ, принимаемыхъ на границахъ, «Земскій Союзъ» находитъ затруднительнымъ дальнѣйшій ввозъ заграничной газеты и распространеніе оной въ Россіи. Затрудненіе это усугубляется еще тѣмъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ союза, въ число перевозчиковъ «втерся шпіонъ Государственной полиціи» (лит. Д). Ввиду этого земцы намѣреваются воспользоваться отношеніями, завязанными съ революціонной партіею, для перенесенія своей публицистической дѣятельности изъ заграницы въ Россію, въ видѣ нелегальной газеты, издающейся кружкомъ, солидарнымъ съ союзомъ по убѣжденіямъ, но организованнымъ на такихъ началахъ, которыя, въ случаѣ неудачи, вполнѣ предохранили-бы организацію союза и личный составъ онаго отъ разоблаченій.

«Нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшее производство секретнаго дознанія пополнитъ имѣющіяся нынѣ, не вполнѣ достаточныя, свѣдѣнія о значеніи и цѣляхъ сообщества Земскаго Союза и дастъ возможность составить точный и подробный списокъ лицъ, имѣющихъ къ оному прямое или косвенное соприкасательство. Необходимо при семъ высказать, что, хотя означенное сообщество представляется, на первый взглядъ, принадлежащимъ къ категоріи не столь вредныхъ, но въ разсужденіи близости и постоянныхъ отношеній онаго къ обществу Добровольной Охраны,— пользующемуся, по всѣмъ видимостямъ, особымъ довѣріемъ монарха,—оно достойно бдительнѣйшаго наблюденія со стороны Государственной полиціи. Предположеніе о потворствѣ или укрывательствѣ въ пользу Земскаго Союза со стороны Добровольной Охраны представляется, конечно, весьма невѣроятнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть о томъ: 1) что высокое по-

ложеніе нѣкоторыхъ изъ членовъ сей охраны мѣшаетъ привлеченію ихъ къ дознанію, конечно не въ видѣ обвиняемыхъ, но лишь въ качествѣ свидѣтелей; и 2) что сопричисленіе Земскаго Союза, согласно секретному распоряженію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 15-Января 1882 года, къ категоріи противуправительственныхъ обществъ не столь вредныхъ и подчиненіе дальнѣйшихъ разслѣдованій по сему предмету особымъ правиламъ, изложеннымъ въ означенномъ секретномъ распоряженіи, лишаетъ настоящее дознаніе содѣйствія исполнительныхъ полицейскихъ органовъ, безъ помощи коихъ едвали окажется возможнымъ освѣтить съ надлежащею ясностью всѣ отношенія и развѣтвленія разслѣдуемаго общества».

Приложеніе лит. А.

1. Выписка изъ дознанія Кіевскаго Жандармскаго Управленія отъ 9 января 1879 года.

„Независимо отъ вышеизложеннаго движенія среди такъ называемыхъ „кошей“ „куреней“, особое вниманіе обращено еще на сборища лицъ, не имѣющихъ прямого соприкосновенія къ революціонному движенію, но тѣмъ не менѣе извѣстныхъ по своимъ противуправительственнымъ, „конституціоннымъ“ воззрѣніямъ. Изъ вполнѣ достовѣрнаго источника извѣстно, что во второй половинѣ декабря 1878 года до 15 лицъ, принадлежащихъ къ упомянутой группѣ, ежедневно собирались въ одномъ изъ домовъ, расположенныхъ на Подолѣ. Въ эти собранія приглашались представители разныхъ соціально-революціонныхъ партій, между прочимъ проф. Кіевскаго Университета Антоновичъ, преподаватели Кіевской военной гимназіи Павелъ Житецкій и Бернштамъ и другіе, явившіеся съ цѣлью отстаивать свои теоріи противъ предложенія „конституціоналистовъ“ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ духѣ конституціи. Сообщитель увѣдомилъ Жандармское Управленіе (со словъ Житецкаго), что съѣздъ группы конституціоналистовъ состоялъ преимущественно изъ земцевъ, между которыми преобладающее вліяніе имѣли Черниговскіе земцы, изъ коихъ особенно выдѣлялся нѣкто Линденсъ или Линдесъ. Свѣдѣніе это къ сожалѣнію было сообщено нѣсколько поздно, такъ что наблюдательной агентурѣ не удалось намѣтить лицъ участвующихъ въ упомянутыхъ совѣщаніяхъ. Что-же касается до личности указанной Житецкимъ подъ именемъ Линденсъ или Линдесъ, то слѣдуетъ полагать, что дѣло идетъ о Присяжномъ Повѣренномъ Линдфорсѣ, владѣющемъ имѣніемъ недалеко отъ Чернигова и извѣстномъ уже по своимъ сношеніямъ съ семействомъ земскаго врача Каминера, несомнѣнно принадлежащаго въ соціально-революціонной партіи“.

2. Выписка изъ свода указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о Государственныхъ преступленіяхъ. Май 1880 годъ.

„Старицкій Михаилъ Петровичъ, дворянинъ, проживающій въ Кіевѣ, занимался сухарнымъ дѣломъ во время войны. Объ немъ упоминаютъ

почти всѣ сознавшіеся въ своихъ заблужденіяхъ. Такъ Веледницкій указываетъ, что Старицкій участвовалъ не только въ дѣлахъ общества „Старая Громада“, но еще въ сборищахъ „Земцевъ конституціоналистовъ“, при чемъ пытался установить нѣкоторую солидарность между этими двумя группами.—Богословскій же въ своемъ показаніи указываетъ на Старицкаго, какъ на лицо, которое онъ встрѣчалъ въ квартирѣ Волкова и которое извѣстно ему за помѣщика Кіевской губерніи, переводившаго разныя революціонныя сочиненія на малорусскій языкъ, за что получилъ отъ помѣщика Черниговской губерніи Тарновскаго по нѣскольку разъ значительныя суммы. По словамъ Богословскаго, Старицкій считаетъ Тарновскаго членомъ Земскаго сообщества, добивающагося водворенія конституціоннаго порядка въ Россіи.—Львовы, (указанные Веледницкимъ какъ Московскіе аристократы), несомнѣнно принимали участіе въ названныхъ проискахъ. Нѣкто Басовъ, (нынѣ эмигрантъ), получилъ черезъ посредство Михаила Дригневича мѣсто гувернера въ домѣ Львовыхъ. Въ 1878 году Басовъ возвратился въ Кіевъ съ полученными отъ Львова 900 р., данными ему какъ-бы въ награду за службу, въ сущности же на устройство соціалистической рабочей артели.—Уже въ то время существовали довольно интимныя отношенія между Львовою и Ротмистромъ, (имя шифромъ), который по всей вѣроятности не откажетъ дать требуемыя разъясненія касательно благонадежности семейства Львовыхъ“.

3. Выписка изъ показаній бывшаго студента Новороссійскаго Университета Герасима Романенко, (арестованнаго въ Москвѣ 7 ноября 1881 года).

„Въ концѣ 1879 года Романенно отправился въ Италію, а въ августѣ 1880 года переселился въ Швейцарію, гдѣ между прочимъ узналъ объ оговорѣ Гольденберга, обвинявшемъ его, (по всѣмъ видимостямъ неправильно), въ прямомъ участіи въ цареубійственныхъ замыслахъ подъ руководствомъ государственнаго преступника Колодкевича. Въ Женевѣ Романенко сошелся съ русскими эмигрантами и въ особенности сблизился съ (имя шифромъ), принадлежащимъ къ партіи народниковъ, съ которымъ выработалъ: „программу общественной организаціи, направленой въ смыслѣ требованія отъ правительства преобразованій“. Эту программу онъ намѣревался предложить на обсужденіе партіи „Нородной Воли“ и въ случаѣ согласія ея,—войти въ сношенія съ Исполнительнымъ Комитетомъ; въ противномъ случаѣ, вести дѣло независимо отъ него при содѣйствіи „либераловъ“. Романенко указываетъ, что онъ дѣйствительно вступилъ въ сношенія съ вышеупомянутымъ Комитетомъ въ Іюнѣ 1881 года, но отъ подробнаго изложенія сношеній отказался. Изъ его объясненій слѣдуетъ заключить: 1) что означенныя сношенія не лишили его извѣстной свободы въ дѣйствіяхъ; 2) что онъ примкнулъ къ той группѣ членовъ революціонной партіи, которая занимается литературнымъ дѣломъ; и 3) что онъ разновременно вступалъ въ переговоры съ нѣкоторыми членами такъ называемой „конституціоналистической“ партіи, въ числѣ которыхъ ему

извѣстны два видныхъ земскихъ дѣятеля, (имена шифромъ), пользующихся, будто-бы, полнымъ довѣріемъ мѣстныхъ правительственныхъ властей. Одно изъ послѣднихъ лицъ разсматривало съ нимъ вышеупомянутую „программу общественной организаціи“ и сдѣлало на оной письменное добавленіе о преимущественности воздѣйствія на правительство „изморомъ“ (т. е. не-платежемъ податей) надъ всякою иною насильственно-революціонною мѣрою. Безпристрастная группировка вышеизложенныхъ показаній позволяетъ заключить о существованіи въ теченіи прошлаго лѣта политическихъ сношеній между „земцами-либералами“ (очевидно принадлежащими къ Земскому союзу) и лицами имѣвшими прямое соприкосновеніе къ революціонной партіи“.

4. Выписка изъ дознанія производимаго по дѣлу о задержаніи Севастопольскаго мѣщанина Петра Абрамова Теллалова (арестованнаго въ С.-Петербургѣ 17 декабря 1881 года).

„При арестѣ Теллалова, на немъ найдены: кинжалъ, нѣсколько экземпляровъ № 3 Рабочей газеты (8 декабря 1881 г.). 5 листковъ озаглавленныхъ „Рабочая группа партіи Нородной Воли“, тетрадь подъ заглавіемъ „бей ворону, бей галку и орла пришибешь“ нѣсколько экземпляровъ шифрованныхъ записокъ и письмо, подписанное псевдонимомъ „Тигръ“. Въ этомъ письмѣ, адресованномъ къ нѣкоему Михаилу Семеновичу, предлагается ему взяться за одно важное и весьма секретное дѣло, „болѣе твердое и болѣе почвенное“, нежели предъидущія предпріятія. Далѣе указывается на то, что „вся работа должна лежать на легальныхъ“. Упоминая о какихъ-то „посредникахъ“, авторъ письма замѣчаетъ, что „чѣмъ легальнѣе посредникъ, тѣмъ онъ надежнѣе“. Въ заключеніе сообщается объ изданіи заграницей журнала научно-соціалистическаго направленія, съ русскою хроникою и корреспонденціями“.

Сопоставляя выраженіе „почвенное“, (употребляемое по преимуществу земцами-либералами въ противуположность „безпочвеннымъ предпріятіямъ революціонеровъ“), съ указаніемъ на новое заграничное изданіе „научно-соціалистическое“, слѣдовательно и болѣе умѣреннаго направленія, нельзя не придти къ заключенію, что письмо, за подписью „Тигръ“, заключаетъ въ себѣ ясное указаніе на нѣкоторую связь между революціонною партіею и предпріятіями земскихъ дѣятелей; связь существовавшую по всѣмъ вѣроятіямъ въ декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года“.

Приложеніе лит. Б.

„Программа Земскаго Союза 1881 года (литографированная или гектографированная на 67 страницахъ) находилась въ рукахъ трехъ секретныхъ сообщителей, никакихъ отношеній другъ съ другомъ не имѣющихъ, и показанія коихъ по сему предмету сходятся до подробностей. Указанія, имѣющіяся относительно предисловія и заключенія программы, изложены въ приложеніи за Лит. В. Фактическая же сто-

рона программы, провѣренная, какъ сказано выше, тремя прекрасными свидѣтельствами, сводится къ слѣдующимъ пунктамъ.

„1. Отрицаніе террора правительственнаго и революціоннаго. Рѣшительное устраненіе административной иниціативы отъ государственныхъ функцій судебныхъ и законодательныхъ. Въ связи съ этимъ уничтоженіе административной высылки и экстраординарныхъ военно-административныхъ мѣръ; судебное разбирательство проступковъ по дѣламъ печати и проч. Свобода вѣроисповѣданій и политическихъ убѣжденій.

„2. Упраздненіе подушной подати и выкупныхъ платежей. Въ связи съ этимъ: финансовая операція, клонящаяся къ даровому надѣленію бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, (какъ временно-обязанныхъ, такъ и пользующихся четвертнымъ или уменьшеннымъ надѣломъ), высшею нормою надѣла данной мѣстности; при чемъ расходы на сію операцію предлагается покрыть помощью государственнаго займа. Обложеніе пропорціонально имущественной состоятельности каждаго. Уравненіе всякаго рода повинностей. Постепенная отмѣна косвенныхъ налоговъ, начиная съ предметовъ всеобщаго потребленія. Уравненіе всякихъ привиллегій по состоянію, имуществу и образованію.

„3. Децентрализація государственнаго управленія по всесословнымъ общинамъ, волостямъ, уѣздамъ и областямъ; (первонач. редакція: губерніямъ): а) Всесословная община: экономическая, судебная и низшая полицейская единица, самостоятельная и не подлежащая правительственному вмѣшательству. Всѣ общественныя службы, въ томъ числѣ и охрана личной безопасности, возлагается на людей, избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ. Всесословный общественный судъ, руководящійся обычнымъ правомъ. б) Всесословная волость: финансовая, судебная и низшая административная единица. Раскладка земскихъ и государственныхъ податей и повинностей, соглано пункту II-му; Мировой судъ,—аппеляціонная и кассаціонная инстанція по отношенію къ общинному суду; в) Уѣздное земство, избираемое всеобщею подачею голосовъ: самостоятельная культурная, (низш. и сред. учебн. заведенія) судебная, (Мировой Съѣздъ), и административная, (избранный исполнительный органъ), единица; г) Областное земство: законодательная, (по вопросамъ о мѣстныхъ нуждахъ), и высшая культурная единица; назначеніе въ каждую область уполномоченнаго отъ центральной власти для связи ея съ обще-государственнымъ управленіемъ; недоразумѣнія между уполномоченнымъ и областнымъ земствомъ разрѣшаются особымъ судебнымъ учрежденіемъ, избираемымъ соборомъ.

„4. Центральное народное представительство, не въ смыслѣ совѣщательнаго, но полноправнаго законодательнаго органа. Земскій соборъ, состоящій изъ двухъ палатъ, засѣдающихъ вмѣстѣ лишь въ качествѣ учредительнаго собранія. Верхняя Палата,—изъ депутатовъ отъ областныхъ земствъ, снабженныхъ „обязательнымъ полномочіемъ“. Нижняя Палата, изъ депутатовъ отъ особыхъ избирательныхъ съѣздовъ. Съѣзды состоятъ изъ гласныхъ, избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ всесословныхъ общинъ. По примѣрному расчету одинъ гласный приходится на 200 т. жителей, что даетъ на всю Россію палату въ 450 человѣкъ.

Приложеніе лит. В.

„Благодаря счастливой случайности представилась возможность познакомиться съ нѣкоторыми выдержками изъ программы Земскаго Союза 1881 г., дающими понятіе о мнимо-вѣрноподданническомъ слогѣ сего сочиненія, скрывающемъ замыслы, если не прямо революціонные, то, во всякомъ случаѣ, въ высшей степени не благонамѣренные. А именно: согласно показаніямъ двухъ изъ упомянутыхъ въ прил. Б секретныхъ сообщителей, предисловіе и заключеніе подлинной программы Земскаго Союза заключаетъ въ себѣ мѣста, почти слово въ слово сходящіяся съ частною запискою (имя шифромъ) поданною на Высочайшее имя 23 мая 1881 г. и переданною на заключеніе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Выписки изъ упомянутой записки приводятся здѣсь, конечно, не съ тѣмъ, чтобы бросить какую либо тѣнь на вѣрноподданническія чувства автора записки, пользующагося личнымъ довѣріемъ Государя Императора, но лишь съ цѣлью ознакомиться съ литературнымъ произведеніемъ, въ которомъ, (по показанію двухъ свидѣтелей), дословно повторяются цѣлыя разсужденія, встрѣчающіяся въ программѣ Земскаго Союза, и тѣмъ самымъ освѣтить замыслы противузаконнаго общества, подлежащаго настоящему секретному дознанію; тѣмъ болѣе, что подлинная программа сего сообщества не подлежала разсмотрѣнію Департамента Государственной Полиціи.

„Выписки изъ докладной записки, (имя шифромъ). 1. Страницы 2-я и 3-я.

„Трудно послѣ этого представить, чтобы Россія могла долго оставаться единственнымъ исключеніемъ въ семьѣ европейскихъ государствъ и чтобы она не удостоилась отъ своего Государя того довѣрія, которое онъ оказываетъ своимъ Финляндскимъ подданнымъ или покровительствуемымъ имъ Славянамъ. .... Если-же за симъ ближе всмотрѣться во внутреннюю связь всѣхъ преобразованій, ознаменовавшихъ послѣднее царствованіе, то столь-же трудно предположить, чтобы, послѣ освобожденія крестьянъ, гласнаго суда и пр.... вся эта совокупность коренныхъ реформъ не была доведена до конечной цѣли, ей логически указанной, и чтобы могла быть кѣмъ-либо поставлена непреодолимая преграда дальнѣйшему развитію нашей государственной жизни. И на самомъ дѣлѣ, будетъ-ли подобная преграда въ состояніи удержаться, не только противъ возрастающаго напора общественнаго мнѣнія, но и противъ практической необходимости обращаться къ силамъ страны для разрѣшенія и пр.... Не слѣдуетъ ли напротивъ того признать, что введеніе представительнаго начала въ нашъ государственный строй принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ явленій, которыя человѣческая воля не въ состояніи предотвратить, и что предстоящая нынѣ задача заключается не въ упорномъ и безплодномъ противодѣйствіи неизбѣжному преобразованію, но въ изслѣдованіи тѣхъ условій, при которыхъ это преобразованіе могло бы совершиться съ наибольшею пользою, или по крайней мѣрѣ съ наименьшею опасностью.

2. Страницы 11, 12 и 13:

„Беззавѣтная преданность царю столь глубоко вкоренена въ огром-

номъ большинствѣ русскаго народа, что трудно себѣ представить возможность открытой борьбы съ Государемъ для захвата его верховныхъ правъ. Во всякомъ случаѣ, если-бы даже и была сдѣлана подобная попытка, то правительству, на долгое еще время, обезпеченъ легкій и несомнѣнный успѣхъ.... На самомъ дѣлѣ этого не будетъ. Нельзя отрицать, что въ Россіи находится не малое число людей враждебно настроенныхъ не только по отношенію къ настоящему государственному строю, но и къ власти и къ личности Государя; что эти люди обладаютъ особою энергіею, сильною организаціею и во многихъ случаяхъ значительнымъ талантомъ... Очень можетъ быть, что нѣкоторое число этихъ лицъ проникнетъ въ будущее собраніе и будетъ въ состояніи завлечь людей, лишенныхъ самостоятельныхъ убѣжденій и легко увлекаемыхъ чужимъ краснорѣчіемъ.

„Но тѣмъ не менѣе эта группа, публично поставленная лицемъ къ лицу ко всей массѣ русскаго народа и чувствуя свое численное ничтожество, не отважится на гласное изъявленіе своихъ анархическихъ убѣжденій. На этой почвѣ отъ вождей означенной группы не только невозможно ожидать открытаго посягательства на Верховную власть Императорскаго Величества, но даже продолженія тѣхъ подпольныхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ они нынѣ безуспѣшно преслѣдуютъ наше государственное и общественное разложеніе.

3. Страницы 25 и 26.

„Но рядомъ съ этимъ огромнымъ большинствомъ, составляющимъ несокрушимый, но такъ сказать пассивный, оплотъ верховной власти, имѣется меньшинство незначительное по сравнительному числу членовъ, но представляющее огромную важность по нравственному своему значенію. Это меньшинство обнимаетъ всю безъ исключенія образованную часть общества и къ нему примыкаютъ всѣ новыя силы, постоянно выдѣляющіяся, по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія, изъ глубины народныхъ массъ. Если принять въ соображеніе, что къ этому меньшинству принадлежатъ всѣ лица, занимающія административныя и судебныя должности, трудящіяся на поприщѣ науки, литературы, журналистики, адвокатуры, всѣ общественные дѣятели,.... то нельзя не признать, что въ этой сравнительно малочисленной группѣ людей сосредоточивается государственная и общественная жизнь, и что безъ ихъ постояннаго содѣйствія, наше отечество не только потеряло-бы свое мѣсто въ семьѣ образованныхъ народовъ, но и лишилось-бы всякаго жизненнаго организма и обратилось-бы въ безсильное сочетаніе разрозненныхъ единицъ... Стремленія всѣхъ лицъ, составляющихъ это меньшинство, до крайности разнообразно; но между ними преобладаетъ одно общее чувство; это,—болѣзненное неудовольствіе настоящимъ и нетерпѣливое ожиданіе той минуты, когда живыя силы страны будутъ призваны къ участію въ государственномъ управленіи. Это возрастающее стремленіе образованной части нашего общества есть такое явленіе, которымъ было-бы безразсудно пренебрегать; тѣмъ болѣе, что никакая уступка, сдѣланная по сему направленію не будетъ въ состояніи поколебать простую и твердую вѣру въ царя, отражающуюся въ остальной массѣ русскаго народа“.

Приложеніе лит. Г.

Выписка изъ ежемѣсячнаго донесенія Секретнаго Отдѣленія С.-Петербургской Городской Полиціи, 1 Октября 1881 года.

„Секретная агентура извѣщаетъ о выдающейся роли А, (имя шифромъ), Б, (имя шифромъ) и В, (имя шифромъ), въ собраніяхъ лицъ намѣченныхъ въ качествѣ сторонниковъ Земской агитаціи. Характеръ этихъ собраній существенно отличается отъ революціоннаго направленія, господствующаго въ большинствѣ кружковъ, подлежащихъ наблюденію внутреннихъ агентовъ. Террористическія предпріятія безусловно осуждаются; Партія Народной Воли, задавшаяся мыслью выражать „пожеланія несуществующаго въ Россіи пролетаріата“ признается „безпочвенною и тормазящею домогательства“ прочихъ оппозиціонныхъ элементовъ, выражающихъ будто-бы, дѣйствительныя нужды и требованія огромнаго большинство населенія; дѣятельность поименованной партіи признается временною, торопливою и несущественною и всякая съ нею солидарность строго возбраняется. Тѣмъ не менѣе постоянно повторяются горькія и непочтительныя нареканія на существующій порядокъ вещей и въ частныхъ разговорахъ нерѣдко слышатся возгласы и замѣчанія, подходящіе подъ опредѣленіе Государственныхъ преступленій, предусмотрѣнныхъ 246 ст. Улож. о наказ. Крайне осторожное наружное наблюденіе, учрежденное за вышепоименованными А, Б и В, указало на постоянныя ихъ сношенія съ кругомъ знакомыхъ вполнѣ благонадежныхъ, между прочимъ съ нѣкоторыми изъ членовъ такъ называемой Добровольной охраны, (поименованныхъ въ прилагаемой отдѣльной запискѣ). По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ А, Б и В избраны „делегатами“ вышеописаннаго Земскаго кружка; имѣются указанія на участіе упомянутыхъ лицъ въ какомъ-то литературномъ предпріятіи, долженствующемъ „пріучать общественное мнѣніе къ западно-европейскому конституціонализму“. Нерѣдко упоминаются въ разговорахъ имена эмигрантовъ Лаврова и Драгоманова, при чемъ означенные эмигранты признаются какъ бы полезными и почтенными дѣятелями. На собраніи 17 сентября въ гостинницѣ Демутъ В назвалъ Лаврова „піонеромъ соціальной науки, человѣкомъ безупречно честнаго и гуманнаго характера и, конечно, не террористомъ“; Драгоманова-же охарактеризовалъ человѣкомъ „не только обширнаго ума и образованія, но еще вполнѣ цивилизованнымъ и до тонкости совѣстливымъ“. Въ разговорѣ указывалось между прочимъ на „смѣшеніе понятій, господствующее въ Священной Дружинѣ“ и на необходимость повліять на означенную „Дружину“ черезъ посредство нѣкоторыхъ членовъ С.-Петербургской Добровольной Охраны, въ томъ смыслѣ, чтобы выгородить вышеупомянутыхъ эмигрантовъ изъ числа лицъ, признанныхъ главарями террористической партіи. А. обѣщалъ переговорить отъ этомъ съ (имя шифромъ), замѣтивъ однако, что „ввиду полной безопасности Государя за-городомъ“ и „невозможности покушенія на его жизнь“, упомянутый разговоръ не „представляется на практикѣ неотложно спѣшнымъ“. На томъ же вечерѣ организація и цѣли „Дружины“ безусловно осужда-

лись и признавались столь-же беззаконными и безпочвенными, какъ и предпріятія террористовъ революціонеровъ. Общество-же „Добровольной Охраны“ признавалось учрежденіемъ если не вполнѣ нормальнымъ, то по крайней мѣрѣ дѣйствующимъ на законной почвѣ и задавшимся „полезными“ политическими цѣлями“.

Приложеніе лит. Д.

Выписка изъ письма неизвѣстнаго лица на имя Г-жи Помелко въ Швейцарію (Кларанъ).

Адресъ: Въ Швейцарію Женева Suisse, Clarens Canton de Vaud cartier de Platane maison Vichaud M-me Olga Pomelko.

Переводъ съ малорусскаго.

„Прямо до дѣла: Я познакомился съ перевозчиками В. С. Одинъ изъ нихъ былъ мнѣ раньше знакомъ.—Другой,—тоже; но онъ не показывается мнѣ.—Это „панъ“ Піотровскій, котораго и вы знаете и о которомъ было напечатано въ Народной Волѣ, что онъ шпіонъ. Я его не видѣлъ, но онъ, говорятъ, занимается здѣсь перевозкою В. С. Знакомый мнѣ перевозчикъ говоритъ, что онъ не шпіонъ, и что Народная Воля ошиблась. Я-же думаю, что И. К. не печатаетъ слегка, а о такихъ дѣлахъ подавно. Напишите, будьте ласковы, что за человѣкъ этотъ „панъ“ и чѣмъ онъ теперь занимается. Кромѣ того разсказываютъ, что нѣкоторые подписчики В. С. дѣйствуютъ съ вѣдома Священной Дружины [1]); Вы, говорятъ, ручаетесь, что кромѣ пользы украинскому дѣлу, ничего изъ того не выйдетъ и мучениковъ не будетъ. Конечно, Ваше и Аксельрода ручательство вполнѣ достаточны, но все-же просимъ объяснить въ чемъ дѣло... Надо будетъ ближе сойтись съ перевозчиками Какъ бы не вышла шкода съ „паномъ“. Пусть плательщики смѣнятъ его, безъ чего опасно имѣть съ нимъ дѣло.—Книжки „Громады“ и В. С. розданы по-рукамъ. Читаютъ, но къ сожалѣнію у однихъ чиновничьи думки, другіе-же не наши. Украйна богата Московскимъ якобинствомъ. Пора, давно пора намъ быть самостоятельными, а не московскими прихвостнями.—Пишите-же“.

Ко всей этой исторіи, равно какъ и къ личностямъ г.г. Романенко, «Тигра», и др., мы надѣемся вернуться еще не разъ и не разъ.

Редакція.

[1]) Разумѣется: С.-Петербургское общество Добровольной Охраны. *Примѣч. подлинника.*

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

1) **Н. Ревуцкій.** Передъ пришествіемъ антихриста ц. 20 к.

2) **Волонтеръ.** Русско-японская война. Книгоизд. «Новый міръ».

3) **Вас. Якимовъ.** Голодъ Изд. книгоизд. «На разсвѣтѣ».

4) **П. Тимофеевъ.** Чѣмъ живетъ заводскій рабочій. Изд. «Русскаго Богатства» ц. 40 к.

5) Изданія *Е. М. Алексѣевой* (23 брошюры).

6) Изданія книгоиз. «*Новый Міръ*» (23 брошюры).

7) Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в. Сборникъ подъ ред. *В. Богучарскаго* т. I, изд. «Дон. Рѣчи» 1 р. 50 к.

7) **П. Лебедевъ.** Библіотека соціалъ-демократа ц. 15 к.

9) **М. Гершензонъ.** Соціально-политическіе взгляды А. И. Герцена ц. 15 к.

10) **M. Wischnitzer.** Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland in ersten Viertel des XIX Jahrh.

11) **П. И. Пестель.** Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Книгоиздательство «Культура» СПБ.

12) **В. А. Мякотинъ.** Изъ исторіи русскаго общества. 2-е изд. книгоиз. «Русское Богатство» ц. 1 р. 25 к.

13) **Современныя газеты, воззванія и листки** Комитетовъ Р. С. Д. Р. партіи: Московскаго, Казанскаго, Самарскаго и Уфимскаго.

14) **Изданія** Тверского Губ. Комитета К. Д. партіи.

15) **Дубликаты** нѣкотор. №№ «Изв. Сов. Раб. Депутатовъ».

16) Неимѣвшіяся у насъ слѣд. *старыя изданія* (на различныхъ условіяхъ): *шестидесятыхъ годовъ*: 1) прокл. по поводу высылки проф. Павлова; 2) Прокл. къ солдатамъ. 3) «Всему народу русскому—крестьянскому отъ людей ему преданныхъ—поклонъ и грамота»; 4) Подвигъ капитана Александрова; 5) «Свобода» № 2 изд. Общ. «Земля и Воля» (всѣ печатныя). *Семидесятыхъ годовъ*: 1) «Чтой-кто братцы»; 2) Золотая грамота (на малорос. языкѣ). 3) Прогр. «Общ. для содѣйствія револ. движ. въ Россіи»; 4) Прокл. къ крестьянамъ (30 января 1879 г.); 5) Прокл. по поводу покуш. на жизнь Дрентельна; 6) Прокл. «казнь агента

тайной полиціи Рейнштейна». 7) Прокл. объ убійствѣ въ Ростовѣ-на-Дону шпіона Никонова. 8) Прокл. «рабочимъ патроннаго завода». 9) «Слово луганскихъ казаковъ ко всѣмъ своимъ братьямъ-казакамъ». 10) Прокл. землевольцевъ—«славн. войску казацкому» (1879 г.). 11) Прокл. «ко всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ». 12) Прокл. «къ обществу» («письмо с. р-ра, взявшаго на себя казнь Крапоткина»).—(Всѣ печатныя) *Восьмидесятыхъ годовъ*: (1 «Рабочая газета» № 3 (1881 г.). 2) Прокл. Исп. Ком. по поводу казни цареубійцъ. 3) Инструкція членамъ «Общества Народнаго Освобожденія». 4) Прокл. общества «Земля и Воля» по поводу событія 1 марта 1881 г. (отъ 14 марта 1881 г.); 4) Прокл. Исп. Ком. къ франц. народу по поводу переговоровъ рус. прав. съ Франціей о выдачѣ Гартмана. (всѣ печатныя) 6) The illustrated London News 1881. (съ изобр. казни цареубійцъ). Двѣ *гектографированныя* прокламаціи—одна «къ русск. крестьянству и всему русскому рабочему народу» (22 августа 1881 г.), другая—«русскимъ солдатамъ» (15 января 1882 г.)—обѣ за подписью «Соціалисты черноземной полосы». Получена также копія съ чигиринской «грамоты» Стефановича и К°. Получены карточки: Квятковскаго, Ширяева, Гартмана, Лизогуба, Осинскаго, Терентьевой, Лисовской, Франжоли, Чайковскаго, Давиденко, Попко, Обнорскаго, Сигиды, Мирскаго, Маріи Спиридоновой, лейтенанта Шмидта, студента Блинова (убитаго при защитѣ евреевъ въ Житомірѣ во время бывшаго тамъ погрома), Софьи Перовской (дѣвочкой лѣтъ 5—6-ти) и матери С. Л. Перовской. Получены виды Акатуйской каторги.

Редакція горячо благодаритъ многихъ лицъ, доставившихъ ей весьма цѣнные матеріалы по исторію освободительнаго движенія въ Россіи.

Современная Лѣтопись.

Въ мартовскихъ газетахъ находимъ слѣдующія сообщенія о смертныхъ казняхъ и судебныхъ приговорахъ по политическимъ дѣламъ:

1) Въ Читѣ, 1 марта въ 3 ч. утра объявленъ приговоръ 9 обвиняемымъ. Присуждены къ смертной казни: директоръ музея Кузнецовъ, техникъ Григоровичъ, рабочій Столяровъ, желѣзнодорожные служащіе Цупсманъ, Кларкъ и Ваннштейнъ и мѣщанинъ Кривоносенко, къ безсрочной каторгѣ 18-лѣтній сынъ Кларка; рабочій Качаевъ оправданъ. Прокуроръ поддерживалъ обвиненіе противъ всѣхъ по болѣе мягкимъ степенямъ.

2 марта. Въ три часа дня за городомъ *разстрѣляны техникъ Григоровичъ, помощникъ начальника станціи Цупсманъ, Столяровъ и Ваннштейнъ*; директору музея Кузнецову, Кларку и Кривоносенко казнь замѣнена долгосрочной каторгой.

2) Въ Тифлисѣ, 1 марта, утромъ въ оградѣ Метехскаго замка *казненъ Джорджіашвили*, обвиненный военнымъ судомъ въ убійствѣ генерала Грязнова.

3) Въ Ригѣ, временнымъ военнымъ судомъ крестьяне: Туккумскаго уѣзда—Янъ Бауманъ, Рижскаго уѣзда—Карлъ Орманъ и Баусскаго уѣзда—Теодоръ Земитъ приговорены за покушеніе на убійство городового: *первый къ смертной казни*, остальные къ 20 годамъ каторги.

4) Въ Черниговѣ, 28 февраля приговоромъ судебной палаты покушавшійся на жизнь нѣжинскаго исправника и жандармскаго офицера бывшій гимназистъ Гелецкій приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 5 лѣтъ и 4 мѣсяца.

Четыре еврея, оказавшіе вооруженное сопротивленіе полиціи въ Нѣжинѣ, приговорены къ каторжнымъ работамъ на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ.

5) Въ Самарѣ, 28 февраля канониръ Власовъ за покушеніе на генерала Сергѣева приговоренъ военнымъ судомъ къ 15-лѣтней каторгѣ.

6) Въ Томскѣ, 28 февраля военно-окружнымъ судомъ вынесенъ приговоръ, коимъ одинъ изъ убійцъ тюремнаго надзирателя Гришина, Бердниковъ, *приговоренъ къ смертной казни* черезъ повѣшеніе, а второй Исаевъ, оправданъ.

Приговоръ 10 марта *приведенъ въ исполненіе; Бердниковъ повѣшенъ.*

7) Въ Томскѣ, 1 марта временный военный судъ, разсмотрѣвъ дѣла Говорухина, Пескова и Антонова, обвиняемыхъ по 279 статьѣ, оправдалъ

первыхъ двухъ, а Антонова приговорилъ къ тюремному заключенію на 1 годъ и 4 мѣсяца.

8) Въ Одессѣ, 28 февраля въ военно-окружномъ судѣ, при закрытыхъ дверяхъ, слушалось дѣло призваннаго изъ запаса младшаго врача стрѣлковаго дивизіона Михаила Богомольца, признаннаго виновнымъ въ произнесеніи рѣчей среди рабочихъ и нижнихъ чиновъ. Подсудимый приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, исключенію изъ военной службы и ссылкѣ на поселеніе.

18 янв. на ст. Мысовая Иркут. губ отрядомъ ген. Меллера-Закомельскаго были *разстрѣляны* 2 мысовскихъ телеграфиста, Клюшниковъ, иЕрмолаевъ, 1 телеграфистъ ст. Чита, 1 солдатъ и 2 служащихъ тяги, всего *6 человѣкъ.*

Въ Верхнеудинскѣ 11 февр., состоялся судъ надъ „политическими преступниками": 8 человѣкъ было приговорено къ смертной казни черезъ повѣшеніе и 1 заурядъ-прапорщикъ запаса г. Лиморенко къ разстрѣлу.

По распоряженію генерала Ренненкампфа, четверымъ изъ приговоренныхъ (нач. ст. г. Пашинскому, слесарю г. Носову, пом. нач. ст. г Микѣшину и г. Лиморенко) смертная казнь была замѣнена ссылкой въ каторжныя работы.

Около пяти час. вечера пятеро изъ приговоренныхъ (г. Гольцсобельвъ, слесарь г. Гордѣевъ, г. Шульцъ, нач. Верхнеудинскаго жел.-дор. депо г. Медвѣдниковъ и машинистъ Милютинскій) были повѣшены.

Тѣмъ же отрядомъ ген. Ренненкампфа были *казнены* на ст. Хилонъ— *8 человѣкъ.*

Въ Томскѣ по распоряженію ген. Ренненкампфа *разстрѣляно 60 человѣкъ.*

10) Въ Одессѣ, 2 марта, именующій себя сыномъ генералъ-лейтенанта Иванъ Измаиловъ, обвинявшійся въ распространеніи прокламацій среди воинскихъ чиновъ съ цѣлью ниспроверженія существующаго строя, приговоренъ военнымъ судомъ къ отдачѣ въ исправительный домъ на три года, безъ ограниченія правъ.

Въ московскомъ военно-окружномъ судѣ 2 марта слушалось дѣло капитана 222 пѣхотнаго Гжатскаго полка Шаманскаго.

Въ ноябрѣ прошлаго года капитанъ Шаманскій во главѣ отряда солдатъ былъ командированъ изъ Калуги въ Боровскъ, гдѣ на фабрикѣ Исаева возникли безпорядки. Капитанъ Шаманскій просилъ освободить его отъ этой командировки, связанной съ необходимостью примѣнять мѣры насилія въ цѣляхъ подавленія и усмиренія безпорядковъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, военно-окружный судъ приговорилъ капитана Шаманскрго къ исключенію изъ службы и заключенію въ крѣпости на 1 годъ и четыре мѣсяца.

12) Въ петербургской судебной палатѣ при закрытыхъ дверяхъ слушалось дѣло инженера-электротехника Райнольде-Куровскаго, обвинявшагося по 1 ч. 103 и 3 п. 129 ст. ст. угол. улож., за то что во время всеобщей октябрской забастовки убѣждалъ служащихъ кронштадтской телефонной станціи примкнуть къ забастовкѣ, такъ какъ революція, по его мнѣнію, несомнѣнно возьметъ верхъ надъ правительствомъ. При

этомъ онъ, по показанію служащихъ, непочтительно отзывался объ особѣ Государя. Палата признала его виновнымъ по 129 ст. и приговорила къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ.

Въ Саратовѣ, военнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло неизвѣстной дѣвушки, убившей генералъ-адъютанта Сахарова, фамилія которой до сихъ поръ не установлена, и Бакланова, покушавшагося на жизнь вице-губернатора Кнолля. Оба подсудимые *приговорены къ смертной казни*, но судъ постановилъ ходатайствовать передъ Государемъ о смягченіи наказанія: для убившей гонералъ-адъютанта Сахарова замѣной казни вѣчной каторгой, а для Бакланова—15-ти-лѣтней каторгой.

14) Въ Кутаисѣ, 4 марта *разстрѣлянъ Сванадзе*, участвовавшій въ покушеніи на уѣзднаго начальника Кегамова, умершаго отъ ранъ.

15) 6 марта на островѣ Березани въ четвертомъ часу ночи *разстрѣляны* приговоренные къ смертной казни лейтенантъ Шмидтъ и 3 матроса: Частникъ, Антоненко и Гладковъ.

16) Въ Новочеркасскѣ, палатой приговоренъ на одинъ годъ въ крѣпость второй братъ Мазуренко, Василій, одинъ изъ организаторовъ крестьянскаго союза.

17) Въ Одессѣ, въ военномъ судѣ, по кассаціи главнаго военнаго суда, вторично разсматривалось дѣло 15 нижнихъ чиновъ Ингульскаго полка, обвиняемыхъ въ явномъ возстаніи. Главнымъ виновникамъ наказаніе увеличено съ 7 до 17 лѣтъ каторги. Главный военный судъ постановилъ объявить суду, за исключеніемъ предсѣдателя и одного члена, выговоръ за неправильное примѣненіе статьи, смягчившей наказаніе при налачности доказанности возстанія.

18) Въ Могилевѣ, 7 марта, Езерская, обвиняемая въ покушеніи и нанесеніи ранъ губернатору Клингенбергу, приговорена къ каторжнымъ работамъ на 13 лѣтъ 6 мѣсяцевъ.

19) Въ Варшавѣ, 6 марта въ военномъ судѣ разсматривалось дѣло Онуфрія Томала, обвиняемаго въ покушеніи на убійство чина полиціи. Подсудимый *приговоренъ къ смертной казни* черезъ повѣшеніе.

20) Въ Ревелѣ, военнымъ судомъ вынесенъ приговоръ по дѣлу объ убійствѣ помѣщика Баранова и разгромѣ его имѣнія. Большинство руководителей громилъ были разстрѣляны ранѣе полевыми судами. Передъ судомъ предстало лишь семь второстепенныхъ участниковъ, изъ нихъ *шесть приговорены къ повѣшенію* и одинъ къ тюремному заключенію. Относительно нѣкоторыхъ судъ ходатайствовалъ о смягченіи приговора.

21) Въ Варшавѣ, 8 марта, военно-окружный судъ *приговорилъ* рабочихъ Орыну и Барышевича *къ смертной казни черезъ повѣшеніе* за вооруженное нападеніе на казачій патруль въ Люблинѣ.

27 марта главн. Воен. Судомъ, кассаціонная жалоба осужденныхъ была оставлена безъ послѣдствій.

22) Въ Варшавѣ 9 марта, военно-окружный судъ приговорилъ рабочаго Рольника, обвиненнаго въ вооруженномъ нападеніи, *къ смертной казни черезъ повѣшеніе*. Судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей, разсмотрѣвъ при закрытыхъ дверяхъ дѣло Джимальскаго, обвиненнаго по 103 и 129 статьямъ уголовнаго уложенія, приговорила его къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ.

23) Въ Варшавѣ 9 мар а, по приговору военно-окружнаго суда *разстрѣлянъ* Чекальскій, виновный въ покушеніи на убійство стражника въ Петроковѣ.

24) Въ Читѣ 13 марта, Окунцовъ, Шинкманъ и Мирскій Высочайше помилованы: казнь имъ замѣнена безсрочной каторгой.

25) Въ Ригѣ, 9—III, военный судъ послѣ двухдневнаго засѣданія приговорилъ обвиняемыхъ въ вооруженномъ нападеніи на квартиру купца Пухерта, похищеніи оттуда оружія и патроновъ и покушеніи на убійство двухъ городовыхъ—*Ротенберга, Андерсона и Спека къ смертной казни черезъ повѣшеніе*. Гульбе къ безсрочной каторгѣ, Сетина къ каторжнымъ работамъ на 12 лѣтъ, Скиббе оправданъ.

21—III. Въ усть-двинской крѣпости *приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ* военнаго суда *надъ Спекомъ*.

26) Въ Одессѣ, 10 марта, военный судъ приговорилъ унтеръ-офицера Дунайскаго полка Рогожина къ ссылкѣ на поселеніе за распространеніе сочиненій, возбуждающихъ чиновъ къ бунтовщическимъ дѣяніямъ и къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго строя.

27) Въ Петербургѣ, 10 марта въ 1 часъ ночи вынесенъ былъ военно-окружнымъ судомъ приговоръ по дѣлу о вооруженномъ нападеніи на ссудо-сберегательную кассу. Подсудимый Буровъ за недонесеніе о готовившемся нападеніи приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ, *пятеро остальныхъ*: Жоховъ—20 лѣтъ, Калмыковъ—18 лѣтъ, Семеновъ—19 лѣтъ, Третьяковъ—30 лѣтъ и Кублицкій—19 лѣтъ—*къ смертной казни черезъ повѣшеніе*.

Главный военный судъ оставилъ безъ послѣдствій кассаціонную жалобу обвиненныхъ.

28) Въ Тамбовѣ, 11 марта, *Марія Спиридонова приговорена военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но судъ постановилъ, представляя приговоръ на конфирмацію, сообщить о смягчающихъ вину обстоятельствахъ*.

Получено извѣстіе, что Спиридоновой смертная казнь замѣнена 20-лѣтнею каторгою.

29) Въ Ревелѣ, 11 марта въ военномъ судѣ слушалось дѣло крестьянина Гольдберга, обвинявшагося въ покушеніи на убійство двухъ городовыхъ въ Юрьевѣ. *Гольдбергъ приговоренъ къ смертной казни*.

30) Въ Митавѣ, 10 марта засѣдавшій въ Туккумѣ военный судъ приговорилъ *къ повѣшенію Бисенека*, обвинявшагося въ томъ, что во время туккумскихъ безпорядковъ онъ стрѣлялъ въ драгунъ съ церковной колокольни. *Приговоръ приведенъ въ исполненіе* 21 марта.

31) Въ Варшавѣ, 11 марта. Въ цитадели *разстрѣлянъ Талбанскій*, приговоренный къ смерти варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ за покушеніе на убійство чиновъ полиціи въ Пабіаницахъ.

32) Въ Екатеринославѣ, 12 марта, въ засѣданіи военнаго суда по дѣлу анархиста Кліенко, стрѣлявшаго въ прапорщика Каистрова, обвиняемый объяснилъ, что ранилъ Каистрова нечаянно, отстрѣливаясь отъ солдатъ. Кліенко приговоренъ къ 15 годамъ каторги.

33) Въ Вильнѣ, покушавшійся на жизнь жандармскаго унтеръ-офи-

цера Малаховскаго, Свидлеръ *приговоренъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.* Въ виду несовершеннолѣтія подсудимаго, а также въ виду того, что отъ покушенія никто не пострадалъ, судъ постановилъ ходатайствовать передъ командующемъ войсками о замѣнѣ смертной казни каторжными работами на срокъ по его усмотрѣнію.

34) Въ Екатеринославѣ, 13 марта, военный судъ въ Екатеринославѣ *приговорилъ* крестьянина Василія Короткаго за участіе въ преступномъ сообществѣ съ цѣлью ниспроверженія государственнаго строя къ *смертной казни черезъ повѣшеніе,* вмѣстѣ съ тѣмъ судъ ходатайствуетъ о смягченіи наказанія. Мѣщанинъ Вячеславъ Виноградовъ за сопротивленіе военному караулу приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ.

35) Въ Читѣ, 14 марта кончилось дѣло объ участіи въ почтовой забастовкѣ и въ почтовомъ союзѣ; обвиняемыхъ 14. *Начальникъ конторы Замошниковъ, Хмѣлевъ, Костылевъ, Андріевскій, Рыбинъ, Беркманъ, Розовъ, Іосифъ Дмитріевъ, Афанасьевъ, Мейлупъ, Грековъ, Сосновскій и Богоявленскій присуждены къ смертной казни.* Василій Дмитріевъ оправданъ.

Генералъ Ренненкампфъ замѣнилъ смертную казнь почтовымъ чиновникамъ Замошникову, Хмѣлеву, Костылеву, Андреевскому, Беркману, Мейлупу безсрочной каторгой, Рыбину каторжными работами на 12 лѣтъ, Дмитріеву на 6, Богоявленскому и Грекову на 4 года, Сосновскому и Афанасьеву ссылкой на поселеніе, Розову отдачей въ исправительное отдѣленіе на 3 года.

37) Въ Ригѣ, 15 марта военный судъ приговорилъ Упескала, Индрика и Имиля Грандовскихъ, Индрика и Лавиза Ассарахъ и Мельгавля къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ каждаго,—первыхъ трехъ за нанесеніе смертельныхъ ранъ городовому Павасару, а остальныхъ за приведеніе въ исполненіе постановленнаго революціоннымъ комитетомъ смертнаго приговора надъ мастеромъ Розенеромъ.

38) Въ Витебскѣ, 15 марта судебная палата разсмотрѣла дѣло 18-лѣтняго реалиста, сына нотаріуса Огуза, обвинявшагося въ покушеніи на убійство исправника во время политической демонстраціи. Огузъ признанъ виновнымъ въ сопротивленіи властямъ и приговоренъ на полтора года тюрьмы безъ лишенія правъ; въ покушеніи на убійство оправданъ.

39) 15 марта первый разъ по закону 2 декабря о стачкахъ, прошлаго года, петербургскій окружной судъ выслушалъ дѣло о 3 служащихъ варшавской жел. дор., препятствовавшихъ одному изъ кондукторовъ исполнять свои обязанности. Судъ приговорилъ всѣхъ на годъ въ тюрьму.

40) Въ Ригѣ, 16 марта. Временнымъ военнымъ судомъ приговорены къ пятнадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ 7 членовъ боевой организаціи, въ томъ числѣ одна женщина—за убійство городового Кравчунаса и мастера фабрики Экерта Розенерта.

41) Въ Вильнѣ, 17 марта. Въ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію нижняго чина въ храненіи нелегальной литературы

*

съ цѣлью распространенія таковой. Обвиняемый приговоренъ къ тюремному заключенію на 4 года.

42) Въ Тифлисѣ, 18 марта. Послѣ трехдневнаго разбирательства кончилось дѣло о подготовкѣ покушенія на жизнь завѣдующаго полиціей на Кавказѣ, генерала Ширинкина. Четверо обвиняемыхъ приговорены къ ссылкѣ на поселеніе, двое оправданы.

48) Въ Варшавѣ, 18 марта. За выстрѣлъ въ патруль рабочій Конаржевскій приговоренъ военнымъ судомъ къ повѣшенію. 24 марта *приговоръ приведенъ въ исполненіе* въ Варш. цитадели.

44) Въ Кронштадтѣ, послѣ 49 засѣданій и двухсуточнаго совѣщанія судъ 18 марта въ 5 час. вечера вынесъ резолюцію, которою признаны виновными 123 и оправдано 84 человѣка. Присужденъ къ безсрочной каторгѣ матросъ Буловскій, къ каторгѣ на сроки 20, 12, 8, 6 лѣтъ 8 человѣкъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ и преимуществъ. Къ лишенію правъ. съ исключеніемъ изъ службы и заключеніемъ въ арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства на срокъ отъ 4 до 1 года присуждены 36 человѣкъ. Въ дисциплинарные баталіоны, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, на сроки 3, 2, 1½, 1 годъ приговорены 18 человѣкъ, къ заключенію въ исправительную тюрьму морского вѣдомства на сроки 6, 5, 4, 3, 2 мѣсяца—32 человѣка. Къ строгому аресту на 20 дней—1, на 10 дней—27 человѣкъ. Къ увольненію отъ службы въ дисциплинарномъ отношеніи 1. Всѣ обвиненные, присужденные къ тюремному и другимъ наказаніямъ, кромѣ ареста, отдаются подъ надзоръ полиціи на 4 года. Окончательный приговоръ будетъ объявленъ 30 марта.

45) Въ Могилевѣ: „Сессія кіевской судебной палаты разобрала дѣло Гистелева, стрѣлявшаго въ полицемейстера. Гистелевъ приговоренъ къ 6 годамъ каторги“.

46) Въ Могилевѣ: сессія кіевской судебной палаты разсмотрѣла дѣло объ аграрныхъ безпорядкахъ. Изъ 13 обвиняемыхъ одинъ приговоренъ къ году тюремнаго заключенія, восемь къ 8 мѣсяцамъ, двое—2 мѣсяцамъ и двое оправданы.

47) Въ Одессѣ, 19—III, военный судъ приговорилъ мѣщанина Бингойма къ заключенію въ крѣпости на 2 года, признавъ его виновнымъ въ храненіи, съ цѣлью распространенія, сочиненія подъ заглавіемъ „Всѣмъ рабочимъ Одессы“, при чемъ этого сочиненія онъ не распространялъ по обстоятельствамъ отъ него независящимъ. Мѣщанинъ Голосовкеръ, 17 лѣтъ, приговоренъ военнымъ судомъ къ лишенію правъ и ссылкѣ на поселеніе, по обвиненію въ принадлежности къ одесскому комитету партіи соціалистовъ-революціонеровъ, въ сборѣ денегъ по порученію комитета и въ храненіи квитанціонной книжки.

48) Въ Ригѣ, 22 марта. Военный судъ *приговорилъ Арнольда Микельсона*, за вооруженное нападеніе на ювелирный магазинъ и за стрѣльбу въ чиновъ полиціи и воинскій патруль, *къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*

Тѣмъ же военнымъ судомъ *приговоренъ къ смертной казни* Христофъ Краузе, виновный въ нападеніи на городового.

27 марта оба приговора *приведены въ исполненіе*: въ Ригѣ *казнены Микельсонъ и Краузе.*

49) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 20—Ш. Военно-окружнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло сормовскихъ рабочихъ—Семиклетова, 22 лѣтъ, и Дружкина, 17 лѣтъ, бросившихъ бомбу въ кабинетъ завѣдующаго котельнымъ цехомъ сормовскихъ заводовъ Русакова. Семиклетовъ приговоренъ къ двѣнадцатилѣтней каторгѣ, Дружкинъ къ восьмилѣтней, оба съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

50) Въ Вильнѣ, 22—Ш. Судебная палата приговорила мѣщанина Вавера къ заключенію въ крѣпости на годъ за распространеніе прокламаціи къ ниспроверженію существующаго строя.

51) Во Владивостокѣ, 20 марта. Состоялся судебный процессъ о 23 нижнихъ чинахъ, обвинявшихся въ устройствѣ безпорядковъ на Чуркиномъ мысу въ октябрѣ мѣсяцѣ. *Приговорены двое къ смертной казни чрезъ повѣшеніе.* Остальные на разные сроки къ каторгѣ.

52) Чита, 23 марта. Изъ 46 нижнихъ чиновъ желѣзнодорожнаго баталіона судомъ оправданы 28. Одинъ приговоренъ къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ; прочимъ назначены разныя наказанія. Низшая мѣра наказанія 5 недѣль ареста на хлѣбѣ и водѣ. Обвиненіе къ большинству предъявлено по ст. 102.

53) Варшава, 24 марта. Военный судъ, за разгромъ гминной кассы въ радомскомъ уѣздѣ и оскорбленіе царскихъ портретовъ, приговорилъ Яна Хойнацкаго и Владислава Гусинскаго *къ смертрой казни чрезъ повѣшеніе.*

30 марта, въ крѣпости *приведенъ въ исполненіе приговоръ военнаго суда* надъ Иваномъ Хойнацкимъ и Владиславомъ Гусинскимъ.

54) Одесса, 24 марта. Военный судъ приговорилъ *къ смертной казни чрезъ повѣшеніе* мѣщанина Гурштейна, 24 лѣтъ, признавъ его виновнымъ въ разбоѣ съ нападеніемъ на домъ въ городѣ, объявленномъ на военномъ положеніи. Судъ постановилъ ходатайствовать передъ командующимъ войсками о смягченіи участи подсудимаго.

55) Херсонъ, 24 марта. Военный судъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Мордвинова, разсматривалъ дѣло рядового Жукова, обвинявшагося въ вооруженномъ возстаніи противъ начальства, въ покушеніи на жизнь начальника дисциплинарнаго баталіона Давыдова, нынѣшняго херсонскаго временнаго генералъ-губернатора, и за побѣгъ. Обвиняемый приговоренъ *къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе.*

56) Харбинъ, 24 марта. Дѣло о желѣзнодорожныхъ служащихъ окончено. Приговорены къ заключенію въ крѣпости Лепешинскій на два года, Осендовскій на полтора, Козловскій на три, Тиченко, Каменевъ и Новаковскій на одинъ годъ, 12 подсудимыхъ приговорены къ трехнедѣльному аресту. Гебуа и Березнякъ оправданы.

57) Въ Варшавѣ, фельдфебель и 13 нижнихъ чиновъ второй роты Екатеринбургскаго полка военнымъ судомъ приговорены къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ, шесть человѣкъ—къ 6 годамъ каторги, 18—къ аресту въ исправительномъ отдѣленіи на 4 года—за открытый бунтъ и сопротивленіе начальству.

58) Ярославль, 25 марта. Временный военный судъ послѣ трехдневнаго слушанія дѣла объ Александрѣ и Николаѣ Шмаковыхъ, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство помощника пристава и въ вооружен-

но мъ сопротивленіи полиціи, оправдалъ перваго, второго призналъ виновнымъ только въ послѣднемъ преступленіи и приговорилъ его къ ссылкѣ съ отдачей въ исправительное отдѣленіе на 4 года 2 мѣсяца.

59) Московская судебная палата въ Смоленскѣ, разсмотрѣвъ дѣло о журналистѣ Зоринѣ, обвинявшемся въ произнесеніи на крестьянскомъ митингѣ рѣчи противоправительственнаго содержанія, приговорила Зорина къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ.

60) Въ Варшавѣ, приговоромъ палаты ученикъ семиклассной радомской гимназіи Вайнбергъ ссылается въ Сибирь на поселеніе за разпространеніе революціонныхъ прокламацій и за принадлежность къ „Бунду". Панченко приговоренъ на годъ въ крѣпость за распространеніе прокламацій въ войскахъ. Обвинявшійся въ томъ же 15-ти-лѣтній Нуховичъ приговоренъ къ отдачѣ въ исправительный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ.

61) Въ Саратовѣ, палатой приговорены 15 крестьянъ, обвинявшихся въ безпорядкахъ въ имѣніи Чаплинъ, къ восьми мѣсяцамъ арестантскихъ ротъ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ, и одинъ къ 2 мѣсяцамъ.

62) Тифлисъ, 29 марта. Кавказскимъ военнымъ окружнымъ судомъ *приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе* житель Озургетскаго уѣзда Самсонъ Глонти, признанный виновнымъ въ ограбленіи и убійствѣ 20 февраля отставного полковника Малиновскаго, казначея тифлисской контрольной палаты.

Получены слѣдующія сообщенія о дѣйствіяхъ экзекуціонныхъ отрядовъ въ Прибалтійскомъ краѣ:

63) Въ Старо-Ауцѣ происходятъ засѣданія военно-полевого суда *разстрѣляны уже 22 лица;* многіе наказаны плетьми.

64) Въ Клявскальнѣ сгорѣлъ волостной домъ. *Разстрѣлянъ войскомъ* занимавшійся веденіемъ дѣлъ въ судахъ *Сиполь.*

65) Въ Гольдингенѣ *разстрѣляны,* по словамъ „Muhsu Laiki" *нѣсколько лицъ,* въ томъ числѣ *3 лавочника, 2 еврея и 1 латышъ,* выбранные въ дни безпорядковъ въ городской комитетъ.

66) Въ сермукшинской вол. учитель Л. и предсѣдатель новаго волостного правленія скрылись. Усадьба послѣдняго сожжена. Въ Шеунѣ *разстрѣляны 6 революціонеровъ.*

67) Въ Тауэркалнѣ аресты продолжаются. Волостная школа закрыта. Учитель С. уѣхалъ за границу. Какъ сообщаетъ „Balss", лѣсникъ Акотъ, не желая быть арестованнымъ, застрѣлился.

68) По словамъ газеты „Munlu Laiki" въ Альшвангѣ *разстрѣляны 21 человѣкъ.*

69) Въ салламильской волости *разстрѣляны трое рабочихъ завода Беме:* Мартинъ Вальдманъ, 26 лѣтъ, Юрій Ванадзинъ, 43 лѣтъ. Ихъ обвиняли въ распространеніи прокламацій.

70) Въ Драбажской волости предсѣдатель новаго волостного правленія, владѣлецъ усадьбы *Пуце Берзинъ разстрѣлянъ.* 8 членовъ этого правленія находятся въ слѣдственной тюрьмѣ.

71) Въ Тинужской волости, 5 марта, *разстрѣлянъ войскомъ нѣкій Рудзитъ,* котораго обвиняли въ нѣсколькихъ политическихъ преступленіяхъ.

72) Недалеко отъ Цабельна произошло на-дняхъ столкновеніе между военною командою и революціонерами, команда потребовала впуска въ одну усадьбу, но была встрѣчена выстрѣломъ, ранившимъ офицера въ ногу. Отвѣтнымъ *залпомъ солдатъ были убиты*, какъ оказалось впослѣдствіи, *4 революціонера*. Послѣ этого солдаты подожгли усадьбу, что *заставило* оставшихся въ живыхъ *3 революціонеровъ* пытаться *бѣжать*. При этой попыткѣ всѣ они были убиты.

73) Въ Руэнталѣ въ ночь на 27-е февраля воинскимъ отрядомъ подъ руководствомъ урядника Фрея *разстрѣлянъ владѣлецъ усадьбы Ажель Иванъ Скуенѣкъ*.

74) Въ Олаѣ прибывшій изъ Петергофа экзекуціонный отрядъ, *разстрѣлялъ И. Озоля, Осиза и Энланда* и арестовалъ многихъ, въ томъ числѣ учителя А. Берга. Рольбушское волостное училище закрыто. Учитель П. Дзенисъ скрылся.

75) Въ Оршенгофѣ жена арестованнаго Ренгартена заболѣла умопомѣшательствомъ. *Одинъ изъ членовъ волости застрѣленъ*.

76) Военный отрядъ въ Донданге́нѣ *разстрѣлялъ 13 лицъ, наказалъ плетьми 100, а арестовалъ и увезъ въ Митаву 70*.

77) Въ Кальценау войсками *разстрѣляны* обвинявшіеся въ браконьерствѣ: Р. Клявинъ, Андр. Клявинъ. П. Спрогисъ, Андр. Озолынъ, М. Рудзитъ и И. Клявинъ. Усадьба П. Керкиса сожжена.

Печать въ теченіе марта подвергалась слѣдующимъ преслѣдованіямъ:

1) Въ Варшавѣ, редакторъ бывшаго „Курьера Пораньяго“ Фризе привлеченъ къ судебной отвѣтственности за напечатаніе статьи о бойкотѣ офиціальныхъ телеграммъ и за напечатаніе протокола засѣданія польской соціалистической партіи.

2) Въ Кіевѣ, газета „Свобода и Право“ и еженедѣльный журналъ „Кіевская Иллюстрированная Жизнь“ судебной палатой пріостановлены до судебнаго разбирательства. Редакторъ польской газеты „Глосъ Кіевскій“ привлекается по 129 ст., за передовую статью въ вышедшемъ первомъ номерѣ.

3) Въ Минскѣ, 1 марта, губернаторомъ пріостановлены „Отклики Бѣлоруссіи“ на все время дѣйствія чрезвычайной охраны.

4) Въ Костромѣ, администраціей усмотрѣно 16 статей преступнаго содержанія съ 19 по 27 номеръ „Костромского Голоса“. Такихъ криминальныхъ статей усмотрѣно въ одномъ № отъ 19 февраля 7. Редактору-издателю Покровскому предъявленъ цѣлый рядъ обвиненій по 129 ст. угол. улож. и нѣкоторымъ пунктамъ временныхъ правилъ. № 28 конфискованъ по распоряженію губернатора по телефону. Бумаги о конфискаціи и по обвиненію не предъявлено.

5) Съ столичныхъ книгоиздательствъ и книжныхъ магазиновъ отбирается по распоряженію градоначальника подписка въ томъ, что ими не будетъ производиться продажа слѣдующихъ изданій: „Государственная дума или учредительное собраніе“, „Пауки и мухи“, „Классъ противъ класса“, „Какъ смотрятъ соціалъ-демократы и соціалъ-революціонеры“, „Программы русскихъ политическихъ партій“, „Новый законъ“, „Хватитъ ли на всѣхъ земли“, „Пѣсни революціи“, „Солдатскій

подвигъ", „О налогахъ". „Бесѣды о землѣ". „Какъ обираютъ и закабаляютъ народъ" и „Пѣсни свободы".

6) Въ Смоленскѣ, противъ редактора „Днѣпровскаго Вѣстника" возбуждено девять дѣлъ. Съ него взятъ залогъ въ 1,000 р.

7) Въ Оренбургѣ, изъ вышедшихъ пяти номеровъ газеты „Нашъ Край" три конфискованы; редакторъ землемѣръ Большаковъ арестованъ и къ нему предъявлено обвиненіе по 129 ст.

8) Въ Одессѣ, генералъ-губернаторъ наложилъ на редактора газеты „Южное Обозрѣніе" штрафъ въ 500 р. за замѣтку, содержавшую ложныя свѣдѣнія.

9) Въ Варшавѣ, 4 марта, по распоряженію главнаго начальника края пріостановлено изданіе газетъ „Праца Польска" на одинъ мѣсяцъ; „Промѣнъ Польскій" и „Жондлъ" на время военнаго положенія.

10) Въ Бахмутѣ, 4 марта по распоряженію военнаго генаралъ-губернатора пріостановлено изданіе газеты „Донецкій Вѣстникъ" на время военнаго положенія. Редакторы газеты Кониковъ и Балабановъ привлекаются къ отвѣтственности по 129 ст. Номера газеты конфискованы.

11) Въ Ярославлѣ, редакторъ пріостановленной газеты „Сѣверная Область", Ливановъ приговоренъ къ тюремному заключенію на полтора мѣсяца за нарушеніе временныхъ правилъ о печати. Изданіе газеты прекращено навсегда.

12) Приказомъ генералъ-губернатора пріостановлена газета „Южный Голосъ", въ Елизаветградѣ.

13) Въ Кіевѣ, „Glos Kijowski" привлеченъ къ отвѣтственности по 129-й ст. за передовицу въ № 1-мъ, вышедшемъ 1 марта. 4 марта въ Кіевѣ долженъ былъ выйти первый номеръ двухнедѣльнаго журнала „Молнія". Номеръ былъ уже отпечатанъ и совсѣмъ приготовленъ къ выпуску, но конфискованъ до выхода въ свѣтъ. Изданіе газеты „Кіевскіе Отклики", пріостановленной приказомъ министра на время военнаго положенія, пріостановлено теперь опредѣленіемъ судебной палаты до суда за напечатаніе отчета о послѣднемъ съѣздѣ конституціонно-демокрарической партіи съ рѣчью Винавера о тактикѣ партіи.

14) Въ Симферополѣ, палата пріостановила изданіе газеты „Крымъ", по обвиненію редактора Ейдлина по 129 ст. улож.

15) Въ Петербургѣ полиціей былъ произведенъ обыскъ въ книгоиздательствѣ „Молотъ". Ничего предосудительнаго найдено не было. Къ владѣльцу книгоиздательства однако все же предъявлено обвиненіе за изданіе нѣкоторыхъ брошюръ, разрѣшенныхъ цензурою еще до 17 октября, но изданныхъ потомъ. Владѣлецъ оставленъ на свободѣ послѣ внесенія залога въ 10,000 рублей.

16) Въ Варшавѣ, присяжные повѣренные Стржембинъ и Шифъ арестованы и привлечены къ судебной отвѣтственности за статьи въ закрытомъ нынѣ „Утреннемъ Курьерѣ", въ которыхъ они упрекали мѣстное судебное вѣдомство въ бездѣйствіи.

17) Въ Петербургѣ, въ главный складъ книгоиздательства „Молотъ" явился приставъ съ повѣсткой о привлеченіи „издателя", не указывая

фамиліи, по 129 ст. за брошюру Лафарга „Программа французской рабочей партіи“.

18) Въ Петербургѣ, главное управленіе по дѣламъ печати возбудило ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности по 6 ст. VIII отд. вр. прав. о печати редакторовъ журналовъ: „Дикарь“—г. Синицына за напечатаніе въ № 1 журнала статьи „Рѣжьте, братцы, рѣжьте“; „Свѣтаетъ“—г. Хотулева за помѣщеніе статьи „Митричъ“ въ № 2 этого журнала, „Буревалъ“, г. Турка—за стихотвореніе „Въ альбомъ выпускнымъ кадетамъ“, г. Каменскаго—за напечатаніе въ № 1 статьи „Въ деревнѣ“. Цензурнымъ комитетомъ сдѣлано распоряженіе о конфискаціи № 2 журнала „Свѣтаетъ“. Въ типографіи Кюстеръ, гдѣ печатается названный журналъ, участковой полиціей былъ произведенъ обыскъ. Конфискованы всѣ напечатанные номера, матеріалъ и наборъ.

19) Въ Петербургѣ, 8 марта, былъ произведенъ обыскъ въ редакціи журнала „Новый Міръ“. Ничего предосудительнаго не было дайдено.

20) Въ Кіевѣ, въ отдѣленіяхъ „Сына Отечества“ и „Русскаго Богатства“ произведенъ обыскъ.

21) По телеграфному распоряженію арестованы слѣдующія книжки московскаго книгоиздательства Е. Д. Мягкова „Колоколъ“ (первая библіотека): 1) Ж. Гэдъ „Коллективизмъ“, 2) В. Браке „Долой соціалъ-демократовъ“, 3) А. Б. „Городское самоуправленіе въ Россіи“, 4) Гэдъ и Лафаргъ „Чего хотятъ соціалъ-демократы“ и 5) Н. Чумаковъ „О народномъ самоуправленіи въ Новой Зеландіи“. Первыя три книжки разрѣшены цензурой и на первой изъ нихъ даже напечатано: „Дозволено цензурой“.

22) Въ Петербургѣ, въ „Морской типографіи“ полиція конфисковала около 12 тыс. экземпляровъ только что отпечатаннаго тамъ соціалъ-демократическаго журнала „Прометей“. Типографія не закрыта.

23) Тамъ же, редакторъ „Петербургской Газеты“ Н. С. Худековъ привлекается къ судебной отвѣтственности по 128 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 54 газеты статьи г. Юриста—„Бирюльки“, въ которой главное управленіе по дѣламъ печати усматриваетъ оскорбленіе правительственныхъ учрежденій.

24) Въ Екатеринославѣ, 6 марта, былъ повальный обыскъ у разносчиковъ газетъ. Безжалостно конфисковались „Рѣчь“, „Страна“, имѣлось въ виду обнаружить агента „Руси“. Нѣсколько разносчиковъ арестовано, ихъ избивали пачками конфискованныхъ газетъ.

25) Въ Одессѣ, генералъ-губернаторъ воспретилъ на время военнаго положенія розничную продажу газеты „Наша Жизнь“.

26) Въ Екатеринбургѣ, пріостановлена газета „Уральскій Край“—орг. конст.-пром. партіи.

27) По распоряженію московскаго градоначальника въ книжн. магазинахъ, кіоскахъ и у газетчиковъ отбирался № 2 журнала „Наканунѣ“ и послѣдній № журнала „Правда“.

28) Въ Петербургѣ, судебнымъ слѣдователемъ начато предварительное слѣдствіе по дѣлу по обвиненію редактора газеты „Русь“ г. Крамалея по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ редактируемой имъ

газетѣ № 49 статьи „Разстрѣляніе Шмидта“ № 50 письма въ редакцію за подписью „Страждущая, измученная жизнь“ и, наконецъ, въ № 52 письма за подписью „Мать“.

29) Министръ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново призналъ необходимымъ на основаніи 180 ст. устава о цензурѣ и печати изъять изъ обращенія выходящія въ Петербургѣ изданія и листки, дозволенные цензурой, подъ заглавіемъ „Воззваніе къ русскому народу“, „Причина всѣхъ несчастій въ Россіи“ и „Мѣры пресѣченія зла отъ евреевъ“. Лицъ, виновныхъ въ распространеніи этихъ брошюръ, привлечь къ отвѣтственности. Привлечь также къ судебной отвѣтственности цензоровъ, дозволившихъ печатать эти изданія.

30) Въ Петербургѣ, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждены уголовныя преслѣдованія противъ редакторовъ газетъ: „Страна“—М. М. Ковалевскаго и И. И. Иванюкова, по ст. 6 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года, за напечатаніе 26 февраля въ № 27 этой газеты статьи подъ заглавіемъ: „Что подѣлываетъ этика? (мысли вслухъ)“, П. Боборыкина; „Вечерній Голосъ“—М. И. Кофтуновскаго, на основаніи того же закона, за напечатаніе 27 февраля въ № 51 газеты статьи „Дневникъ“, и журналовъ: „Заноза“—Р. Л. Антропова, по ст. 181 улож. о наказ. изд. 1885 года съ примѣн. п. *а* ст. 9 отд. VII зак. 24 ноября 1905 года, за напечатаніе въ № 6 означеннаго журнала статьи „Неизданныя новеллы Боккачіо“; „Наканунѣ“—В. К. Агафонова, по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ прим. п. *а* ст. 9 отд. VII зак. 24 ноября 1905 г., за напечатаніе въ № 2 этого изданія статьи, озаглавленной—«На распутьи“; „Безъ заглавія“ С. Н. Прокоповича по ст. 6 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года, за напечатаніе въ № 6 журнала статьи—„Усмиреніе Прибалтійскаго края“; „Истина“ А. Ф. Семенова, по ст. 128 угол. улож., за напечатаніе въ № 4 этого журнала статьи подъ заглавіемъ: „Монархическая, конституціонная и республиканская ложь“.

31) Въ Петербургѣ, редакторъ журнала „Приказчикъ“ г. Козловскій привлеченъ къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 2 редактируемаго имъ журнала стихотворенія „Памятникъ, созидаемый подвигами борющагося пролетаріата“ и статьи „12 марта 1906 года“.

32) Тамъ же, конфискованъ № 5 журнала „Библіотека рабочаго“, опред. суд. пал. изданіе журнала пріостановлено.

34) Въ Петербургѣ, съ 9-го на 10-е марта на квартирѣ редактора-издателя ежемѣсячнаго журнала „Мысль и Жизнь“ А. В. Пѣшехонова, былъ произведенъ обыскъ. По предписанію охраннаго отдѣленія ему было сообщено, что онъ будетъ арестованъ, независимо отъ того, найдутъ-ли у него что-либо „предосудительное“ или нѣтъ. Предписаніе это было приведено въ исполненіе.

35) Въ петербургской судебной палатѣ слушалось дѣло редактора иллюстрированнаго журнала „Паяцы“ г-на Грюнбергъ-Вильгиса, обвиняемаго по 1 ч. 103 и 128 ст. ст. уг. ул. за помѣщеніе въ № 3 журнала: „Пѣсни про одурь кичливую“, „Памяти 9 января„ и „Январскихъ замѣтокъ“. Палата приговорила его къ заключенію въ крѣпость на 6 мѣсяцевъ.

36) Въ Ригѣ, редакторъ-издатель газеты „Рижскія Вѣдомости“, Витвицкій былъ арестованъ прокурорскимъ надзоромъ и освобожденъ по внесеніи имъ 1,000 руб. залога.

37) Въ Симферополѣ, князь Оболенскій, редакторъ газеты „Жизнь Крыма“, привлекается къ отвѣтственности по 129 статьѣ.

38) Въ Москвѣ, по постановленію судебной палаты пріостановлена газета „Жизнь и Свобода“ впредь до судебнаго разбирательства. Экземпляры ея отбирались у газетчиковъ.

39) Въ Варшавѣ, пріостановлено изданіе юмористическаго журнала „Дзенціоль“ на однн мѣсяцъ.

40) Редакторъ „Жупела“ З. И. Гржебинъ 10 марта административно высланъ изъ Петербурга въ Тифлисъ, несмотря на то, что на 22-е марта назначено къ слушанію его дѣло въ судебной палатѣ.

41) По распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати № 2 журнала „Земля и Свобода“ конфискованъ, а редакторъ журнала С. Я. Елпат ьевскій привлеченъ къ отвѣтственности по 1, 2 и 5 п. 129 ст. угол улож. Кромѣ того по представленію прокурора судебной палаты, изданіе журнала пріостановлено.

42) Въ Петербургѣ, сенатъ оставилъ безъ послѣдствій кассаціонную жалобу редактора газеты „Свободное Слово“ М. Б. Городецкаго, приговореннаго с.-петербургской судебной палатой къ 2-хъ-мѣсячному тюремному заключенію по обвиненію по ст. 129 уголовнаго уложенія.

43) Тамъ же постановленіемъ судебной палаты наложенъ арестъ на брошюру подъ заглавіемъ „Гдѣ выходъ“ соч. Л. Н. Толстого, изд. книжнаго склада „Доброе дѣло“, и судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ приступлено къ производству слѣдствія по дѣлу объ изданіи этой брошюры, въ содержаніи которой усмотрѣны признаки 1, 2 3 п. 129 ст. уг. улож.

44) Тамъ же по распоряженію цензурнаго комитета полиція явилась для обыска въ квартиру бывшаго редактора журнала „Митингъ“ г. де-Вальденъ, при чемъ было обнаружено, что г. це-Вальденъ умеръ мѣсяцъ тому назадъ. Полиція направилась тогда къ издателю г. Милановскому, у котораго конфисковано 40 экземпляровъ журнала. Въ типографіи одновременно съ этимъ было конфисковано оставшихся не проданными 380 экземпляровъ журнала „Митингъ“.

45) Въ Одессѣ, генераломъ Карангозовымъ подъ страхомъ строгой отвѣтственности воспрещено мѣстнымъ газетамъ перепечатывать какія либо сообщенія газетъ: „Русь“, „Рѣчь“, „Наша Жизнь“, продажа которыхъ въ Одессѣ Карангозовымъ запрещена.

Днемъ низшими полицейскими агентами грубо схваченъ на улицѣ редакторъ „Южнаго Обозрѣнія“, Бейленсонъ, оштрафованный Карангозовымъ за невѣрное будто бы сообщеніе на 500 р. или двухнедѣльный арестъ. Редакторъ арестованъ въ полицейскомъ участкѣ.

46) Въ Харьковѣ, газета „Будущее“ закрыта по распоряженію генералъ-губернатора.

47) Въ Москвѣ, сегодня полиціей конфискованъ № 3 журнала „Булочникъ“.

48) Въ Петербургѣ, по распоряженію градоначальника приняты мѣры

къ конфискаціи выпущеннаго номера журнала „Бичъ“. Въ типографіи, гдѣ напечатанъ номеръ этого журнала, произведенъ обыскъ.

49) Въ Петербургѣ, конфискованъ № 1 сатирическаго журнала „Анчаръ“. Нѣкоторые изъ сотрудниковъ арестованы. Къ редактору Д. Г. Числіеву предъявлено обвиненіе по 128 ст. угол. ул. (неуваженіе къ Верховной Власти) и по пункту а, ст. 4 отд. VIII временныхъ правилъ о печати. Изданіе „Анчара“ не пріостановлено.

50) Въ Симбирскѣ, издатель Кузнецовъ и редакторъ Миллеръ газеты „Сибирскія Вѣсти“ привлекаются къ отвѣтственности по 129 статьѣ, первый за произнесеніе рѣчи на собраніи выборщиковъ, второй—за репортерскій отчетъ о ней.

51) Въ Петербургѣ, арестованъ редакторъ пріостановленной газеты „Рабочій народъ“ В. В. Кирьяковъ.

52) Въ Саратовѣ, приговоромъ судебной палаты пріостановлена газета „Голосъ Деревни“.

53) Въ Петербургѣ, въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло по обвиненію редактора сатирическаго журнала „Забіяка“ Зузеровича-Клебонскаго по 128 ст. уг. ул. Судебная палата приговорила г. Клебонскаго къ 2-хмѣсячному заключенію въ крѣпость, изданіе журнала прекращено навсегда.

Въ томъ же засѣданіи палата приговорила редактора сатирическаго журнала „Стрѣлы“ г. Кнорозовскаго къ 2-хмѣсячному тюремному заключенію по 128 ст. уг. ул.; изданіе журнала также прекращено навсегда.

54) Тамъ же, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлечены къ отвѣтственности по 1 и 2 пп. 129 ст. угол. улож. редакторъ-издательница журнала „Отзвуки Жизни“ г-жа Жумова за напечатаніе въ № 1 журнала очерковъ по исторіи „Земли и Воли“, и по 1 п. 129 ст. угол. ул. редакторъ журнала „Бичъ“ г. Любарскій за напечатаніе въ № 1 редактируемаго имъ журнала стихотвореній: „Памяти лейтенанта Шмидта“. „Въ тюремной больницѣ“ (съ портретомъ Спиридоновой), „Споръ“, „Три пѣсни“, „Вѣчная память“ и „Вотъ совершилося чудное дѣло“.

55) Въ всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы конфискуется сборникъ „Текущій моментъ“. Изд. „Колокола“ ц. 1 руб.

56) По распоряженію петербургскаго градоначальника на-дняхъ закрыта типографія г. Собко въ виду обнаруженія въ помѣщеніи типографіи при обыскѣ нелегальной литературы, а также въ виду того, что въ типографіи печаталась брошюра „Пѣсни революціи“, которая опредѣленіемъ судебной палаты отъ 4 января была признана не подлежащей распространенію. Помимо закрытія типографіи противъ г. Собко возбуждено уголовное преслѣдованіе.

57) Въ Петербургѣ, судебными властями привлечены къ отвѣтственности по 181 ст. ул. о наказ. и 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати: редакторъ сатирическаго журнала „Маски“ г. Плехановъ за напечатаніе въ № 6 журнала стихотворенія „Вывѣска и Собака“ и за помѣщеніе рисунка съ надписью „Судъ скорый, но немилостивый или интересное представленіе“, и редакторъ журнала „Буревалъ„ г. Турокъ за помѣщеніе въ № 2 журнала статей „Иностранное Обозрѣніе“, „Изъ неизданнаго апокрифа“ и стихотворенія „Осень“ и рисунка съ надписью „Ефрейторъ,

георгіевскій кавалеръ Степанъ Бамбука". Редакторъ журнала „Спрутъ", г. Титовъ, привлеченъ къ отвѣтственности по 6 ст. VIII отд. вр. прав. о печати за напечатаніе въ № 11 редактируемаго имъ журнала статьи „9 марта 1906 г.".

58) Главное управленіе по дѣламъ печати предписало московскому цензурному комитету возбудить преслѣдованіе противъ редактора газеты „Правда Божія" священника о. Григорія Петрова по 1046 ст. улож. о наказ. и по 2 и 3 пп. 129 ст. уг. улож. Въ случаѣ же появленія еще подобныхъ статей, направленныхъ къ оскорбленію преосвященныхъ или вообще лицъ духовнаго званія—пріостановить выходъ въ свѣтъ этой газеты.

59) Въ Кіевѣ, генералъ-губернаторъ Сухомлиновъ предложилъ редакціямъ мѣстныхъ прогрессивныхъ газетъ не касаться въ статьяхъ и замѣткахъ казни лейтенанта Шмидта.

60) Въ Петербургѣ, редакторы „Нашей Жизни" и „Русской Газеты" гг. Водовозовъ и Илковъ привлечены къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 391 „Нашей Жизни" „Воззванія къ рабочимъ С.-Петербургскаго объединеннаго комитета соціалъ-демократической партіи" и въ № 429 „Русской Газеты" „Резолюція собранія представителей всѣхъ районовъ Петербурга Р. С. Д. Р. П."

По распоряженію прокурорскаго надзора редакторъ газеты „Наша Жизнь" г. Водовозовъ привлекается къ уголовной отвѣтственности по 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати за напечаніе въ № 388 редактируемой имъ газеты статьи „Подъ судъ".

61) Въ Петербургѣ, по распоряженію прокурора окружнаго суда возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ полковника Н. Сергѣева, автора статьи „Убійство", напечатанной въ № 1 газеты „Русь" отъ 17 января сего года и трактующей о дѣйствіяхъ л.-гв. семеновскаго полка при водвореніи порядка на прилегающихъ къ Москвѣ желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Дѣло это возникло по приказанію командующаго войсками и гвардіей петербургскаго военнаго округа, усмотрѣвшаго въ инкриминируемой статьѣ оскорбленіе воинской чести и возбужденіе въ населеніи вражды къ войскамъ. Помимо автора, нынѣ по постановленію судебной власти привлекается къ отвѣтственности и редакторъ газеты „Русь" М. Крамалей.

62) Тамъ же, наложенъ арестъ на брошюру „Библіотека Просвѣщенія": „Буржуазная революція и освободительная борьба рабочаго класса". Соч. Грейлиха. Переводъ г. Смирнова. Къ г. Смирнову предъявлено обвиненіе по 1 п. 129 ст. уг. улож. и 1024 ст. улож. о нак.

65) Въ Костромѣ, № 2 „Костромской Рѣчи" конфискованъ.

66) Въ Петербургѣ, № 1 журнала „Партизанъ", по распоряженію цензурнаго комитета, арестованъ.

67) Въ Петербургѣ, редакторъ „Руси" М. М. Крамалей обвиняется въ томъ, что: 1) 15 марта 1906 года, въ городѣ С.-Петербургѣ, состоя отвѣтственнымъ редакторомъ ежедневной газеты „Русь", помѣстилъ въ № 57 названной газеты статью, заключавшую въ себѣ завѣдомо ложныя о дѣятельности правительствующаго сената свѣдѣнія, возбуждающія въ населеніи враждебное къ нему отношеніе, и 2) тогда же и при

тѣхъ же условіяхъ допустилъ помѣщеніе въ означенной статьѣ оскорбительнаго, заключающаго въ себѣ злословіе отзыва о правительствующемъ сенатѣ, названіемъ его конечной станціей фуникулера административной полъ-юстиціи и сравненіемъ его съ полъ-пивными.

Преступленія эти предусмотрѣны п. „в“ ст. 5 отд. VIII временныхъ правилъ о повременныхъ изданіяхъ 24 ноября 1905 г., и ст. 1,040 улож. о наказ., въ виду чего и на основаніи отд. X того же закона М. М. Крамалей подлежитъ суду с.-петербургскаго окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей. 24 марта окр. судъ приговорилъ Крамалея къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца.

68) Въ Харбинѣ, арестованъ П. Ровенскій, редакторъ пріостановленнаго „Харбинскаго Листка“; обвиненій не предъявлено, завѣдывающій и сетретарь высланы за предѣлы Манчжуріи.

69) Въ Одессѣ, по распоряженію ген. Карангозова, цензоръ призвалъ редакторовъ газетъ и строжайше запретилъ дѣлать перепечатки изъ столичныхъ газетъ и журналовъ, запрещенныхъ Карангозовымъ къ продажѣ въ Одессѣ, грозилъ взысканіемъ за перепечатки безъ указанія источника.

70) Во Владивостокѣ, 13 марта, по распоряженію генерала Мищенко закрыта на шестнадцатомъ номерѣ газета „Востокъ“; редакторъ докторъ Емельяновъ и секретарь Поповъ высылаются во внутреннюю Россію, безъ права въѣзда въ столицы.

71) Въ Калугѣ, телеграфисты мѣстной почтово-телеграфной конторы, ссылаясь на распоряженіе губернатора, не пропускаютъ никакихъ телеграммъ, адресуемыхъ въ редакціи столичныхъ газетъ, съ сообщеніями о дѣйствіяхъ мѣстной администраціи“.

72) Въ Петербургѣ, опредѣленіемъ судебной палаты, пріостановлены изданія: 1) „Русская Газета“—за напечатаніе въ № 429 статей „Страхи бюрократіи“ и „Резолюція собранія представителей всѣхъ районовъ Петербурга р. с. д. р. п.“, редакторъ г. Исаковъ привлеченъ къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. уг. улож. 2) журналъ „Митингъ“ за напечатаніе въ № 2 статьи „Республика“, редактору г. Соляному предъявлено обвиненіе по 1 п. 129 ст. угол. улож. 3) журналъ „Голосъ Молодой Россіи“ за напечатаніе въ № 1 статей: „Изъ недавняго прошлаго“, „За границей. Европа и русская роволюція“ и „Изъ письма крестьянина“; редакторъ г. Фишманъ привлеченъ къ отвѣтственности по 1 п., 2 п. 129 ст. угол. улож. и п.п. В и Г ст. 5 и ст. 6 отд. VIII врем. прав. о печати.

73) Тамъ же, градоначальникомъ сдѣлано распоряженіе о принятіи мѣръ къ конфискаціи журналовъ: „Потокъ“ № 1, „Истина“ № 5 и „Подъ звуки Шопена“ № 1. Въ типографіяхъ, гдѣ напечатаны названные номера, произведенъ тщательный обыскъ.

74) Тамъ же, главное управленіе по дѣламъ печати возбудило ходатайство о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности редакторовъ журналовъ: 1) „Полярная Звѣзда“ г. Струве по 128 ст. уг. улож.—за напечатаніе въ № 13 журнала статей: „Божія Милость“ и „Самодержавіе“. 2) „Фонарь“ г. Заикина по 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати—за напечатаніе въ № 2 стихотворенія „Край мой, родимый край“ и 3) „Партизанъ“ г. Кокосова—по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе

стихотворенія „Въ. . . .“ съ рисункомъ. № 13 журнала „Полярная Звѣзда“ конфискованъ. 20 марта опред. суд. палаты журналы эти пріостановлены.

75) Въ Читѣ, администраціей закрыта газета „Забайкалье“ и ея типографія. Арестованы редакторъ Солдатовъ и сотрудникъ Марченко. Конфискованъ первый номеръ; инкриминируется помѣщенное въ этомъ номерѣ стихотвореніе „Памяти 4 казненныхъ“.

76) Въ Одессѣ, профессоръ Новороссійскаго университета Лысенковъ вызванъ былъ въ жандармское управленіе. Ему предъявлено обвиненіе о напечатаніи въ вышедшемъ второмъ номерѣ его журнала „Свободная Школа“ „статей, направленныхъ къ ниспроверженію существующаго строя“. Номеръ конфискованъ, Лысенкову объявлено распоряженіе ген. Карангозова о прекращеніи изданія, состоявшееся 24 декабря и понынѣ неопубликованное.

77) Въ Тифлисѣ, распоряженіемъ генералъ-губернатора за вредное направленіе пріостановлено на время военнаго положенія „Новое Обозрѣніе“. Редактору грузинской газеты „Цнобисъ Пурцели“ предложено въ семидневный срокъ представить неоспоримыя доказательства, которыя подтвердили бы сообщенія кутаисскихъ корреспондентовъ о поджогахъ, грабежахъ и насиліяхъ, учиняемыхъ войсками. Въ противномъ случаѣ газетѣ угрожаютъ закрытіемъ.

78) Въ Петербургѣ, 19 марта, въ редакцію „Руси“ явилась полиція мѣстнаго участка для конфискаціи 61-го номера газеты, согласно распоряженію, отданному по телефону изъ канцеляріи градоначальника. Ни въ типографіи, ни въ экспедиціи номеровъ газеты уже не было, такъ какъ они были всѣ распроданы; о чемъ полиціей и былъ составленъ протоколъ.

79) Въ Спб. окружномъ судѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей слушалось дѣло по обвиненію редактора юмористическаго журнала „Клювъ“ г. Гольмстрема по 6 ст. VIII отд. закона 24 ноября. Поводомъ къ привлеченію г. Гольмстрема къ отвѣтственности послужило стихотвореніе подъ заглавіемъ „Прежде и теперь“. „Была война. Насъ билибили. А изъ Манчжуріи начальственные пни: Солдаты рвутся въ бой— упорно доносили. Не вѣришь—въ старыя газеты загляни... Война окончилась, разбиты всѣ химеры, а въ арміи у насъ все мира нѣтъ, какъ нѣтъ: солдаты рвутся въ бой, (а трусятъ офицеры), читаемъ и теперь мы на листахъ газетъ“. Въ выраженіяхъ „начальственные пни“ и „трусятъ офицеры“ было усмотрѣно оскорбленіе для русскаго войска. Окружный судъ приговорилъ г. Гольмстрема къ 6-мѣсячному тюремному заключенію.

80) Въ Варшавѣ, пріостановлено изданіе газеты „Западная Молва“

81) Въ Тифлисѣ, распоряженіемъ генералъ-губернатора пріостановлена газета „На Поворотѣ“.

82) Въ Ярославлѣ, „Сѣверная Газета“ пріостановлена за статью и стихотвореніе о Шмидтѣ и разстрѣлянныхъ матросахъ.

83) Въ Перми, послѣ выхода перваго номера „Камскаго Края“, разсылавшагося подписчикамъ пріостановленнаго „Пермскаго Края“, редакція и типографія опять опечатаны.

84) Въ Москвѣ, представитель книгоиздательской фирмы „Набатъ“ г. Гинсбургъ привлекается къ судебной отвѣтственности по 128 и 129 ст. угол. улож. за сборникъ, выпущенный книгоиздательствомъ еще въ прошломъ году.

85) Въ Костромѣ, губернаторъ извѣстилъ губернскую земскую управу, что приготовленный ею къ выпуску первый номеръ „Земской Газеты“ будетъ конфискованъ, а редакторъ, предсѣдатель управы, будетъ привлеченъ къ отвѣтственности, если изъ газеты не будутъ исключены статьи о государственной думѣ и государственномъ совѣтѣ и упоминанія о Россіи, какъ о конституціонной странѣ. Редакція на такія измѣненія не согласилась, и номеръ выйти не можетъ.

86) Въ Петербургѣ, полиція при содѣйствіи агентовъ сыска переписала весь составъ сотрудниковъ журнала „Голосъ средне-учебныхъ заведеній“. Редакторъ журнала А. С. Волгина вынуждена была уѣхать за границу.

85) Тамъ же, опредѣленіемъ судебной палаты отъ 20 марта пріостановлено изданіе газеты „Русь“ за напечатаніе стихотвореній „О, Русь!“ и „Стихи Всероссійскія“. Редакторъ газеты М. Крамалей, привлеченъ къ отвѣтственности по 103 ст. и 1 п. 129 ст. уг. улож. и 181 ст. улож. о каказ.

Судебная палата въ засѣданіи 20 марта постановила пріостановить изданіе журнала „Нотокъ“—за статью „Не культурные“ и за помѣщеніе рисунка съ надписью „Вы меня осудили“ „но народъ меня оправдаетъ“ и „Истина“—за напечатаніе статей „Истина“, „Вешнія воды“ и „Жизнь“.

86) Въ Кіевѣ, сегодня вечеромъ закрыта „Кіевская Жизнь“ за обычное приглашеніе избирателей голосовать за кандидатовъ народной свободы, какъ партіи единственно оппозиціонной.

87) 20 марта около 2-хъ часовъ пролудни арестованъ на своей квартирѣ редакторъ газеты „Русь“ М. М. Крамалей.

Елисаветградъ 20—III. Генералъ-губернаторъ воспретилъ продажу нумеровъ газеты „Наша Жизнь“, а также и перепечатки изъ нея и изъ многихъ другихъ, ранѣе изъятыхъ ихъ продажи столичныхъ и провинціальныхъ газетъ.

88) Въ Полтавѣ, бывшій редакторъ „Полтавщины“, Головня, за напечатаніе безъ разрѣшенія цензуры воззванія съ порицаніемъ поручику Никотину, окружнымъ судомъ приговоренъ къ трехнедѣльному аресту на гауптвахтѣ, взамѣнъ тюремнаго заключенія.

89) Въ Москвѣ, арестованъ редакторъ газеты „Булочникъ“ Шибаевъ.

Вчера, 20 марта, въ помѣщеніе союза рабочихъ печатнаго дѣла явилась полиція и конфисковала 5-й номеръ „Печатнаго Вѣстника“.

Опредѣленіемъ судебной палаты отъ 22 текущаго марта пріостановлены изданія журналовъ „Приказчикъ“ и „Печатный Вѣстникъ“. Къ редакторамъ названныхъ журналовъ предъявлено обвиненіе по 129 ст. угол. улож.

90) Въ половинѣ второго часа ночи на 21 марта въ редакцію газеты „Русь“ явилась полиція мѣстнаго участка (1-го Казанскаго) предъявивъ

опредѣленіе с.-петербургской судебной палаты о пріостановкѣ „Руси“ впредь до судебнаго приговора по возбужденному по ст.181 улож. о наказ. 103 и 1 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул. дѣлу о напечатаніи въ газетѣ „Зарубежныхъ откликовъ“ (Стихиры россійскія) А. В. Амфитеатрова и стихотворенія В. Чолбы „О, Русь“, — прекратила работы въ типографіи А. А. Суворина.

91) Въ Тифлисѣ, распоряженіемъ генералъ-губернатора пріостановлена грузинская газета „Гантіади“ и русская „Современникъ“.

92) Въ Вильнѣ, 21 марта. Судебная палата приговорила редакторовъ газеты „Новая Заря“ Шлоссберга, за напечатаніе манифеста совѣта рабочихъ депутатовъ, къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ,— Бескина, за напечатаніе резолюціи союза наборщиковъ, къ тюремному заключенію на двѣ недѣли.

93) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ, печати 21 марта, возбуждены уголовныя преслѣдованія противъ редактора общественно-политической газеты „Корреспондентъ“ Н. Н. Кажанова по ст. 128 угол. улож., за напечатаніе въ № 2 газеты статей: „Петербургъ 21 марта“ и „Быть или не быть учредительному собранію“, противъ редактора издателя журнала „Ясная Поляна“, петергофскаго мѣщанина Василія Алексѣевича Максимова, по ст. 128 угол. улож., съ примѣненіемъ п. *а* ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; противъ редактора литературно-художественнаго политическаго журнала „Вольница“, потомственнаго дворянина Бориса Николаевича Нелидова по п. 1 ст. 129 угол. улож., по ст. 181 улож. о наказ. и по ст. 6 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года, съ примѣненіемъ п. *а* ст. 9 отд. VII того же закона.

94) Редакторъ сатирическаго журнала „Маски“ г. Плехановъ привлеченъ къ отвѣтственности по 181 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 7 редактируемаго имъ журнала стихотворенія „О блаженствѣ“.

95) Въ Петербургѣ, по распоряженію градоначальника, полиціей конфискованы въ нѣсколькихъ книжныхъ магазинахъ брошюры: „Гдѣ выходъ?“ Л. Толстого, „Наши требованія“ А. К. Ерманскаго, „Наши ближайшія требованія и конечная цѣль“ и „Разсказы изъ русской исторіи“ Л. Шишко. Въ другихъ магазинахъ отобрана подписка въ томъ, что книги эти не будутъ выпущены въ продажу.

Тамъ же по распоряженію с.-петербургскаго градоначальника, полиція отбирала у газетчиковъ № 18 „Молва“, отъ 22 марта.

96) Тамъ же полиціей дѣятельно конфисковался у разносчиковъ только-что вышедшій № 6 художественно-сатирическаго журнала „Зарницы“. Номеръ журнала этого всецѣло посвященъ памяти растрѣляннаго на островѣ Березани борца за свободу лейтенанта П. П. Шмидта.

97) Въ Харбинѣ, бывшій редакторъ пріостановленной газеты „Харбинскій Листокъ“ Ровенскій преданъ военно-окружному суду за оскорбленіе Величества и за пропаганду среди войскъ къ неповиновенію рядомъ статей.

98) Въ Москвѣ полиція конфисковала 9 номеръ газеты „Путь“.

99 Въ Екатеринославѣ, третій номеръ малорусскаго журнала „Добра Порада“ конфискованъ.

100) Въ Петербургѣ 26 марта въ помѣщеніи редакціи „Рабочей

Мысли", на Невскомъ пр. № 139, полиція произвела тщательный обыскъ, причемъ опечатаны и забраны не только рукописи и документы, относящіеся къ дѣламъ редакціи (напримѣръ, разрѣшительное свидѣтельство на право изданія), но и всѣ прежде вышедшіе номера „Рабочей Мысли", по крайней мѣрѣ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ. Обыскъ произведенъ по предписанію жандармскаго управленія.

101) Въ Читѣ, 26 марта. Администраціей закрыта газета „Даурскій Вѣстникъ" по обвиненію въ возбужденіи населенія противъ военныхъ.

102) Въ Екатеринбургѣ, губернаторомъ закрыта „Екатеринбургская Газета", органъ кадетовъ.

103) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждены уголовныя преслѣдованія: 1) противъ редактора-издателя гаеты „Современная Жизнь" П. П. Сойкина, по ст. 6 отд. VIII закона 24 ноября 1906 г.; 2) противъ редактора газеты „Наша Жизнь" В. Водовозова, по ст. 1040 улож. о наказ., и 3) противъ редактора журнала „Отклики Фармацевта" магистра фармаціи Б. А. Бродскаго, по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года.

104) Въ Екатиринославѣ, 27 марта послѣ освященія редакціи и типографіи новой газета „Южная Заря" явилсь полиція, произвела обыскъ. Помощникъ редактора, попросившій у пристава предъявленія приказа, получилъ отвѣтъ: „Я самъ приказъ". Ничего въ типографіи не обнаружено. Первый номеръ не успѣлъ выйти.

105) Въ Петербургѣ въ ночь на 24-е марта въ типографію газетъ „Русь" и „Молва", явнлась вооруженная полиція и запечатала типографію. „Молва" не вышла.

107) Въ Петербургѣ, 24 марта въ окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію редактора сатирическаго журнала „Водоворотъ" инж. Мендельсона въ оскорбленіи войскъ. Обвиняемый—безъ рукъ и ногъ и былъ привезенъ въ залу суда въ коляскѣ, откуда и давалъ свои объясненія. Защищалъ подсудимаго прис. пов. Марголинъ. Судъ приговорилъ г. Мендельсона къ 4-хъ мѣсячному тюремному заключенію.

108) Въ Одессѣ, жандармское управленіе окончило разслѣдованіе дѣла о конфискованномъ номерѣ журнала профессора Лысенкова „Свободная Школа". Къ профессору предъявлено обвиненіе о призывѣ къ вооруженному возстанію. Онъ предается военному суду по особому распоряженію ген. Карангозова, по 132 статьѣ. Протестъ проф. Лысенкова, указавшаго, что 132 статья не изъята ген. Карангозовымъ изъ компетенціи гражданскаго суда, оставленъ безъ вниманія. Дѣло передано военному прокурору. Лысенкова обязали подпиской о невыѣздѣ.

109) Въ Тифлисѣ, въ послѣдній мѣсяцъ закрыты генералъ-губернаторомъ газеты: „Новое Обозрѣніе", дважды „Возрожденіе", „Кавказское Утро", „Современникъ", „На поворотѣ", грузинскія: „Схивы", „Гантіади Патара", сатирическій журналъ „Кукареку".

110) Въ Петербургѣ, разобрано дѣло по обвиненію редактора-издателя сатирическаго журнала „Сигналъ" сына купца Николая Корнѣй-Чуковскаго. Постановленіемъ палаты, объявленнымъ при открытыхъ дверяхъ, Корнѣй-Чуковскій признанъ виновнымъ и приговоренъ къ 6-мѣсячному заключенію въ крѣпость съ воспрещеніемъ навсегда изданія журнала

„Сигналъ“, и въ теченіе 5 лѣтъ принимать на себя званіе редактора-издателя.

111) Тамъ же въ особомъ присутствіи судебной палаты заслушано дѣло о мѣщ. Федорѣ Зиминѣ, редакторѣ-издателѣ сатирическаго журнала „Оводъ“. Палата признала Зимина виновнымъ и приговорила его къ 6-мѣсячному тюремному заключенію съ воспрещеніемъ журнала „Оводъ“ навсегда. Въ теченіе 5 лѣтъ Зимину воспрещено принимать на себя званіе редактора и издателя какого бы то ни было изданія.

112) Тамъ же 22 марта въ особомъ присутствіи с.-петербургской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей заслушано дѣло по обвиненію редактора-издателя еженедѣльнаго журнала „Нужды деревни“ за помѣщеніе въ № 1 статьи „Ближайшія задачи общественной работы о деревнѣ“.

Послѣ двухминутнаго совѣщанія судебная полата оправдала А. П. Мертваго.

113) Въ Петербургѣ кромѣ редактора-издателя журнала „Наканунѣ“ В. К. Агафонова, судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ г. Зайцевъ привлекъ къ отвѣтственности г. Тана за статью „Черные московскіе дни“, Вл. Беренштама за статью „Она притворялась“ и г. Петрищева за „Общественный фельетонъ“. За г. Агафонова слѣдователь потребовалъ поручительство въ размѣрѣ 1,000 рублей, а съ г. Тана взята подписка о невыѣздѣ.

114) Въ Петербургѣ, слѣдственное производство по дѣлу о редакторахъ журнала *„Крестьянинъ и Рабочій“* гг. Кривошеинъ и Панченко за кончено и поступило въ судебную палату. Обвиненіе предъявлено по 51 и 1 п. 129 ст. за напечатаніе въ № 1 редактируемаго имъ журнала статьи „Что требуетъ сознательный рабочій“. Этотъ номеръ журнала былъ конфискованъ полиціей почти въ полномъ количествѣ напечатанныхъ экземпляровъ, и лишь самая незначительная часть послѣднихъ была распродана.

115) Въ Петербургѣ судебная палата приговорила редактора-издателя сатирическаго журнала „Девятый Валъ“ Усасъ къ 2-хъ мѣсячному заключенію въ крѣпость та то, что выпустилъ этотъ журналъ вполнѣ тождественнымъ по редакціи и составу сотрудниковъ съ запрещеннымъ ранѣе судебной палатой журналомъ „Свобода“; по обвиненію же по 129 статьѣ Усасъ и соредакторы были оправданы,

116) Тамъ же, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлечены къ отвѣтственности редакторы журналовъ; 1) „Соціалистическая библіотека“ г. Яковенко за напечатаніе въ № 2 названнаго журнала „Завоеваніе хлѣба“ соч. П. Кропоткина. Переводъ съ французскаго. Обвиненіе предъявлено по 1 и 2 п. 129 ст. угол. улож. и 2) „Печатный Вѣстникъ“ г. Орлова за напечатаніе статей „Тысяча и одинъ“ и „Выборы 5 марта“. Обвиненіе предъявлено по 1 п. 129 ст. угол. улож.

117) Тамъ же къ автору конфискованной на дняхъ брошюры „О еврейской соціалъ-демократіи“ г. Идельсону предъявлено обвиненіе по 1 п. 129 ст. уг. улож.

119) По распоряжснію администраціи конфискуется брошюра г. Асина „Преступники“, написанная по поводу декабрьскихъ событій въ Москвѣ.

*

120) Въ Петербургѣ участковой полиціей былъ произведенъ внезапный *обыскъ въ типографіи Монтвида.* Полиціей конфискованъ только что отпечатанный первый номеръ журнала „Освобожденная Мысль“.

121) Главное управленіе по дѣламъ печати возбудило вопросъ объ изъятіи изъ продажи отпечатаннаго на дняхъ романа Швейцера „Эмма“. Романъ этотъ находился подъ запрещеніемъ 35 лѣтъ, а вторая часть романа въ 1873 г. по постановленію совѣта министровъ была сожжана.

122) Въ Твери 29 марта. По распоряженію вице-губернатора Хитрово, произведенъ обыскъ въ земскомъ книжномъ складѣ. Конфисковано нѣсколько тысячъ мелкихъ брошюръ, но имѣющихъ помѣтки о дозволеніи цензуры.

123) Въ Варшавѣ. Распоряженіемъ генералъ-губернатора пріостановлено изданіе юмористическаго журнала „Мотыль“ на время военнаго положенія и конфискованъ 10-й номеръ „Заржева“.

124) Въ Петербургѣ 29 марта, *въ редакцію „Современной Жизни“ явилась полиція* съ цѣлью конфисковать 64 № этой газеты, вслѣдствіе помѣщеннаго въ ней стихотворенія Вл. Рябова-Бѣльскаго: „Не отступай прадъ злобой дикой самодержавія рабовъ“. Но къ этому времени всѣ экземпляры успѣли уже разойтись,

125) Въ Петербургѣ опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 29 текущаго марта, *пріостановлено изданіе журнала „Рабочій Вѣстникъ“* за напечатаніе въ № 1 журнала стихотворенія „Передъ концомъ“ и статьи „Месть“. Къ редактору А. А. Соловьеву предъявляется обвиненіе по 1 и 2 п. п. 129 ст. угол. улож.

126) Въ Тифлисѣ. Редактору-издателю пріостановленной грузинской газеты „Цнобисъ Пурцели“ А. Г. Джабадари объявлено черезъ газету „Кавказъ“ распоряженіе генералъ-губернатора въ трехдневный срокъ выѣхать изъ предѣловъ тифлисскаго генералъ-губернаторства.

127) Въ Варшавѣ, въ варшавской судебной палатѣ слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло редактора „Газеты Варшавской“ Лешновскаго, обвиняемаго въ помѣщеніи статей: „Отзывъ московскаго комитета всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза“ и „Дѣла арміи“. Подсудимый приговоренъ къ штрафу въ 300 рублей.

128) Въ Варшавѣ, редакторъ юмористическаго журнала „Пекло“ Пудловскій, по распоряженію генералъ-губернатора, высылается административнымъ порядкомъ изъ предѣловъ Царства Польскаго на все время дѣйствія военнаго положенія.

129) Въ Петербургѣ 30 марта, полиція явилась въ типографію Исидора Гольдберга для *ареста вышедшаго въ этотъ день № 5 еженедѣльнаго журнала „Вѣсть“.* Отпечатанные къ этому времени экземпляры „Вѣсти“ были уже препровождены въ контору редакціи, куда и отправилась полиція. Но къ приходу полиціи въ конторѣ изъ доставленныхъ 14 тысячъ экземпляровъ въ наличности оказалось только 109, которые и были конфискованы.

130) Московскимъ цензурнымъ комитетомъ запрещены брошюры: Ф. Ф. Кокошкина—1) О правахъ національности и 2) Конституціонно-демо-

кратическая партія передъ судомъ союза 17-го октября, и профессора Шершеневича—О народномъ представительствѣ.

131) Противъ редактора хулиганской и черносотенной газетки „Вѣче“ возбуждено преслѣдованіе по 103 ст. за напечатанную въ газетѣ миѳическую бесѣду Государя Императора съ его камердинеромъ. Скрывавшійся подъ псевдонимомъ издатель этой газетки оказался нѣкіемъ Оловянниковымъ, сборщикомъ объявленій въ изданіяхъ извѣстнаго Шарапова.

132) Въ Петербургѣ. Къ радактору „Право“ В. Гессену обвиненіе предъявлено по 1, 2 и 5 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 22—1905 г. редактируемаго г. Гессеномъ журнала слѣдующихъ статей: „Постановленіе собранія офецировъ, военныхъ врачей и военныхъ чиновниковъ читинскаго гарнизона“, „Заявленіе офицеровъ второго пѣхотнаго читинскаго полка“. „Резолюція петербургской интеллигенціи изъ армянъ и мусульманъ“, и „Постановленія аграрнаго совѣщанія кременчугской земской управы съ участіемъ крестьянъ.

133) Въ Оренбургѣ. Изъ вышедшихъ номеровъ газеты “Нашъ край“ три конфискованы. Редакторъ землемѣръ Большаковъ арестованъ и къ нему предъявлено обвиненіе по 129 ст.

134) Въ Петербургѣ. Редакторъ финской газеты. „Uusi Inkeri“ г. I. Тюнинъ призывался судеб. слѣдов. какъ обвиняемый по 2 п. 129 ст.

Соиздателю г. Горшкова П. Васильеву по дѣлу „Рабочаго Голоса“ предъявлено обвиненіе по 129 ст.

135) Въ Варшавѣ преданъ суду сотрудникъ газеты „Срочный Телеграфъ“ за отчетъ о гомельскомъ погромѣ.

136) Редакторъ армянской газеты „Аршалуисъ“ привлеченъ съ судебной отвѣтственности за напечатаніе въ газетѣ прокламаціи армянскаго комитета соц. дем. партіи.

137) Бывшій ред. газ. „Степной Край“ Н. И. Усовъ преданъ суду омской суд. палаты по обвиненію по 2 п. и 5 п. 129 ст. за помѣщеніе въ „Степномъ Краѣ“ отчета о митингѣ, разрѣшенномъ губернаторомъ, и за перепечатку изъ газеты „Сынъ Отечества“.

138) Въ Нижнемъ-Новгородѣ редакторъ-изд. газеты „Утро“ Соболевъ приговоренъ на 11 мѣс. въ крѣпость, газета „Утро“ прекращена навсегда.

* * *

139) Pour la bonne bouche: 28 февраля Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ сотруднику „Московскихъ Вѣдомостей“ Льву Тихомирову за сочиненіеего, которое онъ имѣлъ счастіе поднести Его Императорскому Величеству, подъ заглавіемъ „Монархическая Государственность“—серебряную чернильницу съ государственнымъ гербомъ.

Отчетъ общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ за мартъ 1906 г.

(Годъ существованія общества XXVI).

Остатокъ на 1 марта 1906 г. 1,962 руб. 33½ коп. и 25 лиръ.

ПРИХОДЪ.

Отъ NN 14 руб. 21 коп., отъ NN гонораръ за статью 10 руб. 70 коп., черезъ „Н. Ж.“ 185 р. 70 к. отъ Е. М. 3 р., отъ Е. М. съ частной лотереи 40 руб., съ зубоврачебныхъ курсовъ 35 р., собранныя черезъ Я. Я. Б. 12 р. 23 к., отъ чиновниковъ министр. финанс. 13 р. 50 к., отъ балъ-базара въ Харбинѣ въ пользу пострадавшихъ и семей убитыхъ во время безпорядковъ 3,732 руб., изъ комиссіи по амнистіи 500 руб., по листу изъ ред. „Былое“, отъ Е. Н. О. 2 руб. 37 коп., отъ W. L. 100 р., отъ NN 2 р., отъ бугурусланскихъ врачей 150 руб., отъ В. С. Панкратова 10 р., проценты съ литер. гонорара 10 р. 50 к., отъ рыбинскаго кружка сценич. объедин. 7 р., отъ Ю. черезъ В. П. А. 25 р., отъ Н. Я. 10 р., черезъ М. Н. Я. спеціально 20 р., отъ И. въ пользу пострад. почт.-тел. чиновниковъ 1 р. 25 к., черезъ А. А. К. 1 р., спеціально для высылаемыхъ 75 р., отъ Д. С. 100 р., вмѣсто подарка счастливой невѣстѣ 100 р., черезъ Д. для безработныхъ 10 р., отъ продажи 25 лиръ 7 руб. 50 коп. Итого 7,090 руб. 31½ коп.

РАСХОДЪ.

Въ тюрьмы 2454 р. 50 к., пасхальная передача 94 р. 49 к., одежда и бѣлье 41 р. 35 к., книги для заключ. 2 р. 25 к., провизія 14 р. 33 к., Л. для Я—ой 25 р., семьямъ заключенныхъ 1752 р., высланнымъ и высылаемымъ 605 р. 18 к., освобожденнымъ 87 р., спеціальный расходъ 90 р., пострадавшимъ 35 р., въ провинцію (высланнымъ) 230 р., ссуды разнымъ лицамъ 65 р., разные расходы 27 р. 11 к. Итого 5523 р. 17 к.

Остатокъ на 1-ое апрѣля 1906 года: 1567 р. 14½ к.

Хотя остатка числится болѣе 1500 р., но съ 1 апрѣля были новые расходы и въ дѣйствительности въ кассѣ общества имѣется всего не болѣе 200 р. Между тѣмъ потребность въ расходахъ растетъ: хотя на Пасхѣ и были выпущены изъ тюремъ многіе, но мѣста ихъ тотчасъ же оказались занятыми другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ на обязанности общества лежитъ забота и о семьяхъ лицъ, страдающихъ въ освободительной борьбѣ, и эта потребность все болѣе и болѣе возрастаетъ. Отсюда понятно, сколь важнымъ продолжаетъ быть содѣйствіе и помощь дѣлу „общества“ со стороны всѣхъ тѣхъ, кто сочувствуетъ его цѣлямъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Книгоиздательство „КУЛЬТУРА“.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе **П. Е. Щеголева.**

XVI + 240 стр. Цѣна **1** рубль.

Складъ изданія—книжный магазинъ «КУЛЬТУРА», С.-Петербургъ, Загородный, 28.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ большого формата съ 4 портретами

(около **400** печ. лист.).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

ПОДПИСКА—принимается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (**СПБ.**—Литейный пр., 46; **Москва**—Моховая ул., д. Бажанова; **Варшава**—Новый свѣтъ, 69; **Вильна**—Большая ул., д. Гордона), а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА—по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдней книги 15 руб. безъ пересылки и 20 руб. съ пересылкою; по выходѣ въ свѣтъ послѣдней книги цѣна будетъ повышена. Книжные магазины и всѣ, имѣющіе надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (СПБ., Литейный пр., 46).

РАЗСРОЧКА—подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ:
1) для **городскихъ** подписчиковъ: при подпискѣ уплачивается 2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; при полученіи слѣ-

дующихъ 5 книжекъ — по 2 р. за каждую, а всего 15 р. Остальныя 4 книжки выдаются безплатно.

2) для **иногороднихъ**: при подпискѣ—2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; за послѣдующія 7 книжекъ уплачивается по 2 р. и за девятую—1 р., а всего 20 р.—Десятая книжка выдается безплатно.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ. — Для удобства изданія книги будутъ выходить въ свѣтъ не по порядку нумераціи томовъ. Каждое первое число будетъ выходить по книжкѣ. Все изданіе будетъ закончено осенью 1906 г.

ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА"

(ПОСВЯЩЕННЫЙ ОБЩЕСТВЕННОМУ ДВИЖЕНІЮ ВЪ РОССІИ).

Адресъ редакціи и конторы — Спасскій пер., д. 5, кв. 1.

Вышелъ № 1-ый. Въ немъ помѣщены:

«Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в. Сборникъ извлеченныхъ изъ оффиціальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** Томъ первый 1825—1876 гг. Цѣна **1** р. **50** к.

Въ книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь" (Спасскій, 5)

Поступили въ продажу

а) Картины изъ французской революціи:

1) Взятіе Тюльери. 2) Столкновеніе республиканцевъ съ вандейцами. 3) Защита позиціи. 4) Наполеонъ въ совѣтѣ 500. 5) Клятва въ національ. собраніи. 6) Разстрѣлъ коммунаровъ и др.

б) Картины съ выставокъ 1906 г.:

1) Послѣ погрома. 2) Очистка площади. 3) Обыскъ. 4) „Не ходи". 5) „Вы жертвою пали..." 6) Случайная жертва. 7) „Безумство храбрыхъ..."

в) Портреты:

1) Крапоткинъ. 2) Лавровъ. 3) Морозовъ. 4) Волкенштейнъ. 5) Петрашевскій и др.

г) Отдѣльныя картины:

1) Свобода ведетъ народъ. 2) Стачка углекоповъ. 3) Забастовщикъ и др. Цѣна 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906-й ГОДЪ на ГАЗЕТУ

„ГОЛОСЪ СИБИРИ"

выходящую въ г. Красноярскѣ, Енисейской губерніи, по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ.

Газета посвящается разработкѣ текущихъ злободневныхъ вопросовъ русской жизни въ связи съ мѣстными особенностями края. Особенное вниманіе будетъ обращено на вопросы сибирской жизни и теоретическое обоснованіе областничества.

Газета ставитъ себѣ задачей способствовать осуществленію въ Россіи конституціи, основанной на слѣдующемъ принципѣ: законодательная власть принадлежитъ народу въ лицѣ его представителей, избираемыхъ всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ; исполнительная власть контролируется народными представителями и отвѣтственна предъ ними.

Въ сферѣ экономической — защиту трудящихся массъ.

Въ газетѣ обѣщали принять участіе слѣдующія лица: В. И. Анучинъ, І. Ю. Березовскій, Д. А. Грудининъ, Ф. Ф. Дудкевичъ, В. А. Зубовъ. И. Ф. Іорданскій, В. А. Колосовъ, Вл. М. Крутовскій, Вс. М. Крутовскій, А. П. Кузнецовъ, А. П. Кузнецовъ (пом. присяж. пов.), И. Е. Козловъ, П. Н. Кусковъ, Д. Е. Лаппо, В. П. Любимовъ, Я. А. Макеровъ, Д. К. Нюбергъ, С. Н. Нюбергъ, А. Ф. Пальмовъ, Г. Н. Потанинъ, Ф. П. Романовъ (Рыбакъ-Манскій). А. А. Саввиныхъ, Ф. Ф. Филимоновъ (Дѣдушка Ѳаддей), А. Р. Шнейдеръ, А. А. Яриловъ и друг.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкою: **для городскихъ подписчиковъ** годъ 6 руб., полгода 3 р. 50 коп., одинъ мѣсяцъ 60 коп; **для иногороднихъ**: годъ 7 руб., полгода 3 р. 50 коп., мѣсяцъ 60 коп. Отдѣльные номера по 5 коп.

Подписавшіеся на годъ до 1 января получаютъ газету со дня подписки.

Подписка на газету и обявленія для иногороднихъ принимается: въ конторѣ газеты—Красноярскъ, Гимназическій переулокъ, домъ Гуляевой.

Редакторъ **Вс. Крутовскій.**

Съ 5-го февраря 1906 г. въ г. Кіевѣ

ВЫХОДИТЪ

большая ежедневная, политическая и литературная газета

„ОТГОЛОСКИ ЖИЗНИ“

издаваемая при участіи мѣстныхъ и столичныхъ литературныхъ силъ въ форматѣ и по программѣ большихъ политическихъ газетъ.

Обширныя телеграммы и сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга, Москвы, Одессы, Варшавы и изъ главныхъ городовъ Европы.

Широкая разработка мѣстныхъ вопросовъ. Собственные корреспонденты въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и крупныхъ пунктахъ нашего края.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ 9 руб., на 6 мѣс. 4 руб. 50 коп., на 3 мѣс. 2 руб. 50 коп., на 2 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 90 к.

За границу: на годъ 14 руб., нэ 6 мѣс. 7 руб. 25 коп., на 3 мѣс. 3 руб. 75 коп., на 2 мѣс. 3 р. и на 1 мѣс. 1 руб. 50 коп.

Пріемъ объявленій и подписки на „ОТГОЛОСКИ ЖИЗНИ“ принимается: **въ Главной Конторѣ** газеты, **Крещатикъ** д. № 41 (противъ Фундуклеевской), кв. 17, и въ отдѣленіяхъ конторы: 1) при редакціи „ОТГОЛОСКОВЪ ЖИЗНИ“, **Мало-Житомирская ул., домъ № 6**, и 2) при книжномъ магазинѣ **С. И. Иванова**, Фундуклеевская домъ № 2.

«Отголоски Жизни» высылаются подписчикамъ временно пріостановленной газеты ***«КІЕВСКІЕ ОТКЛИКИ».***

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

5) Историческая библіографія.

6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуринскій, В. Я. Богучарскій; А. К. Бороздинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Бѣлоконскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); П. И Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Водовозовъ: Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ; Л. Н. Клейнбортъ; Д. А. Клеменцъ; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костюринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; І. Д. Лукашевичъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляпкій; И. И. Майновъ; О. С. Миноръ; И. Л. Манучаровъ; М. Маньковскій; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милюковъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсянико-Куликовскій; Г. Ф. Осмоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; Н. А. Рубакинъ: А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; М. Н. Тригони; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковскій; В. М. Черновъ; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шишко; Л. Я. Штернбергъ; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ, ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на 1/2 года—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская *улица*, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { **В. Я. Богучарскій.**
П. Е. Щеголевъ.

Издатель **Н. Е. Парамоновъ.**

Отъ Редакціи.

Кромѣ окончанія статей **М. К. Лемке** (Дѣло Чернышевскаго) и **Н. П. Павлова-Сильванскаго** (Пестель предъ Верх. Угол. Судомъ), въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предположены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣд. статьи: **П. Е. Щеголевъ**—Агитаціонная литература декабристовъ и С. И. Муравьевъ-Апостолъ (историко-психологическій этюдъ): **С. А. Иванова**—Первая типографія «Народной Воли»; **N. N.**—Послѣдней день И. П. Каляева; **О. С. Любатовичъ**—Воспоминанія. **А. П. Виташевскій**—Централка (изъ воспоминаній); **М. В. Новорусскій**—Изъ воспоминаній; **И. С. Джабадари**—«Въ неволѣ». **А. А. Спандони**—Изъ воспоминаній (о процесѣ В. Н. Фигнеръ, Дегаевщинѣ и пр.); **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній (о Липецкомъ съѣздѣ народовольцевъ въ 1879 г.); **М. Р. Поповъ**—Изъ воспоминаній (о Воронежскомъ съѣздѣ землевольцевъ въ 1879 г.); **М. Ю. Ашенбреннеръ**—Изъ воспоминаній (о военно-революціонной организаціи); **А. В. Тырковъ**—Изъ воспоминаній (о событіи 1 марта 1881 г.); **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній («Побѣгъ Алеши Поповича»); **С. А. Ивановъ**—Изъ воспоминаній; **М. Н. Тригони**—Изъ воспоминаній; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **О. С. Миноръ**—Драма 1889 года въ Якутскѣ; **А. Л.**—Организація «Рабочее Знамя»; **М. К. Лемке**—Процессы Н. А. Серно-Соловьевича, П. А. Мартьянова и В. А. Обручева (по подлиннымъ дѣламъ). Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: Н. А. Серно-Соловьевича, П. И. Войнаральскаго, П. А. Алексѣева, Н. В. Чайковскаго, В. А. Осинскаго, Д. А. Лизогуба, П. В. Бардовскаго, С. Куницкаго, М. Р. Ланганса, Н. И. Колодкевича, С. М. Кравчинскаго, Н. Л. Зотова, А. Л. Гаусмана, Л. М. Коганъ-Беренштейна, В. Н. Фигнеръ, Г. А. Лопатина, Н. А. Морозова и др., рисунокъ Вилюйской тюрьмы, въ которой жилъ Чернышевскій, виды карійской и акатуйской каторги, и проч.

— —

3 8198 319 173 173
THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO